с136
i 455-2

Да въси христолюбче и боголюбче. Яко всѣм христіанскам царства придоша в конец. И снидошася во едино царство нашего государь. По пророческим книгам. То есть Российское Царство. Два убо рима падоша. А третій стоитъ. А четвертому небыти.

Изъ посланія старца Елизарова монастыря Филоѳеѣ къ дьяку Мисюрю Мунехину.

Сказанія Русской земли.

Часть вторая.

Отъ раздѣленія власти на Руси при сыновьяхъ Ярослава Мудраго до конца великаго княженія Димитрія Іоанновича Донского.

съ рисунками, картами и планами.

составилъ
Александръ Нечволодовъ
Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества.

Изданіе третье.

С-Петербургъ.
Государственная Типографія.
1913 г.

Сказанія
Русской
Земли.
составилъ
Александръ Неволодовъ.
Часть вторая.
С. Ягужинскій 1913.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

1. Княжеская усобица.

Съ древней иконы чуда Знаменія Божьей Матери, принадлежащей Кіевской Духовной Академіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Раздѣленіе власти на Руси при сыновьяхъ Ярослава Мудраго. Причина этого раздѣленія. Княженіе въ Кіевѣ Изяслава. Начало усобицъ. Половцы. Первое изгнаніе Изяслава изъ Кіева. Побѣда Святослава надъ Половцами на р. Сновѣ. Первое возвращеніе Изяслава. Его вторичное изгнаніе. Святославъ. Вторичное возвращеніе Изяслава. Битва на Нѣжатиной нивѣ. Княженіе въ Кіевѣ Всеволода и его кончина. Святые Іоаннъ, Исаія и Авраамій.

ВЪ ПЕРВОЙ части «Сказаній о Русской Землѣ» мы познакомились съ жизнью нашихъ предковъ съ временъ отдаленнѣйшей древности до созданія ими въ половинѣ одиннадцатаго вѣка по Рождествѣ Христовомъ славной и могучей Руси подъ рукою великаго князя Ярослава Мудраго.

При этомъ мы видѣли, что первоначально, разселившись по Русской Землѣ, Славяне еще весьма долгое время продолжали жить отдѣльными племенами, въ которыхъ происходили нескончаемыя родовыя усобицы; что эта взаимная вражда довела ихъ до порабощенія сосѣдями: Обрами, Хозарами и Варягами, и что только въ 862 году, Ильменскіе Славяне, желая положить предѣлъ своимъ родовымъ распрямъ, рѣшили поставить надъ собою высшую власть, для чего и обратились къ постороннему роду, а именно къ Русскому княжескому роду—Рюрика съ братьями, и пригласили ихъ на княженіе.

Затѣмъ мы видѣли, что подъ властью призванныхъ князей Земля Русская стала быстро устраиваться и крѣпнуть, и менѣе, чѣмъ черезъ два вѣка, она заняла уже почетное мѣсто среди всѣхъ остальныхъ Европейскихъ Державъ того времени, при чемъ этому быстрому расцвѣту своего могущества предки наши были всецѣло обязаны своему мудрому рѣшенію—объединиться подъ верховною властью призванныхъ князей.

Однако, знакомясь съ быстрымъ ростомъ Руси послѣ призванія князей, мы видѣли, что и при нихъ бывали иногда тяжкія времена, и именно тогда, когда одновременно княжило нѣсколько князей-братьевъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою долю въ Русской Землѣ.

2. Завѣщаніе Ярослава Мудраго

Изъ рѣдкой книги начала XIX вѣка—„Живописный Карамзинъ".

Такъ, тяжкія усобицы были послѣ смерти Святослава: Ярополкъ поднялся на брата своего Олега, вскорѣ убитаго, а затѣмъ и самъ погибъ отъ руки младшаго брата—Владиміра, который только послѣ этого братоубійства сталъ единовластно править Русскою Землею. То же повторилось и послѣ кончины святого Владиміра; сейчасъ же между его сыновьями началась жестокая усобица изъза власти, причинившая Землѣ столько зла: Святополкъ Окаянный погубилъ святыхъ Бориса и Глѣба и Святослава, водилъ Поляковъ на Кіевъ, затѣмъ самъ погибъ послѣ жестокой борьбы съ Ярославомъ, а Ярославъ, въ свою очередь, воевалъ еще не мало и съ удалымъ своимъ братомъ Мстиславомъ и помирился съ нимъ только въ 1025 году, спустя десять лѣтъ послѣ смерти отца, и только послѣ этого примиренія началась славная для Руси пора княженія Ярослава.

Однако, несмотря на столь бѣдственные примѣры, какъ изъ жизни своихъ предковъ, такъ и собственныхъ, мы видимъ, что, умирая, мудрый Ярославъ опять дѣлитъ власть надъ Русской Землею между пятью своими сыновьями. «Вотъ я отхожу изъ этого свѣта, дѣти мои!», завѣщалъ онъ имъ передъ смертью, «любите другъ друга, потому что вы всѣ братья род-

ные, отъ одного отца и одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами. Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть другъ друга, то и сами погибнете, и погубите Землю отцовъ и дѣдовъ, которую они пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, слушаясь другъ друга. Свой столъ Кіевъ—поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему Изяславу. Слушайтесь его, какъ меня слушались. Пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто отца. Святославу даю Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Вячеславу—Смоленскъ, Игорю—Владиміръ; каждый да будетъ доволенъ своею частью; если же кто захочетъ обидѣть брата своего, то ты, Изяславъ, помогай обиженному».

Изъ этого завѣщанія ясно видно, что, раздѣляя власть надъ Землею между пятью сыновьями, Ярославъ вполнѣ сознавалъ, какая огромная опасность грозитъ Руси и его наслѣдникамъ, если они не будутъ жить въ мирѣ между собой; вмѣстѣ съ этимъ, ясно видно также, что Ярославъ, несмотря на даваемый завѣтъ, ожидалъ возникновенія между сыновьями раздоровъ, такъ какъ онъ тутъ же добавилъ: «если же кто захочетъ обидѣть брата своего, то ты, Изяславъ, помогай обиженному».

Почему же, сознавая все это, Ярославъ все-таки раздѣлилъ власть надъ Землею между всѣми сыновьями, а не передалъ ее полностью одному изъ нихъ?

Разсмотрѣніе этого вопроса имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ оно поможетъ намъ понять не только порядки, которые были въ тѣ времена на Руси относительно княжеской власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно дастъ намъ также возможность уяснить себѣ, при дальнѣйшемъ изученіи жизни Русскаго народа, какимъ путемъ и почему впослѣдствіи создалась у насъ на Руси именно та Царская власть, которой пользуются наши Самодержавные Государи въ настоящее время.

Прежде всего необходимо сказать, что въ тѣ времена, когда создавалась Русь при первыхъ князьяхъ, еще не было вовсе какихъ-либо точно опредѣленныхъ, или прочно установившихся порядковъ какъ относительно самой княжеской власти надъ Землею, такъ и относительно наслѣдованія этой власти; и не было этого именно потому, что Государство наше при первыхъ князьяхъ еще только создавалось, почему въ немъ, конечно, и не могло быть по этимъ вопросамъ какихъ-либо твердо установившихся законовъ, сложившихся на основаніи вѣковаго опыта и наилучше всего приноровленныхъ къ потребностямъ страны и ея народа. Поэтому, въ дѣлѣ передачи своихъ правъ наслѣдникамъ, наши первые князья, поневолѣ, должны были руководствоваться тѣми понятіями, которыя господствовали по этому вопросу во всѣхъ Славянскихъ племенахъ того времени.

Понятія же эти были таковы, что верховная власть принадлежала не одному лицу, а всему княжескому роду.

На этомъ основаніи и въ 862 году Ильменскіе Славяне пригласили на княженіе не одного Рюрика, а весь его родъ: «придите княжить и владѣть нами», и только вслѣдствіе совершенно случайныхъ обстоятельствъ

у насъ, отъ призванія Рюрика до кончины Ярослава Мудраго, князья почти все время правили единовластно. Этими случайными обстоятельствами были: ранняя кончина братьевъ Рюрика—Синеуса и Трувора, отсутствіе у Рюрика другихъ сыновей, кромѣ Игоря, а у Игоря—другихъ дѣтей, кромѣ Святослава, затѣмъ гибель въ юныхъ лѣтахъ Олега и Ярополка и, наконецъ—убіеніе тотчасъ же послѣ кончины святого Владиміра—святыхъ Бориса и Глѣба и Святослава.

Послѣ же кончины Ярослава Мудраго, только что указанныя случайныя обстоятельства, приводившія къ единовластію надъ Землею, больше не повторялись. Наоборотъ, княжескій родъ сталъ быстро разростаться; власть надъ Землею распредѣлялась вслѣдствіе этого между все большимъ и большимъ числомъ лицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе росли усобицы между ними. Усобицы эти влекли за собою, разумѣется, постепенный упадокъ нашего могущества, которое было затѣмъ въ конецъ уничтожено грознымъ нашествіемъ Татаръ, и только послѣ нѣсколькихъ столѣтій тягчайшихъ испытаній, постепенно установилось на Руси прочное единовластіе, а съ нимъ вмѣстѣ быстро возросли и прежнія мощь и величіе нашей Родины.

Такимъ образомъ, желая изучать жизнь Русскаго народа, мы необходимо должны изучать и всѣ измѣненія, которыя происходили въ теченіе вѣковъ въ порядкѣ властвованія надъ Русской Землею.

При этомъ, конечно, слѣдуетъ одинаково подробно изучать какъ блестящія и славныя времена нашей Родины, такъ и тяжкія годины невзгодъ, усобицъ и пораженій. Это совершенно необходимо, чтобы имѣть возможность сознательно и съ пользою служить своему Отечеству, такъ какъ только основательное знаніе прошлаго своей страны помогаетъ понять настоящее и объясняетъ задачи будущаго.

Передъ тѣмъ, чтобы приступить къ повѣствованію о событіяхъ при преемникахъ Ярослава Мудраго, событіяхъ, которыя заключались главнымъ образомъ въ усобицахъ, необходимо прежде всего замѣтить, что мы должны очень остерегаться отъ поспѣшнаго осужденія лицъ, замѣшанныхъ въ этихъ усобицахъ. Надо всегда помнить, что они жили за много вѣковъ до настоящаго времени и что наши понятія по многимъ вопросамъ очень отличаются отъ тѣхъ, которыя считались тогда единственно правильными. Въ тѣ времена никто, ни среди князей, ни среди народа, не могъ постигнуть, чтобы было возможно передавать всю власть надъ Землею только одному лицу въ княжескомъ родѣ, вовсе лишивъ власти надъ нею остальныхъ членовъ этого рода.

При этомъ, какъ мы уже говорили, какихъ-либо прочно установившихся законовъ относительно распредѣленія верховной власти между разными членами княжескаго рода не было; по существовавшимъ же общимъ понятіямъ о родовыхъ отношеніяхъ у Славянъ, власть князей нашихъ надъ Землею должна была распредѣляться такъ: старшему князю въ цѣломъ родѣ принадлежалъ и старшій столъ—Кіевскій; онъ одинъ, еще со временъ

Олега, именовался въ торжественныхъ случаяхъ великимъ княземъ, и ему повиновались всѣ остальные князья, но, однако, отнюдь не какъ подданные, а только какъ дѣти отцу; старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды всего своего рода, думать и гадать о Русской Землѣ, о своей чести и чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшаго, раздавалъ волости, выдавалъ замужъ княжескихъ сиротъ дочерей, а младшіе князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду и ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову и выступать въ походъ, когда онъ велитъ. Своими же волостями младшіе князья правили совершенно самостоятельно.

Князь, слѣдующій по старшинству въ родѣ за старшимъ, занималъ лучшій послѣ Кіева столъ—Черниговъ; третій за нимъ по старшинству получалъ третій же по значенію столъ Переяславскій, и такъ далѣе. Послѣ смерти старшаго въ родѣ, Кіевскій столъ переходилъ къ старшему послѣ умершаго, стало быть, къ князю, сидѣвшему до сихъ поръ въ Черниговѣ, при чемъ въ Черниговъ, на его мѣсто переходилъ князь, правившій въ Переяславлѣ, а за нимъ и всѣ остальные должны были передвигаться на одинъ столъ ближе по старшинству къ Кіевскому. Послѣ смерти князя, перешедшаго изъ Чернигова въ Кіевъ, Кіевскій столъ занимался опять старшимъ въ родѣ, а остальные передвигались опять на одинъ столъ ближе къ Кіеву, до тѣхъ поръ, пока до нихъ не дойдетъ очередь сѣсть на старшемъ столѣ.

Такой очередной порядокъ передвиженія къ старшему столу носилъ наименованіе «Лѣствичнаго восхожденія».

При этомъ лѣствичномъ восхожденіи дяди считались старше племянниковъ, хотя бы и родились позже нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ.

Право на описанное выше передвиженіе къ Кіеву съ послѣдовательнымъ занятіемъ передъ его достиженіемъ младшихъ столовъ имѣли только тѣ князья, чьи отцы въ своемъ восхожденіи доходили до Кіевскаго стола. Тѣ же князья, отцы которыхъ умирали, не достигнувъ Кіевскаго стола, вовсе исключались изъ очередного порядка и лишались со всѣмъ своимъ потомствомъ какъ права на Кіевскій столъ, такъ и на одинъ изъ ниже его стоящихъ по значенію столовъ; они должны были всецѣло зависѣть отъ милости старшихъ князей, которые могли дать имъ въ кормленіе незначительныя волости, но могли и вовсе лишить части въ Русской Землѣ.

Этихъ обдѣленныхъ князей обыкновенно называютъ *изгоями* *).

Конечно, только что приведенный порядокъ властвованія нашими князьями надъ Землею долженъ былъ вызывать многочисленныя недоразумѣнія и усобицы.

---

*) «Изгоевъ три: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а вотъ и четвертое изгойство: если князь осиротѣетъ» говорится въ одной старинной грамотѣ.

Когда во главѣ рода стоялъ отецъ и занималъ старшій столъ, а на младшихъ сидѣли его сыновья, то они обыкновенно, въ силу большаго уваженія къ родительской власти, были ему покорны, хотя и при этомъ мы видѣли возникновеніе усобицъ еще при святомъ Владимірѣ; на него возстали два родныхъ сына: сперва Святополкъ, а затѣмъ Ярославъ.

Когда же послѣ отца на Кіевскій столъ садился старшій изъ оставшихся сыновей, то, разумѣется, уваженіе къ власти брата со стороны остальныхъ сыновей должно было сильно уменьшаться, а потому и поводы къ усобицамъ возникать значительно легче. Еще меньше могли имѣть уваженія къ отцовской власти старшаго князя его болѣе дальніе родственники, особенно когда на старшій столъ садились дяди, моложе годами своихъ племянниковъ.

Крупнымъ поводомъ къ возникновенію недоразумѣній была непостоянная величина волостей, или Земель, принадлежавшихъ тому или другому столу, такъ какъ, по мѣрѣ увеличенія княжескаго рода, необходимо было и увеличивать число волостей, дробя для этого уже существующія, а произвести такое дробленіе совершенно равномѣрно было, конечно, невозможно.

Другимъ крупнымъ поводомъ къ усобицамъ—было положеніе, въ которое попадали князья-изгои. Каждый изъ нихъ считалъ себя глубоко обиженнымъ и если былъ человѣкомъ неробкаго нрава, то стремился съ оружіемъ въ рукахъ добыть себѣ и своей семьѣ части въ Русской Землѣ. Такой князь-изгой всегда легко могъ найти сторонниковъ, какъ вообще на Руси, такъ въ особенности въ тѣхъ областяхъ, гдѣ сидѣлъ на княженіи его отецъ и гдѣ его самого знали съ дѣтства; затѣмъ легко было получить и помощь извнѣ: пригласить Поляковъ, Венгровъ или степныхъ кочевниковъ. Въ тѣ времена, какъ у насъ на Руси, такъ и во всѣхъ другихъ государствахъ Европы, былъ въ полномъ ходу обычай приглашать при надобности чужія войска и вводить ихъ въ свою Землю не считалось постыднымъ дѣломъ.

Наконецъ, крупнымъ же поводомъ къ усобицамъ было то обстоятельство, что каждый изъ князей, участвовавшій въ очередномъ восхожденіи, но еще не достигшій старшаго Кіевскаго стола, долженъ былъ опасаться, что дѣти его превратятся въ изгоевъ, если онъ умретъ раньше, чѣмъ сядетъ въ Кіевѣ. Это послѣднее обстоятельство, разумѣется, было одной изъ главнѣйшихъ причинъ ожесточенныхъ усобицъ изъ-за обладанія Кіевомъ.

Сказанное достаточно показываетъ, насколько описанный очередной порядокъ долженъ былъ самъ по себѣ вызывать недоразумѣнія и усобицы. Всегда были князья, которые находили его невыгоднымъ для себя и старались его нарушить; при этомъ, всегда же, другая часть князей основывала свои права именно на немъ, а потому всѣми силами старалась его возстановить.

При такихъ обстоятельствахъ достиженіе общаго соглашенія мирнымъ путемъ являлось дѣломъ весьма труднымъ, и въ большинствѣ случаевъ спорные вопросы рѣшались *полемъ*, или *Божьимъ Судомъ*, то есть

войною. «Богъ промежъ нами будетъ» или «Богъ насъ разсудить», такими словами объявляли обыкновенно князья другъ другу войну.

Разумѣется, эти междоусобныя войны сильно разоряли Землю, тѣмъ болѣе, что, по обычаю того времени, войска, придя въ непріятельскую волость, грабили и жгли селенія, а жителей и скотъ забирали въ неволю; всѣ лучшіе люди, какъ среди князей, такъ и среди духовенства, всегда были противъ усобицъ и всѣми силами старались прекратить ихъ миромъ, но, къ сожалѣнію, удавалось это далеко не часто.

Такія же междоусобія, основанныя на владѣніи Землею цѣлымъ родомъ, происходили въ описываемыя времена и въ другихъ Славянскихъ государствахъ—въ Польшѣ и у Чеховъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ остальныхъ государствахъ Европы въ тѣ времена шла всюду нескончаемая борьба, по тѣмъ или другимъ причинамъ, изъ-за верховной власти и всюду сопровождалась разорительною и кровавою бранью. Въ виду этого, приступая къ знакомству съ начавшимися въ одиннадцатомъ вѣкѣ на Руси усобицами, не надо забывать, что онѣ происходили тогда повсемѣстно во всей Европѣ, при чемъ наши Русскія распри сопровождались, въ общемъ, гораздо меньшими жестокостями, чѣмъ въ другихъ странахъ. Это объясняется съ одной стороны большою добросердечностью Русскаго народа, а съ другой—большимъ благородствомъ большинства князей Рюрикова Дома.

Мы встрѣтимъ, конечно, среди многочисленныхъ потомковъ Ярослава Мудраго людей разныхъ душевныхъ складовъ; нѣкоторые изъ нихъ, во время наступившихъ усобицъ, окажутся ихъ заводчиками; другіе проявятъ не полную твердость въ своихъ словахъ и поступкахъ; наконецъ, иные запятнаютъ себя даже злодѣйствомъ; но все же, огромное большинство нашихъ князей—оставило по себѣ навсегда свѣтлую память, какъ о людяхъ съ самыми высокими душевными качествами: мужествомъ, великодушіемъ, милосердіемъ и истиннымъ благочестіемъ...

Послѣ кончины отца своего Ярослава, въ 1054 году, сыновья его вступили, согласно завѣщанію, приведенному выше, во владѣніе Русскою Землею.

Изяславъ, какъ старшій, получилъ Кіевскій столъ со всѣми принадлежавшими Кіеву волостями, а вмѣстѣ съ нимъ и Новгородъ, то есть оба Русскіе конца Великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки; Святославъ—Землю Черниговскую, а также Тмутаракань, Рязань, Муромъ и страну Вятичей; Всеволодъ, кромѣ Переяславля,—Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволжье или берега Волги; Вячеславъ—область Смоленскую, а Игорь—городъ Владиміръ Волынскій.

Черезъ два года умеръ Вячеславъ, и братья, согласно лѣствичному восхожденію, перевели на открывшійся столъ въ Смоленскѣ самаго младшаго—Игоря изъ Владиміра; Игорь тоже вскорѣ умеръ, послѣ чего волость его досталась тремъ старшимъ братьямъ.

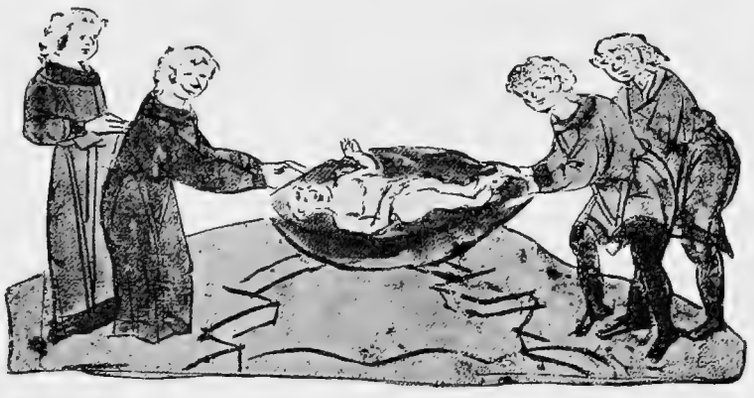
Такимъ образомъ, въ рукахъ этихъ трехъ Ярославовичей, по смерти Вячеслава и Игоря, сосредоточились всѣ Русскія Земли, кромѣ Земли

Полоцкой, отданной въ удѣлъ потомству старшаго сына святого Владиміра отъ Рогнѣды,—Изяславу; въ Землѣ этой въ описываемое время княжилъ внукъ Изяславовъ—Всеславъ Брячиславовичъ.

Большая тишина и любовь царили между князьями нашими въ первыя десять лѣтъ послѣ кончины Ярослава, такъ какъ завѣтъ, данный имъ умирающимъ отцомъ, они еще свято хранили.

Къ этому времени относится созданіе ими нѣсколькихъ новыхъ законовъ, дополнившихъ «Русскую Правду»; важнѣйшимъ изъ нихъ была отмѣна, узаконенной до сего времени, кровавой мести.

Тогда же они совершили рядъ удачныхъ походовъ противъ нѣкоторыхъ пограничныхъ инородцевъ: — *Голядовъ*, жившихъ въ углу между рѣками Протвою и Окою;—*Сосоловъ*, обитавшихъ близъ *Колывани*, или нынѣшняго Ревеля, и, наконецъ, противъ *Торковъ*, племени, родственнаго Печенѣгамъ и обитавшаго по сосѣдству съ Переяславской волостью; они были разбиты наголову.



3. „...сего же дѣтища выволоноше рыболове въ неводѣ".

Изъ Кенигсбергской или Радзивилловской лѣтописи.

Вскорѣ, однако, различнаго рода бѣдствія, какъ извнѣ, такъ и внутри страны, разразились надъ Русскою Землею.

Началу этихъ бѣдствій предшествовалъ, по разсказу лѣтописца, рядъ чудесныхъ знаменій: рѣка Волховъ, вѣроятно вслѣдствіе сильнаго скопленія льдовъ на низовьѣ, шла пять дней подъ рядъ вверхъ; затѣмъ, въ теченіе недѣли на западѣ появлялась большая звѣзда съ лучами кроваваго цвѣта, а солнце въ продолженіе нѣкотораго времени утратило свой блескъ и восходило безъ лучей наподобіе мѣсяца; наконецъ, Кіевскіе рыболовы извлекли изъ рѣки неводомъ младенца, такого отвратительнаго урода, что онъ былъ ими тотчасъ же обратно заброшенъ въ воду.

Вслѣдъ за этими знаменіями начались и бѣдствія.

Въ степяхъ, на смѣну Печенѣгамъ, на голову разгромленнымъ Ярославомъ Мудрымъ въ 1036 году подъ Кіевомъ, появился новый свирѣпый и чрезвычайно хищный азіатскій кочевой народъ—*Половцы*.

Половцы частью уничтожили, частью потѣснили остатки Печенѣговъ и Торковъ и прочно заняли Черноморское побережье вплоть до рѣки Днѣстра. Свой первый опустошительный набѣгъ на Россію они произвели зимой 1061 года, напавъ на Переяславскую Землю, сильно разграбили ее и, захвативъ богатый полонъ,—удалились на Донъ.

Этимъ набѣгомъ началась наша жестокая борьба съ новыми степными хищниками—Половцами, продолжавшаяся почти безъ перерывовъ въ теченіе двухъ столѣтій—вплоть до нашествія Татаръ.

Черезъ три года послѣ описаннаго перваго Половецкаго набѣга, въ 1064 году, началась и первая княжеская усобица.

Причинами этой усобицы—было недовольство своею участью князя-изгоя—Ростислава Владиміровича, сына самаго старшаго изъ Ярославовичей, Владиміра, славнаго строителя Новгородскаго храма Святой Софіи, который умеръ еще при жизни Ярослава и стало быть не успѣлъ подняться по лѣствичному восхожденію до Кіевскаго стола; вотъ почему и сынъ его Ростиславъ, какъ изгой, былъ исключенъ изъ общей очереди старшинства и обдѣленъ при распредѣленіи волостей своими дядями.

Этотъ князь Ростиславъ, человѣкъ храбрый, предпріимчивый и умный, притомъ такой же добросердечный и великодушный, какъ его покойный отецъ, тяготясь своимъ положеніемъ, успѣлъ собрать въ Новгородѣ, гдѣ онъ проживалъ съ дѣтства, удалыхъ товарищей и неожиданно напалъ на Тмутаракань, доставшуюся, какъ мы видѣли, Святославу Черниговскому.

Здѣсь сидѣлъ въ это время на княженіи юный сынъ Святославовъ Глѣбъ и мирно занимался измѣреніемъ по льду ширины пролива изъ Азовскаго моря въ Черное, когда на него внезапно налетѣлъ двоюродный братъ Ростиславъ и изгналъ изъ Тмутаракани *).

Конечно, Святославъ не замедлилъ выступить въ походъ, чтобъ вернуть себѣ Тмутаракань; Ростиславъ, уважая дядю, говоритъ лѣтописецъ, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія, но какъ только Святославъ удалился, то опять сѣлъ въ немъ княжить, при чемъ весьма быстро покорилъ себѣ Касоговъ и другіе сосѣдніе Кавказскіе народы, пользуясь тѣмъ, что Святославъ былъ въ это время занятъ новой усобицей, поднятой Полоцкимъ княземъ Всеславомъ. Однако, Ростиславъ былъ вскорѣ лишенъ жизни и при томъ самымъ низкимъ образомъ. Быстрое покореніе имъ окрестныхъ Кавказскихъ народовъ возбудило противъ него сильныя опасенія у Грековъ, владѣвшихъ городомъ Корсунью на Крымскомъ побережьи; чтобъ избавиться отъ Ростислава, они подослали къ нему одного своего знатнаго человѣка, который успѣлъ вкрасться въ довѣріе къ Русскому князю и однажды, когда Ростиславъ угощалъ его, Грекъ, наливъ чашу вина, провозгласилъ здоровье хозяина и затѣмъ, отпивъ половину, передалъ ее Ростиславу, чтобы тотъ допилъ ее до дна, при чемъ во время этой передачи выпустилъ незамѣтно изъ-подъ ногтя сильный ядъ, отъ котораго довѣрчивый Ростиславъ и умеръ на шестыя сутки, оставя трехъ сыновей сиротъ:

---

*) «Памятью объ этихъ измѣреніяхъ служитъ сохранившійся до сихъ поръ извѣстный «Тмутараканскій камень», на боковой сторонѣ котораго высѣчена надпись о томъ, что князь Глѣбъ въ 1068 году мѣрилъ по льду проливъ между Корчевымъ (нынѣшняя Керчь) и Тмутараканью и насчиталъ 14.000 саженей.

Рюрика, Володаря и Василька; мѣсто же его въ Тмутаракани опять занялъ Глѣбъ Святославовичъ.

Такъ, съ кончиною Ростислава сама собою окончилась первая усобица между потомками Ярослава; но въ это время на Руси шла уже другая усобица, и притомъ значительно болѣе жестокая, между тремя Ярославовичами съ одной стороны и Всеславомъ княземъ Полоцкимъ съ другой, который считалъ себя также на положеніи изгоя, въ виду того, что дѣдъ его Изяславъ былъ совершенно выдѣленъ изъ остальной семьи святого Владиміра и посаженъ съ матерью въ Полоцкой землѣ, при чемъ, какъ мы видѣли, уже у сына этого Изяслава—Брячислава, вышла въ 1020 году усобица съ великимъ княземъ Ярославомъ.

Теперь, сынъ Брячислава—Всеславъ, снова поднялъ оружіе.

Князь этотъ, немилостивый, по сказанію лѣтописца, на кровопролитіе, больной какой-то язвой на головѣ, которую постоянно скрывалъ подъ повязкой и рожденный будто бы отъ волхвованія, оставилъ по себѣ память,

4. „Онъ же испивъ половину, а половину дастъ князю пити; дотискнувъся палцемъ въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворение смертное".

какъ о чародѣѣ, за необыкновенное искусство чрезвычайно быстро и скрытно совершать свои походы.

Въ 1065 году, пользуясь, вѣроятно, тѣмъ, что вниманіе Ярославовичей было отвлечено Ростиславомъ къ Тмутаракани, Всеславъ сталъ неожиданно осаждать Псковъ. Но Пскова ему взять не удалось; тогда онъ, въ слѣдующемъ 1066 году, неожиданно же подступилъ, по примѣру отца своего, къ Новгороду, полонилъ множество жителей съ женами и дѣтьми и снялъ колокола у Святой Софіи; «о велика была бѣда въ тотъ часъ», примѣчаетъ Новгородскій лѣтописецъ, «и паникадила снялъ».

Возмущенные этимъ, Ярославовичи собрали войска и, вступивъ въ страшные холода во владѣнія Всеслава—подошли къ Минску. Жители Минска, вѣрные своему князю, ихъ къ себѣ не впустили и затворились. Тогда братья взяли городъ приступомъ, при чемъ войска ихъ въ ярости изрубили множество жителей. Вскорѣ противъ Ярославовичей выступилъ

Всеславъ, и встрѣча ихъ произошла на рѣкѣ Немизѣ, должно быть, недалеко отъ Минска. Здѣсь, 3 марта 1067 года, несмотря на сильный снѣгъ, произошла злая сѣча, въ которой пало много народу съ обѣихъ сторонъ, но побѣда осталась за Ярославовичами, и Всеславъ долженъ былъ бѣжать.

Чтобъ покончить съ нимъ, Изяславъ съ братьями прибѣгнули, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, къ слѣдующему: они пригласили Всеслава для переговоровъ, обѣщавъ не причинять никакого зла; когда же онъ прибылъ и вошелъ въ шатеръ Изяслава, то былъ тотчасъ же схваченъ съ двумя своими сыновьями и отвезенъ въ Кіевъ, гдѣ ихъ посадили въ порубъ (тюрьму).

Это вѣроломство не принесло счастья Ярославовичамъ, а наоборотъ, какъ увидимъ, было источникомъ многихъ бѣдствій.

Въ слѣдующемъ 1068 году Половцы въ огромномъ количествѣ подступили къ границамъ Русской Земли.

Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ вышли имъ навстрѣчу къ берегамъ рѣки Альты, но имѣли слишкомъ недостаточно войска и были наголову разбиты, какъ объ этомъ и предсказалъ святой Антоній Варягу Шимону, передъ выступленіемъ князей въ походъ.

5. „Онъ же надѣявъся цѣлованью креста переѣха въ ладьи черезъ Днѣпръ... Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и въ порубъ съ двѣма сынома".

Послѣ этого пораженія, Изяславъ и Всеволодъ съ остатками своихъ воиновъ вернулись въ Кіевъ, а Святославъ къ себѣ въ Черниговъ.

Въ Кіевѣ извѣстіе о погромѣ на Альтѣ вызвало сильнѣйшее волненіе; всеобщее негодованіе возгорѣлось противъ тысяцкаго Коснячка, воеводы городскихъ и сельскихъ полковъ, которому ставились въ вину всѣ наши неудачи. Жители шумно требовали, чтобъ имъ еще роздали оружія и коней и повели вновь биться противъ Половцевъ. Вскорѣ возбужденіе толпы перешло и противъ великаго князя Изяслава; часть народа направилась къ его терему, а часть къ порубу, гдѣ былъ заключенъ Всеславъ съ сыновьями. Нерѣшительный Изяславъ колебался, не зналъ, что предпринять, и, наконецъ, видя всеобщее неудовольствіе противъ себя, рѣшилъ бѣжать въ Польшу; за нимъ оставилъ городъ и Всеволодъ; въ это же время толпа вывела Всеслава изъ поруба, провозгласила его Кіевскимъ княземъ, а затѣмъ кинулась грабить дворъ Изяслава.

Пока Изяславъ поспѣшалъ въ Польшу, къ своему двоюродному брату королю Болеславу Второму, сыну дочери Ярослава Мудраго—Доброгнѣвы, а Всеславъ, неожиданно очутившійся великимъ княземъ вопреки всѣмъ правиламъ лѣствичнаго восхожденія, заводилъ свои порядки въ Кіевѣ, Половцы разошлись по пограничнымъ нашимъ областямъ и нещадно ихъ пустошили. Когда они стали подходить къ Чернигову, то Святославъ, не оправившійся еще отъ пораженія на Альтѣ, тѣмъ не менѣе собралъ сколько могъ войска и вышелъ имъ навстрѣчу къ рѣкѣ Снову. Половцевъ было двѣнадцать тысячъ человѣкъ, у Святослава же насчитывалось не болѣе трехъ тысячъ.

6. ... „Людье же высѣкоша Всеслава изъ поруба“...

Но князь этотъ вмѣстѣ съ обширнѣйшей образованностью соединялъ въ себѣ и истинную воинскую доблесть.

Онъ не смутился, выстроилъ полки и, обратившись къ нимъ съ тѣми же словами, съ какими нѣкогда его пращуръ, великій Святославъ, обращался къ своей дружинѣ: «Потягнемъ же братіе. Уже намъ некуда дѣться»— стремительно ринулся на Половцевъ. Это неожиданное и смѣлое наступленіе Святослава увѣнчалось самой полной побѣдой: множество Половцевъ было убито и потоплено въ р. Сновѣ, при чемъ послѣ пораженія — они оставили насъ на нѣкоторое время въ покоѣ.

7. Болеславъ Второй.

Изъ Польскаго Гербовника „Гнѣздо добродѣтелей“ изд. 1550 года.

Уже семь мѣсяцевъ сидѣлъ Всеславъ въ Кіевѣ, когда весною 1069 года появился въ Русскихъ предѣлахъ Изяславъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Болеславомъ Вторымъ.

Навстрѣчу Изяславу и Полякамъ вышелъ Всеславъ вмѣстѣ съ Кіевскими войсками. Однако, придя въ Бѣлгородъ, Всеславъ разсчиталъ, что лучше всего ему будетъ уйти во время къ себѣ въ Полоцкъ, предоставивъ Кіевлянъ ихъ собственной судьбѣ, что онъ и сдѣлалъ, тайно покинувъ Бѣлгородъ ночью.

Такъ, этому чародѣю, по словамъ преданія, удалось только дотронуться копьемъ до золотого стола Кіевскаго и, «обернувшись волкомъ, побѣжалъ онъ ночью изъ Бѣлгорода, закутанный въ сѣрую мглу».

Положеніе Кіевлянъ, оставшихся безъ князя, было ужасное. Они собрались на вѣчѣ и рѣшили послать къ Святославу и Всеволоду съ такимъ словомъ: «Мы дурно сдѣлали, изгнавъ своего князя, и вотъ онъ ведетъ на насъ Польскую Землю. Придите же въ городъ отца вашего. Если же не хотите, то намъ нечего больше дѣлать: зажжемъ городъ и уйдемъ въ Греческую Землю». Святославъ тотчасъ же отвѣтилъ имъ: «Мы пошлемъ къ брату; если пойдетъ съ ляхами губить Васъ, то мы пойдемъ противъ него ратью, не дадимъ изгубить отцовскаго города: если же хочетъ придти съ миромъ, то пусть приходитъ съ малою дружиною».

8. Изображеніе Польскихъ воиновъ на бронзовыхъ воротахъ города Гнѣзно XII вѣка.

Кіевляне успокоились, а Святославъ и Всеволодъ послали сказать Изяславу: «Всеславъ бѣжалъ; такъ не води ляховъ къ Кіеву... если же не перестанешь гнѣваться и захочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола».

9. „...и створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: „Мы уже зло сотворили есмы, князя своего прогнавше“...

Изяславъ послушался братьевъ и повелъ съ собой только Болеслава съ небольшимъ отрядомъ Поляковъ, а впередъ послалъ въ Кіевъ сына своего Мстислава. Этотъ Мстиславъ былъ человѣкъ жестокій; войдя въ городъ, онъ приказалъ избить, а частью ослѣпить тѣхъ, которые освободили Всеслава изъ поруба (всего около семидесяти человѣкъ).

Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ Кіевъ и Изяславъ съ Болеславомъ и сѣлъ на своемъ прежнемъ столѣ; что же касается пришедшихъ Поляковъ, то ихъ распустили на покормъ по волостямъ, при чемъ вскорѣ они подверглись

совершенно той же участи, какъ и ихъ предки, приходившіе съ Болеславомъ Храбрымъ по зову Святополка Окаяннаго, а именно: Поляки всюду стали держать себя крайне вызывающе и нагло, и всюду же жители стали ихъ тайно избивать; видя это, Болеславъ съ остатками своего воинства поспѣшилъ вернуться въ Польшу.

Сѣвши въ Кіевѣ, Изяславъ тотчасъ же собрался противъ Всеслава, двинулся съ ратью къ Полоцку, изгналъ его оттуда и посадилъ своего старшаго сына Мстислава; когда же тотъ вскорѣ умеръ, то слѣдующаго—Святополка.

10. Перенесеніе мощей святыхъ Бориса и Глѣба.
Изъ рукописнаго житія XIV вѣка. (Сильвестровскаго сборника).

Конечно, Всеславъ, изгнанный изъ своей волости, не думалъ прекращать борьбы съ Изяславомъ. Онъ собралъ огромныя толпы Финскаго племени *Води* и подошелъ съ ними къ Новгороду.

Новгородцы, хорошо помня его недавній набѣгъ, закончившійся уводомъ въ полонъ многихъ жителей и снятіемъ колоколовъ и паникадилъ со Святой Софіи, мужественно выступили противъ него подъ начальствомъ Глѣба Святославовича, пересѣвшаго въ Новгородъ изъ Тмутаракани, и жестокая сѣча произошла подъ самыми стѣнами города. Въ сѣчѣ этой пало множество Води, а самъ Всеславъ попалъ въ руки защитниковъ города.

Доблестные Новгородцы проявили по отношенію къ Всеславу свое исконное величіе духа.

Видя впервые въ своихъ рукахъ плѣнникомъ князя изъ Рюрикова Дома, богатыря по мужеству, знаменитаго своимъ умомъ, но преслѣдуемаго

судьбою, вслѣдствіе несправедливости его дядей, Новгородцы забыли ему недавнія свои обиды и отпустили его ради Бога, взявши, разумѣется, клятву, что онъ не будетъ на нихъ больше нападать, и отобравши у него крестъ князя Владиміра Ярославовича, который былъ захваченъ Всеславомъ во время перваго его набѣга на Новгородъ.

Получивъ такимъ образомъ свободу, Всеславъ продолжалъ съ прежней неутомимостью бороться съ Изяславомъ; несмотря на испытанныя пораженія, онъ не переставалъ пользоваться славою мудраго и храбраго князя, и богатыри стекались къ нему со всѣхъ сторонъ. Быстро собравъ новую дружину, Всеславъ двинулся къ Полоцку и изгналъ изъ него Святополка; тогда Изяславъ выслалъ противъ него своего третьяго сына Ярополка,

11. Пиръ, данный великимъ княземъ Изяславомъ по случаю перенесенія мощей Святыхъ Бориса и Глѣба въ новую церковь.

которому удалось одержать верхъ надъ Всеславомъ; однако, эта побѣда Ярополка была далеко не полная, и Всеславъ удержалъ свой столъ въ Полоцкѣ.

Убѣдившись въ крайней трудности вести борьбу съ Всеславомъ, Изяславъ рѣшилъ, наконецъ, вступить съ нимъ въ переговоры. Но переговоры эти не были доведены до конца и прервались самымъ неожиданнымъ образомъ для великаго князя.

Вотъ что произошло.

Послѣ вступленія Изяслава въ Кіевъ съ Поляками, дружба между тремя братьями Ярославовичами, казалось, была попрежнему неразрывной, а Кіевляне, повидимому, окончательно примирились со своимъ княземъ. Особенно ярко сказалась эта дружба братьевъ и примиреніе Изяслава съ Кіевлянами 2 мая 1071 года, когда послѣдовало перенесеніе мощей святыхъ

Бориса и Глѣба въ новую церковь, сооруженную въ городѣ Вышгородѣ. Оно было совершено съ чрезвычайною торжественностью, въ присутствіи многочисленнаго духовенства, бояръ и народа. Когда открыли деревянную раку, въ которой покоились мощи святого Бориса, чтобы переложить ихъ въ каменную, то вся церковь наполнилась благоуханіемъ; при этомъ митрополитъ Георгій, родомъ Грекъ, присланный изъ Царьграда на мѣсто почившаго митрополита Иларіона и худо вѣрившій до сихъ поръ святости братьевъ-мучениковъ, палъ объятый ужасомъ ницъ, моля святыхъ угодниковъ простить ему невѣріе. Это, разумѣется, произвело, самое радостное впечатлѣніе на князей и на весь народъ. Затѣмъ была открыта каменная рака князя Глѣба, и митрополитъ благословилъ рукой святого отрока присутствующихъ князей. Послѣ духовнаго торжества послѣдовала раздача богатой милостыни всѣмъ бѣднымъ, а потомъ большой веселый пиръ; всѣ разошлись съ него, повидимому, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Однако, вскорѣ, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, «дьяволъ воздвигнулъ распрю между братьями». Причины этой распри были слѣдующія: Кіевляне, конечно, не могли искренно любить Изяслава и забыть тѣ жестокости и казни, которымъ подверглись нѣкоторые изъ нихъ по возвращеніи его въ городъ съ Поляками. При этомъ, невольно добрыя чувства Кіевлянъ переносились на Святослава, который первый откликнулся на ихъ просьбу о заступничествѣ передъ Изяславомъ, послѣ бѣгства Всеслава изъ Бѣлгорода, и который сумѣлъ при помощи небольшой дружины наголову разбить Половцевъ на рѣкѣ Сновѣ, и на время очистилъ отъ нихъ Русь. Затѣмъ у Святослава же въ Черниговѣ постоянно находили пріютъ тѣ Кіевляне, которые преслѣдовались Изяславомъ за добрыя отношенія со Всеславомъ; въ числѣ ихъ одно время былъ и святой Антоній, основатель Кіево-Печерской обители.

Съ своей стороны не могъ не видѣть и умный Святославъ, что Кіевляне склонны гораздо болѣе къ нему, чѣмъ къ Изяславу; не могла не заботить также Святослава и мысль о томъ, что онъ не переживетъ брата и не достигнетъ Кіевскаго стола, такъ какъ онъ былъ только немногимъ моложе Изяслава и при этомъ постоянно хворалъ какими-то опухолями по всему тѣлу, отъ которыхъ впослѣдствіи и умеръ; при этомъ, конечно, Святославъ безпокоился, главнымъ образомъ, о своихъ дѣтяхъ, которымъ грозило выключеніе изъ очереднаго порядка и бѣдственная участь изгоевъ, въ случаѣ смерти отца до достиженія имъ Кіевскаго стола.

Всѣ эти соображенія явились настолько сильнымъ искушеніемъ для Святослава, что онъ рѣшился, наконецъ, несмотря на свою глубокую набожность, лишить старшаго брата Кіевскаго стола и самому сѣсть на его мѣсто.

Благопріятнымъ предлогомъ для этого явились упомянутые выше переговоры о мирѣ со Всеславомъ Полоцкимъ, которые Изяславъ началъ одинъ, не сговорившись предварительно съ братьями; это, конечно, должно

было возбудить ихъ неудовольствіе и послужить поводомъ ко всякого рода подозрѣніямъ.

Пользуясь этимъ, Святославъ сталъ убѣждать брата Всеволода, человѣка обширнаго образованія, но простодушнаго, что «Изяславъ сносится со Всеславомъ на наше лихо; если не предупредить его, то прогонитъ онъ насъ». Всеволодъ поддался на это, и затѣмъ оба брата ополчились на старшаго.

12. Великій князь Святославъ Кіевскій съ семьей.

Изъ „Изборника Святославова" 1073 года, по возстановленному рисунку, хранящемуся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Тогда Изяславъ, не расчитывая на преданность Кіевлянъ, безъ борьбы уступилъ братьямъ городъ и отправился съ сыновьями опять въ Польшу. На этотъ разъ онъ успѣлъ взять съ собою много своего имѣнья, говоря «съ золотомъ найду войско», позабывъ, очевидно, что дѣдъ его святой Владиміръ говорилъ, какъ разъ обратное: «Серебромъ и золотомъ не соберу дружины, а дружиною сыщу и серебро и золото». Послѣ его отъѣзда Святославъ сѣлъ въ Кіевѣ.

Болеславъ и Поляки съ великой охотой приняли богатые дары Изяслава, но на этотъ разъ помощи ему не оказали никакой и даже попросили оставить предѣлы Польши, такъ какъ Болеславъ не желалъ въ это время ссориться со Святославомъ и Всеволодомъ и самъ ожидалъ отъ нихъ помощи противъ Чеховъ, съ которыми велъ борьбу.

Тогда несчастный Изяславъ отправился просить заступничества къ Нѣмецкому императору Генриху Четвертому. Этотъ молодой государь находился самъ въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, такъ какъ ему предстояла тяжелая борьба съ подвластными ему Нѣмецкими князьями и Римскимъ папою. Поэтому онъ съ радостью принялъ множество

драгоцѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и рѣдчайшихъ мѣховъ отъ Изяслава, но могъ оказать ему свое содѣйствіе только на словахъ, а именно онъ отправилъ къ Святославу своихъ пословъ и просилъ возвратить Кіевскій столъ старшему брату.

Нѣмецкіе послы были приняты весьма ласково Святославомъ, поражались богатствами, собранными въ Кіевѣ, и вернулись къ Генриху Четвертому съ богатѣйшими дарами. «Никогда»,—писалъ ихъ лѣтописецъ,—«не видѣли мы столько золота и серебра и богатыхъ тканей». На этомъ и закончилось заступничество Генриха за Изяслава.

Тогда Изяславъ рѣшился обратиться къ Римскому папѣ Григорію Седьмому, необычайно гордому и властному человѣку, стремившемуся къ тому, чтобы стать главой всѣхъ тогдашнихъ властителей Европы, то-есть сдѣлаться, такъ сказать, Царемъ Царей.

13. Папа Григорій VII.
Изъ Латинской книги XVIII вѣка „Изображенія Святѣйшихъ папъ".

Папа Григорій также получилъ, безъ сомнѣнія, богатѣйшіе дары отъ Изяслава; онъ милостиво обѣщалъ ему свое заступничество, ожидая при этомъ, что вмѣстѣ съ Изяславомъ и вся Русь перемѣнитъ Православіе на Латинство; въ маѣ 1075 года Григорій Седьмой отправилъ два посланія: одно къ Святославу о томъ, что онъ принимаетъ Русскую Землю подъ свое высокое покровительство и утверждаетъ на великомъ княженіи Изяслава, а другое къ Болеславу, чтобы тотъ вернулъ богатые дары и золото, полученные имъ и Поляками отъ Изяслава.

Посланія эти тоже не имѣли никакихъ послѣдствій. Въ слѣдующемъ 1076 году Святославъ и Всеволодъ выслали Болеславу на помощь противъ Чеховъ—вспомогательное войско, подъ начальствомъ своихъ старшихъ сыновей, молодыхъ князей—Олега Святославовича и Владиміра Всеволодовича Мономаха, прозваннаго послѣднимъ именемъ въ честь дѣда по матери, Греческаго царя Константина Мономаха. Извѣстіе о движеніи Русской вспомогательной рати заставило Чеховъ поспѣшить просить Болеслава о мирѣ, который они и получили отъ него за тысячу гривенъ серебра, послѣ чего Болеславъ извѣстилъ объ этомъ Олега и Владиміра, прося ихъ возвратиться назадъ. Но по понятіямъ того времени, разъ выступивъ въ походъ—возвратиться изъ него ни съ чѣмъ считалось безчестьемъ, а потому наши молодые князья отвѣтили Болеславу, что они не могутъ безъ стыда отцамъ своимъ и Землѣ возвратиться назадъ, ничего не сдѣлавши, и двинулись

впередъ, чтобы «взять свою часть». Послѣ четырехъ мѣсяцевъ хожденія по Чешской Землѣ, князь Чешскій запросилъ и ихъ о мирѣ и также заплатилъ за него тысячу гривенъ серебра.

Конечно, этотъ походъ Олега и Владиміра Мономаха былъ крайне не по душѣ Болеславу; между тѣмъ, въ томъ же 1076 году, скончался великій князь Святославъ, отъ своей постоянной болѣзни—*экзелвей*, или опухолей на тѣлѣ. Тогда Болеславъ рѣшилъ снова помочь Изяславу и далъ ему нѣсколько тысячъ Поляковъ, чтобы идти на Кіевъ, гдѣ послѣ Святослава сѣлъ Всеволодъ.

Всеволодъ съ войскомъ вышелъ противъ старшаго брата и они встрѣтились на Волыни, но здѣсь, вмѣсто боя, у братьевъ произошло самое сердечное примиреніе, послѣ чего Поляки были отпущены домой, Изяславъ направился къ Кіеву, а Всеволодъ долженъ былъ сѣсть въ Черниговѣ.

Это примиреніе двухъ оставшихся въ живыхъ сыновей Ярослава Мудраго не принесло, однако, мира Русской Землѣ.

Усобицу подняли опять князья-изгои. Мы видѣли, что младшіе сыновья Ярослава, Вячеславъ и Игорь, недолго пережили отца, и волости, гдѣ они сидѣли, перешли по ихъ смерти тремъ старшимъ Ярославовичамъ. Теперь, дѣти Вячеслава и Игоря, оставшись за смертью отцовъ изгоями, подросли и сами стали промышлять себѣ волости.

Въ то самое время, когда происходило на Волыни трогательное примиреніе старыхъ князей Изяслава и Всеволода, молодой ихъ племянникъ, сынъ покойнаго Вячеслава, Борисъ—неожиданно напалъ съ собранной имъ дружиною на Черниговъ и овладѣлъ имъ. Затѣмъ, просидѣвши въ немъ восемь дней, онъ бѣжалъ въ Тмутаракань, къ двоюродному брату Роману Святославовичу, такъ какъ узналъ о состоявшемся примиреніи Изяслава и Всеволода и, конечно, понялъ, что оба старыхъ дяди, дѣйствуя вмѣстѣ, не дадутъ ему удержаться въ Черниговѣ.

Сѣвъ вновь послѣ вторичнаго своего изгнанія въ Кіевѣ, Изяславъ видимо не могъ забыть обидъ, нанесенныхъ ему покойнымъ братомъ Святославомъ, такъ какъ сталъ переносить свой гнѣвъ на его сыновей. Скоро Глѣбъ Святославовичъ былъ изгнанъ изъ Новгорода и погибъ затѣмъ далеко на сѣверѣ въ странѣ Чуди Заволоцкой *), а Олегъ былъ выведенъ Изяславомъ изъ Владиміра Волынскаго, гдѣ сидѣлъ до этого.

Тогда Олегъ пошелъ къ дядѣ Всеволоду въ Черниговъ; онъ былъ очень друженъ съ сыномъ Всеволода—Владиміромъ Мономахомъ и былъ

*) Князь Глѣбъ Святославовичъ, пользовавшійся при жизни общею любовью, можетъ служить наглядным примѣромъ многообразныхъ подвиговъ нашихъ князей и того—съ какой легкостью они переносились вмѣстѣ со своими дружинами съ одного конца Руси на другой. Послѣ того, какъ князь Ростиславъ Владиміровичъ вторично запялъ Тмутаракань, Глѣбъ былъ посаженъ въ Муромѣ, а потомъ въ Новгородѣ, откуда совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ противъ мелкихъ Чудскихъ племенъ. Здѣсь же онъ прославился особымъ подвигомъ; во время мятежа, поднятаго однажды волхвомъ-кудесникомъ, хулящимъ христіанскую вѣру, при чемъ толпа приняла сторону этого волхва и готова была растерзать епископа

крестнымъ отцомъ его старшихъ сыновей Мстислава и Изяслава; къ тому же и отецъ его Святославъ—жилъ до смерти въ полномъ согласіи съ Всеволодомъ; все это давало полное основаніе Олегу расчитывать на хорошій пріемъ въ Черниговѣ. Однако, Всеволодъ не хотѣлъ, или не могъ дать Олегу, противъ воли Изяслава, какой либо волости, и вслѣдствіе этого, тяготясь жить въ домѣ дяди безъ дѣла и въ положеніи нахлѣбника, Олегъ также вскорѣ отправился къ брату Роману въ Тмутаракань.

Изгнавши сыновей Святослава, Изяславъ распорядился освободившимися волостями такъ: своего старшаго сына Святополка онъ посадилъ въ Новгородѣ, слѣдующаго за нимъ сына—Ярополка въ Вышгородѣ, а племянника—Владиміра Мономаха въ Смоленскѣ.

Князья-изгои, собравшись въ Тмутаракани, не хотѣли сидѣть спокойно; они дѣятельно готовились вступить въ борьбу съ дядями, и въ 1078 году

14. ...И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что хощетъ быти днесь?—„Чюдеса велика створю" рече. Глѣбъ-же вынемъ топоръ, ростя й, и паде мертвъ"...

Олегъ Святославовичъ и Борисъ Вячеславовичъ, ведя съ собой большія толпы Половцевъ, направились къ Чернигову, противъ Всеволода. Всеволодъ вышелъ имъ навстрѣчу, сразился и былъ побѣжденъ, при чемъ Половцы перебили въ этой сѣчѣ много знатныхъ Русскихъ людей. Затѣмъ, Олегъ и Борисъ вошли въ Черниговъ, а Всеволодъ отправился въ Кіевъ, жаловаться Изяславу на свою бѣду.

«Братъ», отвѣчалъ ему Изяславъ, тронутый его горемъ, «не тужи, вспомни, что со мной самимъ случилось! Во-первыхъ, развѣ не изгнали меня и имѣнья моего не разграбили? Потомъ, въ чемъ я провинился, а былъ же изгнанъ вами, братьями своими? Не скитался ли я по чужимъ землямъ,

вышедшаго съ крестомъ обличать его, Глѣбъ смѣло вышелъ впередъ, подошелъ къ волхву и спросилъ его: «Знаешь ли, что будетъ сегодня?» «Знаю,—увѣренно отвѣтилъ ему волхвъ—я сотворю великія чудеса». Тогда Глѣбъ быстро поднялъ топоръ, который онъ держалъ, и ударилъ имъ по волхву, тутъ же испустившему духъ. Пораженная этимъ толпа сразу поняла, что имѣла дѣло съ обманщикомъ и мятежъ тотчасъ же утихъ. Этотъ же князь Глѣбъ во время княженія отца своего Святослава въ Кіевѣ—вдвоемъ съ нимъ копалъ ровъ при закладкѣ большой церкви Кіево-Печерскаго монастыря.

ограбленный, а зла за собой не зналъ никакого. И теперь, братъ, не станемъ тужить; будетъ ли намъ часть въ Русской Землѣ, то обоимъ, лишимся ли ее, то оба же вмѣстѣ; я сложу свою голову за тебя» *). Послѣ этихъ словъ, Изяславъ сталъ спѣшно собирать большую рать отъ мала до велика, и выступилъ къ Чернигову съ сыномъ своимъ Ярополкомъ изъ Вышгорода. Къ нимъ присоединился и Всеволодъ, къ которому спѣшно пришелъ на помощь Владиміръ Мономахъ изъ Смоленска.

Когда Изяславъ и Всеволодъ съ сыновьями подошли къ Чернигову, то Олега и Бориса въ городѣ не было; они пошли собирать войско противъ дядей; однако, Черниговцы не пустили къ себѣ Изяслава и Всеволода и затворились за городскими стѣнами, коихъ было двѣ: наружная и внутренняя.

15. ...Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: „брате! не тужи; видишь-ли, коликося мнѣ сключи..... аще будетъ нама причастье въ Русскѣй Землѣ, то обѣма, аще лишена будеве, то оба, азъ сложю главу свою за тя"...

Скоро Владиміръ Мономахъ отбилъ восточныя ворота и, пожегши дома, стоявшіе между обѣими стѣнами, сталъ готовиться къ приступу внутренняго города, гдѣ укрылись жители. Но въ это время пришла вѣсть, что Олегъ и Борисъ приближаются съ собранной ратью. Изяславъ, Всеволодъ, Владиміръ и Ярополкъ рано утромъ сняли осаду Чернигова и двинулись на встрѣчу племянникамъ.—Тѣ стали совѣтоваться, что имъ дѣлать? Олегъ былъ человѣкомъ смѣлымъ и воинственнымъ, но при этомъ разумнымъ; онъ говорилъ Борису: «нельзя намъ стать противъ четырехъ князей; пошлемъ лучше къ дядямъ съ просьбой о мирѣ». Но на это пылкій Борисъ отвѣчалъ ему пренебрежительно: «Если ты хочешь, то стой и смотри только; я одинъ пойду на нихъ на всѣхъ». Послѣ этого, полки ихъ пошли впередъ и, 3 октября 1078 года, они встрѣтились съ дядями на Нѣжатиной Нивѣ.

*) Русской Землей—называлась въ то время, какъ вообще вся наша Родина, также и Кіевская Земля.

Сѣча была очень злая. Неблагоразумный Борисъ былъ убитъ въ самомъ ея началѣ, а затѣмъ палъ и старый Изяславъ; онъ стоялъ среди своихъ пѣшихъ полковъ, какъ вдругъ одинъ изъ непріятельскихъ воиновъ наѣхалъ на него и нанесъ смертельный ударъ копьемъ въ плечо. Несмотря на убіеніе двухъ князей съ обѣихъ сторонъ, битва продолжалась еще долго; наконецъ, Олегъ побѣжалъ и едва могъ уйти въ Тмутаракань.

Когда тѣло князя Изяслава прибыло въ Кіевъ, то ему на встрѣчу вышелъ весь городъ и провожалъ съ великимъ плачемъ, искренно сожалѣя покойнаго. Такъ окончилъ свой земной путь, полный превратностей, старшій сынъ Мудраго Ярослава, исполнивъ въ концѣ дней своихъ отцовскій завѣтъ—помогать обиженному брату, и сложилъ при этомъ свою голову. Эта прекрасная смерть расположила къ его памяти всѣ сердца, тѣмъ болѣе, что Изяславъ обладалъ многими хорошими душевными свойствами: былъ очень набоженъ и добросердеченъ, и только недостатокъ твердой воли былъ главной причиной его жизненныхъ ошибокъ.

16. ...Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду; Володимеръ же приступилъ ко вратомъ восточнымъ... и отвориша окольній и пожгоша ѝ"...

Послѣ Изяслава, по правиламъ лѣствичнаго восхожденія, на великое княженіе сѣлъ Всеволодъ.

Сохранилось преданіе, что Ярославъ передъ кончиною далъ Всеволоду, бывшему его любимымъ сыномъ, особое благословеніе: «Благо тебѣ сынъ мой»,—говорилъ онъ ему,—«что покоишь мою старость и радуюсь о кротости твоей. Богъ дастъ, займешь ты послѣ своихъ братьевъ Кіевскій великокняжескій столъ—правдою, а не насиліемъ. Когда умрешь, пускай кости твои лягутъ рядомъ съ моими, въ Кіевѣ, у святой Софіи, потому что я люблю тебя пуще братіи твоей». Благословеніе это оказалось пророческимъ; Всеволодъ дѣйствительно занялъ Кіевскій столъ правдою, послѣ братьевъ своихъ.

Но великое княженіе его было однимъ изъ самыхъ безпокойныхъ, такъ какъ все время не прекращались жестокія усобицы.

Какъ мы видѣли, всѣ усобицы при Изяславѣ происходили изъ-за того, что осиротѣлые племянники не получали волостей и обращались въ

изгоевъ, при чемъ Изяславъ, послѣ вторичнаго своего возвращенія въ Кіевъ, превратилъ въ такихъ же изгоевъ и сыновей Святослава, отнявъ у нихъ волости, которыми они владѣли при своемъ отцѣ. Конечно, это было сдѣлано Изяславомъ подъ вліяніемъ гнѣва на Святослава за вторичное свое изгнаніе изъ Кіева, при чемъ, разумѣется, Изяславъ имѣлъ полное основаніе считать достиженіе Святославомъ Кіевскаго стола—незаконнымъ, а потому и дѣтей его лишенными права на дальнѣйшее участіе въ очередномъ порядкѣ владѣнія Русской Землею.

17. Великій князь Всеволодъ Ярославовичъ.
По Титулярнику.

Но несомнѣнно также, что Всеволодъ, который самъ помогалъ Святославу изгнать Изяслава и сѣсть на Кіевскій столъ, и который до самой смерти Святослава считалъ его законнымъ великимъ княземъ, уже не могъ послѣ этого, сѣвши на старшій столъ, выключить его дѣтей изъ очередного порядка наслѣдованія.

Однако, не смотря на это, Всеволодъ, враждуя съ молодыми Святославовичами за недавнее изгнаніе изъ Чернигова, занявши Кіевскій столъ, также не хотѣлъ давать имъ части въ Русской Землѣ, и тѣмъ, конечно, создалъ, какъ для себя, такъ и для потомства своего, новую большую усобицу.

Сѣвши на великое княженіе, Всеволодъ взялъ себѣ всѣ принадлежащія къ Кіевскому столу волости; сына Владиміра Мономаха посадилъ въ Черниговѣ, Ярополка Изяславовича—во Владимірѣ Волынскомъ, придавъ ему и Туровъ, а Святополка Изяславовича—въ Новгородѣ.

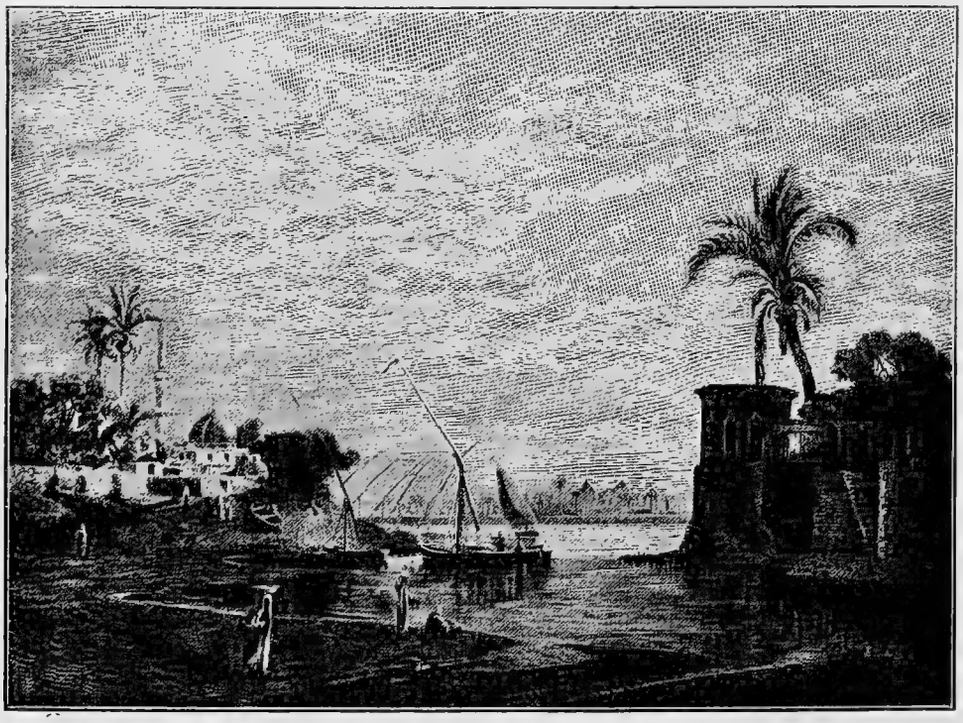
Обиженные племянники, всѣ люди предпріимчивые и воинственные, не долго оставили въ покоѣ своего дядю.

Первый ополчился на Всеволода сидѣвшій до сихъ поръ смирно въ Тмутаракани Романъ Святославовичъ *Красный*, прозванный такъ за свою большую красоту. Онъ нанялъ Половцевъ, и въ 1079 году вошелъ съ ними въ Русскую Землю. Всеволодъ вышелъ ему на встрѣчу, всталъ у Переяславля и успѣлъ заключить съ Половцами миръ, склонивъ ихъ на свою сторону, разумѣется, золотомъ; заключивъ миръ, Половцы отступили, а когда Романъ затѣялъ съ ними по этому поводу ссору, то онъ былъ ими убитъ. Затѣмъ, вернувшись въ Тмутаракань, Половцы захватили Олега Святославовича и отправили его въ Грецію, гдѣ онъ былъ заточенъ на островѣ Родосѣ; вѣроятно

Греческій императоръ сдѣлалъ это въ угоду Всеволоду, женатому на Греческой царевнѣ. На мѣсто убитаго Романа и заточеннаго Олега великимъ княземъ былъ отправленъ въ Тмутаракань посадникъ—бояринъ Ратиборъ.

Но Тмутаракань недолго оставалась безъ князей. На слѣдующій годъ въ нее явились и изгнали Ратибора: Давидъ, сынъ покойнаго князя Игоря Ярославовича, и Володарь, одинъ изъ трехъ сыновей князя Ростислава Владиміровича, отравленнаго въ Тмутаракани Корсунскимъ Грекомъ въ 1066 году.

Однако, и этимъ двумъ князьямъ удалось не долго посидѣть въ Тмутаракани. Послѣ двухъ лѣтъ заточенія на островѣ Родосѣ, въ 1080 году, Олегу посчастливилось бѣжать; онъ подступилъ къ Тмутаракани и при помощи приведенныхъ съ собой людей овладѣлъ ею; затѣмъ, казнивъ всѣхъ,



18. Видъ острова Родоса.

кого могъ захватить изъ лицъ, причастныхъ къ убійству брата Романа,— предложилъ Давиду и Володарю выйти изъ Тмутаракани. Они должны были думать опять, какъ бы достать себѣ волостей.

Одновременно съ описываемыми происшествіями въ Тмутаракани, не давалъ покою Всеволоду и неугомонный Всеславъ Полоцкій. Онъ неожиданно появился подъ Смоленскомъ и сталъ выжигать все вокругъ крѣпости и города. Сидѣвшій въ Черниговѣ Владиміръ Мономахъ спѣшно двинулся противъ него съ коннымъ отрядомъ, при чемъ, для большей быстроты движенія, каждый всадникъ имѣлъ въ поводу вторую лошадь для перемѣны. Проскакавъ такимъ образомъ о дву-конь въ кратчайшій срокъ 400 верстъ,

которыя отдѣляютъ Черниговъ отъ Смоленска, Мономаху все же не удалось захватить Всеслава; этотъ чародѣй успѣлъ уже скрыться.

Тогда Мономахъ пошелъ по его слѣдамъ въ Полоцкую волость и повоевалъ ее. Вскорѣ затѣмъ онъ еще разъ ходилъ въ земли Всеслава; овладѣлъ нечаянно Минскомъ и захватилъ всѣхъ жителей и скотъ.

Князья-изгои продолжали, между тѣмъ, искать себѣ волостей. Послѣ своей высылки изъ Тмутаракани Олегомъ Святославовичемъ, Володарь отправился въ Русскую Землю и поселился во Владимірѣ Волынскомъ у Ярополка Изяславовича, въ домѣ котораго, повидимому, воспитывались и его братья—Рюрикъ и Василько. Вскорѣ послѣ этого молодые Ростиславовичи, пользуясь отсутствіемъ дяди Ярополка, бѣжали отъ него, а затѣмъ, собравъ дружину, вернулись во Владиміръ и силой овладѣли городомъ. Тогда Всеволодъ, оскорбленный этимъ захватомъ, двинулъ противъ Ростиславовичей сына своего Мономаха, который быстро изгналъ ихъ и опять посадилъ во Владимірѣ Ярополка. Однако, Всеволодъ вскорѣ примирился съ Ростиславовичами и далъ имъ Червенскіе города.

19. Изображеніе апостола Петра и предстоящихъ: князя Ярополка Изяславовича съ супругою и матерью (послѣдняя у ногъ Св. Петра).

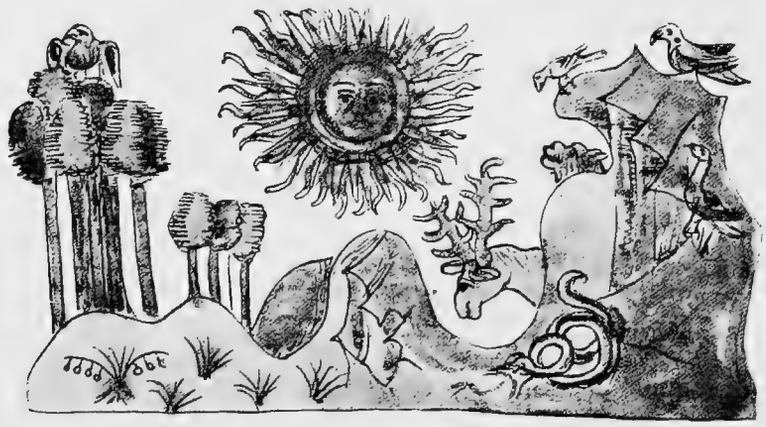
Изъ Латинской псалтири XI вѣка Трирскаго епископа Эгберта, принадлежавшей матери Ярополка, Гертрудѣ, родомъ Полькѣ.

Другой изгой, высланный Олегомъ Святославовичемъ изъ Тмутаракани—Давидъ Игоревичъ, двинулся съ собранной дружиною къ низовьямъ Днѣпра и, занявши Олешье, сталъ отнимать у Греческихъ купцовъ, ходившихъ по великому водному пути, всѣ товары; такъ какъ отъ Греческой торговли во многомъ зависѣло богатство и значеніе Кіева, то Всеволодъ, чтобы прекратить эту остановку торговли, вынужденъ былъ также примириться съ Давидомъ, при чемъ далъ ему въ волость Дорогобужъ на Волыни.

Но Дорогобужъ до этого входилъ въ составъ владѣній Ярополка Изяславовича; поэтому, въ отдачѣ его Давиду Игоревичу, Ярополкъ, по наущенію злыхъ совѣтниковъ, какъ говоритъ лѣтопись, увидѣлъ себѣ обиду и сталъ собирать противъ дяди Всеволода войско.

Провѣдавъ про это, Всеволодъ сейчасъ же послалъ противъ возставшаго племянника своего неутомимаго сына Владиміра Мономаха, и Ярополкъ поспѣшилъ бѣжать въ Польшу. Занявши Луцкъ, Мономахъ захватилъ здѣсь мать, жену, дружину и все имѣнье Ярополка; во Владимірѣ же Волынскомъ посадилъ Давида Игоревича. Тогда Ярополкъ сталъ искать со Всеволодомъ мира, который вскорѣ и состоялся, конечно, въ силу прежнихъ долголѣтнихъ дружескихъ отношеній.

Вернувшись во Владиміръ, Ярополкъ прожилъ, однако, недолго; во время поѣздки своей въ городокъ Звенигородъ—онъ былъ убитъ какимъ-то человѣкомъ, по имени Нерадецъ, который затѣмъ скрылся и нашелъ пріютъ у одного изъ Ростиславовичей—Рюрика, сидѣвшаго въ Перемышлѣ. По чьему наущенію былъ убитъ Ярополкъ, осталось невыясненнымъ, но подозрѣніе падало на Рюрика Ростиславовича, хотя это могло быть и дѣломъ рукъ Давида Игоревича, человѣка, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, съ



20. ...Въ си же времена бысть знаменье въ небеси: „яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ"...

весьма темной душой, которому, конечно, было невыгодно возвращеніе Ярополка во Владиміръ, гдѣ Давида посадилъ Мономахъ во время бѣгства Ярополка въ Польшу.

Пользуясь усобицами Русскихъ князей, Половцы беззастѣнчиво грабили наши пограничныя области, и по обоимъ берегамъ Днѣпра постоянно дымились села, обращаемыя ими въ пепелъ. Видя это, младшій изъ Ростиславовичей, Василько, наслѣдовавшій послѣ смерти брата Рюрика Перемышль, уговорилъ въ 1092 году Половцевъ оставить на время нашу Землю, и пойти воевать Польшу, гдѣ въ это время, такъ же, какъ и у насъ, шла жестокая внутренняя смута.

Такимъ образомъ, благодаря роздачи волостей племянникамъ и отвлеченію Васильком вниманія Половцевъ на Польшу, послѣдніе годы княженія Всеволода могли пройти въ тишинѣ. Однако, начались бѣдствія другого рода: страшный неурожай постигъ Кіевскую область въ 1092 году; сдѣлался голодъ и открылся моръ; въ одномъ Кіевѣ гробовщики продали болѣе 7.000 гробовъ за время съ 14 ноября по 1 февраля. Затѣмъ случилась неза-

памятная засуха; повсюду горѣли лѣса и торфяныя болота, отчего воздухъ былъ постоянно застланъ дымомъ; послѣ этого было солнечное затменіе, и, наконецъ, произошло землетрясеніе. Все это дѣйствовало на воображеніе народа, и всюду ходили самые нелѣпые слухи: въ Полоцкѣ и Друцкѣ разсказывали, что злые духи днемъ и ночью скакали на коняхъ, невидимо уязвляя гражданъ, отчего умирало множество народа; въ Кіевѣ же всѣми считался достовѣрнымъ разсказъ о томъ, что когда великій князь выѣхалъ на охоту, то около него съ небесъ упалъ огромный огненный змій.

Занимая Кіевскій столъ и будучи постоянно тревожимъ безпокойными племянниками, Всеволодъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ время княженія своего въ Переяславлѣ. Переяславская Земля лежала ближе всего къ Кіеву, а потому Кіевскіе князья, по возможности, сажали сюда своихъ любимыхъ сыновей, чтобы имѣть случай почаще ихъ видѣть; святой Владиміръ посадилъ сюда Бориса, Ярославъ—Всеволода и, наконецъ, самъ Всеволодъ—своего младшаго сына отъ второй жены, княгини Анны—юнаго Ростислава.

Однако, князьямъ, сидѣвшимъ въ Переяславлѣ, лежавшемъ на самой границѣ южныхъ степей, приходилось быть всегда, такъ сказать, въ сторожахъ Русской Земли отъ внезапнаго нападенія степныхъ хищниковъ; самому Всеволоду, во время сидѣнья здѣсь, пришлось имѣть не мало дѣлъ съ остатками Печенѣговъ и Торками, а впослѣдствіи и со свирѣпыми Половцами; при этомъ, для окончательнаго подчиненія Руси Торковъ и Печенѣговъ, Всеволодъ не только прибѣгалъ къ оружію, но придумалъ еще и очень удачный мирный способъ обращать ихъ въ союзниковъ, съ тѣмъ, чтобы они сдерживали хотя бы первый напоръ Половцевъ; для этого онъ поселялъ большія количества Торковъ и Печенѣговъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, гдѣ они въ короткое время наполовину обрусѣли. Скоро вблизи самаго Кіева завелись станицы, гдѣ жило особое сбродное населеніе: *Ковуи*, *Турпѣи*, *Берендѣи;* всѣхъ ихъ вмѣстѣ звали также *Черными Клобуками* или *Черкасами*. Съ Половцами Всеволоду пришлось познакомиться въ самомъ началѣ ихъ появленія въ Русскихъ предѣлахъ; съ тѣхъ поръ онъ много воевалъ съ ними, но много же разъ и водилъ дружбу съ ихъ ханами во время перемирій.

Подъ конецъ своей жизни старый великій князь сталъ часто хворать, а 13 апрѣля 1093 года присланный нарочный изъ Кіева привезъ Владиміру Мономаху въ Черниговъ тревожную вѣсть, что отецъ его очень боленъ. Владиміръ прискакалъ на спѣхъ и засталъ Всеволода уже умирающимъ; тутъ же былъ и младшій его братъ Ростиславъ, мачеха княгиня Анна, пользовавшаяся со стороны Мономаха величайшимъ уваженіемъ, и, разумѣется также, и инокини сестры: Янка или Анна, Евпраксія и Екатерина.

Всеволодъ скончался 64 лѣтъ отъ роду и былъ похороненъ въ Кіевѣ, рядомъ съ отцомъ, согласно пророческому благословенію Ярослава, въ соборѣ святой Софіи. По отзыву лѣтописца, онъ съ молоду отличался набожностью, воздержаніемъ, милостью къ нищимъ и особенною любовью къ

монахамъ; былъ широко образованъ и говорилъ на пяти языкахъ, вѣроятно по-гречески, по-латыни, по-шведски, по-венгерски и по-половецки.

Во время княженія Всеволода произошло, 9 мая 1087 года, важное событіе въ жизни всѣхъ христіанскихъ народовъ: мощи святого Угодника и Чудотворца Николая были перенесены изъ мѣста ихъ первоначальнаго упокоенія—города Мира Ликійскаго въ Малой Азіи—въ городъ Барьградъ въ Италіи, гдѣ они почиваютъ и понынѣ. Затѣмъ, при Всеволодѣ же, 14 августа 1091 года, было открытіе и перенесеніе въ Великую церковь Кіево-Печерской лавры—мощей преподобнаго Ѳеодосія.

21. Прибытіе мощей Святого Николая Чудотворца въ Барьградъ.

Изъ рукописнаго житія Святого XVI вѣка, хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.

Во времена княженія Всеволода съ 1077 по 1089 годъ митрополитомъ Кіевскимъ былъ поставленъ Іоаннъ, родомъ, вѣроятно, Болгаринъ, причисленный къ лику святыхъ. «Никогда» — говоритъ лѣтописецъ, «еще не было на Руси и не будетъ подобнаго ему». Отличаясь замѣчательной кротостью, Іоаннъ въ то же время выступалъ смѣлымъ обличителемъ грѣховъ тогдашней Руси; онъ доказывалъ, какой страшный грѣхъ торговать купцамъ въ Половецкой землѣ крещеными рабами; не одобрялъ, что князья наши выдаютъ своихъ дочерей замужъ за государей Латинской вѣры и былъ очень строгъ къ проступкамъ священниковъ и монаховъ.

Сохранилось весьма любопытное письмо его къ папѣ Клименту, который дѣлалъ попытки, чтобы наша церковь вошла въ составъ Латинской. Письмо это отличается необыкновенною силой доказательствъ превосходства Православія надъ католичествомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно замѣчательно почтительно и сердечно по отношенію къ папѣ. «Я самый меньшій», писалъ ему Іоаннъ, «привѣтствую и мысленно лобзаю священную главу твою. Будь счастливъ. Да покрываетъ тебя Божественная, Всевышняя рука! Да дастъ благій и милосердный Богъ тебѣ и твоимъ дѣтямъ увидѣть улучшеніе дѣлъ между вами и нами. Недоумѣваю и не понимаю, какъ жестокій демонъ, злобный врагъ истины и благочестія, надѣлалъ все это, разрушилъ братскую любовь нашу и союзъ, соединяющій христіанъ. Не скажу, что все

погублено. Мы знаемъ, что вы изъ начала христіане по благодати Божіей и во многомъ мы одобряемъ Васъ...»

Изъ церковныхъ правилъ Іоанна замѣчательно его отношеніе къ волхвамъ или колдунамъ, которыхъ оставалось еще много на Руси со временъ язычества: «Тѣхъ, которые совершаютъ волхвованія и чары, мужчина ли то, или женщина, должно вразумить словомъ наставленія и отвращать отъ зла; если же не отвратятся, подвергать строгому наказанію, но не лишать жизни и не уродовать... На Западѣ же въ это время Латинскіе монахи цѣлыми тысячами сжигали колдуновъ и колдуній на кострахъ.

Почти въ одно время со святымъ Іоанномъ жили и святые Исаія и Авраамій, продолжавшіе славное дѣло святого Леонтія, по принятіи имъ мученическаго вѣнца, просвѣщать язычниковъ Мерянъ въ Ростовской и Суздальской землѣ. Мощи обоихъ святителей донынѣ открыто почиваютъ въ Ростовѣ въ Успенскомъ соборѣ и Богоявленскомъ монастырѣ. Неутомимымъ и могущественнымъ ихъ пособникомъ въ дѣлѣ просвѣщенія язычниковъ-Мерянъ былъ Владиміръ Мономахъ, который, между прочимъ, построилъ въ Ростовѣ на свой счетъ церковь и прислалъ для нея одну изъ чудесныхъ иконъ преподобнаго Алипія Печерскаго, перваго Русскаго иконописца, сохранившуюся до настоящаго времени.

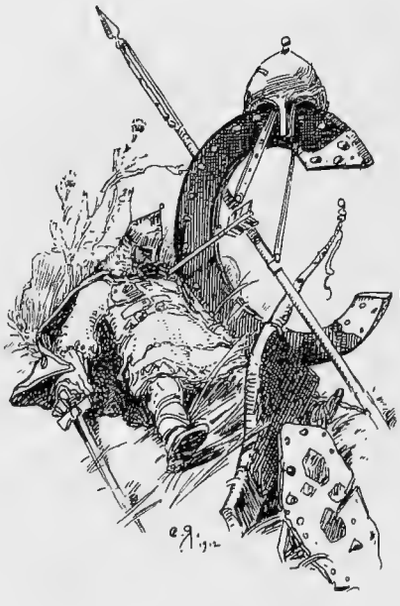
22. Видъ города Барьграда.

23. Тмутараканскій камень.

24. Древнее знамя съ изображеніемъ Владиміра Мономаха.

Изъ „Древностей Россiйскаго Государства“ академика Ѳ. Г. Солнцева.

ГЛАВА ВТОРАЯ.



Владиміръ Мономахъ. Его «Поученіе». Великій князь Святополкъ Изяславовичъ. Сраженіе у Треполя. Олегъ Святославовичъ и Половцы Мстиславъ Владиміровичъ и его великодушный походъ противъ крестнаго отца. Любечскій съѣздъ. Ослѣпленіе Василька. Витичевскій съѣздъ. Начало своеволія Новгородцевъ. Долобскій съѣздъ и походы противъ Половцевъ. Мономахъ на Кіевскомъ столѣ. Святой Антоній Римлянинъ. Послѣдніе годы Мономаха.

О СМЕРТЬЮ Всеволода въ 1093 году окончилось поколѣніе сыновей Ярослава; на смѣну ихъ выступили теперь его внуки. Самымъ извѣстнымъ и любимымъ изъ нихъ какъ въ Кіевѣ, такъ и вообще на Руси, былъ Владиміръ Мономахъ. Онъ могъ бы легко послѣ похоронъ отца занять Кіевскій столъ, но онъ этого не сдѣлалъ. «Если сяду на столѣ отца моего, то будетъ у меня война со Святополкомъ, потому что этотъ столъ былъ прежде отца его», размышлялъ по разсказу лѣтописца Мономахъ послѣ погребенія Всеволода, и размысливъ послалъ просить на великое княженіе Святополка Изяславовича, перешедшаго къ этому времени изъ Новгорода въ Туровъ, а самъ отправился въ свой Черниговъ.

Несмотря, однако, на отказъ отъ Кіевскаго стола, Мономахъ дѣлается послѣ смерти отца, благодаря свойствамъ своей свѣтлой личности, такъ сказать душой всей Русской Земли.

Вотъ нѣкоторыя черты изъ жизни этого замѣчательнаго князя.

Владиміръ Мономахъ родился въ 1053 году, за годъ до смерти Ярослава Мудраго, который, конечно, неоднократно бралъ въ свои старческія руки малютку-первенца своего любимаго сына Всеволода и призывалъ на него благословеніе Божіе.

25. Встрѣча княжеской невѣсты, прибывшей изъ-за моря.

Проведя дѣтство свое въ Переяславской Землѣ, гдѣ сидѣлъ Всеволодъ, Владиміръ долженъ былъ уже съ раннихъ лѣтъ познакомиться съ суровымъ воинскимъ дѣломъ и грознымъ врагомъ Русской Земли—Половцами.

Въ это же время, конечно, по господствовавшимъ въ тѣ времена у князей обычаямъ, сталъ вырабатываться изъ него искусный и безстрашный ловецъ звѣрей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, несомнѣнно, тогда же сталъ получать разностороннее образованіе, подъ руководствомъ своего высокопросвѣщеннаго отца.

Войдя въ юношескіе годы, Владиміръ женился на Гидѣ, дочери англійскаго короля Гарольда *), и съ тѣхъ поръ до конца дней своихъ не переставалъ служить примѣромъ образцоваго мужа и отца.

Начавъ, какъ мы видѣли, въ самые молодые годы безпрерывно ходить, по порученію Всеволода, во главѣ войска, при многочисленныхъ походахъ того времени, Мономахъ сталъ тотчасъ же проявлять замѣчательныя военныя дарованія: мужество, рѣшимость, смѣтливость и чрезвычайную быстроту

*) Убитаго въ извѣстной Гастингской битвѣ своимъ соперникомъ Вильгельмомъ Завоевателемъ.

при передвиженіяхъ. За всѣ свои походы онъ былъ побѣжденъ только одинъ разъ при Треполи, и то только потому, какъ мы увидимъ это ниже, что не онъ былъ во главѣ войска, и бой былъ данъ противъ его желанія.

Будучи грознымъ и суровымъ воиномъ на полѣ брани, Мономахъ отличался вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенной добротой, и съ ранней молодости сердце его было доступно всѣмъ нуждающимся. Никогда не пряталъ онъ сокровищъ, никогда не считалъ денегъ, но раздавалъ ихъ обѣими руками, а между тѣмъ казна его была всегда полна, потому что при своей щедрости онъ былъ и образцомъ добраго хозяина и находилъ время самому присмотрѣть за всѣмъ въ домѣ.

26. Владиміръ Мономахъ.
По Титулярнику.

Онъ всегда прощалъ обиды, нанесенныя лично ему, но никому не позволялъ обижать бѣдняка или вдову, и самъ творилъ судъ въ своей Землѣ.

Набожность его была изумительна; при этомъ онъ обладалъ особымъ благодатнымъ даромъ: когда бывалъ въ церкви и молился, то всегда слезы обильно текли изъ его глазъ.

Благоговѣйно любя своимъ горячимъ сердцемъ Русскую Землю и ясно понимая, что княжескія усобицы губятъ ее, Владиміръ Мономахъ, тѣмъ не менѣе, сознавалъ полную невозможность при существовавшихъ условіяхъ и понятіяхъ того времени измѣнить порядокъ владѣнія Землею цѣлымъ родомъ и передать власть надъ ней одному лицу. Но онъ дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы жить въ мирѣ и любви съ остальными князьями, всегда свято держалъ свое слово, когда уговаривался съ ними о чемъ нибудь, и всегда жертвовалъ своими выгодами, когда это было нужно для поддержанія мира. Другой постоянной заботой Мономаха была война съ Половцами, и всю свою жизнь онъ былъ ихъ самымъ жестокимъ и безпощаднымъ врагомъ, хотя, по обстоя-

тельствамъ времени, иногда ему приходилось заключать съ ними и перемирія.

Владиміръ былъ красенъ лицомъ, не великъ ростомъ, но крѣпокъ и силенъ; имѣлъ большіе глаза, рыжеватые и кудрявые волосы, широкую бороду и высокій лобъ.

Къ большому для насъ счастью сохранилось замѣчательное «Поученіе», написанное имъ своимъ дѣтямъ.

Какъ онъ самъ разсказываетъ, путешествуя однажды въ далекую Ростовскую область, послѣ того, какъ имъ была только что улажена одна княжеская усобица, онъ былъ встрѣченъ въ пути послами отъ двоюродныхъ своихъ братьевъ, которые звали его противъ другихъ князей. Владиміръ отвергъ это предложеніе, но вѣсть о предстоящихъ на Руси новыхъ раздорахъ наполнила его сердце глубокой печалью.

Прибѣгнувъ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, къ Священному Писанію, чтобы найти въ немъ утѣшеніе, онъ развернулъ Псалтырь и попалъ на слѣдующее мѣсто: «Зачѣмъ печалуешься душа. Зачѣмъ смущаешься. Уповай на Бога, котораго исповѣдуешь». Утѣшенный чтеніемъ этого псалма, Мономахъ тутъ же рѣшилъ написать поученіе своимъ дѣтямъ о томъ, какъ должны жить Русскіе князья. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этого «Поученія», которое было въ старину любимымъ чтеніемъ каждаго Русскаго человѣка:

«Діаволъ, врагъ нашъ, побѣждается тремя добрыми дѣлами: покаяніемъ, слезами и милостынею. Ради Бога дѣти мои не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь они не тяжки: это не то, что отшельничество, или иночество, или голодъ... Послушайте же меня и если не все примете, то хоть половину. Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами и не только въ церкви дѣлайте это, но и ложась въ постель. Не забывайте ни одну ночь класть земные поклоны, если вы здоровы; если же занеможете, то хоть трижды поклонитесь... Хвалите Господа за все созданное Имъ; пусть Богъ смягчитъ сердце ваше и проливайте слезы о грѣхахъ своихъ, говоря: «какъ разбойника и блудницу помиловалъ Ты, Господи, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй!.. «Когда ѣдете на конѣ, вмѣсто того, чтобы думать безсмыслицу, повторяйте про себя «Господи помилуй». Эта молитва лучше всѣхъ...

Главное же не забывайте убогихъ, и по силѣ, какъ можете, кормите ихъ; сироту и вдову сами на судѣ по правдѣ судите и не давайте ихъ въ обиду сильнымъ...

Въ разговорѣ не клянитесь ни Богомъ, ни крестомъ. Въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Но когда вамъ придется цѣловать крестъ, давая клятву, то сначала подумайте хорошенько, можете ли вы ее сдержать, а поклявшись, крѣпко держитесь клятвы, чтобы, нарушивъ ее, не погубить своей души.

Епископовъ, поповъ, игуменовъ почитайте; принимайте отъ нихъ благословеніе, любите ихъ по мѣрѣ силъ, заботьтесь;—пусть молятся за насъ Богу.

Пуще всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ вашемъ, ни въ умѣ; ибо всѣ смертны,—сегодня живы, а завтра въ гробу. Все, что далъ намъ

Гос. Публичная Библиотека

Богъ, не наше, а только поручено на короткое время. Въ землю сокровищъ не зарывайте—это великій грѣхъ.

Старика почитайте какъ отца, а молодыхъ какъ братьевъ. Въ домѣ своемъ не лѣнитесь, а за всѣмъ присматривайте сами; не полагайтесь на управителя вашего и слугу, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ.

Вышедши на войну, не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ; не предавайтесь много питью, ни ѣдѣ, ни спанью; сторожевую охрану наряжайте сами; когда же всѣмъ распорядитесь, ложитесь спать среди воиновъ, но вставайте рано, и оружія съ себя не снимайте—не удостовѣрившись, есть ли опасность или нѣтъ; отъ безпечности человѣкъ можетъ внезапно погибнуть. Когда проѣзжаете по своимъ Землямъ, не давайте слугамъ безчинствовать и причинять вредъ ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни на нивахъ, чтобы не проклинали васъ...

Когда пріѣдете, гдѣ остановитесь, напойте, накормите бѣднаго. Болѣе всего чтите гостя, откуда бы онъ ни пришелъ, простой ли человѣкъ, или знатный, или посолъ. Если не можете почтить подаркомъ, то угостите кушаньемъ и питьемъ... Больного посѣтите; покойника проводите и не оставляйте ни кого безъ привѣта, скажите всякому доброе слово.

Женъ своихъ любите, но власти имъ надъ собой не давайте. Что знаете полезнаго не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Сидя дома, мой отецъ зналъ пять языковъ. Творите добро, не лѣнитесь ни на что хорошее, прежде же всего по отношенію къ церкви. Да не застанетъ васъ взошедшее солнце еще въ постели; такъ дѣлалъ мой блаженный отецъ и всѣ лучшіе люди. Сотворивъ утреннюю молитву и воздавъ Богу хвалу, слѣдуетъ съ дружиною думать о дѣлахъ, или творить судъ людямъ, или же ѣхать на охоту, а затѣмъ лечь спать. Въ полдень самимъ Богомъ присуждено спать и человѣку, и звѣрю, и птицѣ»...

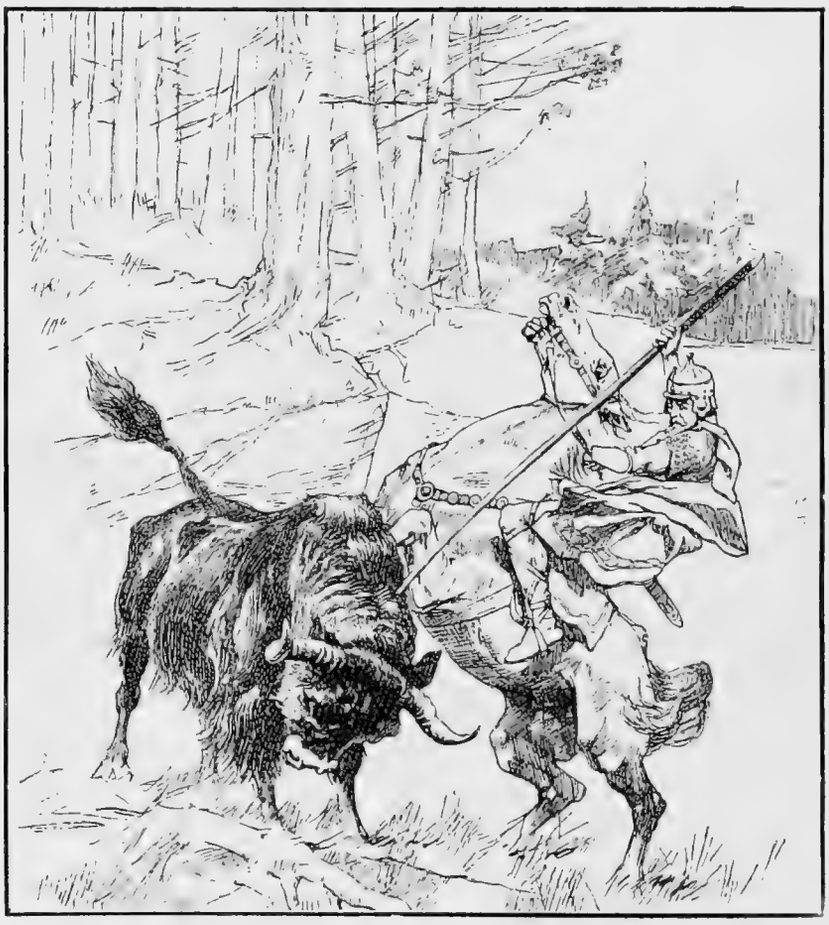
Перечисливъ въ «Поученіи» подробно всѣ свои походы, Владиміръ Мономахъ добавляетъ:

«Выѣхавъ утромъ изъ Чернигова къ отцу, я пріѣзжалъ къ вечерни въ Кіевъ (166 верстъ).

Всѣхъ походовъ моихъ было 83 большихъ, а меньшихъ и не упомню.

Девятнадцать разъ заключалъ я миръ съ Половцами при отцѣ и послѣ его смерти. Болѣе ста вождей ихъ выпустилъ изъ оковъ (плѣна), а избито этихъ вождей въ разное время около двухъ сотъ. А вотъ какъ я трудился на охотѣ и ловахъ: коней дикихъ по 10, по 20 вязалъ я своими руками; два тура (зубры) метали меня на рогахъ съ конемъ вмѣстѣ; олень меня бодалъ; два лося—одинъ ногами топталъ, другой рогами бодалъ; вепрь оторвалъ у меня мечъ съ бедра; медвѣдь у колѣна прокусилъ подвыючный войлокъ; лютый звѣрь (вѣроятно барсъ) вскочилъ ко мнѣ на бедра и повалилъ коня со мною; а Богъ сохранилъ меня цѣлымъ и невредимымъ. Много разъ падалъ я съ коня, голову разбивалъ я два раза, и руки и ноги вредилъ

себѣ въ юности моей, жизни своей не жалѣлъ, головы не щадилъ. Что можно было поручить слугѣ то самъ я дѣлалъ—на войнѣ и на ловахъ, ночью и днемъ, въ лѣтній зной и въ зимнюю стужу. Не давалъ я себѣ покою, не полагаясь ни на посадниковъ, ни на управителей, самъ все дѣлалъ, что надо; самъ смотрѣлъ за порядкомъ въ домѣ; охотничье дѣло самъ правилъ, о конюшняхъ, о соколахъ и ястребахъ самъ заботился... За церковнымъ порядкомъ и службой самъ присматривалъ...



27. Владиміръ Мономахъ на охотѣ.

Съ рисунка Н. Самокиша, изъ книги „Великокняжеская и Царская охота на Руси“ Н. Кутепова.

Не осудите меня, дѣти мои, или иной, кто прочтетъ эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Онъ меня, грѣшнаго и худого, сохранялъ отъ смерти столько лѣтъ и сотворилъ не лѣнивымъ и способнымъ на всѣ человѣческія дѣла.

Прочитавъ эту грамотку, постарайтесь творить всякія добрыя дѣла. Смерти, дѣти мои, не бойтесь ни отъ войны, ни отъ звѣря, но творите свое дѣло, какъ дастъ вамъ Богъ. Не будетъ вамъ, какъ и мнѣ, вреда ни отъ войны, ни отъ звѣря, ни отъ воды, ни отъ коня, если не будетъ на то воли

Божьей а если отъ Бога придетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ спасти. Божья охрана лучше человѣческой»...

Такимъ былъ Владиміръ Мономахъ, уступившій въ 1093 году Кіевскій столъ Святополку Изяславовичу, чтобы не нарушать очередного порядка, хотя и зналъ, что Кіевляне и много лучшихъ людей на Руси были бы за него.

Чтобы понять величину жертвы, принесенной Мономахомъ во имя мира въ Русской Землѣ, надо не забывать, что оба они со Святополкомъ были однолѣтками (имѣя по сорока лѣтъ), а потому, конечно, Мономахъ имѣлъ весьма мало данныхъ разсчитывать занять послѣ него Кіевскій столъ, тѣмъ болѣе, что у Святополка были еще другіе братья. Стало быть, отказав-

28. Отдыхъ Владиміра Мономаха на охотѣ.

Съ рисунка В. М. Васнецова, изъ той же книги, что и рис. 27.

шись отъ Кіева, при тѣхъ крайне благопріятныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ находился Владиміръ послѣ смерти отца, онъ этимъ отказомъ—сознательно обрекъ и своихъ дѣтей на незавидную участь изгоевъ, только изъ чувства долга передъ Родиной—не заводить усобицу изъ за личныхъ выгодъ.

Полную противоположность Мономаху представлялъ Святополкъ. Это былъ человѣкъ храбрый, но чрезвычайно легкомысленный, притомъ заносчивый, нетвердой воли, подозрительный и крайне корыстный.

Начало его великаго княженія не замедлило ознаменоваться большими несчастіями.

Узнавъ о кончинѣ Всеволода, Половцы прислали къ новому Кіевскому князю пословъ съ предложеніемъ остаться съ нимъ въ дружескихъ отноше-

ніяхъ; нѣтъ сомнѣнія, что они разсчитывали быть при семъ случаѣ богато одаренными. Легкомысленный Святополкъ, не посовѣтовавшись съ боярами отца и дяди, приказалъ посадить Половецкихъ пословъ въ тюрьму. Конечно, Половцы пришли въ ярость и сейчасъ же толпы ихъ двинулись жечь и грабить пограничныя области Кіевской земли и осадили городъ Торческъ, населенный Торками. Тогда самъ Святополкъ сталъ просить ихъ о мирѣ, но теперь они его отвергли. Оскорбившись въ свою очередь этимъ отказомъ, Святополкъ собралъ 800 человѣкъ и хотѣлъ идти съ ними противъ Половцевъ; благоразумные бояре еле-еле успѣли удержать его отъ этого похода съ такими ничтожными силами, говоря: «Хотя-бы ты пристроилъ и восемь тысячъ, такъ и то было бы только въ пору; наша Земля оскудѣла отъ рати и отъ продажъ; пошли-ка лучше къ брату своему Владиміру, чтобы помогъ тебѣ»...

Владиміръ, конечно, немедленно откликнулся на зовъ Святополка и послалъ сказать брату своему Ростиславу въ Переяславль, чтобы тотъ тоже собралъ свое войско. Пріѣхавши затѣмъ самъ въ Кіевъ, Мономахъ свидѣлся съ Святополкомъ въ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ у нихъ состоялось совѣщаніе о томъ, что дѣлать дальше.

Отлично зная Половцевъ, Мономахъ видѣлъ, что успѣха надъ ними въ это время ожидать было нельзя, а потому, несмотря на свое испытанное мужество и глубокую вражду къ нимъ, онъ настоятельно требовалъ, чтобы были употреблены всѣ попытки заключить съ ними миръ. Но Святополкъ и слышать не хотѣлъ о мирѣ, и во что бы то ни стало рвался въ бой. Это привело къ жестокой распрѣ между князьями, при чемъ, чтобы прекратить ее, Владиміръ, наконецъ, уступилъ, и войска обоихъ князей, къ которымъ присоединился затѣмъ и Ростиславъ, пошли къ Треполю.

Не переходя рѣки Стугны, въ это время сильно вздувшейся отъ дождей, былъ опять собранъ совѣтъ. Владиміръ сталъ снова говорить: «Врагъ грозенъ; остановимся здѣсь и будемъ съ нимъ мириться». Къ совѣту его пристали и всѣ смышленные мужи. Но Кіевляне, пришедшіе со Святополкомъ, поддерживали своего князя, говоря: «Хотимъ биться; пойдемъ на ту сторону рѣки». Они осилили, и рать переправилась черезъ Стугну.

Святополкъ велъ правое крыло, Владиміръ—лѣвое, а Ростиславъ шелъ по серединѣ. Встрѣча съ врагомъ произошла пройдя Треполь, при чемъ наши, пустивъ впередъ стрѣльцовъ, стали между двумя валами. Половцы обрушились прежде всего на Святополка. Онъ дрался съ большимъ мужествомъ, но когда побѣжали его люди, онъ долженъ былъ также покинуть поле сраженія.

Потомъ Половцы стали наступать на Владиміра; сѣча была лютая; наконецъ, войска Владиміра и Ростислава были также смяты; всѣ въ безпорядкѣ бросились къ Стугнѣ. Здѣсь при переправѣ потонуло множество народа; потонулъ и юный Ростиславъ. Владиміръ, видя утопающаго брата, безстрашно кинулся за нимъ въ воду, желая его подхватить, и едва не утонулъ самъ.

Затѣмъ, потерявъ большую часть своей дружины и всѣхъ своихъ бояръ, печальный Владиміръ съ тѣломъ нѣжно любимаго брата возвратился въ Черниговъ. Онъ до конца своихъ дней не могъ вспоминать безъ сильнѣйшаго волненія объ этомъ злосчастномъ днѣ, когда единственный разъ въ жизни потерпѣлъ пораженіе и потерялъ брата.

Святополкъ съ поля битвы бѣжалъ сперва въ Треполь, а потомъ въ Кіевъ. Половцы пошли воевать по всей Землѣ и продолжали осаждать Торческъ. Торки сопротивлялись очень мужественно; наконецъ, изнемогая отъ голода, послали сказать Святополку: «если не пришлешь хлѣба, то сдадимся». Великій князь выслалъ имъ обозъ съ хлѣбомъ, но обозъ этотъ не могъ пройти скрытно отъ Половцевъ въ городъ. Десять недѣль стояли Половцы подъ Торческомъ и затѣмъ раздѣлились: часть ихъ осталась продолжать осаду, а другіе пошли къ Кіеву. Святополкъ вышелъ имъ на

29. Появленіе саранчи. „Въ се же лѣто придоша пруги, мѣсяца августа въ 28, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху къ полуночнымъ странамъ, ядуща траву и просо“...

встрѣчу и опять былъ наголову разбитъ при урочищѣ Желвани, при чемъ у него погибло народу еще больше, чѣмъ подъ Треполемъ, и онъ самъ третій вернулся въ Кіевъ, гдѣ заперся. Торческъ же послѣ этого пораженія, несмотря на мужественное сопротивленіе, долженъ былъ сдаться отъ голода.

Опустошеніе, производимое всюду Половцами, было ужасное. Они жгли села и гумна; въ пламени погибло множество церквей; жителей убивали, а оставшихся въ живыхъ уводили въ плѣнъ; города и села пустѣли; пустѣли и поля, никѣмъ не обрабатываемыя. Печальные, измученные голодомъ и жаждою, съ осунувшимися лицами, почернѣвшимъ тѣломъ, нагіе, босые, исколотые терновикомъ, шли Русскіе плѣнники въ степи, со слезами разсказывая другъ другу, откуда кто родомъ и какого города или изъ какой веси. Кромѣ этого несчастія и другое бѣдствіе посѣтило въ тотъ злосчастный годъ нашу Землю; появилась въ огромномъ количествѣ саранча, до сихъ

поръ у насъ еще невиданная, и то, что не было разорено Половцами, было уничтожено ею.

При этихъ печальныхъ обстоятельствахъ неразумный Святополкъ долженъ былъ, наконецъ, смириться и просить у Половцевъ мира, конечно, за огромныя деньги. Мало того, чтобы получить его, ему пришлось жениться на дочери главнаго Половецкаго хана—Тугоркана. Безъ сомнѣнія высокомѣрному Святополку должно было казаться крайне унизительнымъ это необычное родство, хотя Половчанки или «красныя дѣвки половецкія», какъ ихъ называли, и отличались большой красотой.

Однако, и бракъ Святополка съ Тугоркановной не избавилъ Русской Земли отъ Половцевъ. Въ томъ же, 1094 году, они явились опять въ нашихъ предѣлахъ. На этотъ разъ ихъ привелъ Олегъ Святославовичъ.

Этотъ князь-изгой послѣ пораженія на Нѣжатиной Нивѣ, въ 1078 году, гдѣ пали князья Изяславъ Ярославовичъ и Борисъ Вячеславовичъ, бѣжалъ, какъ мы помнимъ, въ Тмутаракань, уже отдѣленную въ тѣ времена отъ остальной Русской Земли—осѣвшими въ степяхъ Половецками ордами. Сидя въ теченіе шестнадцати лѣтъ въ Тмутаракани, Олегъ не забылъ своихъ обидъ, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлается въ Русской Землѣ, и узнавъ о страшномъ пораженіи, нанесенномъ Половцами Руси, вслѣдствіе пагубной самонадѣянности Святополка,—рѣшилъ воспользоваться обстоятельствами и вернуть себѣ и семьѣ своей отцовскія волости. Для этого нужно было поднять руку на своего стараго друга и двоюроднаго брата Владиміра Мономаха, сидѣвшаго теперь на столѣ отца Олегова въ Черниговѣ, друга, съ которымъ онъ былъ связанъ съ ранняго дѣтства и у котораго когда-то крестилъ двухъ старшихъ сыновей. Но Олегъ слишкомъ много вытерпѣлъ послѣ смерти отца и, разумѣется, находилъ достаточно основаній, чтобы искать себѣ и своему роду части въ Русской Землѣ.

И вотъ, видя наступленіе благопріятнаго для своихъ цѣлей времени, онъ собралъ большія толпы Половцевъ, вошелъ съ ними въ Русскую Землю и подступилъ подъ Черниговъ, гдѣ осадилъ Мономаха.

Скоро окрестности города и монастыри были выжжены; восемь дней подъ рядъ билась дружина Мономаха съ Половцами и не пускала ихъ въ острогъ. Наконецъ, Владиміру стало невыносимо жаль лившейся изъ-за него христіанской крови и вида горящихъ селъ и монастырей.

«Не хвалиться поганымъ», сказалъ онъ, и, отдавъ Олегу Черниговъ умирился съ нимъ, а самъ пошелъ на столъ отца своего въ Переяславль. Такимъ образомъ, во второй разъ пожертвовалъ своими выгодами великодушный Мономахъ на пользу Родной Земли.

Онъ благополучно достигъ съ дружиной Переяславля, только благодаря страху, внушаемому его именемъ Половцамъ, такъ какъ Мономахъ могъ вывести изъ Чернигова, послѣ огромной потери въ людяхъ на Стугнѣ, менѣе ста человѣкъ, считая въ томъ числѣ женъ и дѣтей. «Когда мы шли мимо Половцевъ,—разсказываетъ онъ про это въ «Поученіи»,—то они облизывались на насъ, какъ волки на овецъ».

Не посмѣвши тронуть Мономаха съ горстью храбрецовъ, его сопровождавшихъ, Половцы продолжали страшно опустошать Черниговскую Землю и послѣ того, какъ Олегъ утвердился на столѣ отца своего; очевидно, Олегъ противиться этому не могъ, такъ-какъ самъ навелъ ихъ, а уплатить имъ за оказанную услугу, кромѣ разрѣшенія грабежей, онъ ничѣмъ другимъ не имѣлъ возможности.

«Это уже въ третій разъ»,—говоритъ лѣтописецъ,—«навелъ онъ поганыхъ на Русскую Землю; прости Господи ему этотъ грѣхъ, потому что много христіанъ было погублено, а другіе взяты ими и расточены по разнымъ землямъ».

Такъ утвердился Олегъ на столѣ отца своего въ Черниговѣ. Конечно, Олегъ имѣлъ право искать для себя и для семьи отцовскихъ волостей; приводить съ собою иноплеменныя войска—было тоже въ обычаяхъ времени. Но все же, жестокое разореніе Земли, которое повлекло за собой исканіе Олегомъ своей части—не могло быть забыто на Руси. И насколько въ народной памяти сохранился образъ Мономаха, какъ добраго страдальца за Русскую Землю, настолько же Олегъ въ народныхъ преданіяхъ изображается гордымъ, озлобленнымъ и всюду приносящимъ съ собою несчастье—Гориславовичемъ.

Какъ мы увидимъ дальше, несмотря на благородную уступчивость Мономаха, ему предстояло еще принять отъ Олега не мало горя.

Незавидно было житье Владиміра въ Переяславлѣ. «Три лѣта и три зимы,—говоритъ онъ въ «Поученіи»,—прожилъ я съ дружиной въ Переяславлѣ и много бѣдъ натерпѣлись мы отъ рати и отъ холода». Половцы непрерывно нападали на разоренную Переяславскую землю. Владиміръ, когда могъ, отражалъ ихъ и съ неослабнымъ рвеніемъ подготовлялъ свои силы, чтобы дать должное возмездіе за пораженіе на Стугнѣ и за всѣ послѣдовавшія затѣмъ бѣды.

Случай скоро къ этому представился. Въ 1095 году пришли къ Мономаху два Половецкихъ князька—Итларь и Китанъ—торговаться, много ли онъ имъ дастъ за миръ. Итларь съ лучшими своими людьми вошелъ въ городъ, а Китанъ съ войскомъ сталъ за валами, при чемъ Владиміръ далъ ему въ заложники сына своего Святослава за безопасность Итларя, стоявшаго во дворѣ боярина Ратибора. Въ это время прибылъ изъ Кіева отъ Святополка бояринъ Славата съ какимъ-то порученіемъ. Славата сталъ сейчасъ же убѣждать Ратибора и его родню уговорить Мономаха согласиться на убійство Итларя, такъ какъ, повидимому, Итларь и Китанъ самовольно, помимо главнаго хана, Святополкова тестя—Тугоркана, пришли вести переговоры о мирѣ.

Владиміръ не соглашался. «Какъ могу я это сдѣлать, давши клятву?» говорилъ онъ имъ. Но тѣ отвѣчали ему: «Князь, не будетъ тебѣ грѣха; Половцы всегда даютъ тебѣ клятву и всегда ее нарушаютъ—губятъ Русскую Землю и пьютъ христіанскую кровь». Наконецъ, Владиміръ согласился и ночью послалъ отрядъ дружины и Торковъ къ валамъ; они выкрали

сперва Святослава, а потомъ перебили Китана и всю его дружину. Итларь, же былъ убитъ рано утромъ сыномъ Ратибора — Ольбегомъ, который выпустилъ въ него стрѣлу и попалъ прямо въ сердце. Этотъ поступокъ былъ единственнымъ нарушеніемъ своего слова въ жизни Мономаха.

Послѣ этого Владиміръ и Святополкъ выступили сейчасъ же въ походъ противъ Половцевъ и пригласили съ собой и Олега; онъ обѣщалъ идти вмѣстѣ и дѣйствительно выступилъ, но не соединился, а держался поодаль. Святополкъ же и Владиміръ пошли на Половецкія становища или вежи, взяли ихъ, полонили скотъ, лошадей, верблюдовъ и привели въ свою землю.

Уклончивое и недовѣрчивое поведеніе Олега, конечно, должно было оскорбить двоюродныхъ братьевъ. Послѣ похода они послали сказать ему: «Ты не шелъ съ нами на поганыхъ, которые сгубили Русскую Землю, и вотъ теперь у тебя сынъ Итларевъ; убей его, либо отдай намъ, онъ врагъ Русской Земли».

Но Олегъ не послушался.

Въ слѣдующемъ 1096 году, съ цѣлью обсудить вопросъ о совмѣстной борьбѣ съ Половцами, Святополкъ и Владиміръ послали опять сказать Олегу: «Пріѣзжай въ Кіевъ урядиться о Русской Землѣ, передъ епископами, игуменами, мужами отцовъ нашихъ и людьми городскими, чтобы послѣ намъ можно было сообща оборонять Русскую Землю отъ поганыхъ». На это Олегъ послалъ слѣдующій высокомѣрный отвѣтъ: «Не пристало судить меня епископамъ, игуменамъ и смердамъ» (сельскимъ жителямъ и мужикамъ).

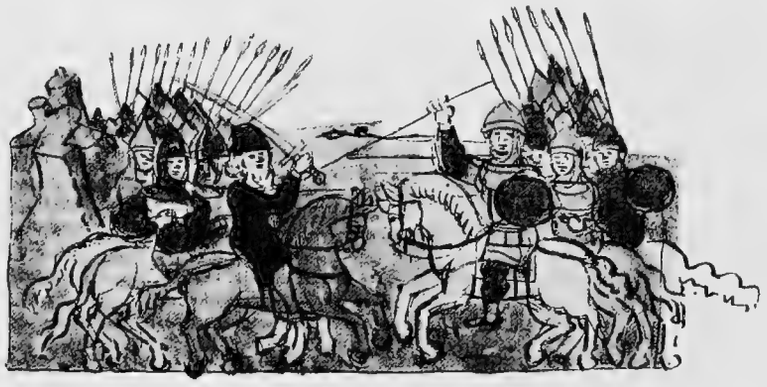
Конечно, этотъ отвѣтъ еще болѣе возбудилъ Святополка и Владиміра противъ Олега, и они послали ему такое слово: «Если ты не пошелъ на невѣрныхъ и не приходишь на совѣтъ къ намъ, то, значитъ, ты мыслишь на насъ худое и хочешь помогать поганымъ. Пусть Богъ насъ разсудитъ».

Такъ началась, несмотря на уступчивость Мономаха, новая междоусобная брань между князьями. Вмѣсто того, чтобы ударить соединенными силами на Половцевъ, приходилось идти войной на своихъ. Когда князья подошли къ Чернигову, то Олегъ вышелъ изъ него и затворился въ Стародубѣ. Святополкъ и Владиміръ осадили Стародубъ и стояли подъ нимъ тридцать три дня. Приступы были сильные, но изъ города крѣпко отбивались. Наконецъ, осажденные изнемогли; тогда Олегъ запросилъ мира, который тотчасъ же былъ ему данъ, но князья-союзники потребовали отъ него, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ въ Кіевъ, «къ столу отцовъ и дѣдовъ нашихъ; то старшій городъ во всей Землѣ; въ немъ надлежитъ намъ собираться и улаживаться». Обѣ стороны цѣловали на этомъ крестъ. Это было въ маѣ 1096 года.

Между тѣмъ, раздраженные Половцы продолжали свои набѣги на Русь. Ханъ Половецкій Бонякъ, со своею ордою, жегъ окрестности Кіева, а тесть Святополка Тугорканъ—осадилъ Переяславль. Владиміръ со Святополкомъ разбили его, причемъ самъ Тугорканъ палъ, послѣ чего Свято-

полкъ привезъ тѣло тестя въ Кіевъ и похоронилъ на распутьѣ между дорогами въ Берестово и Печерскій монастырь. Въ іюнѣ Бонякъ вновь подошелъ къ самому Кіеву и 20 числа утромъ ворвался въ Кіево-Печерскую лавру. Монахи, отстоявъ заутреню, почивали по кельямъ; поганые, выломавъ ворота, ходили по обители, брали, что имъ попадалось въ руки, сожгли южныя и сѣверныя церковныя двери и, наконецъ, вошли и въ самую Великую соборную церковь, таскали изъ нея иконы и произносили кощунственныя слова надъ христіанскимъ Богомъ и закономъ. Тогда же Половцы сожгли и загородный княжескій дворъ, построенный Всеволодомъ. Они увели съ собой множество плѣнныхъ, въ томъ числѣ и святого Евстратія Постника, распятаго затѣмъ корсунскимъ жидомъ, какъ объ этомъ подробно сказано въ 1-ой части «Сказаній».

Олегъ, несмотря на крестное цѣлованіе, не думалъ исполнить договора и явиться въ Кіевъ. Вмѣсто этого, онъ сталъ дѣятельно собирать



30. Сраженіе подъ Муромомъ. ...„Изяславъ же исполчися предъ градомъ на поли. Олегъ же поиде къ нему полкомъ, и ступишася обои, бысть брань люта; и убиша Изяслава, сына Володимеря"...

войско для продолженія борьбы, и въ концѣ лѣта направился къ Мурому, бывшему его волостью, но которую тѣмъ временемъ успѣлъ занять его крестникъ Изяславъ, второй сынъ Мономаха, выступившій къ Мурому изъ Смоленска безъ вѣдома и согласія отца своего. Подойдя къ Мурому, Олегъ послалъ сказать Изяславу: «Ступай въ волость отца своего, а эта волость моего отца; хочу здѣсь сѣсть и урядиться съ твоимъ отцомъ; онъ выгналъ меня изъ отцовскаго города, а ты неужели и здѣсь не хочешь дать мнѣ моего же хлѣба?» Изяславъ, однако, не послушался его, надѣясь на свое войско, и 16 сентября 1096 года подъ стѣнами Мурома произошла злая сѣча между крестнымъ отцомъ и сыномъ, при чемъ юный Мономаховичъ былъ убитъ.

Послѣ этого, Олегъ вошелъ въ Муромъ и, оковавши людей Изяславовыхъ, двинулся на Суздаль и Ростовъ, принадлежавшіе Владиміру Мономаху. Захвативъ оба города, Олегъ сурово обошелся съ ихъ жителями, часть взялъ въ плѣнъ, другихъ разсѣялъ по разнымъ мѣстамъ, понасажалъ

своихъ посадниковъ и сталъ брать дань съ Муромской, Суздальской и Ростовской волостей.

Старшій сынъ Мономаха, Мстиславъ, тоже Олеговъ крестникъ, сидѣлъ въ это время въ Новгородѣ. Новгородцы боготворили своего молодого князя—прекраснаго по внѣшности и отличавшагося возвышенной и ангельски чистой душой; они готовы были принести для него всевозможныя жертвы.

Сильная Новгородская рать была собрана вслѣдъ за извѣстіемъ о гибели Изяслава. Но благородный Мстиславъ не хотѣлъ кровопролитія. Онъ послалъ къ своему крестному отцу слѣдующее твердое, но высоко христіанское слово: «ступай изъ Суздаля въ Муромъ; въ чужой волости не сиди; а я съ дружиной пошлемъ къ отцу моему, и помирю тебя съ нимъ. Хотя ты и брата моего убилъ—что же дѣлать! въ битвахъ и цари и бояре погибаютъ».

31. „...Олегъ же... перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадникы по городомъ и дани поча брати"...

Упоенный своимъ успѣхомъ, Олегъ не хотѣлъ мириться, а думалъ взять и Новгородъ. Онъ двинулъ брата своего Ярослава въ сторожахъ—впередъ на рѣку Медвѣдицу, а самъ сталъ по полѣ у Ростова.

Тогда Мстиславъ перешелъ противъ Олега въ рѣшительное наступленіе. Шедшій у него въ сторожахъ Добрыня Рагуйловичъ прежде всего перехватилъ Олеговыхъ сборщиковъ дани и заставилъ отступить Ярослава, который отошелъ назадъ къ Олегу съ извѣстіемъ, что Мстиславъ идетъ. Олегъ отступилъ въ Ростовъ;—Мстиславъ также подошелъ къ нему; тогда Олегъ отошелъ къ Суздалю; Мстиславъ двинулся туда же слѣдомъ за нимъ. Олегъ зажегъ Суздаль и ушелъ къ себѣ въ Муромъ. Придя въ Суздаль и освободивъ, такимъ образомъ, отцовскія волости отъ Олега, Мстиславъ не пошелъ дальше, а опять послалъ къ крестному отцу со слѣдующимъ словомъ: «Я моложе тебя; пересылайся съ отцомъ моимъ, да выпусти дружину, а я во всемъ тебя послушаю». На Олега слова эти не подѣйствовали; видя, однако, что ему трудно одолѣть крестника силою, онъ рѣшилъ прибѣгнуть

къ хитрости, и для этого послалъ къ Мстиславу съ мирнымъ отвѣтомъ. Обрадованный, что ему удалось уговорить Олега, Мстиславъ распустилъ свою дружину по селамъ; но Олегъ только этого и ждалъ, и внезапно появился со своимъ войскомъ на рѣкѣ Клязьмѣ, думая, что племянникъ, застигнутый врасплохъ, побѣжитъ. Однако, Мстиславъ не побѣжалъ. Неожиданное извѣстіе о наступленіи Олега застало его во время обѣда; онъ тотчасъ же разослалъ во всѣ стороны распоряженія о сборѣ, и въ два дня сосредоточилъ всю свою рать—Новгородцевъ, Ростовцевъ и Бѣлозерцевъ, такъ что когда подошелъ Олегъ, то нашелъ крестника въ полной боевой готовности.

32. Карта къ походу Мстислава Владиміровича противъ Олега Святославовича.

Такъ простояли они другъ противъ друга четыре дня. Мстиславъ, какъ и прежде, не желалъ боя, а потому его и не начиналъ, а Олегъ колебался, такъ какъ не былъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ.

На пятый день къ Мстиславу подошли подкрѣпленія, присланныя Мономахомъ съ сыномъ Вячеславомъ. Въ этотъ же день и Олегъ рѣшилъ вступить въ бой; онъ выстроилъ свои войска и повелъ ихъ на Мстислава; узнавъ про это, Мстиславъ двинулся ему на встрѣчу. Сѣча произошла на рѣкѣ Колокшѣ. Съ обѣихъ сторонъ бились очень упорно, какъ вдругъ Олегъ и его войско увидѣли позади себя большой стягъ Мономаховъ; они подумали, что самъ князь Владиміръ прибылъ и зашелъ имъ въ тылъ, тогда какъ это былъ только одинъ изъ пѣшихъ отрядовъ Мстислава, при которомъ было и знамя Мономаха, прибывшее вмѣстѣ съ Вячеславомъ.

Ужасъ напалъ тогда на Олега и на войско его, и все бросилось бѣжать. Побѣда Мстислава была самая полная. Онъ пошелъ слѣдомъ за Олегомъ на

Муромъ и Рязань, взялъ оба города, миролюбиво обошелся съ жителями, освободивъ только содержавшихся въ оковахъ своихъ Ростовцевъ и Суздальцевъ, и въ третій разъ послалъ разбитому на голову Олегу слѣдующее слово: «Не бѣгай больше, но пошли къ братьи съ просьбой о мирѣ; не лишатъ они тебя Русской Земли; а я пошлю къ отцу своему просить за тебя».

Поставленный въ безвыходное положеніе послѣ пораженія на Колокшѣ, Олегъ долженъ былъ, наконецъ, принять великодушное слово своего крестнаго сына.

Тогда Мстиславъ не земедлилъ отойти къ Суздалю, а потомъ и къ Новгороду, откуда послалъ къ Мономаху просить за своего крестнаго отца. Мономахъ тотчасъ же согласился на миръ съ Олегомъ, и послалъ ему замѣчательное письмо, показывающее, какими истинно благородными людьми и глубоковѣрующими христіанами былъ онъ самъ и славный сынъ его Мстиславъ.

Вотъ содержаніе этого письма:

«Пишу къ тебѣ, потому что принудилъ меня къ тому сынъ твой крестный; прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамоту; пишетъ: уладимся и помиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ за него местники, но положимся во всемъ на Бога: они станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы Русской Земли не погубимъ. Увидавъ такое смиреніе сына моего, я умилился и устрашился Бога, подумалъ: сынъ мой въ юности своей и въ безуміи такъ смиряется, на Бога все возлагаетъ; а я что дѣлаю; грѣшный я человѣкъ, грѣшнѣе всѣхъ людей! Послушался я сына своего, написалъ къ тебѣ грамоту: примешь ли ее добромъ или съ поруганіемъ — увижу по твоей грамотѣ. Я первый написалъ тебѣ, ожидая отъ тебя смиренія и покаянья. Господь нашъ не человѣкъ, а Богъ всей Вселенной, что хочетъ—все творитъ въ мгновенье ока; а претерпѣлъ хуленье, и плеванье, и ударенье, и на смерть отдался, владѣя животомъ и смертью; а мы что—люди грѣшные? нынче живы, а завтра мертвы; нынче въ славѣ и въ чести, а завтра въ гробѣ и безъ памяти; другіе раздѣлятъ по себѣ собранное нами. Посмотри, братъ, на отцовъ нашихъ: много ли взяли съ собой, кромѣ того, что сдѣлали для души своей. Тебѣ бы слѣдовало, братъ, прежде всего прислать ко мнѣ съ такими словами. Когда убили дитя мое и твое предъ тобою, когда ты увидалъ кровь его и тѣло увянувшее, какъ цвѣтокъ только что распустившійся, какъ агнца заколеннаго, подумать бы тебѣ, стоя надъ нимъ: «увы, что я сдѣлалъ! для неправды свѣта сего суетнаго взялъ грѣхъ на душу, отцу и матери причинилъ слезы! сказать бы тебѣ было тогда по Давидовски: азъ знаю грѣхъ мой, предо мной есть выну!» Богу бы тебѣ тогда покаяться, а ко мнѣ написать грамоту утѣшную, да сноху прислать, потому что она ни въ чемъ не виновата, ни въ добрѣ, ни въ злѣ; обнялъ бы я ее и оплакалъ мужа ея и свадьбу ихъ, вмѣсто пѣсенъ брачныхъ; не видалъ я ихъ первой радости, ни вѣнчанья, за грѣхъ мой; ради Бога пусти ее ко мнѣ скорѣе: пусть сидитъ у меня, какъ горлица на сухомъ деревѣ жалуючись, а меня Богъ утѣшитъ. Такимъ ужъ видно путемъ пошли дѣти отцовъ нашихъ: судъ ему отъ Бога

пришелъ... Если бы ты тогда сдѣлалъ по своей волѣ, Муромъ взялъ бы, а Ростова не занималъ, и послалъ ко мнѣ, то мы уладились бы; но разсуди самъ: мнѣ ли было первому къ тебѣ посылать, или тебѣ ко мнѣ; а что ты говорилъ сыну моему: «шли къ отцу», такъ я десять разъ посылалъ. Удивительно ли, что мужъ умеръ на рати, умирали такъ и прежде наши прадѣды; не искать бы ему чужого, и меня въ стыдъ и въ печаль не вводить; это научили его отроки для своей корысти, а ему на гибель *).

Захочешь покаяться предъ Богомъ и со мной помириться, то напиши грамоту съ правдой и пришли съ нею посла или попа: такъ и волость возьмешь добромъ, и наше сердце обратишь къ себѣ и лучше будемъ жить, чѣмъ прежде: я тебѣ ни врагъ, ни местникъ. Не хотѣлъ я видѣть твоей крови у Стародуба; но не дай Богъ мнѣ видѣть крози и отъ твоей руки, и ни отъ котораго брата по своему попущенію; если же я лгу, то Богъ меня вѣдаетъ и крестъ честной. Если тотъ мнѣ грѣхъ, что ходилъ на тебя къ Чернигову за дружбу съ погаными, то каюсь. Теперь подлѣ тебя сидитъ сынъ твой крестный съ малымъ братомъ своимъ, ѣдятъ хлѣбъ дѣдовскій, а ты сидишь въ своей волости: такъ рядись, если хочешь, а если хочешь ихъ убить, они въ твоей волѣ; а я не хочу лиха, добра хочу братьи и Русской Землѣ... Я къ тебѣ пишу не по нуждѣ: нѣтъ мнѣ никакой бѣды; пишу тебѣ для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлаго свѣта».

Письмо это подѣйствовало. Между старыми друзьями дѣтства состоялось примиреніе, повидимому искренное и со стороны Олега.

Это примиреніе дало, наконецъ, возможность Мономаху осуществить то, о чемъ онъ давно мечталъ, а именно: устроить общій княжескій съѣздъ, и на немъ полюбовно рѣшить всѣ тѣ вопросы, которые вызывали распри.

И вотъ въ 1097 году, въ городѣ Любечѣ собрались на съѣздъ: великій князь Святополкъ Изяславовичъ, Олегъ и Давидъ Святославовичи, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ и одинъ изъ сыновей Ростислава—Василько, сидѣвшій съ братомъ Володаремъ въ Червенскихъ городахъ **). Съ князьями вмѣстѣ прибыли ихъ дружинники, а также люди отъ Земель.

Всѣмъ съѣздомъ руководилъ, разумѣется, Владиміръ Мономахъ. Съѣхавшись, князья стали говорить другъ другу: «Зачѣмъ губимъ Русскую Землю, поднимая сами на себя вражду? Половцы разоряютъ Землю нашу и рады, что между нами усобица. Пусть же съ этихъ поръ будетъ у всѣхъ насъ единое сердце и будемъ блюсти Русскую Землю».

Затѣмъ, они урядились между собою такъ: дѣти каждаго изъ трехъ сыновей Ярослава берутъ себѣ тѣ волости, въ которыхъ сидѣли ихъ отцы; поэтому Святополкъ вмѣстѣ съ Кіевомъ получилъ и Туровъ; Мономахъ—Переяславль, Смоленскъ и Ростовскую область; Святославовичи—Олегъ,

*) Эти слова ясно показываютъ, что Мономахъ не одобрялъ самовольнаго захвата Мурома Изяславомъ.

**) Третій ихъ братъ Рюрикъ къ этому времени, какъ мы говорили, уже умеръ.

Давидъ и Ярославъ—Земли Черниговскую и Муромскую. Что же касается до бывшихъ князей-изгоевъ—Давида Игоревича и двухъ Ростиславовичей, то за ними было оставлено то, что далъ имъ великій князь Всеволодъ въ концѣ жизни, а именно: Давиду—Владиміръ-Волынскій, а Ростиславовичамъ Червенскіе города—Володарю—Перемышль, а Василько—Теребовль; эти части Давида, Володаря и Василька были выдѣлены изъ Волынской земли, ранѣе полностью принадлежавшей отцу Святополка—Изяславу.

Наконецъ, за сыномъ Мономаха, доблестнымъ Мстиславомъ, былъ оставленъ Новгородъ, который также входилъ прежде во владѣнія отца Святополкова—Изяслава, но куда Мстиславъ былъ посаженъ еще малюткой—дѣдомъ Всеволодомъ.

Такимъ образомъ, на Любечскомъ съѣздѣ были торжественно подтверждены права на все то, чѣмъ въ дѣйствительности уже владѣли съѣхав-

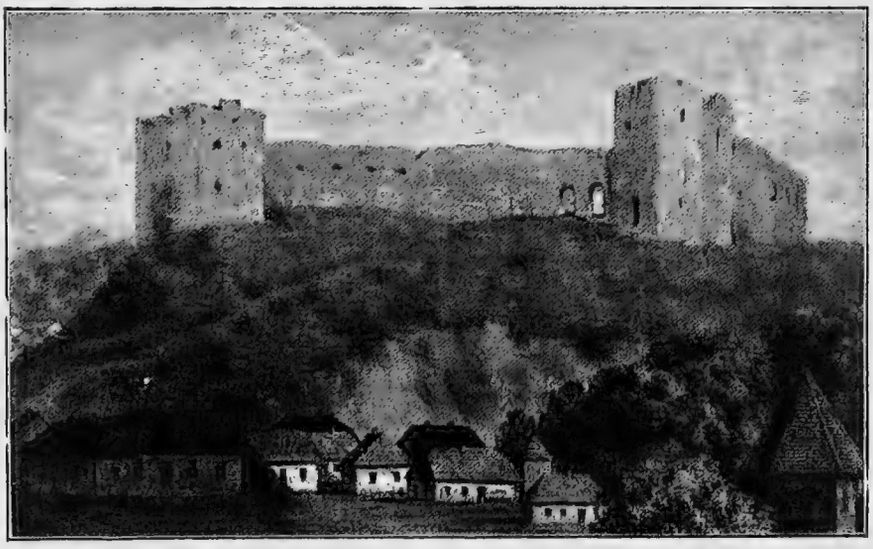
33. Развалины древняго Перемышльскаго замка надъ рѣкой Саномъ въ Галиціи.

шіеся князья ко времени этого съѣзда, при чемъ за старшими князьями остались ихъ отчины, то есть Земли, которыми владѣли ихъ отцы; бывшіе же изгои были надѣлены богатыми городами, входившими ранѣе во владѣніе Святополкова отца; однако и при этомъ, оставшаяся у Святополка часть была все-таки лучше всѣхъ другихъ княжескихъ частей, такъ какъ Кіевская Земля отличалась наибольшею населенностью и плодородіемъ своей почвы, и ему же принадлежалъ и городъ Кіевъ съ его богатѣйшей торговлею.

Разумѣется, это полюбовное взаимное подтвержденіе правъ съѣхавшихся князей на свои владѣнія было чрезвычайно важно и, повидимому, должно было устранить усобицы на будущее время. Такъ смотрѣли и сами князья. Уладившись, всѣ они цѣловали крестъ и рѣшили: «Если теперь кто нибудь изъ насъ поднимется на другого, то мы всѣ встанемъ на зачинщика и крестъ честной будетъ на него же. Крестъ честной и вся Русская Земля». Затѣмъ князья братски поцѣловались другъ съ другомъ и разъѣхались.

Разсматривая внимательно постановленія Любечскаго съѣзда, мы должны усмотрѣть, что хотя онъ и имѣлъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ утвердилъ всѣхъ князей въ ихъ владѣніяхъ, но однако на немъ вовсе не обсуждался вопросъ о томъ, какъ же будетъ съ волостями, при наслѣдникахъ князей, участвовавшихъ въ съѣздѣ: останутся ли онѣ навсегда въ ихъ потомствахъ, или же будутъ мѣняться, согласно очередному порядку восхожденія къ Кіевскому столу? Вмѣстѣ съ тѣмъ также не былъ разрѣшенъ вопросъ и о томъ, кто же долженъ наслѣдовать Кіевскій сталъ послѣ Святополка? Конечно, эти неразрѣшенные вопросы должны были привести къ недоразумѣніямъ и усобицамъ въ будущемъ.

Но усобицы начались немедленно же послѣ съѣзда. Какъ мы знаемъ, къ западу отъ Кіева сидѣли по сосѣдству другъ отъ друга: Давидъ Игоревичъ во Владимірѣ Волынскомъ и братья Володарь и Василько въ Червен-



34. Развалины древняго Теребовльскаго замка надъ рѣкой Гнѣзной въ Галиціи.

скихъ городахъ. Василько, князь Теребовльскій отличался необыкновенно предпріимчивымъ духомъ; богатырь по виду, набожный и великодушный, связанный съ Володаремъ самой нѣжной и глубокой братской любовью, при этомъ мужественный и воинственный,—онъ горѣлъ желаніемъ совершить великія дѣла на пользу Родной Землѣ. Уже въ ранней молодости сталъ онъ извѣстенъ своею ненавистью къ Польшѣ, на которую навелъ Половцевъ; теперь, онъ затѣвалъ новые, обширные походы, о которыхъ мы скажемъ ниже, и на его зовъ шли толпы Берендѣевъ, Печенѣговъ и Торковъ.

Прямой противоположностью Васильку былъ его сосѣдъ Давидъ Игоревичъ;—человѣкъ недалекій и притомъ съ низкими чувствами: завистливый, подозрительный и жестокій. Онъ еще до Любечскаго съѣзда злобился на Василька за то, что, по его мнѣнію, тому досталась лучшая часть, чѣмъ ему. Приготовленія же Василька къ походу—заставляли Да-

вида Игоревича опасаться, что Василько собирается отнять у него Владиміръ. Эти опасенія поддерживались и нѣкоторыми мужами Давидовой дружины. И вотъ, немедленно же по окончаніи съѣзда, пріѣхавъ въ Кіевъ, Давидъ начинаетъ наговаривать Святополку, что будто Василько съ Владиміромъ Мономахомъ тайно согласились захватить Волынскую и Кіевскую области и подѣлить ихъ между собой. «Кто убилъ брата твоего Ярополка», говорилъ Давидъ Святополку, намекая, что это сдѣлали Ростиславовичи, хотя, можетъ быть, какъ мы объ этомъ упомянули въ предыдущей главѣ, именно Давидъ и былъ заводчикомъ этого убійства. «Если не схватишь Василька» продолжалъ онъ, «то не княжить ни тебѣ въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ».

Святополкъ, человѣкъ недальняго ума, и къ тому же подозрительный и алчный, послѣ нѣкотораго колебанія повѣрилъ Давиду Игоревичу и согласился схватить Василька, который въ это время возвращался со своими людьми изъ Любеча и остановился на ночлегъ недалеко отъ Кіева.

На другой день утромъ, Святополкъ прислалъ къ нему съ просьбой— остаться въ Кіевѣ до его имянинъ. Василько, который торопился домой, гдѣ собиралось его войско, отказался. Тогда Давидъ послалъ ему такое же приглашеніе отъ себя, добавивъ: «не ослушайся старшаго брата». Но Василько рѣшительно отказался остаться за недосугомъ.

На это Давидъ сталъ говорить Святополку: «Видишь, не хочетъ тебя знать, находясь въ твоей волости; что же будетъ, когда пройдетъ въ свою Землю? Увидишь, что займетъ города твои Туровъ, Пинскъ и другіе; тогда помянешь меня; созови Кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ». Святополкъ послушался и послалъ сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до имянинъ, то зайди хоть нынче; повидаемся и посидимъ вмѣстѣ съ Давидомъ». На это Василько согласился и уже сѣлъ на лошадь и поѣхалъ, какъ встрѣтился ему одинъ изъ его слугъ и сказалъ: «не ѣзди князь; хотятъ тебя схватить». Но Василько не повѣрилъ, вспоминая недавнее крестное цѣлованіе въ Любечѣ, и продолжалъ свой путь. Когда онъ пріѣхалъ на княжій дворъ, то Святополкъ вышелъ ему на встрѣчу и ввелъ въ избу, куда пришелъ и Давидъ. Святополкъ сталъ опять упрашивать Василько остаться на имянины, но тотъ отвѣчалъ: «Никакъ не могу, братъ; я уже и обозъ отправилъ впередъ». А Давидъ во все время сидѣлъ какъ нѣмой. Потомъ Святополкъ начала упрашивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополкъ вышелъ распорядиться. Василько сталъ разговаривать съ Давидомъ; но у того отъ испугу не было ни языка, ни ушей. Посидѣвши немного, Давидъ спросилъ: «гдѣ Святополкъ», и затѣмъ вышелъ со словами: «я пойду за нимъ; а ты, братъ, посиди». Не успѣлъ Давидъ выйти, какъ Василька схватили, заковали въ двойные оковы, затѣмъ заперли и приставили сторожей на ночь.

На другой день Святополкъ созвалъ бояръ и Кіевлянъ и разсказалъ имъ все, что слышалъ отъ Давида. На это бояре и Кіевляне отвѣтили уклончиво: «тебѣ князь надо беречь свою голову; если Давидъ сказалъ правду,

то Василька должно наказать; если же сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ передъ Богомъ».

Когда объ этомъ узнало духовенство, то игумены стали прямо просить Святополка за Василька. Святополкъ заколебался и отвѣчалъ имъ: «Вѣдь это все Давидъ». Давидъ же сталъ упрашивать выдать ему Василька, чтобы его ослѣпить; «если ты этого не сдѣлаешь,—говорилъ онъ,—и отпустишь его, то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ». Кончилось тѣмъ, что Святополкъ выдалъ Василька Давиду.

Въ ту же ночь плѣнника перевезли изъ Кіева въ Бѣлгородъ, на телѣгѣ, въ оковахъ, и ввели въ маленькую избу, гдѣ посадили.

Сидя тутъ, Василько увидалъ, что овчарь Святополка, родомъ Торчинъ, по имени Берендя, точитъ ножъ. Онъ догадался, что его хотятъ ослѣпить, заплакалъ и началъ усердно молиться Богу. Затѣмъ вошли Сновидъ Изечевичъ, конюхъ Святополковъ, да Дмитрій, конюхъ Давидовъ, разо-

35. Ослѣпленіе Василька. „...и связаша ѝ, и снемше доску съ печи, и възложиша на перси его... и не можаста удержати... и сняста другую доску съ печи и съдоста и удавиша ѝ рамяно, яко персемъ троскотати“...

стлали коверъ по полу и, схвативъ Василька, хотѣли его повалить. Окованный Василько, собравши всю свою богатырскую силу, боролся такъ крѣпко, что тѣ вдвоемъ не могли съ нимъ сладить и позвали себѣ другихъ слугъ, при помощи которыхъ имъ удалось, наконецъ, повалить Василька и связать. Тогда сняли доску съ печи, положили ее на грудь лежащаго, и по концамъ ея сѣли Сновидъ и Дмитрій, но не могли удержаться; такъ силенъ былъ поваленный и связанный Василько! Сняли съ печи еще доску, приложили ее рядомъ съ первой, и еще двое участниковъ этого гнуснаго дѣла сѣли на ея концы. Тогда, наконецъ, затрещали кости въ груди у несчастнаго Василька.

Торчинъ Берендя, отточивъ ножъ, подошелъ къ связанному и поваленному князю и хотѣлъ ударить ему въ глазъ, но не попалъ и порѣзалъ ему лицо; наконецъ, вырѣзалъ оба глаза, одинъ за другимъ, и Василько обезпамятѣлъ. Его подняли вмѣстѣ съ ковромъ, положили на телѣгу какъ мертваго и повезли во Владиміръ Волынскій; по пути, во Вздвиженскѣ, Сновидъ съ товарищами остановились, сняли съ Василька кровавую сорочку

и отдали попадьѣ вымыть, а сами сѣли обѣдать; попадья, вымывши сорочку, одѣла ее опять на Василька и стала плакать надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ.

Василько очнулся и спросилъ: «гдѣ я?» Попадья отвѣчала: «въ городѣ Вздвиженскѣ». Тогда онъ спросилъ воды и, напившись, совершенно пришелъ въ себя; затѣмъ, прощупавъ сорочку, сказалъ: «зачѣмъ ее съ меня сняли; пусть бы я въ этой кровавой сорочкѣ смерть принялъ и сталъ передъ Богомъ».

На шестыя сутки пути—Василько былъ привезенъ въ Владиміръ. Пріѣхалъ съ нимъ туда и Давидъ, «какъ будто поймалъ какую добычу», по выраженію лѣтописца, и приставилъ къ слѣпому узнику 30 человѣкъ стражи.

Въ ужасъ пришли Русскіе князья, когда узнали о совершенномъ злодѣйствѣ. Мономахъ заплакалъ... «Не бывало еще такого зла въ Русской

36. „...и сволокоша съ него сорочку кроваву сущу, и вдаша попадьи опрати; попадья-же оправши взложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакатися нача попадья"...

Землѣ ни при отцахъ, ни при дѣдахъ», воскликнулъ онъ, и тотчасъ же послалъ сказать братьямъ Святославовичамъ Олегу и Давиду, чтобы шли на Святополка и Давида Игоревича. «Исправимъ зло, какое случилось теперь въ Русской Землѣ въ нашей братьѣ; бросили между нами ножъ; если это оставимъ такъ, то большое зло встанетъ, начнетъ убивать братъ брата, и погибнетъ Земля Русская: враги наши Половцы придутъ и возьмутъ ее»! Давидъ и Олегъ также сильно огорчились, плакали, и немедленно собравшись вмѣстѣ—соединились съ Мономахомъ и послали сказать Святополку: «Зачѣмъ это ты сдѣлалъ такое зло въ Русской Землѣ—бросилъ ножъ между нами? зачѣмъ ослѣпилъ брата своего, если бы онъ былъ виноватъ, то ты обличилъ бы его передъ нами, и тогда по винѣ наказалъ его; а теперь скажи, въ чемъ онъ виноватъ, что ты ему сдѣлалъ?» Святополкъ разумѣется, все свалилъ на Давида. Но Мономахъ и Святославовичи возражали: «нечего тебѣ оправдываться тѣмъ, что Давидъ его ослѣпилъ; не въ Давидовомъ городѣ его взяли и ослѣпили, а въ твоемъ», и на другой день стали переходить Днѣпръ, чтобы идти на Святополка, который уже собрался бѣжать изъ Кіева. Однако, Кіевляне не пустили его и, зная доброту Мономаха,

отправили къ нему посольство во главѣ съ митрополитомъ и мачехой Владиміра—вдовой князя Всеволода, которую онъ чтилъ какъ мать. Они держали князьямъ такое слово: «Если станете воевать другъ съ другомъ, то поганые обрадуются, возьмутъ Землю Русскую, которую пріобрѣли дѣды и отцы ваши; они съ великимъ трудомъ и храбростью побороли по Русской Землѣ, да и другія Земли пріискивали, а вы хотите погубить свою Землю!»

Владиміръ расплакался и сказалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, отцы и дѣды наши собирали Русскую Землю, а мы хотимъ погубить ее», и склонился на просьбу мачехи и митрополита. Князья послали сказать Святополку: «такъ какъ это все Давидъ надѣлалъ, то ступай ты Святополкъ на Давида, либо схвати его, либо выгони». И Святополкъ долженъ былъ согласиться исполнить ихъ волю.

Между тѣмъ Василько продолжалъ содержаться подъ стражей во Владимірѣ; тамъ же находился въ это время и какой-то монахъ Василій, который и оставилъ намъ лѣтописныя извѣстія объ этихъ событіяхъ.

«Однажды ночью», разсказываетъ Василій, «прислалъ за мной Давидъ и говоритъ: сегодня Василько сказалъ своимъ сторожамъ: слышу, что идетъ Владиміръ и Святополкъ на Давида; если бы Давидъ меня послушалъ, то я послалъ бы боярина своего къ Владиміру и тотъ бы возвратился. Такъ вотъ сходи-ка ты, Василій, къ тезкѣ твоему Васильку и скажи ему, что если онъ пошлетъ своего мужа и Владиміръ возвратится, то я дамъ ему городъ, какой ему любъ: либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемышль. Я пошелъ къ Васильку, разсказалъ ему всѣ рѣчи Давидовы; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Я этого не говорилъ, но надѣясь на Бога пошлю, чтобы не проливали изъза меня крови. Одно мнѣ удивительно: даетъ мнѣ свой городъ, а мой городъ Теребовль; вотъ моя волость»! Потомъ сказалъ мнѣ: «иди къ Давиду и скажи ему, чтобы прислалъ ко мнѣ Кульмѣя, я хочу его послать къ Владиміру». Но Давидъ побоялся поручить переговоры человѣку, котораго выбралъ Василько, и послалъ сказать ему, что Кульмѣя нѣтъ. Въ это свиданіе Василько выслалъ слугу и началъ говорить Василію: «Слышу, что Давидъ хочетъ отдать меня Ляхамъ. Видно мало еще насытился моей крови, хочетъ больше, потому что я Ляхамъ много зла надѣлалъ и хотѣлъ еще больше надѣлать, отмстить имъ за Русскую Землю; если онъ выдастъ меня Ляхамъ, то смерти не боюсь; но вотъ, что скажу тебѣ: въ правду Богъ навелъ на меня эту бѣду за мое высокоумье: пришла ко мнѣ вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендѣи, Печенѣги и Торки; вотъ я и началъ думать: какъ придутъ они ко мнѣ, то скажу братьямъ Володарю и Давиду: дайте мнѣ дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь; думалъ я зимой пойти на Польскую Землю, а потомъ взять ее и отмстить за Русскую Землю; потомъ хотѣлъ перенять Болгаръ Дунайскихъ и посадить ихъ у себя, а потомъ хотѣлъ проситься у Святополка и Владиміра на Половцевъ, и либо славу себѣ найти, либо голову свою сложить за Русскую Землю; а другого помышленія въ сердцѣ моемъ не было ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богомъ

и Его пришествіемъ, что не мыслилъ зла братьямъ ни въ чемъ, но за мое высокоумье низложилъ меня Богъ и смирилъ».

Узнавъ, что Мономахъ и Святославовичи вернулись въ свои Земли, а наказать его поручено одному только Святополку,—Давидъ, конечно, воспрянулъ духомъ. Онъ зналъ нерѣшительность и малую способность Святополка и полагалъ, что онъ не очень будетъ спѣшить наказывать своего соучастника преступленія; дѣйствительно, усобица, возникшая изъ-за ослѣпленія Василька, продолжалась съ 1097 по 1100 годъ.

Весною 1098 года Давидъ выступилъ въ походъ, чтобы взять Василькову волость, но у города Бужска онъ былъ встрѣченъ Володаремъ. Давидъ не посмѣлъ стать противъ него въ полѣ и затворился, а Володарь осадилъ его. Тогда Давидъ запросилъ мира, сваливъ все на Святополка. Володарь, горячо желая получить, наконецъ, въ свои руки ослѣпленнаго брата, не сталъ съ нимъ спорить, а послалъ сказать: «Про то вѣдаетъ Богъ, кто изъ васъ виноватъ, а теперь отпусти мнѣ брата, и я помирюсь съ тобой». Давидъ обрадовался, помирился съ Володаремъ, отдалъ ему Василька и былъ выпущенъ изъ Бужска.

Однако, миръ былъ непродолжителенъ, такъ какъ Давидъ не хотѣлъ возвращать городовъ, захваченныхъ имъ во владѣніяхъ Ростиславовичей. Вслѣдствіе этого, военныя дѣйствія возобновились: Ростиславовичи взяли на щитъ, то-есть приступомъ, Давидовъ городъ Всеволожъ, при чемъ въ порывѣ ярости побѣдители перебили всѣхъ его жителей. Затѣмъ братья подошли ко Владиміру Волынскому и, осадивъ здѣсь Давида, потребовали, чтобы онъ выдалъ имъ своихъ совѣтчиковъ, подговорившихъ его на ослѣпленіе Василька. Давидъ имѣлъ низость предать ихъ Ростиславовичамъ, которые заключили затѣмъ съ нимъ миръ, а выданныхъ совѣтчиковъ повѣсили.

Только послѣ того, какъ Володарь и Василько одержали надъ Давидомъ Игоревичемъ верхъ, собрался въ 1099 году Святополкъ наказать его при чемъ предварительно онъ заключилъ съ Ростиславовичами договоръ поцѣловалъ съ ними крестъ на миръ и любовь, и затѣмъ отправился въ городъ Брестъ для совѣщанія съ Поляками, прося у нихъ помощи противъ Давида. Узнавъ о прибытіи Святополка въ Брестъ, Давидъ испугался и самъ кинулся искать помощи у Польскаго короля Владислава Германа, который обѣщалъ ему свое содѣйствіе и взялъ за это пятьдесятъ гривенъ золота.

Такимъ образомъ, Поляки опять сдѣлались посредниками въ борьбѣ Русскихъ князей между собой. Однако, когда Святополкъ тоже далъ Владиславу богатые дары и договорился съ нимъ выдать свою дочь Сбыславу за его сына, то Владиславъ объявилъ Давиду, что никакъ не можетъ оказать ему помощи.

Тогда Давидъ заперся во Владимірѣ Волынскомъ. Святополкъ осадилъ его здѣсь и послѣ семи дней осады выпустить на условіи, что Давидъ передастъ ему городъ Владиміръ. Послѣ этой передачи, Давидъ ушелъ въ Червень.

Одержавъ такой успѣхъ надъ Давидомъ, Святополкъ, несмотря на то, что самъ искалъ урядиться съ Володаремъ и Василькомъ и недавно цѣловалъ съ ними крестъ, пошелъ теперь на обоихъ братьевъ, желая овладѣть и ихъ волостями, такъ какъ нашелъ удобнымъ вспомнить теперь, что волости эти входили когда-то въ составъ владѣній его отца Изяслава.

Но Ростиславовичей трудно было вытѣснить изъ ихъ волости; они выступили противъ Святополка, взявши съ собой и крестъ, который онъ цѣловалъ къ нимъ, и встрѣтили его на границахъ своихъ владѣній. Здѣсь, передъ началомъ битвы, когда обѣ рати уже исполчились, слѣпой Василько выѣхалъ верхомъ впередъ, поднялъ крестъ и закричалъ Святополку: «Вотъ, что ты цѣловалъ; сперва ты отнялъ у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; такъ пусть будетъ между нами этотъ крестъ». И послѣ ходила молва, что многіе благочестивые люди видѣли, какъ надъ Васильком въ воздухѣ возвышался крестъ во время боя.

37. Венгерскій воинъ XI—XII вѣка.

Произошла жестокая битва, въ которой Ростиславовичи побѣдили. Святополкъ побѣжалъ во Владиміръ, но Володарь и Василько не преслѣдовали его; они хотѣли показать, что защищаютъ только свое, а не ищутъ чужого, и сказали послѣ битвы слѣдующія благородныя и гордыя слова: «Съ насъ довольно стать на своей межѣ».

Святополкъ, однако, прибывъ во Владиміръ, и не думалъ оставлять ихъ въ покоѣ; посадивъ здѣсь одного изъ своихъ сыновей—Мстислава, онъ послалъ другого—Ярослава къ Венграмъ—поднимать ихъ на Володаря, а самъ ушелъ въ Кіевъ.

Давидъ Игоревичъ, видя, что теперь одинаковая опасность грозитъ отъ Святополка какъ ему, такъ и Володарю съ Василькомъ, сталъ искать съ ними прочнаго примиренія—во имя общаго дѣла—защитить себя отъ Святополка. Заклятые враги примирились, и Давидъ оставилъ жену свою у Володаря, а самъ отправился нанимать Половецкую орду, которой управлялъ воинственный и свирѣпый ханъ Бонякъ.

Вскорѣ къ Перемышлю, гдѣ сидѣлъ Володарь, пришли Венгры со своимъ королемъ Коломаномъ, наведенные Ярославомъ Святополковичемъ, и осадили городъ. На счастье Володаря, Давиду не пришлось далеко ѣздить за Половцами; онъ встрѣтилъ Боняка по пути и привелъ его къ Перемышлю же.

Здѣсь, наканунѣ ожидаемой битвы съ Венграми, Бонякъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, отъѣхалъ отъ войска въ поле и началъ выть по волчьи. Ему стали отвѣчать голоса множества волковъ. Таково было Половецкое гаданье. «Завтра—сказалъ Бонякъ,—мы побѣдимъ Венгровъ».

И дѣйствительно—это гаданье сбылось. На слѣдующій день утромъ Бонякъ двинулъ своего военачальника Алтунопу на Венгровъ; тотъ подскакалъ къ нимъ, пустилъ стрѣлы и побѣжалъ; Венгры кинулись его преслѣдовать, но этого только и ожидалъ хитрый Бонякъ; онъ зашелъ имъ въ тылъ, а Алтунопа поворотился назадъ, и затѣмъ Бонякъ, говоритъ лѣтописецъ, «сбилъ Венгровъ въ мячъ—какъ соколъ сбиваетъ галокъ».

Венгры бѣжали и много ихъ потонуло въ рѣкѣ Вагрѣ и Санѣ. Половцы гнались за ними и сѣкли ихъ два дня, убили латинскаго епископа и много бояръ; Ярославъ, сынъ Святополка, бѣжалъ въ Польшу, а Давидъ Игоревичъ, пользуясь побѣдою, внезапно подошелъ къ Владиміру Волынскому, гдѣ Мстиславъ, старшій сынъ Святополка, заперся со своей засадой, или какъ теперь говорятъ, со своимъ гарнизономъ. Давидъ началъ дѣлать приступы; стрѣлы сыпались дождемъ съ обѣихъ сторонъ; осаждающіе закрывались подвижными вежами, или башнями, а осажденные стояли на стѣнахъ за досками; таковъ былъ тогдашній способъ воевать.

Однажды Мстиславъ хотѣлъ самъ выстрѣлить изъ лука, но непріятельская стрѣла проскочила черезъ скважину доски и попала ему подъ пазуху; онъ умеръ въ ту же ночь. Осажденные послѣ его смерти терпѣли тяжелую осаду до августа 1099 года; наконецъ, Святополкъ прислалъ къ нимъ на выручку войско. Давидъ противъ него не устоялъ, долженъ былъ снять осаду и бѣжалъ къ Половцамъ. Но войско Святополково не долго праздновало побѣду. Скоро къ городу Владиміру подступилъ опять Давидъ съ новыми полчищами Половцевъ, приведенныхъ Бонякомъ, и отнялъ у нихъ Владиміръ.

Таково было положеніе дѣлъ, вызванное ослѣпленіемъ Василька, къ концу 1099 года. Благородное намѣреніе Владиміра Мономаха соединить князей въ одно цѣлое, чтобы бороться затѣмъ общими силами противъ Половцевъ, для чего имъ и былъ собранъ послѣ столькихъ стараній Любечскій съѣздъ, не только не привело къ цѣли, но наоборотъ повело къ четырехлѣтней кровавой усобицѣ, во время которой враждующія стороны обращались за содѣйствіемъ къ Полякамъ и наводили на Русскую Землю Венгровъ и Половцевъ.

Но Мономахъ продолжалъ настойчиво преслѣдовать поставленную себѣ высокую цѣль, и въ слѣдующемъ 1100 году достигъ того, что между князьями состоялся новый съѣздъ, съ цѣлью окончанія возникшей распри. 10 августа, Владиміръ Мономахъ, Святополкъ, Олегъ и Давидъ Святославовичи съѣхались въ Витичевѣ, а черезъ 20 дней, 30 августа, они снова сошлись на томъ же мѣстѣ и тогда съ ними былъ уже и Давидъ Игоревичъ.

«Кому есть на меня жалоба»?—спросилъ онъ.

«Ты пришелъ къ намъ»—сказалъ Владиміръ—«объявить, что хочешь жаловаться передъ нами на свою обиду. Вотъ теперь ты сидишь съ братіей на одномъ коврѣ. На кого у тебя жалоба?».

Давидъ ничего не отвѣчалъ.

Тогда князья сѣли на коней и стали врознь, каждый со своей дружиною. Давидъ же Игоревичъ продолжалъ сидѣть особо. Князья разсуждали о Давидѣ: сначала каждый князь со своей дружиной, а потомъ совѣщались между собой, и послали Давиду отъ каждаго князя мужей. Тѣ держали ему такую рѣчь: «Вотъ-что говорятъ тебѣ братья: не хотимъ тебѣ дать стола Владимірскаго за то, что ты ввергъ ножъ между насъ, сдѣлалъ то, чего еще не бывало въ Русской Землѣ; но мы тебя не беремъ въ неволю, не дѣлаемъ тебѣ ничего худого; сиди себѣ въ Бужскѣ и въ Острогѣ; Святополкъ придаетъ тебѣ Дубенъ и Чарторижскъ, а Владиміръ даетъ тебѣ двѣсти гривенъ, да еще Олегъ и Давидъ дадутъ тебѣ 200 гривенъ» *).

38. Витичевскій съѣздъ. „...И приде къ нимъ Игоревичъ Давыдъ и рече къ нимъ: „Начто мя есте привабили? Осе есмъ; кому до меня обида?“ И отвѣща ему Володимеръ: „ты еси прислалъ къ намъ“...

Потомъ князья послали къ Володарю такое слово:

«Возьми къ себѣ брата своего Василька; будетъ вамъ обоимъ Перемышль. Хотите, живите вмѣстѣ, а не хотите—отпусти Василька къ намъ; будемъ его кормить».

Такимъ образомъ на Витичевскомъ съѣздѣ—Давидъ былъ наказанъ очень слабо, а Святополкъ, который былъ виноватъ въ ослѣпленіи Василька и во всей послѣдующей смутѣ не менѣе Давида, получилъ только выгоду, такъ какъ пріобрѣлъ Владиміро-Волынскій столъ, вмѣсто Дубенъ и Чарторижска; при этомъ, онъ не самъ приплатилъ Давиду за эту мѣну четыреста гривенъ, а заставилъ это сдѣлать Владиміра Мономаха и Святославовичей. Очевидно, Святополкъ жаловался, что на Любечскомъ съѣздѣ всѣхъ князей-изгоевъ надѣлили волостями изъ земель, принадлежавшихъ прежде его

*) Впослѣдствіи Давиду былъ данъ Дорогобужъ, гдѣ онъ и умеръ. Родъ же его вскорѣ захудалъ.

отцу Изяславу и составлявшихъ, стало быть, его отчину; несомнѣнно также, что, желая вернуть себѣ Теребовль, входившій прежде во владѣнія его отца, тотъ же Святополкъ настоялъ на томъ, чтобы послать предложеніе Володарю ограничиться вмѣстѣ съ Василькомъ однимъ только Перемышлемъ.

Однако у храбрыхъ Ростиславовичей, связанныхъ между собою крѣпкою братскою любовью, не удалось ничего отнять изъ ихъ владѣній; они съ гнѣвомъ отвергнули сдѣланное имъ предложеніе, а когда на нихъ собрался было идти Святополкъ со Святославовичами и послалъ приглашеніе и Владиміру присоединиться къ нему, то благородный Мономахъ отвѣтилъ ему рѣшительно: «Я не могу идти на Ростиславовичей и преступать крестное цѣлованіе», вслѣдствіе чего задуманный Святополкомъ походъ такъ и не состоялся.

Алчному Святополку хотѣлось также власти и надъ Новгородомъ, гдѣ, обыкновенно, сидѣлъ старшій сынъ великаго князя Кіевскаго, но въ его княженіи столъ этотъ занималъ, какъ мы видѣли, Мстиславъ, старшій сынъ Мономаха, посаженный тамъ съ малыхъ лѣтъ еще дѣдомъ Всеволодомъ. Когда по этому поводу Святополкъ обратился къ Мономаху, предлагая Мстиславу вмѣсто Новгорода только что полученный отъ Давида Игоревича Владиміръ Волынскій, то Мономахъ, какъ всегда жертвуя своими выгодами во имя общаго дѣла—мира между князьями, согласился на эту мѣну и вызвалъ Мстислава изъ Новгорода въ Кіевъ.

Но вмѣстѣ съ Мстиславомъ пріѣхали въ Кіевъ и Новгородскіе послы и повели такую рѣчь Святополку: «Приславшіе насъ велѣли сказать: не хотимъ Святополка и сына его; если у него двѣ головы, то посылай его. Намъ далъ Мстислава Всеволодъ и мы вскормили его».

Эта рѣчь Новгородскихъ мужей показываетъ намъ, насколько они были преданы Мстиславу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтъ этотъ, крайне непочтительный по отношенію Святополка, ясно показываетъ намъ также, насколько уже въ то время, благодаря усобицамъ князей между собой, упало въ глазахъ Новгородцевъ понятіе о княжеской власти. И, дѣйствительно, Святополкъ ничего не могъ подѣлать съ Новгородцами, и Мстиславъ опять вернулся въ Новгородъ.

При дальнѣйшемъ нашемъ повѣствованіи мы увидимъ, какъ подъ вліяніемъ княжескихъ усобицъ все болѣе и болѣе падало значеніе княжеской власти, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе росло своеволіе Новгородцевъ; увидимъ также, что это не привело ни къ чему доброму, ни для князей, ни для самихъ Новгородцевъ.

Жертвуя своими личными выгодами во имя согласія между князьями, Мономахъ все время настойчиво заботился о дѣйствіяхъ общими силами противъ Половцевъ, постоянно нападавшихъ на наши пограничныя области, и въ 1101 году ему удалось, наконецъ, уговорить князей собраться противъ нихъ; тогда Половцы, услышавъ объ общихъ сборахъ Русскихъ, тотчасъ же, одновременно отъ разныхъ ордъ, прислали просьбу о мирѣ.

Князья на миръ согласились и обмѣнялись заложниками. Однако, и послѣ этого Мономахъ не переставалъ настаивать на необходимости общаго большого похода на «поганыхъ», и вотъ въ 1103 году, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, «Богъ вложилъ въ сердце князьямъ Русскимъ благую мысль», и Святополкъ съ Владиміромъ съѣхались въ Долобскѣ, чтобы обсудить этотъ важный вопросъ.

Каждаго князя на это свиданіе сопровождала его дружина. Долго сидѣли всѣ молча. Наконецъ, Владиміръ началъ: «Братъ, ты старшій, начни же говорить, какъ бы намъ промыслить о Русской Землѣ?» Святополкъ отвѣчалъ: «Лучше ты, братецъ, говори первый». Тогда Владиміръ

39. Долобскій съѣздъ. Владиміръ Мономахъ убѣждаетъ идти на Половцевъ.

Рисунокъ художника Кившенко.

сказалъ на это: «Какъ мнѣ говорить? Противъ меня будетъ и твоя и моя дружины; скажутъ: хочетъ погубить поселянъ и пашни. Но дивлюсь я одному, какъ вы поселянъ жалѣете и лошадей ихъ, а того не подумаете, что станетъ весной поселянинъ пахать на лошади, и придетъ Половчинъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ; объ этомъ вы не подумаете»! На это дружинники, изъ которыхъ люди Святополка были въ началѣ противъ похода, убѣжденные словами Мономаха, сказали: «въ самомъ дѣлѣ такъ!» Тогда Святополкъ сошелъ съ мѣста и промолвилъ: «Я готовъ». Владиміръ Мономахъ, тронутый его согласіемъ, горячо отвѣтилъ ему на это: «Великое добро дѣлаешь ты, братъ, Русской Землѣ».

Послѣ Долобскаго совѣщанія Владиміръ и Святополкъ стали приглашать Святославовичей принять участіе въ походѣ: «Пойдемъ на Полов-

цевъ, либо живы будемъ, либо мертвы». Давидъ послушался ихъ, но Олегъ велѣлъ сказать, что онъ нездоровъ. Понятно, что онъ неохотно ссорился съ Половцами, которые такъ помогли ему добиться Черниговскаго стола.

Кромѣ трехъ старыхъ князей—Святополка, Мономаха и Давида Святославовича, собрались на Половцевъ и нѣсколько молодыхъ, въ томъ числѣ и Давидъ Всеславовичъ Полоцкій, сынъ умершаго чародѣя Всеслава.

Русскіе двигались до Хортицкихъ пороговъ на Днѣпрѣ: пѣшее войско въ ладьяхъ, а конница по берегу рѣки. Отъ Хортицъ всѣ направились къ востоку въ степь, на четыре дня пути отъ рѣки.

Половцы, услышавъ, что идетъ вся Русь, стали быстро собираться со всѣхъ сторонъ и думать, что дѣлать дальше. Одинъ изъ ихъ хановъ, Урусоба, предложилъ: «Пошлемъ просить мира у Руси, они станутъ съ

40. Долобскій съѣздъ. „...и вста Святополкъ; и рече ему Володимеръ: „то ти брате, велико добро створиши землѣ Русскѣй"...

нами биться крѣпко, потому что много мы зла сдѣлали ихъ Землѣ». Молодые отвѣчали ему: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивши этихъ, пойдемъ въ ихъ Землю, возьмемъ ихъ города, и кто тогда защититъ ихъ отъ насъ?»

Между тѣмъ, Русскіе князья и всѣ ратники горячо молились въ это время Богу и Пречистой Дѣвѣ. Многіе давали обѣты: кто кутью поставить, кто милостыню раздать нищимъ, кто въ монастырь послать нужное для братіи.

Половцы выслали впередъ въ сторожахъ славнаго воина своего Алтунопу. Русскіе тоже выслали передовой отрядъ провѣдать непріятеля. Наши встрѣтились съ отрядомъ Алтунопы, лихо напали на него со всѣхъ сторонъ, окружили и истребили до единаго человѣка.

За этимъ успѣшнымъ для насъ началомъ—сошлись и главные полки, и послѣ ожесточеннѣйшаго боя мы наголову разбили Половцевъ; однихъ хановъ было перебито двадцать человѣкъ. Эта блистательная побѣда была одержана 4 апрѣля 1103 года въ мѣстности, называвшейся *Сутѣнь*.

Одинъ изъ Половецкихъ хановъ Бельдюза былъ взятъ живымъ и приведенъ къ Святополку; Бельдюза сталъ давать за себя окупъ: золота и серебра, коней и скота. Святополкъ послалъ его къ Владиміру, который спросилъ плѣнника: «сколько разъ вы клялись не воевать, а потомъ все воевали Русскую Землю? Зачѣмъ же ты не училъ сыновей своихъ и родичей соблюдать клятву, а все проливалъ кровь христіанскую? Такъ будь же кровь твоя на головѣ твоей!» Послѣ чего Бельдюза былъ разсѣченъ на части.

Когда всѣ князья собрались послѣ побѣды на Сутѣньскомъ полѣ, то Владиміръ обратился къ нимъ со слѣдующимъ словомъ: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь; Господь избавилъ насъ отъ враговъ, покорилъ ихъ намъ, сокрушилъ головы зміевы, и далъ ихъ достояніе людямъ Русскимъ».

Эта побѣда надъ Половцами дала въ наши руки много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, шатровъ со всякою рухлядью и скарбомъ, а также было захвачено много Печенѣговъ и Торковъ, бывшихъ въ плѣну у Половцевъ.

Возвратились наши домой съ большимъ веселіемъ, побѣдою и славой.

Такъ осуществилась, наконецъ, завѣтная мечта Мономаха—соединиться Русскимъ князьямъ для общаго дѣла и нанести хищному врагу Родины жестокое пораженіе.

Однако, сила Половцевъ была далеко еще не сломлена. Живъ былъ еще и страшный Бонякъ. Въ 1105 году онъ подалъ о себѣ вѣсть, пришелъ къ городу Зарубу, около устья Трубежа и побѣдилъ жившихъ здѣсь Торковъ и Берендѣевъ.

Въ слѣдующемъ 1106 году Святополкъ долженъ былъ выслать трехъ своихъ воеводъ противъ Половцевъ, опустошавшихъ пограничныя волости Кіевскаго князя, а въ 1107 году Бонякъ захватилъ конскіе табуны у Переяславля, а потомъ подошелъ съ многими другими ханами къ Лубнамъ на рѣкѣ Сулѣ. Тогда Владиміръ Мономахъ съ Олегомъ Святославовичемъ, котораго онъ успѣлъ, наконецъ, уговорить пойти противъ Половцевъ, и еще съ четырьмя князьями ударилъ на нихъ внезапно и съ большимъ крикомъ; Половцы испугались и побѣжали, не успѣвъ поставить своего стяга, а многіе даже не успѣли сѣсть на коней. Наши долго гнали ихъ и захватили весь Половецкій станъ. Узнавъ объ этой побѣдѣ, великій князь Святополкъ отправился въ Печерскій монастырь къ заутрени въ Успеньевъ день и съ радостью сообщилъ о семъ братіи.

Несмотря, однако, на эти успѣхи, Владиміръ Мономахъ, Олегъ и Давидъ Святославовичи въ томъ же 1107 году имѣли съѣздъ съ двумя Половецкими ханами и взяли у нихъ двухъ дочерей замужъ за своихъ сыновей: за Юрія, сына Владиміра, прозваннаго впослѣдствіи Долгорукимъ, и за Святослава, сына Олегова. Конечно, эти браки, заключенные для блага Русской Земли, должны были быть очень тяжелы нашимъ князьямъ.

Но и эти браки не дали прочнаго мира съ Половцами. Въ 1109 году Владиміръ долженъ былъ послать своего воеводу Димитрія Иворовича къ Дону, гдѣ онъ произвелъ большое разореніе въ Половецкихъ владѣніяхъ; въ 1110 же году Святополкъ, Владиміръ и Давидъ Святославовичъ принуждены были опять ходить противъ поганыхъ, при чемъ походъ этотъ вслѣдствіе зимней стужи и конскаго падежа кончился ничѣмъ, и только въ 1111 году «думою и похотѣніемъ» Владиміра Мономаха состоялся новый большой походъ князей противъ Половцевъ въ самую глубь степей къ рѣкѣ Дону.

Передъ началомъ этого похода было чудесное предзнаменованіе: 11 февраля ночью надъ Печерскимъ монастыремъ появился огненный столбъ; сперва онъ сталъ надъ каменной трапезой, перешелъ оттуда на церковь, потомъ сталъ надъ гробомъ Ѳеодосія, наконецъ, поднялся по направленію къ востоку и исчезъ. Явленіе сопровождалось молніей и громомъ.

41. „...И створиша миръ съ Половци... и разыдошася разно“...

Самый походъ начался весною, во второе воскресенье Великаго поста. Въ него выступили: Святополкъ, Владиміръ Мономахъ и Давидъ Святославовичъ со своими сыновьями. Въ среду на Крестопоклонной недѣлѣ войско наше подошло къ рѣкѣ Ворсклѣ; отсюда, помолившись Богу съ обильными слезами и приложившись къ Честному Кресту, Русскіе двинулись дальше и на шестой недѣлѣ достигли рѣки Дона.

На берегахъ Дона находились осѣдлыя становища, или зимовники главныхъ Половецкихъ хановъ. Здѣсь воинство наше облеклось въ брони, которыя во время похода везлись обыкновенно на возахъ; полки выстроились и въ боевомъ порядкѣ двинулись къ городу хана Шарукана. По распоряженію Владиміра, священники шли впереди войска съ пѣніемъ тропарей и кондаковъ.

Шаруканцы вышли навстрѣчу съ поклономъ, рыбою и виномъ, и тѣмъ спасли свои жилища отъ разоренія. Слѣдующій затѣмъ городъ Сугровъ былъ сожженъ. Въ четвергъ Русская рать отъ Дона пошла дальше и на другой день, въ пятницу, 27 марта, послѣдовала встрѣча съ Половцами.

Князья наши, возложивъ всю надежду на Бога, послѣ горячей молитвы, перецѣловались и торжественно сказали другъ другу: «Помереть намъ здѣсь. Станемъ крѣпко».—Господь помогъ нашимъ и послѣ жестокой сѣчи Половцы были побѣждены, при чемъ великое множество ихъ было убито.

Послѣ этой блистательной побѣды, Русская рать отпраздновала на другой день Лазарево Воскресеніе и Благовѣщеніе «на костяхъ», то есть на полѣ битвы, а на утро въ Вербное Воскресенье, несмотря на сильное утомленіе послѣ только что одержанной побѣды, она должна была двинуться дальше для боя, такъ какъ новыя огромныя полчища Половцевъ выступили противъ нашихъ. Главная битва съ ними произошла въ Страстной понедѣльникъ, на берегахъ рѣки Сальницы. Враги были очень многочисленны и подобно густому бору окружили наше воинство. Упорная и кровопролитная сѣча длилась до тѣхъ поръ, пока Владиміръ Мономахъ и Давидъ Святославовичъ стремительнымъ натискомъ во главѣ своихъ полковъ не рѣшили побѣды. По словамъ лѣтописца, Половцы объясняли свое пораженіе тѣмъ, что какіе-то свѣтлые воины носились въ воздухѣ надъ Русскими полками и всюду оказывали имъ помощь.

Снова съ огромнымъ количествомъ плѣнниковъ и богатѣйшей добычей вернулись наши домой изъ этого труднаго, но славнаго похода. Послѣ него, слава о подвигахъ Мономаха, который былъ его душою, разнеслась далеко по всему свѣту: между Греками, Венграми, Ляхами, Чехами и дошла до самаго Рима. Таковы были блистательные плоды прекращенія на время, стараніями Мономаха, княжескихъ усобицъ.

За время описанныхъ походовъ противъ Половцевъ, Русскіе люди воевали и съ другими варварами, окружающими нашу Землю со всѣхъ сторонъ; Новгородцы со своимъ доблестнымъ княземъ Мстиславомъ ходили на Чудь, къ западу отъ Чудскаго озера; Полоцкіе и Волынскіе князья боролись съ Ятвягами и Латышами, а на востокѣ младшій Святославовичъ Ярославъ, княжившій въ Муромѣ, бился, и притомъ несчастливо, съ Мордвою.

Въ началѣ 1113 года случилось солнечное затменіе; въ немъ всѣ увидѣли дурное предзнаменованіе, и дѣйствительно 16 апрѣля скончался великій князь Святополкъ на пути около Вышгорода. Его положили въ лодку, привезли въ Кіевъ и похоронили въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ, имъ основанномъ.

«Святополкъ,—говоритъ нашъ знаменитый писатель Карамзинъ,—имѣлъ всѣ пороки малодушныхъ: вѣроломство, неблагодарность, подозрительность, надменность въ счастіи и робость въ бѣдствіяхъ». При немъ значительно унизилось достоинство великаго князя, и только сильная рука Мономаха поддерживала его 20 лѣтъ на престолѣ, даруя побѣды Отечеству. Отличаясь большимъ корыстолюбіемъ, столь несвойственнымъ Русскимъ князьямъ, Святополкъ сильно покровительствовалъ жидамъ, которые пользовались при немъ большими льготами въ Кіевѣ и нещадно обирали жителей, давая имъ деньги въ долгъ за неимовѣрно высокіе «рѣзы» или ростъ.

Таково было княженіе Святополка. Легко понять, что ни онъ, ни племя его не пользовались любовью на Руси. Не пользовались также любовью и Святославовичи; какъ мы видѣли выше, они часто, въ особенности же Олегъ Святославовичъ, наводили Половцевъ на Русскую Землю, а этого, конечно, забыть было нельзя.

Общимъ же любимцемъ всей Земли былъ, разумѣется, Мономахъ.

Мы видѣли, какъ своевольно поступилъ Новгородъ, когда князья хотѣли вывести изъ города любимаго жителями Мстислава. Такъ же поступили Кіевляне послѣ смерти Святополка, непремѣнно желая имѣть у себя послѣ него Мономаха.

Они собрали вѣче, рѣшили, что княжить долженъ Владиміръ и послали ему объявить объ этомъ въ Переяславль: «Ступай князь на столъ отцовскій и дѣдовскій»,—говорили ему послы.

Мономахъ, узнавъ отъ нихъ о смерти Святополка, много плакалъ, но въ Кіевъ не пошелъ. Если по смерти отца своего Всеволода онъ не пошелъ туда, уважая старшинство Святополка, то, конечно, и теперь онъ не пошелъ въ Кіевъ по тѣмъ же побужденіямъ, уважая старшинство Святославовичей.

Однако, Кіевляне и слышать не хотѣли о Святославовичахъ. При вѣсти, что Мономахъ въ Кіевъ не идетъ, въ городѣ поднялся мятежъ; одни пошли грабить домъ тысяцкаго Путяты, державшаго сторону Святославовичей, а другіе стали громить дома сотскихъ и жидовъ.

Послѣ погрома, Кіевляне послали опять къ Владиміру съ такимъ словомъ: «Приходи князь въ Кіевъ; если же не придешь, то знай, что много зла сдѣлается: ограбятъ уже не одинъ Путятинъ дворъ, или сотскихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ». Тогда Владиміръ рѣшилъ, наконецъ, идти въ Кіевъ. Навстрѣчу ему вышелъ митрополитъ съ епископами и со всѣми Кіевлянами, принявшими съ великою честью и радостью доблестнаго князя. Мятежъ же сейчасъ утихъ.

Такъ сѣлъ въ 1113 году на золотой столъ отца своего и дѣда—Владиміръ Мономахъ—60 лѣтъ отъ роду.

Конечно, при описанныхъ выше обстоятельствахъ, онъ уже не могъ далѣе отказываться отъ Кіева въ пользу Святославовичей; но этимъ, разумѣется, нарушался очередной порядокъ. Святославовичи потеряли старшинство и должны были сойти на удѣлъ, ограничившись своею отчиной—Черниговской волостью. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, Святославовичи примирились съ этимъ только на время.

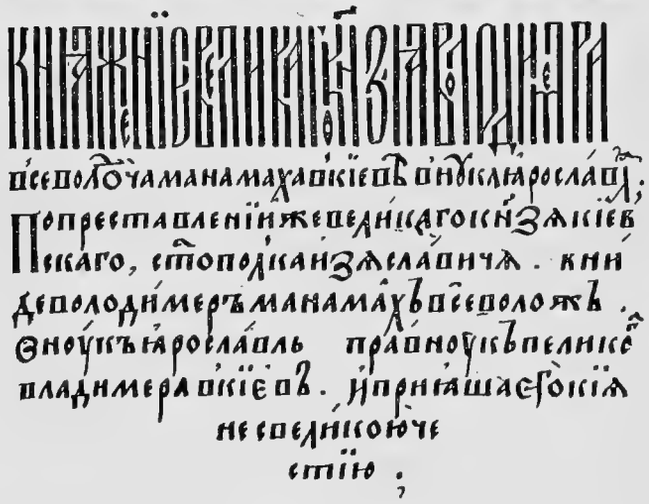
Первымъ дѣломъ Мономаха по занятіи Кіевскаго стола было обузданіе жидовъ. Онъ тотчасъ же собралъ совѣтъ изъ своихъ мужей, на который былъ приглашенъ и мужъ отъ Олега Святославовича, и совѣтомъ этимъ были выработаны правила для ограниченія жидовскихъ ростовъ на деньги, а именно было установлено, что наивысшая величина «рѣзъ» или процентовъ не можетъ быть свыше одной трети долга, при чемъ ростовщики могли взимать эти рѣзы только три раза, послѣ чего теряли право на самый долгъ.

Сохранилось извѣстіе, что Владиміръ Мономахъ вовсе хотѣлъ осводить Русскую Землю отъ жидовъ, и собралъ для этого совѣтъ изъ всѣхъ князей, которые положили ихъ изгнать; жиды, однако, послѣ этого постановленія не исчезли изъ нашего Отечества.

Время сидѣнія Мономаха на Кіевскомъ столѣ было однимъ изъ счастливѣйшихъ.

Свято чтя память братьевъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, погибшихъ изъ-за братской вражды, и находя, что храмъ, гдѣ они покоятся, недостаточно проченъ, Мономахъ воздвигъ новую каменную церковь въ Вышгородѣ и 2 мая 1115 года состоялось перенесеніе мощей угодниковъ въ эту церковь.

На торжество съѣхались всѣ Русскіе князья, и безчисленное множество людей толпилось на улицахъ и городскихъ стѣнахъ; чтобы очистить дорогу для духовенства, Владиміръ велѣлъ бросать въ народъ ткани, одежду, драгоцѣнныя шкуры звѣрей и серебряныя деньги. Олегъ же Святославовичъ далъ роскошный пиръ для князей, а бѣдныхъ и странниковъ угощалъ три дня.



42. Торжественная встрѣча Владиміра Мономаха Кіевлянами.

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Уже ни Половцы и никакіе другіе иноплеменники не осмѣливались нападать на Русскую Землю. Напротивъ, самъ Владиміръ посылалъ своего—сына Ярополка на Донъ, гдѣ онъ завоевалъ три города и привелъ себѣ жену съ сѣвернаго Кавказа, дочь Ясскаго князя, отличавшуюся необыкновенной красотой.

Старшій сынъ Мономаха—доблестный Мстиславъ—нанесъ вмѣстѣ съ своими Новгородцами сильнѣйшее пораженіе Чуди въ 1116 году и взялъ ихъ городъ *Оденпе* или Медвѣжью Голову, а сынъ Мстислава—юный Всеволодъ-Гавріилъ совершилъ въ 1122 году труднѣйшій походъ въ Финляндію и побѣдилъ жившее тамъ Финское племя *Ямь*, предковъ нынѣшнихъ обитателей Финляндіи.

На сѣверо-востокѣ, во время великаго княженія Мономаха дѣла наши шли также удачно: въ 1120 году, другой его сынъ Юрій,—посаженный отцомъ въ Ростовской области, ходилъ на Волжскихъ Болгаръ, побѣдилъ ихъ полки, взялъ большой полонъ и вернулся домой съ честью и славой.

Не смѣли и младшіе князья заводить во время великаго княженія Мономаха усобицъ; въ случаѣ же строптивости, они чувствовали его сильную руку. Владиміръ всегда прощалъ первыя попытки нарушить порядокъ, но за то строго каралъ ихъ повтореніе.

Такъ, послѣ смерти Всеслава Полоцкаго, между сыновьями его наступила жестокая усобица, при чемъ одинъ изъ нихъ, Глѣбъ, напалъ на Слуцкъ, принадлежавшій великому князю и сжегъ его; Владиміръ пошелъ на него войною, но Глѣбъ поклонился ему, и Мономахъ оставилъ его княжить въ Минскѣ, давъ наставленіе, какъ вести себя; когда же Глѣбъ нарушилъ это наставленіе, то Мономахъ, въ 1120 году, отнялъ у него Минскъ и привелъ въ Кіевъ, гдѣ Глѣбъ и умеръ. Точно также, въ 1118 году, Владиміръ, собравши князей, пошелъ на сына покойнаго Святополка—Ярослава, сидѣвшаго во Владимірѣ Волынскомъ, который дурно обращался со своей женою, внучной Мономаха, дочерью Мстислава Новгородскаго. Послѣ двухмѣсячной осады, Ярославъ покорился Мономаху и ударилъ ему челомъ; Владиміръ простилъ его, далъ наставленіе, какъ жить, и ушелъ въ Кіевъ. Однако, Ярославъ вскорѣ опять отослалъ отъ себя жену; тогда Мономахъ вторично выступилъ противъ него и изгналъ изъ Владиміра Волынскаго. Послѣ этого, Ярославъ бѣжалъ въ Венгрію, а потомъ и въ Польшу, и, возвратившись съ большой ратью изъ Чеховъ, Поляковъ и Венгровъ, сталъ осаждать Владиміръ Волынскій, занятый въ это время сыномъ Мономаха—Андреемъ. Однако осада эта окончилась весьма печально для Ярослава; онъ былъ предательски убитъ двумя Поляками, изъ приведенной имъ же рати, послѣ чего вожди этой рати поспѣшили заключить съ Мономахомъ миръ и разошлись по домамъ.

Посылалъ Мономахъ наши войска и въ Греческія владѣнія; дочь его Марія была замужемъ за греческимъ царевичемъ Леономъ, который былъ умерщвленъ во время одной усобицы; чтобъ поддержать права своего внука Василія, сына убитаго Леона, Мономахъ и выслалъ наши войска къ Дунаю. Греческій императоръ, желая избавиться отъ войны съ Русскими, прислалъ съ мирными предложеніями къ Мономаху митрополита Неофита и другихъ знатныхъ людей, которые поднесли ему драгоцѣнные дары—крестъ изъ Животворящаго Древа и чашу сердоликовую, принадлежавшую

славному Римскому императору Августу, во времена котораго жилъ и принялъ страданіе Спаситель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ объ этомъ говорится въ «Степенной книгѣ царскаго родословія», составленной знаменитымъ митрополитомъ Макаріемъ, съ которымъ мы познакомимся въ нашихъ послѣдующихъ ,,Сказаніяхъ'', Греческій царь прислалъ съ митрополитомъ Неофитомъ также царскій вѣнецъ дѣда Владимірова—императора Константина Мономаха, бармы и золотыя цѣпи, при чемъ Неофитъ торжественно возложилъ вѣнецъ на голову Владиміра и назвалъ его царемъ.

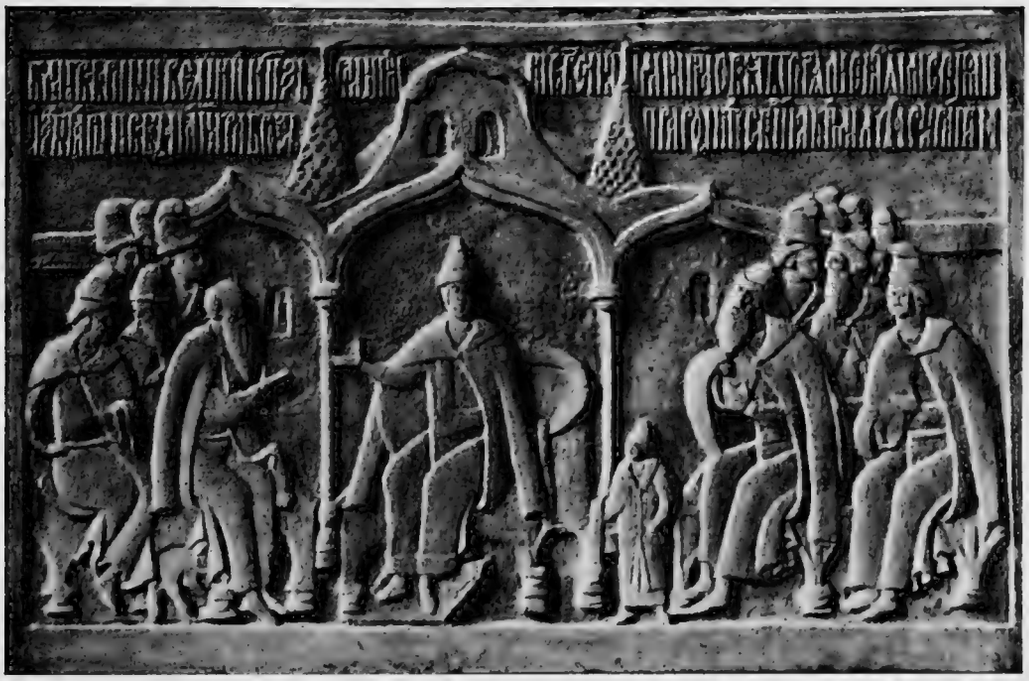
43. Тронъ Владиміра Мономаха въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Въ Московской Оружейной палатѣ до сего времени хранится, такъ называемая, «шапка Мономаха» или его золотой царскій вѣнецъ, держава, цѣпь, и древнія бармы, представляющія изъ себя родъ оплечья, которыми украшаются наши Государи во время торжественнаго вѣнчанія своего на Царство.

Въ Московскомъ-же Успенскомъ соборѣ, гдѣ происходитъ самое вѣнчаніе на Царство Русскихъ монарховъ, находится такъ называемый тронъ Владиміра Мономаха, или царское мѣсто, изъ вызолоченнаго орѣховаго дерева. Мѣсто это было сооружено Царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, при чемъ на дверцахъ его имѣется двѣнадцать выпуклыхъ рѣзанныхъ изображеній съ надписями, которыя приводятся ниже съ сохраненіемъ стариннаго правописанія.

Изъ другихъ отраслей многообразной и плодотворной дѣятельности Владиміра Мономаха слѣдуетъ отмѣтить его неустанныя заботы въ теченіе всей жизни по укрѣпленію Вѣры Христовой среди населенія и сооруженіе храмовъ и монастырей. Близъ Кіева имъ былъ построенъ Выдубицкій монастырь, а въ своей Ростовской Землѣ, поддерживая всѣми мѣрами насажденіе Православія среди язычниковъ Мерянъ, онъ заложилъ на рѣкѣ Клязьмѣ городъ Владиміръ, ставшій скоро, какъ мы увидимъ, столь знаменитымъ, и построилъ тамъ церковь во имя Всемилостивѣйшаго Спаса. Не переставалъ заботиться Владиміръ и объ усиленіи существующихъ

Рѣзанныя изображенія на тронѣ Владиміра Мономаха.



44. „Благовѣрный Великій Князь Владимеръ Кіевскій Манамахъ совѣтъ творяше со князьми своими и Боляры, повѣдая имъ храбрость прародитель своихъ, како имали дань съ Царяграда.“

45. „Благовѣрный Князь Великій Володимеръ збираетъ воеводы искусны и благорасудны и поставляетъ чиноначальникы, тысущники, сотники, пятдесятники, елика войскому искусу потребно.“

*

46. „Великаго Князя Владимера воеводы едутъ во области Фракіистіи“.

47. „Великаго Князя Владимера воеводы приступиша къ Фракійскоу граду“.

48. „Великаго Князя Владимера воеводы плѣнивше веси Фракискія".

49. „і возвратишася со многимъ богатествомъ".

*50. „Тогда бѣ въ Цариградѣ благочестивый Царь Констянтинъ Манамахъ *) и в то время брань імѣя с Персы і с Латыною".*

51. „Благовѣрный Царь Констянтинъ Манамахъ составляетъ совѣтъ мудрый и Царскій и отряжаетъ послы своя к Великому Князю Владимеру Всеволодичу в Кіевъ, Неовита митрополита отъ Асіа Евеськаго и съ нимъ два епископа Мелетиньска и Митулинска и стратига Антіохійскаго Игумена Іерусалимъскаго Іевставія и іныхъ своихъ".

*) Здѣсь ошибка—тогда уже царствовалъ императоръ Алексѣй Комненъ.

52. „Благовѣрный Царь Константинъ даетъ честныя дары Митрополиту Неовиту і Епископомъ и посланникомъ, і отпусти іхъ из Царяграда в Кіевъ къ Великому Князю Владимеру Всеволодичу“.

53. „Отпущеннымъ же имъ, бывшимъ Неовиту Митрополиту со Епископы і съ предреченными посланники из Константина града, внидоша въ корабь, пловуще к Кіеву“.

54. „Пріидоша посланники отъ Царяграда во градъ Кіевъ ко Князю Владимеру Всеволодичу и принесоша къ нему царьскіе честныи и ины многи дары и прошаху у него мира".

55. „Вѣнчалъ бѣ благовѣрнаго Великаго Князя Владимера Всеволодовича Святый Митрополитъ Неовитъ."

городовъ: онъ расширилъ укрѣпленія Новгорода Великаго и обнесъ Ладогу каменной стѣною.

Наконецъ, имъ же былъ построенъ и постоянный мостъ черезъ Днѣпръ у Кіева.

Во время жизни Владиміра, и именно тогда, когда онъ предпринималъ свои славные походы противъ Половцевъ, и когда «пилъ онъ Донъ золотымъ шоломомъ и загналъ окаянныхъ агарянъ за желѣзныя ворота», какъ говорится въ старинномъ преданіи, въ это время начались и знаменитые Крестовые походы, предпринятые западно-европейскими королями и рыцарями для освобожденія Гроба Господня отъ магометанъ, завладѣвшихъ

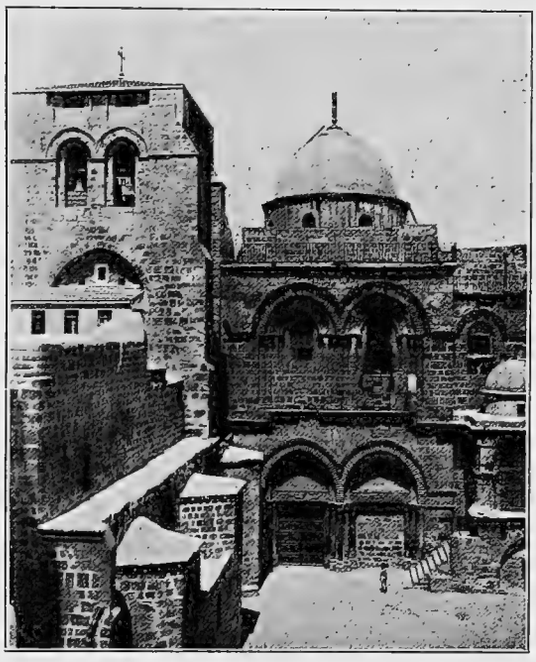
56. Видъ съ Елеонской горы на Іерусалимъ послѣ взятія его Арабами, воздвигнувшими въ VII вѣкѣ на мѣстѣ Соломоноваго храма мечеть въ честь калифа Омара.

Святою Землею. До насъ дошло весьма любопытное описаніе Русскаго игумена Даніила о его хожденіи въ тѣ времена къ Святымъ Мѣстамъ. Игуменъ Даніилъ разсказываетъ про весьма ласковый пріемъ, оказанный ему Іерусалимскимъ королемъ, славнымъ Балдуиномъ, который былъ избранъ въ короли самими рыцарями-крестоносцами изъ своей среды. Даніилъ испросилъ разрѣшенія Балдуина соорудить надъ Гробомъ Господнимъ лампаду отъ всей Русской Земли и записалъ въ обители Святого Саввы имена всѣхъ Русскихъ князей для поминовенія на ектеніяхъ; при своемъ путешествіи по Святой Землѣ Даніилъ встрѣтилъ тамъ много знатныхъ Кіевскихъ и Новгородскихъ людей.

Мономахъ, послѣ кончины первой супруги Гиды, дочери Англійскаго короля Гарольда, былъ женатъ еще два раза, и оставилъ пять сыновей, о

которыхъ мы будемъ говорить ниже, и многочисленныхъ внучатъ; его внучки, дочери старшаго сына Мстислава Новгородскаго, женатаго на Шведской королевнѣ Христинѣ, были замужемъ: одна за Норвежскимъ королемъ Сигурдомъ, а впослѣдствіи за Датскимъ—Эрикомъ Эдмундомъ; другая за Канутомъ Святымъ, королемъ Оботритскимъ; она была матерью знаменитаго Датскаго короля Вальдемара, прозваннаго этимъ именемъ въ честь своего прадѣда Владиміра Мономаха; третья были замужемъ за сыномъ Греческаго императора Іоанна, а четвертая—за княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, старшимъ сыномъ Олега Святославовича Черниговскаго.

Во времена Владиміра Мономаха прибылъ въ Русскую Землю пламенный ревнитель Православія—святой Антоній Римлянинъ. Согласно житія Антонія, составленнаго первоначально со словъ святого—ученикомъ его Андреемъ, Антоній родился въ Римѣ отъ богатыхъ и знатныхъ родителей, исповѣдовавшихъ Православную вѣру. Послѣ ихъ кончины, онъ постригся въ 1086 году и удалился въ пустыню къ Православнымъ инокамъ, которые были подвергнуты въ это время жестокому гоненію со стороны Римскаго папы. Свое достояніе, въ видѣ драгоцѣнныхъ чашъ и другой церковной утвари, онъ заключилъ въ сдѣланную изъ дерева бочку и затѣмъ пустилъ ее въ море. Переходя съ мѣста на мѣсто, Антоній однажды подвизался въ уединеніи на большомъ камнѣ, близъ самаго морского берега; здѣсь онъ былъ застигнутъ ужаснѣйшей бурей; волны какъ горы катались по морю и достигли до камня, на которомъ жилъ отшельникъ; камень оторвался вмѣстѣ съ Антоніемъ, но не пошелъ ко дну, а поплылъ, и послѣ трехъ сутокъ странствованія по волнамъ, въ ночь съ 7-го на 8-ое сентября 1106 года, Антоній очутился на берегу совершенно невѣдомой ему рѣки, близъ большого города со множествомъ церквей, который оказался Великимъ Новгородомъ.

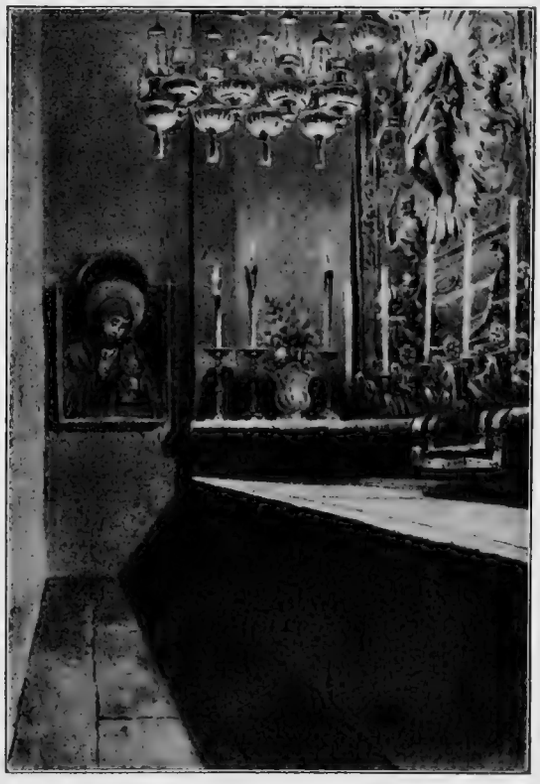


57. Храмъ гроба Господня въ Іерусалимѣ. Былъ первоначально воздвигнутъ Св. Равноапостольной царицей Еленой и неоднократно подвергался разрушенію; въ настоящемъ видѣ съ 1808 года.

Обучившись нѣсколько Русскому языку, Антоній открылъ тайну своего чудеснаго появленія Новгородскому владыкѣ, блаженному Никитѣ, который посовѣтовалъ ему устроить иноческую обитель въ честь Рождества Богородицы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ присталъ къ берегу Волхова

его камень. Черезъ годъ случилось новое чудо. Рыбаки, ловя рыбу въ Волховѣ, вытянули тяжелую бочку, въ которой по вскрытіи оказалась церковная утварь, принадлежавшая Антонію и прочія его драгоцѣнности. Это богатство послужило ему для построенія каменнаго храма и для покупки близлежащихъ земель для монастыря, при чемъ сохранились до настоящаго времени слѣды купчихъ записей Антонія на эти пріобрѣтенія.

До настоящаго же времени сохранились и нѣкоторыя его драгоцѣнности: шесть мусійныхъ иконъ съ латинскими надписями, двѣ богатыя чаши, хранящіяся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, три служебника и нѣкоторыя другія вещи. Онъ пробылъ шестнадцать лѣтъ игуменомъ сооруженнаго имъ монастыря, послѣ чего мирно преставился. Его мощи, у которыхъ совершались неоднократно чудеса, покоятся тамъ же и были открыты въ 1597 году.



58. Святой Гробъ Господень. Находится въ часовнѣ, воздвигнутой Равноапостольной Царицей Еленой, посреди храма Гроба Господняго.

Рисунокъ художника Кившенко.

Кромѣ Антонія Римлянина, другимъ замѣчательнымъ угодникомъ, во времена Мономаха, былъ князь Святославъ или Святоша Давидовичъ, про котораго уже говорилось въ 1-ой части «Сказаній», сынъ князя Давида Святославовича, принявшій въ иночествѣ имя Николая. Святославъ Давидовичъ отличался въ молодости большой воинственностью, и однажды, во время усобицы, возникшей изъ-за ослѣпленія Василька, позволилъ себѣ даже нарушить клятву, данную своему союзнику Давиду Игоревичу. Но затѣмъ онъ совершенно измѣнился; сталъ необыкновенно набоженъ и, наконецъ, первымъ изъ Русскихъ князей, постригся въ Кіево-Печерской обители. Смиреніе его было необычайно; три года работалъ онъ съ братіей на поварнѣ, самъ рубилъ дрова, носилъ изъ рѣки воду и самъ приготовлялъ пищу для трапезы; затѣмъ три года стоялъ у воротъ монастыря и несъ тяжелую обязанность вратаря, при чемъ его усердіемъ былъ построенъ надъ этими вратами храмъ во имя Святой Троицы, существующій и по настоящее время. Подъ конецъ своей жизни, какъ мы увидимъ, Николай Святоша имѣлъ радость пре-

59. Обитель Святого Саввы въ скалахъ близъ Мертваго моря, возникшая въ концѣ V вѣка въ пещерѣ преподобнаго, куда первоначально можно было подняться только на веревкѣ. Въ ней подвизался, въ числѣ многихъ великихъ угодниковъ, святой Іоаннъ Дамаскинъ и былъ подвергнутъ тяжкому подвигу молчанія.

60. Пріемъ Балдуиномъ, королемъ Іерусалимскимъ, Русскаго игумена Даніила.

Съ рисунка В. Швартца Изъ собранія Е. Г. Швартца.

кратить одну возникшую между князьями ссору и тѣмъ избѣгнуть на время усобицы.

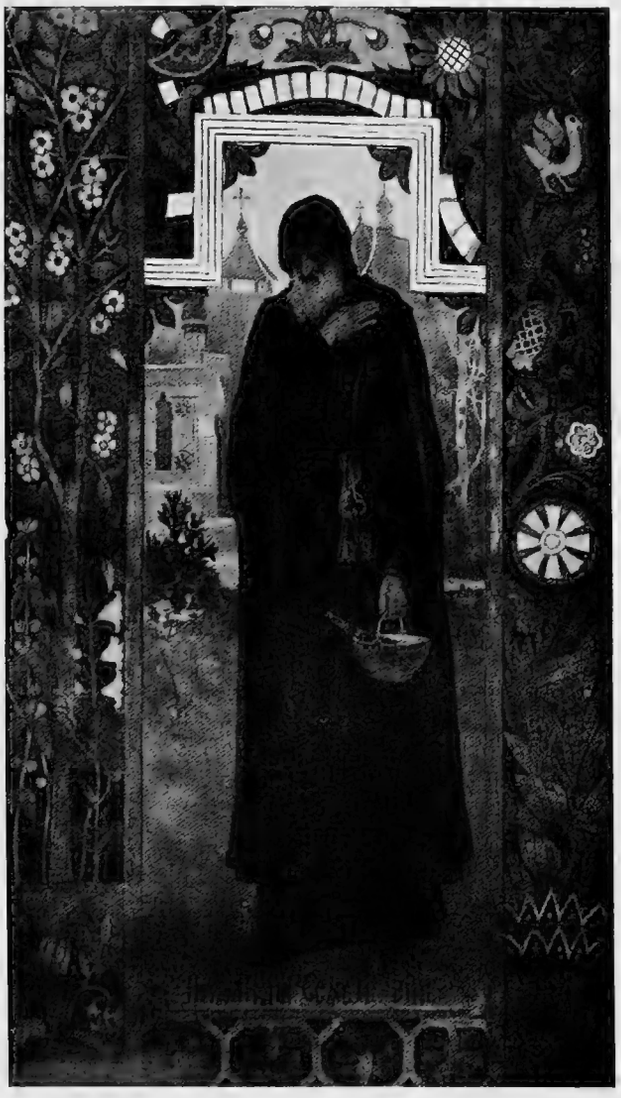
Счастливые годы, наступившіе на Руси съ восшествіемъ на великокняжескій столъ Владиміра Мономаха, продолжались до 1124 года, который ознаменовался рядомъ бѣдствій: упала въ Переяславлѣ большая церковь во имя Архангела Михаила; все лѣто было полное бездождіе, а затѣмъ въ Кіевѣ начались сильнѣйшіе пожары: сперва выгорѣла прирѣчная часть города—стоящій на низу Подолъ, а на другой день загорѣлась и нагорная часть, при чемъ сгорѣли всѣ монастыри и церкви, а этихъ церквей, было, какъ говоритъ лѣтописецъ, около шестисотъ; погорѣли и Кіевскіе жиды. Наконецъ, въ этотъ же годъ имѣло мѣсто и рѣдкое небесное явленіе: полное солнечное затменіе. По среди дня мѣсяцъ закрылъ своею тѣнью солнце и наступила на нѣсколько мгновеній великая тьма;—на небѣ, какъ ночью, зажглись звѣзды. Все это, конечно, было принято за дурныя предзнаменованія и, дѣйствительно, на слѣдующій годъ, 10 мая 1025 года, не стало Владиміра Мономаха, который въ этотъ день окончилъ свой славный земной путь на семьдесятъ четвертомъ году жизни, послѣ тринадцати лѣтъ великаго княженія.

61. Церковь Рождества Богородицы въ монастырѣ Святого Антонія Римлянина.

Онъ предсталъ передъ Господомъ близъ города Переяславля, на рѣкѣ Альтѣ, у любимой каменной церкви, построенной имъ въ память святого Бориса, здѣсь убитаго; тѣло Мономаха было перенесено въ Кіевъ, и его похоронили рядомъ съ отцомъ—великимъ княземъ Всеволодомъ въ Софійскомъ соборѣ. Кончина его была, разумѣется, большимъ горемъ для всѣхъ, а свѣтлая память о немъ сохранится навсегда, пока будетъ существовать Русская Земля.

Владиміръ Мономахъ осуществилъ своею жизнью все то, что всегда дорого, близко и понятно Русскому человѣку. Онъ безпредѣльно вѣрилъ въ Бога, и вѣра эта не была мертвою; она никогда не отдѣлялась отъ всѣхъ его дѣлъ. Своимъ горячимъ и любящимъ сердцемъ онъ всецѣло проводилъ въ жизнь заповѣдь Христа: жить не для себя, а со всѣми и для всѣхъ. Достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ и совершивъ уже многія знаменитыя дѣла, онъ до кончины отца своего, стараго и больного Всеволода, оставался

нѣжнымъ и почтительнымъ сыномъ и, по свидѣтельству лѣтописцевъ, никогда и ни въ чемъ его не ослушался. Эта трогательная любовь къ отцамъ и къ ихъ памяти—глубоко заложена въ душу именно Русскихъ людей, и дѣлаетъ поэтому образъ Мономаха близкимъ намъ и роднымъ, несмотря на восемь вѣковъ, протекшихъ со времени его кончины.



62. Святой князь Николай Святоша Давыдовичъ.
Стѣнопись Кіево-Печерской Лавры.

Жертвуя всегда всѣми своими выгодами во имя общаго дѣла — *братолюбія* между князьями, и всегда храня благоговѣйную память о святыхъ братьяхъ страстотерпцахъ Борисѣ и Глѣбѣ, Мономахъ долженъ быть названъ первымъ Миротворцемъ среди Русскихъ Государей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда судьба поставила его во главѣ Русской Земли, онъ сталъ также и первымъ вѣнчаннымъ на царство Русскимъ Самодержцемъ, такъ какъ Самодержецъ значитъ для народа ничто иное какъ царь, въ отцовъ и праотца мѣсто поставленный.

Являясь миротворцемъ и отцомъ для Русской Земли, Мономахъ по тому самому былъ всегда безпощаднымъ и грознымъ врагомъ всѣхъ недруговъ нашей Земли, особенно же хищныхъ Половцевъ, съ которыми онъ боролся всю жизнь, причемъ подъ конецъ ея успѣлъ сломить ихъ могущество.

Дѣла, совершенныя Мономахомъ въ его многочисленныхъ походахъ и на ратномъ полѣ, останутся на всегда высокимъ образцомъ истинно Русскаго военнаго искусства, сущность котораго нашъ великій полководецъ Суворовъ такъ мѣтко опредѣлилъ тремя словами: глазомѣръ, быстрота и натискъ. Владиміръ Мономахъ всегда правильно оцѣнивалъ своимъ военнымъ глазомѣромъ обстоятельства, въ которыхъ находился, и всегда зналъ,

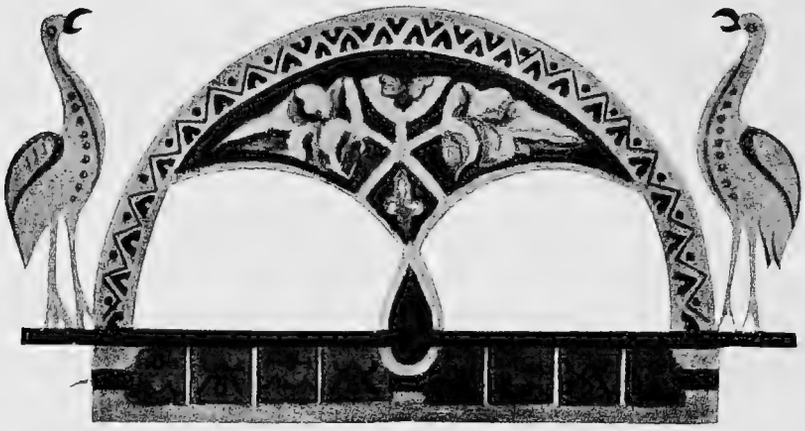
слѣдуетъ ли воевать съ Половцами, или выждать болѣе благопріятнаго времени, и если слѣдуетъ, то когда именно и куда направить войско. Поэтому-то только единственный разъ въ жизни онъ и потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе при Треполи, гдѣ потерялъ брата Ростислава, и притомъ только потому, какъ мы знаемъ, что какъ походъ, такъ и самое сраженіе, были предприняты Святополкомъ вопреки его воли. Быстрота передвиженій Мономаха съ цѣлью настигнуть противника и ошеломить внезапнымъ нападеніемъ бывала, какъ мы видѣли, изумительной. При столкновеніи же съ непріятелемъ на ратномъ полѣ, онъ всегда, когда наступало должное время, переходилъ во главѣ своей дружины къ стремительному натиску, ни мало не щадя своей жизни, и тѣмъ одерживалъ побѣду.

Справедливо заслуживъ во всемъ тогдашнемъ мірѣ славу знаменитаго и грознаго побѣдителя Половцевъ, Владиміръ, по свойству своей истинно Русской души, передъ каждымъ боемъ, возлагалъ все свое упованіе на помощь Господа Бога и не считалъ постыднымъ передъ лицомъ всей рати искренно плакать отъ всей полноты своего сердца, когда горячо молился о дарованіи побѣды Русскому воинству въ предстоящей сѣчи и объ упокоеніи душъ храбрецовъ, которые положатъ въ ней свой животъ.

Долгое время послѣ кончины Мономаха на Руси держалось сказаніе, записанное и на стѣнахъ Успенскаго собора въ Москвѣ, что передъ смертью онъ собралъ духовенство, бояръ и купцовъ и сказалъ имъ: «Да не вѣнчаютъ никого на Царство по моей смерти. Отечество наше раздѣлено на многія области; если будетъ Царь, то удѣльныя князья изъ зависти начнутъ воевать съ нимъ и Государство погибнетъ», послѣ чего вручилъ царскую утварь сыну Юрію, приказалъ хранить ее какъ зеницу ока и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ не воздвигнетъ Царя, истиннаго Самодержца Земли Русской.

63. Шапка Мономаха

Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.



64. Заставка въ Библіи XII вѣка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ближайшіе преемники Владиміра Мономаха. Раздоры среди Мономаховичей. Борьба съ ними Ольговичей. Новгородъ; порядки, установившіеся въ немъ подъ вліяніемъ княжескихъ усобицъ. Всеволодъ Ольговичъ въ Кіевѣ. Игорь Ольговичъ и Изяславъ Мстиславовичъ. Юрій Долгорукій и Суздальскій край. Сраженіе на рѣкѣ Рутѣ. Клятвопреступленіе Владимірка. Вячеславъ въ Кіевѣ. Смерть Юрія Долгорукаго.

ЛАДИМІРЪ Мономахъ пережилъ всѣхъ замѣчательныхъ современныхъ ему князей: ранѣе другихъ сошли въ могилу Олегъ и Давидъ Святославовичи Черниговскіе, а въ 1124 году, за годъ до его смерти, скончались и знаменитые своею братской привязанностью—Володарь и Василько.

Изъ всѣхъ внуковъ Ярослава Мудраго пережилъ Мономаха только младшій братъ Олега и Давида Святославовичей—Ярославъ; по правиламъ лѣствичнаго восхожденія, Ярославъ, несомнѣнно, имѣлъ извѣстныя права на Кіевскій столъ; однако, онъ былъ настолько незначительнымъ человѣкомъ, что, какъ мы увидимъ, вскорѣ потерялъ старшинство и въ своемъ родѣ Святославовичей; поэтому, конечно, онъ вовсе и не могъ думать оспаривать Кіевскій столъ у *Мстислава*, котораго еще при жизни отца всѣ князья признали наслѣдникомъ старшаго стола.

О болѣе достойномъ преемникѣ Мономаху, чѣмъ Мстиславъ, нельзя было и мечтать. Еще въ юныхъ годахъ онъ прославился своей побѣдой

надъ крестнымъ отцомъ Олегомъ Святославовичемъ, и своимъ благороднымъ и истинно христіанскимъ къ нему отношеніемъ; вся же его послѣдующая жизнь въ Новгородской Землѣ была полна подвигами высокой воинской доблести и самоотверженнаго служенія на благо своихъ подданныхъ, за что онъ и былъ такъ любимъ Новгородцами.

Кромѣ Мстислава, Мономахъ оставилъ еще четверыхъ сыновей. Всѣ они были, по своимъ душевнымъ свойствамъ, замѣчательными людьми.

Второй сынъ *Ярополкъ*, такъ же какъ и старшій братъ Мстиславъ, пользовался всеобщей любовью за свое большое благородство и необыкновенную храбрость. Лѣтописецъ, желая очертить его нравственный обликъ, называетъ Ярополка «благовѣрнаго князя корень» и «благовѣрная отрасль». Онъ еще при жизни отца получилъ Переяславльскій столъ, на которомъ, какъ мы видѣли, всѣ сидѣвшіе князья были какъ бы въ сторожахъ Русской Земли, такъ какъ первыми подвергались нападенію степныхъ хищниковъ.

65. Великій князь Кіевскій Святой Мстиславъ Владиміровичъ.

По Титулярнику.

Третій сынъ Мономаха, бездѣтный *Вячеславъ*, княжившій сперва въ Смоленскѣ, а потомъ въ Туровѣ, въ полную противоположность братьямъ, замѣчателенъ совершеннымъ отсутствіемъ воинственности и былъ человѣкомъ изумительно добродушнымъ; онъ весьма легко отказывался отъ своихъ правъ, чтобы избѣгнуть кровопролитія, хотя и обладалъ личной храбростью и имѣлъ превосходную дружину.

Четвертый сынъ Мономаха, значительно моложе годами Вячеслава, *Юрій*, особенно отличался любовью къ заселенію и устройству далекой Ростовской области, гдѣ онъ княжилъ съ юныхъ лѣтъ; однако при этомъ, Юрій никогда не отказывался отъ своихъ правъ на Кіевскій столъ и за стремленіе поддержать ихъ изъ своей далекой Ростово-Суздальской земли — получилъ прозваніе Долгорукаго.

Наконецъ, пятый сынъ Владиміра, *Андрей*, оставилъ по себѣ добрую память, какъ о необыкновенно храбромъ и стойкомъ человѣкѣ.

Предъ тѣмъ, чтобы перейти къ изложенію весьма сложныхъ событій, наступившихъ послѣ смерти Мономаха, необходимо ознакомиться, кромѣ

его сыновей, и съ остальными главными дѣйствующими лицами этихъ событій *).

Ими были: сыновья великаго князя Мстислава Владиміровича, сыновья Олега и Давида Святославовичей Черниговскихъ, а также и потомство Володаря и Василька.

Изъ сыновей Мстислава, особенное значеніе имѣли слѣдующіе: старшій—*Всеволодъ-Гавріилъ*, посаженный послѣ отца въ Новгородѣ; онъ, такъ же какъ и отецъ, былъ искуснымъ и храбрымъ воиномъ, соединяя эти качества съ рѣдкимъ благочестіемъ и чистотой жизни.

Еще большее значеніе въ судьбахъ Русской Земли имѣлъ второй сынъ Мстислава, князь *Изяславъ Мстиславовичъ*. Пылкій и безпредѣльно храбрый, при этомъ съ яснымъ и живымъ умомъ, находчивый, щедрый, великодушный и милостивый, Изяславъ пользовался необыкновенной любовью всѣхъ близко стоявшихъ къ нему людей и болѣе другихъ внуковъ Мономаха напоминалъ своего знаменитаго дѣда.

Третій Мстиславовичъ—*Ростиславъ*—былъ похожъ на дядю Вячеслава: такой же богобоязненный и миролюбивый; при этомъ онъ занялъ послѣ Вячеслава же и Смоленскій столъ, когда тотъ перешелъ въ Туровъ. Однако, въ противоположность дядѣ, Ростиславъ, строго уважая чужія права, вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ строгаго уваженія и своихъ собственныхъ.

Нѣсколько иного душевнаго склада былъ младшій Мстиславовичъ—*Владиміръ*, который былъ по отношенію старшихъ своихъ братьевъ *мачешичемъ*, такъ какъ родился не отъ матери ихъ королевны Христины, а отъ мачехи—дочери Новгородскаго посадника Димитрія Завидича, второй жены Мстислава.

Этотъ мачешичъ Владиміръ, въ противоположность остальнымъ Мстиславовичамъ, оставилъ по себѣ память какъ о человѣкѣ съ нетвердыми нравственными правилами и за легкость, съ которой онъ нарушалъ свое слово, былъ мѣтко прозванъ современниками—«вертлявымъ». Однако, и Владиміръ не былъ вовсе лишенъ душевнаго благородства и былъ, какъ мы увидимъ, способенъ съ опасностью для собственной жизни вступаться за обиженнаго.

Изъ сыновей Олега Святославовича Черниговскаго имѣли особенное значеніе трое старшихъ: Всеволодъ, Игорь и Святославъ.

Всеволодъ Ольговичъ, женатый на дочери великаго князя Мстислава, отличался яснымъ умомъ и большимъ пониманіемъ сложныхъ княжескихъ отношеній; это былъ человѣкъ честолюбивый, холодный, расчетливый, сильной воли и не всегда разборчивый въ средствахъ, когда этого требовали его выгоды; при этомъ слѣдуетъ сказать, что Всеволодъ несомнѣнно обладалъ многими качествами, нужными для правителя. Какъ женатый на дочери Мстислава, онъ былъ съ нимъ, а также и съ его сыновьями, братьями жены,

---

*) Смотри Родословную Таблицу въ концѣ 2-ой части.

въ очень близкихъ родственныхъ отношеніяхъ и искусно пользовался ими въ своихъ выгодахъ.

Братъ Всеволода, *Игорь Ольговичъ*, былъ, въ общемъ, человѣкомъ хорошимъ и храбрымъ. Извѣстность же по себѣ онъ оставилъ, какъ мы увидимъ, своими великими несчастіями и страдальческой смертью.

Третій Ольговичъ, мужественный и благородный *Святославъ*, особенно дорогъ сердцу каждаго Русскаго человѣка за свою необыкновенно нѣжную и самоотверженную братскую любовь къ несчастному Игорю. Какъ мы увидимъ въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи, съ того дня, какъ судьба сложилась немилостиво для Игоря, вся жизнь Святослава заключалась въ одномъ лишь стремленіи—помочь своему несчастному брату.

Изъ сыновей Давида Святославовича оставили по себѣ память тоже трое: уже извѣстный намъ князь *Николай Святоша*, *Изяславъ* и *Владиміръ*. Послѣдніе два были людьми честолюбивыми, мужественными, порой великодушными и милостивыми, но, къ сожалѣнію, порой и вѣроломными.

Въ семьѣ Ростиславовичей, послѣ смерти Володаря и Василька, крѣпкая дружба, всю жизнь соединявшая обоихъ братьевъ, рушилась, и въ потомствѣ ихъ возникли раздоры; главнымъ заводчикомъ этихъ раздоровъ былъ сынъ Володаря—*Владимірко*, который не только обижалъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, сыновей Василька, но крайне утѣснялъ и своего родного брата—Ростислава. Владимірко, благодаря смѣлости и большому, но беззастѣнчивому, уму, сталъ прибирать къ своимъ рукамъ волости отца и дяди и, какъ увидимъ, вскорѣ сталъ весьма могущественнымъ владѣтелемъ въ Западной Руси.

Кромѣ поименованныхъ выше князей, въ событіяхъ на Руси, наступившихъ послѣ кончины Мономаха, принимали участіе и потомки чародѣя Всеслава, сидѣвшіе въ Полоцкой Землѣ; это были, большею частью, люди воинственные и задорные, но не лишенные истиннаго благородства.

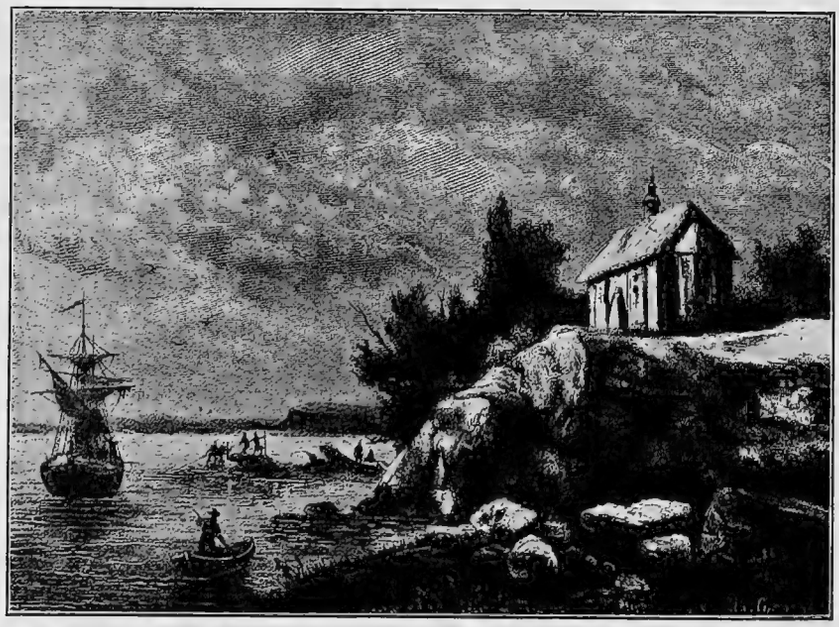
Наконецъ, имѣлъ нѣкоторое значеніе сынъ Давида Игоревича, ослѣпившаго Василька, *Всеволодко*, княжившій въ *Городнѣ*, или нынѣшней Гроднѣ; онъ былъ женатъ на дочери Мономаха—Агафьѣ.

Потомки же Святополка Изяславовича, другого виновника ослѣпленія Василька, сидѣли въ нѣкоторыхъ незначительныхъ городахъ, расположенныхъ въ Пинскихъ болотахъ, и въ послѣдующихъ судьбахъ нашего Отечества никакого значенія не имѣли, кромѣ одного—*Юрія Ярославовича*, внука Святополкова, отличавшагося большой храбростью.

Изъ сдѣланнаго нами краткаго очерка душевныхъ свойствъ князей, имѣвшихъ главнѣйшее значеніе въ событіяхъ, наступившихъ послѣ кончины Владиміра Мономаха, мы видимъ, что большинство изъ нихъ отличалось выдающимися качествами: большимъ благочестіемъ, благородствомъ, мужествомъ, крупными умственными способностями и большими военными дарованіями. Казалось бы, на первый взглядъ, что такія исключительно благопріятныя качества потомковъ Святого Владиміра должны были послужить только на пользу, процвѣтаніе, мощь и славу Русской Земли.

*

Къ сожалѣнію, однако, мы увидимъ, что, наоборотъ, при нихъ Земля наша, возведенная трудами Владиміра Мономаха на ту же степень величія и могущества, на каковой она была при Ярославѣ Мудромъ, стала быстро клониться къ разложенію и упадку. При этомъ, мы ясно увидимъ также, что единственной причиной этого бѣдственнаго явленія было отсутствіе среди нихъ единства дѣйствій, направленныхъ для осуществленія *общаго дѣла*—служенія Русской Землѣ. Это единство дѣйствій могло быть достигнуто конечно, только двумя путями; однимъ изъ нихъ было бы полное *братолюбіе*, между всѣми князьями, при чемъ каждый жилъ бы не ради себя одного только, а лишь вмѣстѣ со всѣми и для всѣхъ; другимъ же путемъ—было



66. Борисоглѣбская Коложская церковь близъ Гродно на рѣкѣ Нѣманѣ, сооруженная въ 1143 году.

бы установленіе между ними строго опредѣленныхъ отношеній и поддержаніе какъ ихъ, такъ и направленія дѣятельности всѣхъ во имя общаго дѣла—единой сильной рукой.

Для перваго пути—необходимо было совершенное проникновеніе въ сердца нашихъ князей Христовыхъ заповѣдей, чего, какъ мы знаемъ, не было, а для второго—наличность единой сильной Верховной власти, чего въ то время не было тоже.

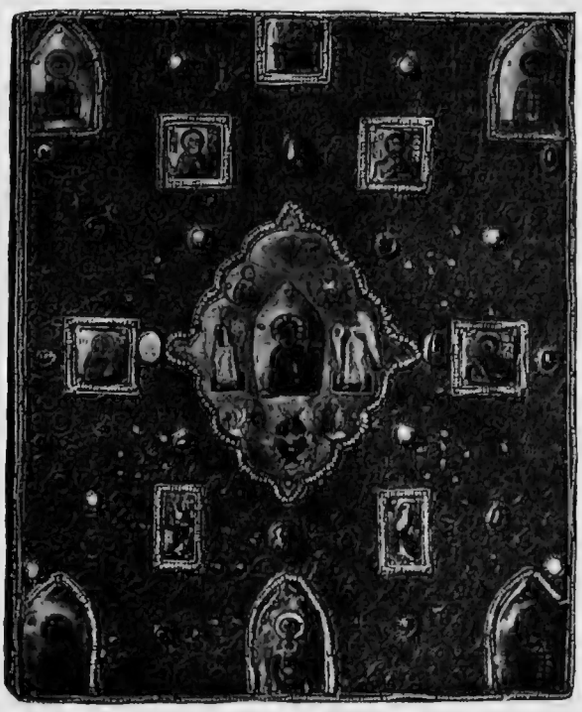
Конечно, по занятіи въ 1125 году старшаго Кіевскаго стола Мстиславомъ, блестящее положеніе нашей Родины, созданное Мономахомъ, продолжалось еще нѣкоторое время, тѣмъ болѣе, что самъ Мстиславъ былъ ему достойнымъ преемникомъ.

Половцы, обрадовавшись смерти Мономаха, немедленно же по вокняженіи Мстислава появились въ предѣлахъ Переяславльскаго княжества. Но здѣсь сидѣлъ храбрый братъ Мстислава—Ярополкъ Владиміровичъ.

Онъ смѣло выступилъ противъ поганыхъ, и когда тѣ стали тотчасъ же отступать, то погнался за ними, настигъ ихъ и, призвавши имя Божіе и отца своего Мономаха, смѣло ударилъ на врага и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду.

Почти одновременно съ этимъ, Мстиславу пришлось воевать съ Полоцкими князьями, которые, послѣ смерти Владиміра, тоже стали позволять себѣ опустошать сосѣднія владѣнія Мономаховичей.

Мстиславъ направилъ свои войска въ 1127 году въ Полоцкую Землю и, послѣ двухлѣтней борьбы съ потомками Всеслава, окончательно побѣдилъ ихъ и затѣмъ отправилъ на трехъ ладьяхъ въ Царьградъ, гдѣ они были подвергнуты заточенію. Надъ городами же Полоцкой Земли Мстиславъ поставилъ своихъ посадниковъ, а впослѣдствіи посадилъ тамъ сына Изяслава.



67. Драгоцѣнный окладъ Византійской работы на Евангеліи великаго князя Мстислава, писаннаго въ Новгородѣ около 1115 года.

Вслѣдъ за присоединеніемъ Полоцкой Земли, Мстиславу пришлось воевать и съ жившей на границѣ этой Земли — Литвою. Онъ ходилъ на нее съ сыновьями, а также съ Ольговичами и съ шуриномъ своимъ Всеволодкомъ Городенскимъ. Походъ былъ въ общемъ очень удачнымъ.

Удачно ходили въ 1130 году сыновья Мстиславовы — Всеволодъ-Гавріилъ, Изяславъ и Ростиславъ—и на Чудь: много враговъ перебили, хоромы пожгли, женъ и дѣтей взяли въ полонъ и привели домой.

Этими военными успѣхами Мстиславъ, разумѣется, еще болѣе утвердилъ вѣру въ могущество Руси.

Между тѣмъ, во время описанныхъ походовъ, въ самой княжеской семьѣ произошло явленіе, имѣвшее большое значеніе для будущаго. Оно заключалось въ слѣдующемъ: вскорѣ послѣ занятія великокняжескаго стола Мстиславомъ, при чемъ, какъ мы знаемъ, былъ обойденъ его малоспособный двоюродный дядя Ярославъ Святославовичъ Черниговскій, Всеволодъ Ольговичъ—родной племянникъ этого Ярослава—напалъ на дядю врасплохъ и, согнавъ съ Черниговскаго стола, заключилъ его въ неволю.

Конечно, Всеволодъ разсчитывалъ, что разъ Ярославъ спокойно уступилъ Мстиславу старшинство въ цѣломъ княжескомъ родѣ, то онъ уступитъ его также безъ особыхъ трудностей и въ своемъ племени. Кромѣ того, очевидно, онъ сильно разсчитывалъ и на то, что жена его приходилась дочерью великому князю Мстиславу Владиміровичу.

Однако, Мстиславъ, узнавъ о поступкѣ Всеволода Ольговича, отнюдь не хотѣлъ терпѣть такого нарушенія старшинства и сталъ вмѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ собирать войско, чтобы идти на Всеволода. Тогда Всеволодъ отпустилъ дядю Ярослава въ Муромъ и послалъ за Половцами. Половцы явились въ числѣ семи тысячъ человѣкъ и стали на рѣкѣ Выри. Но стремительный Ярополкъ успѣлъ изъ Переяславля захватить все теченіе рѣки Сейма и стать между Половцами и Черниговомъ, при чемъ онъ перехватилъ и Половецкихъ пословъ, направленныхъ къ Всеволоду въ Черниговъ.

68. „... и Всеволодъ болѣ поча молитися Мстиславу"...

Изъ Кенигсбергской лѣтописи.

Тогда Половцы сильно испугались и побѣжали, не ожидая боя; это бѣгство показываетъ намъ, конечно, какими робкими стали Половцы послѣ грозныхъ походовъ Мономаха и его сыновей.

Послѣ бѣгства Половцевъ, Мстиславъ сталъ еще больше тѣснить Всеволода Ольговича. «Что взялъ»,— посылалъ онъ сказать ему,—«навелъ Половцевъ, что же, помогли они тебѣ?». Всеволодъ сталъ всячески упрашивать Мстислава, подучивалъ его бояръ, подкупалъ ихъ дарами и такимъ образомъ провелъ все лѣто. Зимой прибылъ въ Кіевъ къ Мстиславу и Ярославъ Святославовичъ изъ Мурома и сталъ со своей стороны упрашивать великаго князя идти на Всеволода, а послѣдній еще больше просилъ тестя смилостивиться надъ нимъ и не гнать изъ Чернигова. Въ то время въ Кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ былъ игуменомъ Григорій, котораго очень чтилъ Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ и весь народъ. Этотъ-то Григорій все не давалъ Мстиславу идти ратью на Всеволода и все уговаривалъ лучше нарушить слово, данное Ярославу—поддержать его права на Черниговъ, нежели пролить кровь христіанскую. Мстиславъ долго не хотѣлъ сдаваться на увѣщанія его, но, наконецъ, созвалъ соборъ изъ духовенства и передалъ ему рѣшеніе вопроса; тѣ отвѣчали, что принимаютъ на себя грѣхъ Мстиславовъ въ нарушеніи слова Ярославу, но чтобы кровь Русская не лилась. Мстиславъ послушалъ ихъ, не поддержалъ Ярослава, и затѣмъ всю свою жизнь раскаивался въ этомъ.

Ярославъ же, видя себя оставленнымъ Мстиславомъ, вынужденъ былъ идти назадъ въ Муромскую Землю, гдѣ навсегда и поселился съ потомствомъ, такъ какъ, будучи выключенъ изъ старшинства насиліемъ Всеволода, навсегда потерялъ свои права на Черниговскую волость. Отъ него пошли князья Муромскіе и Рязанскіе.

Конечно, поступокъ Всеволода Ольговича и уступчивость, проявленная въ этомъ дѣлѣ Мстиславомъ, должны были служить самымъ дурнымъ примѣромъ для княжескихъ отношеній въ будущемъ, что вскорѣ и сказалось.

Въ 1132 году умеръ Мстиславъ, горячо всѣми оплакиваемый. Онъ былъ погребенъ въ Кіевѣ, въ обители святого Ѳеодора, имъ основанной. Лѣтописецъ, говоря про его княженіе, называетъ его Великимъ, а Православная Церковь причислила его къ лику Святыхъ.

69. Игуменъ Григорій снимаетъ крестное цѣлованіе съ Мстислава: „и совокупиша весь соборъ ерѣйскій.... и рекоша Мстиславу: „на насъ буди тотъ грѣхъ“....

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Мстиславу наслѣдовалъ слѣдующій за нимъ братъ—Ярополкъ, «благовѣрнаго князя благовѣрная отрасль». Соперниковъ у него быть не могло. Онъ былъ единственнымъ княземъ, отецъ и дѣдъ котораго сидѣли на Кіевскомъ столѣ, вслѣдствіе чего только онъ и могъ сѣсть на него «по отчинѣ и дѣдинѣ», какъ тогда говорили. Кромѣ этого, онъ былъ очень любимъ за свой благородный нравъ и необыкновенное мужество какъ Кіевлянами, такъ и вообще на Руси.

Всѣмъ, повидимому, казалось, что княженіе его будетъ такимъ же славнымъ и счастливымъ, какъ и брата Мстислава. Однако, эти ожиданія не сбылись.

Тотчасъ же, по занятіи Ярополкомъ Кіевскаго стола, началась большая усобица уже въ самой семьѣ Мономаха.

До сихъ поръ мы видѣли усобицы, происходившія вслѣдствіе того, что дяди обижали своихъ племянниковъ, которые потомъ силою стали добывать себѣ части въ Русской Землѣ. Мы видѣли также, что благодаря княжескимъ съѣздамъ, созданнымъ стараніями Владиміра Мономаха, обиженные племянники были надѣлены волостями, послѣ чего усобицы прекратились.

Теперь начинается новая борьба: борьба племянниковъ, сыновей старшихъ братьевъ, съ младшими дядями. Первый примѣръ этой борьбы пока-

залъ Всеволодъ Ольговичъ, изгнавъ изъ Чернигова дядю Ярослава Святославовича.

Какъ мы видѣли, Мстиславъ подъ вліяніемъ духовенства допустилъ такое нарушеніе правъ дяди, хотя всю жизнь и сожалѣлъ объ этомъ. Послѣ же его смерти, одно опасеніе, что возможно подобное повтореніе нарушенія племянникомъ правъ дяди, произвело сильнѣйшую усобицу въ его собственномъ родѣ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Мстиславъ передалъ Ярополку, который былъ бездѣтнымъ, вмѣстѣ съ великимъ княженіемъ и всѣхъ своихъ дѣтей, при чемъ уговорился съ нимъ при жизни, что тотъ немедленно, по принятіи Кіевскаго стола, переведетъ на свое мѣсто въ Переяславль—сына Мстиславова—Всеволода-Гавріила изъ Новгорода. Ярополкъ по смерти Мстислава такъ и сдѣлалъ и, сѣвши въ Кіевѣ, тотчасъ же повелѣлъ племяннику Всеволоду-Гавріилу перейти изъ Новгорода въ Переяславль. Вотъ это и повело къ усобицѣ, такъ какъ, послѣ выдѣленія Черниговской Земли въ особую волость Святославовичамъ, Переяславль сталъ считаться старшимъ послѣ Кіева столомъ, и его долженъ былъ занять слѣдующій послѣ Ярополка Владиміровича братъ—Вячеславъ Владиміровичъ, сидѣвшій въ это время въ Туровѣ. Назначеніе же въ Переяславль Мстиславовича—Всеволода-Гавріила, помимо дядей, могло имѣть видъ, что Ярополкъ готовитъ ему послѣ себя Кіевъ.

70. Великій князь Кіевскій Ярополкъ Владиміровичъ.

По Титулярнику.

Вячеславъ Туровскій, по необыкновенной мягкости своего нрава, не противился перемѣщенію племянника въ Переяславль, хотя именно ему принадлежалъ, послѣ Ярополка, этотъ столъ. Но младшіе Мономаховичи, предпріимчивые Юрій Долгорукій и Андрей, сейчасъ же всполошились, особенно имѣя въ виду примѣръ безнаказаннаго поступка Всеволода Ольговича Черниговскаго по отношенію къ своему дядѣ Ярославу.

По словамъ лѣтописца, узнавъ о распоряженіи Ярополка Владиміровича относительно занятія Всеволодомъ-Гавріиломъ Переяславля, Юрій Долгорукій и Андрей Владиміровичъ прямо сказали: «Братъ Ярополкъ хочетъ по смерти своей дать Кіевъ Всеволоду, племяннику своему», и рѣшили этому воспротивиться. Дѣйствительно, не успѣлъ утромъ въѣхать въ Пере-

яславль прибывшій изъ Новгорода Всеволодъ-Гавріилъ, какъ былъ уже изгнанъ изъ него послѣ обѣда дядей Юріемъ Долгорукимъ. Это послужило началомъ къ продолжительной усобицѣ и къ большимъ перемѣщеніямъ въ Русской Землѣ.

Черезъ восемь дней, великій князь Ярополкъ вывелъ брата Юрія изъ Переяславля и посадилъ туда другого племянника—Изяслава Мстиславовича, княжившаго въ Полоцкѣ, такъ какъ, повидимому, Всеволодъ-Гавріилъ не пожелалъ въ другой разъ сѣсть въ Переяславлѣ, а поспѣшилъ вернуться къ себѣ въ Новгородъ.

Тогда Полочане, не любившіе, подобно Новгородцамъ, когда князь покидалъ ихъ волость для другой, рѣшили послѣ ухода Изяслава отложиться отъ Мономахова рода и призвали одного изъ прежнихъ своихъ князей—Василька, внука Всеслава, неизвѣстно какимъ образомъ избѣжавшаго заточенія въ Царьградѣ. Видя это, великій князь Ярополкъ Владиміровичъ, чтобы сохранить хотя часть Полоцкой Земли, поспѣшилъ вернуть храбраго Изяслава Мстиславовича въ Минскъ (единственную волость изъ Полоцкаго княжества, оставшуюся въ его рукахъ послѣ призванія Полочанами Василька) и придалъ Изяславу еще Туровъ и Пинскъ, а въ Переяславль перевелъ изъ Турова своего брата Вячеслава Владиміровича.

71. Великій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій.

По Титулярнику.

Такимъ образомъ, младшіе Мономаховичи были удовлетворены: Переяславль перешелъ къ старшему послѣ Ярополка брату, законному преемнику послѣ него и Кіевскаго стола. Но миръ продолжался очень недолго. Любившему покой Вячеславу очень не нравилось сидѣть въ безпокойномъ Переяславлѣ, и онъ рѣшилъ его покинуть, несмотря на увѣщанія великаго князя, который послалъ ему сказать: «что ты все скитаешься, не посидишь на одномъ мѣстѣ, точно Половчинъ?» Оставивъ Переяславль, Вячеславъ пошелъ къ себѣ въ Туровъ и вывелъ оттуда племянника—Изяслава Мстиславовича.

Тогда Ярополкъ долженъ былъ заключить новый договоръ, или рядъ: отдать брату своему Юрію Долгорукому Переяславль, но съ тѣмъ, чтобы Юрій уступилъ ему Ростовскую область, конечно, для того, чтобы передать

ее племяннику Изяславу Мстиславовичу, оставшемуся, послѣ вывода изъ Турова, безъ волости. Юрій согласился на эту мѣну, такъ какъ сильно хотѣлъ сидѣть въ Переяславлѣ, однако, настаивалъ, чтобы часть Ростовской Земли осталась во всякомъ случаѣ за нимъ. Пока шли эти переговоры между Ярополкомъ и Юріемъ, Изяславъ, выведенный изъ терпѣнья постоянными перемѣщеніями противъ собственной воли, рѣшилъ не ожидать окончанія новаго ряда между дядями, а отдать дѣло на Судъ Божій, то-есть прибѣгнуть къ оружію. Онъ ушелъ въ Новгородъ къ брату своему Всеволоду-Гавріилу и уговорилъ его идти воевать у Юрія Долгорукаго Ростовскую область, считая, что этотъ дядя—главный виновникъ всѣхъ постигшихъ его бѣдствій.

Видя, что въ семьѣ Мономаховичей возникли семейные раздоры, Черниговскіе Святославовичи рѣшили, что наступило ихъ время вмѣшаться въ эти раздоры съ тѣмъ, чтобы извлечь для себя всѣ возможныя выгоды. Они разочли, что для нихъ выгоднѣе принять сторону молодыхъ Мстиславовичей противъ ихъ дядей—Ярополка, Юрія и Андрея, и, какъ это было въ обычаяхъ у Святославовичей, они послали за Половцами. Всѣмъ дѣломъ у Святославовичей руководилъ Всеволодъ Ольговичъ.

Противъ нихъ выступилъ великій князь Ярополкъ съ братьями Юріемъ и Андреемъ. Опять начались, забытыя на нѣкоторое время, печальныя картины кроваваго хозяйничанія Половцевъ въ Русской Землѣ: запылали села и скирды, по дорогамъ потянулись вереницы плѣнниковъ; издалека слышны были плачъ и стоны женщинъ и дѣтей, уводимыхъ въ неволю.

Борьба шла съ перемѣннымъ счастьемъ, при чемъ не прекращались и переговоры о мирѣ; наконецъ, въ 1134 году, дяди Мономаховичи успѣли урядиться съ племянниками Мстиславовичами, а потому и Ольговичи должны были также идти на примиреніе; оно состоялось на слѣдующихъ условіяхъ: Изяславъ Мстиславовичъ получалъ Владиміро-Волынскій столъ, откуда, дядя Андрей Владиміровичъ, сидѣвшій тамъ, переходилъ въ Переяславль, такъ какъ Юрій Долгорукій убѣдился, что безпокойное, сильно разоренное Половцами княжество, не стоитъ мѣнять на свою сѣверную, но вѣрную Ростовскую волость. Ольговичи при этомъ примиреніи не получили ничего и, конечно, не могли быть довольны, такъ какъ разсчитывали вернуть себѣ Земли по рѣкѣ Сейму, вмѣстѣ съ городомъ Курскомъ, бывшія въ ихъ владѣніи и недавно отшедшія къ Мстиславовичамъ, послѣ того какъ Всеволодъ Ольговичъ изгналъ дядю Ярослава изъ Чернигова, а одновременно съ этимъ Ярополкъ Мстиславовичъ, выйдя противъ Половцевъ, захватилъ Посемье.

Въ виду указаннаго недовольства, въ слѣдующемъ 1135 году Ольговичи неожиданно подступили къ Переяславлю и три дня бились у воротъ города съ его крѣпкимъ сидѣльцемъ, мужественнымъ Андреемъ Владиміровичемъ; затѣмъ, узнавъ, что на помощь ему идетъ изъ Кіева братъ Андрея великій князь Ярополкъ, Ольговичи отступили къ верховьямъ рѣки Супоя.

Ярополкъ былъ отвагою весь въ отца своего Мономаха, но, къ сожалѣнію, не обладалъ его изумительно-вѣрнымъ глазомѣромъ; завидя врага, онъ не могъ удержаться, пока подойдутъ Кіевскіе полки; съ одной своей дружиной, даже не выстроившись хорошенько, ударилъ онъ на Ольговичей со словами: «гдѣ имъ устоять противъ нашей силы». И дѣйствительно, въ началѣ боя успѣхъ былъ на сторонѣ Ярополка; приведенные Всеволодомъ Ольговичемъ Половцы побѣжали; однако, все-таки побѣда, въ концѣ концовъ, склонилась на сторону Ольговичей, при чемъ у Ярополка было убито много лучшихъ мужей.

Вернувшись въ Кіевъ, великій князь Ярополкъ сталъ набирать новое войско и не хотѣлъ мириться съ Ольговичами, которые, послѣ своей побѣды при Супоѣ, предлагали заключить миръ и разсчитывали получить его на выгодныхъ условіяхъ. Но, собравъ огромныя силы, Ярополкъ не выступилъ въ походъ. Онъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, побоялся Суда Божія, смирился передъ Ольговичами и не началъ кровопролитія, исполняя заповѣдь «любите враги ваша», а заключилъ съ Ольговичами миръ, отдавъ имъ города по рѣкѣ Сейму.

Но и этотъ миръ былъ непродолжительнымъ. Вскорѣ Ольговичи поднялись снова и стали воевать Переяславльское княжество, при чемъ цѣлью ихъ стремленій было овладѣть при удачѣ и Кіевомъ; принимая уступчивость, проявленную Ярополкомъ, за слабость, въ нихъ вновь усилилась надежда вернуть себѣ утраченное старшинство на Кіевскій столъ.

Узнавъ про это, великій князь Ярополкъ собралъ огромную рать со всѣхъ Земель, гдѣ сидѣли Мономаховичи, и вступилъ въ Черниговскую волость.

Всеволодъ Ольговичъ испугался и хотѣлъ было уже бѣжать къ Половцамъ, но Черниговцы остановили его: «Ты хочешь бѣжать къ Половцамъ»,—говорили они ему,—«а волость свою погубить; но къ чему же ты тогда послѣ воротишься. Лучше отложи свое высокоумье и проси мира; мы знаемъ Ярополково милосердіе; онъ не радуется кровопролитію. Бога ради онъ помирится, такъ какъ соблюдаетъ Русскую Землю». Всеволодъ послушался и сталъ просить мира у Ярополка. Ярополкъ, оправдывая прозвище свое «благовѣрнаго князя корень и благовѣрная отрасль», поразмысливъ хорошенько, не захотѣлъ кровопролитія и заключилъ съ Ольговичами миръ, окончательно скрѣпленный договоромъ въ 1139 году. Такъ кончились усобицы на югѣ во время княженія Ярополка Владиміровича.

Усобицы эти сильно отозвались также на сѣверѣ, въ Новгородѣ.

Какъ мы знаемъ, Новгородъ занималъ особое положеніе во всей Русской Землѣ. Новгородцы были первые, которые рѣшили объединиться подъ властью призванныхъ князей; столъ ихъ считался древнѣйшимъ; на немъ еще сидѣлъ Рюрикъ. Когда же великіе князья перенесли свое пребываніе въ Кіевъ, то, по установившемуся обычаю, посылали, обыкновенно, въ Новгородъ старшихъ своихъ сыновей. Мы видѣли, какія услуги оказали Новгородцы Ярославу Мудрому, за что онъ и далъ имъ, въ своей извѣстной

грамотѣ, большія льготы. Мы знаемъ также, что, при первыхъ нашихъ князьяхъ, Новгородцы были необыкновенно имъ преданы; они готовы были принести во имя ихъ всякія жертвы и очень не любили и обижались, когда они уходили отъ нихъ. Мы видѣли, что уваженіе къ имени князя было такъ велико у Новгородцевъ, что, когда къ нимъ попалъ въ плѣнъ Всеславъ Полоцкій, причинившій имъ много зла, они съ почетомъ отпустили его «ради Бога», высоко уважая его княжеское происхожденіе. Но затѣмъ, мы видѣли также, что, подъ вліяніемъ возрастающихъ усобицъ въ княжеской средѣ, обаяніе и значеніе княжескаго имени стало быстро падать на Руси; жители Кіева начинаютъ открыто, а порой и бурно, выражать свое недовольство на князей и пріобрѣтаютъ большое значеніе при занятіи ими старшаго стола. Та же самая перемѣна произошла и въ Новгородѣ;

72. „Всеволодъ же... посла съ покореньемъ, къ Ярополку, и спроси миръ, и цѣловавше честный крестъ и створиша миръ, и разидошася, славяще Бога"...

мы видѣли, что когда великій князь Святополкъ Изяславовичъ пожелалъ Новгорода для своего сына и предложилъ Мономаху вывести изъ него Мстислава Святого, то Новгородцы, прибывшіе въ Кіевъ, держали слѣдующее дерзкое слово: «Не хотимъ Святополка и сына его; если у него двѣ головы, то посылай его».

Конечно, продолжавшіяся усобицы князей усиливали еще болѣе своевольный духъ Новгородцевъ, тѣмъ болѣе, что этому способствовали и другія обстоятельства.

Благодаря выгодному своему положенію на великомъ водномъ пути изъ Варягъ въ Греки, Новгородъ велъ обширнѣйшую торговлю и раньше другихъ Русскихъ городовъ достигъ цвѣтущаго состоянія. Особенно много помогли быстрому росту Новгородскаго богатства удачные походы его князей—на Западъ, Сѣверъ и Востокъ; жившія здѣсь Финскія племена покорялись и облагались большой данью; они ее платили, главнымъ образомъ, дорогими мѣхами, очень цѣнившимися въ Западной Европѣ, съ которой Новгородъ велъ торговлю при посредствѣ Нѣмецкихъ городовъ, расположен-

ныхъ на Балтійскомъ морѣ и образовавшихъ одно время большой торговый союзъ подъ именемъ «Ганза»; въ этотъ Ганзейскій союзъ входилъ и Новгородъ, и въ двѣнадцатомъ вѣкѣ въ немъ проживало уже много Нѣмцевъ,

Скопленіе богатствъ въ Новгородѣ создало въ немъ значительное количество очень состоятельныхъ людей, которые, наживъ большое состояніе, стали, разумѣется, искать себѣ и большей власти въ своей Землѣ.

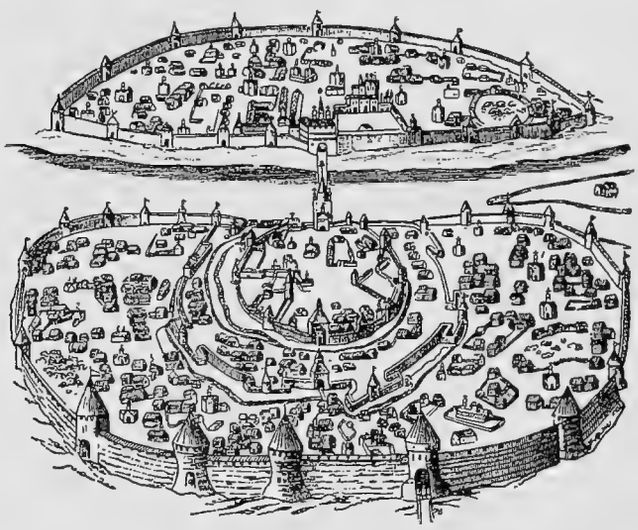
Права всѣхъ гражданъ Новгорода при рѣшеніи общественныхъ дѣлъ, а также въ отношеніи другъ къ другу, считались совершенно равными.

73. Ганзейскія суда.

Изъ книги „Исторія человѣчества" Гельмольта.

Но это такъ только считалось; въ дѣйствительности же, все Новгородское населеніе дѣлилось, въ зависимости отъ состоянія, на *лучшихъ*, то-есть болѣе богатыхъ, а потому и болѣе сильныхъ и вліятельныхъ людей, и на *меньшихъ* людей, къ которому принадлежалъ бѣдный, а потому менѣе вліятельный слой населенія. Кромѣ общаго раздѣленія на лучшихъ и меньшихъ людей, было у Новгородцевъ дѣленіе и на сословія; высшее—составляли *бояре*—крупные земельные собственники и владѣтели большихъ денежныхъ богатствъ; они не принимали прямого участія въ Новгородской

торговлѣ, но обыкновенно ссужали своими деньгами нуждающихся купцовъ и, такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ стояли во главѣ торговыхъ оборотовъ Новгорода. За боярами шли, такъ называемые, *житьи люди;* это были граждане, жившіе доходами или отъ своихъ помѣстій, или отъ состоянія въ деньгахъ; при этомъ они были не столь имениты и богаты, какъ бояре, но также не занимались сами торговлей, какъ это дѣлало третье сословіе—*купцы*. Новгородскіе купцы дѣлились на сотни и основывали купеческія общества, куда принимали внесшихъ 50 гривенъ серебра, при чемъ каждый членъ такого общества пользовался поддержкой остальныхъ въ своихъ торговыхъ оборотахъ. Наконецъ, низшее сословіе Новгородцевъ носило названіе *черныхъ людей;* сюда входили ремесленники, рабочіе, мелкіе землевладѣльцы, или земцы, и смерды—сельское населеніе и бездомные батраки.



74. Изображеніе Новгорода на древней иконѣ.

Для рѣшенія важныхъ общественныхъ дѣлъ Новгородцы собирались на народное собраніе, или вѣче, какъ и во всѣхъ остальныхъ большихъ городахъ на Руси. При этомъ, вѣче въ Новгородѣ, особенно съ умаленіемъ значенія княжеской власти и ростомъ богатства жителей, стало пріобрѣтать все большую и большую силу, а сидѣвшіе въ Новгородѣ князья вынуждены были все болѣе и болѣе считаться съ нимъ.

Новгородъ дѣлился рѣкою Волховымъ на двѣ части: *Торговую*, на восточномъ берегу, и *Софійскую*, на западномъ. Главною частью города было огороженное мѣсто, или «Кремль», называвшееся также «Дѣтинцемъ», на Софійской сторонѣ. Этотъ Кремль былъ обнесенъ стѣнами съ башнями и воротами. Въ немъ жилъ князь съ дружиною и Новгородскій владыка (архіепископъ). Тутъ же находился и знаменитый Софійскій соборъ. Вокругъ Кремля шелъ посадъ, который дѣлился на три части, или конца; здѣсь было еще двѣ стѣны съ башнями и воротами. По восточному берегу Волхова, на Торговой сторонѣ помѣщались рынки и лавки, а также иностранные торговые дворы: Нѣмецкій и другіе. Торговая сторона соединялась съ Софійской мостомъ и заключала двѣ части, или конца, такъ что весь Новгородъ, кромѣ Кремля, имѣлъ пять концовъ. Кромѣ того, на Торговой сторонѣ былъ расположенъ извѣстный «дворъ Ярославовъ». Здѣсь, на этомъ дворѣ, обыкновенно и собиралось вѣче, хотя иногда оно собиралось и на площади у Софійской церкви.

Кругомъ Новгорода лежали громадныя пространства земель, ему принадлежавшихъ и называвшихся «Землями Святой Софіи». Эти земли дѣлились на пятины и области. Пятинъ было по числу концовъ, то-есть пять; въ пятинахъ находились «пригороды», или города, подчиненные Новгороду: Псковъ, Изборскъ, Великіе Луки, Старая Русса, Ладога и другіе. Пригороды имѣли свои вѣча, но въ общихъ дѣлахъ они должны были подчиняться приговору Новгородскаго вѣча. «На чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ», говорилось тогда, и этого правила держались на Руси всѣ пригороды относительно старшихъ городовъ.

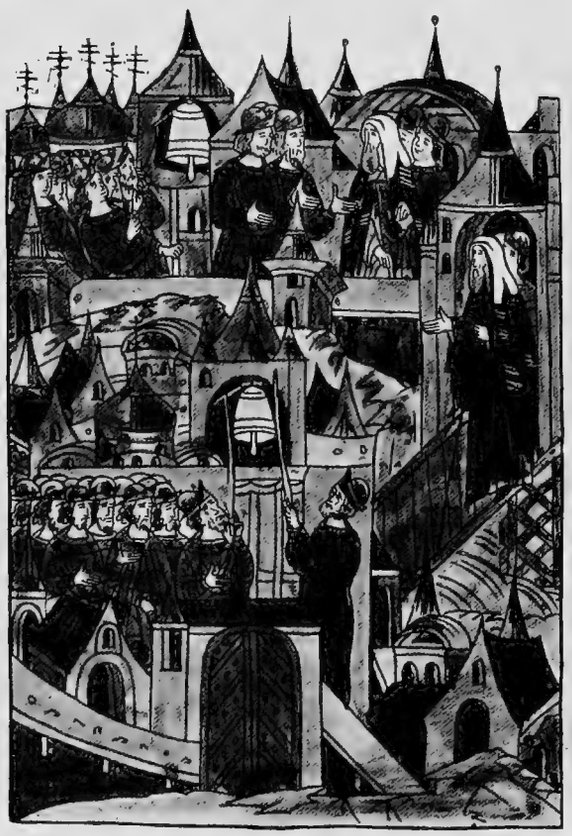
За пятинами находились Новгородскія волости или «Земли», имѣвшія отличное отъ пятинъ устройство: Двинская Земля, Заволочье, Пермская

75. Поморскій городокъ.
Съ картины Н. К. Рериха.

Земля, Печора, Югра, Земля Терская и другія. Съ Земель этихъ, населенныхъ различными финскими племенами, Новгородцы собирали богатую дань, преимущественно драгоцѣнными мѣхами; при этомъ для утвержденія своего вліянія они рубили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ городки и такъ, мало-по-малу, распространили свою власть какъ на дальній сѣверовостокъ, такъ и на крайній сѣверъ, на Поморье—побережье Студенаго моря.

Какъ мы сказали, всѣ важнѣйшія дѣла Новгорода рѣшались на вѣчѣ. Правильное вѣче созывалъ князь, или посадникъ, посылая по улицамъ скликать людей особыхъ лицъ—«бирючей». Каждый конецъ и каждая улица составляли отдѣльныя общины со своими старостами; въ такомъ порядкѣ собирались онѣ и на вѣче. Когда всѣ сходились на Ярославовомъ дворѣ, то звонъ вѣчевого колокола возвѣщалъ открытіе вѣча. Водворялась тишина.

Посадникъ или вѣчевой дьякъ громогласно объявлялъ собравшимся тѣ вопросы, которые подлежало рѣшить. Вопросы эти предварительно обсуждались и вырабатывались въ особомъ правительственномъ Совѣтѣ, состоявшемъ изъ боярина, занимавшаго въ то время должность посадника, или такъ называемаго *степеннаго* посадника *), старыхъ посадниковъ, тысяцкаго, сотскихъ и другихъ именитыхъ людей. Свое согласіе или несогласіе на вѣчѣ Новгородцы выражали кликами. Когда дѣло было рѣшено, то писалась грамота съ рѣшеніемъ, въ которой, обыкновенно, Новгородъ величался «Господинъ Великій Новгородъ».



76. Одновременный созывъ двухъ вѣчъ. „И Онцыфоръ съ Матѳѣемъ заѳвониша въ вѣче у Святыя Софіи. А Федоръ съ Андрѣемъ заѳвониша въ вѣче на Ярославли дворъ; и послаша Онцыфоръ и Матвей владыку на вече, и не дождавше владыки съ того вечя, удариша на Ярославль дворъ"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

На бѣду не всегда вѣче бывало правильнымъ. Случалось, что народъ, недовольный распоряженіемъ властей, собирался на сходку, не соблюдая никакихъ правилъ. Случалось, что и сами бояре, враждуя между собой, возбуждали народъ къ волненію, подкупая Новгородскую чернь; тогда являлись на вѣчѣ подкупленные крикуны-вѣчники. Тутъ уже невозможно было получить безпристрастнаго рѣшенія.

Къ величайшему сожалѣнію, по мѣрѣ роста богатства Новгорода и скопленія его въ рукахъ «лучшихъ людей», вѣче постепенно все болѣе и болѣе превращалось въ игрушку нѣсколькихъ боярскихъ родовъ, которые, подкупая «худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ», получали возможность направлять рѣшенія вѣча въ свою пользу.

Случалось, что порой разомъ въ нѣсколькихъ церквахъ начинали звонить; народъ сходился въ разныхъ концахъ города, и одновременно собирались два враждебныхъ другъ другу вѣча: одно у Святой Софіи, а другое на Ярославовомъ дворѣ. Они сходились на Волховскомъ мосту, и завязывалась свалка, при чемъ противники старались другъ друга столк-

*) Онъ отправлялъ свои обязанности на особомъ возвышеніи, называвшемся степенью.

нуть въ рѣку. Въ этомъ случаѣ, обыкновенно, среди враждующихъ являлся Новгородскій владыка въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, и, пренебрегая собственной безопасностью, старался умиротворить обѣ стороны.

Владыки Новгородскіе избирались на вѣчѣ. Дѣлалось это такъ: на вѣчѣ выбирали трехъ лицъ, достойныхъ, по мнѣнію народа, нести это высокое званіе. Затѣмъ, три записки съ именемъ этихъ лицъ клали въ алтарѣ Софійскаго собора на престолъ и приводили къ нему слѣпца или ребенка, которые должны были взять двѣ записки; оставшаяся же на престолѣ третья записка вскрывалась, и значившееся на ней лицо считалось избраннымъ во владыки, какъ бы самимъ Божіемъ велѣніемъ.

77. Новгородскій владыка разнимаетъ враждующихъ на мосту черезъ Волховъ.

Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

Важныя должности *посадника*, который былъ земскимъ начальникомъ всего Новгорода, и *тысяцкаго*, начальника всѣхъ Новгородскихъ черныхъ людей, замѣщались первоначально лицами по назначенію князей. Однако, пользуясь ослабленіемъ княжеской власти, вслѣдствіе возникшихъ усобицъ, Новгородцы не замедлили, какъ мы увидимъ, присвоить себѣ право избирать на вѣчѣ посадниковъ и тысяцкихъ.

Таковы были порядки, установившіеся мало-по-малу въ Новгородѣ.

Несмотря на то, что старшій сынъ Мономаха доблестный Мстиславъ Владиміровичъ былъ крайне любимъ въ Новгородѣ и принесъ ему не мало славы и пользы своими удачными походами, и онъ, несомнѣнно, долженъ былъ, сидя въ немъ на княженіи, очень считаться съ Новгородскими сильными людьми, и когда потерялъ свою первую жену, королевну Христину, то женился на дочери Новгородскаго боярина Димитрія Завидича.

Послѣ того, какъ въ 1117 году, престарѣлый Владиміръ Мономахъ вызвалъ Мстислава поближе къ себѣ въ Переяславль, вмѣсто него сѣлъ въ Новгородѣ сынъ послѣдняго—юный Всеволодъ-Гавріилъ. Конечно, въ виду его крайней молодости и большой кротости, дѣлами правили окружающіе бояре, почему своеволіе и гордость Новгородскихъ сильныхъ людей должны были еще болѣе усилиться. Возмужавъ, Всеволодъ-Гавріилъ женился на дочери князя Николая Святоши и ознаменовалъ свое княженіе многими выдающимися дѣлами: выстроилъ два великолѣпныхъ храма, строго слѣдилъ, чтобы никто изъ свѣтскихъ не смѣлъ вмѣшиваться въ церковный судъ и провелъ важный законъ объ уравненіи въ правахъ наслѣдства у простыхъ людей дочерей съ сыновьями. Особенно же проявилъ онъ свои рѣдкія качества во время сильнаго голода 1127 года: онъ роздалъ бѣднымъ всю свою казну. Затѣмъ, онъ удачно ходилъ на Эстовъ и Литву и очень прославился въ 1123 году своимъ тяжелымъ походомъ въ Финляндію, когда, несмотря на дурную погоду, плохія дороги и отсутствіе продовольствія, разбилъ на голову племя Ямь, или Финляндцевъ, разорявшихъ пограничныя Новгородскія мѣста. Таковы были дѣла Всеволода-Гавріила въ Новгородѣ.

Однако, когда въ 1132 году онъ выѣхалъ изъ него, чтобы, согласно воли дяди Ярополка, сѣсть въ Переяславлѣ, и затѣмъ, какъ мы видѣли, тотчасъ же выведенный изъ послѣдняго города Юріемъ Долгорукимъ, поспѣшилъ вернуться въ свой любимый Новгородъ, то встрѣтилъ тамъ «встань великую на людяхъ», обидѣвшихся, что онъ предпочелъ имъ Переяславль.

Вслѣдствіе этого, Всеволодъ-Гавріилъ принужденъ былъ даже выѣхать изъ Новгорода. Новгородцы, впрочемъ, скоро опомнились и просили его съ пути вернуться обратно, но уже прежнія добрыя отношенія были нарушены и не поправились, несмотря даже на то, что въ слѣдующемъ 1133 году Всеволодъ-Гавріилъ совершилъ блистательный походъ на Эстовъ и взялъ городъ Юрьевъ, которымъ, было, завладѣла Чудь и перебила въ немъ всѣхъ Русскихъ. Слѣдуетъ думать, что именно въ это время Новгородцы, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Всеволода-Гавріила, заключили съ нимъ рядъ условій, значительно увеличивавшихъ права вѣча, при чемъ важнѣйшимъ изъ этихъ правъ было избраніе посадника самимъ вѣчемъ, за которымъ послѣдовало такое же важное право—избирать на вѣчѣ и тысяцкаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Новгородское вѣче получило право избирать посадниковъ и для пригородовъ—Пскова, Ладоги и другихъ. Все это, конечно, сильно умаляло значеніе князя.

Въ то время, какъ властолюбивые Новгородцы стремились ограничить права своего князя, въ Новгородъ, какъ мы говорили, прибылъ въ 1134 году къ брату обаятельный и воинственный Изяславъ Мстиславовичъ, изгнанный дядей Вячеславомъ изъ Турова; потерявъ терпѣніе ожидать окончанія переговоровъ великаго князя Ярополка съ Юріемъ Долгорукимъ относительно своей судьбы, онъ сталъ уговаривать Всеволода-Гав-

ріила идти на Юрія въ Ростовскую область, чтобы добыть для Мстиславовичей хотя бы эту Землю.

Вѣче, собранное для рѣшенія вопроса о войнѣ съ Юріемъ, было необыкновенно бурно; мнѣнія раздѣлились; наконецъ одолѣли сторонники Мстиславовичей, и часть несогласнаго меньшинства была сброшена съ моста въ Волховъ. Однако, какъ только Новгородская рать съ князьями выступила въ походъ, противники войны съ Юріемъ, бывшіе при войскѣ, взяли верхъ и заставили всѣхъ вернуться назадъ. Но въ Новгородѣ опять пересилили сторонники войны, и рать опять выступила въ Ростовскую Землю, несмотря на жестокіе морозы и мятели, а также и увѣщанія митрополита Михаила случайно прибывшаго изъ Кіева.

78. Рать на походѣ.

Съ картины Н. К. Рериха.

Конечно, при такихъ обстоятельствахъ невозможно было ожидать столь необходимаго для побѣды единодушія въ сердцахъ выступившихъ въ походъ Новгородцевъ; и дѣйствительно, они встрѣтились съ Ростовскими полками Юрія на Ждановой Горѣ и послѣ жестокой сѣчи, въ которой пало много храбрецовъ, потерпѣли пораженіе.

Самъ Изяславъ Мстиславовичъ не былъ на Ждановой Горѣ, такъ какъ покинулъ Новгородъ при первомъ возвращеніи рати съ пути; поэтому, слѣдствія понесеннаго пораженія всецѣло легли на Всеволода-Гавріила и значительно уменьшили силы его сторонниковъ въ Новгородѣ.

Въ слѣдующемъ 1135 году, Новгородцы отправили своего посадника Мірослава мирить Мономаховичей съ Ольговичами, потому что «сильно измаялась Земля Русская», говоритъ лѣтописецъ. Эта посылка Мірослава весьма замѣчательна; она ясно показываетъ, насколько пало значеніе

*

князей, вслѣдствіе раздоровъ между ними; Новгородцы уже берутъ на себя смѣлость ихъ мирить. Конечно, Мірославу помирить ихъ не удалось, но при переговорахъ объ этомъ примиреніи какъ Ольговичи, такъ и Мономаховичи старались получить Новгородцевъ на свою сторону, что, разумѣется, должно было еще болѣе усилить самомнѣніе послѣднихъ. И вотъ Новгородцы, разсчитавъ, что имъ выгоднѣе будетъ принять сторону Ольговичей, одержавшихъ въ это время какъ разъ, вслѣдствіе чрезмѣрной пылкости Ярослава, побѣду при Супоѣ, рѣшили пригласить къ себѣ Святослава Ольговича, а Всеволода-Гавріила изгнать. Это рѣшеніе Новгородцы привели въ исполненіе въ 1136 году, при чемъ совершили надъ Всеволодомъ-Гавріиломъ неслыханное и безпримѣрное насиліе, а именно заключили его со всей семьей въ епископскомъ домѣ до пріѣзда Святослава Ольговича, послѣ чего вывели изъ города.

79. Новгородцы изгоняютъ отъ себя князя.

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Разумѣется, это позорное изгнаніе Всеволода-Гавріила не могло пройти спокойно, такъ какъ въ городѣ оставалось много преданныхъ ему сторонниковъ, и скоро въ немъ поднялась смута. «Новгородъ разодрался, какъ разодралась Земля Русская», говоритъ лѣтописецъ. Сперва сбросили съ моста одного изъ приверженцевъ Всеволода, а затѣмъ составился и заговоръ, чтобы убить Святополка, при чемъ въ него даже стрѣляли, но безъ успѣха. Наконецъ, нѣсколько Новгородскихъ мужей побѣжало ко Всеволоду-Гавріилу въ Вышгородъ, гдѣ его пріютилъ дядя, великій князь Ярополкъ Владиміровичъ, и стали просить его вернуться, увѣряя, что у него много сторонниковъ во Псковѣ и Новгородѣ, только и ждущихъ его появленія. «Ступай князь, тамъ тебя хотятъ» говорили они.

Всеволодъ-Гавріилъ пошелъ. Прибывши во Псковъ, онъ былъ дѣйствительно горячо принятъ жителями, но когда объ этомъ узнали въ Новгородѣ, то тамъ вспыхнулъ сильнѣйшій мятежъ, и большинство не захотѣло возвращенія Мстиславовича; его друзья подверглись жестокому преслѣдованію и стали стекаться къ нему во Псковъ. Святославъ же Ольговичъ,

собравъ всю Новгородскую Землю и нѣкоторыя вспомогательныя войска, пошелъ изгонять Всеволода-Гавріила изъ Пскова.

Но Псковичи сразу показали большую стойкость, которой всегда отличались и впослѣдствіи; они укрѣпили городъ и рѣшили крѣпко стоять за Всеволода-Гавріила, такъ какъ были очень рады получить себѣ особаго князя и тѣмъ освободиться отъ зависимости старшему городу. Эта рѣшимость Псковичей смутила Новгородцевъ. Видя, что борьба будетъ трудная, они вернулись съ пути, говоря: «не хотимъ проливать крови братьевъ своихъ; пусть Богъ все управитъ Своимъ Промысломъ».

80. Изображеніе Святого Всеволода-Гавріила въ рукописномъ житіи его XVI вѣка.

Собранія Новгородской Софіи; хранится нынѣ въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Къ сожалѣнію Псковичей, князь ихъ жилъ недолго и умеръ въ 1137 году, горько всѣми оплакиваемый за свою высоко-христіанскую жизнь. Его нетлѣнныя мощи, прославившіяся многими чудесами, покоятся въ Псковскомъ соборѣ Святой Троицы, въ придѣльномъ храмѣ Благовѣщенія Богородицы, а надъ гробницей святого Всеволода и донынѣ виситъ его огромный мечъ съ надписью: «Чести моей не уступлю никому».

Между тѣмъ, Новгородцы терпѣли большія непріятности; Мономаховичи были ими недовольны, что они держатъ у себя Ольговича, и прекратили съ ними торговлю, а отъ этого сдѣлалась большая дороговизна съѣстныхъ припасовъ.

Пользуясь, однако, раздорами въ княжеской семьѣ, Новгородцы сумѣли выйти изъ затрудненія. Они рѣшили призвать къ себѣ сына Юрія Долгорукаго—Ростислава, а Святославу Ольговичу—указать путь изъ Новгорода. Этимъ выборомъ они мирились какъ съ великимъ княземъ Ярополкомъ, такъ и съ Мономаховичами и вмѣстѣ съ тѣмъ были избавлены отъ униженія принимать кого-либо изъ Мстиславовичей, братьевъ Всеволода-Гавріила.

Такимъ образомъ, изъ этого обстоятельства мы лишній разъ ясно видимъ, что раздоры въ княжеской семьѣ были прямо на руку своеволь-

нымъ Новгородцамъ: они получили возможность выбирать себѣ князей, приноравливаясь къ обстоятельствамъ,—изъ различныхъ княжескихъ вѣтвей, между собой враждовавшихъ.

Великій князь Ярополкъ Владиміровичъ умеръ въ 1139 году. Несмотря на его рѣдкія душевныя качества, у него не хватило силъ удержать княжескій родъ отъ усобицъ, возникавшихъ въ виду чрезвычайно усложнившихся родовыхъ отношеній и наполнившихъ все время его княженія. Конечно, усобицами этими воспользовались наши внѣшніе враги. Половцы, опомнившись отъ ударовъ Мономаха и Мстислава, стали вновь появляться въ нашихъ предѣлахъ и сильно ихъ опустошать; даже Чудь имѣла дерзость захватить Юрьевъ, и только побѣды Всеволода-Гавріила вернули намъ этотъ городъ.

81. Великій князь Кіевскій Всеволодъ Ольговичъ.
По Титулярнику.

Незадолго до смерти, Ярополкъ Владиміровичъ, какъ мы видѣли, примирился съ Ольговичами и отдалъ имъ Посемье; племянника своего Изяслава Мстиславовича посадилъ во Владимірѣ Волынскомъ, брата Вячеслава Владиміровича оставилъ въ Туровѣ, другого брата Андрея Владиміровича въ Переяславѣ, а третьему—Юрію Долгорукому—вернулъ Ростовъ и Суздаль, при чемъ въ Южной Руси Юрій удержалъ Городецъ на рѣкѣ Острѣ, имъ самимъ выстроенный.

По смерти Ярополка, по всѣмъ правиламъ очередного порядка, старшій столъ занялъ слѣдовавшій за нимъ по старшинству братъ—Вячеславъ Владиміровичъ. Конечно, съ занятіемъ великокняжескаго стола этимъ въ высшей степени мягкимъ человѣкомъ, слѣдовало ожидать сильнѣйшаго развитія своеволія со стороны остальныхъ князей. Такъ и случилось. Не успѣлъ узнать о въѣздѣ Вячеслава въ Кіевъ предпріимчивый Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, какъ тотчасъ же собралъ небольшую дружину, быстро двинулся къ Кіеву и, подойдя къ городу, послалъ сказать Вячеславу: «Иди добромъ изъ Кіева». На это Вячеславъ, имѣя отличную дружину и будучи самъ человѣкомъ безусловно храбрымъ, но больше всего на свѣтѣ любя покой и тишину, отправилъ къ Всеволоду митрополита съ такимъ отвѣтомъ: «Я, братъ, пришелъ сюда на мѣсто братьевъ своихъ Мстислава и Ярополка, по завѣщанію нашихъ отцовъ; если же ты, братъ, захотѣлъ этого стола, оставя свою отчину, то пожалуй я буду меньше тебя, пойду въ прежнюю свою волость, а Кіевъ тебѣ». Послѣ этого Вячеславъ вернулся въ свой Туровъ, а Всеволодъ Ольговичъ сѣлъ въ Кіевѣ.

Совершая описанный, смѣлый до дерзости, шагъ, Всеволодъ, понятно, разсчитывалъ на удачу только потому, что Мономаховичи были раздѣлены и безъ главы: старшимъ въ родѣ былъ слабовольный Вячеславъ, а слѣдующіе за нимъ братья, Юрій Долгорукій и Андрей, не могли разсчитывать помимо него занять Кіевъ; племянникъ же ихъ, Изяславъ Мстиславовичъ, наиболѣе способный изъ всѣхъ Мономаховичей, былъ во враждѣ съ обоими дядями, Юріемъ и Андреемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Всеволодъ Ольговичъ былъ женатъ на родной сестрѣ Изяслава Мстиславовича, а потому и разсчитывалъ войти съ нимъ въ соглашеніе и имѣть на своей сторонѣ. Сохранились извѣстія, что, по вступленіи въ Кіевъ, Всеволодъ послалъ сказать Изяславу Мстиславовичу во Владиміръ Волынскій: «Дяди твои не дадутъ тебѣ сѣсть въ Кіевѣ; самъ знаешь, что и прежде васъ отовсюду изгоняли, и если бы не я, то никакой волости вамъ бы не досталось; поэтому, теперь я хочу взять Кіевъ, а васъ буду держать какъ родныхъ братьевъ и не только теперь дамъ хорошія волости, но и по смерти моей отдамъ тебѣ Кіевъ, только вы не соединяйтесь съ дядями противъ меня».

Однако, несмотря на всѣ свои хитрости, положеніе Всеволода Ольговича было очень затруднительнымъ. Занявши Кіевъ, онъ долженъ былъ улаживаться и съ собственнымъ племенемъ: какъ съ родными братьями Ольговичами, такъ и съ двоюродными Давидовичами, которые были старшею вѣтвью въ родѣ Святослава; сперва Всеволодъ обѣщалъ послѣ себя Черниговъ родному брату Игорю, но, сѣвши въ Кіевѣ, отдалъ его двоюродному—Владиміру Давидовичу, а, вмѣсто этого, роднымъ долженъ былъ, конечно, обѣщать волости Мономаховичей, какъ только ихъ изгонитъ; однако, сдѣлать этого онъ не смогъ, и потому между нимъ и его племенемъ скоро возникли взаимныя неудовольствія.

Между тѣмъ и Мономаховичи, несмотря на вражду Мстиславовичей къ дядямъ Юрію и Андрею Владиміровичамъ, сознавали, что имъ всѣмъ слѣдуетъ соединиться противъ Всеволода Ольговича, и переговоры объ этомъ началъ Юрій Долгорукій; онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ къ третьему Мстиславовичу—Ростиславу, который, вслѣдствіе своего миролюбія и постоянной почтительности къ дядямъ, могъ быть хорошимъ посредникомъ между ними и своими братьями.

Узнавъ о переговорахъ Мономаховичей между собой и видя, что Изяславъ Мстиславовичъ даже не отвѣчаетъ на его предложеніе войти съ нимъ въ соглашеніе, Всеволодъ Ольговичъ рѣшилъ быстро открыть военныя дѣйствія противъ Мономаховичей, съ тѣмъ, чтобы не дать имъ времени соединиться и разбить ихъ поодиночкѣ.

Онъ послалъ двоюроднаго брата Изяслава Давидовича съ частью своихъ силъ и Половцами на западъ противъ Изяслава Мстиславовича Волынскаго и Вячеслава Владиміровича Туровскаго, а самъ съ братомъ Святославомъ пошелъ на Андрея Владиміровича, сидѣвшаго въ Переяславлѣ. Подойдя къ Переяславлю, Всеволодъ послалъ сказать Андрею: «Ступай въ Курскъ». Но доблестный Андрей не былъ похожъ на старшаго

брата Вячеслава; идти изъ Переяславля въ Курскъ, незначительную волость Ольговичей, значило подвергнуть сильнѣйшему униженію весь родъ Мономаха; и Андрей послалъ слѣдующій гордый отвѣтъ Всеволоду: «Лучше мнѣ умереть съ дружиною на своей отчинѣ и дѣдинѣ, чѣмъ взять Курское княженье; отецъ мой сидѣлъ не въ Курскѣ, а въ Переяславлѣ, и я хочу на своей отчинѣ умереть; если же тебѣ, братъ, еще мало волостей, мало всей Русской Земли, а хочешь взять и эту волость, то убей меня и возьми ее, а живой не пойду изъ своей волости. Это не въ диковину будетъ нашему роду; такъ и прежде бывало: развѣ Святополкъ не убилъ Бориса и Глѣба изъ-за волости? Но самъ долго ли пожилъ? И здѣсь жизни лишился, да и тамъ вѣчно мучится». Послѣ этого дружина Андрея вышла изъ города и, встрѣтивъ Святослава, разбила его; на другой день Всеволодъ примирился съ Андреемъ.

82. „Всеволодъ Ольговичъ посла брата своего Святослава... и усрѣтоша его княже Андрѣева дружина, и бишася съ ними и поможе Богъ княже Андрѣевымъ воемъ... и заутра сътвориша межи собой миръ"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

На западѣ Всеволоду тоже не удалось изгнать Изяслава Мстиславовича и Вячеслава Владиміровича изъ ихъ волостей, несмотря на то, что они не получили помощи съ сѣвера отъ Юрія Долгорукаго, хотя объ этомъ и шли переговоры; поэтому и съ этими Мономаховичами Всеволодъ вынужденъ былъ примириться. Размолвка же со своими Ольговичами у него не прекращалась.

Мы знаемъ, что Новгородцы, указавши путь Святославу Ольговичу, избрали себѣ въ князья сына Юрія Долгорукаго—Ростислава. Когда Юрій прибылъ въ Смоленскъ, чтобы вступить въ переговоры для объединенія всѣхъ Мономаховичей, онъ послалъ къ сыну въ Новгородъ, чтобы тотъ шелъ оттуда съ войскомъ противъ Всеволода Ольговича, но Новгородцы не послушались, и Ростиславъ долженъ былъ уйти къ отцу. Юрій, конечно, разсердился на это и захватилъ у Новгорода Торжокъ; тогда Новгородцы рѣшили вновь призвать Святослава Ольговича, ставшаго теперь братомъ великаго князя Кіевскаго; однако, и онъ не могъ съ ними долго ужиться и тоже скоро ушелъ на

югъ и просилъ у брата Всеволода волости, при чемъ остался очень недоволенъ, когда тотъ предложилъ ему Стародубъ.

Вскорѣ умеръ храбрый Андрей Владиміровичъ Переяславльскій. Тогда великій князь Всеволодъ Ольговичъ послалъ сказать Вячеславу Туровскому, чтобы онъ шелъ въ Переяславль, а на его мѣсто въ Туровѣ посадилъ своего родного сына Святослава Всеволодовича. Это еще болѣе озлобило всѣхъ остальныхъ Ольговичей, такъ какъ они сами разсчитывали на богатую Туровскую волость. Тогда Всеволодъ, видя ихъ неудовольствіе, позвалъ къ себѣ рядиться всѣхъ братьевъ—родныхъ и двоюродныхъ. Но недовѣріе къ нему было у всѣхъ нихъ настолько сильно, что сами они въ Кіевъ не поѣхали, а пересылались черезъ Днѣпръ, при чемъ, не придя со Всеволодомъ ни къ какому соглашенію, его родные братья Святославъ и Игорь Ольговичи цѣловали съ Изяславомъ и Владиміромъ Давидовичами крестъ—дѣйствовать всѣмъ сообща противъ Всеволода; послѣ этого, всѣ четыре князя двинулись къ Переяславлю, гдѣ только что сѣлъ, по приглашенію Всеволода, добродушный Вячеславъ Владиміровичъ. Они надѣялись также легко изгнать его оттуда, какъ онъ былъ изгнанъ Всеволодомъ Ольговичемъ изъ Кіева. Однако, на этотъ разъ они ошиблись.

У городскихъ стѣнъ они встрѣтили отпоръ, а, между тѣмъ, на помощь Вячеславу, съ одной стороны, шли подкрѣпленія отъ великаго князя Всеволода Ольговича изъ Кіева, а съ другой—прибылъ самолично его храбрый племянникъ Изяславъ Мстиславовичъ и разбилъ соединенныя силы четверыхъ князей. Послѣ этого, военныя дѣйствія продолжались еще нѣкоторое время, пока, наконецъ, Всеволодъ Ольговичъ не обратился къ иноку-князю Николаю Святошѣ, при посредничествѣ котораго состоялось общее примиреніе. Но и оно было недолгимъ. Всеволодъ Ольговичъ, какъ мы видѣли, держался только на всеобщемъ разъединеніи, и поэтому ему сильно не нравился союзъ его родныхъ братьевъ съ двоюродными—Давидовичами. Онъ послалъ сказать послѣднимъ: «Отступите отъ моихъ братьевъ, я васъ надѣлю». Тѣ этимъ прельстились и перешли на сторону Всеволода, что, разумѣется, вызвало ссору съ ними Святослава и Игоря Ольговичей, которые еще болѣе обидѣлись, когда Вячеславъ Владиміровичъ, съ согласія Всеволода Ольговича, вернулся изъ Переяславля опять въ свою волость Туровъ, откуда сынъ Всеволода—Святославъ перешелъ во Владиміръ Волынскій, а въ Переяславль, на мѣсто Вячеслава, сѣлъ шуринъ Всеволода—способный и дѣятельный Изяславъ Мстиславовичъ, съ которымъ великій князь Всеволодъ успѣлъ, наконецъ, войти въ дружеское соглашеніе.

Но, конечно, Изяславъ Мстиславовичъ хорошо понималъ, что за человѣкъ былъ Всеволодъ Ольговичъ, и что онъ только по нуждѣ терпитъ Мстиславовичей въ хорошихъ волостяхъ; поэтому, Изяславъ Мстиславовичъ рѣшилъ вновь попытаться объединить всѣхъ Мономаховичей и примириться для этого съ дядей Юріемъ, къ которому и отправился въ Суздаль. Къ сожалѣнію, однако, нравы и взгляды ихъ были слишкомъ различны, и уладиться они не могли, а, вѣроятно, разстались еще большими врагами.

Перемѣщеніе сына своего Святослава Всеволодовича во Владиміръ Волынскій, на мѣсто Изяслава Мстиславовича, привело великаго князя Всеволода Ольговича къ борьбѣ и съ Владимірко Володаревичемъ.

Какъ мы уже говорили, этотъ хитрый и изворотливый князь успѣлъ, пользуясь княжескими усобицами, объединить въ своихъ рукахъ владѣнія Володаря и Василька Ростиславовичей—Перемышльскую и Теребовльскую волости, обидѣвъ при этомъ не только двоюродныхъ братьевъ—дѣтей Василька, но и родного племянника, сына умершаго брата своего Ростислава—Ивана, прозваннаго, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, *Берладникомъ*, которому оставилъ одинъ только городъ Звенигородъ; самъ же Владимірко, захвативъ всѣ остальныя волости и избравъ своей столицей городъ *Галичъ*, сталъ весьма сильнымъ владѣтельнымъ княземъ.

При вокняженіи Всеволода Ольговича въ Кіевѣ, у него была дружба съ Владиміркомъ, но когда сосѣдомъ послѣдняго сталъ сынъ Всеволода—

83. „...И да Володимеръ Всеволоду тысячю гривенъ серебра и двѣстѣ, тѣмъ бо и бяшетъ умолилъ"...

Святославъ, сѣвшій во Владимірѣ Волынскомъ, то между ними вскорѣ возникли раздоры, кончившіеся тѣмъ, что въ 1144 году Всеволодъ Ольговичъ собралъ значительное войско и вмѣстѣ съ братомъ Игоремъ, съ которымъ примирился, и нѣкоторыми другими князьями, а также и съ призванными Половцами, пошелъ противъ «Многоглаголиваго», какъ его называетъ лѣтописецъ, Владимірка.

Тотъ призвалъ къ себѣ на помощь Венгровъ, и обѣ рати встрѣтились у Звенигорода, гдѣ Всеволодъ зашелъ Владимірку въ тылъ, отрѣзавъ его отъ Галича и Перемышля. Тогда ловкій Владимірко, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія, послалъ сказать Игорю Ольговичу: «Если помиришь меня съ братомъ, то, по его смерти, помогу тебѣ сѣсть въ Кіевѣ». Эта уловка подѣйствовала, и Игорь уговорилъ брата заключить съ Владиміркомъ миръ, который его и получилъ, уплативъ Всеволоду за расходы по походу — тысячу двѣсти гривенъ. «Прежде онъ много поговорилъ, а послѣ много заплатилъ», примѣчаетъ по этому поводу лѣтописецъ.

Неудачное окончаніе для Владимірка этой борьбы ободрило его внутреннихъ враговъ, приверженцевъ племянника—Ивана Ростиславовича; когда однажды Владимірко выѣхалъ изъ Галича на охоту, то въ городъ вошелъ, съ помощью преданныхъ людей, Иванъ и заперся въ немъ. Послѣ этого, Владимірко три недѣли безуспѣшно осаждалъ Галичъ, и только, когда однажды ночью Иванъ сдѣлалъ неосторожную вылазку, онъ успѣлъ преградить ему обратное возвращеніе и вернуть себѣ Галичъ. Тогда Иванъ бѣжалъ въ Кіевъ къ Всеволоду.

Это покровительство, оказанное Ивану Всеволодомъ, имѣло слѣдствіемъ новую войну послѣдняго съ Владиміркомъ.

Всеволодъ въ 1146 году опять собралъ братьевъ, шуриновъ, пригласилъ Поляковъ и дикихъ Половцевъ *) и со множествомъ войска подошелъ къ городу Звенигороду, занятому воеводою Владимірка—Иваномъ Халдѣевичемъ. Жители Звенигорода, ранѣе принадлежавшіе Ивану Ростиславовичу, очевидно, не хотѣли биться за Владимірка; къ тому же ихъ могло устрашить и множество войска, приведеннаго Всеволодомъ. Поэтому, послѣ перваго же дня осады, они собрали вѣче и рѣшили сдаться. Но Владимірко имѣлъ въ Иванѣ Халдѣевичѣ вѣрнаго и неустрашимаго слугу. Онъ схватилъ трехъ гражданъ, изъ числа порѣшившихъ сдаться, убилъ ихъ и, разсѣкши каждаго пополамъ, выбросилъ вонъ изъ города. Этимъ цѣль его была достигнута; Звенигородцы испугались его больше непріятеля и стали биться безъ лести. На третій день Всеволодъ рѣшилъ взять Звенигородъ приступомъ; бой шелъ съ зари до вечера; городъ былъ зажженъ съ трехъ сторонъ; но граждане потушили пожаръ и отбили всѣ приступы. Тогда Всеволодъ долженъ былъ снять осаду и вернуться въ Кіевъ. Описанная защита Звенигорода весьма замѣчательна; она показываетъ намъ, что можетъ сдѣлать мужественный, рѣшительный и находчивый военачальникъ, даже имѣя подъ своимъ начальствомъ малодушныхъ людей.

Во время великаго княженія Всеволода—Полоцкіе князья, вернувшись изъ своего изгнанія, изъ Греціи, воспользовались раздорами въ семьѣ Мономаховичей и значительно усилили свое положеніе; скоро Ольговичи и Мономаховичи, вмѣсто вражды, стали вступать съ ними въ родственные союзы. Усилилось, разумѣется, при Всеволодѣ Ольговичѣ и своеволіе Новгородцевъ. Они нѣсколько разъ мѣняли своихъ князей, избирая ихъ то среди Мономаховичей, то среди Ольговичей; чтобы сколько-нибудь обуздать ихъ, Всеволодъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ не давалъ имъ князя, чего они не могли терпѣть, по словамъ лѣтописца; притомъ сдѣлалась дороговизна, и хлѣбъ ни откуда къ нимъ не шелъ. Тогда Новгородцы взяли себѣ опять сына Юрія Долгорукаго—Ростислава; когда же великій князь Всеволодъ Ольговичъ, постоянно враждовавшій съ Юріемъ, согласился вслѣдъ затѣмъ дать имъ одного изъ своихъ шуриновъ—Святополка Мстиславо-

*) Въ это время дикими Половцами назывались тѣ, съ которыми у насъ не было постоянныхъ мирныхъ или родственныхъ отношеній.

вича, то, до его пріѣзда, Новгородцы позволили себѣ опять заточить Ростислава Юрьевича.

Во время своего безпокойнаго великаго княженія, Всеволодъ принималъ участіе, и притомъ удачно, и въ Польскихъ дѣлахъ, гдѣ, къ великому для Руси счастью, началась на многіе годы такая же родовая усобица, какъ и у насъ; она привела къ раздѣленію Польши на нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ, между собой враждовавшихъ. Также удачно былъ отраженъ во времена Всеволода и разбойничій набѣгъ Шведскаго князя, напавшаго съ 60 судами на купцовъ, шедшихъ въ Новгородъ. Кромѣ того, при Всеволодѣ-же мы удачно вновь воевали съ Финляндцами, вторгшимися въ 1142 году въ Новгородскую область; ни одинъ человѣкъ изъ нихъ не ушелъ домой.

84. Великій князь Кіевскій Игорь Ольговичъ.
По Титулярнику.

Всеволодъ умеръ въ 1146 году, разболѣвшись послѣ похода на Галичъ; онъ до смерти сохранилъ Кіевскій столъ и достигъ къ концу жизни подобія объединенія подъ своей рукой большинства Русскихъ князей; но объединеніе это, въ противоположность тому, которое было при Мономахѣ, основывалось не на общей сплоченности, а на взаимной розни, при чемъ уже рѣзко стали выдѣляться Земли, все болѣе и болѣе терявшія зависимость отъ великаго князя: Юрій Долгорукій былъ совершенно самостоятеленъ въ своей Суздальско-Ростовской Землѣ и до конца жизни Всеволода не признавалъ его великимъ княземъ; большую независимость пріобрѣли себѣ князья Галицкіе и Полоцкіе; отдѣльную замкнутую жизнь вело Рязано-Муромское княжество, куда, какъ мы помнили, удалился съ семьею Ярославъ Святославовичъ Черниговскій, изгнанный изъ Чернигова своимъ предпріимчивымъ племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ; наконецъ, дѣлался все болѣе и болѣе своевластнымъ и Господинъ Великій Новгородъ.

Еще за годъ до своей смерти, въ присутствіи родныхъ и двоюродныхъ братьевъ и шурина Изяслава Мстиславовича, Всеволодъ Ольговичъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ брата Игоря. Изяславъ Мстиславовичъ былъ, конечно, сильно противъ этого распоряженія, но долженъ былъ ему покориться. За нѣсколько дней до кончины, Всеволодъ послалъ къ князьямъ повторить свою волю относительно Игоря, и, призвавъ также вліятельнѣйшихъ Кіевлянъ, сказалъ имъ: «Я очень боленъ; вотъ братъ мой Игорь,

возьмите его себѣ въ князья»; тѣ отвѣчали: «возьмемъ съ радостью»; но они обманывали его, прибавляетъ лѣтописецъ.

Послѣ похоронъ брата, Игорь собралъ Кіевлянъ и всѣ присягнули ему. Однако, въ этотъ же день вспыхнулъ въ городѣ мятежъ. Своевольные Кіевляне собрались на вѣче и заявили требованіе, чтобы Игорь уволилъ тіуновъ (управителей) покойнаго брата Всеволода, которые грабили народъ. Бывшій въ Кіевѣ Святославъ Ольговичъ обѣщалъ отъ имени брата исполнить это желаніе, и вѣче разошлось. Но не успѣли князья сѣсть за обѣдъ, какъ получили свѣдѣніе, что Кіевская чернь грабитъ дворы бояръ, преданныхъ Ольговичамъ, и Святославу едва удалось со своей дружиной укротить грабителей.

Это начало Игорева великокняженія не предвѣщало ничего добраго. Ничего добраго не предвѣщало также и поведеніе Изяслава Мстиславовича. Игорь послалъ въ Переяславль сказать ему: «Брата нашего Богъ взялъ; стоишь ли въ крестномъ цѣлованіи?», на что Изяславъ не только ничего не отвѣтилъ, но даже задержалъ посланныхъ Игоря. Въ это же время въ Переяславль прибыли и послы Кіевлянъ; они объявили Изяславу, что Игорь не сдержалъ даннаго обѣщанія смѣстить тіуновъ, ненавистныхъ жителямъ, почему послѣдніе считаютъ себя свободными отъ присяги, данной Игорю, и просятъ прибыть Изяслава. Изяславъ согласился и выступилъ въ походъ со своимъ юнымъ сыномъ—храбрымъ Мстиславомъ Изяславовичемъ. Когда онъ подошелъ къ Зарубу, все пограничное варварское населеніе—Черные Клобуки, а также и жители сосѣднихъ городовъ, прислали ему сказать: «Ты нашъ князь; Ольговичей не хотимъ; ступай скорѣе!».

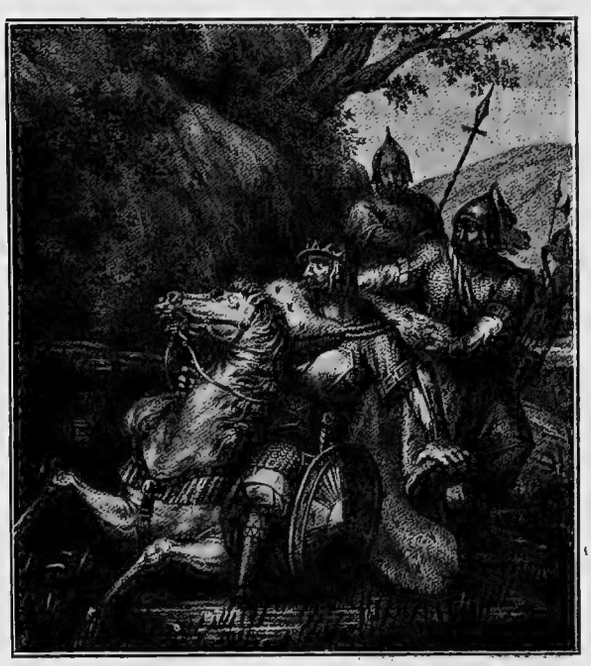
Наконецъ, изъ Кіева явились новые послы и держали ему такое слово: «Ты нашъ князь: ступай, не хотимъ переходить къ Ольговичамъ, точно по наслѣдству»... Послѣднее показываетъ, разумѣется, что вслѣдствіе постоянныхъ княжескихъ усобицъ, Кіевляне считали уже себя главными вершителями вопроса о томъ, кто у нихъ долженъ быть княземъ, и понятіе о преемственности занятія ихъ стола въ очередномъ порядкѣ было уже утрачено жителями.

Игорь ожидалъ, разумѣется, появленія Изяслава и спѣшно готовился его отразить. Прежде всего надо было уладиться со своими двоюродными братьями Давидовичами, племя коихъ было старше Ольговичей. Тѣ запросили у него очень много волостей, которыя онъ, конечно, обѣщалъ, лишь бы они пришли на помощь. Не менѣе важнымъ дѣломъ для Игоря было уладиться и съ Кіевской дружиной. Онъ обѣщалъ ей также всевозможныя льготы, но лучшіе мужи ея уже тайно передались Изяславу.

При такихъ условіяхъ состоялась встрѣча войскъ обоихъ противниковъ подъ самымъ Кіевомъ. Уже съ началомъ боя Кіевляне передались Изяславу; однако, Игорь этимъ не смутился и продолжалъ нѣкоторое время сражаться, пока, наконецъ, попавъ въ болотистое мѣсто, не былъ обойденъ Черными Клобуками, при чемъ самъ онъ, будучи боленъ ногами, не могъ выйти изъ болота, а дружина его потерпѣла полное пораженіе.

Послѣ этого, Святославъ Ольговичъ, самоотверженно отстаивавшій дѣло брата, долженъ былъ съ остатками своей дружины уйти за Днѣпръ, а бывшій также съ Игоремъ—племянникъ его Святославъ Всеволодовичъ спрятался въ Ириновскомъ монастырѣ, гдѣ его и взяли.

Изяславъ же Мстиславовичъ съ великой честью и славой въѣхалъ въ Кіевъ, встрѣченный духовенствомъ и ликующимъ народомъ. Когда къ нему привели захваченнаго у святой Ирины Святослава Всеволодовича, то онъ обнялъ его и сказалъ: «Ты мнѣ родной племянникъ». Дѣйствительно, этотъ молодой князь, будучи роднымъ племянникомъ Ольговичамъ, какъ мы знаемъ, приходился въ то же время и роднымъ племянникомъ Мстиславовичамъ, по матери своей, ихъ родной сестрѣ, почему онъ и звался ими «сестричичемъ». Положеніе Святослава Всеволодовича было глубоко затруднительнымъ, и чувства его должны были постоянно раздваиваться: онъ былъ любимъ и ласкаемъ дядей Изяславомъ, но не могъ не сочувствовать бѣдѣ и своихъ дядей Ольговичей, изъ которыхъ Игоря схватили черезъ четыре дня въ болотѣ, привели къ Изяславу и потомъ заточили.



85. Игорь Ольговичъ во время сраженія съ Изяславомъ Мстиславовичемъ подъ Кіевомъ вязнетъ въ болотѣ

Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

Такъ сѣлъ на столѣ отца своего и дѣда Изяславъ Мстиславовичъ, помимо дядей Вячеслава Владиміровича и Юрія Долгорукаго, слѣдуя своей любимой поговоркѣ: «Не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту». Однако, его сидѣніе на этомъ столѣ съ 1146 по 1154 годъ, несмотря на блестящія личныя качества, было однимъ изъ самыхъ тревожныхъ временъ для Русской Земли; онъ все время долженъ былъ бороться съ двумя враждебными для себя обстоятельствами: съ горячей любовью Святослава Ольговича къ Игорю, готоваго на всѣ жертвы, чтобы спасти брата, и съ непримиримой непріязнью со стороны дяди Юрія Долгорукаго.

Юрій Долгорукій былъ еще ребенкомъ посаженъ въ Ростово-Суздальской Землѣ отцомъ своимъ Мономахомъ, который сдалъ его на руки дядькѣ-кормильцу—боярину Юрію Шимоновичу, сыну славнаго Варяга Шимона, строителя большой церкви Кіево-Печерскаго монастыря. Этотъ дядька-кормилецъ, за малолѣтствомъ Юрія, былъ дѣйствительнымъ управителемъ Суздальской Земли, а впослѣдствіи, когда юный князь возмужалъ

и Шимоновичъ сталъ его тысяцкимъ, то Юрій передавалъ ему въ свое отсутствіе эту Землю, *яко отцу*, въ полное управленіе, почему оба они и должны почитаться ея оборонителями и устроителями.

Земля эта лежитъ въ Залѣсской сторонѣ, за большими лѣсами страны Вятичей, извѣстными также подъ именемъ «Брынскихъ лѣсовъ», черезъ которые, согласно былиннаго сказанія, могъ проѣзжать напрямикъ, во времена святого Владиміра, одинъ только Илья Муромецъ.

Залѣсская сторона занимаетъ уголъ между теченіемъ верхней Волги и Оки и ограничивается по сѣверной сторонѣ—Волгой съ притоками, отъ Зубцова на Бѣлоозеро до впаденія Оки въ Волгу; въ ней съ незапамятныхъ временъ жили Финскія племена—*Меря*, *Мурома* и *Весь*, которыя, еще до призванія первыхъ князей въ 862 году, стали покоряться приходившими съ Запада Славянами, здѣсь садившимися и, несомнѣнно, основавшими древнѣйшіе города—Суздаль, Ростовъ и Бѣлоозеро. Земля эта была лѣсная и, въ извѣстномъ смыслѣ, глухая, совсѣмъ удаленная отъ безпокойнаго поприща чуть не ежедневной войны, которая происходила вокругъ Кіева; почва ея не отличалась особымъ плодородіемъ, но зато страну эту перерѣзывало множество рѣчныхъ путей, удобныхъ для развитія торговли; жители же ея издревле славились какъ искусные каменщики, плотники и землепашцы.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Суздальская Земля стала замѣтно оживляться и заселяться. Причинами этого были—постоянныя княжескія усобицы и Половецкія нашествія, разорявшія жителей Кіевской Руси, вслѣдствіе чего населеніе стремилось уходить оттуда подальше и двигалось на новыя мѣста по двумъ направленіямъ: на Западъ—въ Галицкую Землю и Польшу, и на Сѣверо-Востокъ—въ Суздальскій край; въ этомъ краѣ новые пришельцы, смѣшавшись со старинными его обитателями, дали начало Великорусскому племени, получившему впослѣдствіи столь большое значеніе въ жизни Руси.

Вотъ на заселеніе Суздальской Земли и прилагали всѣ свои усилія Юрій Долгорукій съ дядькой-кормильцемъ Шимоновичемъ, всячески помогая устраиваться прибывающему люду и давая ему «немалую ссуду». Эти поселенцы дѣлались, конечно, или хлѣбопашцами, или же начинали заниматься торговлею, ремеслами и другими промыслами въ городахъ, какъ въ старыхъ—Ростовѣ и Суздалѣ, такъ особенно и въ возникавшихъ новыхъ, гдѣ они составили многочисленное посадское сословіе.

Приходя въ новую сторону изъ Кіевской Руси и устраиваясь на новыхъ мѣстахъ, поселенцы приносили съ собой и свои родныя названія, почему въ Суздальской сторонѣ многіе города получили Южно-Русскія наименованія: Переславль, Звенигородъ, Стародубъ, Вышгородъ, Галичъ; среди селъ явились названія—Кіево, Кіевцы, а рѣки стали прозываться—Лыбедью, Почайною, Трубежомъ. Усердно строя города и церкви, Юрій Долгорукій и Шимоновичъ тоже старались подражать во всемъ Южно-Русскимъ храмамъ, и какъ въ Ростовѣ, такъ и въ Суздалѣ создавались церкви, со-

вершенно подобныя Кіево-Печерской, даже строившіяся по размѣрамъ славнаго пояса Шимона Варяга.

Это желаніе перенести на новыя мѣста родныя названія и строить на нихъ храмы Божіи по точному подобію тѣхъ, близъ которыхъ находятся на прежней Родинѣ могилы отцовъ, указываетъ, конечно, на горячую любовь Русскаго человѣка къ своей родной Землѣ.

Отсюда понятно, почему и Юрій Долгорукій, ревностно устраивая, какъ добрый хозяинъ, свой далекій и покойный отъ княжескихъ усобицъ Суздальскій край, былъ горячо преданъ и своей искони родной Землѣ, безпокойной Кіевской Руси, Землѣ отцовъ и дѣдовъ, въ которой, во всякомъ случаѣ, желалъ имѣть часть для себя и потомства. Помимо этого, упорная борьба Юрія за Кіевское старшинство имѣла великое значеніе и для Суздальской Земли, такъ какъ, только добившись старшинства на Руси для себя и для дѣтей, Юрій могъ разсчитывать, что и ихъ Суздальскій край получитъ могущество и силу, а не превратится въ глухой и заброшенный уголъ, какъ сосѣдняя Рязано-Муромская Земля, въ которой сидѣли потомки Ярослава Святославовича, потерявшаго свое старшинство въ княжескомъ родѣ.

Наконецъ, Суздальская Земля соприкасалась своими границами и съ Землями безпокойнаго Господина Великаго Новгорода, и Юрію, чтобы вліять на Новгородъ, необходимо было также имѣть значеніе и въ судьбахъ Кіевской Руси. Вотъ причины, почему онъ, помимо можетъ быть личной непріязни, не могъ допустить княженія Изяслава Мстиславовича въ Кіевѣ.

Впрочемъ, первымъ, съ кѣмъ пришлось столкнуться Изяславу Мстиславовичу, тотчасъ по занятіи старшаго стола, былъ дядя Вячеславъ Владиміровичъ. Идя на Кіевъ, Изяславъ первоначально объявилъ, что онъ хочетъ добыть его для Вячеслава, старшаго въ родѣ Мономаховичей; но Кіевляне отнюдь не хотѣли имѣть вмѣсто Игоря слабаго Вячеслава, а желали только Изяслава, о чемъ прямо и заявили ему, почему онъ и долженъ былъ подчиниться этому; но, разумѣется, бояре Вячеслава, разсчитывавшіе перейти изъ Турова вмѣстѣ съ нимъ въ Кіевъ, не могли быть довольны такимъ поворотомъ дѣла; и вотъ, несомнѣнно, подъ ихъ вліяніемъ, Вячеславъ, узнавъ, что племянникъ занялъ Кіевъ, сталъ тотчасъ же распоряжаться какъ старшій: захватилъ города, отнятые у него Всеволодомъ Ольговичемъ, а также и Владиміръ-Волынскій. Но Изяславъ быстро показалъ дядѣ Вячеславу, кто изъ нихъ старшій; онъ послалъ брата своего Ростислава Мстиславовича Смоленскаго взять у него Туровъ и схватить въ немъ людей, вліявшихъ на Вячеслава; послѣдній, видя такія рѣшительныя дѣйствія со стороны племянника, скоро успокоился.

Но не успокоился Святославъ Ольговичъ. Послѣ бѣдственнаго пораженія Игоря подъ Кіевомъ, онъ кинулся къ двоюроднымъ братьямъ Давидовичамъ Черниговскимъ, прося ихъ, во имя заключеннаго пять дней тому назадъ договора, помощь ему выручить брата. Тѣ обѣщали, но на самомъ дѣлѣ рѣшили передаться новому великому князю Кіевскому Изяславу

Мстиславовичу, опасаясь, что ихъ двоюродные братья Ольговичи, лишенные теперь волостей на западной сторонѣ Днѣпра, будутъ добиваться себѣ части въ Черниговской Землѣ; когда Святославъ Ольговичъ, покинувъ ихъ, отправился къ себѣ въ Новгородъ Сѣверскій собирать людей для похода, то Давидовичи послали сказать Изяславу Мстиславовичу въ Кіевѣ: «Игорь какъ до тебя былъ золъ, такъ и до насъ; держи его крѣпко», а Святославу Ольговичу было ими послано такое слово: «Ступай прочь изъ Новгорода Сѣверскаго въ Путивль, а отъ брата Игоря отступись». Святославъ отвѣчалъ: «Не хочу ни волости, ничего другого, только отпустите мнѣ брата»; но Давидовичи настаивали: «Цѣлуй крестъ, что не будешь ни просить, ни искать брата, а волость держи».

Заплакалъ несчастный Святославъ Ольговичъ и обратился за помощью къ Юрію Долгорукому, съ которымъ у нихъ были старинныя отношенія; они оба, какъ мы видѣли, были въ молодости повѣнчаны своими отцами, для пользы Русской Земли, съ Половчанками. Пока Юрій снаряжалъ помощь Святославу, послѣдняго осадили въ Новгородѣ Сѣверскомъ Давидовичи, къ которымъ на подмогу прибылъ и молодой Мстиславъ Изяславовичъ, сынъ великаго князя Изяслава Мстиславовича. У Святослава же Ольговича въ Новгородѣ Сѣверскомъ сидѣлъ, въ качествѣ союзника, лишенный волостей своимъ дядей Владиміркомъ Галицкимъ—Иванъ Берладникъ, прозванный такъ по имени города Берлада, лежавшаго недалеко отъ устьевъ Дуная и бывшаго, подобно Тмутаракани, притономъ всѣхъ бѣглецовъ; въ немъ Иванъ и собралъ свою дружину, съ которой сидѣлъ теперь въ Новгородѣ Сѣверскомъ.

Жители этого города, хотя были сильно стѣснены, но держались крѣпко и отражали всѣ приступы. Тогда осаждающіе отступили и стали уничтожать въ окрестности всю «жизнь» (имѣнье, животы) Святослава Ольговича; въ одномъ мѣстѣ взяли 3.000 кобылъ и 1.000 жеребцовъ, въ другомъ подожгли церковь и гумно въ 900 стоговъ сѣна и захватили множество вина, меда и всякаго тяжелаго товару, мѣди и желѣза.

Тѣмъ временемъ великій князь Изяславъ Мстиславовичъ, узнавъ, что дядя Юрій Долгорукій спѣшитъ на помощь Святославу Ольговичу, рѣшилъ отвлечь Юрія, для чего снесся съ княземъ Рязанскимъ Ростиславомъ, прося его начать опустошать Суздальскую Землю. Узнавъ про это, Юрій, дошедшій уже до Козельска, повернулъ назадъ, а къ Святославу Ольговичу послалъ лишь своего сына Ивана Юрьевича. Когда Иванъ подошелъ къ Новгороду Сѣверскому, то Святославъ, рѣшивъ ничего не щадить и пожертвовать послѣднимъ, лишь бы удержать Юрія въ союзѣ для освобожденія своего несчастнаго брата Игоря, отдалъ Ивану Юрьевичу половину своихъ владѣній—Курскъ съ волостями по рѣкѣ Сейму; затѣмъ онъ рѣшилъ попытаться разжалобить еще разъ Давидовичей и послалъ къ нимъ священника съ такимъ словомъ: «Братія, Землю мою вы повоевали, стада мои и братніи взяли, хлѣбъ пожгли и всю жизнь мою погубили, теперь вамъ остается убить меня». Но Давидовичи были неумолимы и попрежнему

отвѣчали, чтобы онъ оставилъ брата Игоря. Святославъ тоже отвѣчалъ имъ попрежнему: «Лучше мнѣ помереть, чѣмъ оставить брата; буду искать его, пока душа въ тѣлѣ». Вслѣдъ затѣмъ прибылъ великій князь Изяславъ и вмѣстѣ съ Давидовичами взялъ его городъ Путивль; при этомъ во дворѣ Святослава было захвачено 500 берковцевъ меду, 80 корчагъ вина и 700 рабовъ. Узнавъ, что Изяславъ отъ Путивля идетъ къ Новгороду Сѣверскому, и видя невозможность держаться въ немъ далѣе, Святославъ вышелъ изъ города съ женой своей и Игоря, его дѣтьми и частью дружины и пошелъ къ Карачеву, чтобы найти убѣжище въ лѣсахъ страны Вятичей, откуда легче было пересылаться и съ Юріемъ Долгорукимъ.

Получивъ извѣстіе, что Святославъ Ольговичъ покинулъ Новгородъ Сѣверскій, Давидовичи сильно раздосадовались; они знали, что пока Свято-

86. „... Игорь-же слышавъ, въ порубѣ сый, оже идетъ Изяславъ на брата его, домолися послав Изяславу, глаголя: „еда быхъ ся постриглъ;“ и повелѣ Изяславъ постричи и епископу Переяславскому Евѳимью и пришедъ постриже и“...

Изъ Кенигсбергской лѣтописи.

славъ будетъ живъ, то не перестанетъ отыскивать свободы Игорю; въ сердцахъ Изяславъ Давидовичъ воскликнулъ: «Пустите меня за нимъ; если ему самому удастся уйти отъ меня, то жену и дѣтей у него отниму, имѣніе его возьму». И, взявъ три тысячи конницы, онъ отправился налегкѣ безъ обозовъ—настигать Святослава. Тогда Святославъ Ольговичъ, чтобы выйти изъ своего отчаяннаго положенія, смѣло повернулъ двоюродному брату навстрѣчу, неожиданно напалъ на него и разбилъ наголову. Извѣстіе объ этомъ пораженіи сильно огорчило великаго князя Изяслава Мстиславовича, шедшаго за Изяславомъ Давидовичемъ. Онъ преслѣдовалъ Святослава до Карачева, но уже не могъ настигнуть и помѣшать ему уйти въ страну Вятичей, послѣ чего вернулся въ Кіевъ.

Между тѣмъ, Игорь Ольговичъ сильно расхворался въ своей тюрьмѣ и просилъ разрѣшенія Изяслава Мстиславовича принять постриженіе,

о чемъ онъ думалъ, когда былъ еще княземъ; Изяславъ сжалился и послалъ сказать ему: «Если была у тебя мысль о постриженіи, то ты воленъ; а я тебя и безъ того выпускаю, ради твоей болѣзни». Игорь вышелъ изъ тюрьмы еле живой, восемь дней не пилъ и не ѣлъ, но потомъ нѣсколько поправился и постригся въ Кіевскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ, принявъ схиму.

Послѣ отъѣзда великаго князя Изяслава Мстиславовича въ Кіевъ, война Давидовичей со Святославомъ Ольговичемъ въ Сѣверской Землѣ и въ странѣ Вятичей продолжалась, при чемъ Давидовичи подсылали даже убить его, но оставленный при нихъ великимъ княземъ—сестричичъ Святославъ Всеволодовичъ, изъ жалости къ дядѣ Святославу Ольговичу, тайно извѣщалъ его о передвиженіяхъ Давидовичей, и они успѣха надъ нимъ не имѣли, несмотря на то, что Святослава въ это время покинулъ и Иванъ Берладникъ, перешедшій на службу къ Ростиславу Мстиславовичу Смоленскому. Такъ перебивался несчастный Святославъ Ольговичъ весь 1146 годъ.

Въ слѣдующемъ же 1147 году, дѣла его значительно поправились, благодаря подкрѣпленіямъ, присланнымъ Юріемъ Долгорукимъ, который самъ пошелъ воевать Новгородскую область и, захвативъ Торжокъ и земли на Мстѣ, вслѣдъ за этимъ пригласилъ къ себѣ Святослава на свиданіе. Оно имѣло мѣсто въ *Москвѣ*, имя которой впервые упоминается по этому поводу въ лѣтописяхъ. Въ тѣ времена Москва, или Московъ, не была еще городомъ, а представляла богатое имѣніе, принадлежавшее боярину Кучкѣ, казненному Юріемъ за какое-то преступленіе; вотъ почему, вмѣстѣ съ названіемъ Москвы, она долгое время носила и названіе Кучково. Достойно замѣчанія, что первое появленіе имени Москвы связано съ памятью о широкомъ гостепріимствѣ, составившимъ и впослѣдствіи ея отличительное свойство. Святославъ выслалъ впереди себя своего сына Олега, подарившаго Юрію пардуса или барса. Дружески встрѣтилъ Юрій стариннаго пріятеля и задалъ ему «обѣдъ силенъ», богато одаривъ его и дружину. При этомъ свиданіи былъ, конечно, обстоятельно рѣшенъ вопросъ о дальнѣйшей помощи Святославу и о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ великаго князя Изяслава Мстиславовича и Давидовичей.

Скоро Святославъ Ольговичъ, получивъ отъ Юрія Долгорукаго въ помощь сына, а также наемное войско Половцевъ, съ ханами которыхъ онъ былъ въ родствѣ по женѣ, сталъ успѣшно воевать противъ Давидовичей; въ составъ войскъ Святослава входили и *Бродники;* этимъ именемъ назывались вольные обитатели низовьевъ Дона; они были христіанами, большею частью Русскими по крови, и представляли, подобно древнѣйшимъ обитателямъ Меотійскихъ болотъ—предковъ нашихъ казаковъ. Видя поворотъ дѣлъ въ пользу Святослава, Давидовичи рѣшили круто измѣнить свое поведеніе и послали ему такое слово: «Не жалуйся на насъ, будемъ всѣ заодно, позабудь нашу злобу; цѣлуй къ намъ крестъ и возьми свою отчину, а что мы взяли твоего, то все отдадимъ назадъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Давидовичи рѣшили выманить великаго князя Изяслава Мстиславовича изъ Кіева на лѣвый берегъ Днѣпра, чтобы захва-

тить его или даже убить; поэтому они отправили и къ нему посла съ такимъ словомъ: «Братъ! Святославъ Ольговичъ занялъ нашу волость Вятичи: пойдемъ на него; когда его прогонимъ, то пойдемъ на Юрія въ Суздаль; или помиримся тамъ, или будемъ биться». Изяславъ согласился и отпустилъ въ Черниговъ сестричича Святослава Всеволодовича, тайно бывшаго теперь заодно съ Давидовичами. Но Давидовичамъ нуженъ былъ не сестричичъ, а самъ Изяславъ Мстиславовичъ; они послали ему опять сказать: «Земля наша побигаетъ, а ты не идешь». Тогда Изяславъ созвалъ своихъ бояръ, дружину и Кіевлянъ и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи идти на защиту Давидовичей противъ Святослава Ольговича и Юрія Долгорукаго. Кіевляне отвѣчали ему на это совѣтомъ уладиться съ дядей Юріемъ и не вѣрить Черниговскимъ князьямъ. «Нельзя»,—отвѣчалъ имъ Изяславъ Мстиславовичъ,—«они мнѣ крестъ цѣловали, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ; не могу никакъ отложить походъ; собирайтесь». Тогда Кіевляне сказали: «Ну, князь, ты на насъ не сердись, а мы не можемъ на Владимірово племя (Юрія Долгорукаго) рукъ поднять; вотъ если бы на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми». Однако, Изяславъ все-таки настоялъ на походѣ.

Оставивъ Кіевъ на попеченіе своего младшаго брата—мачешича Владиміра Мстиславовича, Изяславъ Мстиславовичъ выступилъ со своей дружиной и вызванными охотниками, которыхъ набралось не мало; затѣмъ, переправавшись черезъ Днѣпръ и ставъ между Черниговской и Переяславльской волостями, онъ послалъ въ Черниговъ къ Давидовичамъ боярина Глѣба разузнать, что тамъ дѣлается. Глѣбъ скоро возвратился съ неожиданной новостью объ измѣнѣ Давидовичей.

Пораженный этимъ извѣстіемъ, Изяславъ приказалъ Глѣбу опять ѣхать въ Черниговъ и предложить Давидовичамъ вновь поцѣловать крестъ, а если они откажутся, то сказать имъ всю правду. Такъ и произошло. Давидовичи рѣшительно отказались вновь цѣловать крестъ, говоря, что они недавно уже цѣловали его къ Изяславу. На это Глѣбъ заявилъ имъ отъ имени своего князя: «Дошелъ до меня слухъ, что ведете меня обманомъ: поклялись Святославу Ольговичу схватить меня на дорогѣ, либо убить за Игоря; такъ, братья, было дѣло, или не такъ?» Давидовичи смутились, долго думали и, наконецъ, послали сказать Изяславу Мстиславовичу: «Братъ! точно мы цѣловали крестъ Святославу Ольговичу; жаль намъ стало нашего брата Игоря; онъ уже чернецъ и схимникъ, выпусти его, тогда будемъ подлѣ тебя ѣздить; развѣ тебѣ было бы любо, если бы мы брата твоего держали?». Въ отвѣтъ на это Изяславъ послалъ бросить имъ договорныя грамоты и, укоривъ въ измѣнѣ, объявить войну. Онъ тотчасъ же извѣстилъ объ этомъ брата Ростислава Мстиславовича въ Смоленскѣ, а въ Кіевъ—брату Владиміру Мстиславовичу, митрополиту Климу и тысяцкому Лазарю послалъ приказаніе собрать всѣхъ Кіевлянъ на вѣче во дворѣ Святой Софіи и тамъ торжественно объявить объ измѣнѣ Давидовичей.

Когда жители Кіева сошлись на вѣче отъ мала до велика, то княжескіе гонцы начали свою рѣчь такъ: «Князь цѣлуетъ брата своего Владиміра,

Лазаря и всѣхъ Кіевлянъ, а митрополиту кланяется». Нетерпѣливые Кіевляне перебили ихъ кликами: «Говорите, съ чѣмъ прислалъ васъ князь». Послы продолжали: «Такъ вамъ вѣщаетъ князь: объявляю, что Владиміръ и Изяславъ Давидовичи и Святославъ Всеволодовичъ, сынъ сестры моей, котораго я облагодѣтельствовалъ, забывъ святость крестнаго цѣлованія, тайно согласились со Святославомъ Ольговичемъ и Юріемъ Суздальскимъ. Они думали лишить меня жизни или свободы; но меня сохранилъ Богъ и крестъ честной, что ко мнѣ цѣловали. Такъ теперь, братья, Кіевляне, что мнѣ обѣщали, то и дѣлайте: ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, сбирайтесь всѣ отъ мала до велика; у кого есть конь, тотъ на конѣ, у кого нѣтъ, тотъ въ ладьѣ. Вѣдь они не меня одного хотѣли убить, но и васъ всѣхъ искоренить».

Возбужденные этой новостью, Кіевляне отвѣчали единогласными кликами: «Идемъ за тебя и съ дѣтьми». Къ несчастью, въ толпѣ кто-то въ это время

87. „... и яша Игоря въ церкви стояща по обычаю, на обѣдни, у святого Ѳеодора, и емше и поведоша изъ монастыря"..

крикнулъ: «Мы рады идти за своимъ княземъ, но вспомните, что было при Изяславѣ Ярославовичѣ, когда, пользуясь народнымъ волненіемъ, злые люди освободили Всеслава Полоцкаго изъ тюрьмы и поставили себѣ княземъ, и зато много зла было нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ, не въ заточеніи, а въ Ѳедоровскомъ монастырѣ; убьемъ его и пойдемъ въ Черниговъ къ нашему князю». Эти слова произвели сильнѣйшее впечатлѣніе. Толпа бросилась къ Ѳеодоровскому монастырю. Князь Владиміръ Мстиславовичъ пришелъ въ ужасъ и сталъ ее удерживать, говоря: «Братъ мой не велѣлъ этого дѣлать, Игоря стерегутъ крѣпко; пойдемъ лучше къ брату, какъ онъ намъ велѣлъ». Но возбужденные жители отвѣчали: «Мы знаемъ, что добромъ не кончить съ этимъ племенемъ ни вамъ, ни намъ». Митрополитъ, городской тысяцкій Лазарь и Рагуйло, тысяцкій Владиміра также тщетно пытались остановить разсвирѣпѣвшій народъ, съ воплями и криками устремившійся на убійство. Владиміръ Мстиславо-

вичъ, заслужившій впослѣдствіи малопочетное прозвище «вертляваго», велъ себя въ этотъ день, какъ истинный герой. Онъ рѣшилъ во что бы ни стало спасти Игоря, хотя бы цѣной своей жизни. Вскочивъ на коня, онъ поскакалъ къ Ѳеодоровскому монастырю, но густая толпа народа запрудила всю улицу и пробиться черезъ нее не было возможности; тогда Владиміръ повернулъ въ объѣздъ; къ несчастью, крюкъ этотъ повелъ за собой потерю времени, и Кіевляне пришли въ монастырь прежде него. Они кинулись въ церковь, гдѣ у обѣдни стоялъ Игорь, и съ криками «побейте, побейте» потащили его. Въ это время подоспѣлъ и Владиміръ и встрѣтилъ толпу, влачившую Игоря, у монастырскихъ воротъ. Онъ соскочилъ съ лошади, бросился къ Игорю и, прикрывъ его своимъ корзномъ (княжескимъ плащемъ), сталъ просить Кіевлянъ: «Братья мои, не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря!» Но тѣ въ бѣшенствѣ осыпали ударами Игоря, при чемъ имъ подвергался и Владиміръ. Проходя мимо двора своей матери, Владиміру съ помощью боярина Михаила удалось на время отбить Игоря и втащить во дворъ, въ которомъ успѣли закрыть ворота. Но толпа въ своемъ изступленіи, избивъ Михаила и сорвавъ на немъ крестъ съ цѣпью, выломала ворота; ворвавшись въ нихъ, она увидѣла Игоря въ сѣняхъ, которыя были тотчасъ же разбиты. Затѣмъ несчастнаго инока-князя стащили, повалили безъ чувствъ на землю, привязали къ ногамъ веревку и поволокли черезъ Бабій торжокъ на княжій дворъ и тамъ прикончили; послѣ чего, положивъ на дровни, повезли на Подолъ и бросили на торгу. Его похоронили на слѣдующій день въ Семеновскомъ монастырѣ; впослѣдствіи, мощи блаженнаго Игоря были перенесены въ Черниговскій соборъ Спаса Преображенія, гдѣ почиваютъ и нынѣ подъ спудомъ.

88. ...„Многи же люди мимо ходящи и плачущися видящи господина своего великаго князя бывшаго Кіевскаго и уже инока суща лежаща нага на торжищи повержена".

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Когда Изяславъ Мстиславовичъ получилъ вѣсть объ убійствѣ Игоря Ольговича, онъ горько заплакалъ и сказалъ своей дружинѣ: «Теперь назовутъ меня убійцей Игоря. Богъ мнѣ свидѣтель, что я не принималъ въ этомъ ни малѣйшаго участія, ни словомъ, ни дѣломъ. Онъ разсудитъ насъ на томъ свѣтѣ».

Тѣмъ временемъ открылись военныя дѣйствія. Юрій Долгорукій выслалъ своимъ союзникамъ сына Глѣба, а Изяславъ часто поручалъ начальствованіе надъ своими отрядами—сыну Мстиславу. Обѣ стороны старались принести другъ другу какъ можно болѣе разоренія, но до крупныхъ сраженій въ 1147 году дѣло не доходило.

Въ слѣдующемъ 1148 году, Изяславъ Мстиславовичъ собралъ большія силы, призвалъ также отряды Венгровъ, Берендѣевъ и, перейдя Днѣпръ, подошелъ къ Чернигову. Однако, и здѣсь дѣло до битвы не дошло, и Изяславъ, сильно опустошивъ Черниговскую волость, вернулся назадъ въ Кіевъ.

Видя разореніе своихъ владѣній и находя помощь, оказанную Юріемъ, недостаточной, Давидовичи и Святославъ Ольговичъ вновь послали просить его о присылкѣ подкрѣпленій. Но Юрій въ это время, очевидно, не могъ дать больше войска и прислалъ отказъ.

Тогда Черниговскіе князья послали къ Изяславу Мстиславовичу съ такимъ словомъ: «То бывало и прежде при дѣдахъ и отцахъ нашихъ; миръ стоитъ до рати, а рать до мира; не жалуйся на насъ, что мы первые встали на рать; жаль было намъ брата нашего Игоря; мы того только и хотѣли, чтобы ты выпустилъ его, а такъ какъ теперь онъ убитъ, пошелъ къ Богу, гдѣ и всѣмъ намъ быть, то Богъ всѣхъ насъ и разсудитъ; а здѣсь намъ до какихъ поръ губить Русскую Землю; чтобы намъ уладиться?» Изяславъ согласился и, запросивъ мнѣніе брата своего Ростислава Смоленскаго, далъ Черниговскимъ князьямъ миръ; послѣдніе обѣщали отложить вражду за Игоря, блюсти Русскую Землю и быть всѣмъ за одинъ братъ.

Въ это же самое время къ Изяславу Мстиславовичу явились послы изъ Новгорода, гдѣ сидѣлъ тогда его сынъ Ярославъ, жаловаться на Юрія Долгорукаго, что онъ отбираетъ отъ ихъ сборщиковъ—дани, собираемыя съ инородцевъ, а затѣмъ къ Изяславу прибылъ и старшій сынъ Долгорукаго—Ростиславъ и, объявивъ ему, что разсорился съ отцомъ, просилъ у великаго князя волости. Изяславъ отвѣчалъ ему: «Всѣхъ насъ старше отецъ твой (о слабовольномъ Вячеславѣ онъ, видимо, не счелъ нужнымъ вспомнить), но онъ не умѣетъ съ нами жить, а мнѣ дай Богъ васъ, братью всю свою и весь родъ свой, имѣть въ правду, какъ душу свою; если отецъ тебѣ волости не далъ, то я тебѣ дамъ», послѣ чего далъ Ростиславу шесть городовъ, а также Городецъ Остерскій, построенный, какъ мы видѣли, Юріемъ Долгорукимъ.

Вскорѣ, по предложенію великаго князя, у этого Городца съѣхались недавніе противники, а теперь союзники: самъ Изяславъ Мстиславовичъ и Давидовичи; но ни Святославъ Ольговичъ, ни сестричичъ Святославъ Всеволодовичъ не пріѣхали; Изяславъ замѣтилъ, конечно, ихъ отсутствіе, но Давидовичи отвѣчали: «Это ничего, что братъ Святославъ и племянникъ твой не пріѣхали; все равно мы здѣсь, а мы всѣ клялись, что гдѣ твои будутъ обиды, такъ намъ быть съ тобой». Тогда Изяславъ имъ отвѣчалъ: «Дядя мой Юрій изъ Ростова обижаетъ мой Новгородъ, дани у Новгородцевъ

поотнималъ, по дорогамъ проѣзду имъ нѣтъ. Хочу пойти и управиться съ нимъ либо миромъ, либо ратью».

Князья уладились, что какъ скоро ледъ станетъ на рѣкахъ, то идти на Юрія: Изяславъ Мстиславовичъ пойдетъ изъ Смоленска, а Давидовичи и Ольговичи изъ Земли Вятичей, а всѣмъ сойтись на Волгѣ. Свиданіе закончилось веселымъ обѣдомъ, послѣ чего великій князь Изяславъ оставилъ брата Владиміра въ Кіевѣ, сына Мстислава въ Переяславлѣ, а сыну Юрія Долгорукаго—Ростиславу ввѣрилъ защиту западной границы, сказавъ ему: «Ступай въ Бужскъ и побудь тамъ, постереги Русскую Землю, пока я схожу на отца твоего и помирюсь съ нимъ, или какъ нибудь иначе управлюсь».

Послѣ этого Изяславъ Мстиславовичъ отправился въ походъ. Онъ прибылъ сперва въ Смоленскъ, гдѣ свидѣлся съ братомъ Ростиславомъ; братья провели время очень весело, пировали съ дружинами и Смольнянами и дарили другъ друга богатыми дарами: Изяславъ дарилъ брата товарами, которые идутъ изъ Русской Земли и изъ всѣхъ Царскихъ (Греческихъ) Земель, а Ростиславъ Изяслава товарами, шедшими съ Верхнихъ (сѣверныхъ) Земель и отъ Варяговъ. Въ Смоленскѣ оба Мстиславовича рѣшили сдѣлать попытку покончить дѣло съ Юріемъ миромъ и послали къ нему посла. Но тотъ, вмѣсто отвѣта, посла этого задержалъ. Тогда Изяславъ Мстиславовичъ приказалъ брату двинуться по Волгѣ и выждать его приближенія, а самъ отправился къ сыну Ярославу въ Новгородъ.

Новгородцы встрѣтили Изяслава восторженно, вспоминая отца его великаго Мстислава и самого Изяслава, когда онъ дѣлалъ съ ними, въ молодые годы, славные походы. На собранномъ вѣчѣ Изяславъ въ пламенной рѣчи изложилъ обиды, чинимыя Юріемъ Долгорукимъ Новгороду, и предложилъ вопросъ: мириться ли съ нимъ, или ратью покончить дѣло. Воодушевленный его рѣчью народъ отвѣчалъ: «Ты нашъ князь, ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ! рады съ тобой идти всюду мстить за свои обиды; пойдемъ всѣ, только одно духовенство останется Богу молиться».

Вслѣдъ за этимъ Новгородцы, великій князь Изяславъ и Ростиславъ Смоленскій вошли въ Суздальско-Ростовскую Землю; Давидовичи же, несмотря на договоръ, къ нимъ не присоединились. Но Юрій не выходилъ навстрѣчу противникамъ; вслѣдствіе этого, Изяславъ Мстиславовичъ до весны 1149 года оставался въ его владѣніяхъ, разоряя ихъ по тогдашнему обычаю веденія войны, а когда началась оттепель, то ушелъ въ Кіевъ, уведя 7.000 плѣнныхъ.

Въ Кіевѣ его ждали непріятныя вѣсти. Ему сообщили, что оставленный стеречь Русскую Землю сынъ Долгорукаго—Ростиславъ, сносился съ Кіевлянами и Берендѣями, замышляя свергнуть Изяслава и посадить въ Кіевѣ отца своего Юрія. Изяславъ, конечно, страшно вознегодовалъ и, несмотря на отрицаніе Ростиславомъ Юрьевичемъ взводимой на него вины, отнялъ у него данныя волости и дружину и, посадивъ въ лодку, только съ четырьмя отроками отправилъ къ отцу.

Узнавъ объ этомъ безчестіи, которому подвергся его сынъ, вознегодовалъ и Юрій Долгорукій. «Такъ ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ нѣтъ части въ Русской Землѣ»—возгласилъ онъ, помирился съ Ольговичами и затѣмъ, собравъ свою силу и нанявъ Половцевъ, выступилъ на югъ противъ Изяслава Мстиславовича. Изъ прежнихъ союзниковъ къ Юрію примкнули Святославъ Ольговичъ съ племянникомъ Святославомъ Всеволодовичемъ; Давидовичи же, на этотъ разъ, оставались вѣрными Изяславу.

Тѣмъ не менѣе, положеніе послѣдняго было крайне затруднительнымъ, такъ какъ Кіевляне не хотѣли идти противъ Юрія, сына Мономаха, и считали его, какъ дядю, имѣющимъ больше правъ на старшій столъ, чѣмъ племянникъ. «Мирись князь, мы нейдемъ», говорили они Изяславу Мстиславовичу. Но Изяславъ продолжалъ уговаривать ихъ поддержать его, тѣмъ болѣе, что къ нему на помощь пришли съ большими силами Ростиславъ

89. „...И пришедъ къ отцю Ростиславъ, сказа ему вся приключьшася ему. И слышавъ отець его сжалиси, река: „тако-ли мнѣ нѣтъ причастья въ земли Рустѣй, и моимъ дѣтемъ"...

Смоленскій и Изяславъ Давидовичъ Черниговскій. Наконецъ, Кіевляне согласились, но, конечно, неохотно, дѣйствовать противъ Юрія.

Войска обоихъ противниковъ встрѣтились у Переяславля. Уже передовыя части ихъ вступили въ бой, когда Юрій послалъ сказать Изяславу Мстиславовичу: «Братъ! ты на меня приходилъ, Землю повоевалъ и старшинство снялъ съ меня, а теперь, братъ и сынъ, ради Русской Земли и христіанъ, не станемъ проливать христіанской крови, но дай мнѣ посадить въ Переяславлѣ сына своего, а ты сиди себѣ, царствуя въ Кіевѣ; если же не хочешь такъ сдѣлать, то Богъ насъ разсудитъ». Но Изяславъ не внялъ предложенію дяди, несмотря и на слезные уговоры епископа. Онъ отвѣчалъ Юрію: «Своей головой добылъ я Кіевъ и Переяславль» и сталъ готовиться къ бою.

23 августа противники сошлись, и Изяславъ потерпѣлъ страшное пораженіе: ему измѣнили Переяславцы; Кіевляне дрались противъ своего убѣжденія неохотно; неохотно дрались и Черные Клобуки, а также войска Изяслава Давидовича. Скоро всѣ обратились въ бѣгство, и Изяславъ, самъ-третій, прибылъ въ Кіевъ. Когда черезъ три дня сюда же подошелъ побѣдо-

носный Юрій, и Изяславъ Мстиславовичъ съ братомъ Ростиславомъ спросилъ Кіевлянъ: «Можете ли за насъ биться», то тѣ отвѣчали: «Господа, наши князья! не погубите насъ до конца; отцы наши и братья и сыновья, одни взяты въ плѣнъ, другіе избиты, и оружіе съ нихъ снято; возьмутъ и насъ въ плѣнъ; поѣзжайте лучше въ свою волость; вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться, гдѣ потомъ увидимъ ваши стяги, будемъ готовы съ вами». Послѣ этого отвѣта Мстиславовичи разъѣхались—Изяславъ во Владиміръ-Волынскій, а Ростиславъ въ Смоленскъ. Юрій же Долгорукій вошелъ въ Кіевъ.

Разумѣется, прибывъ во Владиміръ-Волынскій, Изяславъ Мстиславовичъ и не думалъ складывать оружія. Онъ послалъ требовать помощи у Венгерскаго короля Гейзы Второго, женатаго на его сестрѣ Евфросиніи, а также послалъ за подмогою къ своимъ своякамъ—Польскому князю Болеславу Кудрявому и Чешскому князю—Владиславу Второму. Всѣ они обѣщали придти Изяславу на помощь. Вмѣстѣ съ тѣмъ Изяславъ, желая отнять всякое право у Юрія на Кіевскій столъ, послалъ сказать дядѣ своему старику Вячеславу Владиміровичу, сидѣвшему въ это время въ Пересопницѣ: «Будь мнѣ вмѣсто отца, ступай садись въ Кіевъ, а съ Юріемъ не могу жить; если же не хочешь принять меня въ любовь и не пойдешь въ Кіевъ на столъ, то я пожгу твою волость».

Вячеславъ всполошился и послалъ сказать брату Юрію: «Венгры уже идутъ; Польскіе князья сѣли на коней; самъ Изяславъ готовъ выступить; либо мирись съ нимъ, дай ему, чего онъ хочетъ, либо приходи ко мнѣ съ полками, защити мою волость; пріѣзжай братъ, посмотримъ на мѣстѣ, что намъ Богъ дастъ—добра или зла, а если, братъ, не пойдешь, то на меня не жалуйся». Юрій немедленно откликнулся на этотъ зовъ и явился въ Пересопницу съ сыновьями Ростиславомъ и Андреемъ и дикими Половцами; сюда же прибылъ и вспомогательный отрядъ, присланный Юрію Владимірком Галицкимъ; самъ же Владимірко сталъ стягивать всѣ остальныя свои войска къ границамъ Польши и Венгріи, чтобы отвлечь этимъ союзниковъ Изяслава Мстиславовича. И, дѣйствительно, Венгры и Поляки, опасаясь за свои владѣнія, стали настойчиво хлопотать о примиреніи Изяслава съ дядями и сами начали вести объ этомъ переговоры. Тогда Вячеславъ и Юрій отвѣчали, что уладятся съ Изяславомъ, какъ только Поляки и Венгры уйдутъ домой, что тѣ и поспѣшили сдѣлать. Когда же они ушли, то Юрій, вмѣсто переговоровъ съ Изяславомъ Мстиславовичемъ, открылъ противъ него военныя дѣйствія.

Въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ сразу же выдвинулся своими блестящими военными дарованіями и необыкновеннымъ мужествомъ сынъ Юрія—Андрей, безвыѣздно прожившій болѣе тридцати лѣтъ въ далекой Суздальской странѣ и нынѣ впервые прибывшій на югъ. Однажды ночью, на ночлегѣ, Половцы, съ которыми онъ шелъ, отъ чего-то переполошились и побѣжали назадъ, но Андрей не испугался и устоялъ на мѣстѣ до разсвѣта, несмотря на увѣщанія дружины. Затѣмъ, когда отряды Юрія подошли къ городу

Луцку, занятому войсками Изяслава, то изъ него вышелъ пѣшій отрядъ и сталъ обстрѣливать подходившаго непріятеля; увидя это, Андрей, съ чисто юношескимъ пыломъ, стремительно бросился на противника и врубился въ него; его дружина едва поспѣла за нимъ, и началась ожесточенная схватка. Непріятель окружилъ Андрея со всѣхъ сторонъ; его копье было переломлено; лошадь подъ нимъ была ранена двумя копьями, третье попало въ сѣдло, а съ городскихъ стѣнъ камни сыпались на него, какъ дождь; одинъ изъ непріятельскихъ воиновъ собрался уже прободать его рогатиной; но Богъ сохранилъ героя; онъ отъ глубины души призвалъ на помощь святого Ѳеодора Стратилата, выхватилъ мечъ и, отбиваясь имъ, былъ вынесенъ изъ сѣчи своимъ славнымъ конемъ, который послѣ этого тутъ же палъ отъ своихъ ранъ. Юрій, бояре и все войско привѣтствовали Андрея за проявленную имъ беззавѣтную отвагу; онъ же устроилъ своему вѣрному коню торжественное погребеніе надъ самой рѣкою Стырью.

90. Подвигъ князя Андрея Юрьевича и его славнаго коня подъ Луцкомъ.

Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

Скоро Изяславъ Мстиславовичъ, предоставленный собственнымъ силамъ, запросилъ у дяди мира при посредствѣ Владимірка Галицкаго, которому невыгодно было окончательно ослабить Изяслава. Храбрый Андрей Юрьевичъ, который, по словамъ лѣтописца, «не величавъ былъ на ратномъ полѣ, а искалъ похвалы отъ одного Бога», тоже сталъ настойчиво уговаривать отца примириться съ Изяславомъ. Наконецъ, и старый Вячеславъ Владиміровичъ также былъ за миръ. «Братъ», говорилъ онъ Юрію, «мирись; ты не помирившись прочь пойдешь, а Изяславъ мою волость пожжетъ!»

И вотъ, между такъ ожесточенно враждовавшими дядей и племянникомъ состоялось въ Пересопницѣ свиданіе, окончившееся мирнымъ договоромъ. Изяславъ Мстиславовичъ уступалъ Юрію старшинство, а Юрій возвращалъ всѣ Новгородскія дани, а также все захваченное послѣ Переяславской битвы какъ у князей, такъ и у бояръ. Послѣ этого Юрій вернулся въ Кіевъ и хотѣлъ было уступить его своему старшему брату Вячеславу, но бояре отсовѣтовали ему: «Брату твоему не удержать Кіева; не достанется онъ ни тебѣ, ни ему». Тогда Юрій посадилъ Вячеслава въ Вышгородѣ.

Однако, миръ оказался весьма непрочнымъ и былъ нарушенъ въ слѣдующемъ 1150 году; поводомъ къ этому послужилъ отказъ Юрія выдать Изяславу Мстиславовичу его имущество, какъ это было договорено въ Пересопницѣ. Тогда Изяславъ, получивъ точныя свѣдѣнія, что Кіевляне недовольны Юріемъ (который привыкъ, конечно, въ Суздальской Землѣ къ другимъ порядкамъ и не сносилъ своеволія Кіевлянъ), быстро выступилъ изъ Владиміра Волынскаго на дядю. Застигнутый вѣстью объ этомъ движеніи врасплохъ, Юрій ушелъ за Днѣпръ и заперся въ своемъ Городцѣ Остерскомъ.

Не успѣлъ онъ выѣхать изъ Кіева, какъ на его мѣсто неожиданно явился изъ Вышгорода старый Вячеславъ и расположился въ княжескомъ терему на Ярославовомъ дворѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Вячеславъ рѣшился на этотъ шагъ по совѣту своей дружины, стремившейся перейти въ Кіевъ. Вслѣдъ за этимъ къ Кіеву прибылъ и Изяславъ Мстиславовичъ, при чемъ вышедшіе ему навстрѣчу представители города рѣшительно заявили, что не хотятъ имѣть своимъ княземъ Вячеслава. Тогда Изяславъ послалъ сказать дядѣ: «Я тебя звалъ на Кіевскій столъ, но ты тогда не захотѣлъ, а теперь, когда братъ твой выѣхалъ, то ты садишься. Ступай теперь въ свой Вышгородъ». Всегда уступчивый Вячеславъ, на этотъ разъ, однако, не хотѣлъ уступать. «Хоть убей меня на этомъ мѣстѣ, не съѣду»,—отвѣтилъ онъ посланнымъ племянника. Изяславъ, между тѣмъ, прибылъ съ войскомъ и огромной толпой Кіевлянъ въ самый Ярославовъ дворъ. Скоро стали раздаваться клики противъ Вячеслава и возгласы: «Подсѣчемъ подъ нимъ сѣни», «Возьми его съ дружиной»; но Изяславъ остановилъ недовольныхъ словами: «Сохрани меня Богъ, я не убійца своей братьи, дядя мнѣ вмѣсто отца; я самъ къ нему пойду», и затѣмъ быстро вошелъ въ сѣни и поклонился старику Вячеславу. Тотъ его поцѣловалъ. Изяславъ сказалъ ему слѣдующее: «Батюшка, кланяюсь тебѣ, нельзя мнѣ съ тобой рядиться, видишь, какая сила стоитъ народу, много лиха противъ тебя замышляется, поѣзжай въ свой Вышгородъ, оттуда и будемъ рядиться». Вячеславъ отвѣчалъ: «Ты меня самъ, сынъ, звалъ въ Кіевъ, а я цѣловалъ крестъ брату Юрію; теперь уже если такъ случилось, то Кіевъ тебѣ, а я пойду въ свой Вышгородъ».

На этотъ разъ Изяславъ Мстиславовичъ сидѣлъ недолго на Кіевскомъ столѣ. Скоро Юрій Долгорукій соединился съ Давидовичами и Ольговичами, а изъ Галича къ нему шелъ на помощь Владимірко. При этихъ обстоятельствахъ, Изяславъ вынужденъ былъ поѣхать въ Вышгородъ и обратиться къ добродушному Вячеславу: «Ты мнѣ отецъ, вотъ тебѣ Кіевъ, и еще какую хочешь волость возьми, а остальное мнѣ дай». Вячеславъ сначала разсердился и отвѣтилъ: «А зачѣмъ мнѣ не далъ Кіева тогда и заставилъ меня со стыдомъ выѣхать; теперь, когда одно войско идетъ изъ Галича, а другое изъ Чернигова, такъ ты мнѣ Кіевъ даешь». Однако, племяннику скоро удалось уговорить добраго дядю; Вячеславъ поцѣловалъ крестъ на гробѣ Бориса и Глѣба, что будетъ имѣть Изяслава за сына, далъ ему свою отличную дружину и самъ прибылъ въ Кіевъ.

Тѣмъ не менѣе и пріѣздъ Вячеслава въ Кіевъ не поправилъ положенія дѣлъ. Когда Юрій и Владимірко приблизились къ городу, то Изяславъ и Вячеславъ убѣдились, что на Кіевлянъ надежды мало; поэтому они рѣшили покинуть городъ и отправились въ свои волости: дядя въ Вышгородъ, а племянникъ во Владиміръ Волынскій, откуда Изяславъ сталъ усиленно просить помощи у шурина своего Венгерскаго короля Гейзы Второго и добился ея присылки, несмотря на усилія Владимірка Галицкаго помѣшать этому, для чего послѣдній прибѣгъ къ подкупу Гейзовыхъ бояръ.

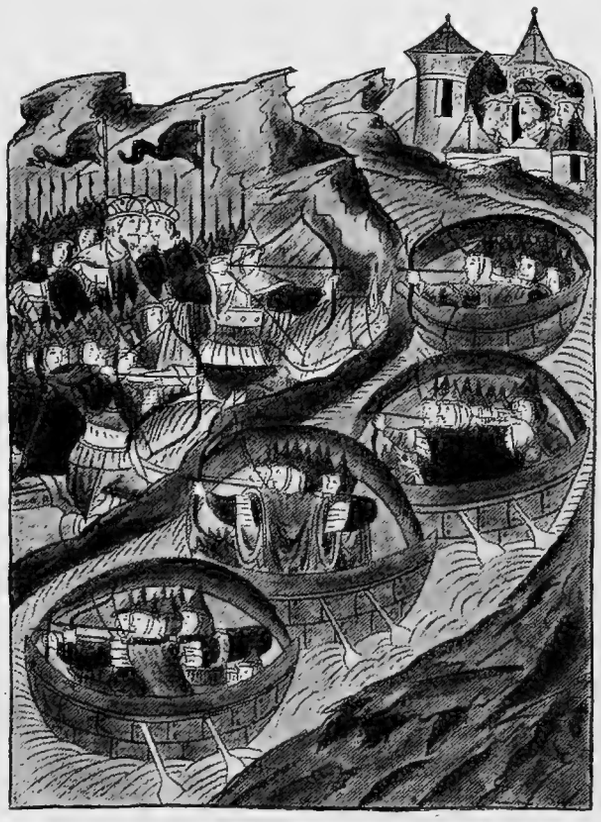
Когда Венгры прибыли на Волынь къ Изяславу Мстиславовичу, то положеніе его было до крайности тяжелымъ: Владимірко шелъ на него

91. „Сынъ! Богъ тебѣ помоги, что воздалъ мнѣ честь какъ отцу, а я вотъ тебѣ скажу: „Я уже старъ, всѣхъ рядовъ рядить не могу, останемся оба въ Кіевѣ".

Рисунокъ Лебедева.

съ запада, а съ востока—сыновья Юрія—Андрей и Борисъ—занимали всѣ дороги къ Кіеву. Но Изяславъ вышелъ изъ этого положенія самымъ блестящимъ образомъ. Оставя позади себя Владимірко, онъ двинулся на востокъ и, совершивъ необыкновенно искусно скрытый и быстрый походъ, неожиданно какъ для Юрьевичей, такъ и для самого Юрія, безпечно пировавшаго въ Кіевѣ, появился передъ стѣнами матери Русскихъ городовъ. Тогда Юрій поспѣшно удалился въ свой Городецъ Остерскій и заперся въ немъ, а Владимірко, узнавъ, что сыновья Юрія пропустили Изяслава и послѣдній уже занялъ Кіевъ, съ досадой повернулъ домой.

Изяславъ же, вторично занявъ Кіевъ въ теченіе того же 1150 года, немедленно пригласилъ опять изъ Вышгорода дядю Вячеслава и, вновь покаявшись во всѣхъ прежнихъ винахъ, торжественно призналъ его старшимъ.... «Если ты меня, батюшка, простишь, то и Богъ проститъ; отдаю тебѣ, батюшка, Кіевъ, поѣзжай, сядь на столъ дѣда и отца своего». Растроганный Вячеславъ отвѣтилъ Изяславу полнымъ прощеніемъ... «Ты говоришь, что я твой отецъ, а я тебѣ скажу, что ты мой сынъ; у тебя отца нѣтъ, а у меня сына нѣтъ, ты мой сынъ, ты мой и братъ».



92. ...„Бѣ бо князь велики Изяславъ Мстиславичъ дивно упремудрилъ бой въ лодьяхъ, яко гребцы въ лодіахъ невидимы бяху, весла вмалѣ точію видяхуся“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Въѣхавъ въ Кіевъ, Вячеславъ Владиміровичъ задалъ большой пиръ Кіевлянамъ и прибывшимъ Венграмъ и объявилъ, что въ виду своей старости онъ принимаетъ Изяслава своимъ соправителемъ: «Сынъ! Богъ тебѣ помоги, что воздалъ мнѣ честь какъ отцу; а я вотъ тебѣ скажу: я уже старъ, всѣхъ рядовъ рядить не могу, останемся оба въ Кіевѣ, а какой намъ придется рядъ рядить, между христіанами или погаными, то поѣдемъ оба помѣсту; дружины и полки будутъ у насъ общіе, ты ими ряди: гдѣ намъ можно будетъ обоимъ ѣхать, оба поѣдемъ, а гдѣ нельзя, тамъ ты одинъ поѣдешь, съ моими полками и своими».

Послѣ этого, Изяславъ пригласилъ брата Ростислава Смоленскаго, чтобы уговориться относительно дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствій, и сталъ спѣшно собирать союзниковъ, при чемъ настойчиво просилъ Венгерскаго короля о присылкѣ сильнаго вспомогательнаго войска.

Юрій тоже усиленно готовился къ продолженію борьбы. Къ нему прибыли его постоянные союзники—дикіе Половцы, Святославъ Ольговичъ и Владиміръ Давидовичъ; братъ же послѣдняго, Изяславъ Давидовичъ, опять перешелъ на сторону Изяслава Мстиславовича, считая себя обиженнымъ Юріемъ при распредѣленіи волостей. Такимъ образомъ, вслѣдствіе раздоровъ Изяслава Мстиславовича съ дядей Юріемъ, противъ

Юрія всталъ уже родной братъ Вячеславъ, и раздѣлились также и встали другъ противъ друга и родные братья Давидовичи.

Собравъ свои силы, Юрій выступилъ изъ Городца и подошелъ къ Днѣпру противъ Кіева, гдѣ хотѣлъ переправиться. Но Изяславъ Мстиславовичъ ожидалъ его здѣсь, при чемъ, по выраженію лѣтописца, «дивно исхитрилъ свои лодки»: гребцы на нихъ были закрыты досчатымъ помостомъ, на которомъ стояли ратники въ броняхъ и стрѣляли; кормчихъ же было двое—на носу и на кормѣ, почему лодки могли ходить впередъ и назадъ, не поворачиваясь.

Не найдя возможнымъ перейти Днѣпръ у Кіева, Юрію удалось это сдѣлать ниже, у Заруба, послѣ чего обѣ рати совершили нѣсколько передвиженій на правой сторонѣ Днѣпра, въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, и подошли къ самому Кіеву, гдѣ Изяславъ Мстиславовичъ построилъ свои войска для боя. Онъ предполагалъ подпустить Юрія къ себѣ и биться подъ городскими стѣнами, а затѣмъ, въ случаѣ удачи, преслѣдовать его.

Но добродушный Вячеславъ хотѣлъ избѣгнуть кровопролитія; онъ послалъ просить Юрія не проливать крови христіанской и не губить Русской Земли, а потому и не искать Кіева, разъ онъ, Вячеславъ, въ немъ сидитъ: «Ты говорилъ,—добавлялъ Вячеславъ,—младшему не поклонюсь, а я тебя старше не мало, а много; я уже былъ брадатъ, когда ты родился; если же хочешь на мое старшинство поѣхать, то какъ насъ Богъ разсудитъ». На это Юрій отвѣчалъ, что согласенъ урядиться съ Вячеславомъ, но послѣ того, какъ Изяславъ и Ростиславъ Мстиславовичи покинутъ его и уйдутъ въ свои волости. Тогда Вячеславъ, въ свою очередь, послалъ ему сказать: «У тебя семеро сыновей, и я ихъ отъ тебя не отгоняю, а у меня только два—Изяславъ да Ростиславъ»... и вновь просилъ отступиться отъ Кіева.

На это Юрій уже не отвѣчалъ и на другой день подошелъ къ самому Кіеву, при чемъ часть его войска перешла рѣку Лыбедь. Здѣсь опять, какъ подъ Луцкомъ, сынъ его Андрей Юрьевичъ выдѣлился своей отвагой: онъ вынесся впередъ и проскакалъ настолько далеко, что одинъ Половецъ долженъ былъ схватить его коня и воротить назадъ, браня своихъ, зачѣмъ они отстали отъ князя. Въ свою очередь, Изяславъ выдвинулъ впередъ отборную дружину, выбранную изъ всѣхъ полковъ, которая вмяла непріятеля въ рѣку Лыбедь и нанесла ему большой уронъ. Въ это время Юрій получилъ извѣстіе, что Владимірко выступилъ изъ Галича и спѣшитъ ему на помощь; тогда онъ рѣшилъ отойти отъ Кіева и идти на соединеніе съ Владиміркомъ.

Мстиславовичи съ дядей Вячеславомъ выступили вслѣдъ за Юріемъ; на этотъ разъ съ ними были и всѣ Кіевляне, повидимому, сильно озлобившіеся на Юрія, во время его послѣдняго сидѣнія у нихъ. Вячеславъ пытался еще разъ вступить съ Юріемъ въ переговоры о примиреніи, но тщетно, и войска обѣихъ сторонъ стали готовиться къ бою у рѣки Рута, близъ которой произошла ихъ встрѣча.

Когда уже рати исполчились, то неожиданно густая мгла покрыла все поле; дальше конца собственнаго копья нельзя было видѣть; вскорѣ пошелъ дождь, а когда онъ разсѣялся, то Юрій сталъ нѣсколько отходить: онъ хотѣлъ зайти за топкій Рутъ и тамъ дождаться Владимірка. Но Изяславъ отнюдь этого не желалъ, а потому напалъ на задніе отряды Юрія и тѣмъ принудилъ его остановиться и принять битву.

Андрей Юрьевичъ, какъ старшій, послѣ недавно умершаго брата Ростислава, сталъ устраивать полки отца для боя. На сторонѣ его противниковъ, Мстиславовичи подъѣхали къ дядѣ Вячеславу и сказали ему: «Ты

93. Сраженіе на рѣкѣ Рутѣ. ...„Князь Андрѣй же Юрьевичъ Боголюбивый начя полкы отца своего наряжати,... также и у Половцевъ бывъ, и сихъ укрѣпивъ"...

94. Подвиги князя Андрея Юрьевича въ сраженіи на рѣкѣ Рутѣ. ...„и преже всѣхъ снидоша со супротивными, и изломи копіе свое, и тогда убо прободоша подъ нимъ конь въ ноздри его"...

много хотѣлъ добра, но братъ твой не согласился; теперь, батюшка, хотимъ головы сложить за тебя, или честь твою найти». Вячеславъ отвѣчалъ: «Братья и сыновья! Отъ роду не былъ я охотникъ до кровопролитія. Братъ мой довелъ до того, что вотъ стоимъ на этомъ мѣстѣ, Богъ насъ разсудитъ». Послѣ этого Изяславъ разослалъ извѣстить всѣхъ: «Смотрите на мой полкъ. Какъ онъ пойдетъ, такъ и вы ступайте».

Такъ готовились сыновья и внуки Владиміра Мономаха вступить въ кровопролитную битву между собой.

Со стороны Юрія первымъ бросился въ бой его сынъ Андрей. Онъ взялъ копье на перевѣсъ и поскакалъ на непріятеля; скоро въ жаркой сѣчѣ шлемъ спалъ съ его головы, щитъ былъ оторванъ, копье сломано,

а конь, раненый въ ноздри, началъ бросаться въ разныя стороны. Изяславъ Мстиславовичъ съ своей стороны дрался тоже впереди своихъ войскъ; онъ ворвался въ непріятельскіе ряды, изломалъ копье, былъ раненъ въ руку и ногу, и свалился съ лошади. Скоро все смѣшалось въ общей схваткѣ. Половцы, любившіе пускать тучи стрѣлъ издали, но мало стойкіе въ рукопашномъ бою, побѣжали первые; за ними войска Ольговичей, а напослѣдокъ и Юрія.

Побѣда досталась Мстиславовичамъ; много непріятелей избили они, много потонуло въ топкомъ Рутѣ, много Половецкихъ князей было взято въ плѣнъ; наконецъ, былъ убитъ и Владиміръ Давидовичъ Черниговскій. Но и потери Мстиславовичей были немалы. Самъ Изяславъ Мстиславовичъ чуть не погибъ отъ руки своихъ же. Когда онъ, очнувшись отъ ранъ, сталъ приподниматься изъ кучи тѣлъ, оставшихся на полѣ битвы, то толпа пѣшихъ Кіевлянъ хотѣла его убить. «Я князь»,—сказалъ онъ имъ.—«Ну, такъ тебя-то намъ и надо»—отвѣчалъ одинъ, думая, что это Ольговичъ или Юрьевичъ, и сталъ наносить ему удары по шлему, на которомъ блистало изображеніе святого Пантелеймона.—«Я вашъ князь»,—сказалъ, наконецъ, Изяславъ и скинулъ шлемъ. Тогда Кіевляне схватили его съ радостью на руки и провозгласили: «Господи помилуй». Изяславъ, несмотря на то, что истекалъ кровью отъ полученныхъ ранъ, узнавъ, что убитъ Владиміръ Давидовичъ, сейчасъ же поѣхалъ къ его тѣлу и долго плакалъ съ Изяславомъ Давидовичемъ; но затѣмъ посовѣтывалъ ему скорѣе ѣхать въ Черниговъ, чтобы его не упредилъ тамъ Святославъ Ольговичъ; совѣтъ этотъ оказался удачнымъ, и когда Святославъ Ольговичъ, замѣшкавшись нѣсколько въ пути изъ-за своей тучности, подъѣхалъ къ Чернигову, то тамъ уже сидѣлъ Изяславъ Давидовичъ.

Юрій Долгорукій заперся послѣ сраженія въ Переяславлѣ. Владимірко же Галицкій, узнавъ о неблагополучномъ для Юрія исходѣ боя, повернулъ къ себѣ назадъ, при чемъ ему удалось захватить врасплохъ, послѣ пирушки, Венгровъ, шедшихъ на подкрѣпленіе къ Изяславу, и большинство ихъ порубить.

Отдохнувши отъ битвы, Изяславъ Мстиславовичъ съ дядей Вячеславомъ двинулись противъ Юрія къ Переяславлю, а Ростислава Мстиславовича отпустили въ Смоленскъ. На третій день осады Юрій принужденъ былъ оставить Переяславль; съ разрѣшенія своихъ противниковъ, онъ удалился въ Городецъ Остерскій, обѣщавъ имъ уйти черезъ мѣсяцъ въ Суздаль. Сынъ же его Андрей Юрьевичъ отпросился напередъ идти въ Суздаль, говоря отцу: «Намъ здѣсь, батюшка, нечего больше дѣлать, уйдемъ за тепло». Но самъ Юрій медлилъ покинуть Городецъ, и подъ разными предлогами затягивалъ свой выѣздъ; слишкомъ больно было ему разставаться съ Родиной—Кіевской Русью. Наконецъ, Изяславъ Мстиславовичъ силой заставилъ его выйти изъ Городца, послѣ чего Юрій удалился въ Суздальскую Землю, разумѣется, все время не переставая думать о Южной Руси; а между тѣмъ, въ 1152 году, чтобы отнять у него всякій оплотъ

въ этой Руси, Изяславъ Мстиславовичъ сжегъ до основанія Остерскій Городецъ.

Узнавъ про это, Юрій вознегодовалъ: «Я имъ отожгу за это»—объявилъ онъ, и двинулся къ Чернигову, гдѣ сидѣлъ Изяславъ Давидовичъ, перешедшій, какъ мы видѣли, на сторону Мстиславовичей. Произведя сильное опустошеніе въ Черниговской волости, Юрій, опасаясь приближенія великаго князя Изяслава Мстиславовича съ войсками, удалился. Въ 1154 году Юрій опять собрался на Кіевскую Землю, но опять неудачно, такъ какъ вынужденъ былъ вернуться домой съ пути, вслѣдствіе сильнаго конскаго падежа.

95. Развалины каменной церкви, сооруженной Юріемъ Долгорукимъ въ Городцѣ Остерскомъ.
Снимокъ В. К. Солонины.

Этимъ и окончилась борьба его съ Изяславомъ Мстиславовичемъ. Отъ ея неудачнаго исхода больше всѣхъ пострадалъ старый другъ и вѣрный союзникъ Юрія—Святославъ Ольговичъ, который долженъ былъ принять миръ по всей волѣ Изяслава Мстиславовича.

Неудачно кончилась борьба съ Изяславомъ Мстиславовичемъ и для другого союзника Юрія—Владимірка Галицкаго. Какъ мы видѣли, послѣ сраженія на Рутѣ, ему удалось напасть врасплохъ на Венгерскій отрядъ, шедшій на помощь Изяславу и избить его. Чтобы наказать его за это, великій князь Изяславъ съ зятемъ своимъ, Венгерскимъ королемъ Гейзою, собрали большія силы, вторглись въ Галицкія владѣнія и наголову разбили Владимірка у города Перемышля. Въ этихъ тяжелыхъ для себя обстоятельствахъ, многоглаголивый и лукавый Владимірко прибѣгнулъ къ своему излюбленному средству—хитрости; онъ притворился тяжко больнымъ, отъ будто бы полученныхъ ранъ, и сталъ подсылать къ Венгерскому королю съ просьбами о мирѣ, богато задаривая его вельможъ. Иязславъ Мстиславовичъ съ сыномъ Мстиславомъ, предугадывая со стороны Владимірка обманъ, уговаривали Гейзу не мириться съ нимъ. Но Гейза уже былъ склоненъ своими подкупленными вельможами на сторону Владимірка и обѣщалъ ему миръ, если онъ поклянется вернуть всѣ захва-

ченные имъ Русскіе города Изяславу и быть всегда съ нимъ въ союзѣ, при счастіи и несчастіи.

Посылая съ этими требованіями къ Владимірку, король послалъ и крестъ съ частицей животворящаго креста Господня, и приказалъ ему передать: «Это тотъ самый крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ Богъ нашъ; Богу было угодно, чтобы онъ достался предку моему, святому Стефану; если Владимірко, поцѣловавъ этотъ крестъ, нарушитъ клятву и останется живъ, то я либо голову свою сложу, либо добуду Галицкую Землю». Владимірко согласился на всѣ королевскія требованія; онъ цѣловалъ крестъ лежа, дѣлая видъ, что изнемогаетъ отъ ранъ, которыхъ вовсе не было. Когда же Венгерскій король отбылъ домой, то Владимірко немедленно, какъ и ожидалъ Изяславъ, нарушилъ свое слово, и не отдалъ послѣднему ни одного изъ захваченныхъ городовъ.

96. Владимірко глумится надъ крестомъ святого Стефана.

Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

Тогда Изяславъ Мстиславовичъ послалъ въ Галичъ своего боярина Петра Бериславовича, бывшаго свидѣтелемъ клятвы Владимірка передъ крестомъ святого Стефана, напомнить ему о ней. Но Владимірко наотрѣзъ отказался исполнить обѣщанное, а когда Петръ напомнилъ ему о крестномъ цѣлованіи, то онъ пренебрежительно ему отвѣтилъ: «Вотъ еще, что мнѣ этотъ маленькій крестикъ», и затѣмъ выслалъ Изяславова посла изъ своихъ предѣловъ, даже не давши ему ни повозки, ни корму для лошадей.

Когда бояринъ Петръ съѣзжалъ съ княжескаго двора, то Владимірко шелъ въ это время къ вечернѣ и, увидя отъѣзжающаго Петра, сталъ надъ нимъ насмѣхаться, но когда вечерня отошла, и Владимірко возвращался назадъ, то дойдя до того мѣста, гдѣ онъ насмѣхался надъ Петромъ, онъ вдругъ остановился и сказалъ: «Что это, какъ будто кто меня ударилъ по плечу», затѣмъ свалился съ ногъ и къ вечеру умеръ.

Бояринъ Петръ, котораго спѣшно вернули съ пути, войдя въ теремъ, увидѣлъ на княжескомъ мѣстѣ уже сына Владимірка—Ярослава, одѣтаго, такъ же, какъ и бояре, въ черныя одежды. Ярославъ, весь въ слезахъ,

*

объявилъ Петру о внезапной смерти отца и поручилъ ему передать великому князю Изяславу—просьбу быть ему вмѣсто отца.

Однако, этотъ Ярославъ, женатый на дочери Юрія Долгорукаго—Ольгѣ и прозванный впослѣдствіи за свой большой умъ—Осмомысломъ, такъ же, какъ и покойный отецъ, и не думалъ отдавать городовъ, захваченныхъ у Изяслава Мстиславовича. Вслѣдствіе этого, въ 1153 году великій князь Изяславъ вошелъ въ Галицкую Землю и, въ кровопролитномъ сраженіи у Теребовля, разбилъ Ярослава, который долженъ былъ тогда подчиниться его волѣ.

Такъ расправился къ 1154 году съ своими врагами Изяславъ, удачно окончивъ долголѣтнюю кровавую распрю. Послѣ этого онъ собрался жениться на Грузинской царевнѣ, встрѣтить которую у Днѣпровскихъ пороговъ былъ посланъ сынъ его Мстиславъ. Но бракъ этотъ былъ непродолжителенъ, и въ томъ же 1154 году, Изяславъ скончался, горько оплакиваемый духовенствомъ, народомъ и старымъ дядей Вячеславомъ. «Сынъ»,—причитывалъ старикъ надъ гробомъ,—«это было мое мѣсто: но видно передъ Богомъ ничего не сдѣлаешь».

Такъ умеръ Изяславъ Мстиславовичъ. Лѣтописецъ называетъ его честнымъ, благовѣрнымъ, христолюбивымъ, славнымъ; говоритъ, что по немъ, какъ по господинѣ, а еще больше, какъ по отцѣ, плакала вся Земля Русская и Черные Клобуки. Мы уже говорили, что изъ всѣхъ внуковъ Мономаха—своею отвагою, воинскимъ искусствомъ, неустрашимостью и ласковостью къ народу, онъ болѣе другихъ напоминалъ великаго дѣда. Но Мономахъ выше всего ставилъ благо всей Русской Земли и жертвовалъ всегда во имя его своими выгодами. Изяславъ же Мстиславовичъ, увлеченный сознаніемъ, что его голова больше другихъ идетъ къ Кіеву, сталъ помимо дядей искать великаго княженія, провелъ всю жизнь въ борьбѣ, истощившей Русскую Землю, и умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ сущности не достигнувъ цѣли, такъ какъ долженъ былъ отказаться отъ старшинства въ пользу дяди Вячеслава.

Узнавъ о смерти Изяслава Мстиславовича, Изяславъ Давидовичъ Черниговскій немедленно прибылъ къ Кіеву, чтобы поплакать надъ гробомъ почившаго; но, плохо довѣряя искренности Черниговскаго князя, Вячеславъ не пустилъ его въ городъ, а немедленно вызвалъ изъ Смоленска другого своего племянника и названнаго сына—Ростислава Мстиславовича, и сдѣлалъ его своимъ соправителемъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и покойнаго Изяслава, при чемъ и Кіевляне охотно его приняли, сказавъ: «Какъ братъ твой Изяславъ обходился съ Вячеславомъ, такъ и ты обходись, а до твоей смерти Кіевъ твой».

Но, конечно, миролюбивый Ростиславъ, прозванный современниками «Набожнымъ», не могъ долго удержаться въ Кіевѣ въ эти трудныя времена. Первымъ его дѣломъ было урядиться съ племянникомъ своимъ, сестричичемъ Святославомъ Всеволодовичемъ, которому онъ отдалъ Туровъ и Пинскъ, чтобы отвлечь его отъ Изяслава Давидовича и Святослава Ольго-

вича, опять вошедшихъ въ соглашеніе съ Юріемъ Долгорукимъ, который собиралъ большія силы, свои и Половецкія, для вторженія въ Южную Русь, при чемъ Половцы осадили уже Переяславль, гдѣ сидѣлъ сынъ покойнаго великаго князя Изяслава Мстиславовича—храбрый Мстиславъ.

Вслѣдствіе этого, Ростиславъ Мстиславовичъ, едва прибывъ въ Кіевъ, долженъ былъ направить свои войска къ Переяславлю для выручки племянника. Когда же Половцы, узнавъ объ этомъ движеніи, бросили осаду Переяславля и бѣжали въ степь, то Ростиславъ со всѣми своими силами рѣшилъ идти прямо къ Чернигову на Изяслава Давидовича и Святослава Ольговича, чтобы предупредить ихъ соединеніе съ Юріемъ Долгорукимъ, шедшимъ изъ Суздаля.

Совершая это движеніе, войска Ростислава Мстиславовича переправились уже у Вышгорода черезъ Днѣпръ, какъ прискакавшій изъ Кіева гонецъ привезъ ему неожиданную вѣсть: «Отецъ твой Вячеславъ умеръ».—«Какъ умеръ»?—спросилъ пораженный Ростиславъ,—«когда мы поѣхали, онъ былъ здоровъ».—«Въ эту ночь пировалъ онъ съ дружиной и пошелъ спать здоровымъ»,—отвѣчалъ гонецъ,—«но какъ легъ, такъ больше уже и не вставалъ».

Такъ сошелъ въ могилу старый Вячеславъ Владиміровичъ, поставленный судьбой въ почетное, но тяжелое положеніе—старшаго въ цѣломъ Мономаховомъ племени; онъ, къ сожалѣнію, вовсе не обладалъ той душевной твердостью, которая была такъ необходима великому князю Кіевскому, чтобы своею властной рукой водворить миръ въ Русской Землѣ; наоборотъ, его необыкновенное добродушіе было крайне пагубнымъ для Земли, такъ какъ служило соблазномъ для его честолюбивыхъ родичей къ завладѣнію старшимъ столомъ помимо него.

Неожиданная смерть Вячеслава измѣнила, разумѣется, сильнѣйшимъ образомъ положеніе дѣлъ на Руси, тѣмъ болѣе, что Ростиславъ Мстиславовичъ, признанный, какъ мы видѣли, Кіевлянами его преемникомъ, и походившій своимъ благодушіемъ на дядю Вячеслава, необходимо долженъ былъ считаться съ правами дяди Юрія Долгорукаго, являвшимся теперь старшимъ въ цѣломъ Мономаховомъ родѣ.

Похоронивъ дядю, Ростиславъ, съ племянниками Мстиславомъ Изяславовичемъ и сестричичемъ Святославомъ Всеволодовичемъ, продолжалъ движеніе къ Чернигову и послалъ сказать Изяславу Давидовичу: «Цѣлуй крестъ, что будешь сидѣть въ своей отчинѣ, въ Черниговѣ, а мы будемъ въ Кіевѣ». На это Изяславъ отвѣтилъ: «Я и теперь вамъ ничего не сдѣлалъ; не знаю, зачѣмъ вы на меня пришли, а пришли, такъ уже какъ намъ Богъ дастъ», и, соединившись съ Половцами и сыномъ Юрія Долгорукаго—Глѣбомъ, вышелъ противъ Мстиславовичей.

Какъ только начался бой, миролюбивый Ростиславъ сталъ сейчасъ же пересылаться съ Изяславомъ Давидовичемъ, предлагая ему за миръ—подъ собой Кіевъ, а подъ Мстиславомъ Переяславль. Такое поведеніе дяди во время самой битвы вызвало въ воинственномъ Мстиславѣ Изяславовичѣ

сильнѣйшее негодованіе. «Такъ не будетъ же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева»,—сказалъ онъ въ сердцахъ дядѣ, и прямо съ поля сраженія отправился съ дружиною въ Луцкъ, свою отчину.

Ростиславъ же былъ вскорѣ обойденъ Половцами, разбитъ наголову и еле спасъ жизнь, благодаря геройскому самопожертвованію его сына Святослава, отдавшаго отцу своего коня, взамѣнъ павшаго подъ Ростиславомъ.

Послѣ этой побѣды, Изяславъ Давидовичъ былъ принятъ Кіевлянами и сѣлъ на великокняжескій столъ; конечно, онъ считалъ, что имѣетъ на него нѣкоторыя права, такъ какъ былъ самымъ старшимъ въ племени дѣда своего Святослава, сына Ярослава Мудраго, того Святослава, который, какъ мы помнимъ, сидѣлъ на Кіевскомъ столѣ до самой смерти, хотя и занялъ его насильно. Но, разумѣется, гораздо больше правъ на Кіевъ имѣлъ Юрій Долгорукій, ставшій теперь старшимъ въ племени Мономаха; у Юрія какъ дѣдъ, такъ и отецъ, были великими князьями Кіевскими.

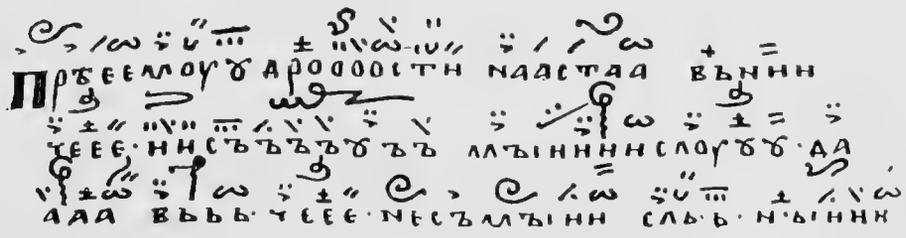
Въ виду этого, Изяславу Давидовичу не пришлось долго посидѣть на старшемъ столѣ. Скоро къ Кіеву приблизился Юрій, умирившійся по пути съ племянникомъ Ростиславомъ, который вернулся въ свой Смоленскъ. Подойдя къ городу, Юрій послалъ сказать Изяславу: «Мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ». Не расчитывая на особое расположеніе Кіевлянъ и на свою силу, Изяславъ отвѣчалъ: «Развѣ я самъ поѣхалъ въ Кіевъ; посадили меня Кіевляне; Кіевъ твой, только не дѣлай мнѣ зла». Юрій вошелъ въ Кіевъ и помирился съ нимъ. Это было въ 1155 году.

Сѣвши на старшій столъ, Юрій не замедлилъ открыть военныя дѣйствія противъ сыновей своего стараго врага—покойнаго Изяслава Мстиславовича—Мстислава и Ярослава, но вскорѣ, обезпокоенный замыслами Изяслава Давидовича Черниговскаго, рѣшилъ примириться съ ними, для чего избралъ посредникомъ Ростислава Мстиславовича Смоленскаго, который, дѣйствительно, и примирилъ всѣхъ Мономаховичей. Это сильно обезпокоило Изяслава Давидовича, и онъ рѣшилъ пріѣхать вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ и давнишнимъ другомъ Юрія—Святославомъ Ольговичемъ—на княжескій съѣздъ съ Мономаховичами, гдѣ послѣдовало общее взаимное примиреніе, при чемъ Юрій женилъ своего сына Глѣба на дочери Изяслава Черниговскаго.

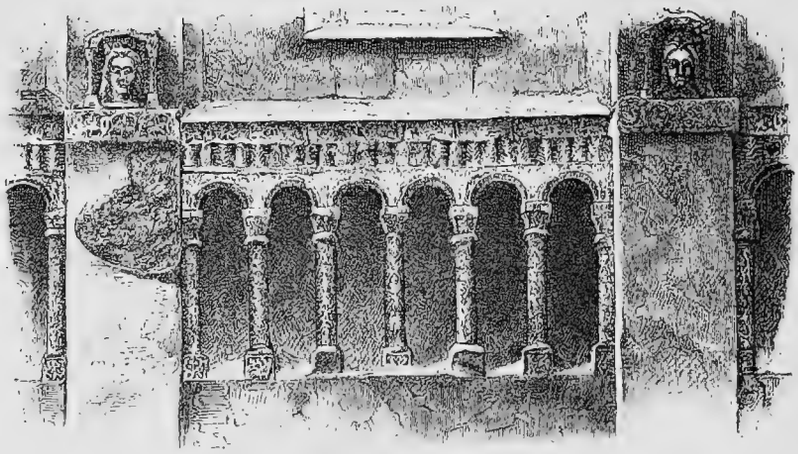
Однако, и этотъ общій миръ былъ крайне непродолжительнымъ; скоро въ разныхъ концахъ Руси опять началась борьба. Мстиславъ Изяславовичъ, слѣдуя поговоркѣ своего отца: «Не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту»—внезапно напалъ на дядю своего Владиміра Мстиславовича, такъ называемаго «мачешича», недавно посаженнаго во Владимірѣ Волынскомъ, и отнялъ у него этотъ городъ, бывшій его отчиной. Юрій долженъ былъ заступиться за мачешича и пошелъ на Мстислава съ Ярославомъ Осмомысломъ Галицкимъ; но отобрать городъ Владиміръ Волынскій имъ не удалось, и, простоявъ безъ пользы подъ его стѣнами, они разошлись по домамъ, а Владиміръ Волынскій такъ и остался за предпріимчивымъ Мстиславомъ Изяславовичемъ.

Затѣмъ поднялся на Юрія и Изяславъ Давидовичъ Черниговскій, который, безъ сомнѣнія, имѣлъ точныя свѣдѣнія изъ Кіева о томъ, что жители крайне недовольны какъ Юріемъ, такъ и всѣми его ближайшими сподвижниками. Но въ тотъ самый день, когда Изяславъ Давидовичъ хотѣлъ выступить къ Кіеву, оттуда къ нему прискакалъ гонецъ съ неожиданной вѣстью: «Ступай князь въ Кіевъ—Юрій умеръ». Получивъ это извѣстіе, Изяславъ Давидовичъ заплакалъ, а затѣмъ сказалъ: «Благословенъ еси Господи, что разсудилъ меня съ нимъ смертью, а не кровопролитіемъ».

Юрій умеръ 15 мая 1157 года, заболѣвъ послѣ знатнаго пира у боярина Петрилы. Въ день похоронъ Юрія сотворилось много зла: близъ Кіева толпа разграбила два двора, принадлежавшіе великому князю, и перебила по городамъ и селамъ людей его Суздальской дружины. Такъ окончилъ свой земной путь послѣдній сынъ Мономаха—Юрій, достигнувъ, послѣ долголѣтней упорной борьбы, старшаго стола, но не сумѣвъ привязать къ себѣ сердца своевольныхъ Кіевлянъ, которые перенесли свою ненависть и на Суздальскую дружину. Это ясно показываетъ, конечно, что въ Суздальской сторонѣ княземъ Юріемъ были заведены совершенно иные порядки, чѣмъ въ Южной Руси, гдѣ усобицы сильно подорвали значеніе княжеской власти и дали слишкомъ много воли городской толпѣ.



97. Крюковыя ноты знаменнаго напѣва изъ кондакаря XII вѣка, хранящагося въ древле-печатныхъ палатахъ Московской Синодальной Типографіи.



98. Рѣзной поясъ на стѣнахъ Суздальскаго собора. XII вѣкъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Положеніе дѣлъ въ Русской Землѣ послѣ смерти Юрія Долгорукаго. Андрей Юрьевичъ и икона Владимірской Божіей Матери. Борьба Изяслава Давидовича съ Мстиславомъ Изяславовичемъ. Ростиславъ Мстиславовичъ на старшемъ столѣ. Войска Андрея Боголюбскаго берутъ Кіевъ. Славное чудо Знаменія Божіей Матери въ Новгородѣ. Геройская защита Вышгорода Мстиславомъ Храбрымъ. Мученическая кончина Андрея Боголюбскаго. Смута въ Суздальской Землѣ. Всеволодъ Юрьевичъ. «Слово о полку Игоревѣ». Галицкія дѣла. Свадьба малепькой Верхуславы. Кончина «сестричича». Романъ и Рюрикъ. Событія въ Галичѣ послѣ смерти Романа. Мстиславъ Удалой и его неожиданная помощь Новгороду. Первый Земскій Соборъ 1211 года. Кончина Всеволода Большое Гнѣздо.

ОСЛѢ смерти Юрія Долгорукаго въ 1157 году, ко времени вторичнаго вокняженія въ Кіевѣ Изяслава Давидовича, положеніе дѣлъ на Руси уже значительно разнилось отъ того, которое мы застали послѣ кончины Владиміра Мономаха въ 1125 году.

За истекшіе тридцать два года очередной порядокъ восхожденія на старшій столъ нарушался столько разъ, что опредѣленіе правъ на этотъ столъ дѣлалось все болѣе и болѣе запутаннымъ и сложнымъ, какъ для Мономаховичей, такъ и для Ольговичей и Давидовичей; все чаще и чаще стали устанавливаться по этому поводу особые ряды или договоры между князьями, постоянно, впрочемъ, нарушаемые, а также все сильнѣе и сильнѣе становилось вліяніе Кіевлянъ на рѣшеніе вопроса о занятіи ихъ стола.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ко времени кончины Юрія Долгорукаго, было уже почти совершенно предано забвенію и другое положеніе очереднаго порядка—послѣдовательное передвиженіе князей съ младшихъ столовъ на болѣе старшіе, по мѣрѣ лѣствичнаго восхожденія ихъ къ Кіеву. Начало къ забвенію этого передвиженія было, конечно, положено на Любечскомъ съѣздѣ, собранномъ въ 1097 году Мономахомъ для прекращенія княжескихъ усобицъ, при чемъ было установлено правиломъ, что за князьями остаются ихъ отчины или вотчины, то-есть владѣнія ихъ отцовъ, кромѣ Кіевской Земли, которая, по смыслу очередного порядка, должна принадлежать старшему во всемъ родѣ.

Вслѣдствіе этого, съ теченіемъ времени, отдѣльныя Земли стали все болѣе и болѣе обособляться, и въ нихъ, по мѣрѣ увеличенія членовъ княжескихъ семей, стали возникать такіе же родовые счеты и усобицы, какіе мы до сихъ поръ видѣли по отношенію ко всей Русской Землѣ. Конечно, это обособленіе отдѣльныхъ Земель и возникновеніе въ каждой изъ нихъ своей частной жизни, влекло за собой, вмѣстѣ съ ослабленіемъ верховной власти Кіевскаго князя, и ослабленіе у князей этихъ отдѣльныхъ Земель—взаимной связи между собой и чувства принадлежности къ единой общей великой Родинѣ.

Рядомъ съ Кіевскимъ великимъ княземъ появились уже и другіе великіе князья. Во времена двоевластія стараго Вячеслава съ племянникомъ Изяславомъ Мстиславовичемъ, обращаясь къ Юрію Долгорукому, оба они говорили ему: «Иди на свое великое Суздальское княженіе» Ростиславъ Мстиславовичъ величался великимъ княземъ Смоленскимъ; конечно, и Черниговскіе князья именовались великими; скоро таковымъ же наименованіемъ стали величаться и князья Рязанскіе. Все это, разумѣется, служило яснымъ признакомъ упадка прежняго значенія Кіевскаго стола. Однако, князья, осѣвшіе въ своихъ Земляхъ или удѣлахъ, продолжали ревниво слѣдить, чтобы Кіевская Земля никому не досталась бы въ такое вотчинное, удѣльное владѣніе, и это было своего рода вопросомъ чести для каждаго изъ нихъ.

Такимъ образомъ, Изяславъ Давидовичъ, сѣвши на старшемъ столѣ въ 1157 году, являлся вовсе не тѣмъ могущественнымъ великимъ княземъ всея Руси, какимъ мы видѣли Владиміра Мономаха. Ему принадлежала только Кіевская Земля и нѣсколько городовъ въ прежней его Черниговской волости, такъ какъ самый Черниговъ онъ долженъ быть отдать своему двоюродному брату Святославу Ольговичу, а Новгородъ-Сѣверскій — честолюбивому сестричичу Святославу Всеволодовичу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кромѣ уже ранѣе обособившихся княжествъ Полоцкаго, Муромо-Рязанскаго и Галицкаго, въ это время и Смоленская Земля тоже выдѣлилась въ семейное владѣніе Ростислава Мстиславовича, равно какъ и Волынская—во владѣніе сына Изяслава Мстиславовича—Мстислава Изяславовича, Туровская—во владѣніе Юрія Ярославовича, внука великаго князя Святополка Изяславовича и, наконецъ, Ростово-Суздальская Земля—во владѣніе потомковъ Юрія Долгорукаго.

Въ этой Ростово-Суздальской Землѣ сидѣлъ тогда замѣчательный князь. Какъ мы видѣли, ея первыми радѣтелями были Юрій Долгорукій со своимъ дядькой-кормильцемъ Юріемъ Шимоновичемъ, которые приложили немало труда и стараній для устройства въ ней переселенцевъ, потянувшихся со всѣхъ концовъ Кіевской Руси, когда тамъ усилились княжескія усобицы и Половецкія нашествія.

Но Юрій Долгорукій, несмотря на всю любовь къ Суздальскому краю, былъ, какъ мы видѣли, все таки связанъ своими помыслами и сердцемъ съ Кіевомъ; изъ-за Кіева велъ онъ тяжелую боьрбу до конца своей жизни, и сюда же на югъ неоднократно водилъ онъ и свои Суздальскія дружины; наконецъ, утвердившись въ Кіевской Землѣ, онъ здѣсь же посадилъ и своихъ старшихъ сыновей—Андрея въ Вышгородѣ, а Глѣба въ Переяславлѣ; далекую же Суздальскую сторону онъ предоставилъ младшимъ сыновьямъ—Мстиславу и Всеволоду и внукамъ—дѣтямъ покойнаго сына своего Ростислава. Это, конечно, показывало, что Кіевскій столъ послѣ себя Юрій готовилъ старшему сыну Андрею, а на Суздальскій край смотрѣлъ какъ на второстепенное владѣніе своей семьи.

Но иныхъ взглядовъ былъ сынъ его Андрей. Вся его жизнь съ ранняго дѣтства сложилась совершенно иначе, чѣмъ жизнь отца и другихъ князей Южной Руси, а потому и съ совершенно другими чувствами относился Андрей къ событіямъ, совершавшимся на его глазахъ въ этой Южной Руси. Мы уже говорили, что онъ явился въ ней во главѣ полковъ своего отца въ 1149 году, имѣя за тридцать лѣтъ отъ роду. До этого же времени, онъ безвыѣздно прожилъ въ Суздальской сторонѣ, въ которой родился, вѣроятно, въ 1111 году. Конечно, съ ранняго дѣтства, какъ княжескій сынъ, Андрей былъ посвященъ во всѣ дѣла, касающіяся устройства и заселенія этого, до сихъ поръ лѣсного и глухого края и, безъ сомнѣнія, въ его дѣтскомъ сердцѣ оставили самое глубокое впечатлѣніе, какъ постоянные разсказы въ собственной семьѣ объ усобицахъ, происходившихъ на югѣ, такъ постоянные же разсказы, и притомъ въ самыхъ яркихъ краскахъ, безпрерывно прибывавшихъ въ Суздальскій край переселенцевъ изъ Южной Руси, о тѣхъ же усобицахъ, о злыхъ сѣчахъ и пожарахъ, ихъ сопровождавшихъ, о страшныхъ Половецкихъ набѣгахъ и о раздирающихъ душу картинахъ увода въ полонъ степными хищниками дорогихъ и близкихъ людей.

Все это, разумѣется, должно было воспитать въ Андреѣ сильную ненависть къ основной причинѣ всѣхъ бѣдствій, имѣвшихъ мѣсто въ Южной Руси—къ раздорамъ среди князей, происходившихъ изъ-за отсутствія единой сильной власти надъ ними. Конечно, прибывъ уже зрѣлымъ мужемъ въ Кіевскую Землю, чтобы принять, по приказу отца, участіе въ шедшихъ тамъ усобицахъ, Андрей долженъ былъ еще сильнѣе отъ нихъ отвратиться, тѣмъ болѣе, что онъ до сихъ поръ никого не зналъ изъ своихъ Южно-Русскихъ родичей, которые съ дѣтства привыкли жить всѣ вмѣстѣ, постоянно встрѣчаясь и на ратномъ полѣ, и на княжескихъ съѣздахъ; они для Андрея, и онъ для нихъ, были совершенно чуждыми людьми. Поэтому, несмотря на

свою беззавѣтную храбрость въ бояхъ, Андрей не только не хлопоталъ о продолженіи брани, но, наоборотъ, являлся усерднымъ сторонникомъ мира, лишь бы скорѣе получить возможность уйти изъ этого омута. Находясь на

99. Владимірская икона Божіей Матери. Писана иконописцами-кустарями с. Палехи Владимірской губерніи М. Париловымъ и И. Сафоновымъ.

югѣ съ отцомъ, онъ еще больше проникнулся сознаніемъ, что установившимися здѣсь порядками жить нельзя, и не переставалъ пребывать мечтою и сердцемъ въ родной и милой Суздальской Землѣ, гдѣ можно было предаваться, какъ доброму хозяину, мирному строительству края и устройству Русскихъ людей, бѣжавшихъ сюда отъ Кіевскихъ усобицъ и Половецкихъ

погромовъ для созданія своимъ трудомъ новой счастливой жизни подъ сѣнью единой и твердой княжеской власти.

На основаніи этого дѣлается понятнымъ и необычайный на первый взглядъ поступокъ Андрея, совершенный имъ, когда Юрій, утвердившись въ 1155 году, послѣ смерти Вячеслава, въ Кіевѣ, посадилъ его около себя въ Вышгородѣ.

Андрей, тайно отъ отца, не испросивъ его разрѣшенія, отбылъ въ свой любимый Суздальскій край, несомнѣнно, по приглашенію какъ Суздальской дружины, такъ и всей Суздальской Земли, желавшей имѣть у себя

100. Тайное перенесеніе иконы Божьей Матери изъ Вышгорода. Въ верху рисунка похороны Юрія Долгорукаго. „И тако тай нощію изыдоша изъ Вышеграда со княгынею своею, и съ боляры... взя же съ собою и Вышеградскыа презвитеры"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

101. „И ту сташи кони со иконою Богоматери и не поступиша никаможе; а многы коня измѣняху и чудную икону на сани поставляху и ни одинъ же конь не може саней двигнути"...

князя умнаго, сильнаго и добраго, любившаго больше всего хозяйскій покой и порядокъ. При этомъ, конечно, Андрей, по своему душевному складу, долженъ былъ быть особенно дорогъ именно пришельцамъ, или новымъ людямъ, во множествѣ приходившимъ въ край съ юга и селившимся, главнымъ образомъ, въ новомъ же городѣ, во Владимірѣ на Клязьмѣ, куда Андрей и прибылъ послѣ тайнаго своего оставленія Вышгорода.

Этотъ безпримѣрный побѣгъ Андрея изъ Кіевской Земли отъ зла, тамъ творившагося, сопровождался особымъ Божіимъ благословеніемъ, память о которомъ сохранилась въ благочестивой средѣ народа до нашихъ дней.

Въ Вышгородѣ существовалъ женскій монастырь и въ немъ находилась древняя икона Богоматери, написанная, по преданію, евангелистомъ Лукою и принесенная имъ Богородицѣ, во время Ея земной жизни, при чемъ Божія Матерь, увидя ее, повторила Свое пророческое изреченіе: «Отнынѣ ублажатъ Меня всѣ роды» и присовокупила: «Благодать Родившагося отъ Меня и Моя съ сей иконою да будутъ». Икона эта, въ половинѣ пятаго вѣка, при Греческомъ императорѣ Ѳеодосіи Младшемъ, была принесена изъ Іерусалима въ Царьградъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка привезена оттуда

102. „Великій же князь Андрѣй на томъ мѣстѣ постави двѣ церкви камены въ имя Святыя Богородицы, и ту сътвори градъ и нарече имя мѣсту тому Боголюбимове"...

103. Нищелюбіе Андрея. „Нищихъ же и прокаженныхъ толико возлюби... и кротко и милостивно глаголати къ нимъ и утѣшати и кормяше и насыщаше"...

въ даръ Юрію Долгорукому и поставлена въ Вышгородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Въ 1155 году съ иконой произошло нѣсколько чудесныхъ явленій: она сама собою выходила изъ кіота, и въ первый разъ видѣлась стоящей среди церкви на воздухѣ; потомъ, когда ее поставили въ другомъ мѣстѣ, она обратилась лицомъ въ алтарь. Тогда поставили ее въ алтарѣ за престоломъ, но и тамъ она сошла со своего мѣста. Вслѣдствіе этого люди въ недоумѣніи помышляли, на какомъ же мѣстѣ святая икона благоизволитъ избрать себѣ пребываніе.

Объ этихъ явленіяхъ, конечно, скоро узналъ и Андрей. Какъ и всѣ добрые древніе князья, онъ былъ благочестивъ и набоженъ искренно, а не лицемѣрно, уже по той только причинѣ, что много разъ въ опасностяхъ

войны былъ чудесно сохраняемъ отъ погибели. Услышавъ разсказы о чудотвореніяхъ Вышгородской иконы, Андрей разгорѣлся духомъ и понялъ, что сама Заступница христіанства какъ бы указывала ему путь изъ города.

Онъ поспѣшилъ въ монастырь и тамъ упалъ передъ святымъ изображеніемъ съ усердной молитвой, прося Пречистую быть ему Заступницей и Помощницей въ Суздальской Землѣ. Съ молебнымъ пѣніемъ онъ поднялъ своими руками чудотворный образъ и ночью вышелъ изъ Вышгорода со своей княгинею, съ боярами и со многими людьми, взявши съ собою и Вышгородскаго попа и дьякона съ ихъ семьями.

Въ путешествіи икона прославилась новыми чудотвореніями. Первое чудо совершилось во время переправы черезъ рѣку Вазузу (притокъ Волги у Зубцова), гдѣ князь Андрей послалъ проводника искать брода, и слуга было потонулъ въ разлившейся рѣкѣ вмѣстѣ съ конемъ, но чудесно спасся и вышелъ изъ рѣки невредимымъ. Второе чудо произошло на Рогожскихъ

104. „... Того-же лѣта Ростовци и Суждалци сдумавше вси, пояша Андрѣя сына его старѣйшаго и посадиша й въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали, занеже бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель“...

Изъ Кенигсбергской лѣтописи.

поляхъ у нынѣшняго села Богородска на Клязьмѣ близъ города Владиміра. При поворотѣ пути къ Суздалю, лошади подъ иконою стали и не пошли дальше. Запряжены были новыя, но тоже не пошли впередъ. Тогда Андрей остановился здѣсь на ночлегъ, и въ полночь, во время усердной молитвы князя, Богоматерь явилась ему со свиткомъ рукописи въ рукахъ и завѣщала не ѣхать дальше, но поставить Ея святую икону во Владимірѣ, а на мѣстѣ явленія построить монастырь. Съ той поры мѣсто это стало прозываться Боголюбовымъ. Андрей построилъ здѣсь каменную церковь и монастырь, обнеся все мѣсто каменными стѣнами; скоро новое селеніе сдѣлалось городомъ и любимымъ мѣстопребываніемъ Андрея, который и самъ получилъ отъ него прозваніе Боголюбскаго. Самую же икону онъ поставилъ въ новопостроенномъ Владимірскомъ храмѣ и украсилъ ее съ такимъ богатствомъ, которое почиталось дивнымъ для его времени; онъ вковалъ въ нее больше 30-ти гривенъ золота, кромѣ серебра, дорогихъ камней и жемчуга.

Конечно, эта икона Божіей Матери стала для Андрея руководительницей и заступницей во всѣхъ предпріятіяхъ. Уходя съ юга противъ воли отца и подвергаясь, слѣдовательно, опасности отъ его гнѣва, не зная хорошо, что его ожидаетъ въ любимой Суздальской сторонѣ, Андрей, по чувству древняго благочестія, неизбѣжно долженъ былъ обратиться къ заступничеству и покровительству Божьяго промысла, и, разумѣется, чудеса, явленныя иконой въ Вышгородѣ, давали ему увѣренность, что Богоматерь не оставитъ его своимъ заступничествомъ. Разрывая навсегда съ Кіевской Землею, онъ, такъ сказать, совсѣмъ переселялся изъ стараго въ новый

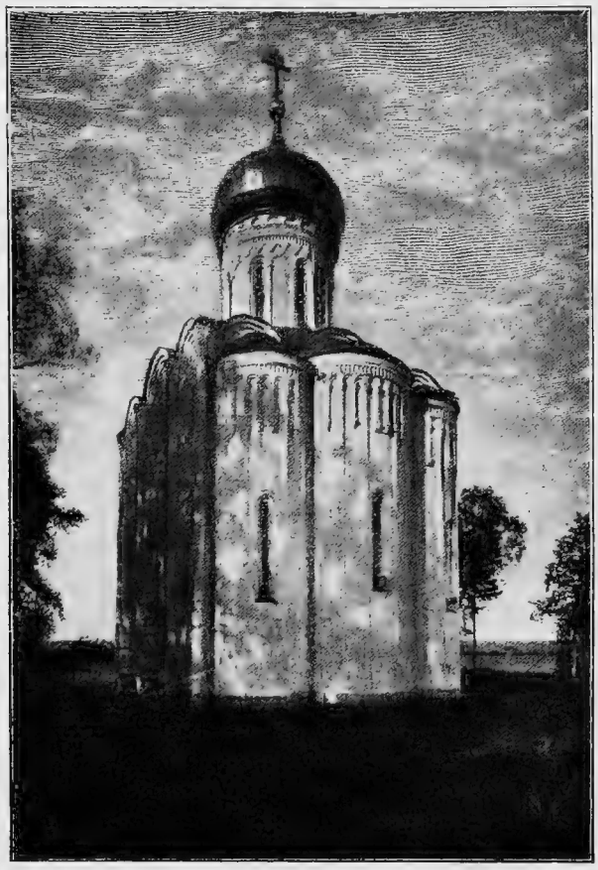
105. Соборъ Успенья Божьей Матери во Владимірѣ на Клязьмѣ, сооруженный Андреемъ Боголюбскимъ въ 1158 году.

106. Церковь Спаса Преображенія въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Заложена въ 1152 году Андреемъ Боголюбскимъ.

домъ и потому, по Русскому обычаю, взялъ съ собой изъ стараго дома и величайшую въ немъ святыню—чудотворную икону. И дѣйствительно, переселеніе произошло благополучно, а отецъ не разгнѣвался и оставилъ сына въ покоѣ.

Вѣра въ непрестанную Заступницу и Помощницу молящихся людей распространилась скоро по всей Суздальской Землѣ, чему особенно способствовали многія чудесныя событія и случаи. Впослѣдствіи же, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, икона Владимірской Божіей Матери становится одной изъ главнѣйшихъ святынь всей Русской Земли, благодаря помощи, неоднократно явленной черезъ нее нашей Родинѣ въ бѣдственныя годины.

Когда спустя два года, послѣ тайнаго ухода Андрея изъ Вышгорода, скончался въ 1157 году его отецъ Юрій, то вся Ростово-Суздальская Земля избрала его своимъ княземъ, помимо его младшихъ братьевъ, здѣсь сидѣвшихъ, такъ какъ всѣ любили Андрея за премногую его добродѣтель, высоко цѣня главный подвигъ его жизни—особую любовь къ сиротамъ и нищимъ. Нищелюбіе естественно переносило и сердце и помыслы князя къ нуждамъ и потребамъ простого народа, для котораго онъ былъ дѣйствительный отецъ и кормилецъ, защитникъ малыхъ отъ насилія большихъ и сильныхъ. И народъ такъ и понималъ Андрея, какъ князя въ отцовъ и праотца мѣсто, Божіею милостію, надъ нимъ поставленнаго. Съ своей стороны и Андрей смотрѣлъ, конечно, такъ на свое избраніе княземъ Суздальской Земли.



107. Церковь Покрова на Нерли близъ Владиміра. Сооружена въ 1165 году Андреемъ Боголюбскимъ.

Но, разумѣется, этимъ не могли быть довольны его дружинники и бояре, съ которыми онъ держался холоднѣе и дальше, чѣмъ было въ обычаѣ у Южныхъ князей. Повидимому, уходя изъ Кіевской Руси, онъ оставилъ тамъ и старые порядки княжескаго быта. Онъ не помрачалъ своего ума пьянствомъ, а тѣмъ болѣе на пирахъ съ дружиною. Отецъ его отъ того и померъ, что повеселился, можетъ быть, безъ мѣры, на пиру у одного дружинника. Андрей, конечно, зналъ также, что въ пьяныхъ чашахъ подносилась иногда и отрава. Онъ даже не переселился ни въ Ростовъ и ни въ Суздаль, будучи выбранъ всей Землею княземъ, но оставался въ своей усадьбѣ во Владимірѣ, откуда часто выѣзжалъ или въ Боголюбово, гдѣ любилъ проводить время съ клирошанами, или же проживалъ на устьѣ рѣки Судогды, куда часто выѣзжалъ на охоту съ малымъ числомъ близкихъ людей.

Недовольство бояръ необычнымъ образомъ жизни Андрея очень скоро сказалось: они постарались лестью и лукавствомъ поссорить его съ братьями и старшими дружинниками отца, отчего произошла, было, лютая смута во всей Суздальской сторонѣ. Но Андрей быстро ее прекратилъ. Глубоко соз-

навая страшную отвѣтственность, лежавшую на его душѣ, за благо и спокойствіе Земли, которая была ему ввѣрена милостію Божіей, онъ нашелъ въ этомъ сознаніи должную силу для прекращенія смуты рѣшительными и суровыми мѣрами: однихъ бояръ онъ заточилъ, а другихъ изгналъ изъ края, при чемъ не остановился и предъ изгнаніемъ родныхъ братьевъ—Мстислава и Василька съ племянниками; они взяли съ собой и восьмилѣтняго младшаго брата ихъ Всеволода съ матерью, мачехою Андрея, и удалились въ Царьградъ, гдѣ были съ честью и любовью приняты императоромъ Мануиломъ *).

Водворивъ такимъ путемъ тишину въ своей родной Землѣ, Андрей отнесся совершенно безучастно къ вокняженію послѣ смерти отца, въ Кіевѣ, Изяслава Давидовича Черниговскаго. Зато въ своей Суздальской сторонѣ, Андрей развилъ безпримѣрную дѣятельность. Онъ усердно обстраивалъ городъ Владиміръ на Клязьмѣ и Боголюбово и не жалѣлъ ничего на построеніе церквей, монастырей и украшеніе храмовъ. Кромѣ церкви Успенія, возбуждавшей удивленіе современниковъ своимъ великолѣпіемъ, онъ построилъ во Владимірѣ монастыри Спасскій, Вознесенскій, соборный храмъ Спаса въ Переяславлѣ и церковь святого Ѳеодора Стратилата, въ память чудеснаго спасенія своего во время сѣчи подъ Луцкомъ; затѣмъ церковь Покрова при устьѣ рѣки Нерли и много другихъ. Для этихъ сооруженій Андрей пригласилъ мастеровъ съ Запада; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ это же время, благодаря его строительству, начало развиваться и Русское искусство, и скоро наши мастера, уже безъ пособія иностранцевъ, строили и расписывали свои церкви.

108. Часть палатъ Андрея Боголюбскаго въ Боголюбовомъ монастырѣ.

Особенно же богато украсилъ Андрей храмъ Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ и любилъ его показывать всѣмъ пріѣзжимъ. «Приходилъ ли гость изъ Царьграда, или отъ иныхъ странъ, изъ Русской Земли, или латинянинъ, и всякій христіанинъ, или поганые,—тогда князь Андрей приказывалъ: введите его въ церковь и на полати, пусть и поганый видитъ истинное христіанство да крестится, что и бывало: болгары и жиды и вся погань,

*) Другой юный братъ Андрея Михаилъ, или Михалко, сидѣлъ въ это время въ Южной Руси—въ Торческѣ.

видѣвши славу Божію и украшеніе церковное, крестились»—говоритъ лѣтописецъ.

Отечески нѣжно любя Владиміръ на Клязьмѣ и мечтая сдѣлать изъ него второй Кіевъ, Андрей также заботливо и нѣжно относился и къ его жителямъ; по улицамъ постоянно двигались возы, развозившіе отъ князя пищу больнымъ и нищимъ. Построивъ каменныя Золотыя ворота, по образу Кіевскихъ, онъ хотѣлъ неожиданно открыть ихъ къ празднику Успенія Божіей Матери. Но известка не успѣла высохнуть и укрѣпиться къ празднику, и когда народъ собрался, то ворота упали и накрыли 12 зрителей. Тогда Андрей горячо взмолился къ чудотворной иконѣ: «Если Ты не спасешь этихъ людей, я грѣшный буду повиненъ въ ихъ смерти!» Подняли ворота—и всѣ придавленные люди остались живы и здоровы.

109. Золотыя ворота во Владимірѣ.

Усердно занимаясь устройствомъ быта своихъ подданныхъ, Андрей предпринялъ и два похода на Волжскихъ Болгаръ, исповѣдовавшихъ магометанство. Оба похода были удачны, особенно имѣвшій мѣсто въ 1164 году. Войска сопровождала чудотворная икона; самъ князь и все воинство передъ походомъ пріобщались Святыхъ Таинъ; одержавъ блистательную побѣду надъ Болгарами, они взяли ихъ главный городъ, славный Бряхимовъ. Эта побѣда была всецѣло приписана чудесной помощи Божіей Матери, и въ память ея установленъ праздникъ Спаса 1-го августа, и понынѣ празднуемый церковью.

Безучастное отношеніе Андрея къ дѣламъ Южной Руси было очень на руку Изяславу Давидовичу, который только и могъ разсчитывать удержать за собой Кіевъ, за отсутствіемъ другихъ, болѣе подходящихъ, князей для занятія этого стола. Дѣйствительно, старшимъ изъ всѣхъ Мономаховичей былъ миролюбивый Ростиславъ Мстиславовичъ Смоленскій, а племянникъ его, даровитый и храбрый Мстиславъ Изяславовичъ Волынскій, не могъ дѣйствовать помимо желанія дяди Ростислава ни въ его пользу, ни въ свою; что же касается брата Андрея Боголюбскаго—Глѣба Юрьевича, сидѣвшаго въ Переяславлѣ, то онъ былъ женатъ на дочери Изяслава Давидовича и потому ему было выгодно, что тесть занимаетъ старшій столъ въ Русской Землѣ.

Однако, несмотря на все, Изяславу Давидовичу все-таки не удалось удержаться долго въ Кіевѣ. Въ слѣдующемъ же 1158 году въ Галичѣ вспыхнула смута, подавшая поводъ къ его изгнанію. Дѣло произошло изъ-за

Ивана Берладника, двоюроднаго брата Ярослава Осмомысла, зятя Юрія Долгорукова. Когда Юрій окончательно утвердился въ Кіевѣ, то согласился выдать Ярославу несчастнаго Ивана Берладника, уже лишеннаго всѣхъ волостей отцомъ Ярослава—Владиміркомъ, почему онъ и вынужденъ былъ служить за деньги разнымъ князьямъ.

Однако, духовенство рѣшительно воспротивилось этой выдачѣ; тогда Юрій рѣшилъ отправить Ивана Берладника въ оковахъ къ себѣ въ Суздаль; когда его вели по Черниговской Землѣ, то сидѣвшій въ то время въ ней Изяславъ Давидовичъ перехватилъ плѣнника по дорогѣ и сталъ держать при себѣ.

110. „Чудо о вратѣхъ златыхъ... и еще извисть монра сущи, и ту народу многу сшедшуся зрѣти красоты ихъ, и врата падошася... Великій же князь Андрей со слезами припаде къ чюдотворному образу Богоматери“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Когда же Изяславъ занялъ Кіевъ, то съ нимъ вмѣстѣ прибылъ и Иванъ, и оставаясь здѣсь на свободѣ, началъ сноситься съ Галичанами, настраивая ихъ противъ Ярослава. Конечно, Ярославъ не могъ быть этимъ доволенъ и, благодаря своему изворотливому уму, повелъ дѣло такъ, что скоро всѣ князья Русскіе, Польскіе и король Венгерскій отправили своихъ пословъ къ Изяславу Давидовичу требовать выдачи Берладника Ярославу. Изяславъ Давидовичъ проявилъ къ изгнанному, которому далъ пріютъ, большое благородство, и отвѣчалъ всѣмъ рѣшительнымъ отказомъ. Берладникъ, однако, испугался почти всеобщаго союза князей противъ себя, убѣжалъ къ Половцамъ, занялъ съ ними Подунайскіе города и сталъ перехватывать Галицкія суда. Затѣмъ, собравъ много Половцевъ и присоединивъ къ нимъ 6000 Берладниковъ, такихъ же изгнанниковъ, какъ и самъ, онъ вошелъ съ ними въ Галицкую Землю, гдѣ осадилъ городъ Ушицу, въ которомъ заперлась засада (гарнизонъ) Ярослава Осмомысла.

Половцы хотѣли взять городъ приступомъ, но Иванъ не позволилъ этого; несомнѣнно, онъ сохранилъ въ своемъ сердцѣ любовь къ бывшимъ подданнымъ отца своего, а потому пожалѣлъ жителей Ушицы, которые во время приступа подвергнулись бы разграбленію и убіенію.

Этотъ великодушный поступокъ Берладника вызвалъ озлобленіе противъ него со стороны Половцевъ, которые его покинули; а между тѣмъ благодѣтель Ивана—Изяславъ Давидовичъ звалъ его къ себѣ на помощь, такъ

какъ противъ Изяслава Давидовича собрались Ярославъ Осмомыслъ и Мстиславъ Изяславовичъ Волынскій, и рѣшили идти на Кіевъ. Видя, что большой помощи отъ Берладника не будетъ, Изяславъ Давидовичъ, чтобы имѣть возможность противустоять Ярославу Осмомыслу и Мстиславу Изяславовичу, рѣшилъ прежде всего примириться со своимъ собственнымъ племенемъ, въ которомъ на него было неудовольствіе изъ-за распредѣленія волостей по занятіи имъ старшаго стола; онъ послалъ теперь сказать Святославу Ольговичу, что придаетъ ему еще два города. На это Святославъ Ольговичъ, съ обычнымъ своимъ благородствомъ, отвѣчалъ ему: «Правду сказать, братъ, я сердился на тебя за то, что не отдавалъ мнѣ всей Черниговской волости, но лиха тебѣ не хотѣлъ; а если теперь хотятъ на тебя идти, то избави меня Богъ волоститься (помогать изъ-за волостей); ты мнѣ братъ, дай мнѣ Богъ пожить съ тобою въ добрѣ».

Вскорѣ на рѣкѣ Острѣ состоялся съѣздъ Изяслава Давидовича и всѣхъ Черниговскихъ князей и «была между ними любовь великая и дары большіе». Они немедленно отправили въ Галичъ и Волынь объявить о своемъ тѣсномъ союзѣ и достигли цѣли: Ярославъ Осмомыслъ и Мстиславъ Изяславовичъ отложили походъ.

Но Изяславъ Давидовичъ, какъ человѣкъ дальновидный, понималъ, конечно, что можетъ быть покоенъ лишь на короткое время, и что умные и предпріимчивые Ярославъ Осмомыслъ и Мстиславъ Изяславовичъ только ждутъ благопріятныхъ для себя обстоятельствъ, чтобы пойти на Кіевъ. Поэтому онъ рѣшилъ, пользуясь союзомъ со всѣми Черниговскими князьями, предупредить своихъ враговъ и самому идти на нихъ, послѣ чего, при успѣхѣ, посадить въ Галичѣ вмѣсто Осмомысла—Ивана Берладника, тѣмъ болѣе, что Иванъ получилъ отъ Галичанъ приглашеніе: «Только покажутся твои знамена, мы сейчасъ отступимъ отъ Ярослава».

Однако, всѣ эти предположенія не удались. Святославъ Ольговичъ не хотѣлъ понять необходимости войны для Изяслава, и всѣми силами отговаривалъ его отъ нея. Когда же Изяславъ Давидовичъ все-таки выступилъ въ походъ, то Святославъ Ольговичъ отправилъ къ нему посла съ такимъ словомъ: «Братъ не велитъ тебѣ начинать рати». Раздосадованный этимъ, Изяславъ не удержался и въ сердцахъ отвѣтилъ послу: «Скажи брату, что не возвращусь, когда уже пошелъ, да прибавь еще: если ты самъ не идешь со мною и сына не отпускаешь, то смотри: когда, Богъ дастъ, успѣю въ Галичѣ, то уже не жалуйся на меня, какъ начнешь ползти изъ Чернигова къ Новгороду Сѣверскому». Святославъ сильно обидѣлся этимъ словомъ. «Господи!—говорилъ онъ,—Ты видишь мое смиреніе: я на свои выгоды не смотрѣлъ, хотѣлъ только одного, чтобы кровь христіанская не лилась, и отчина моя не гибла; взялъ Черниговъ съ семью городами пустыми, въ которыхъ сидятъ только псари да Половцы *), а всю волость Черниговскую онъ за собой

*) Эти слова показываютъ, насколько опустѣли города въ Южной Руси подъ вліяніемъ княжескихъ усобицъ и Половецкихъ набѣговъ.

держитъ, да за своимъ племянникомъ; и того ему мало: велитъ мнѣ изъ Чернигова выйти; ну, братъ, Богъ разсудитъ насъ и крестъ честный, который ты цѣловалъ, что не искать подо мной Чернигова никоимъ образомъ, а я тебѣ лиха не хотѣлъ, когда запрещалъ идти на войну, хотѣлъ я добра и тишины Русской Землѣ».

Такимъ образомъ, Изяславъ Давидовичъ неожиданно пріобрѣлъ себѣ новаго врага въ Святославѣ Ольговичѣ, а между тѣмъ онъ вскорѣ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе отъ Ярослава Галицкаго и Мстислава Изяславовича подъ Бѣлгородомъ, гдѣ ему измѣнили Берендѣи.

Послѣ этого пораженія Изяславъ, не возвращаясь въ Кіевъ, переправился черезъ Днѣпръ у Вышгорода и направился въ страну Вятичей, принадлежавшую Святославу, которую онъ занялъ въ отместку за то, что послѣдній своими неумѣстными совѣтами и отказомъ въ помощи разрушилъ всѣ его предположенія.

Мстиславъ же Изяславовичъ вмѣстѣ съ Ярославомъ Галицкимъ вошелъ въ Кіевъ и сейчасъ же послалъ въ Смоленскъ звать дядю Ростислава Мстиславовича на старшій столъ. Ростиславъ, помятуя, какое положеніе занималъ дядя Вячеславъ въ Кіевѣ при Изяславѣ Мстиславовичѣ, когда дѣйствительнымъ великимъ княземъ былъ послѣдній, не захотѣлъ того же для себя, а потому послалъ сказать племяннику: «Если зовете меня въ правду съ любовью, то я поѣду въ Кіевъ на свою волю, чтобы вы имѣли меня отцомъ себѣ въ правду, и въ моемъ послушаніи ходили; и прежде всего объявляю вамъ: не хочу видѣть Клима митрополита, потому что не взялъ благословенія отъ Святой Софіи и отъ патріарха».

Этотъ митрополитъ Климъ Смолятичъ, то-есть родомъ изъ Смоленска, былъ послѣ блаженнаго Иларіона, поставленнаго при Ярославѣ Мудромъ, вторымъ митрополитомъ изъ Русскихъ, такъ какъ всѣ предыдущіе были Греки или Болгары; но Климъ не бралъ благословенія отъ Царьградскаго патріарха, повидимому, въ виду замѣшательствъ, происходившихъ въ то время на патріаршемъ престолѣ, а былъ поставленъ соборомъ Русскихъ епископовъ главою святого Климента, привезенной святымъ Равноапостольнымъ Владиміромъ изъ Корсуни послѣ своего крещенія; при этомъ, Нифонтъ, епископъ Новгородскій, отказывался признавать Клима митрополитомъ, считая его поставленіе безъ патріаршаго благословенія неправильнымъ, и тѣхъ же взглядовъ былъ и Ростиславъ Смоленскій.

Но Мстиславъ Изяславовичъ крѣпко держался Клима и не хотѣлъ признать Грека Константина, угоднаго Ростиславу. Наконецъ, они урядились, рѣшивъ принять третьяго новаго митрополита изъ Царьграда.

Послѣ этого, въ 1159 году, Ростиславъ Мстиславовичъ сѣлъ въ Кіевѣ и имѣлъ затѣмъ свиданіе съ Святославомъ Ольговичемъ, чтобы уговориться насчетъ общаго для нихъ въ то время врага—Изяслава Давидовича. Князья обѣдали другъ у друга и обмѣнивались подарками; Ростиславъ дарилъ Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, бѣлыми

волками, рыбьими зубьями, а Святославъ—отдарилъ барсомъ и двумя борзыми конями съ кованными сѣдлами.

Вслѣдъ затѣмъ начались военныя дѣйствія; они шли нѣкоторое время съ перемѣннымъ счастьемъ, при чемъ противники сильно опустошали волости другъ у друга; наконецъ, Изяславъ Давидовичъ рѣшилъ обратиться за помощью въ Суздаль. Онъ послалъ просить у Андрея Боголюбскаго руки его дочери для своего племянника Святослава, сына брата Владиміра, убитаго въ сраженіи на рѣкѣ Рутѣ. Андрей согласился на это сватовство и прислалъ на помощь жениху и его дядѣ свои полки, которые, впрочемъ, скоро вернулись домой, не принеся Изяславу Давидовичу пользы.

Тогда Изяславъ Давидовичъ задумалъ поссорить Ростислава Мстиславовича и Мстислава Изяславовича со Святославомъ Ольговичемъ, принимая въ расчетъ то обстоятельство, что Кіевляне съ неудовольствіемъ смотрѣли на этотъ необычный союзъ Мономаховичей съ ихъ всегдашнимъ врагомъ—Чер-

111. Сватовство. „...Тое-же зимы приде Изяславъ... и пославъ ко Андрѣеви къ Гюргевичу Ростову, и проси у него дщери за своего сыновца, за Святослава...“

ниговскимъ княземъ. Стараніями нѣкоторыхъ подкупленныхъ бояръ ссора эта удалась и Святославъ Ольговичъ оставилъ своихъ недавнихъ союзниковъ.

Этимъ воспользовался Изяславъ Давидовичъ и подошелъ къ Кіеву. Послѣ кровопролитной схватки съ войсками Ростислава (Мстиславъ Изяславовичъ въ это время отсутствовалъ), которая показалась лѣтописцу вторымъ пришествіемъ, Изяславъ Давидовичъ сталъ одолѣвать; тогда дружина Ростислава сказала своему князю: «Князь! братьевъ твоихъ еще нѣтъ, нѣтъ ни Берендѣевъ, ни Торковъ, а у непріятеля сила большая; ступай лучше въ Бѣлгородъ, и тамъ поджидай помощи».

Ростиславъ такъ и сдѣлалъ, а Изяславъ Давидовичъ въ третій разъ вошелъ въ столь любимый имъ Кіевъ, простилъ всѣхъ гражданъ, попавшихъ въ плѣнъ, и пошелъ немедленно осаждать Бѣлгородъ, гдѣ заперся Ростиславъ Мстиславовичъ. Сюда, подъ стѣны Бѣлгорода, Святославъ Ольговичъ опять прислалъ сказать Изяславу Давидовичу, чтобы онъ мирился: «Если даже и не помирятся съ тобою, во всякомъ случаѣ ступай за Днѣпръ; когда будешь за Днѣпромъ, то вся твоя правда будетъ». На это Изяславъ Давидовичъ весьма основательно отвѣчалъ ему, что онъ

отдалъ за право сидѣть въ Кіевѣ своей братіи Святославовичамъ Черниговскую волость, а потому ему теперь некуда дѣться, а «лучше здѣсь умереть», и продолжалъ усиленно осаду Бѣлгородскаго кремля.

Однако, несмотря на всѣ старанія, ему не удалось взять Бѣлгорода, а между тѣмъ къ Ростиславу съ разныхъ сторонъ подходили на выручку подкрѣпленія, направляемыя его искуснымъ въ воинскомъ дѣлѣ племянникомъ Мстиславомъ Изяславовичемъ; тутъ были Волынскіе и Галицкіе полки, а также толпы пограничныхъ варваровъ: Берендѣи, Ковуи, Торки, Печенѣги. Подходя къ Бѣлгороду, Черные Клобуки стали проситься у Мстислава Изяславовича выдвинуться впередъ. Онъ отпустилъ ихъ. Между тѣмъ Половцы, бывшіе впереди у Изяслава Давидовича, прискакали къ нему и объявили, что идетъ огромная рать. Тогда Изяславъ Давидовичъ рѣшилъ немедленно снять осаду и началъ отступать.

112... „Та же и самого великаго князя Изяслава Давыдовича постигоша... „и начяша сѣщи его по главѣ саблею, Войборъ же Геденевичъ удари копіемъ въ плече, а другій прободе его копіемъ выше колѣна“..

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Скоро онъ былъ настигнутъ Черными Клобуками; одинъ изъ Торковъ, по имени Войборъ, ударилъ его копьемъ въ плечо, другой прокололъ ему ногу и свалилъ съ лошади. Ростиславъ Мстиславовичъ со своимъ храбрымъ племянникомъ застали Изяслава Давидовича уже при послѣднемъ издыханіи и трогательно съ нимъ простились. Такъ погибъ въ борьбѣ за обладаніе Кіевомъ Изяславъ Давидовичъ; много грѣха принялъ онъ на свою душу, чтобы посидѣть на золотомъ Кіевскомъ столѣ, но оставилъ также память и о своихъ добрыхъ дѣлахъ: о благородномъ заступничествѣ за Ивана Берладника и о большомъ количествѣ Русскихъ плѣнныхъ, выкупленныхъ имъ вмѣстѣ со своей княгинею у Половцевъ, на что онъ тратилъ огромныя деньги.

Сохранилось преданіе, что Изяславъ Давидовичъ постоянно носилъ на себѣ власяницу брата своего Николая Святоши, но въ злочастный день своей смерти ее не надѣлъ и былъ убитъ. Тѣло его было отослано въ Черниговъ.

Это было въ 1161 году, а въ слѣдующемъ году погибъ и несчастный Иванъ Берладникъ; онъ былъ отравленъ въ Греціи, но при

какихъ обстоятельствахъ и по чьему наущенію—осталось невыясненнымъ.

Въ Кіевѣ же опять сѣлъ княжить Ростиславъ Мстиславовичъ, снова введенный въ него своимъ племянникомъ Мстиславомъ Изяславовичемъ. Послѣдній, какъ мы видѣли, очень походилъ на отца. Онъ была также способенъ, смѣлъ и искусенъ въ ратномъ дѣлѣ, но также не отличался и особой сыновней покорностью. Ростиславъ же, будучи всю жизнь почтительнымъ къ старшимъ, какъ только самъ достигъ этого старшинства, сталъ строго требовать отъ младшихъ такой же почтительности и покорности.

113. Прощаніе Мстислава Изяславовича и Ростислава Мстиславовича съ умирающимъ Изяславомъ Давидовичемъ.

Рис. В. П. Верещагина.

Это скоро привело къ крупнымъ рѣчамъ между дядей и племянникомъ, и послѣдній, въ сердцахъ, выѣхалъ изъ Кіева къ себѣ на Волынь и сталъ готовиться къ борьбѣ съ Ростиславомъ Мстиславовичемъ.

Однако, онъ съ нимъ примирился въ 1162 году, видя, что сторону Ростислава держатъ всѣ князья, преклоняясь передъ его высокой справедливостью, а главное—передъ полнымъ отсутствіемъ корысти, почему онъ весьма легко раздавалъ города нуждающимся родственникамъ.

Изъ этихъ нуждающихся родственниковъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить младшаго брата Ростислава—Владиміра Мстиславовича; судьба этого мачешича была не завидна: онъ устроился на Волыни, но былъ, какъ мы видѣли, изгнанъ оттуда племянникомъ Мстиславомъ Изяславовичемъ; затѣмъ онъ находился въ войскахъ Изяслава Давидовича и вмѣстѣ съ нимъ

былъ подъ Бѣлгородомъ; послѣ этого занялъ городъ Слуцкъ, но долженъ былъ уйти изъ него подъ вліяніемъ недовольства другихъ князей, и только братъ его Ростиславъ Мстиславовичъ, сѣвши въ Кіевѣ, далъ ему Треполь съ четырьмя городами.

Такимъ же вліяніемъ и уваженіемъ пользовался Ростиславъ и въ Черниговской сторонѣ. Въ 1164 году тамъ умеръ старый Святославъ Ольговичъ, и по всѣмъ правиламъ Черниговъ долженъ былъ перейти къ его племяннику, извѣстному сестричу Святославу Всеволодовичу. Однако, вдова умершаго князя хотѣла передать Черниговъ сыну своему Олегу. Хотя Олегъ и уступилъ Черниговъ Святославу Всеволодовичу, а самъ удовольствовался Новгородомъ Сѣверскимъ, но вскорѣ между ними возникла усобица, прекращенная лишь вмѣшательствомъ великаго князя Ростислава,—на дочери котораго былъ женатъ Олегъ. Такимъ образомъ, Ростиславу, благодаря исключительной чистотѣ его души и строгой справедливости, удалось умирить всѣхъ князей на западной и восточной сторонѣ Днѣпра.

Улаживая усобицы въ княжеской средѣ, Ростиславу пришлось не мало обращать вниманія и на Половцевъ. Въ началѣ его великаго княженія они понесли пораженіе отъ Волынскихъ князей и Галичанъ; въ 1162 году Черные Клобуки, сперва сильно потерпѣвшіе отъ нихъ, побили ихъ затѣмъ на берегахъ рѣки Роси. Кромѣ того, они были еще нѣсколько разъ биты нашими князьями; но все-таки въ 1163 году Ростиславъ, чтобы умириться съ ними, счелъ нужнымъ женить сына своего Юрія на дочери хана Белука. Половцы были опасны не одними своими опустошеніями: они также сильно портили Кіевскую торговлю съ Греками, засѣдая въ Днѣпровскихъ порогахъ и грабя Гречниковъ, то есть купцовъ, производящихъ торговлю съ Греціей. А эта торговля была настолько важна для Руси, и опасность отъ Половцевъ была такъ велика, что въ 1166 году Ростиславъ приказалъ собраться со своими полками тремъ сыновьямъ, племянникамъ и сосѣдямъ, и тринадцать князей, съ самимъ Ростиславомъ во главѣ, стояли у Канева до того времени, пока не прошли всѣ суда.

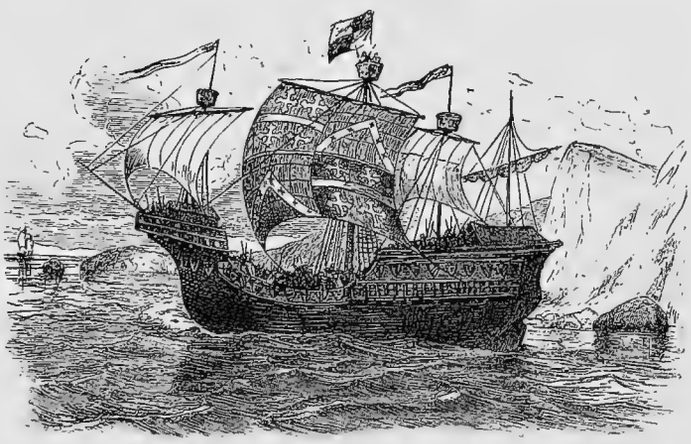
Не мало заботъ причинялъ Ростиславу и Господинъ Великій Новгородъ. Въ городѣ этомъ сидѣлъ съ 1158 года сынъ Ростислава—Святославъ, а въ Торжкѣ—другой его сынъ, Давидъ. Какъ мы знаемъ, Земли Новгородскія соприкасались съ Суздальскими владѣніями и поэтому, конечно, между сосѣдями возникали постоянныя недоразумѣнія; Андрей Боголюбскій относился къ этимъ недоразумѣніямъ съ большимъ миролюбіемъ; но когда Изяславъ Давидовичъ обратился къ нему за помощью противъ Ростислава Мстиславовича, то Андрей послалъ сказать Новгородцамъ: «Будь вамъ вѣдомо, хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ».

Услыша это грозное слово, Новгородцы испугались, и не знали, что дѣлать; они попросили сначала, чтобы Давидъ Ростиславовичъ выѣхалъ изъ Торжка, надѣясь, что Святославъ Ростиславовичъ на это разсердится и самъ уѣдетъ изъ города; но Святославъ не уѣхалъ; тогда буйная Новго-

родская толпа, уже привыкшая къ безчинствамъ, схватила его и заперла въ избѣ; княгиню же Святослава послали въ монастырь, а имѣнье разграбили; затѣмъ Новгородцы отправили Святослава въ Ладогу, гдѣ приставили къ нему крѣпкую стражу.

Узнавъ объ этомъ, отецъ его, Ростиславъ, бывшій въ Кіевѣ, сильно разгнѣвался и приказалъ всѣхъ находившихся тамъ Новгородцевъ перехватать и посадить въ Пересѣченское подземелье. Когда же утромъ ему доложили, что тамъ за ночь умерло четырнадцать человѣкъ, то Ростиславъ сильно затужилъ и велѣлъ всѣхъ немедленно выпустить.

Вскорѣ затѣмъ Святославъ Ростиславовичъ бѣжалъ изъ Ладоги и прибылъ въ Смоленскъ, а Ростиславъ урядился съ Андреемъ Боголюбскимъ, при чемъ они порѣшили, чтобы Новгородъ достался опять Святославу же, и притомъ «по всей волѣ его». Это выраженіе лѣтописи лишній разъ показываетъ, что въ возникшее послѣ кончины Мономаха междоусобное время Новгородцы ставили своимъ князьямъ разныя стѣснительныя для нихъ условія; при этомъ, какъ только установилось единодушіе между двумя сильными князьями, Ростиславомъ и Андреемъ, то Новгородцы сейчасъ же вынуждены были принять Святослава, съ которымъ поступили недавно такъ возмутительно, по всей его волѣ.



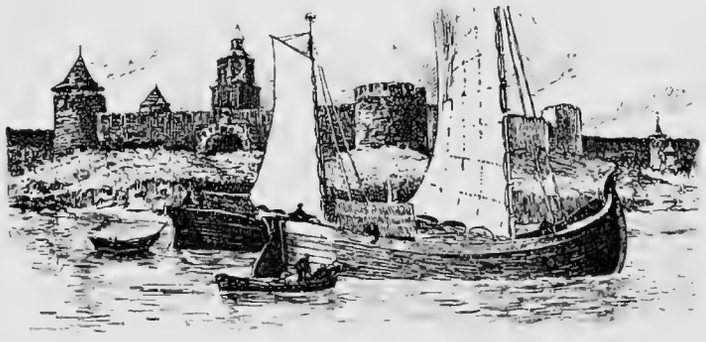
114. Шведское военное судно XII вѣка.

Скоро Святославу Ростиславовичу удалось одержать блистательную побѣду надъ Шведами. У Шведовъ въ это время прекратились на время внутреннія усобицы, почему они пріобрѣли возможность къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ сосѣдей и пришли подъ Ладогу. Ладожане пожгли свои хоромы, затворились въ кремлѣ и послали за помощью въ Новгородъ. Шведы хотѣли ихъ взять приступомъ, но были отбиты съ большимъ урономъ, а на пятый день пришелъ Святославъ съ посадникомъ Захаромъ и Новгородцами, ударилъ на Шведовъ и разбилъ ихъ; изъ 53 судовъ они потеряли 43; мало ихъ спаслось бѣгствомъ, да и то раненые.

Однако, все-таки, отношенія Святослава къ Новгородцамъ были не особенно дружественными; поэтому въ 1168 году Ростиславъ рѣшилъ самолично поѣхать въ Новгородъ, чтобы и тамъ уладить всѣ дѣла и водворить прочный миръ и любовь. Отправляясь въ этотъ далекій путь, онъ прежде

всего заѣхалъ къ своему зятю Олегу Святославовичу Сѣверскому *), а потомъ держалъ путь на Смоленскъ, гдѣ сидѣлъ столько лѣтъ. Смольняне устроили престарѣлому Ростиславу очень трогательную встрѣчу: ихъ лучшіе люди начали встрѣчать его еще за 300 верстъ отъ города; потомъ встрѣтили его внуки, сынъ Романъ, сидѣвшій послѣ отца въ Смоленскѣ, епископъ, тысяцкій и почти всѣ горожане; такъ обрадовались всѣ его приходу.

Побывать въ Новгородѣ Ростиславу, однако, не довелось. Болѣзнь задержала его въ Великихъ Лукахъ, гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ сыномъ Святославомъ и лучшими Новгородскими мужами; урядивъ съ ними всѣ дѣла и получивъ богатые дары, онъ вернулся совершенно больнымъ въ Смоленскъ, гдѣ его уговаривала сестра Рогнѣда остаться и лечь послѣ смерти въ построенной имъ церкви во имя святыхъ Петра и Павла. Но Ростиславъ непремѣнно хотѣлъ лечь въ Кіевѣ, рядомъ съ отцомъ, святымъ Мстиславомъ, въ церкви святого Ѳеодора, а если выздоровѣетъ, то принять постриженіе въ Печерскомъ монастырѣ.



115 Древняя Ладога.

Мысль о постриженіи давно запала въ его душу; любя Печерскаго игумена Поликарпа, Ростиславъ каждую субботу и воскресенье Великаго поста приглашалъ его обѣдать съ двѣнадцатью братьями въ свой теремъ. Смерть Святослава Ольговича, случившаяся въ 1164 году, сильно на него повліяла, и онъ рѣшилъ тогда же постричься. Но Поликарпъ не допустилъ его до этого, говоря: «Вамъ Богъ такъ велѣлъ быть; правду блюсти на этомъ свѣтѣ, судъ судить праведный и стоять въ крестномъ цѣлованіи».

Ростиславу не пришлось доѣхать до Кіева. Онъ долженъ былъ остановиться въ селѣ Зарубѣ, недалеко отъ Смоленска. Здѣсь, 14 марта 1168 года, застигнула его смерть. Онъ умеръ въ полной памяти, въ присутствіи священника, и самъ прочелъ себѣ отходную, смотря на образъ Спасителя и отирая платкомъ слезы.

Благодаря истинно-христіанскимъ качествамъ своей души, Ростиславу удалось передъ смертью водворить миръ между всѣми Русскими князьями, то-есть достигнуть того, чего не достигалъ ни одинъ изъ великихъ князей послѣ Мономаха, хотя многіе изъ нихъ были значительно выше Ростислава по своимъ умственнымъ способностямъ. Согласно своего желанія, онъ былъ похороненъ рядомъ съ отцомъ въ Кіевскомъ Ѳеодоровскомъ

---

*) Смотри Родословную Таблицу.

монастырѣ. Православная церковь дала ему наименованіе Блаженнаго.

Изъ сыновей Ростислава, кромѣ уже знакомаго намъ Святослава, оставили по себѣ память: старшій *Романъ*, сидѣвшій въ Смоленскѣ и женатый на дочери Святослава Ольговича; онъ отличался большой кротостью и благочестіемъ; *Рюрикъ*—человѣкъ воинственный и честолюбивый, при этомъ ласковый и не особенно твердой воли; онъ, какъ мы увидимъ, многократно занималъ Кіевскій столъ, но не могъ на немъ досидѣть до смерти; *Давидъ*—оставилъ по себѣ память какъ о храбромъ, твердомъ и высоко добродѣтельномъ князѣ; наконецъ, *Мстиславъ*, умершій въ молодыхъ годахъ, заслужилъ прозваніе *Храбраго* за свою необыкновенную воинскую доблесть, соединенную съ высокимъ благочестіемъ; онъ былъ горячо преданъ всѣмъ завѣтамъ старины и являлся однимъ изъ лучшихъ князей своего времени.

Ростиславъ Мстиславовичъ былъ послѣднимъ великимъ княземъ, получившимъ, какъ мы видѣли, подъ конецъ своей жизни до нѣкоторой степени прежнее значеніе великаго князя Кіевскаго, объединявшаго подъ своей рукой всѣхъ остальныхъ князей Русской Земли. При его преемникахъ значеніе Кіевскаго стола быстро и окончательно рушится.

Старшинство въ цѣломъ княжескомъ родѣ, по смерти Ростислава, принадлежало сестричу Святославу Всеволодовичу Черниговскому. Но Мономаховичи старшинство это не признавали, а Кіевляне его не хотѣли; старшій же изъ Мономаховичей былъ мало вліятельный мачешичъ Владиміръ Мстиславовичъ, котораго, какъ мы видѣли, послѣ многихъ скитаній, Ростиславъ пріютилъ въ Треполѣ; разсчитывать на занятіе Кіевскаго стола, онъ, очевидно, не могъ. Двоюродный же братъ мачешича, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, сидѣлъ въ своемъ любимомъ Суздалѣ и никакого желанія перейти въ Кіевъ не обнаруживалъ. И вотъ, взоры всѣхъ Южныхъ князей обратились на любимаго Кіевлянами храбраго Волынскаго князя Мстислава Изяславовича, котораго братія и пригласила ѣхать въ Кіевъ. Приглашали его также, какъ Кіевляне, такъ и Черные Клобуки.

Мстиславъ Изяславовичъ согласился, но, будучи человѣкомъ властнымъ и твердымъ, потребовалъ, чтобы всѣ приглашавшіе его князья ходили по его волѣ. Тѣ, скрѣпя сердце, согласились, но на самомъ дѣлѣ—были этимъ крайне обижены, такъ какъ именно разсчитывали, приглашая его, младшаго многихъ изъ нихъ, самовольно разобрать себѣ волости.

Скоро во главѣ всѣхъ недовольныхъ сталъ старшій изъ всѣхъ Мономаховичей—мачешичъ Владиміръ Мстиславовичъ, который, при приближеніи Мстислава Изяславовича къ Кіеву, даже бѣжалъ въ Вышгородъ, гдѣ Мстиславъ не замедлилъ его осадить, послѣ чего они примирились, но не надолго, такъ какъ мачешичъ не прекращалъ своихъ враждебныхъ замысловъ противъ племянника, о чемъ, конечно, не замедлили сообщить послѣднему въ Кіевъ.

Тогда Мстиславъ вызвалъ мачешича на свиданіе въ Печерскій монастырь, гдѣ, несмотря на показанія свидѣтелей, мачешичъ отрицалъ взводимыя на него обвиненія и подтвердилъ Мстиславу свое обѣщаніе въ вѣр-

ности. Но, несмотря на это, «вертлявый» Владиміръ Мстиславовичъ скоро нарушилъ свое слово и сталъ сноситься съ Черными Клобуками, подучая ихъ противъ великаго князя, при чемъ не посовѣтовался объ этомъ со своей дружиной. Это очень обидѣло старшихъ дружинниковъ: «Ты, князь, задумалъ это самъ собою; такъ не ѣдемъ по тебѣ, мы ничего не знали»,— сказали они ему. Владиміръ разсердился на нихъ; взглянувъ на молодыхъ дружинниковъ, онъ сказалъ: «Вотъ у меня будутъ бояре!» и поѣхалъ къ Чернымъ Клобукамъ. Но тѣ, видя, что онъ пріѣхалъ къ нимъ почти одинъ, сказали ему: «Дружины-то у тебя нѣтъ; ты насъ обманулъ; такъ и намъ лучше въ чужую голову, чѣмъ въ свою», и начали пускать во Владиміра стрѣлы, изъ которыхъ двѣ попали въ него. Послѣ этого онъ бѣжалъ, потерявши всѣхъ отроковъ, которыхъ избили Черные Клобуки, и прибылъ, послѣ многихъ скитаній, въ Суздальскую землю, прося Андрея Боголюбскаго о защитѣ и помощи. Андрей не проявилъ желанія видѣть его, но въ помощи не отказалъ. «Ступай въ Рязань къ тамошнему князю, а я тебя надѣлю» послалъ онъ сказать двоюродному брату, что тотъ и сдѣлалъ.

Мстиславъ Изяславовичъ началъ свое великое княженіе славнымъ дѣломъ. Еще при жизни дяди Ростислава, въ 1167 году, когда состоялось примиреніе всѣхъ князей, «Богъ вложилъ въ сердце Мстислава мысль добрую о Русской Землѣ»,—говоритъ лѣтописецъ; онъ собралъ братью свою и сталъ имъ говорить, что ежегодно Половцы уводятъ христіанъ въ свои вежи, постоянно нарушаютъ клятву и уже отнимаютъ у насъ всѣ торговые пути, а затѣмъ предложилъ общій походъ на Половцевъ, въ которомъ приняли участіе четырнадцать князей; походъ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Ставъ въ 1168 году великимъ княземъ, Мстиславъ Изяславовичъ тотчасъ же предпринялъ новый общій походъ противъ Половцевъ; походъ этотъ тоже сопровождался большой удачей.

Нѣтъ сомнѣнія, что мужественный Мстиславъ Изяславовичъ не ограничился бы этими двумя походами, а предпринялъ бы послѣдовательную борьбу съ Половцами, чтобы въ корнѣ подорвать ихъ могущество, но къ несчастью, какъ обычно, ему помѣшала наступившая вскорѣ усобица. Послѣ окончанія похода 1168 года, между Южными князьями вспыхнуло общее неудовольствіе противъ него.

Поводомъ къ этому послужили навѣты двухъ бояръ, братьевъ Берисславовичей, на Мстислава Изяславовича, который отослалъ ихъ отъ себя за провинность. Эти два боярина стали увѣрять Рюрика и Давида Ростиславовичей, что Мстиславъ хочетъ ихъ схватить во время обѣда, на который онъ ихъ пригласилъ. Тѣ повѣрили, а великій князь, узнавъ про это— сильно обидѣлся; такъ возникла между ними ссора. Скоро и другіе Южные князья стали искать поводовъ къ ссорѣ съ Мстиславомъ; всѣ они видѣли, что ошиблись, призвавъ его на великое княженье, въ расчетѣ, что онъ, какъ не имѣющій по своему старшинству права на Кіевъ, будетъ съ ними болѣе уступчивъ. Теперь они рѣшили искать себѣ другого старшаго и обратились къ Андрею Боголюбскому, который являлся, дѣйствительно, стар-

шимъ во всемъ Мономаховомъ родѣ, такъ какъ бѣжавшій къ нему за покровительствомъ мачешичъ Владиміръ Мстиславовичъ, тѣмъ самымъ, конечно, потерялъ свое старшинство передъ нимъ.

Мы видѣли, насколько Андрею были ненавистны всѣ Кіевскіе порядки, почему онъ навѣки и порвалъ съ Южной Русью, тайно бѣжавъ въ Суздальскую Землю. Разумѣется, занятіе старшаго стола не могло его сколько-нибудь прельщать и теперь. Но оставаться безучастнымъ зрителемъ событій, происходившихъ вокругъ Кіева, онъ также отнюдь не могъ для блага своей же Суздальской Земли, такъ какъ Земля эта, какъ мы уже указывали, примыкала къ Землямъ Великаго Новгорода и была съ ними тѣсно связана множествомъ отношеній; а мы видѣли, что поведеніе Новгородцевъ всегда зависѣло отъ того, кто занималъ Кіевскій столъ. Когда на столѣ этомъ сидѣлъ Ростиславъ, посадившій совмѣстно съ Андреемъ сына своего Святослава въ Новгородѣ по всей его волѣ, то Новгородцы должны были во всѣхъ своихъ дѣлахъ считаться и съ Суздальскимъ княземъ. Но какъ только въ Кіевѣ сѣлъ Мстиславъ Изяславовичъ, сынъ стариннаго недруга отца Андреева, то Новгородцы поняли, что крѣпкое согласіе Кіевскаго князя съ Суздальскимъ, бывшее при жизни Ростислава, рушилось, и сейчасъ же стали пересылаться съ Мстиславомъ о присылкѣ имъ въ князья его сына и собирать тайныя вѣча по ночамъ противъ Святослава, котораго хотѣли схватить.

Когда про это узналъ Святославъ, то онъ вышелъ съ дружиною изъ города, а Новгородцы приняли къ себѣ княземъ сына Мстислава—Романа, и стали тотчасъ же вымѣщать свои обиды на всѣхъ сторонникахъ Святослава, а стало быть и Андрея, а затѣмъ они разбили отрядъ Суздальской рати на рѣкѣ Сѣверной Двинѣ.

Конечно, Андрею должно было быть крайне не по сердцу все происходившее въ Новгородской Землѣ со времени вокняженія Мстислава Изяславовича въ Кіевѣ, а потому, и вполнѣ естественно, что когда Южно-Русскіе князья, снесясь другъ съ другомъ и объявивъ Андрея старшимъ среди всѣхъ Мономаховичей, обратились къ нему за помощью противъ Мстислава, то онъ имъ въ этой помощи не отказалъ.

Однако, Андрей не выступилъ самъ въ походъ, а послалъ войска противъ Кіева подъ начальствомъ сына своего Мстислава и воеводы Бориса Жидиславовича съ Ростовцами, Владимірцами и Суздальцами. Къ этому ополченію присоединились одиннадцать князей: братъ Андрея—Глѣбъ Юрьевичъ, сидѣвшій въ Переяславлѣ, Романъ Ростиславовичъ изъ Смоленска, Рюрикъ Ростиславовичъ изъ Овруча, братъ его Давидъ изъ Вышгорода, Сѣверскій князь—Олегъ Святославовичъ съ братомъ Игоремъ, Всеволодъ, младшій братъ Андрея Боголюбскаго, уже возвратившійся изъ Греціи, гдѣ, какъ мы видѣли, онъ былъ въ изгнаніи, и нѣкоторые другіе.

Повидимому, Мстиславъ Изяславовичъ получилъ свѣдѣнія о собравшейся на него грозѣ слишкомъ поздно. Всѣ его противники соединились въ Вышгородѣ и обступили городъ Кіевъ.

Узнавъ о прибытіи большой Суздальской рати, Кіевляне почуяли, что имъ грозитъ большая бѣда; они поняли, что въ случаѣ успѣха—Суздальцы жестоко отомстятъ за своихъ братьевъ, безжалостно избитыхъ Кіевлянами послѣ смерти Юрія Долгорукаго. Поэтому на этотъ разъ, Кіевляне не заявили своему князю, какъ привыкли за время усобицъ: «Теперь не твое время, иди изъ города», и не отворили воротъ непріятелю. Они заперлись съ Мстиславомъ Изяславовичемъ въ засаду и рѣшили крѣпко отбиваться. Но черезъ три дня осады—защита города была сломлена, при чемъ, Мстиславу еле удалось спастись во Владиміръ Волынскій, а городъ былъ взятъ приступомъ «на щитъ», чего прежде Русскіе князья никогда не дѣлали по отношенію Кіева. Побѣдители два дня грабили его; не было никому и ничему помилованія: жителей били и вязали, женъ разлучали

116. Войска Андрея Боголюбскаго, послѣ взятія приступомъ и разграбленія Кіева, уводятъ изъ него плѣнныхъ. „...И весь Кіевъ пограбиша и церкви и монастыри, за 3 дни, а иконы поимаша, и книгы, и ризы"...

съ мужьями и вели въ плѣнъ, младенцы рыдали; всѣ церкви были пожжены и пограблены; въ своемъ ожесточеніи побѣдители осквернили множество самыхъ дорогихъ для Русскаго сердца святынь. Половцы зажгли было и Печерскій монастырь, но монахамъ удалось потушить пожаръ. «Были въ Кіевѣ, тогда»,—говорилъ лѣтописецъ,—«на всѣхъ людяхъ стонъ и тоска, плачь неутѣшный и скорбь непрестанная». Это было въ 1169 году.

Затѣмъ произошло и другое невиданное до сихъ поръ дѣло. Андрей, признанный всѣми старшимъ княземъ, войска котораго взяли Кіевъ, не пожелалъ сѣсть на его золотомъ столѣ. Онъ перевелъ сюда брата своего Глѣба изъ Переяславля, а самъ остался жить въ далекомъ и мало еще извѣстномъ Владимірѣ на Клязьмѣ.

«Этотъ послѣдній поступокъ Андрея,—говоритъ С. Соловьевъ въ своей извѣстной «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»,—былъ собы-

тіемъ величайшей важности, событіемъ поворотнымъ, съ котораго начинался на Руси новый порядокъ вещей».

Мы видѣли, что Андрей совершенно не искалъ ни Кіева, ни старшинства, но когда это старшинство пришло къ нему естественнымъ порядкомъ и его выбрала вся братія, то, конечно, Андрей, какъ человѣкъ глубоколюбящій свою Родину и притомъ нелицемѣрно вѣрующій въ Бога, не могъ отнестись къ своему новому званію какъ къ пустой обязанности. Онъ сознавалъ, что она возложена на него милостью Божіей и обязываетъ его отнынѣ быть для всѣхъ князей и для всей Земли—Государемъ, въ отцовъ и праотца мѣсто поставленнымъ.

Это сознаніе возлагало на него первымъ дѣломъ, конечно, священный долгъ—поднять значеніе старшаго князя надъ Землею, такъ упавшее во время усобицъ. А для этой цѣли Кіевъ совершенно не былъ пригоденъ какъ столица: слишкомъ близко сидѣли отсюда остальные князья, вѣчно между собой враждовавшіе и искавшіе случая сѣсть самимъ на старшемъ столѣ; слишкомъ своевольна и слишкомъ опытна въ крамолѣ была Кіевская дружина, и слишкомъ распущено и избаловано было Кіевское городское населеніе.

Поэтому-то и понятно, что, послѣ признанія Андрея старшимъ остальными князьями и взятія его войсками Кіева, онъ не переѣхалъ въ это гнѣздо междоусобія и крамолы а, по простой необходимости жить покойно и безопасно, остался во Владимірѣ на Клязьмѣ. Въ Суздальской Землѣ онъ занималъ вполнѣ независимое и могущественное положеніе; здѣсь поблизости не было безпокойныхъ и честолюбивыхъ князей, не было старой родовитой Кіевской дружины и вліятельнаго, но измѣнчиваго Кіевскаго городского вѣча. Самъ Владиміръ на Клязьмѣ былъ по отношенію старыхъ городовъ Залѣсской стороны, Ростова и Суздаля, младшимъ городомъ, пригородомъ, заселеннымъ новымъ, пришлымъ, посадскимъ людомъ, заботами своего князя, которому всецѣло онъ и былъ преданъ.

Но, конечно, это рѣшеніе Андрея должно было имѣть сильнѣйшее вліяніе какъ на дальнѣйшія отношенія князей между собой, такъ и на судьбы Кіева, Суздальскаго края и всей послѣдующей жизни Русской Земли, хотя не всѣ дальнѣйшія дѣйствія Андрея и сопровождались удачей, какъ мы увидимъ ниже.

Одной изъ главнѣйшихъ причинъ къ отправленію Андреемъ на югъ своихъ войскъ для взятія Кіева было, несомнѣнно, его сильное недовольство на Новгородцевъ, которые, послѣ удаленія Святослава Ростиславовича, пригласили себѣ въ князья сына Мстислава Изяславовича—Романа. Поэтому является вполнѣ понятнымъ, что, изгнавъ отца изъ Кіева, Андрей не замедлилъ послать и въ Новгородъ сильное войско, чтобы изгнать оттуда и сына Мстиславова—Романа.

Этотъ походъ состоялся зимой, въ концѣ того же 1169 года, въ которомъ былъ взятъ Кіевъ. Тѣ же князья, которые ходили на Кіевъ, съ тѣми же ратями, которыя безжалостно разгромили древнюю столицу Русской

Земли, пошли и на Новгородъ. «Войску»—по свидѣтельству лѣтописца—«и числа не было».

Огромная рать Андрея, при подходѣ къ Новгороду, страшно опустошила всю страну, творя жестокія насилія жителямъ, а затѣмъ окружила городъ со всѣхъ сторонъ, послѣ чего начались кровопролитные приступы.

Новгородцы, страшась судьбы Кіева, крѣпко заперлись со своимъ юнымъ, но храбрымъ и способнымъ въ воинскомъ дѣлѣ княземъ Романомъ

117. Икона чуда Знаменія Божьей Матери.

Находится въ Марѳо-Маріинской обители Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны въ Москвѣ.

Мстиславовичемъ и посадникомъ Якуномъ, и рѣшили защищаться до послѣдней капли крови. Они съ необыкновеннымъ мужествомъ отбивали безпрерывные и яростные приступы Суздальскихъ войскъ. Но, несмотря на всю храбрость защитниковъ Новгорода, положеніе ихъ было отчаянное, въ виду огромнаго превосходства силъ у нападающихъ.

Какъ говоритъ преданіе, уже въ трехъ храмахъ на трехъ иконахъ плакала Богородица, предвидя бѣду, грозившую Новгороду. Всѣ церкви

были отворены, и въ нихъ постоянно молились старцы, жены и дѣти, пока отцы ихъ отбивались на городскихъ стѣнахъ. Архіепископъ Илья три дня и три ночи стоялъ въ соборѣ Святой Софіи при алтарѣ, ограждая свою паству неустанной молитвой. Въ послѣднюю ночь, когда всѣ знали, что на завтра послѣдуетъ самый кровопролитный приступъ, святитель услышалъ голосъ: «Иди на Ильину улицу, въ церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси ее на верхъ стѣны; она спасетъ Новгородъ».

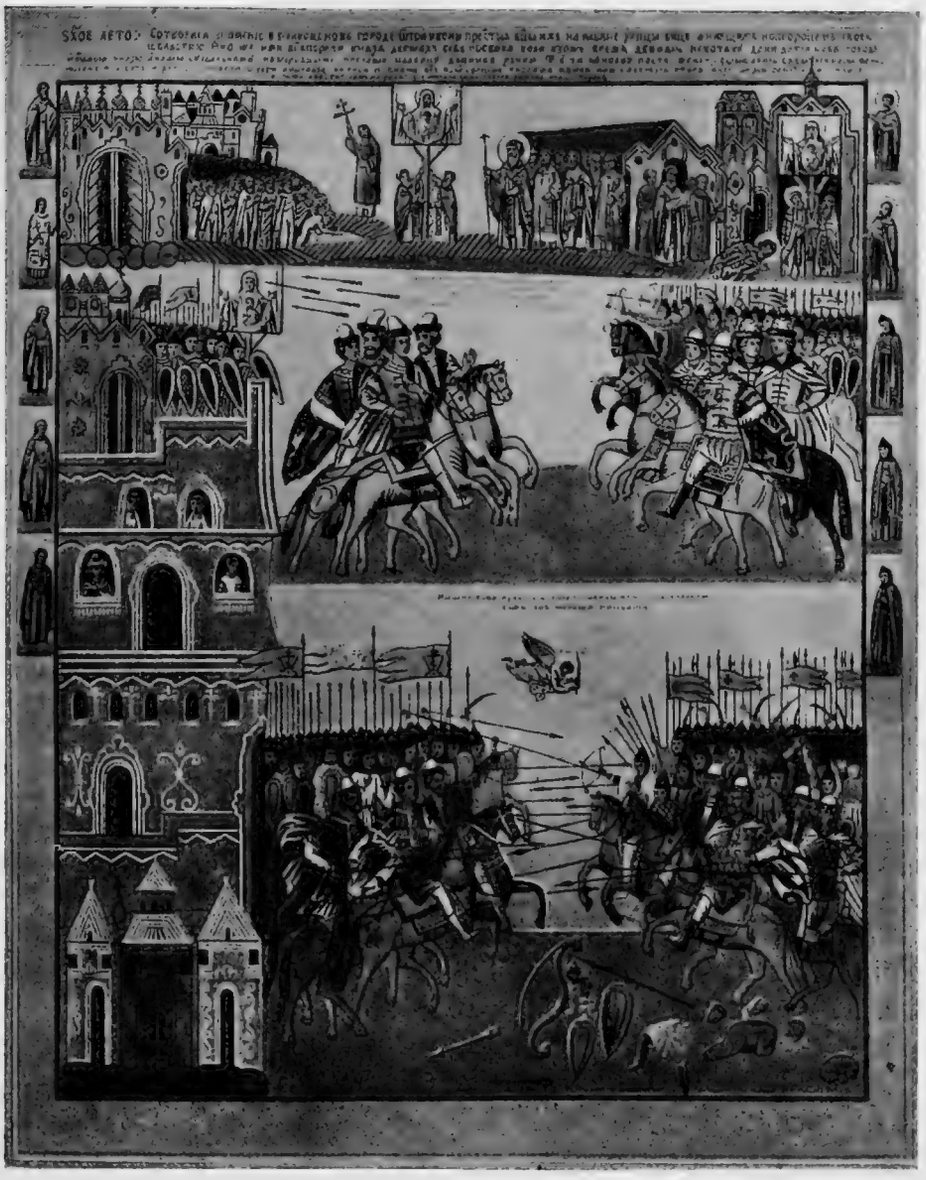
118. Новгородскій архіепископъ Илья возноситъ икону Божьей Матери на городскую стѣну.

Съ древней иконы чуда Знаменья Божьей Матери изъ собранія Н. П. Лихачева.

На другой день Илья съ Новгородцами вознесъ икону на стѣну у загороднаго конца между Добрыниной и Прусской улицами. Туча стрѣлъ посыпалась на святителя и одна изъ нихъ вонзилась въ икону.

Внезапно Божія Матерь отвратила Святой ликъ свой отъ нападающихъ и обратилась къ городу. Слезы падали изъ ея очей, и архіепископъ Илья, принявъ ихъ на свою фелонь, съ умиленіемъ воскликнулъ: «О дивное чудо! Какъ изъ сухого дерева текутъ слезы! Царица! Ты даешь намъ знаменіе, что симъ образомъ ходатайствуешь передъ Сыномъ Твоимъ и Богомъ

нашемъ объ избавленіи города». Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ ужасъ и смятеніе напали на осаждающихъ, и они въ изступленіи стали стрѣлять другъ въ друга. Видя смятеніе у врага, доблестный Романъ Мстиславовичъ сдѣлалъ общую вылазку всѣми силами и безъ труда одержалъ блистательную



119. Древняя икона съ изображеніемъ преславнаго чуда Знаменія Божьей Матери.

побѣду надъ огромными полчищами противниковъ. Новгородцы взяли такъ много плѣнныхъ, что продавали Суздальцевъ по двѣ ногаты (приблизительно по двадцать копѣекъ).

Въ память этого дивнаго заступничества Богородицы за Новгородъ, установленъ праздникъ Знаменія Божьей Матери, который и понынѣ вся Россія празднуетъ 27 ноября.

*

Узнавъ о пораженіи своей рати подъ Новгородомъ, Андрей отнесся къ этому съ большимъ спокойствіемъ; повидимому онъ принялъ это какъ наказаніе Божіе за тѣ страшныя святотатства, которыя позволила себѣ его рать при взятіи Кіева, и въ 1172 году примирился съ Новгородцами, которые изгнали отъ себя Романа Мстиславовича и приняли сына Андреева—Юрія.

Неудача Андрея подъ Новгородомъ отразилась, конечно, и въ Кіевской Руси, гдѣ братья его, Глѣбъ Юрьевичъ, посаженный въ Кіевѣ, и Михалко, сидѣвшій въ Торческѣ, должны были вести сильную борьбу съ Половцами. Мстиславъ Изяславовичъ и не думалъ признавать себя окончательно побѣжденнымъ и дѣятельно готовился къ возвращенію себѣ Кіева. Онъ успѣлъ заручиться помощью брата своего Ярослава Изяславовича, сидѣвшаго въ Луцкѣ, князей Городенскихъ и Туровскихъ, а также и Ярослава Осмомысла Галицкаго и, соединившись съ Черными Клобуками, безпрепятственно вошелъ въ Кіевъ, въ то время

120. „...Прислашася Новгородци къ Андрѣеви къ Гюргевичю, просяще у него сына княжити Новугороду“...

какъ Глѣбъ Юрьевичъ отлучился оттуда въ Переяславль по дѣламъ Половецкимъ.

Вмѣстѣ съ Мстиславомъ Изяславовичемъ въ Кіевъ вошелъ и мачешичъ Владиміръ Мстиславовичъ, успѣвшій уже перебраться на югъ, повидимому, безъ позволенія Андрея Боголюбскаго.

Въ Кіевѣ Мстиславъ урядился со своими союзниками и съ мачешичемъ, давши ему Дорогобужъ, а затѣмъ пошелъ осаждать Вышгородъ, гдѣ сидѣлъ мужественный Давидъ Ростиславовичъ. Здѣсь успѣхи Мстислава Изяславовича остановились. Скоро къ Давиду прибыла помощь отъ Глѣба Юрьевича и отъ братьевъ, а союзники Мстислава стали расходиться по домамъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Мстиславъ отошелъ къ Кіеву, а затѣмъ, видя, что на него идетъ Глѣбъ Юрьевичъ съ Ростиславовичами, поспѣшилъ къ себѣ на Волынь, обѣщая, собравшись съ силами, вернуться опять въ Кіевъ. Однако, Мстиславу Изяславовичу не удалось этого выполнить. Онъ сильно разболѣлся и умеръ въ августѣ 1170 года, успѣвъ взять клятву съ брата своего Ярослава Луцкаго, что тотъ не отниметъ Волынской волости у его дѣтей.

Скоро умеръ и Глѣбъ Юрьевичъ Кіевскій; онъ скончался въ 1171 году, оставивъ по себѣ добрую память какъ о братолюбцѣ и человѣкѣ, свято сохранявшемъ свои клятвы, а также какъ и о безпощадномъ врагѣ Половцевѣ, противъ которыхъ онъ не разъ ходилъ съ большимъ успѣхомъ, какъ одинъ, такъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ храбрымъ Михалкомъ, сидѣвшимъ

121. Глѣбъ Кіевскій посылаетъ брата своего Михалка на Половцевъ ...„Михалко же цѣловавъ брата своего Глѣба, и всю дружину братню и иде по Половцѣхъ"...

въ Торческѣ. Этотъ Михалко особенно прославился тѣмъ, что однажды, посланный братомъ Глѣбомъ противъ Половцевъ съ 90 человѣками дру-

122. Михалко отбиваетъ у Половцевъ полонъ. „...И усрѣтоша Половець идуща съ полономъ, и бившеся одолѣша имъ, самѣхъ избиша, а полонъ свой отъяша"...

жины, разбилъ Половецкій отрядъ въ 900 человѣкъ и отбилъ у него громадный полонъ.

Послѣ смерти Глѣба, трое Ростиславовичей, сидѣвшихъ вокругъ Кіева: Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ, слѣдуя отцовскому примѣру и строго соблюдая старшинство въ родѣ, послали просить принять Кіевъ своего дядю—Владиміра Мстиславовича. Такимъ образомъ, вертлявый мачешичъ, послѣ столькихъ превратностей жизни, сдѣлался напослѣдокъ княземъ Кіевскимъ. Но счастье его было и тутъ непродолжительно. Андрей

Боголюбскій, вѣроятно недовольный имъ, что онъ ушелъ съ сѣвера безъ его вѣдома и вступилъ въ союзъ съ Мстиславомъ Изяславовичемъ, приказалъ ему выйти изъ Кіева.

Смерть избавила мачешича отъ изгнанія; онъ умеръ въ Кіевѣ, пробывши въ немъ только четыре мѣсяца великимъ княземъ. «Много перенесъ онъ бѣдъ,—говоритъ лѣтописецъ,—бѣгалъ отъ Мстислава то въ Галичъ, то въ Венгрію, то въ Рязань, то къ Половцамъ, но все по своей винѣ, потому что неустойчивъ былъ въ крестномъ цѣлованіи».

Вмѣсто мачешича, Андрей приказалъ быть въ Кіевѣ старшему изъ Ростиславовичей, кроткому Роману Смоленскому. Вообще Андрей благоволилъ къ Ростиславовичамъ; воспитанные въ правилахъ своего отца, они чтили старшинство Андрея и до сихъ поръ крѣпко держались за него. «Вы назвали меня отцомъ»—послалъ имъ сказать Андрей,—«такъ я хочу вамъ добра, и даю брату вашему Роману Кіевъ».

123. „... Тое-же зимы посла Андрѣй кнезь Кыеву княжить Романа Ростиславича; и пріяша его съ честью Кыяне"...

Но и Роману недолго пришлось посидѣть въ Кіевѣ; скоро Андрею дали знать, что братъ его Глѣбъ Юрьевичъ умеръ насильственной смертью, и указали на убійцъ, трехъ Кіевскихъ бояръ. Конечно, въ Кіевѣ въ эти времена творились такія дѣла, что Андрей могъ легко повѣрить этому извѣту, и потому онъ потребовалъ у Ростиславовичей выдачи ему виновныхъ бояръ, назвавъ ихъ поименно. Однако, Ростиславовичи, считая, повидимому, эти обвиненія неосновательными, рѣшили не исполнить этого приказанія.

Разумѣется, ихъ ослушаніе было совершенно въ духѣ отношеній, установившихся къ тому времени между князьями, вслѣдствіе развитія усобицъ. Но зато оно было совершенно не въ духѣ тѣхъ понятій, которымъ слѣдовалъ Андрей—памятуя порядки, установленные завѣтами отцовъ, по уставу древней Русской жизни, по которому виновный князь лишался волости, а виновный бояринъ головы. И вотъ Андрей послалъ сказать Роману: «Не ходишь въ моей волѣ съ братьями своими: такъ ступай вонъ изъ Кіева, Давидъ изъ Вышгорода, Мстиславъ изъ Бѣлгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ, и дѣлитесь тамъ какъ хотите».

Послушный Романъ тотчасъ же исполнилъ приказаніе и выѣхалъ въ Смоленскъ, послѣ чего въ Кіевѣ сѣлъ самый младшій братъ Андрея — Всеволодъ; но Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ Ростиславовичи послали сказать Андрею: «Братъ! мы назвали тебя отцомъ себѣ и крестъ цѣловали, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотимъ тебѣ добра, но вотъ теперь брата нашего Романа ты вывелъ изъ Кіева, а намъ путь кажешь изъ Русской Земли безъ нашей вины; такъ пусть разсудитъ насъ Богъ и сила крестная», послѣ чего въѣхали ночью въ Кіевъ и посадили тамъ брата Рюрика.

Получивъ свѣдѣнія о происшедшемъ, Андрей разгнѣвался чрезвычайно. Этому сильно обрадовались Черниговскіе князья, у которыхъ сейчасъ же явилась надежда занять мѣста Ростиславовичей въ Русской Землѣ; они послали сказать Андрею: Кто тебѣ врагъ, тотъ и намъ; мы готовы идти съ тобой». Въ свою очередь Андрей, призвавъ мечника своего Михна, наказалъ ему: «Поѣзжай къ Ростиславовичамъ и скажи имъ: не ходите въ моей волѣ; такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; Давиду скажи: ты ступай въ Берладъ; въ Русской Землѣ не велю тебѣ быть; а Мстиславу молви: ты всему зачинщикъ, не велю тебѣ быть въ Русской Землѣ». Но Мстиславъ Ростиславовичъ, по словамъ лѣтописца, привыкъ никого не бояться, кромѣ Бога. Когда къ нему прибылъ посланецъ Андрея, то онъ приказалъ остричь ему бороду и голову и отослалъ назадъ съ такимъ словомъ: «Ступай къ своему князю и скажи отъ насъ ему: мы до сихъ поръ почитали тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, а какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ!»

Андрей перемѣнился въ лицѣ, когда увидалъ остриженнаго Михна и услышалъ отъ него отвѣтъ Мстислава. Онъ тотчасъ же сталъ собирать огромное войско: изъ Ростовцевъ, Суздальцевъ, Владимірцевъ, Переславцевъ, Бѣлоозерцевъ, Муромцевъ, Новгородцевъ и Рязанцевъ—всего около 50 тысячъ человѣкъ; съ нимъ Андрей послалъ своего сына Юрія и воеводу Бориса Жидиславовича, и далъ такой наказъ: «Рюрика и Давида выгоните изъ моей отчины, а Мстислава схватите и, не дѣлая ему ничего, приведите ко мнѣ». Къ этой огромной рати Андрей приказалъ, кромѣ того, присоединиться князьямъ Полоцкимъ, Туровскимъ, Пинскимъ и Городенскимъ; затѣмъ къ нимъ примкнули князья Черниговскіе, а также младшіе братья Андрея; наконецъ и Романъ Ростиславовичъ Смоленскій, когда рать эта проходила по его землѣ, принужденъ былъ также отпустить свои полки противъ родныхъ братьевъ. Всего князей въ этомъ огромномъ походѣ было больше двадцати.

Но младшіе Ростиславовичи не потеряли головы. Они покинули Кіевъ и отправились въ свои прежнія волости: Рюрикъ затворился въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ въ Вышгородѣ, а самъ Давидъ поѣхалъ въ Галичъ просить помощи у Ярослава Осмомысла.

Старшимъ и лѣтами и племенемъ между союзными князьями въ огромной Андреевой рати оказался сестричичъ Святославъ Всеволодовичъ Черни-

говскій, который и принялъ начальство надъ всѣми войсками. Скоро подъ его руководствомъ началась осада Вышгорода, навсегда прославившая храбраго Мстислава Ростиславовича, геройски защищавшагося противъ нѣсколько разъ сильнѣйшаго врага.

Сперва къ Вышгороду подошли младшіе князья съ братомъ Андреевымъ Всеволодомъ и Игоремъ Святославовичемъ Сѣверскимъ во главѣ. Мстиславъ Ростиславовичъ смѣло выступилъ противъ нихъ въ поле и, сказавъ свой дружинѣ: «Братья! ударимъ съ Божьей помощью и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба»,—смялъ средній полкъ противника. Стало страшное смятеніе: слышались стоны, крики, какіе то странные голоса, раздавался трескъ копій, звукъ мечей, въ густой пыли нельзя было различить ни пѣшаго, ни коннаго; наконецъ, послѣ сильной схватки войска разошлись. Послѣ этого къ Вышгороду подступили всѣ остальные князья

124. Развалины древняго замка въ Луцкѣ.

и каждый день дѣлали приступы. Мстиславъ много потерялъ своихъ добрыхъ воиновъ убитыми и ранеными, но и не думалъ о сдачѣ. Такъ прошло девять недѣль; наступила уже глубокая осень; но вдругъ однажды издали показались знамена. Это шелъ Ярославъ Изяславовичъ Луцкій, братъ покойнаго Мстислава Волынскаго *).

Онъ шелъ искать себѣ Кіева, и видя, что Ольговичи, надѣясь на поддержку Андрея, сами хотятъ его для себя, рѣшилъ принять сторону Ростиславовичей, которые за это отказались отъ Кіева въ его пользу. Неожиданное появленіе Ярослава Луцкаго рѣшило судьбу осады. Въ союзной рати началось смятеніе; говорили, что вслѣдъ за Ярославомъ подойдутъ Галицкіе

*) Смотри Родословную Таблицу.

полки и Черные Клобуки; скоро всѣ бросились переправляться черезъ Днѣпръ, при чемъ множество людей перетонуло.

Конечно, храбрый Мстиславъ Ростиславовичъ не замедлилъ воспользоваться благопріятными для себя обстоятельствами. Онъ смѣло вышелъ изъ Вышгорода, ударилъ на непріятеля и взялъ множество плѣнныхъ. Такимъ образомъ—полная неудача постигла Андрея въ Южной Руси.

Послѣ побѣды, Ростиславовичи сдержали свое слово и дали Ярославу Изяславовичу Луцкому Кіевъ.

Но онъ пробылъ здѣсь очень недолго; скоро его двоюродный братъ, сестричичъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, прислалъ ему напо-

125. Геройская оборона Вышгорода Мстиславомъ Храбрымъ.
Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

мнить про старинный уговоръ, когда-то заключенный между ними: «Вспомни прежній нашъ уговоръ... ты мнѣ говорилъ: если я сяду въ Кіевѣ, то я тебя надѣлю, если же ты сядешь въ Кіевѣ, то ты меня надѣли; теперь ты сѣлъ,—право ли, криво ли,—надѣли же меня». На это Ярославъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ тебѣ наша отчина? тебѣ эта сторона не надобна». Отвѣтъ Ярослава сильно обидѣлъ Святослава Всеволодовича. «Я не Венгерецъ и не Ляхъ»—послалъ онъ сказать,—«мы всѣ одного дѣда внуки, и сколько тебѣ до нихъ (степеней родства), столько же и мнѣ; если не хочешь исполнить стараго договора, то твоя воля».

Скоро затѣмъ Святославъ Всеволодовичъ соединился съ братьями, внезапно появился подъ Кіевомъ и заставилъ Ярослава Изяславовича выйти изъ него, при чемъ захватилъ его жену, сына, имѣнье и дружину. Однако, вслѣдъ за занятіемъ Кіева, Святославъ узналъ, что другой его двоюродный братъ, Олегъ Святославовичъ Сѣверскій, напалъ на его Черниговскую волость, очевидно, съ намѣреніемъ быть здѣсь преемникомъ сестричича.

Тогда Святославъ Всеволодовичъ устремился на него, желая сохранить за собой Черниговъ, такъ какъ, конечно, не надѣялся долго удержаться въ Кіевѣ.

Въ свою очередь, узнавъ, что въ Кіевѣ нѣтъ князя, въ него быстро вернулся Ярославъ Изяславовичъ Луцкій и въ сердцахъ задумалъ, съ цѣлью имѣть возможность выкупить жену и сына, взять съ Кіевлянъ все то, что отнято было у него Святославомъ Всеволодовичемъ. Затѣмъ, онъ скоро помирился съ послѣднимъ, который нуждался въ этомъ мирѣ, чтобы свободнѣе защищать отъ Олега Святославовича Сѣверскаго свою Черниговскую волость.

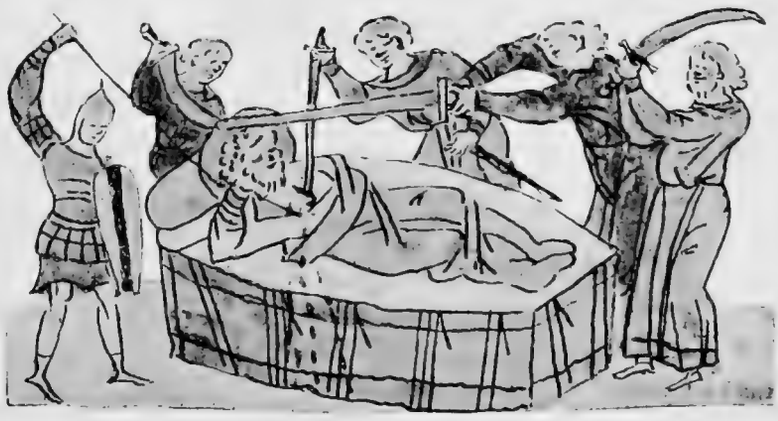
Тѣмъ временемъ Ростиславовичи тоже завязали мирные переговоры съ Андреемъ Боголюбскимъ. Они понимали, что занятіе Кіева Ярославомъ Изяславовичемъ, роднымъ братомъ покойнаго Мстислава Волынскаго, никогда не признававшаго старшинства Андреева, должно было быть послѣднему весьма непріятнымъ, и стали просить Кіева для всегда покорнаго Андрею старшаго брата своего Романа. Андрей пошелъ на эти переговоры и объявилъ Ростиславовичамъ, что дастъ отвѣтъ, когда получитъ вѣсти отъ младшей своей братіи.

Однако, дождаться этихъ вѣстей Андрею не пришлось. Онъ былъ убитъ въ ночь послѣ праздника св. Петра и Павла, 29 іюня 1174 года, у себя въ Боголюбовѣ. По разсказу лѣтописца, это было дѣло рукъ бояръ Кучковичей, родственниковъ его первой жены, дочери казненнаго Юріемъ Долгорукимъ боярина Кучки, первоначальнаго владѣльца Москвы, и второй жены Андрея, Болгарки родомъ, которая не могла ему простить славныхъ побѣдъ надъ своимъ племенемъ.

Поводомъ къ убійству послужило приказаніе Андрея казнить одного изъ Кучковичей, несомнѣнно за тяжкую вину, за которую князья отвѣчали волостью, а бояре—головой.

Всѣхъ заговорщиковъ было двадцать человѣкъ, при чемъ никто изъ нихъ не былъ лично обиженъ княземъ, а многіе, наоборотъ, были имъ облагодѣтельствованы, въ особенности же два инородца—Анбалъ, по происхожденію Ясъ, и Жидъ Ефремъ Мойзичъ. Андрей, какъ, къ сожалѣнію, и многіе князья, охотно приближалъ къ себѣ иностранцевъ, ревностно стараясь обратить ихъ въ Православіе. Ловкіе люди, конечно, пользовались этимъ, чтобы войти къ нему въ довѣріе, и, такимъ образомъ, Анбалъ попалъ къ нему въ ключники, а Мойзичъ былъ также очень близкимъ лицомъ.

Рѣшивъ убить Андрея, заговорщики собрались и говорили: «Нынѣ казнилъ онъ Кучковича, а завтра казнитъ и насъ; такъ промыслимъ объ этомъ князѣ». Кромѣ злобы за казнь Кучковича, ихъ, вѣроятно, побуждала на убійство и зависть къ Андрееву любимцу, какому-то Прокопію.



126. Убіеніе Андрея Боголюбскаго. „....Всовашися въ ложницу вси, сѣкше его саблями и мечи, идоша прочь"...

Выждавъ глубокой ночи, злодѣи отправились въ опочивальню Андрея; однако, тамъ ужасъ напалъ на нихъ; они поспѣшно бѣжали изъ сѣней и бросились въ погребъ, гдѣ, напившись вина, ободрились и пошли опять въ сѣни. Одинъ изъ нихъ сталъ звать князя: «Господинъ, господинъ»,—чтобъ

127 „....Онъ же падъ бѣже подъ сѣни; налѣзше его ту и скончаша"...

узнать, здѣсь ли онъ. Онъ спросилъ: «Кто тамъ?», и услышалъ въ отвѣтъ: «Прокопій». Андрей узналъ по голосу, что это не Прокопій, и хватился своего меча, который принадлежалъ святому Борису при его жизни. Но мечъ этотъ былъ украденъ днемъ изъ спальни Анбаломъ, а между тѣмъ, заговорщики выломали двери и вломились въ опочивальню. Двое злодѣевъ бросились на Андрея, но были отброшены сильнымъ княземъ. Тогда ворвались остальные, ранили въ темнотѣ одного изъ своихъ, поваленнаго Ан-

дреемъ, и затѣмъ бросились на своего князя и начали со всѣхъ сторонъ сѣчь его саблями и мечами и колоть копьями.

Андрей долго отбивался, говоря имъ: «Нечестивцы! зачѣмъ хотите сдѣлать тоже, что Горясѣръ (убійца святого Глѣба). Какое я вамъ сдѣлалъ зло? Если прольете кровь мою, то Богъ отомститъ вамъ за мой хлѣбъ». Наконецъ, онъ умолкъ и свалился. Думая, что онъ скончался, убійцы, дрожа всѣмъ тѣломъ, вышли изъ его покоя. Но Андрей скоро очнулся, поднялся и, громко стоная, пошелъ въ сѣни. Тогда заговорщики возвратились назадъ. Не найдя его въ опочивальнѣ, они сильно испугались, полагая, что онъ куда-либо скрылся. «Погибли мы теперь»,—говорили они,— «станемъ искать его скорѣй», и, зажегши свѣчу, нашли его по кровавому слѣду за склономъ лѣстницы. Тогда Петръ Кучковичъ отсѣкъ ему руку, а другіе нѣсколькими ударами прикончили его.

128. „...И Петръ же ему оття руку десну"...

Послѣ этого, злодѣи убили также и Прокопія и стали грабить и вывозить Андрееву казну. Затѣмъ они одѣлись въ его оружіе и собрали цѣлый полкъ своей дружины, боясь, что придетъ къ отмщенію дружина Владимірская. Собравшись, полкъ этотъ налегъ на грабежъ; «страшно было видѣть»,—говоритъ лѣтописецъ. Слѣдуя примѣру полка, принялись также за грабежъ и княжедворцы и горожане Боголюбова.

Тѣло неотпѣтаго князя, во все время этихъ грабежей, оставалось непогребеннымъ. Въ первый же день убійства, преданный слуга Андрея— Кузьма Кіевлянинъ, видя, что тѣла нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Андрей былъ убитъ, сталъ спрашивать: «Гдѣ господинъ?» Ему отвѣчали: «Вонъ лежитъ выволоченъ въ огородѣ; да ты не смѣй брать его; всѣ хотятъ выбросить его собакамъ; а если кто за него примется, тотъ намъ врагъ, убьемъ и его». Кузьма пошелъ къ тѣлу и началъ плакать надъ нимъ. Увидя Анбала, Кузьма сказалъ ему: «Анбалъ! Вражій сынъ! дай хоть коверъ или что-нибудь подостлать и прикрыть господина нашего». «Ступай прочь»,—отвѣчалъ Анбалъ,— «мы хотимъ бросить его собакамъ». «Ахъ ты еретикъ»,—сказалъ ему на это

Кузьма;—«собакамъ выбросить? Да помнишь ли ты, жидъ, въ какомъ платьѣ пришелъ ты сюда. Теперь ты стоишь въ бархатѣ, а князь нагой лежитъ; но прошу тебя честью, сбрось мнѣ что-нибудь».

Анбалъ усовѣстился и сбросилъ коверъ и княжескій плащъ.

Наконецъ, вѣрному и безстрашному Кузьмѣ, послѣ многихъ усилій, удалось отпѣть своего господина. Послѣ этого, когда волненіе, вызванное заговорщиками, утихло, тѣло Андрея было перенесено во Владиміръ съ честью и плачемъ великимъ. Увидѣвши издали княжескій стягъ, который несли передъ гробомъ, Владимірцы, оставшіеся ждать у Серебряныхъ воротъ, не могли удержаться отъ слезъ. Они встрѣтили и проводили въ могилу во Владимірскій соборъ своего добраго князя съ великимъ плачемъ и воплемъ, которые далеко были слышны по словамъ лѣтописца. Здѣсь, на его похоронахъ, о немъ разсуждали, какъ о невинномъ страстотерпцѣ, получившемъ за свою добродѣтель мученическій вѣнецъ и омывшемъ кровью свои грѣхи, и причислили его къ первымъ князьямъ мученикамъ—Борису и Глѣбу. Народъ понялъ, что Андрей пострадалъ за други своя, былъ погубленъ отъ своихъ же людей, желая имъ же всякаго добра. Впослѣдствіи, церковь причла его къ лику святыхъ, а нетлѣнныя мощи его въ настоящее время открыто почиваютъ въ серебряной ракѣ, въ придѣлѣ его имени во Владимірскомъ соборѣ.

129. Икона Святого благовѣрнаго великаго князя Андрея Боголюбскаго.
Письмо В. Васнецова.

За девять дней до убіенія Андрея, скончался его сынъ Глѣбъ, 20-лѣтній юноша, отличавшійся необыкновенной душевной чистотой. Онъ былъ положенъ въ томъ же Владимірскомъ соборѣ и прославился многими чудесами, совершавшимися у его гроба. Мощи святого Глѣба отличаются до сего времени изумительной живостью: руки юнаго князя свободно поднимаются и гнутся, какъ у живого; всѣ суставы и самая кожа совершенно цѣлы, только послѣдняя нѣсколько пожелтѣла.

Андрей окончилъ свой земной путь 63 лѣтъ отъ роду. По словамъ лѣтописца, онъ былъ не великъ ростомъ, но широкъ въ плечахъ и красивъ лицомъ, съ черными и кудрявыми волосами, высокимъ челомъ и свѣтлыми очами.

Несомнѣнно, онъ могъ бы еще пожить не мало лѣтъ и укрѣпить на Руси, для блага Земли, тѣ взгляды на верховную власть, носителемъ которыхъ онъ былъ. Мы видѣли, что проведеніе имъ этихъ взглядовъ въ жизнь подняло противъ него вольнолюбивыхъ Южно-Русскихъ князей;—избалованные бояре и старые вѣчевые города также не могли быть имъ довольны.

Наконецъ, за то, что онъ, призванный творить правосудіе, каралъ преступленіе, хотя бы оно было совершено и близкимъ ему человѣкомъ, его убили свои же домашніе люди, всѣмъ ему обязанные. Но взглядъ Андрея на сущность верховной власти—быть всѣмъ своимъ подданнымъ въ отца мѣсто, нашелъ горячій откликъ въ средѣ простого народа; люди народа на себѣ испытывали и бѣду и разоренье отъ княжескихъ усобицъ, и засилье и тѣсноту отъ сильныхъ, а потому были преданы всѣмъ сердцемъ своему Государю, Божіею милостью превыше всѣхъ остальныхъ людей поставленному, и строго и нелицемѣрно каравшаго всякаго, кто нарушалъ чужое право и обижалъ слабаго и сираго.

Смерть Андрея дала поводъ къ большой усобицѣ на югѣ, окончившейся тѣмъ, что Ярославъ Изяславовичъ выбылъ обратно изъ Кіева въ свой Луцкъ,

130. „...И сдумавши сами реконша: любо лихо, любо добро всѣмъ намъ, поидемъ вси 4, Гюргевича 2, а Ростиславича 2“..

а въ Кіевъ опять вернулся сестричичъ Святославъ Всеволодовичъ, урядившись съ братьями Ростиславовичами и передавъ Черниговъ Олегу Святославовичу Новгородъ - Сѣверскому, по смерти котораго, случившейся въ скоромъ времени, въ Черниговѣ сѣлъ братъ сестричича Ярославъ Всеволодовичъ, а въ Новгородѣ Сѣверскомъ братъ покойнаго Олега—Игорь Святославовичъ *).

Большая смута произошла по смерти Андрея и во всей Залѣсской сторонѣ. Какъ скоро разнеслась вѣсть объ убіеніи великаго князя, Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы, бояре и вся дружина отъ мала до велика—съѣхались во Владимірѣ на Клязьмѣ, но не затѣмъ, чтобы преслѣдовать убійцъ, а затѣмъ только, чтобы сказать народу: «Такъ уже случилось! Великаго князя Богъ отнялъ! Кого изберемъ на его мѣсто», послѣ чего вся дружина порѣшила призвать на княженье не братьевъ Андрея—Михалка и Всеволода, которымъ присягали еще при ихъ отцѣ, Юріи, а его племянниковъ, сыновей умершаго Ростислава Юрьевича, князей молодыхъ, при которыхъ

*) Смотри Родословную Таблицу.

можно было бы свободнѣе творить свою волю какъ боярамъ, такъ и прочимъ сильнымъ людямъ.

Къ этому рѣшенію склоняли всѣхъ и прибывшіе бояре сосѣдняго князя Рязанскаго—Глѣба, женатаго на сестрѣ упомянутыхъ Ростиславовичей—племянницѣ Андрея Боголюбскаго; Глѣбъ Рязанскій расчитывалъ, конечно, вліять черезъ своихъ шуриновъ на дѣла Суздальской Земли.

Эти племянники—Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславовичи были люди еще очень молодые, не старше 15 лѣтъ, и ничѣмъ не знатные *). Дяди же ихъ, братья Андрея,—Михалко и Всеволодъ, хотя тоже были молоды (младшему Всеволоду было немного больше 20 лѣтъ), но пользовались уже славою храбрыхъ бойцовъ съ Половцами и, между прочимъ, славою князей послушныхъ, исполнявшихъ приказанія старшихъ охотно, безъ лести и крамолы.

131. „Володимерцы же біяхуся съ ними со града... и стояще около града біющеся седмь недѣль"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Всѣ четверо, племянники и дяди, послѣ пораженія Андреевой рати подъ Вышгородомъ Мстиславомъ Ростиславовичемъ Храбрымъ, проживали въ Черниговѣ; когда пришли послы съ сѣвера и сказали Мстиславу и Ярополку: «Вашъ отецъ добръ былъ, когда жилъ у насъ; поѣзжайте къ намъ княжить, а другихъ не хотимъ», подразумѣвая, конечно, подъ другими Михалка, да Всеволода, то молодые Ростиславовичи этимъ посламъ отвѣчали, что вдвоемъ не пойдутъ, а «либо добро, либо лихо всѣмъ намъ, пойдемъ всѣ четверо: Юрьевичей двое, да Ростиславовичей двое»,—послѣ чего они дали Михалку старшинство.

Изъ Чернигова впередъ поѣхало двое—дядя Михалко и племянникъ Ярополкъ. Когда они прибыли въ Москву, то здѣсь ихъ встрѣтили Ростовскіе бояре. Они разсердились, увидѣвъ, что пріѣхалъ и Михалко, и пригласили съ собой ѣхать дальше одного Ярополка, а Михалкѣ сказали: «Подожди немного на Москвѣ», что значило другими словами «воротись назадъ». Ярополкъ прибылъ въ Переяславль Залѣсскій, гдѣ стояла вся дружина, выѣхавшая навстрѣчу князьямъ, а Михалко, не желая ожидать въ Москвѣ, прибылъ во Владиміръ на Клязьму, гдѣ засталъ только однихъ

*) Смотри Родословную Таблицу.

простыхъ людей, такъ какъ вся Владимірская дружина тоже отбыла въ Переяславль, по приказанію Ростовцевъ.

Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ всѣ цѣловали крестъ Ярополку, а затѣмъ отправились во Владиміръ, съ цѣлью изгнать оттуда Михалка; съ дружиной шла вся сила Ростовской и Суздальской Земли, а также полки Муромскіе и Рязанскіе. Казалось бы, что жители Владиміра, простые городскіе люди—ремесленники и торговцы, должны были безъ сопротивленія открыть свои ворота этой грозной рати. Но этого не случилось. Владимірцы заперлись и стали мужественно защищать пріѣхавшаго къ нимъ князя.

Что же заставило Владимірцевъ воспротивиться приговору старшихъ городовъ, взять себѣ особаго князя и самоотверженно отстаивать его противъ сильнаго врага? Конечно, Владимірскіе посадскіе люди поступали такъ потому, что хорошо знали, какъ тяжка зависимость пригорода отъ

132. „...Володимерцы же не терпяче глада, рѣша Михалку: „мирися, а любо, княже, промышляй о собѣ"... и проводиша его Володимерцы съ плачемъ"...

стараго города, какъ велико своеволіе сильныхъ людей этихъ городовъ, и какъ хорошо имъ, Владимірцамъ, жилось, когда въ городѣ у нихъ проживалъ великій князь Андрей, строгій ревнитель правды и заступникъ сираго люда.

Но, разумѣется, Ростовцы и Суздальцы негодовали на сопротивленіе Владимірцевъ. «Пожжемъ Владиміръ, или пошлемъ туда посадника: то наши холопы-каменьщики». Однако, осада продолжалась семь недѣль, и Владимірцы все не сдавались. Наконецъ, вслѣдствіе начавшагося голода они вынуждены были вступить въ переговоры съ осаждающими и съ великимъ плачемъ проводили отъ себя Михалка, отправившагося въ Черниговъ. Проявленная Владимірцами храбрость заставила ихъ противниковъ пойти на уступки: городъ не былъ тронутъ и получилъ не посадника, а князя Ярополка Ростиславовича; старшій же его братъ Мстиславъ сѣлъ въ Ростовѣ. Но скоро юные Ростиславовичи возбудили противъ себя сильное недовольство; они были, конечно, всецѣло подъ вліяніемъ шурина своего—Глѣба

Рязанскаго и приведенныхъ ими дружинъ изъ Южной Руси, люди которыхъ привыкли, во время усобицъ тамъ шедшихъ, къ весьма пренебрежительному отношенію къ жителямъ. Скоро не только села и дома частныхъ людей, но даже храмъ Владимірской Божіей Матери были ограблены; взято золото и серебро, отняты ея города и даже, наконецъ, и сама чудотворная икона—была отправлена въ Рязань, къ шурину—князю Глѣбу.

Владимірцы возмутились; однако, по старой привычкѣ, они сперва обратились съ жалобой къ старшимъ городамъ—Ростову и Суздалю; и только когда встрѣтили въ нихъ явное къ себѣ недоброжелательство, то

133. „.... Приде же вѣсть ко Мстиславу отъ Ярополка: „Михалко есть немощенъ, несутъ его на носилѣхъ, а съ нимъ дружины мало", и азъ по немъ иду емля задъ дружины его; и поиде, брате, въ борзѣ противу ему, ото не внидеть во Володимеръ"...

рѣшили съ жителями другого сосѣдняго города—Переяславля—дѣйствовать собственными силами; они послали сказать въ Черниговъ Михалку, что они зовутъ его къ себѣ и съ помощью Господа и Богородицы надѣются управиться съ Ростовцами и Суздальцами. Храбрый Михалко не замедлилъ откликнуться и выступилъ съ братомъ Всеволодомъ Юрьевичемъ и сыномъ сестричича—княземъ Владиміромъ Святославовичемъ.

Въ пути случилась бѣда. Михалко опасно занемогъ и его несли въ носилкахъ. Этимъ поспѣшили воспользоваться его молодые племянники Ростиславовичи; Ярополкъ хотѣлъ напасть на него сзади, а Мстиславъ, узнавъ, что идетъ больной Михалко, съ малой дружиной выѣхалъ изъ Суздаля и быстро помчался на него «точно на зайцевъ». Однако, больной Михалко, сидя въ носилкахъ, такъ искусно распоряжался боемъ, что безъ

труда наголову разбилъ племянниковъ и торжественно вступилъ во Владиміръ.

Послѣ этой побѣды племянники его бѣжали: Мстиславъ въ Новгородъ, а Ярополкъ въ Рязань но мать и жены ихъ попались Владимірцамъ.

134. Встрѣча Владимірцами Михалка послѣ его побѣды надъ Ростиславичами. „...Выидоша же со кресты противу Михалку и брату его Всеволоду, игумени и попове и вси людье"...

Скоро во Владиміръ явился посолъ и отъ Суздальцевъ съ просьбой о мирѣ. Михалко урядился съ ними и Ростовцами, но самъ остался во Владимірѣ на Клязьмѣ, а брата Всеволода посадилъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Это, конечно, знаменовало полную побѣду младшихъ городовъ, пригородовъ, надъ старшими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество новыхъ взглядовъ

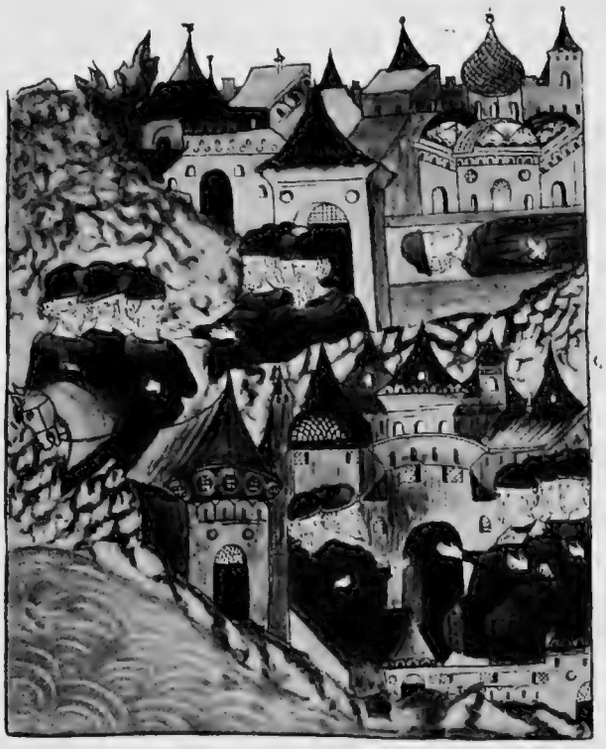
135. „... Въ то-же лѣто иде Михалко на Глѣба къ Рязаню... и усрѣтоша ѝ посли Глѣбови, рекуще: „Глѣбъ ся кланяетъ, азъ во всемъ виноватъ"...

на княжескую власть, которая въ младшихъ городахъ не была ограничена своевольнымъ вѣчемъ.

Немедленно возвратя, по вступленіи въ городъ Владиміръ, всѣ города и дани соборной церкви, Михалко собрался затѣмъ на князя Рязанскаго, во власти котораго была святая икона. Но Глѣбъ Рязанскій, узнавъ про это, сейчасъ же послалъ сказать Михалку: «Князь Глѣбъ тебѣ кланяется и говоритъ: я во всемъ виноватъ и теперь возвращаю все, что взялъ у шурьевъ

своихъ, Ростиславовичей, все до послѣдняго золотника»—и дѣйствительно возвратилъ все. Послѣ этого, Михалко, уладившись съ нимъ, казнилъ убійцъ Андрея Боголюбскаго и вскорѣ потомъ умеръ. Это было въ 1174 году.

Конечно, послѣ его смерти въ Залѣсской Землѣ поднялась опять смута. Ростовцы немедленно вызвали изъ Новгорода своего бывшаго князя молодого Мстислава Ростиславовича, и онъ пошелъ съ ними ко Владиміру. Но здѣсь былъ уже свой князь. Сейчасъ же послѣ смерти Михалка, Владимірцы вышли передъ Золотыя ворота и, помня старую присягу свою Юрію Долгорукому, цѣловали крестъ Всеволоду Юрьевичу и *дѣтямъ его*,ославъ въ Переславль просить его на княженіе. Это цѣлованіе креста дѣтямъ Всеволода весьма замѣчательно. Значитъ, Владимірцы, все больше люди пришлые изъ Кіевской Руси, потерпѣвшіе отъ княжескихъ усобицъ, весьма глубоко уже проникнулись сознаніемъ, что порядокъ занятія столовъ старшимъ въ цѣломъ родѣ ведетъ только къ смутамъ и усобицамъ, и что лишь прочное установленіе престолонаслѣдія отъ отца къ его же дѣтямъ можетъ обезпечивать миръ и спокойствіе въ Землѣ.



136. По преставленіи же великаго князя Михаила Юрьевича Володимерцы послаша во градъ Переяславль, иже на Клещинѣ озерѣ, по брата Михаилова по князя Всеволода Юрьевича, внука Владимера Манамаха, рекуща: „Господина нашего великаго князя Михаила Юрьевича Богъ поялъ; поиди убо княжити по брате своемъ на великое княженіе въ Володимерь".

Изъ такъ называемой Лебедевской рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Узнавъ о прибытіи Мстислава Ростиславовича изъ Новгорода, Всеволодъ, человѣкъ миролюбиваго нрава, предложилъ племяннику остаться въ Ростовѣ съ тѣмъ, чтобы тотъ согласился на сидѣніе Всеволода во Владимірѣ; относительно же Суздальцевъ—предоставить выборъ имъ самимъ. Но Ростовцы не могли забыть недавняго униженія, полученнаго отъ младшаго города. Они объявили Мстиславу: «Если ты хочешь мириться, то мы не хотимъ», и потребовали, чтобы онъ послалъ Всеволоду отказъ. Узнавъ про это, Переяславцы примкнули къ Владимірцамъ, и вслѣдъ затѣмъ у города Юрьева, за рѣкою Кзою, произошла битва, гдѣ Всеволодъ нанесъ полное пораженіе своему племяннику Мстиславу Ростиславовичу. Тотъ бѣжалъ тогда опять въ Новгородъ; но Новгородцы уже не хотѣли его,

*

обидѣвшись, что онъ покинулъ ихъ, «ударилъ Новгородъ пятой», и указали ему путь изъ города.

Тогда Мстиславъ отправился къ шурину своему Глѣбу Рязанскому и сталъ уговаривать его идти войной на дядю Всеволода. Глѣбъ согласился, въ ту же осень пришелъ къ Москвѣ и пожегъ весь городъ. Всеволодъ Юрьевичъ, собравъ свои силы и получивъ въ помощь отъ сестричича двухъ его сыновей, направился къ Коломнѣ, но узналъ въ пути, что Глѣбъ Рязанскій съ Половцами пошелъ другой дорогой ко Владиміру, разграбилъ соборную церковь, пожегъ другіе храмы и отдалъ городъ на щитъ поганымъ.

137. Бой на рѣкѣ Колокшѣ. „... Князь же Всеволодъ... пусти возы на ту сторону рѣкы, идѣже Глѣбъ стояше; Глѣбъ-же наряди полкъ со Мстиславомъ Ростиславовичемъ на возы... Всеволодъ же погна въ слѣдъ ихъ со всей дружиною, овы сѣкуще, овы вяжуще. И ту самого Глѣба яша рукама и сына его Романа и шюрина его Мстислава Ростиславовича"...

Тогда Всеволодъ вернулся въ свою волость и встрѣтилъ Глѣба на рѣкѣ Колокшѣ; они цѣлый мѣсяцъ стояли другъ противъ друга по обѣ стороны рѣки, но, наконецъ, завязался бой, и Всеволодъ побѣдилъ опять, при чемъ попались въ плѣнъ Глѣбъ Рязанскій съ сыномъ Романомъ и шуриномъ своимъ Мстиславомъ Ростиславовичемъ.

Радость Владимірцевъ послѣ этой побѣды Всеволода была неописанная, но вмѣстѣ съ тѣмъ—велико было и негодованіе противъ Глѣба и Мстислава, недавно отдавшихъ городъ на разграбленіе Половцамъ. И вотъ Владимірцы настойчиво стали требовать казни или ослѣпленія виновныхъ. Всеволодъ, однако, наотрѣзъ отказалъ въ этомъ и велѣлъ только посадить плѣнниковъ въ тюрьму; затѣмъ, онъ послалъ къ Рязанцамъ требованіе выдать ему другого племянника, Ярополка Ростиславовича, котораго онъ тоже заключилъ въ тюрьму.

Скоро въ судьбу Глѣба Рязанскаго вмѣшался знаменитый защитникъ Вышгорода—Мстиславъ Ростиславовичъ Храбрый, женатый на его дочери; онъ просилъ черезъ сидѣвшаго въ Кіевѣ сестричича Святослава Всеволодовича о смягченіи участи Глѣба; сестричичъ, дочь котораго была за сыномъ Глѣбовымъ—Олегомъ, предлагалъ, чтобы Глѣбъ, получивъ свободу, отказался отъ Рязани и ѣхалъ на житье въ Южную Русь. Но Глѣбъ на это не согласился, говоря: «Не пойду въ Русь на изгнаніе, а лучше умру въ тюрьмѣ», гдѣ, дѣйствительно, и умеръ во время переговоровъ, затянувшихся на два года. Послѣ Глѣбовой смерти, Рязань досталась его сыну Роману, выпущенному изъ тюрьмы, на условіи полной покорности Всеволоду Юрьевичу.

Дѣло же съ молодыми Ростиславовичами окончилось такъ: Владимірцы опять возстали противъ нихъ. Множество народа опять пришло съ оружіемъ въ рукахъ и стали кричать: «Чего ихъ держать! Хотимъ слѣпить ихъ»... Всеволодъ очень противился этому рѣшенію, очень печалился, но остановить раздраженной толпы не могъ. Люди разметали порубъ, схватили Мстислава и Ярополка и ослѣпили ихъ. Слѣпцы, съ гніющими очами, поведены были затѣмъ въ Русь, но дойдя до Смоленска, въ Смядынской церкви Бориса и Глѣба, 5 сентября, въ праздникъ убіенія Глѣба, чудесно прозрѣли, послѣ чего нашли себѣ пріютъ въ Новгородѣ.

Скоро Всеволодъ вывелъ изъ своей волости и другого племянника, сына Андрея Боголюбскаго—Юрія, также сидѣвшаго одно время въ Новгородѣ; этотъ безпокойный человѣкъ принужденъ былъ искать счастія въ Грузіи, но не ужился и тамъ и кончилъ жизнь неизвѣстно гдѣ.

Поступокъ Владимірцевъ съ племянниками Ростиславовичами лучше всего показываетъ, что за народъ были эти Владимірцы: они во всѣхъ случаяхъ старались уничтожить въ самомъ корнѣ причины и поводы княжескихъ крамолъ и усобицъ, упразднить въ зародышѣ всякое соперничество между князьями. Разъ избравши себѣ князя, по своей мысли вполнѣ достойнаго, они уже сами обороняли его отъ всякихъ соперниковъ, на которыхъ смотрѣли уже какъ на лютыхъ своихъ враговъ, и со злобою и ненавистью выпроваживали ихъ изъ своей Земли. Такимъ образомъ, единовластіе Андрея Боголюбскаго, а потомъ и брата его Всеволода Юрьевича, происходило не изъ личныхъ стремленій этихъ князей, а служило только отвѣтомъ на требованіе самой Земли.

Миръ и тишина возстановились въ Суздальской Землѣ, какъ окончилась смута, и держались уже во все время великаго княженія Всеволода, продолжавшагося тридцать семь лѣтъ.

Переяславскій лѣтописецъ называетъ Всеволода миродержцемъ, то-есть держателемъ мира и тишины. Онъ, при возможности, охотно склонялся на миръ, «благосердый и не хотяй кровопролитія». Однако, при этомъ онъ отнюдь не вѣровалъ въ пословицу, что «худой миръ лучше доброй брани»; напротивъ онъ вѣрилъ въ другое Русское присловье, что «славная брань лучше худого мира», и что «люди, живя со лживымъ миромъ, вели-

кую пакость Землѣ творятъ». Поэтому, онъ не оканчивалъ никакой ссоры безъ надлежащаго возмездія виновнымъ, никогда не прощалъ земской обиды и, всегда милуя добрыхъ, казнилъ злыхъ, «не тунѣ нося мечъ, ему Богомъ данный».

Ставши великимъ княземъ Суздальскимъ, онъ всѣ свои силы напрягалъ къ тому, чтобы устроить свою Землю и править ею какъ отецъ и господинъ. Онъ вникалъ во всѣ нужды своихъ подданныхъ, самъ лично творилъ судъ и, по старинному обычаю, постоянно ѣздилъ въ полюдье, внимательно изучая на мѣстахъ всѣ условія земской жизни и всегда отыскивая для своихъ дѣйствій точку опоры въ здравомъ разсудкѣ самого народа. У него въ самомъ Владимірѣ имѣли большой голосъ не только бояре, но и купцы и всѣ люди.

Благодаря этому, князь и подданные составляли какъ бы одно цѣлое въ своихъ взглядахъ и стремленіяхъ и представляли, конечно, весьма внушительную силу, хотя Всеволодъ вовсе и не думалъ искать власти надъ всею Русскою Землею. Его слава утвердилась, главнымъ образомъ, на добромъ общемъ мнѣніи о его княжескомъ достоинствѣ.

Укрѣпивъ свое положеніе въ Суздальской Землѣ послѣ изгнанія племянниковъ и очутившись, едва переступивъ двадцатипятилѣтній возрастъ, старшимъ въ родѣ Мономаховичей, за смертью брата Михалка, Всеволодъ неизмѣнно продолжалъ относиться съ полнымъ почтеніемъ къ убѣленному сѣдинами сестричичу Святославу Всеволодовичу, сидѣвшему теперь въ Кіевѣ; онъ всегда помнилъ, что послѣдній былъ ему благодѣтелемъ, оказывая посильную помощь въ трудное время борьбы съ племянниками, и до смерти сестричича иначе, какъ «отецъ мой и братъ мой», не называлъ его. Однако, какъ добрый князь Суздальской Земли, Божіею милостью поставленный надъ нею, Всеволодъ, несмотря на всю свою личную благодарность и уваженіе къ старому Кіевскому князю, отнюдь не считалъ себя въ правѣ поступаться, въ виду этого, пользой и выгодами своихъ подданныхъ, и смѣло обнажалъ мечъ свой, когда, какъ мы увидимъ, находилъ, что дѣятельность Святослава Всеволодовича направлялась въ ущербъ Суздальской Земли.

Не почитая себя до конца своей жизни великимъ княземъ всея Руси, такъ какъ Русь въ тѣ времена была уже раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ Земель съ весьма малой связью между ними, и оставаясь всегда лишь великимъ княземъ Суздальскимъ, Всеволодъ, даже когда сталъ старшимъ во всемъ княжескомъ родѣ, принималъ, обыкновенно, участіе въ жизни другихъ Русскихъ Земель лишь постольку, поскольку онѣ касались его родной Земли; тѣмъ не менѣе, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и вѣрности своихъ Суздальцевъ, онъ скоро пріобрѣлъ вліяніе на всѣ главнѣйшія событія жизни Руси—вплоть до ея отдаленныхъ уголковъ.

При этомъ широкую славу составило, конечно, Всеволоду и его истинно Русское гостепріимство, которое онъ оказывалъ всѣмъ несчастнымъ изгнанникамъ; а ихъ было немало въ тѣ безпокойныя времена. Наконецъ, все-

общее же уваженіе должны были внушать и его семейныя добродѣтели. Господь благословилъ его большимъ потомствомъ, за что впослѣдствіи онъ былъ прозванъ Большимъ Гнѣздомъ, а супруга его, уроженка Кавказа, Ясыня Марія, навсегда оставила по себѣ самую свѣтлую память за горячую любовь къ ближнимъ, за христіанское смиреніе, съ которымъ она переносила тяжелый недугъ, сведшій ее въ могилу, и, наконецъ, за трогательное наставленіе дѣтямъ, которое она имъ дала передъ своей кончиной.

Конечно, утвердившись въ Суздальской Землѣ, Всеволодъ долженъ былъ прежде всего обратить свое вниманіе на ближайшихъ сосѣдей—Новгородъ и Рязань. Съ этими Земляли подданные его имѣли постоянныя сложныя отношенія и здѣсь же находили себѣ пріютъ всѣ враги Суздальскаго княжества.

Какъ мы видѣли, Новгородцы приняли у себя прозрѣвшихъ слѣпцовъ—Мстислава и Ярополка Ростиславовичей; старшій изъ нихъ Мсти-

138. Взятіе Торжка. „...Дружина же Всеволожа начаша князю жаловатися: „Мы не цѣловатъ ихъ пріѣхали, они, княже, Богови лжютъ и тобѣ". И се рекша, удариша въ конѣ и взяша городъ, мужи повезоша, а жены и дѣти на щитѣ и товаръ взяша"...

славъ былъ женатъ на дочери славнаго Якуна, бывшаго посадникомъ во время чудеснаго отраженія Суздальской рати, посланной Андреемъ Боголюбскимъ; но Мстиславъ по прибытіи въ Новгородъ, вскорѣ умеръ, брата же его Ярополка Новгородцы продолжали держать.

Разумѣется, Всеволодъ не могъ быть этимъ доволенъ; онъ велѣлъ захватить въ своей волости всѣхъ Новгородскихъ купцовъ, а затѣмъ двинулся къ Торжку. Видя грозное войско подъ своими стѣнами, жители Торжка испугались и послали сказать, что будутъ платить Суздальскому князю дань. Миролюбивый Всеволодъ вступилъ, было, съ ними въ переговоры, но дружина его, оскорбленная постояннымъ нарушеніемъ клятвъ со стороны Новгородцевъ, стала побуждать его къ приступу, говоря: «Мы не цѣловаться съ ними пріѣхали; они, князь, Богу лгутъ и тебѣ», затѣмъ ударила по конямъ и взяла городъ противъ воли князя. Послѣ этого, Всеволодъ взялъ также Волокъ Ламскій и затѣмъ, довольный удачнымъ походомъ, удалился домой, такъ какъ Новгородцы успѣли тѣмъ временемъ

изгнать племянника его Ярополка Ростиславовича и призвали сына покойнаго великаго князя Кіевскаго Ростислава—Романа, сидѣвшаго въ Смоленскѣ, съ которымъ Всеволодъ не имѣлъ поводовъ къ враждѣ.

Не имѣлъ онъ также поводовъ къ враждѣ и со слѣдующимъ княземъ, котораго призвали Новгородцы, проводя кроткаго и богобоязненнаго Романа съ великой честью изъ своего города и призвавъ ему на смѣну его родного брата Мстислава *Храбраго*, славнаго своей геройской обороной Вышгорода противъ огромной рати Андрея Боголюбскаго; Мстиславъ, конечно, болѣе подходилъ Новгородцамъ, чѣмъ его миролюбивый братъ.

Однако, онъ сильно колебался и не хотѣлъ идти въ Новгородъ, и его уговорила только дружина, говоря: «Если зовутъ тебя съ честью, то ступай; развѣ тамъ не наша же отчизна?» Весь Новгородъ и духовенство вышли встрѣчать храбраго князя. Къ сожалѣнію, онъ просидѣлъ въ Новгородѣ очень недолго и скончался менѣе чѣмъ черезъ годъ. За это время онъ успѣлъ жестоко наказать Эстонцевъ, дерзнувшихъ осаждать Псковъ, и собирался предпринять большой походъ на Литву, но умеръ, сраженный внезапной болѣзнью. Онъ скончался на рукахъ горячо любившей его жены и дружины, въ полномъ сознаніи. Простившись со всѣми и со слезами на глазахъ сдѣлавъ распоряженіе о семьѣ, Мстиславъ промолвилъ: «А обо мнѣ какъ Богъ промыслитъ», поднялъ руки къ небу, вздохнулъ, прослезился опять— и умеръ. Горесть Новгородцевъ была неподдѣльна, и они похоронили его въ той же гробницѣ, гдѣ лежалъ первый умершій у нихъ князь святой Владиміръ, сынъ Ярослава Мудраго, у Святой Софіи.

«Душа Мстислава»,—говорилъ лѣтописецъ,—«была всегда полна великими дѣлами». Онъ соединялъ съ необыкновеннымъ мужествомъ и замѣчательную добродѣтель; былъ ко всѣмъ щедръ и милостивъ и непрестанно заботился о сооруженіи церквей и призрѣніи сираго люда; никогда не собиралъ ни серебра, ни золота, а все раздавалъ. Когда видѣлъ Православныхъ, уводимыхъ въ плѣнъ погаными, то говорилъ дружинѣ, кидаясь въ бой: «Братья! не сомнѣвайтесь: если теперь умремъ за христіанъ, то очистимся отъ грѣховъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашу въ мученическую; если Богъ подастъ милость Свою, то слава Богу, а если придется умереть, то все равно: надобно же когда-нибудь умирать». Дружина его боготворила и беззавѣтно шла за своимъ княземъ на самыя смѣлыя дѣла. Не было уголка на Руси, гдѣ бы его не хотѣли и не любили. «Сильно горевали братья, услышавши о его смерти, плакала по немъ вся Русская Земля, не могли забыть доблести его и Черные Клобуки; всѣ не могли забыть его «приголубленія» говоритъ лѣтописецъ. Память его мѣстно чтится 14 Іюня.

Послѣ смерти Мстислава Храбраго, Новгородцы рѣшили взять себѣ княжить Владиміра, сына сестричича Святослава Всеволодовича. Этотъ Владиміръ незадолго передъ этимъ гостилъ у Всеволода въ Суздальской Землѣ и женился на его племянницѣ, дочери покойнаго Михалка. Конечно, противъ его выбора Новгородцами Всеволодъ также ничего не могъ имѣть.

Вскорѣ, однако, положеніе дѣлъ рѣзко перемѣнилось. Причиной этому были дѣла Рязанскія. Какъ мы видѣли, Романъ Глѣбовичъ Рязанскій клятвенно обѣщалъ ходить по всей волѣ Всеволода, послѣ того, какъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ скончался его отецъ. Но Романъ этотъ былъ женатъ на дочери сестричича—великаго князя Святослава Всеволодовича Кіевскаго, который считалъ себя поэтому въ правѣ тоже вмѣшиваться въ Рязанскія дѣла, никакъ не расчитавая, что молодой и почтительный Суздальскій князь, столь ему обязанный, посмѣетъ этому противодѣйствовать. Но и умудренный жизненнымъ опытомъ сестричичъ на этотъ разъ жестоко ошибся. Всеволодъ, какъ только узналъ о его несомнѣнномъ вліяніи на Рязань въ ущербъ Суздальской Землѣ, немедленно же выступилъ въ походъ и, заставъ въ Коломнѣ сына сестричича—Глѣба, высланнаго отцомъ на помощь Роману Рязанскому, приказалъ его схватить и въ оковахъ отправилъ во Владиміръ на Клязьмѣ.

Узнавъ о плѣненіи сына, Святославъ Всеволодовичъ распалился гнѣвомъ и сказалъ: «Отомстилъ бы я Всеволоду, да нельзя; подлѣ меня Ростиславовичи (Давидъ и Рюрикъ);—эти мнѣ во всемъ дѣлаютъ досады въ Русской Землѣ; ну, да мнѣ все равно: кто ко мнѣ изъ Владимірова племени ближе, тотъ и мой». Онъ охотился въ это время по лѣвому берегу Днѣпра; а противъ него, на лодкахъ по самому Днѣпру, охотился Давидъ Ростиславовичъ. Отуманенный гнѣвомъ, Святославъ Всеволодовичъ рѣшилъ сейчасъ же напасть на Давида Ростиславовича, что и сдѣлалъ. Однако, Давидъ Ростиславовичъ успѣлъ уйти, хотя и былъ осыпанъ стрѣлами, неожиданно полетѣвшими на него съ лѣвой стороны Днѣпра.

Послѣ этого поступка, совершеннаго подъ вліяніемъ гнѣва, Святославъ Всеволодовичъ рѣшилъ, что ему вернуться въ Кіевъ нельзя, и поѣхалъ къ себѣ въ Черниговъ, гдѣ созвалъ родню и объявилъ о случившемся. «Батюшка! лучше была бы тишина»,—отвѣчалъ ему двоюродный братъ, Игорь Святославовичъ Сѣверскій,—«но если уже такъ случилось, то далъ бы только Богъ тебѣ здоровья».

Послѣ этого сестричичъ собралъ всѣ свои силы и съ приглашенными Половцами выступилъ противъ Суздальскаго князя. Они встрѣтились въ сорока верстахъ отъ Переяславля Залѣсскаго—у рѣки Влены. Тутъ Всеволодъ проявилъ въ полной мѣрѣ свой глубокій умъ.

Сестричичъ немедленно желалъ вступить въ сраженіе, расчитывая на пылкость своихъ Южныхъ полковъ и большую ихъ опытность въ открытомъ бою, въ виду постояннаго участія въ усобицахъ. Всеволодъ, съ своей стороны, тоже принялъ во вниманіе эти качества Святославова войска, а также и малую опытность своихъ Суздальскихъ полковъ противъ Южныхъ въ бою на открытомъ полѣ; зато онъ зналъ, что его люди будутъ непобѣдимы за закрытіями. Кромѣ того, онъ, конечно, сообразилъ, что надо дѣлать именно не то, чего хочетъ противникъ, а потому выбралъ для своего войска весьма искусное расположеніе, прикрытое крутыми берегами Влены,

и, несмотря на всѣ просьбы своей дружины, не выходилъ для боя со Святославомъ Всеволодовичемъ.

Это, конечно, отнюдь не входило въ расчеты сестричича. Послѣ двухъ недѣль ожиданія, онъ послалъ сказать Всеволоду: «Братъ и сынъ! Много я тебѣ добра сдѣлалъ и не чаялъ получить отъ тебя такой благодарности; если же ты уже задумалъ на меня зло, захватилъ сына моего, то не далеко тебѣ меня искать: отступи подальше отъ этой рѣчки, дай мнѣ дорогу, чтобы мнѣ можно было къ тебѣ переѣхать, и тогда насъ Богъ разсудитъ; если же ты мнѣ не хочешь дать дороги, то я тебѣ дамъ, переѣзжай ты на эту сторону, и пусть насъ Богъ разсудитъ». Но Всеволодъ на это не далъ никакого отвѣта, даже пословъ отправилъ во Владиміръ, и скоро Святославъ Всеволодовичъ, боясь оттепели, долженъ былъ отойти, бросивъ свои обозы, которыми и овладѣли полки Всеволодовы.

Непріязненныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ продолжались послѣ этого еще довольно продолжительное время. Святославъ Всеволодовичъ направился въ Новгородъ къ сыну Владиміру. Рюрикъ же Ростиславовичъ сѣлъ на его мѣсто въ Кіевѣ и сталъ собирать всѣхъ Волынскихъ князей противъ сестричича; онъ послалъ за помощью и къ Ярославу Галицкому; наконецъ, отправилъ брата Давида въ Смоленскъ просить помощи у брата Романа. Но послѣдняго Давидъ не засталъ уже въ живыхъ; Романъ умеръ, горько оплакиваемый Смольнянами за свой необыкновенно кроткій нравъ, и столъ его занялъ самъ прибывшій Давидъ, который долженъ былъ сейчасъ же выступить на защиту своей Смоленской волости, такъ какъ на нее шли Черниговскіе князья, ведя съ собой Половцевъ; при этомъ къ Давиду примкнула часть Полоцкихъ князей; другая же ихъ часть приняла сторону Ольговичей и привела съ собой Литовцевъ и Ливовъ; такимъ образомъ, эти Сѣверные варвары очутились въ одномъ станѣ съ Южными—Половцами, пришедшими съ Черниговскими князьями.

Обѣ противныя стороны сблизились другъ съ другомъ у Друтска; скоро къ Ольговичамъ прибылъ и сестричичъ изъ Новгорода. Тогда они рѣшили вступить въ бой съ Давидомъ. Но послѣдній отошелъ къ Смоленску. Святославъ же Всеволодовичъ, не преслѣдуя его, направился къ Кіеву. Услышавъ о его приближеніи, Рюрикъ Ростиславовичъ неожиданно напалъ на Половцевъ, бывшихъ съ сестричичемъ, разбилъ ихъ и затѣмъ заключилъ съ послѣднимъ выгодный миръ: онъ уступилъ Святославу Всеволодовичу Кіевъ, а себѣ бралъ всю Русскую Землю, то-есть, всѣ остальные города Кіевской области.

Тѣмъ временемъ, на сѣверо-востокѣ, Всеволодъ Юрьевичъ успѣлъ опять взять, послѣ пятинедѣльной осады, Торжокъ, гдѣ сидѣлъ теперь младшій изъ прозрѣвшихъ слѣпцовъ—Ярополкъ Ростиславовичъ. Видя это, Новгородцы рѣшили указать путь сыну сестричича—Владиміру, и просили мира и князя изъ рукъ Суздальскаго князя; Всеволодъ на это немедленно согласился и прислалъ своего двоюроднаго племянника—Ярослава Владиміровича, сына извѣстнаго намъ мачешича.

Такимъ образомъ, торжество Всеволода было полное. Послѣ этого, онъ не замедлилъ отпустить съ честью сына сестричича Глѣба Святославовича къ отцу и возобновить съ послѣднимъ старую дружбу.

Этотъ общій миръ, заключенный въ 1182 году, былъ скрѣпленъ двумя браками: младшій сынъ сестричича женился на свояченицѣ Всеволода—Ясской княжнѣ, а другой сынъ, только что вернувшійся изъ плѣна Глѣбъ—на дочери Рюрика Ростиславовича.

Блистательно выйдя, благодаря своей твердости и мудрости, изъ описаннаго междоусобія, Всеволодъ, по примѣру брата своего Андрея Боголюбскаго, не замѣдлилъ предпринять походъ противъ Волжскихъ или Серебряныхъ Болгаръ, въ слѣдующемъ же 1183 году.

Въ походѣ этомъ приняли участіе нѣсколько молодыхъ князей, и въ томъ числѣ юный племянникъ Всеволода, Изяславъ, сынъ покойнаго Глѣба Юрьевича Переяславльскаго, славнаго своимъ благородствомъ и мужественными дѣйствіями противъ Половцевъ. Войска наши плыли на ладьяхъ по Волгѣ до устья Цывили, а затѣмъ шли пѣшими. По пути они встрѣтили огромное количество Половецкой конницы, которая также шла на Болгаръ. Половцы, увидя Русскихъ, присоединились къ нимъ, и скоро общими силами осадили великій городъ Серебряныхъ Болгаръ.

Юный Изяславъ Глѣбовичъ не хотѣлъ ждать общаго приступа и одинъ со своей дружиной ударилъ на Болгарскую пѣхоту, но былъ смертельно раненъ стрѣлой въ сердце и умеръ на рукахъ у дяди, нѣжно его любившаго. Послѣ этого, Всеволодъ отправился съ тѣломъ племянника въ Владиміръ, давъ легкій миръ Болгарамъ, несмотря на то, что войска наши имѣли нѣсколько значительныхъ успѣховъ.

Благодаря наступившему общему миру на Руси, и сестричичъ Святославъ Всеволодовичъ задумалъ на югѣ, по примѣру Владиміра Мономаха, большой походъ противъ Половцевъ, которые не переставали наносить сильнѣйшій вредъ нашему пограничному населенію. Среди Половцевъ въ это время особенной славой пользовался свирѣпый ханъ Кончакъ, надолго оставившій по себѣ недобрую память; онъ съ большой ненавистью относился къ Русскимъ младенцамъ и въ каждый свой набѣгъ избивалъ ихъ великое множество.

Лѣтомъ 1184 года собрались въ походъ противъ Половцевъ девять Южно-Русскихъ князей, имѣя во главѣ престарѣлаго сестричича и Рюрика Ростиславовича. Они пять дней искали варваровъ за Днѣпромъ и, наконецъ, на шестые сутки тѣ появились въ огромномъ количествѣ. Въ нашемъ передовомъ отрядѣ шелъ молодой герой Владиміръ Глѣбовичъ Переяславльскій, братъ погибшаго въ предыдущемъ году у Серебряныхъ Болгаръ Изяслава.

Половцы, увидя Владиміра Глѣбовича заранѣе объявили его, а также и остальныхъ нашихъ князей, своими плѣнниками. Однако, несмотря на громадное превосходство противника, юный Владиміръ съ такой стремительностью бросился на него, что Половцы бѣжали въ степи. Русскіе скоро

ихъ настигли на берегу рѣки Ерели и взяли 7.000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ хана Кобяка и 417 князьковъ.

Въ слѣдующемъ 1185 году пошелъ, говоритъ лѣтописецъ, окаянный, безбожный и треклятый Кончакъ со множествомъ Половцевъ на Русь; нашелъ онъ одного бусурмана, который стрѣлялъ живымъ огнемъ; были у Половцевъ также луки тугіе самострѣльные, которые едва могли натянуть 50 человѣкъ.

Однако, и на этотъ разъ великій князь Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславовичъ съ младшими князьями—неожиданно напали на Кончака и обратили его въ бѣгство; былъ взятъ въ плѣнъ и тотъ бусурманъ, что стрѣлялъ живымъ огнемъ; хитреца привели къ сестричичу со всѣмъ снарядомъ его.

Эта удача, конечно, придала еще больше славы князьямъ, которые ходили противъ Половцевъ, и вызвала въ Южной Руси живѣйшее ликованіе.

Ликованіе это, однако, очень скоро смѣнилось общею горестью, вслѣдствіе печальнаго конца похода, предпринятаго нѣсколькими Русскими князьями, не участвовавшими въ только что описанныхъ удачныхъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Во главѣ этихъ князей стоялъ Игорь, князь Сѣверскій, сынъ Святослава Ольговича, знаменитаго своею братской любовью.

Этотъ Игорь Сѣверскій, женатый на дочери Ярослава Осмомысла, былъ доблестнымъ витяземъ, уже перешедшимъ за тридцатилѣтній возрастъ; онъ нѣсколько разъ успѣшно самостоятельно ходилъ на Половцевъ и сильно печалился, что домашнія дѣла помѣшали ему принять участіе въ послѣднихъ походахъ; печаль эту раздѣлялъ и братъ его, князь Трубчевскій, буй-туръ Всеволодъ, прозванный такъ за свою отмѣнную храбрость. И вотъ братья рѣшили сами предпринять походъ на Половцевъ.

23 апрѣля того же 1185 года, Игорь сѣлъ на коня въ Новгородѣ Сѣверскомъ, приказавъ присоединиться къ себѣ по пути брату Всеволоду изъ Трубчевска, юному сыну своему Владиміру изъ Путивля и племяннику Святославу Ольговичу изъ Рыльска, и кромѣ того выпросилъ у Черниговскаго князя Ярослава Всеволодовича боярина Олстина Олексича съ пограничнымъ варварскимъ народцемъ—Коуями.

Этотъ походъ изображенъ во всѣхъ подробностяхъ въ замѣчательномъ произведеніи, «Словѣ о полку Игоревѣ», дошедшемъ до насъ съ тѣхъ временъ. Неизвѣстный создатель этого «Слова» съ такой необыкновенной живостью описываетъ всѣхъ участниковъ похода, ихъ думы, надежды, предчувствія, неудачи и горести, что читатель совершенно переносится въ ихъ среду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ «Словѣ» необыкновенно картинно описывается природа нашихъ южныхъ степей и дается замѣчательно точное и мѣткое опредѣленіе главныхъ участниковъ событій Русской жизни тѣхъ временъ. Въ виду поразительной красоты «Слова о полку Игоревѣ»—

нѣсколькими нашими писателями сдѣланы были удачныя переложенія его стихами съ древне-Русскаго языка на нашъ современный *).

Когда Игорь, поджидая подхода остальныхъ князей, приблизился къ Донцу, то случилось солнечное затменіе.

«Словно тьмой полки его прикрыты!
И воззрѣлъ на свѣтлое онъ солнце—
Видитъ: солнце, что двурогій мѣсяцъ,
А въ рогахъ былъ словно угль горящій;
Въ темномъ небѣ звѣзды просіяли;
У людей въ глазахъ позеленѣло.
«Не добра ждать» говорятъ въ дружинѣ.
Старики поникли головами.
«Быть убитымъ намъ или плѣненнымъ!»
Князь же Игорь: «Братья и дружина,
«Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену.
«Но кому пророчится погибель,
«Кто узнаетъ—намъ или поганымъ?
«А посядемъ на коней на борзыхъ,
«Да хоть позримъ синяго-то Дону!»
Не послушалъ знаменья онъ солнца,
Распалясь взглянуть на Донъ великій.
«Преломить копье свое» онъ крикнулъ,
«Вмѣстѣ съ вами Русичи, хочу я
На концѣ невѣдомаго поля!
Хоть за то-бъ и голову сложить,
А испить шеломомъ Дону—любо!»

Сказавши это, Игорь переправился черезъ Донецъ, и два дня поджидалъ брата Всеволода.

«За Сулой рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенитъ во Кіевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги красные въ Путивлѣ...
Поджидаетъ Игорь мила брата;
А пришелъ и Всеволодъ, и молвитъ:
«Игорь братъ, единъ ты свѣтъ мой свѣтлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты сѣдлай коней своихъ ретивыхъ,
А мои осѣдланы ужъ въ Курскѣ!
А мои Куряне-ль не смышлены!
Повиты подъ бранною трубою,
Повзросли подъ шлемомъ и кольчугой,
Со конца копья они вскормлены!

*) Меемъ, Майковымъ, Козловымъ, Гербелемъ.

Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
Луки туги, тулы *) отворены,
Остры сабли крѣпко отточены;
Сами скачутъ, словно волки въ полѣ,
Алчутъ чести, а для князя славы!»

Затѣмъ князья двинулись въ путь и встрѣтили Половцевъ на берегу одной рѣчки. Поганые собрались отъ мала до велика. Русскіе выстроили свои полки и бросились на Половцевъ. Послѣ жестокой сѣчи враги побѣжали.

«А въ пятокъ то было, съ позаранья,
Потоптали храбрые поганыхъ,
По полю разсыпавшись что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали Половецкихъ,
Аксамиту, паволокъ и злата,
А орницъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,
Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдалъ Игорь,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ...

Три дня стояли здѣсь Русскіе полки и веселились, говоря: «Прежде наши съ великимъ княземъ Святославомъ ходили на Половцевъ и бились съ ними, озираясь на Переяславль; а мы теперь въ самой землѣ Половецкой; теперь пойдемъ за Донъ и до конца истребимъ ихъ; а затѣмъ пойдемъ въ Лукоморье, куда и дѣды наши не хаживали, и возьмемъ до конца свою славу и честь». Но скоро отрядъ нашихъ храбрецовъ сталъ со всѣхъ сторонъ окружаться Половцами.

«А ужъ Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ,
И Кончакъ за Гзакомъ имъ навстрѣчу...
И въ другой день, полосой кровавой
Повѣщаетъ день кровавый зори...
Идутъ тучи черныя отъ моря...
Синія въ нихъ молніи трепещутъ,
Быть то грому, дождичку пролиться...
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы Половчанъ поганыхъ!
А ужъ въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила!..
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыль уже знамена блещутъ...
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ:
И отъ Дона, и отъ синя моря

*) Тулы—колчаны, хранилища для стрѣлъ.

Обступаютъ нашихъ отовсюду!
Отовсюду бѣсовы исчадья
Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ;
Молча, Русь, отпоръ кругомъ готовя
Подняла щиты свои багряны».

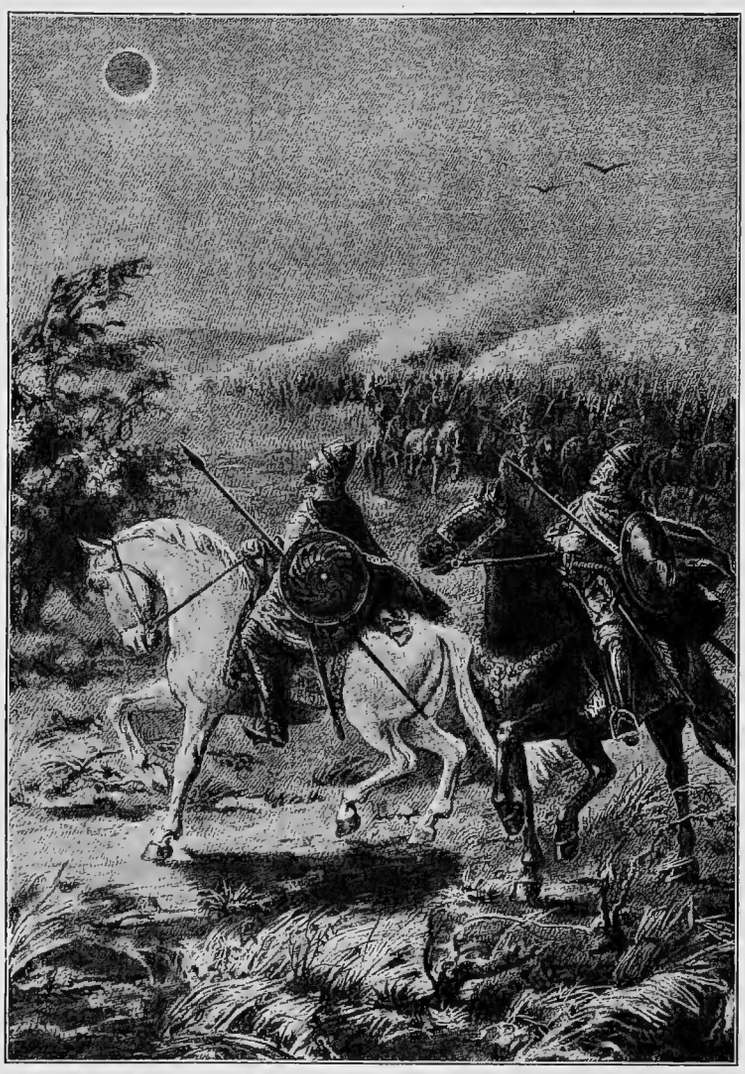
Въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ благородные князья наши рѣшили: «Если побѣжимъ, то сами спасемся, но черныхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ грѣхъ передъ Богомъ, что ихъ выдали; уже лучше умремъ ли, живы ли будемъ, всѣ на одномъ мѣстѣ».

Порѣшивши на этомъ, князья вступили въ битву, хотя уже всѣ изнемогали отъ безводья.

«Ярый туръ ты, Всеволодъ, стоишь ты
Впереди съ Курянами своими!
Прыщешь стрѣлами на вражьи вои,
О шеломы ихъ гремишь мечами.
Гдѣ ты, буй-туръ, не поскачешь въ битвѣ,
Золотымъ посвѣчивая шлемомъ,
Тамъ валятся головы поганыхъ,
Тамъ трещатъ аварскіе шеломы
Вкругъ тебя отъ сабель молодецкихъ!
Не считаетъ ранъ ужъ онъ на тѣлѣ!
Да ему о ранахъ ли тутъ помнить,
Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
Отчій столъ, честны пиры княжіе
И своей красавицы княгини,
Той ли свѣтлой Глѣбовны, утѣхи,
Милый ликъ и ласковый обычай!..
Были брани храбраго Олега...
Но такой, какъ Игорева битва,
На Руси не видано отъ вѣка!
Отъ зари до вечера день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломятся булатны,
Середи невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой степи!
. . . . . Третій день ужъ бьются!
Третій день къ полудню ужъ подходитъ:
Тутъ и стяги Игоревы пали,
Стяги пали, тутъ и оба брата
На Каялѣ *) быстрой разлучились,
Не веселый часъ, насталъ, о братья!»

*) Каяла—рѣчка.

Игорь еще въ началѣ битвы былъ раненъ въ руку Увидѣвъ, что побѣжали Коуи, онъ поскакалъ къ нимъ, чтобы удержать бѣглецовъ, но былъ тутъ же захваченъ въ плѣнъ; скоро его глазамъ представилось страшное зрѣлище: его братъ Всеволодъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами и, отбиваясь отъ нихъ, изнемогалъ въ неравной борьбѣ. Тогда Игорь



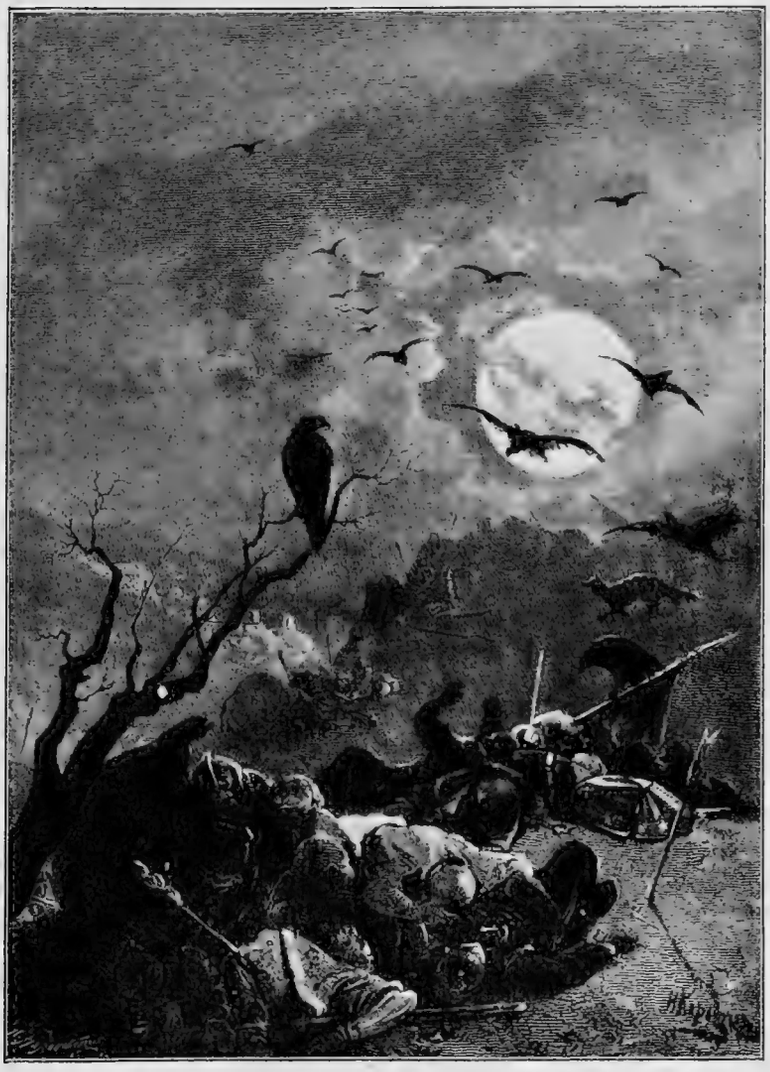
139. Слово о полку Игоревѣ. Вѣщее затменіе.
Рисунокъ Н. Каразина.

сталъ просить себѣ смерти, только чтобы не видѣть гибели брата; но Всеволодъ не погибъ, а былъ также взятъ въ плѣнъ. Побѣда Половцевъ, со всѣхъ сторонъ кольцомъ охватившихъ Русскихъ, была полная: нашихъ ушло домой человѣкъ пятнадцать.

Извѣстіе объ этомъ неслыханномъ погромѣ произвело на Руси потрясающее впечатлѣніе.

Получивъ его, старый сестричичъ зарыдалъ и сталъ со всѣхъ сторонъ сзывать помощь.

«Князь великій Всеволодъ! не мыслію
Перенестьси тебѣ издали,
Поберечь отцовскій золотой престолъ.



140. Слово о полку Игоревѣ. Послѣ побоища.
Рисунокъ Н. Каразина.

Можешь ты разбрызгать Волгу веслами,
Можешь вылить Донъ шеломами...
Вы, Давидъ, и буйный Рюрикъ, князь!
Ваши шлемы золоченые
По рѣкѣ кровавой плавали,
И рычатъ дружины ваши храбрые,

Словно туры пораженные,
Каленòю саблей, на полѣ невѣдомомъ.
Вы вступите во золотъ стремень
За обиду Земли Русскія,
И за раны князя Игоря Святославича.
Ярославъ князь, Осмомысломъ вѣщимъ прозванный!
Высоко сидишь ты въ Галичѣ
На престолѣ златокованномъ!
Подперъ горы ты Карпатскія,
Что своими ли дружинами желѣзными,
И, Дунаю затворивъ врата,
Королю загородилъ ты путь,

141. Сестричичъ, получивъ извѣстіе о плѣненіи князей Половцами, собирается идти имъ на помощь. „...А князь Свитославъ посла по сыны своѣ и по всѣ князи, и собраша къ нему къ Кыеву, и выступиша къ Каневу"...

Черезъ облако громадами кидаючи,
На Дунай суда снаряжаючи...
Такъ стрѣляй же по Кончаку нечестивому,
За свою ли Землю Русскую
И за раны князя Игоря Святославича!
Вы, Романъ *) съ Мстиславомъ, буйные,
Васъ манитъ на поле молодечество...
Есть у васъ броня желѣзная
Подъ шеломами Латинскими!..»

Князья стали собираться, но медленно, а, между тѣмъ, Половцы, ободренные неожиданнымъ успѣхомъ, быстро двинулись на Русскую Землю.

Кончакъ направился на Кіевскую сторону, а Гзакъ на Черниговскую, гдѣ остались одни жены и дѣти. Скоро Кончакъ подошелъ къ Пе-

*) Волынскій.

реяславлю, въ которомъ сидѣлъ знакомый намъ молодой герой Владиміръ Глѣбовичъ; онъ неустрашимо вышелъ изъ города и ударилъ на Половцевъ съ небольшой дружиной, но былъ окруженъ множествомъ враговъ и тяжело раненъ тремя копьями; его, однако, выручили остальные люди

142. Ярославна.

Рисунокъ В. Швартца. Изъ собранія Е. Г. Швартца.

дружины и онъ гордо вернулся въ Переяславль, утеревъ мужественный потъ свой за отчизну. Затѣмъ Половцы взяли городъ Римъ, или нынѣшніе Ромны, и, произведя на обоихъ берегахъ Днѣпра большія опустошенія, успѣли вернуться домой безнаказанно. А между тѣмъ, несчастные князья наши продолжали жить въ плѣну, къ большому горю ихъ семей.

Вотъ какъ говоритъ «Слово» о тоскѣ по мужу Игоревой жены:

То не кукушка въ рощѣ темной
Кукуетъ рано на зарѣ—

*

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Одна на городской стѣнѣ:
«Я покину боръ сосновый
Вдоль Дуная полечу
И въ Каяль-рѣкѣ бобровой
Я рукавъ мой омочу;
Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипитъ кровавый бой;
Князю я омою рану,
На груди его младой!»
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
«Вѣтеръ, вѣтеръ, о могучій,
Буйный вѣтеръ, что шумишь?
Что ты въ небѣ черны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими стрѣлами
На родимые полки!»
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
«Въ облакахъ ли тѣсно вѣять
Съ горъ крутыхъ чужой земли?
Если хочешь ты лелѣять
Въ синемъ морѣ корабли;
Что же страхомъ ты усѣялъ
Нашу долю? Для чего,
По ковыль-травѣ развѣялъ
Радость серца моего?»
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
«Днѣпръ мой славный! ты волнами
Скалы Половцевъ пробилъ;
Святославъ съ богатырями
По тебѣ свой бѣгъ стремилъ;
Не волнуй же, Днѣпръ широкій,
Быстрый токъ студеныхъ водъ,
Ими князь мой черноокій
Въ Русь Святую поплыветъ».
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
«О рѣка! отдай мнѣ друга,
На волнахъ его лелѣй,

Чтобы грустная подруга
Обняла его скорѣй;
Чтобы больше не видала
Вѣщихъ ужасовъ во снѣ;
Чтобы слезъ къ нему не слала
Синимъ моремъ на зарѣ».
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
«Солнце, солнце, ты сіяешь
Всѣмъ прекрасно и свѣтло!
Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки съ тетивами
Изсушила въ ихъ рукахъ,
И печаль колчанъ съ стрѣлами
Заложила на плечахъ».
И тихо въ теремъ Ярославна
Уходитъ съ городской стѣны.

Однако, Ярославна горевала очень не долго. Случай далъ возможность Игорю бѣжать изъ Половецкаго плѣна. Половцы, цѣня его блистательную отвагу, обращались съ нимъ почтительно: онъ имѣлъ своихъ слугъ и могъ ѣздить на охоту; только стража въ двадцать человѣкъ была при немъ неотлучно.

Одинъ изъ Половцевъ, по имени Лаворъ, привязался къ нему всей душой и предложилъ бѣжать вмѣстѣ въ Русь. Игорь сперва воспротивился: «Я для славы не бѣжалъ во время боя отъ дружины, и теперь безславнымъ путемъ не пойду». Но находившійся съ нимъ въ плѣну его тысяцкій и конюшій уговорили своего князя на этотъ шагъ. И вотъ, однажды, на закатѣ солнца, когда Половецкая стража упивалась кумысомъ, Игорь, поклонившись образу Спасителя, говоря: «Господи сердцевѣдче, спаси меня недостойнаго», надѣлъ на себя крестъ и икону, тихонько поднялъ полу своего шатра, вылѣзъ на свободу, и незамѣтно пробрался на берегъ рѣки, гдѣ его ждалъ вѣрный Лаворъ, послѣ чего благополучно достигъ своего дома.

Черезъ два года вернулся также храбрый братъ его буй-туръ Всеволодъ и юный сынъ Владиміръ; послѣдній—съ молодой женой; за время своего плѣна онъ успѣлъ влюбиться въ ханскую дочь и жениться на ней.

Такъ окончился знаменитый походъ Игоря. Но враждебныя столкновенія съ Половцами продолжались попрежнему и, при возможности—князья ходили въ степь ихъ наказывать. Въ 1187 году, по возвращеніи изъ одного такого похода, разболѣлся и умеръ, всѣми горько оплакиваемый, Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, такъ прославившійся своею доблестью, несмотря на молодые годы. Вскорѣ достойнымъ преемникомъ его славы

выступилъ совсѣмъ юный сынъ Рюрика—Ростиславъ *). Едва имѣя отъ роду пятнадцать лѣтъ, Ростиславъ сдѣлался вѣрнымъ стражемъ Кіевской Земли и истинной грозой пограничныхъ хищниковъ.

Въ томъ же 1187 году скончался Ярославъ Осмомыслъ Галицкій. Смерть его имѣла весьма важныя слѣдствія. Княжество Галицкое, приведенное долголѣтнимъ и мудрымъ правленіемъ Ярослава въ блестящее состояніе, занимало самую западную окраину Русской Земли, простираясь большею своею частью вдоль теченій рѣкъ Днѣстра, Серета и Прута.

143. Бѣгство Игоря Святославовича изъ Половецкаго плѣна.

Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

Этотъ богатый и благословенный по природѣ край непосредственно граничилъ одной своей стороной съ Венгріей, а другой—съ Польшей, и въ немъ, въ значительной степени, отражалось вліяніе тѣхъ порядковъ, которые были въ этихъ двухъ государствахъ. Порядки же въ Польшѣ и Венгріи были совершенно одинаковы съ порядками, имѣвшими мѣсто въ тѣ времена во всѣхъ другихъ западныхъ государствахъ Европы, гдѣ власть королей была значительно ограничена высшимъ рыцарскимъ сословіемъ.

Также и въ Галичѣ—на ряду съ княземъ было весьма сильное и своевольное боярство, которое иногда заставляло даже такого выдающагося человѣка какъ Ярослава—подчиняться своей волѣ. Это, между прочимъ, сказалось и на его семейныхъ дѣлахъ. Онъ плохо жилъ со своей женой Ольгой, дочерью Юрія Долгорукаго, отъ которой имѣлъ сына Владиміра и дочь, жену Игоря Сѣверскаго, знакомую намъ Ярославну. Отославъ Ольгу Юрьевну отъ себя, Ярославъ женился на какой-то Настасьѣ, отъ которой имѣлъ сына Олега.

Но этотъ бракъ не понравился боярамъ. Тогда они сожгли несчастную Настасью на кострѣ и заставили Ярослава вернуть къ себѣ Ольгу Юрьевну.

Не любя ее и зная, что его сынъ отъ нея—Владиміръ, человѣкъ праздный и легкомысленный, неспособенъ къ правленію, Ярославъ Осмомыслъ,

*) Смотри Родословную Таблицу.

чувствуя приближеніе смерти, собралъ всѣхъ своихъ бояръ и въ присутствіи духовенства заставилъ ихъ присягнуть своему младшему сыну—Олегу Настасьичу, которому приказалъ свой Галицкій столъ; Владиміру же завѣщалъ только городъ Перемышль. Послѣ этого, онъ покаялся въ своихъ грѣхахъ, роздалъ нищимъ огромныя богатства и скончался, искренно оплакиваемый народомъ, какъ мудрый, славный, богобоязненный и честный князь.

Но, разумѣется, бояре послѣ смерти Ярослава и не думали исполнить его волю, а тотчасъ же изгнали Олега Настасьича и посадили на его мѣсто Владиміра. Этотъ послѣдній, очутившись Галицкимъ княземъ, далъ полную волю своимъ порочнымъ и буйнымъ наклонностямъ: онъ бросилъ свою жену и женился на какой-то попадьѣ, отъ которой прижилъ двухъ дѣтей. Скоро Галицкіе бояре убѣдились, что покойный Осмосмыслъ былъ правъ, и съ Владиміромъ имъ будетъ жить трудно, тѣмъ болѣе, что онъ отличался большимъ самовластіемъ.

Въ это время въ сосѣдней съ Галичемъ Землѣ,—на Владиміръ-Волынскомъ столѣ, сидѣлъ замѣчательный князь. Это былъ Романъ Мстиславовичъ *), сынъ храбраго Мстислава Изяславовича, сидѣвшаго на Кіевскомъ столѣ, когда войска Андрея Боголюбскаго взяли Кіевъ на щитъ. Свое дѣтство Романъ провелъ при дворѣ Польскаго князя Казиміра, такъ какъ мать его была сестрой этого Казиміра; несомнѣнно, онъ получилъ здѣсь самое широкое образованіе и рано познакомился со всѣми сложными порядками и отношеніями, царившими какъ въ Русской Землѣ, такъ и въ Польшѣ и въ Венгріи. Затѣмъ, мы видѣли молодого Романа въ Новгородѣ, когда имъ, при помощи чудеснаго заступничества Божіей Матери, была блистательно отражена отъ города грозная рать Андрея Боголюбскаго. Занявъ, по удаленіи изъ Новгорода, Владиміръ-Волынскій столъ, который былъ его вотчиной, Романъ скоро пріобрѣлъ огромную славу своими необычайными дарованіями. «Онъ бросался на враговъ какъ левъ»,—говоритъ лѣтописецъ;—«пролеталъ по ихъ землѣ какъ орелъ; гнѣвенъ былъ какъ рысь; губителенъ какъ крокодилъ; храбръ же какъ туръ».

Будучи женатымъ на дочери Рюрика Ростиславовича, Романъ имѣлъ отъ нея дочь, которую выдалъ за сына легкомысленнаго Владиміра, вокняжившагося въ Галичѣ. Видя, что противъ Владиміра въ Галичѣ растетъ неудовольствіе, предпріимчивый Романъ рѣшилъ воспользоваться обстоятельствами; для этого онъ вошелъ въ соглашеніе съ частью вліятельныхъ Галицкихъ бояръ и сталъ ихъ подговаривать помочь ему сѣсть на мѣсто Владиміра. Не надѣясь на удачу открытаго общаго возстанія противъ своего князя, ловкіе друзья Романа придумали другое средство освободиться отъ Владиміра. «Князь! мы на тебя не встали»,—послали они сказать ему,—«но не хотимъ кланяться попадьѣ, хотимъ ее убить; а ты гдѣ хочешь, тамъ и возьми жену». Говоря это, они расчитывали, что Владиміръ скорѣй уйдетъ

*) Смотри Родословную Таблицу.

изъ Галича, чѣмъ разстанется съ женой, и не ошиблись. Опасаясь, чтобы любимую имъ женщину не постигла участь сожженой Настасьи, Владиміръ, собравъ много золота, ушелъ со своей попадьей и дружиной въ Венгрію.

Романъ же вошелъ въ Галичъ, отдавъ городъ Владиміръ-Волынскій брату своему Всеволоду Мстиславовичу *).

Между тѣмъ, Владиміръ, прибывъ въ Венгрію, обратился за помощью къ королю Белѣ Третьему, и тотъ скоро подошелъ со своими полками къ Галичу. Тогда Романъ, не имѣя средствъ ему сопротивляться, долженъ былъ уйти назадъ къ себѣ на Волынь. Но, къ удивленію Владиміра, король Бела послѣ этого не вернулъ ему Галицкаго стола, а нашелъ самымъ выгоднымъ отдать эти города своему сыну Андрею; Владиміръ же былъ приведенъ назадъ въ Венгрію, гдѣ у него было отобрано все имѣніе, а самъ онъ посаженъ въ башню.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы упрочить положеніе своего сына Андрея въ Галичѣ, Бела оставилъ ему значительный отрядъ войскъ, уведя съ собой заложниками сыновей и братьевъ лучшихъ бояръ.

Галичане были, разумѣется, недовольны, что ими завладѣлъ чужеземный князь. Часть изъ нихъ стала просить Романа Мстиславовича вернуться; но онъ не могъ этого пока сдѣлать, такъ какъ не находилъ достаточно сильной помощи. Рюрикъ Ростиславовичъ съ великимъ княземъ Кіевскимъ Святославомъ Всеволодовичемъ хотѣли было также идти добывать Галичъ отъ чужеземца, но они вернулись съ пути, не урядившись о распредѣленіи волостей.

При такихъ обстоятельствахъ, Галичане рѣшили обратиться къ сыну покойнаго Ивана Берладника—Ростиславу, проживавшему въ Смоленскѣ; они увѣрили его, что, какъ только онъ появится, всѣ сейчасъ же передадутся на его сторону и прогонятъ Венгровъ. Ростиславъ повѣрилъ этому и съ небольшой дружиной быстро отправился въ путь. Однако, когда онъ подошелъ къ Галичу, то только нѣсколько бояръ перешло на его сторону; изъ города же вышло много Галичанъ и Венгровъ и выстроились противъ его малочисленныхъ сторонниковъ. Видя это, дружина сказала Ростиславу: «Видишь, они тебя обманули, пойдемъ прочь!» Но Ростиславъ отвѣчалъ имъ: «Нѣтъ братья; вы знаете, на чемъ они мнѣ цѣловали крестъ. Мнѣ уже наскучило скитаться по чужой землѣ. Хочу голову положить на своей отчизнѣ». Съ этими словами онъ бросился въ середину Венгерскихъ и Галицкихъ полковъ. Конечно, онъ былъ тотчасъ же сбитъ съ лошади и полумертвый отъ ранъ перенесенъ въ Галичъ.

Здѣсь среди простого народа поднялось смятеніе; многіе хотѣли собраться, чтобы самимъ принять изъ рукъ чужеземцевъ своего природнаго князя. Тогда Венгры нашли средство быстро покончить дѣло; они приложили яду къ ранамъ Ростислава, и желаніе несчастнаго сына несчастнаго Берладника исполнилось: онъ легъ на отчизнѣ, подлѣ предковъ своихъ.

---

*) Смотри Родословную Таблицу.

Убѣдившись, что Галичане хотятъ Русскаго князя, Венгры стали имъ жестоко мстить; они отнимали у нихъ женъ и дочерей, ставили лошадей по церквамъ и всячески надругивались надъ Православной вѣрой. Скоро всѣ стали вспоминать о полоненномъ Венграми сынѣ Ярослава Осмомысла—Владимірѣ и вотъ, въ 1190 году, пронесся слухъ, что онъ спасся изъ неволи. Это оказалось правдой.

Изрѣзавъ на куски полотно шатра, который былъ поставленъ на верху его башни, Владиміръ благополучно спустился съ нея и при посредствѣ двухъ подкупленныхъ сторожей бѣжалъ въ Германію, къ императору Фридриху Барбароссѣ, знаменитому своими крестовыми походами въ Святую землю и борьбою со славнымъ Саладиномъ, героемъ мусульманскаго востока. Узнавъ отъ Владиміра, что онъ родной племянникъ по матери великаго князя Всеволода Суздальскаго, съ которымъ у Барбароссы были добрыя отношенія, послѣдній обѣщалъ ему свою помощь за двѣ тысячи гривенъ серебра ежегодно, и, дѣйствительно, отправилъ приказаніе Польскому князю Казиміру, бывшему у Германскаго императора въ зависимости, помочь Владиміру. Казиміръ послушался, далъ ему войска, и скоро Галичане изгнали Венгровъ и съ радостью вышли на встрѣчу своему «дѣдичу», котораго провозгласили княземъ. Сѣвши въ Галичѣ, чтобы обезпечить свое положеніе отъ дальнѣйшихъ притязаній на него какъ иноземцевъ, такъ и Южно-Русскихъ князей, Владиміръ тотчасъ же отдался подъ сильную руку своего дяди Всеволода Юрьевича Суздальскаго, уже пріютившаго его мать, Ольгу Юрьевну. «Отецъ и господинъ мой!»—послалъ сказать ему Владиміръ,—«удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ твоей волѣ всегда». Снисходя на эту просьбу, Всеволодъ Юрьевичъ отправилъ пословъ ко всѣмъ Русскимъ князьямъ и въ Польшу и взялъ отъ нихъ присягу, не искать Галича подъ племянникомъ.

144. Лѣпное изображеніе XII вѣка Фридриха Барбароссы съ женою, на входныхъ дверяхъ собора въ Фрейзингѣ.

Послѣ этого Владиміръ могъ спокойно сидѣть до самой смерти на своемъ столѣ.

Во время описываемыхъ событій, жизнь въ гостепріимномъ домѣ великаго князя Всеволода Суздальскаго текла своимъ обычнымъ для древне-Русскихъ князей порядкомъ, на началахъ самаго широкаго гостепріимства.

Послѣ того, какъ сыновьямъ Всеволода исполнялось три года, съ особеннымъ торжествомъ справляли ихъ постриги, или посвященіе въ мужи: приглашали епископа и духовенство, звались знатнѣйшіе бояре и горожане; по прочтеніи молитвы, маленькому князю отрѣзали прядь волосъ, а затѣмъ его сажали на коня и передавали изъ рукъ мамушекъ и нянекъ на руки дружины и дядьки-кормильца.

Торжество заканчивалось веселымъ пиромъ, гдѣ щедрый хозяинъ подносилъ гостямъ великолѣпные подарки—коней, оружіе, драгоцѣнные уборы, узорочье и прочее.

Въ описываемое же время имѣло мѣсто и нѣсколько свадьбъ въ семьѣ Всеволода.

Онъ женилъ своего старшаго сына, десятилѣтняго Константина, на внучкѣ покойнаго князя Романа Смоленскаго; одну дочь выдалъ за племянника Святослава Кіевскаго, а другую, свою любимицу Верхуславу, которой исполнилось всего восемь лѣтъ, за пятнадцатилѣтняго Ростислава

145. Постриги. Дядька-кормилецъ сажаетъ малютку князя на коня, котораго держатъ подъ уздцы отроки.

Рисунокъ А Земцова.

Рюриковича, уже успѣвшаго, какъ мы видѣли, своими ратными подвигами стяжать себѣ громкую славу героя и грозы Половцевъ. Послѣдняя свадьба была отпразднована съ особой пышностью.

Отецъ жениха прислалъ за невѣстой князя Глѣба Туровскаго и знатнѣйшихъ бояръ съ супругами. Конечно, всѣхъ гостей щедро одарили и знатно угощали въ теченіе нѣсколькихъ дней; имъ показывали храмы, созданные Андреемъ Боголюбскимъ, и разсказывали о будущемъ Димитріевскомъ соборѣ, къ сооруженію котораго готовился Всеволодъ.

Давъ за Верхуславой богатѣйшее приданое, родители провожали свою милую дочку до третьяго стана и со слезами разстались съ ней. По прибытіи Верхуславы въ Бѣлгородъ, гдѣ сидѣлъ тогда Рюрикъ,—была отпразднована пышная свадьба; болѣе двадцати князей пировало на

ней, а Рюрикъ, въ знакъ любви къ своей маленькой снохѣ, подарилъ ей городъ Брягинъ *).

Въ 1194 году окончилъ свой долголѣтній жизненный путь знаменитый сестричичъ—Святославъ Всеволодовичъ. Онъ былъ на съѣздѣ въ Карачевѣ съ Черниговскими князьями и здѣсь у него «изверглось нѣчто на ногѣ», послѣ чего отправился въ Кіевъ, и по дорогѣ, несмотря на тягостную болѣзнь, непремѣнно хотѣлъ посѣтить Вышгородъ, чтобы поклониться праху отца своего, а также и святымъ Борису и Глѣбу. Оба страстотерпца, открыто

146. Одѣваніе юной княжеской невѣсты къ вѣнцу.

Рисунокъ В. П. Верещагина.

почивавшіе въ гробницѣ какъ живые, постоянно привлекали къ себѣ молельщиковъ. Прибывъ въ Кіевъ, Святославъ уже не могъ принять участія въ торжествахъ по поводу свадьбы одной изъ своихъ внучекъ съ Греческимъ царевичемъ и умеръ на рукахъ своей вѣрной княгини, принявъ передъ кончиною постриженіе.

Послѣ него, согласно ранѣе заключенному условію, въ Кіевѣ сѣлъ Рюрикъ Ростиславовичъ, всѣми любимый за свой доступный и ласковый нравъ. Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ, оставшись за смертью сестричича старшимъ во всемъ княжескомъ родѣ, прислалъ изъ Суздаля бояръ, чтобы они торжественно посадили Рюрика на Кіевскій столъ. Этимъ, ко-

*) Верхуслава оставила о себѣ память, какъ выдающаяся женщина, имѣвшая важное вліяніе на дѣла; между прочимъ, сохранилось извѣстіе о ея участіи въ дѣлахъ церковныхъ, по вопросу о назначеніи одного епископа.

нечно, еще сильнѣе подтверждалось, въ глазахъ всѣхъ, старшинство Всеволода надъ остальными князьями. Вокняженіе Рюрика въ Кіевѣ сопровождалось веселыми княжескими пирами, и съѣхавшіеся князья урядились между собой о всѣхъ волостяхъ Кіевской Земли. При этомъ, однако, Рюрикомъ была сдѣлана крупная ошибка. Произведя между князьями распредѣленіе волостей Кіевской Земли, онъ совершилъ это совершенно помимо Всеволода Юрьевича.

Послѣдній, какъ старшій, счелъ это за неуваженіе къ себѣ и потребовалъ пять городовъ, и именно тѣхъ, которые были отданы Рюрикомъ мужу своей дочери—знаменитому Роману Мстиславовичу. Рюрикъ, чтобы не ссориться съ Всеволодомъ, упросилъ Романа отказаться отъ этихъ пяти городовъ, что Романъ, входя въ затруднительное положеніе тестя, и сдѣлалъ. Но когда послѣ этого Всеволодъ Юрьевичъ, лучшій изъ этихъ городовъ—Торческъ, отдалъ своему зятю, мужу юной Верхуславы—Ростиславу, Рюрикову сыну, то Романъ сильно обидѣлся, почитая, что самъ Рюрикъ умышленно, чтобы отдать Торческъ Ростиславу, повелъ дѣло такъ, будто этого непремѣнно требуетъ Всеволодъ Юрьевичъ. Вслѣдствіе этого между Романомъ и Рюрикомъ возникла жестокая вражда, въ которой нѣкоторые обвиняли Всеволода, находя, что онъ поссорилъ ихъ съ умысломъ, признавая для себя опаснымъ дружеское единеніе всѣхъ Южно-Русскихъ князей.

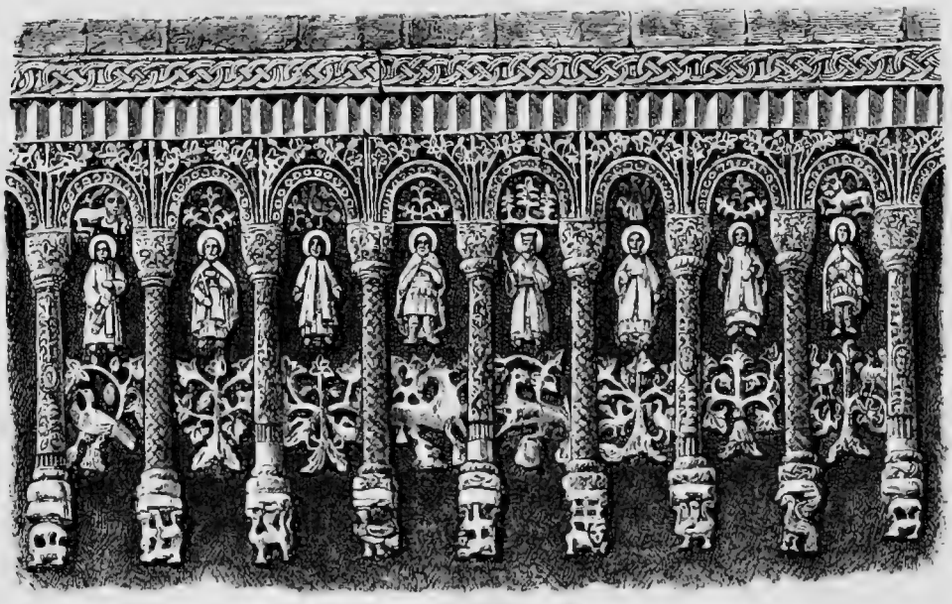
147. Димитріевскій соборъ во Владимірѣ; заложенъ въ 1194 году Всеволодомъ Юрьевичемъ.

Трудно сказать въ настоящее время, чѣмъ именно руководствовался Всеволодъ, требуя себѣ указанные пять городовъ, но несомнѣнно одно: онъ во всякомъ случаѣ, какъ добрый государь, прежде всего въ дѣлѣ этомъ считался съ пользой и выгодами своего Суздальскаго Великаго княжества.

Обидѣвшись на тестя, Романъ обратился къ брату покойнаго сестричича—Ярославу Всеволодовичу, сидѣвшему въ Черниговѣ, и предложилъ свои услуги, чтобы искать ему Кіева подъ Рюрикомъ. Ярославъ согласился, но объ этомъ вскорѣ узнали Рюрикъ и Всеволодъ Суздальскій, и Романъ былъ торжественно обличенъ въ своихъ замыслахъ. Тогда онъ бѣжалъ въ

Польшу. Здѣсь шла жестокая усобица между его родственниками. Романъ тотчасъ же въ нее вмѣшался и принялъ участіе въ одной битвѣ, но былъ разбитъ и раненый прибылъ домой во Владиміръ Волынскій. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, онъ, при посредствѣ митрополита Никифора, обратился къ тестю съ просьбой о прощеніи. Рюрикъ повѣрилъ его раскаянію и примирился съ нимъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ виду того, что въ заговорѣ съ Романомъ былъ и Ярославъ Черниговскій, Рюрикъ, по уговору съ Всеволодомъ Юрьевичемъ, послалъ сказать всѣмъ Ольговичамъ, отъ имени Мономаховичей, чтобы тѣ цѣловали крестъ не искать подъ ними и ихъ дѣтьми ни Кіева, ни Смоленска, а довольствоваться лѣвой стороной Днѣпра. На это Ольговичи обидѣлись и отвѣтили, что они согласились не искать Кіева только подъ Всеволодомъ



148. Рѣзной поясъ на южной сторонѣ Димитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. XII вѣкъ.

Юрьевичемъ и Рюрикомъ Ростиславовичемъ, но отказаться отъ него навсегда они не желаютъ, такъ какъ «мы не Венгры и не Ляхи, а одного дѣда внуки».

Этотъ отвѣтъ Ольговичей повелъ къ усобицѣ между ними и Мономаховичами, при чемъ главное участіе въ ней со стороны Мономаховичей принималъ Рюрикъ. Всеволодъ же Суздальскій дѣйствовалъ крайне медленно, а когда Ольговичи предложили ему заключить съ ними миръ и ходить по всей его волѣ, то онъ тотчасъ же согласился, обмѣнялся крестными грамотами и послалъ сказать объ этомъ Рюрику, который въ то же время долженъ былъ вести борьбу противъ зятя своего Романа, принявшаго сторону Ольговичей и отославшаго къ тестю свою жену, которую разлюбилъ.

Узнавъ объ отдѣльномъ мирѣ, заключенномъ съ Ольговичами Всеволодомъ, Рюрикъ крайне разгнѣвался и въ сердцахъ отнялъ у него тѣ пять

городовъ, изъ-за которыхъ вышла вся описанная распря. Всеволодъ ничѣмъ не отвѣтилъ на полученную обиду, но, конечно, Рюрикъ послѣ этого не могъ, въ случаѣ нужды, расчитывать на мощное покровительство Суздальскаго князя, а между тѣмъ дѣла его врага и зятя Романа Мстиславовича значительно поправились.

Въ 1198 году скончался Владиміръ Ярославовичъ Галицкій, и на его мѣстѣ, при помощи Поляковъ, окончательно утвердился Романъ, сдѣлавшись, такимъ образомъ, могущественнымъ княземъ Волынскимъ и Галицкимъ. Первымъ его дѣломъ было пріобрѣсти себѣ сторонника во Всеволодѣ Суздальскомъ, къ которому онъ и обратился, прося покровительства; послѣ этого Романъ сталъ усердно приводить въ порядокъ буйныхъ Галицкихъ бояръ, при чемъ не стѣснялся примѣнять самыя безпощадныя мѣры, слѣдуя любимому своему присловью: «не передавивши пчелъ, меду не ѣсть».

149. Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ.
По Титулярнику.

Подавивъ, такимъ образомъ, боярскую крамолу, Романъ обратилъ всѣ свои заботы на устройство благосостоянія своего края и скоро пріобрѣлъ отъ благодарнаго ему народа наименованіе «Великаго Романа», такъ какъ былъ для него добрымъ подвижникомъ и строгимъ ревнителемъ Православія. Въ это же время онъ предпринялъ и рядъ блестящихъ походовъ на пограничныхъ съ его владѣніями Литовцевъ и Ятвяговъ и употреблялъ покоренныхъ плѣнниковъ на самыя тяжелыя работы для расчистки дѣвственныхъ лѣсовъ, корчевки пней, осушки болотъ и запахиванія невоздѣланной почвы; «Романе, Романе, худымъ живеши, Литвою ореши», сложилась про него поговорка у современниковъ. Подобная выдающаяся дѣятельность снискала ему полное уваженіе сосѣдей: Поляки заискивали въ немъ, а сидѣвшій одно время до него въ Галичѣ королевичъ Андрей, занявшій вскорѣ Венгерскій престолъ, завязалъ съ Романомъ самую тѣсную дружбу. Они стали названными братьями и поклялись другъ другу, что кто изъ нихъ переживетъ другого, тотъ будетъ заботиться о семьѣ умершаго, какъ отецъ.

Между тѣмъ, Рюрикъ Ростиславовичъ Кіевскій продолжалъ питать вражду къ Роману. Въ 1198 году умеръ Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій; его столъ перешелъ къ Игорю Святославовичу Сѣверскому, герою «Слова о полку»; когда же онъ черезъ два года умеръ, то въ Черниговѣ вокняжился сынъ покойнаго сестричича—Всеволодъ Чермный *), унаслѣдовавшій отъ отца его честолюбіе и умѣнье пользоваться благопріятными обстоятельствами. Въ 1202 году Рюрикъ сумѣлъ уговорить Всеволода Чермнаго дѣйствовать сообща противъ Романа. Но Романъ зорко слѣдилъ за тестемъ, и едва Рюрикъ и Всеволодъ Чермный соединили свои войска, какъ Романъ съ полками Галицкими и Волынскими и всѣми Черными Клобуками—появился передъ Кіевомъ. Всѣ жители съ восторгомъ приняли его сторону, конечно памятуя, что онъ былъ сыномъ и внукомъ столь любимыхъ въ Кіевской Землѣ князей, и отворили ему ворота. Тогда Рюрикъ удалился въ свой наслѣдственный удѣлъ Овручъ, а Всеволодъ Чермный съ Ольговичами—на лѣвый берегъ Днѣпра. Кіевъ же, съ согласія Всеволода Суздальскаго, былъ отданъ двоюродному брату Романа—Ингварю Ярославовичу Луцкому, а самъ Романъ отбылъ обратно въ Галичъ.

150. Церковь Св. Василія въ Овручѣ; сооружена въ серединѣ XII вѣка.

Конечно, Рюрикъ Ростиславовичъ не могъ снести спокойно своей обиды, и въ слѣдующемъ же 1203 году опять соединился съ Ольговичами; союзники наняли множество Половцевъ и при ихъ содѣйствіи взяли Кіевъ на щитъ. Опять, какъ въ 1169 году, во времена Боголюбскаго, городъ подвергся страшному разграбленію; въ церквахъ не осталось ни одного сосуда.

Послѣ этого злого дѣла, Рюрикъ не хотѣлъ сѣсть въ несчастномъ городѣ, имъ разрушенномъ подъ вліяніемъ чувства мести, и вернулся въ свой Овручъ. Но здѣсь онъ былъ осажденъ Романомъ и скоро вынужденъ былъ просить у зятя мира; Романъ далъ его ему, но заставилъ тестя цѣловать крестъ великому князю Всеволоду Юрьевичу и дѣтямъ его, то-есть отказаться отъ старшинства въ родѣ и послѣ смерти Всеволода.

*) Смотри Родословную Таблицу.

Затѣмъ Рюрикъ снова сѣлъ въ Кіевѣ, который послѣ вторичнаго разгрома никогда не могъ вернуть своего прежняго блеска.

Романъ, повидимому, искренно хотѣлъ мира съ Рюрикомъ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать общими силами противъ внѣшнихъ враговъ, и скоро собрался съ нимъ на Половцевъ. Возвращеніе изъ этого похода завершилось, однако, совершенно неожиданнымъ и печальнымъ для Рюрика образомъ. Въ Треполѣ, гдѣ остановились князья, у нихъ произошелъ весьма крупный споръ изъ-за волостей, который кончился тѣмъ, что Романъ схватилъ Рюрика, отправилъ въ Кіевъ и тамъ велѣлъ постричь въ монахи вмѣстѣ съ женою и дочерью, своей бывшей супругой, съ которой развелся; сыновей же Рюрика—Владиміра и Ростислава, мужа Верхуславы, увелъ съ собою плѣнниками въ Галичъ. Вѣсть о плѣненіи мужа любимой дочери, разумѣется, крайне встревожила Всеволода Суздальскаго; онъ

151. Романъ заставляетъ Рюрика Ростиславовича цѣловать крестъ Всеволоду Суздальскому и его дѣтямъ. „...Цѣлова Рюрикъ къ великому князю Всеволоду и къ сыномъ его"....

отправилъ своихъ пословъ къ Роману, и послѣдній возвратилъ свободу сыновьямъ Рюрика, при чемъ Ростиславъ вокняжился въ Кіевѣ.

Раздоры съ Рюрикомъ не препятствовали Роману дѣятельно заниматься дѣлами, способствовавшими увеличенію благосостоянія своихъ владѣній, а также возвышенію Русскаго имени и защиты вѣры Православной.

Онъ успѣлъ оказать громадную услугу царю Алексѣю Комнену, нанеся страшный погромъ Половцамъ, опустошившимъ Греческія владѣнія.

Затѣмъ, онъ велъ упорную войну со своими бывшими союзниками—Поляками, требуя отъ нихъ въ награду за старую дружбу—Люблинскую область, составлявшую древне-Русское владѣніе, населенное Православными жителями. Въ Римѣ въ это время былъ папой властолюбивый Иннокентій Третій. Наслышавшись про храбраго и могущественнаго Галицкаго князя, нападавшаго на католиковъ Поляковъ, онъ рѣшилъ переманить Романа со всѣми подданными въ Латинство и отправилъ къ нему для этого искуснаго проповѣдника Бернарда Клервосскаго, который сталъ доказы-

вать Роману преимущества католичества передъ Православіемъ. Но высокообразованный и твердый въ Православной вѣрѣ Романъ безъ труда разбилъ всѣ доказательства хитраго папскаго слуги. Тогда тотъ сталъ прельщать Романа, что папа возложитъ на него королевскій вѣнецъ, надѣлитъ многими городами и поддержитъ его своимъ папскимъ мечомъ.

На это гордый Романъ обнажилъ свой собственный мечъ и, показавъ его Латинскому послу, промолвилъ: «Таковъ ли у папы?! Пока ношу его при своемъ бедрѣ, не имѣю нужды въ другомъ, и кровью покупаю города, слѣдуя примѣру своихъ дѣдовъ, возвеличившихъ Русскую Землю». Пристыженный папскій посланный долженъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ.

Вскорѣ послѣ этого Романъ погибъ; воюя съ Поляками, онъ понадѣялся на ихъ благородство, когда они завязали съ нимъ переговоры о мирѣ, и неосторожно выѣхалъ на охоту съ малой дружиной. Тутъ въ за-

152. Походъ Романа Великаго на Половцевъ „...Тое же зимы ходи Романъ князь на Половци, и взя вѣжи Половечьскыѣ и приведе полона много"...

садѣ его ждалъ Польскій отрядъ, и мужественный Романъ, сопротивлявшійся какъ левъ, палъ со всѣми своими людьми. Онъ оставилъ молодую вдову, свою вторую жену, съ двумя сыновьями, изъ которыхъ старшему—Даніилу было только четыре года. Это произошло въ 1205 году.

Сохранилось извѣстіе, что Романъ, ясно сознавая, что существующій порядокъ владѣнія Землею цѣлымъ княжескимъ родомъ—крайне пагубенъ, обратился ко всѣмъ князьямъ съ предложеніемъ, чтобы власть надъ каждою изъ отдѣльныхъ Земель, на которыя была уже тогда раздѣлена наша Родина, передавалась бы прямо отъ отца къ старшему сыну, съ тѣмъ, чтобы прекратить дальнѣйшее дробленіе этихъ Земель и устранить усобицы;—но предложеніе это не было никѣмъ принято.

Безвременная кончина Романа повела къ страшнѣйшимъ смутамъ въ Галицкой землѣ. Галичане присягнули его сыну малолѣтнему Даніилу, но скоро бояре, придавленные покойнымъ княземъ, подняли свои головы и стали вновь готовить крамолу. Рюрикъ же, какъ только узналъ о смерти зятя, сейчасъ же скинулъ рясу и сѣлъ въ Кіевѣ, уговаривая и жену покинуть монастырь, но та, въ отвѣтъ на это—приняла великій постригъ или схиму. Затѣмъ Рюрикъ соединился со своими старыми союзниками—Ольго-

вичами и двинулся къ Галичу, съ цѣлью отнять его у дѣтей Романа. Здѣсь, однако, онъ опоздалъ. Умная вдова Романа, чуя надвигавшуюся опасность, поспѣшила обратиться къ Венгерскому королю Андрею и напомнила ему, что онъ обѣщалъ быть ея дѣтямъ отцомъ въ случаѣ смерти мужа, и Андрей тотчасъ же поддержалъ ее сильнымъ отрядомъ Венгровъ, занявшихъ Галичъ; тогда Рюрикъ, узнавъ про это, долженъ былъ возвратиться въ Кіевъ.

Въ слѣдующемъ 1206 году Рюрикъ опять соединился съ Ольговичами, нанялъ множество Половцевъ и, собравъ огромное войско, направился къ Галичу; съ другой стороны—туда же шелъ и Польскій князь Лешко.

153. „Таковъ-ли у папы!? Пока ношу его при своемъ бедрѣ не имѣю нужды въ другомъ, и кровью покупаю города, слѣдуя примѣру своихъ дѣдовъ, возвеличившихъ Русскую Землю".

Рисунокъ Н. Неврева.

Вдова Романа вновь обратилась за помощью къ Андрею Венгерскому, и онъ поднялся въ походъ самъ со своими полками; однако, пока онъ шелъ, въ Галичѣ поднялась такая смута, что вдовствующая княгиня вынуждена была бѣжать въ дѣтьми въ старинную отцовскую волость мужа—Владиміръ Волынскій. Такимъ образомъ Галичане остались безъ князя, а между тѣмъ, къ городу съ трехъ сторонъ подходили рати: Русская, Венгерская и Польская.

Скоро Андрей получилъ извѣстіе, что у него въ Венгріи поднялись большія волненія; поэтому онъ сталъ спѣшить вернуться домой и вступилъ въ переговоры съ Лешко Польскимъ и Галичанами о томъ, чтобы посадить

въ Галичѣ, сидѣвшаго въ Переяславлѣ, юнаго Ярослава, сына Всеволода Суздальскаго и будущаго отца Святого Александра Невскаго. Но Галичане, узнавъ объ уходѣ Андрея въ Венгрію, рѣшили принять къ себѣ внука Ярослава Осмомысла по дочери—Владиміра Игоревича Сѣверскаго, того самаго, который ходилъ съ отцомъ въ знаменитый походъ, былъ въ Половецкомъ плѣну и женился на ханской дочери. Онъ сѣлъ въ Галичѣ, а братъ его, Романъ Игоревичъ въ Звенигородѣ *).

Скоро мстительные Галицкіе бояре, вмѣстѣ съ молодыми Игоревичами, рѣшили окончательно погубить потомство ненавистнаго имъ Романа

154. Великій постригъ.

Съ картины М. Нестерова, въ музеѣ Императора Александра III въ Петербургѣ.

Мстиславовича. И вотъ Владиміръ-Волынцы получили изъ Галича грозное требованіе: выдать малолѣтнихъ дѣтей Романа и принять на княженіе третьяго Игоревича—Святослава. Большинство жителей Владиміра Волынскаго были настолько возмущены этимъ требованіемъ, что рѣшили даже убить Галицкаго посла, но нашлись и предатели, которые приняли сторону Галицкихъ бояръ и хотѣли исполнить ихъ требованіе. При такихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ, вдова Романа, посовѣтовавшись съ дядькой-кормильцемъ Даніила—бояриномъ Мирославомъ, рѣшила какъ можно скорѣй бѣжать изъ города.

*) См. Родословную Таблицу.

И вотъ ночью, черезъ проломъ въ городской стѣнѣ, вышла жена Романа Великаго изъ его отчины и дѣдины, вчетверомъ съ дядькой Мирославомъ, священникомъ и кормилицей, которые несли маленькихъ князей Даніила и Василька.

Куда было бѣжать несчастнымъ? Враги были со всѣхъ сторонъ! Наконецъ, княгиня рѣшилась на крайнее средство: обратиться къ великодушію Лешко Польскаго, въ войнѣ съ которымъ былъ такъ предательски убитъ ея мужъ, послѣ чего миръ еще не былъ заключенъ. Къ счастью, она угадала правильно; великодушіе и жалость пересилили въ Лешко вражду. Онъ съ честью принялъ бѣглецовъ, говоря: «Не знаю, какъ это случилось! Самъ дьяволъ поссорилъ меня съ Романомъ», послѣ чего отправилъ малютку Даніила въ Венгрію, къ королю Андрею, и предложилъ ему вдвоемъ вернуть дѣтямъ Романа владѣнія ихъ отца.

155. Развалины древняго Галичскаго замка въ Галиціи, отчинѣ Даніила Романовича.

Андрей съ радостью принялъ предложеніе. Однако, въ дѣйствительности, какъ онъ, такъ и Лешко, вовсе не думали о пользѣ маленькихъ Романовичей, а стали вмѣшиваться въ Галицкія дѣла исключительно въ собственныхъ выгодахъ. Скоро Лешко сталъ самовластно распоряжаться всей Волынской областью, а младенцу Васильку съ матерью далъ только одинъ городъ Брестъ; Андрей же продолжалъ держать Даніила у себя, а съ молодыми Игоревичами велъ себя такъ хитро, что сумѣлъ ихъ поссорить между собой, послѣ чего Романъ Игоревичъ изгналъ брата Владиміра изъ Галича, а самъ сѣлъ на его мѣсто. Тогда, пользуясь смутами, поднявшимися въ Галичѣ, Андрей Венгерскій рѣшилъ овладѣть имъ и послалъ для этого сильное войско подъ начальствомъ знатнаго воеводы Бенедикта Бора, который не только овладѣлъ городомъ, но и взялъ въ плѣнъ князя Романа Игоревича, въ то время какъ онъ безпечно мылся въ банѣ.

Довольный своей удачей, король Андрей назначилъ этого Бенедикта Бора своимъ намѣстникомъ въ Галичѣ, и скоро Бенедиктъ заслужилъ

отъ всѣхъ, за свое управленіе несчастнымъ городомъ, названіе «антихриста». Онъ безпрестанно мучилъ бояръ и простыхъ людей, и безчестилъ женъ и монахинь. Угнетенные имъ до крайности, Галичане стали искать всюду помощи и, наконецъ, опять обратились къ Игоревичамъ, изъ которыхъ Романъ успѣлъ ускользнуть изъ Венгерскаго плѣна и примириться съ братомъ Владиміромъ. Игоревичи откликнулись на зовъ Галичанъ, прибыли съ сильнымъ войскомъ, изгнали «антихриста» и опять сѣли въ Галицкой Землѣ,ославъ Андрею богатые дары, чтобы онъ ихъ оставилъ въ покоѣ. Повидимому, это имъ удалось, такъ какъ Андрей въ это время долженъ былъ подавлять сильнѣйшую смуту въ собственномъ королевствѣ.

Но злая смута настала скоро и въ самомъ Галичѣ, поднятая крамольнымъ духомъ бояръ. Тогда Игоревичи рѣшили дѣйствовать по примѣру великаго Романа и, воспользовавшись первымъ подходящимъ случаемъ, велѣли перебить Галицкую дружину. 500 человѣкъ изъ нея погибло, но другіе бѣжали. Конечно бѣжавшіе бояре, во главѣ которыхъ былъ нѣкій Владиславъ, стали безпощадными врагами Игоревичей. Этотъ Владиславъ, человѣкъ лукавый и искусный въ крамолѣ и предательствѣ, прибылъ съ двумя другими боярами въ Венгрію, и обратился къ Андрею съ просьбой: «Дай намъ отчича нашего Даніила; мы пойдемъ съ нимъ и отнимемъ Галичъ у Игоревичей».

156. Изображеніе Лешко Польскаго; съ печати на грамотѣ 1220 года.

Андрей согласился и послалъ съ малюткой Даніиломъ сильное войско, подъ начальствомъ восьми воеводъ. Опять поднялись жестокія волненія во всей Галицкой Землѣ. Нѣкоторые города были за Даніила, другіе за Игоревичей; въ дѣло вмѣшался Лешко Польскій и ближайшіе Русскіе князья. Наконецъ, враги Игоревичей взяли верхъ и захватили въ плѣнъ двухъ ихъ нихъ: Романа и Святослава; Владиміръ же успѣлъ бѣжать.

Венгры хотѣли отвести плѣнниковъ своему королю, но Галицкіе бояре, задаривши Венгерскихъ воеводъ, выпросили ихъ себѣ. Затѣмъ эти бояре рѣшились на страшное дѣло, еще неслыханное въ Русской Землѣ: они повѣсили обоихъ своихъ князей.

Такъ погибли два сына знаменитаго Игоря Сѣверскаго и славной Ярославны.

Это черное дѣло совершилось въ сентябрѣ 1211 года.

Разумѣется, бояре призвали маленькаго Даніила только для того, чтобы самовластно распоряжаться Галицкой Землею. Узнавъ о возвращеніи старшаго сына въ Галичъ, вдова великаго князя Романа поспѣшила къ нему; они такъ долго не видѣлись, что при первомъ свиданіи маленькій Даніилъ не узналъ матери, но затѣмъ горячо привязался къ ней; видя

это, бояре, опасаясь ея вліянія на сына, рѣшили ихъ разлучить, и изгнали несчастную женщину изъ Галича.

Даніилъ не желалъ разставаться съ матерью и горько плакалъ. Какой-то бояринъ Александръ хотѣлъ насильно отвести его коня отъ княгини; тогда Даніилъ выхватилъ мечъ, чтобы ударить имъ Александра, но, плохо владѣя тяжелымъ мечомъ, ранилъ только коня; несчастная же мать поспѣшила вырвать этотъ мечъ изъ рукъ сына, упросила его успокоиться и остаться въ Галичѣ, а сама отбыла къ Венгерскому королю съ жалобами на преступныхъ бояръ.

Андрей принялъ ея сторону и приказалъ схватить главныхъ заводчиковъ крамолы—Владислава съ двумя товарищами. Тогда два брата Владислава—Яволодъ и Ярополкъ обратились къ сидѣвшему въ Пересопницѣ князю Мстиславу Нѣмому, сыну покойнаго Ярослава Изяславовича Луцкаго, и убѣдили его занять Галичъ *); Даніилъ же принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію.

Между тѣмъ, бояринъ Владиславъ не терялъ времени въ плѣну и скоро успѣлъ убѣдить короля Андрея не довѣрять Галича никому изъ Русскихъ князей, а самому владѣть имъ. Андрей согласился и отпустилъ Владислава съ товарищами впередъ, конечно, для того, чтобы приготовить все къ новому перевороту, а самъ съ главными силами своихъ войскъ слѣдовалъ за ними. Но съ полпути Андрей спѣшно долженъ былъ вернуться назадъ; онъ получилъ извѣстія о страшныхъ событіяхъ, разыгравшихся въ Венгріи за время его отсутствія.

Венгерскіе бояре, подобно Галицкимъ, отличались особо мятежнымъ духомъ и малою почтительностью къ личности короля. Между тѣмъ, супруга Андрея, Нѣмка, по имени Гертруда, не переносила такого отношенія Венгерскихъ вельможъ и вооружила ихъ противъ себя рядомъ строгихъ мѣръ, которыя она совѣтовала мужу. Особенно же озлобляло Венгерскихъ бояръ дерзкое поведеніе ея брата Бертольда, при чемъ сама Гертруда поощряла его любовь къ женѣ извѣстнаго намъ «антихриста» Бенедикта Бора, который былъ, какъ мы видѣли въ Галичѣ, весьма снисходительнымъ къ себѣ, но крайне строгимъ къ другимъ. И вотъ, какъ только Андрей отправился въ походъ, его вельможи составили заговоръ, избили множество Нѣмцевъ, а королеву Гертруду изрубили въ куски.

Конечно, Андрей долженъ былъ немедленно прекратить свой походъ на Галичъ, и въ крови мятежниковъ потушилъ вспыхнувшую смуту.

Ловкій бояринъ Владиславъ воспользовался этимъ. Подходя къ Галичу и узнавъ, что Мстиславъ Нѣмой, въ виду приближенія Венгерскихъ войскъ, покинулъ его, этотъ Владиславъ, по прозвищу Кормиличичъ, совершилъ новое неслыханное на Руси дѣло:—онъ самъ сѣлъ на высокій Галицкій столъ.

---

*) Смотри Родословную Таблицу.

Но такой соблазнъ не могъ долго продолжаться. Скоро Лешко Польскій послалъ сказать Венгерскому королю: «Не годится боярину сидѣть на княжескомъ столѣ; лучше возьми дочь мою за твоего сына Коломана, и посади ихъ въ Галичѣ». Предложеніе было принято, и пятилѣтній Коломанъ былъ обрученъ съ трехлѣтней Соломеей, послѣ чего сталъ княжить въ Галичѣ подъ опекою отцовскихъ вельможъ и защитой Венгерскихъ войскъ. Владиславъ же былъ снова схваченъ и затѣмъ умеръ въ Венгріи, при чемъ никто изъ Русскихъ князей не хотѣлъ призрѣть его дѣтей—за дерзкую попытку сѣсть на княжескій столъ.

Даніилъ же и Василько получили по настоянію Лешко—Владиміръ Волынскій, гдѣ они и поселились съ матерью. Такимъ образомъ, исконной Русской Землею—Галичемъ, завладѣли иноплеменники.

157. Храмъ Спаса Нередицы, сооруженный княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ близъ Новгорода въ 1198 году.

Что же дѣлали Русскіе князья во время описанныхъ запутанныхъ и кровавыхъ событій, разыгрывавшихся въ Галичѣ?

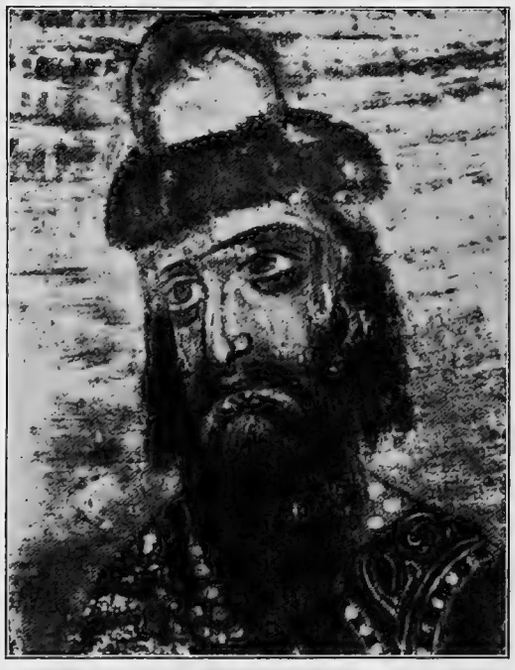
На сѣверѣ великій князь Суздальскій Всеволодъ Юрьевичъ, преданный исключительнымъ заботамъ о нуждахъ и выгодахъ своего края, былъ постоянно занятъ сложными дѣлами съ Господиномъ Великимъ Новгородомъ и безпокойными Рязанскими князьями, а на югѣ Мономаховичи и Ольговичи вели свою обычную борьбу.

Въ 1206 году, обрадовавшись, что ихъ родственники Игоревичи сѣли въ Галичѣ, Ольговичи рѣшили захватить Кіевъ, и Рюрикъ скоро долженъ былъ уступить его Всеволоду Чермному и опять уѣхать въ свой Овручъ. Еще болѣе ободренные этимъ успѣхомъ, Ольговичи рѣшили отбить у Мономаховичей и Переяславль и дерзнули изгнать изъ него сына Всеволода Суздальскаго—Ярослава. Все это, разумѣется, вызвало большую усобицу, во время которой Рюрикъ дважды изгонялъ Всеволода Чермнаго изъ Кіева и былъ въ свою очередь имъ самъ изгоняемъ, при чемъ Половцы, по всегдашнему своему обычаю, стали опять сильно разорять Кіевскую область.

Наконецъ, въ дѣло вмѣшался великій князь Всеволодъ Суздальскій, пожалѣвъ Русскую Землю, разоряемую погаными, и въ 1210 году—Чермный и всѣ Ольговичи покорились ему, послѣ чего, по общему уговору, примѣнительно къ правиламъ давно забытаго очереднаго порядка, Всеволодъ Чермный, будучи старшимъ между пятиюродными братьями во всемъ родѣ Ярослава Мудраго, сѣлъ въ Кіевѣ, а Рюрику былъ отданъ

Черниговъ, гдѣ онъ и оставался до смерти. Этотъ миръ Всеволода Юрьевича съ Ольговичами былъ закрѣпленъ бракомъ второго сына великаго князя Суздальскаго—Юрія—съ дочерью Чермнаго.

Такъ уладилъ Великій Всеволодъ дѣла на югѣ. Отношенія же его къ Рязани завершились иначе. Чрезвычайно размножившаяся семья Рязанскихъ князей, во все время великаго княженія Всеволода, не переставала ему чинить всевозможныя непріятности и крамолы. Послѣ ряда увѣщаній и частыхъ походовъ, Всеволодъ, рѣшился, наконецъ, на крайнюю мѣру: онъ самолично вторгнулся въ Рязанскія Земли, овладѣлъ послѣ трехнедѣльной осады городомъ Пронскомъ, затѣмъ сжегъ до основанія Рязань, а всѣхъ князей ея съ княгинями взялъ въ плѣнъ и заточилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ; въ Рязанской же землѣ посадилъ сына своего Ярослава. Это было въ 1209 году.



158. Изображеніе князя Ярослава Владиміровича въ храмѣ Спаса Нередицы.

Отношенія къ Новгороду составляли постоянно одну изъ важнѣйшихъ заботъ Всеволода Юрьевича. Мы видѣли, что, для пользы Суздальскаго края, ему было совершенно необходимо, чтобы князь, сидѣвшій въ Новгородѣ, былъ его сторонникомъ. И вотъ Всеволодъ настойчиво идетъ къ этой цѣли за все время своего великаго княженія; для этого же онъ два раза бралъ и Торжокъ, имѣвшій огромное значеніе въ Новгородской жизни, такъ какъ къ Торжку сходились всѣ пути съ юга, по которымъ шелъ хлѣбъ въ неплодородную Новгородскую область, главнымъ образомъ изъ Поволжья, или Низовыхъ Земель; поэтому, какъ только непріятель занималъ Торжокъ и прерывалъ подвозъ хлѣба, въ Новгородѣ обыкновенно сейчасъ же начинала повышаться цѣна на хлѣбъ, а затѣмъ наступалъ и голодъ; этимъ, разумѣется, старались пользоваться враги Новгородцевъ.

Умирившись съ сестричичемъ въ 1181 году, Всеволодъ Юрьевичъ, какъ мы видѣли, посадилъ въ Новгородѣ—Ярослава Владиміровича, сына безземельнаго мачешича; этотъ Ярославъ Владиміровичъ сидѣлъ въ Новгородѣ недолго и ушелъ изъ него вслѣдствіе вражды противъ него одной изъ городскихъ партій, но затѣмъ, былъ снова дважды посаженъ тамъ сильной рукою Всеволода Суздальскаго. Ярославомъ Владиміровичемъ была заложена, знаменитая своею живописью, церковь Спаса Не-

редицы, существующая и понынѣ, близъ Новгорода. Во время его же сидѣнія—Новгородцы совершили свой славный походъ на Шведовъ, чтобы отомстить за разбойничьи нападенія на нашихъ купцовъ. Въ 1188 году Новгородцы подняли Финское племя Корелъ, пошли моремъ на Шведовъ, пробрались черезъ протокъ Стокзундъ, надъ которымъ впослѣдствіи былъ выстроенъ городъ Стокгольмъ, нынѣшняя столица Швеціи, и до основанія разорили богатый городъ Сигтуну, увезя изъ него большія мѣдныя ворота, и понынѣ украшающія храмъ Святой Софіи.

Вообще, въ концѣ двѣнадцатаго вѣка, несмотря на частыя смѣны князей и непрерывную борьбу городскихъ партій, Новгородцы, при вы

159. Видъ Шведскаго города Сигтуны, разрушеннаго Новгородцами въ 1188 году.
Со стариннаго шведскаго рисунка.

борѣ новаго князя, вынуждены были уже постоянно считаться съ желаніями Всеволода Суздальскаго, сила и значеніе котораго все увеличивались и, наконецъ, они стали принимать къ себѣ его сыновей. Сперва Всеволодъ посадилъ къ нимъ одного изъ младшихъ дѣтей—Святослава, еще младенца; но затѣмъ, видя, что дѣла въ Новгородѣ принимаютъ не тотъ оборотъ, который онъ желалъ придать имъ, Всеволодъ Юрьевичъ отправилъ туда въ 1205 году своего первенца—умнаго, благороднаго и храбраго Константина, обставивъ его отъѣздъ большой торжественностью; онъ благословилъ Константина крестомъ и мечемъ и громогласно заявилъ, что Новгородъ—старѣйшее княжество въ Русской Землѣ.

Польщенные этимъ, Новгородцы приняли съ большими почестями Константина и поспѣшили выбрать угоднаго Всеволоду посадника—Дмитра Мирошкинича, принадлежавшаго къ семьѣ, издавна преданной Суздаль-

скимъ князьямъ. Все время сидѣнія Константина въ Новгородѣ прошло благополучно.

Когда же въ 1209 году, онъ, по приказанію отца, отправился изъ Новгорода противъ Рязанскихъ князей и взялъ съ собой Дмитра, то въ городѣ противъ послѣдняго, и вообще противъ всѣхъ Мирошкиничей, вспыхнулъ сильный мятежъ. Народъ обвинялъ ихъ въ рядѣ поборовъ и вымогательствъ; скоро толпа сожгла дворъ Дмитра и отца его Мирошки, и ограбила всѣ ихъ имѣнія. Но месть Новгородцевъ этимъ не ограничилась; когда прибыло въ Новгородъ тѣло Дмитра, умершаго отъ ранъ, полученныхъ въ войнѣ съ Рязанью, то народъ хотѣлъ сбросить гробъ въ Волховъ, а когда явился въ Новгородъ Святославъ, вновь присланный отцомъ своимъ Всеволодомъ вмѣсто Константина, то граждане цѣловали на вѣчѣ крестъ, чтобы всѣхъ Дмитровыхъ приверженцевъ отдать въ заточеніе князю. Святославъ, однако же, отправилъ Мирошкиничей не въ заточеніе, а во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ имъ было оказано покровительство. Тогда Новгородцы, конечно, подъ вліяніемъ стороны, враждебной Суздальскому князю, стали всячески выражать свое неудовольствіе, чѣмъ, разумѣется, вызвали Всеволода на крутыя мѣры противъ себя; онъ приказалъ задерживать Новгородскихъ купцовъ, ѣздившихъ съ товарами по его Землѣ, и не велѣлъ пускать изъ нея хлѣбъ въ Новгородъ.

160. Сигтунскія или Шведскія ворота въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.

Послѣднее обстоятельство скоро поставило Новгородцевъ въ крайне тяжелое положеніе. Но вдругъ, они совершенно неожиданно получили сильную помощь.

Въ Торопцѣ, владѣя незначительнымъ удѣломъ, сидѣлъ, уже пришедшій въ зрѣлый возрастъ, князь, до сихъ поръ ничѣмъ особеннымъ не отличавшійся. Это былъ старшій сынъ Мстислава Ростиславовича Храбраго *), славнаго своей геройской обороной Вышгорода противъ войскъ Андрея Боголюбскаго и очень любимаго Новгородцами, у которыхъ онъ, какъ мы знаемъ, и умеръ въ 1180 году. Теперь тридцать лѣтъ спустя, въ 1210 году, его сынъ, видя, что дорогіе его сердцу, по памяти отца, Новгородцы терпятъ угнетенія отъ Всеволода Суздальскаго, рѣшилъ выступить на ихъ защиту, будучи такимъ же смѣлымъ, великодушнымъ и безкорыстнымъ, какъ и покойный отецъ.

Онъ неожиданно напалъ на Торжокъ, схватилъ бояръ Святослава Всеволодовича и посадника, державшагося Суздальской стороны, зако-

*) Смотри Родословную Таблицу.

валъ ихъ, отправилъ въ Новгородъ и приказалъ послу своему держать на вѣчѣ такое слово:

«Кланяюсь Святой Софіи и гробу отца моего, и всѣмъ Новгородцамъ; пришелъ къ вамъ, услышавши, что князья дѣлаютъ вамъ насиліе: жаль мнѣ своей отчины».

Новгородцы восторженно приняли это привѣтствіе, посадили князя Святослава Всеволодовича съ его боярами подъ стражу на архіерейскомъ дворѣ, а Мстиславу Мстиславовичу послали сказать: «Иди, князь, на столъ».

Прибывши въ Новгородъ, Мстиславъ сейчасъ же собралъ войско и выступилъ на Всеволода. Но когда онъ сдѣлалъ нѣсколько переходовъ, то къ нему явились послы Суздальскаго князя, которые сказали ему отъ него: «Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ; отпусти Святослава съ дружиной и отдай все, что захватилъ, а я также отпущу гостей и товары ихъ».

Конечно, мудрый Всеволодъ поступилъ такъ, не желая подвергать Суздальскую Землю всѣмъ бѣдствіямъ вторженія и вступать въ своихъ преклонныхъ годахъ въ столкновеніе изъ-за Новгородскихъ дѣлъ съ отважнымъ Мстиславомъ. Мстиславу тоже не за что было драться. Они цѣловали другъ другу крестъ, и обѣ рати разошлись по домамъ, послѣ чего Мстиславъ съ торжествомъ возвратился къ Святой Софіи, устроивъ дѣла Новгорода и не проливъ притомъ ни капли крови. Скоро къ имени его стали прибавлять прозваніе «Удалой».

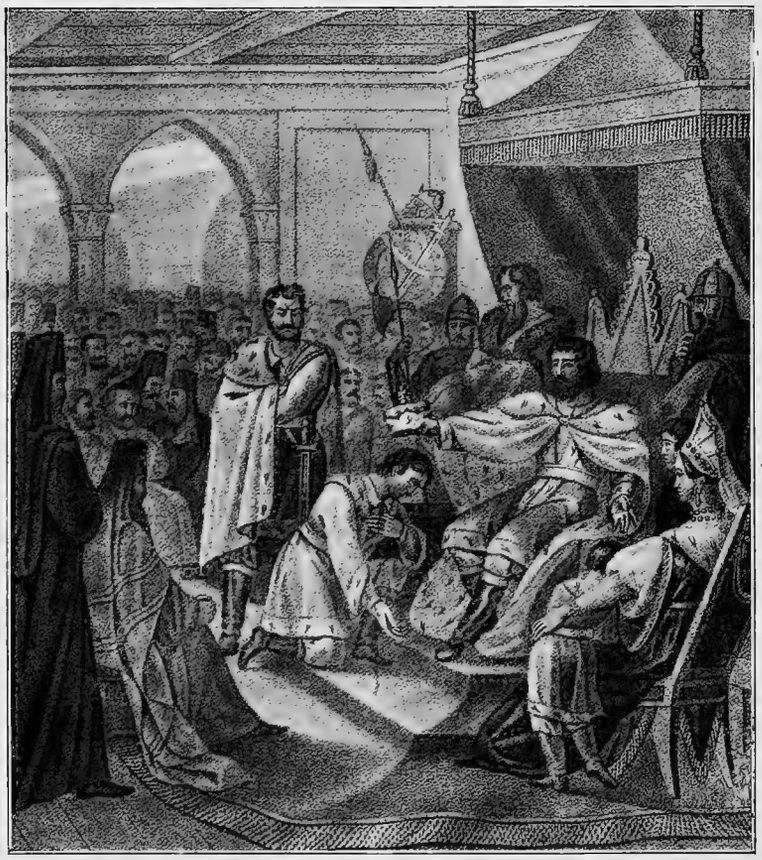
Въ 1211 году великій князь Всеволодъ Юрьевичъ сталъ изнемогать и хотѣлъ при жизни распорядиться на счетъ сыновей. Хотя самъ онъ правилъ долгіе годы единовластно Суздальской Землей, что, какъ мы видѣли, вполнѣ отвѣчало стремленію ея жителей, но передать свою власть одному изъ сыновей, лишивъ волостей другихъ, онъ не смогъ; такъ сильны были еще понятія объ общемъ владѣніи Землею всѣмъ княжескимъ родомъ.

Сыновей у Всеволода было шесть: Константинъ, Юрій, Ярославъ, Святославъ, Владиміръ и Иванъ.

Онъ послалъ за старшимъ сыномъ Константиномъ, княжившимъ въ Ростовѣ, желая ему дать послѣ себя Владиміръ, а въ Ростовѣ посадить второго сына—Юрія. Но Константинъ не соглашался на это; онъ непремѣнно хотѣлъ оставить за собой и Ростовъ, который очень любилъ, повидимому, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его старшимъ городомъ; особенно привязывалъ его къ Ростову бывшій въ немъ незадолго большой пожаръ, послѣ котораго Константинъ вложилъ всю свою душу въ дѣло облегченія бѣдствій жителей, при чемъ выстроилъ весь городъ заново.

Неожиданный отказъ старшаго сына крайне поразилъ Всеволода. И вотъ онъ рѣшился на дѣло, по мнѣнію И. Е. Забѣлина, можетъ быть самое замѣчательное за его княженіе. Онъ созвалъ первый Земскій со-

боръ отъ всей Земли; на соборъ этотъ были собраны: епископъ Іоаннъ, всѣ бояре съ городовъ и волостей, игумены, попы, купцы, дворяне и простые люди. Съ ними долго и обстоятельно думалъ Всеволодъ въ виду отказа непокорнаго старшаго сына. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, разрѣшался важный вопросъ: какому городу быть старшимъ въ Суздальской Землѣ, древнему ли великому Ростову, или новому мизинному Владиміру; ста-



161. Всеволодъ Большое Гнѣздо благославляетъ, послѣ рѣшенія Земскаго собора, сына Юрія на великое княженіе.

Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

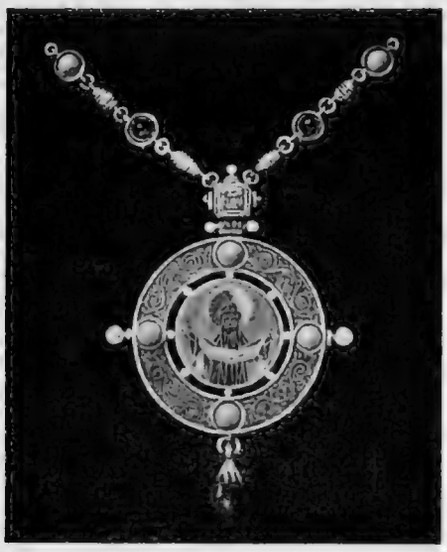
рому ли великому боярству, или новымъ, маленькимъ людямъ. Наконецъ, по совѣту епископа Іоанна, рѣшено было отдать старшинство второму сыну Юрію, помимо старшаго ослушника, при чемъ всѣ люди утверждены были въ этомъ крестнымъ цѣлованіемъ.

Вскорѣ послѣ этого, 14 апрѣля 1212 года, Всеволодъ умеръ, конечно горячо оплакиваемый всею Суздальскою Землею.

Еще при жизни его величали иногда Великимъ Всеволодомъ; наименованіе же Большое Гнѣздо онъ получилъ впослѣдствіи, такъ какъ отъ дѣтей его и внуковъ пошло все племя сѣверныхъ князей. Прибавляется иногда къ имени Всеволода и названіе Третій, счи-

тая Всеволодомъ Первымъ—отца Мономаха, а Вторымъ — Всеволода Ольговича.

Дѣла и жизнь Великаго Всеволода, описанныя нами, достаточно говорятъ за себя. Память о немъ навсегда останется какъ объ одномъ изъ лучшихъ, твердыхъ и мудрыхъ князей Русской Земли.



162. Старинный наперсный образъ

Рисунокъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича

163. Изображеніе Архангела Михаила на шлемѣ Ярослава (Ѳеодора) Всеволодовича и кругомъ надпись: „Великій архистратиже Михаиле помози рабу своему Ѳеодору".

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Усобица въ Суздальской Землѣ. Мстиславъ Удалой въ Новгородѣ. Даніилъ Романовичъ совершаетъ безпримѣрный по трудности походъ. Ярославъ и Новгородцы. Липецкая битва. Плѣненіе Коломана и Фили прегордаго. Захватъ Нѣмцами Балтійскаго побережья. Положеніе дѣлъ въ Русской Землѣ передъ нашествіемъ Татаръ. Состояніе сосѣднихъ государствъ. Внутренняя жизнь. Богатыри. Новгородскія былины. Церковь. Подвижники. Обыденные храмы.

О СМЕРТЬЮ Всеволода Юрьевича Суздальскаго исчезла послѣдняя сила, объединявшая до нѣкоторой степени жизнь отдѣльныхъ Русскихъ Земель. Тотчасъ же какъ въ самой семьѣ его, такъ и въ другихъ мѣстахъ Руси, начались усобицы.

Похоронивъ отца, Юрій сѣлъ во Владимірѣ и освободилъ Рязанскихъ князей, заточенныхъ Всеволодомъ, при чемъ скоро долженъ былъ раскаяться въ своемъ великодушіи, такъ какъ между князьями этими не замедлила возгорѣться сильнѣйшая распря, завершившаяся братоубійствомъ, въ которомъ погибло шестеро изъ нихъ.

Старшій братъ Юрія, Константинъ, конечно, не могъ примириться съ тѣмъ, что великое княженіе Суздальское досталось не ему, и «воздвигъ

свои брови со гнѣвомъ на свою братію, особенно же на Юрія». Усобица между Всеволодовичами началась еще до похоронъ отца *). Къ Юрію примкнулъ слѣдующій за нимъ братъ Ярославъ, сидѣвшій въ это время въ Переяславлѣ Залѣсскомъ; остальные же колебались и приставали то къ одной, то къ другой сторонѣ. Константинъ отнялъ у Юрія Москву, пожегъ Кострому и захватилъ еще нѣсколько городовъ. Но Юрій подошелъ съ полками къ Ростову и заставилъ страшаго брата помириться съ собою. Миръ этотъ былъ, однако, неискренній и продолжался недолго.

Тѣмъ временемъ, въ Новгородѣ сидѣлъ Мстиславъ Удалой и дѣятельно служилъ на благо Святой Софіи. Онъ два раза успѣшно ходилъ на Чудь къ Варяжскому морю, наказывалъ ее и бралъ большую дань, отдавая изъ нея двѣ трети Новгородцамъ, а одну—своей дружинѣ. И Новгородцы, и князь жили какъ нельзя болѣе дружно и не думали разлучаться, какъ вдругъ въ 1214 году пришла Мстиславу вѣсть, что Ольговичи, во главѣ которыхъ стоялъ Всеволодъ Чермный, обижаютъ его двоюродныхъ племянниковъ, сыновей умершаго Рюрика Ростиславовича, не давая имъ части въ Русской Землѣ.

Мстиславъ тотчасъ же созвалъ вѣче, поклонился Новгородцамъ, сказалъ что идетъ подъ Кіевъ выручать свою братію и предложилъ вопросъ—не пойдутъ ли они съ нимъ. Тѣ отвѣчали: «Куда князь ты глянешь, туда мы бросимся головами своими». Затѣмъ Мстиславъ выступилъ на югъ; но подъ Смоленскомъ, гдѣ его привѣтствовалъ двоюродный братъ Мстиславъ Романовичъ, своенравные Новгородцы, перессорившись съ Смольнянами, объявили, что они не пойдутъ дальше. Тогда Мстиславъ Удалой перецѣловался со всѣми ними и, ласково откланявшись, пошелъ дальше съ дружиной и Смоленскими полками. Пристыженные этимъ, а также и словами посадника Твердислава, Новгородцы скоро одумались и нагнали Мстислава.

Явившись въ Поднѣпровье, Мстиславъ быстро поправилъ дѣла племянниковъ, изгналъ Чермнаго въ Черниговскую область, гдѣ онъ скоро умеръ, посадилъ въ Кіевѣ Мстислава Романовича Смоленскаго и вернулся въ Новгородъ, восторженно привѣтствуемый жителями.

Однако, несмотря на всѣ свои услуги Новгородцамъ, Мстиславъ не могъ долго оставаться съ нимъ. Онъ скоро узналъ, что сторона, приверженная Суздальскимъ князьямъ, затѣваетъ противъ него крамолу и собираетъ уже тайныя вѣча, чтобы изгнать его. Мстиславъ не сталъ дожидаться этого. Онъ неожиданно самъ собралъ вѣче и объявилъ на немъ: «У меня есть дѣла на Руси, а вы вольны въ князьяхъ,» и покинулъ городъ. Подумавъ, кого принять себѣ въ князья, Новгородцы пригласили третьяго сына покойнаго Всеволода—Ярослава; онъ былъ женатъ на старшей дочери Мстислава—Ѳеодосіи, и, такимъ образомъ, его избраніемъ могли быть удовлетворены: какъ сторона, державшаяся Суздальскихъ князей, такъ и сторонники Мстислава.

*) Смотри Родословную Таблицу.

Мстиславъ же тѣмъ временемъ спѣшилъ въ Галичъ. Сюда его звалъ бывшій опекунъ Даніила и Василька Романовичей, а нынѣ отецъ малолѣтней княгини Галицкой Саломеи, Лешко Польскій. Онъ успѣлъ разсориться со своимъ сватомъ, Венгерскимъ королемъ Андреемъ, отцомъ мужа Саломеи-Коломана, и рѣшилъ пригласить Мстислава сѣсть вмѣсто Коломана въ Галичѣ. Расчетъ свой Лешко, очевидно, строилъ на томъ, что, имѣя въ Галичѣ своего союзника Мстислава, ему легче будетъ хозяйничать на Волыни, гдѣ, какъ мы помнимъ, были посажены малолѣтніе сыновья покойнаго Романа Великаго. Это были чудныя дѣти, которыя стали теперь подрастать; меньшій—Василько могъ сидѣть уже на конѣ, а пятнадцатилѣтній Даніилъ поражалъ всѣхъ своимъ царственнымъ величіемъ, воинской отвагой, необыкновеннымъ благородствомъ, мудростью и огромной способностью къ государственнымъ дѣламъ. Оба брата были связаны самой нѣжной, трогательной привязанностью другъ къ другу, которую неизмѣнно сохранили до гроба.

Что же касется ихъ матери, то она, видя, что сыновья дѣлаются самостоятельными, удалилась вскорѣ въ монастырь, какъ благочестивымъ вдовамъ въ тѣ времена и полагалось.

Даніилъ, конечно, не скрывалъ своей обиды на Венгровъ и Поляковъ и громко заявлялъ, что Лешко Польскій неправильно держитъ его города по Бугу, издревле составлявшіе Русскую вотчину. Вотъ противъ Романовичей, а также и противъ Венгровъ, засѣвшихъ въ Галичѣ, и расчитывалъ Лешко найти себѣ союзника въ Мстиславѣ. Но онъ ошибся. Венгры дѣйствительно удалились изъ Галича, какъ только къ нему подошелъ Удалой князь, сейчасъ же его занявшій безъ боя. Но, увидѣвши Даніила, Мстиславъ не могъ быть его противникомъ. Онъ сразу плѣнился необыкновеннымъ отрокомъ, отъ души полюбилъ его, а затѣмъ выдалъ за него и свою младшую дочь—Анну, послѣ чего тесть и зять стали жить въ самой тѣсной дружбѣ. Мстиславъ сидѣлъ въ Галичѣ, Даніилъ же во Владимірѣ Волынскомъ.

При этомъ, послѣдній продолжалъ враждовать съ Лешко Польскимъ и настойчиво требовалъ возвращенія Бугской Украйны—подъ Брестомъ. Скоро онъ обратился къ Мстиславу, прося помощи противъ Лешко, но Мстиславъ отвѣчалъ ему: «Сынъ мой, за прежнюю любовь я не могу подняться на Лешко, ищи себѣ другихъ союзниковъ». Тогда Даніилъ, вмѣстѣ со своимъ неизмѣннымъ союзникомъ на всю жизнь—юнымъ братомъ Василько, пошелъ на Поляковъ и возвратилъ себѣ всю Украйну подъ Брестомъ. При этихъ обстоятельствахъ Лешко, будучи увѣренъ, что Мстиславъ помогаетъ Даніилу, рѣшилъ порвать съ первымъ и опять сойтись съ Венграми, которые, видя успѣхи Русскихъ, тоже искали примиренія съ Поляками. Скоро въ Галицкую Землю вторгнулось огромное Венгерско-Польское войско, съ цѣлью вновь посадить здѣсь Коломана.

Узнавъ объ этомъ, Мстиславъ разсчиталъ, что ему будетъ выгоднѣе всего выйти изъ Галича, полнаго крамольными боярами, отойти

затѣмъ къ рѣкѣ Збручу и ударить оттуда въ тылъ непріятельской рати. Въ Галичѣ же онъ оставилъ Даніила и приказалъ идти туда же и двоюродному его брату — Александру Всеволодовичу Бельзскому. Но этотъ Бельзскій князь, тоже сидѣвшій на Волыни, приходился тестемъ Лешко Польскому, а потому онъ принялъ сторону послѣдняго, и Даніилъ долженъ былъ одинъ отсиживаться въ Галичѣ, который не замедлили окружить Поляки и Венгры.

Скоро молодой защитникъ города сталъ проявлять необыкновенное безстрашіе и воинское искусство и удачно отбивалъ всѣ приступы непріятеля.

Тогда Венгры и Поляки рѣшили оставить осаду Галича и обрушиться всѣми силами на Мстислава, который, въ виду крайней незначительности своихъ войскъ, вынужденъ былъ отступить къ югу, къ нынѣшнему Каменцу-Подольскому, а Даніилу послалъ приказъ оставить Галичъ и спѣшить къ нему на соединеніе.

Получивъ это почти невыполнимое приказаніе, Даніилъ, тѣмъ не менѣе, приступилъ къ его исполненію. Скоро начался безпримѣрный по своей трудности походъ. Даніилъ вышелъ со своимъ маленькимъ отрядомъ изъ Галича, а огромная союзная Польско-Венгерская рать всѣми соединенными силами устремилась на него. Трудно было прочистить себѣ дорогу при выходѣ изъ города, но еще труднѣе было Даніилу идти внизъ по Днѣстру, имѣя со всѣхъ сторонъ сильные отряды противника. Поляки и Венгры преслѣдовали его по пятамъ, преграждали путь и оспаривали каждый шагъ. Нападенія ихъ шли безпрестанно; скоро появился недостатокъ въ припасахъ, а затѣмъ наступила и полная безкормица, а, между тѣмъ, приходилось безостановочно двигаться и быть ежечасно готовымъ вступить въ бой съ новыми вражьими силами.

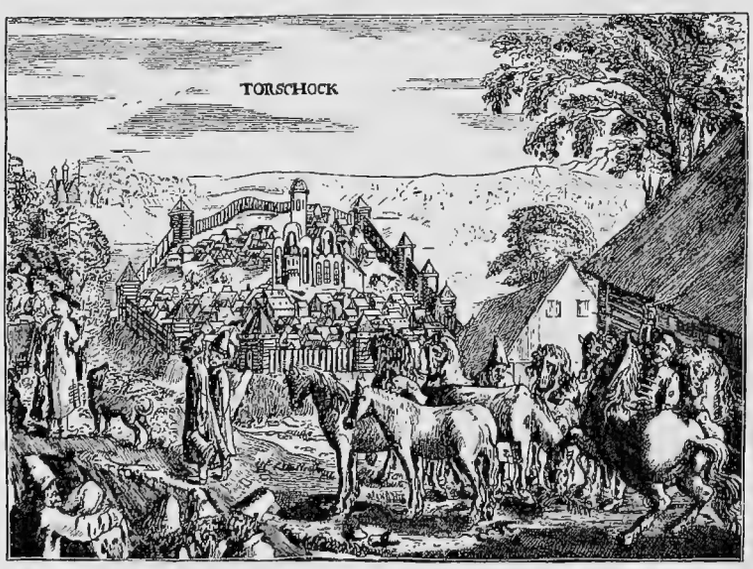
Даніилъ съ честью вышелъ изъ этого, почти безвыходнаго, положенія. Какъ и подобаетъ князю, онъ всегда былъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ, по нѣсколько сутокъ не сходилъ съ коня и самъ кидался преслѣдовать противника, когда тотъ поворачивалъ, устрашенный необыкновеннымъ сопротивленіемъ Русскихъ. Бояре и дружина съ изумленіемъ и восторгомъ смотрѣли на своего вождя, еще не вполнѣ вышедшаго изъ отрочества, и тоже оказывали чудеса храбрости. Тѣмъ не менѣе, положеніе маленькаго отряда было отчаяннымъ; сельское населеніе, находившееся во власти крамольныхъ Галицкихъ бояръ, относилось къ нему недружелюбно и отказывало въ продовольствіи.

Однажды Даніилъ и всѣ его воины совершенно уже погибали отъ голода, какъ вдругъ увидѣли обозы съ продовольствіемъ, тянувшіеся на торгъ въ городъ, къ празднику Святого Димитрія. Они живо захватили ихъ, «насытились обильно и возблагодарили Святого Димитрія, «яко накорми я»,—говоритъ лѣтописецъ. Затѣмъ, подойдя къ тому мѣсту Днѣстра, гдѣ имъ надлежало перейти на другой берегъ, Даніилъ не нашелъ ни моста, ни брода. Положеніе казалось совершенно безнадежнымъ, какъ вдругъ

опять нежданно-негаданно, появились торговыя суда, шедшія изъ Олешья. И вотъ на судахъ этихъ нашихъ безстрашныхъ воиновъ напоили и накормили виномъ и рыбою и благополучно перевезли на другой берегъ.

Наконецъ, Даніилъ соединился съ тестемъ. Мстиславъ Удалой несказанно ему обрадовался, торжественно «великую похвалу сотвори Данилови» и подарилъ ему своего любимаго коня.

Весело отпраздновавъ чудесное соединеніе съ зятемъ, тесть сказалъ ему затѣмъ: «Пока ступай въ свой Владиміръ Волынскій, а ужъ мы имъ отомстимъ весь срамъ нашъ». Послѣ этого Мстиславъ отбылъ къ Половцамъ, чтобы ихъ поднять противъ Венгровъ и Ляховъ и, будучи вдовымъ, скоро женился на дочери хана Котяна; Даніилъ же, до новыхъ подвиговъ, обѣщанныхъ тестемъ, отправился къ себѣ на Волынь.



164. Видъ Торжка. Изъ книги XVII вѣка „Описаніе путешествія въ Московію" Адама Олеарія.

Между тѣмъ, въ Новгородѣ, за время отсутствія Удалого князя произошли большія дѣла.

Какъ мы видѣли, Новгородцы призвали, послѣ отъѣзда Мстислава, его зятя Ярослава, который долженъ былъ, повидимому, удовлетворить желаніямъ всѣхъ сторонъ. Но скоро Новгородцы убѣдились, что они жестоко ошиблись. Этотъ Ярославъ, выросшій въ понятіяхъ отца своего Всеволода Суздальскаго, не могъ примириться съ Новгородскими порядками, тѣмъ болѣе, что своимъ нравомъ онъ во многомъ походилъ на пращура своего Ярослава Мудраго и былъ такимъ же страстнымъ и неукротимымъ какъ и онъ. Прибывъ въ Новгородъ, онъ сейчасъ же схватилъ и заковалъ двухъ знатнѣйшихъ бояръ и заточилъ ихъ въ своемъ городѣ Твери. Скоро поднялись обычныя городскія крамолы и убійства. Ярославу показалось это нестерпимымъ, и онъ, удалившись въ Торжокъ или Новый Торгъ, сталъ здѣсь княжить, а въ Новгородъ послалъ посадника. Повидимому, онъ хо-

тѣлъ сдѣлать тоже, что сдѣлали его дядя Андрей Боголюбскій и отецъ Всеволодъ, то-есть, покинувъ старый городъ съ его вѣчемъ и крамолами, возвеличить новый—мизинный.

При этомъ, казалось, что сама судьба благопріятствовала Ярославу, такъ какъ морозъ побилъ весь хлѣбъ въ Новгородской области, и только на Торжку все было цѣло. Чтобы сильнѣе надавить на Новгородъ, Ярославъ не велѣлъ пускать туда ни одного воза хлѣба съ Низовой Земли. Вслѣдствіе этого, въ Новгородѣ скоро начался голодъ, и къ Ярославу прибыли трое посланныхъ бояръ—просить его пріѣхать къ нимъ опять. Но онъ ничего не отвѣтилъ, а посланныхъ задержалъ.

Голодъ, между тѣмъ, быстро усиливался и достигъ такой степени, что за кусокъ хлѣба стали продавать дѣтей; люди умирали на улицахъ, и собаки не успѣвали ихъ съѣдать. Тогда Новгородцы опять послали къ Ярославу двухъ бояръ, но онъ опять ихъ задержалъ и приказалъ только привезти себѣ изъ Новгорода жену свою. Наконецъ, Новгородцы послали ему еще разъ сказать: «Ступай въ свою вотчину, къ Святой Софіи, а не ѣдешь, такъ скажи прямо». Но Ярославу, конечно, этого было мало. Онъ рѣшилъ вовсе сломить своей желѣзной волей всѣ Новгородскіе порядки и смилостивиться, разумѣется, только тогда, когда городъ отдастся по всей его волѣ, а потому, не давая отвѣта, опять задержалъ посланныхъ и всѣхъ гостей Новгородскихъ. «И были въ Новгородѣ»—говоритъ лѣтописецъ,—«печаль и вопль».

Тутъ опять на спасеніе Новгородцевъ неожиданно явился Мстиславъ. Узнавъ какія дѣла творятся въ дорогомъ его сердцу городѣ, онъ немедленно бросилъ югъ, прибылъ къ Святой Софіи, схватилъ посадника, поставленнаго Ярославомъ, перековалъ его людей, въѣхалъ на Ярославовъ дворъ, поцѣловалъ крестъ Великому Новгороду и объявилъ: «Либо возвращу Новгородскихъ мужей и Новгородскія волости, либо голову свою сложу за Великій Новгородъ». «На жизнь и на смерть готовы съ тобой»!—восторженно отвѣчали до слезъ растроганные Новгородцы. Затѣмъ онъ послалъ довѣреннаго священника сказать Ярославу: «Сынъ мой, кланяюсь тебѣ, отпусти мужей и гостей Новгородскихъ. Уйди изъ Новаго Торга и возьми со мною любовь»!

Но Ярославъ былъ не изъ такихъ, чтобы уступать. Онъ не только отпустилъ посла тестя безъ мира, но приказалъ еще схватить всѣхъ Новгородцевъ, бывшихъ въ Торжкѣ, въ числѣ до двухъ тысячъ человѣкъ, заковалъ ихъ и размѣстилъ по своимъ городамъ, а имѣніе и лошадей роздалъ дружинѣ.

Извѣстіе объ этомъ вызвало опять сильнѣйшую печаль и уныніе въ Новгородѣ. Одинъ только мужественный Мстиславъ не палъ духомъ. Онъ велѣлъ звонить въ вѣчевой колоколъ и когда народъ собрался, то объявилъ ему: «Идемъ братія, поищемъ мужей своихъ, вернемъ волости ваши! Да не будетъ Новый Торгъ Великимъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ! Гдѣ Святая Софія, тутъ и Новгородъ; и въ силѣ Богъ, и малѣ Богъ да правда!»

Затѣмъ Мстиславъ быстро собрался въ походъ и выступилъ 1 марта 1216 года, направляясь озеромъ Селигеромъ къ Зубцову на Волгѣ, городу, принадлежавшему Ярославу. При этомъ тотчасъ же обнаружилось, какъ велика была рознь и вражда среди Новгородцевъ: несмотря на то, что всѣ

165. .....„Да не будетъ Новый Торгъ Великимъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ! Гдѣ Святая Софія, тутъ и Новгородъ; и въ силѣ Богъ, и въ малѣ Богъ да правда!“...

Рисунокъ К. Лебедева.

цѣловали крестъ Мстиславу, уже на второй день похода четыре человѣка побѣжали къ Ярославу. Новгородцы шли въ походъ не одни; къ нимъ присоединились Псковичи съ братомъ Мстислава—Владиміромъ, и Смольняне съ двоюроднымъ племянникомъ Мстислава—Владиміромъ Рюриковичемъ.

Взявши Зубцовъ, Удалой еще разъ послалъ къ Ярославу съ мирными предложеніями, но тотъ отвѣчалъ тестю: «Мира не хочу: пошли, такъ ступайте; на одного вашего придется сто нашихъ». Тогда Мстиславъ пошелъ дальше. Князья Псковскій и Смоленскій совѣтовали ему идти на Торжокъ, но онъ, вмѣсто того, чтобы воевать въ своей Новгородской области, справедливо и благоразумно положилъ идти прямо къ Переяславлю Залѣсскому, въ середину владѣній великаго князя Юрія Суздальскаго, союзника Ярослава, при чемъ Мстиславъ разсчитывалъ сблизиться также съ Константиномъ Ростовскимъ и привлечь его на свою сторону, такъ какъ, конечно, зналъ о худомъ мирѣ между старшими братьями Всеволодовичами.

Узнавъ про это движеніе Мстислава, и Ярославъ выступилъ изъ Торжка и направился тоже на Переяславль—на соединеніе съ войскомъ брата Юрія; при этомъ движеніи, Ярунъ, начальствовавшій передовой стражей Мстислава, напалъ на передовую стражу Ярослава, опрокинулъ и разбилъ ее. Затѣмъ Мстиславъ отправилъ боярина своего Яволода къ Константину Ростовскому, приглашая его присоединиться къ нимъ, на что тотъ охотно согласился. Быстро двигаясь по Суздальской Землѣ, для чего были даже брошены всѣ тяжести, Мстиславъ съ союзниками подошелъ къ рѣкѣ Колокшѣ и сталъ близъ нея на обширномъ Липецкомъ полѣ. Сюда навстрѣчу имъ вышелъ и Ярославъ съ Юріемъ и младшими братьями, и расположились за лѣсомъ на Авдовой горѣ, окруживъ станъ свой плетнемъ и тыномъ.

«Страшное было чудо и дивное братья»,—говоритъ лѣтописецъ,—пошли сыновья на отца, отецъ на дѣтей, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ».

Когда Мстиславъ съ братіей завидѣли полки Юрія рядомъ съ Ярославовыми, то послали сказать первому: «Кланяемся; у насъ съ тобой нѣтъ ссоры; ссора съ Ярославомъ». На это Юрій отвѣчалъ: «Мы съ братомъ Ярославомъ—одинъ человѣкъ».

Тогда было послано сказать Ярославу, чтобы онъ отпустилъ всѣхъ захваченныхъ имъ людей и ихъ имущество, и мирился. Но онъ приказалъ передать союзникамъ: «Мира не хочу; Новгородцевъ и Новоторжанъ при себѣ держу; вы далеко шли и вышли какъ рыба на сухо». На это, въ третій разъ, Мстиславомъ было послано сказать обоимъ Всеволодовичамъ, чтобы они соглашались на миръ во избѣжаніе кровопролитія, съ тѣмъ, чтобы посадить Константина во Владимірѣ и взять себѣ остальную Суздальскую Землю. Тогда Юрій велѣлъ передать послу слѣдующее: «Скажи братіи моей, князьямъ Мстиславу и Владиміру: пришли, такъ ступайте куда хотите, а брату, князю Константину, скажи: перемоги насъ, а тогда тебѣ вся Земля».

Конечно, настойчивыя предложенія противниковъ не начинать боя, а помириться, были приняты Юріемъ и Ярославомъ за ихъ крайнюю слабость. Увѣренные въ своемъ несомнѣнномъ успѣхѣ, молодые Всеволодовичи начали пировать съ дружиной; одинъ изъ старыхъ бояръ началъ было совѣтовать мириться, указывая на блестящія ратныя способности и храб-

рость Мстислава. Но его сейчасъ же перебили голоса другихъ бояръ, замѣтившихъ, что рѣчь престарѣлаго боярина не нравится Юрію и Ярославу. Эти льстецы стали доказывать, что если бы пришли сюда силы со всѣхъ Русскихъ областей, то и то онѣ не выбрались бы изъ Суздальской Земли; «а эти-то полки»,—говорили они, презрительно указывая на малое число противниковъ,—«да мы ихъ сѣдлами закидаемъ».

Такія рѣчи подѣйствовали на молодыхъ князей опьяняюще. Они созвали своихъ бояръ и указали имъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ добычей послѣ боя, а затѣмъ совершили безпримѣрный, по своей самонадѣянности, поступокъ. Войдя въ шатеръ, они стали распредѣлять волости, которыми будутъ владѣть послѣ побѣды. «Мнѣ, братъ Ярославъ, Владимірская Земля и Ростовская»,—говорилъ Юрій,—«тебѣ Новгородъ; Смоленскъ—брату нашему Святославу, Кіевъ отдай Черниговскимъ князьямъ, а Галичъ намъ же». Когда младшіе братья на это согласились, то всѣ поцѣловали крестъ, а затѣмъ стали писать грамоты на это распредѣленіе.

Противники ихъ, между тѣмъ, усердно готовились къ бою, но на слѣдующій день еще разъ предложили мириться, на условіяхъ уступки Константину Владимірскаго стола. Младшіе Всеволодовичи опять отвѣчали отказомъ.

Тогда начался бой. Цѣлый день 20 апрѣля происходили схватки передовыхъ частей, но Суздальцы не выходили изъ своего стана.

На другой день — 21 апрѣля, Мстиславъ употребилъ хитрость, чтобъ ихъ выманить; онъ предпринялъ притворное боковое движеніе къ Владиміру. Полагая, что онъ отступаетъ, Юрій и Ярославъ стали спускаться съ Авдовой горы, чтобы его преслѣдовать. Константинъ Всеволодовичъ и Владиміръ Мстиславовичъ Псковскій были обезпокоены боковымъ движеніемъ, предпринятымъ Мстиславомъ въ непосредственной близости Юрія и Ярослава, занимавшихъ Авдову гору, и опасались, что они ударятъ съ нея имъ прямо въ тылъ.

Но Удалой Мстиславъ ихъ успокоилъ. «Гора намъ не поможетъ, гора насъ и не побѣдитъ. Призвавши на помощь крестъ честный и святую правду, пойдемъ къ нимъ,»— сказалъ онъ обоимъ князьямъ и, внезапно обратившись назадъ, сталъ быстро выстраивать полки противъ спускавшихся Суздальцевъ. Затѣмъ, передъ самымъ началомъ сѣчи, онъ объѣхалъ съ Владиміромъ Рюриковичемъ Смоленскимъ ряды своихъ полковъ и держалъ имъ такое слово: «Братья, мы вошли въ Землю сильную; такъ, положивши надежду на Бога, станемъ крѣпко, не озираясь назадъ. Побѣжавши, все равно не уйти. Такъ забудемъ про дома, женъ и дѣтей. Вѣдь надо же когда- нибудь умереть! Ступайте, кто какъ хочетъ, кто пѣшій, кто на конѣ».

На это Новгородцы, вспоминая какъ ихъ предки дрались на Колокшѣ съ Мстиславомъ Великимъ, отвѣчали: «Мы не хотимъ умирать на коняхъ, хотимъ биться пѣшими, какъ отцы наши бились на Колокшѣ». Затѣмъ, сойдя съ лошадей, они сняли съ себя порты и сапоги, и ударились бѣжать босыми на враговъ; за ними устремились и Смольняне, также пѣшими.

Скоро поднялся страшный бой—пошли въ дѣло дубины, топоры и засапожные ножи. Вдругъ Суздальцы побѣжали и стягъ Ярослава оказался уже подрубленнымъ. Тогда Мстиславъ, видя, что его молодцы досѣкаются уже и до второго непріятельскаго стяга и что ихъ надо поддержать, крикнулъ: «Не дай намъ Богъ выдать добрыхъ людей», и всѣ князья разомъ ударили на противника. Мстиславъ трижды проѣхалъ по вражьимъ полкамъ, нанося направо и налѣво страшные удары топоромъ, который былъ привязанъ къ его рукѣ.

Скоро младшіе Всеволодовичи были наголову разбиты. У нихъ пало на мѣстѣ 9.233 человѣка, кромѣ множества плѣнныхъ и раненыхъ; потери же Новгородцевъ и ихъ союзниковъ были ничтожны. Такъ окончилась знаменитая Липецкая битва.

166. Шлемъ князя Ярослава Всеволодовича, потерянный имъ во время Липецкой битвы въ 1216 году и найденный на полѣ въ 1808 году. Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

Юрій, загнавъ трехъ коней, прискакалъ на четвертомъ во Владиміръ. Тамъ оставались только духовенство, жены и дѣти. Видя, что кто-то скачетъ къ городу, всѣ обрадовались, думая, что это гонецъ съ вѣстью о побѣдѣ. Но когда увидѣли, что это князь Юрій, приказывающій скорѣй укрѣплять стѣны, то всѣ смутились и вмѣсто веселья поднялся всеобщій плачъ. Ярославъ, потерявъ во время боя свой шлемъ и броню, тоже загналъ четырехъ коней и прибылъ на пятомъ въ Переяславль. Здѣсь, готовясь къ оборонѣ, онъ приказалъ запереть въ погреба находившихся въ городѣ Новгородскихъ и Смоленскихъ купцовъ, отчего полтораста Новгородцевъ и задохлись.

Между тѣмъ, Мстиславъ съ союзниками подошелъ къ Владиміру на Клязьмѣ. Нѣкоторые изъ нихъ стали проситься на приступъ, видя, что городъ горитъ въ разныхъ мѣстахъ, но Мстиславъ, не желая кровопролитія, не далъ своего согласія. На другой же день, изъ города вышелъ Юрій и помирился со своими противниками. Онъ уступилъ старшему брату Константину Владиміръ, а самъ долженъ былъ довольствоваться незначительнымъ Радиловымъ Городцемъ на Волгѣ. Ярославъ былъ признанъ всѣми виновникомъ всѣхъ обрушившихся бѣдъ. Когда союзники подошли къ Переяславлю, онъ послалъ богатые дары брату своему Константину и просилъ не выдавать его Мстиславу. Добросердечный Константинъ желалъ ихъ примирить. Но Мстиславъ не захотѣлъ видѣть Ярослава, а потребовалъ свою дочь, которую и взялъ къ себѣ. Потомъ Ярославъ нѣсколько разъ обращался къ нему съ жалобами и просьбами: «Развѣ не бываетъ распрей между князьями. Пришли ко мнѣ мою княгиню». Но Мстиславъ не отвѣчалъ,

и только спустя много времени отпустилъ къ нему жену, снисходя на его усиленныя ходатайства объ этомъ.

Липецкой побѣдой Мстиславъ уничтожилъ завѣщаніе Всеволода и возстановилъ старшинство Константина. Но Константинъ воспользовался этимъ не надолго. Онъ скончался въ началѣ 1218 года, искренно примирившись съ Юріемъ, и передалъ ему старшинство вмѣстѣ съ попеченіемъ о своихъ дѣтяхъ. При жизни Константинъ отличался большою добротою, за что и получилъ наименованіе Добраго, а также особенной любовью къ просвѣщенію.

Вернувшись послѣ Суздальскаго похода въ Новгородъ, Мстиславъ опять недолго сидѣлъ здѣсь. Въ 1218 году онъ собралъ вѣче и неожиданно объявилъ: «Кланяюсь Святой Софіи, гробу отца моего и вамъ! Хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ лечь у гроба отца моего, у Святой Софіи».

Новгородцы упрашивали его остаться, но напрасно.

Въ Галичѣ, между тѣмъ, вновь сидѣлъ малолѣтній Коломанъ, и подъ его рукой Латинское духовенство изгнало Православнаго Галицкаго епископа и Русскихъ священниковъ. Венгерскими же войсками Коломана начальствовалъ нѣкій вельможа Фильній. Будучи недалекъ умомъ, но отмѣнно спѣсивъ, онъ съ большимъ презрѣніемъ отзывался о Русскихъ войскахъ, говоря: «Одинъ камень много горшковъ побиваетъ»; говорилъ онъ также: «Острый мечъ, борзый конь—много Руси». Галичане называли его: «Филя величавый» или «Филя прегордый». Кромѣ Фили, дѣлами въ Галичѣ распоряжался и Русскій измѣнникъ, бояринъ Судиславъ. «Измѣнниче Судиславе! Мятежниче Земли»—не звали его иначе въ народѣ.

Изъ Новгорода Удалой направился въ Кіевъ, прибывъ куда онъ пригласилъ князей на съѣздъ, побуждая всѣхъ идти на Галичъ, чтобы отнять старинную Русскую Землю отъ иноплеменниковъ—Латинянъ. Сидѣвшій тогда въ Кіевѣ, Мстиславъ Романовичъ, внукъ Блаженнаго Ростислава, неохотно обѣщалъ свое содѣйствіе, что, конечно, вызвало къ нему охлажденіе со стороны Мстислава Удалого, но Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій выразилъ полную свою готовность участвовать въ походѣ; радъ былъ, разумѣется, прибытію тестя и молодой Даніилъ Романовичъ. Затѣмъ Мстиславъ сходилъ въ степь къ тестю хану Котяну, и этотъ тоже обѣщалъ придти со своими Половцами.

Противники Удалого, узнавъ о его замыслахъ, также готовились. Къ Коломану прибылъ сильный Венгерскій отрядъ. Лешко половину своихъ силъ отправилъ къ Галичу, а другую—двинулъ на Волынь противъ Даніила и Василька, которые все время терпѣли чрезвычайныя затрудненія какъ отъ Поляковъ и тестя Лешко—Александра Бельзскаго, такъ и отъ Ятвяговъ и Литовцевъ, натравляемыхъ на нихъ Поляками. «Не бѣ имъ помощи», говоритъ лѣтописецъ,—«ни отъ кого же, развѣ отъ Бога, дондеже приде Мстиславъ съ Половци».

Въ самомъ Галичѣ величавый Филя и измѣнникъ Судиславъ дѣятельно готовились къ оборонѣ и возбудили величайшее негодованіе Православ-

наго люда, когда изуродовали соборъ Святой Богородицы, обративъ его въ родъ крѣпости, для метанія въ наступающаго непріятеля стрѣлъ и камней. Венгры же и Поляки братались между собой и клялись «побѣдить или умереть».

Тѣмъ временемъ,Мстиславъ быстро подошелъ къ Галичу, такъ что Филя едва успѣлъ вывести свои войска въ поле и выстроить для боя, при чемъ раздѣлилъ ихъ на два отдѣльныхъ стана. Искусный въ ратномъ дѣлѣ Мстиславъ сразу оцѣнилъ своимъ военнымъ глазомѣромъ ошибочное расположеніе Филиныхъ войскъ и рѣшилъ воспользоваться этимъ, чтобы разбить ихъ. Онъ приказалъ Владиміру Рюриковичу со Смольнянами наступать на Поляковъ; самъ же сталъ между ними и Венграми, а Половцевъ поставилъ для дѣйствій въ тылу.

Скоро началось страшное побоище, въ которомъ наши одержали самую блистательную побѣду. Половцы кинулись было грабить добычу, но Русскіе безпощадно избивали враговъ, въ ужасѣ разсыпавшихся по всему полю. Самъ Филя заперся въ городской башнѣ, устроенной въ Богородичной церкви, и первый прислалъ переговариваться о сдачѣ. Однако Венгры, запертые съ Коломаномъ въ башнѣ, еще не сдавались нѣкоторое время, несмотря на страшную жажду. Тогда Мстиславъ послалъ въ подарокъ Коломану цѣлое ведро воды; измученные Венгры подѣлили ее по частямъ, а затѣмъ скоро сдались всѣ до единаго, вмѣстѣ съ Филей, Судиславомъ, Коломаномъ и Саломеей. Всѣ они были забраны въ плѣнъ; при этомъ, предатель Судиславъ, заливаясь слезами, палъ въ ноги Мстиславу, обнялъ колѣни и клялся, что будетъ ему служить до гроба, какъ вѣрный рабъ. Къ величайшему сожалѣнію, благодушный Мстиславъ не только не повѣсилъ его за измѣну Русскому дѣлу, но далъ ему еще на кормленіе одинъ изъ городовъ.

Узнавъ о гибели своихъ Поляковъ и о пораженіи Венгровъ, Лешко поспѣшилъ заключить миръ, опять «нача имѣть великую любовь къ Даніилу». А Даніилъ, обрадованный побѣдою тестя, съ малой дружиной прискакалъ въ Галичъ, чтобы привѣтствовать его. Весь Галицкій народъ восторженно величалъ Мстислава за свое освобожденіе «яснымъ соколомъ» и своимъ «краснымъ солнышкомъ».

Казалось бы, что свѣтлые дни должны были наступить послѣ этого какъ для Галича, такъ и на Волыни. Но это было не такъ. Скоро, какъ увидимъ, опять поднялись «многія крамолы и частыя возстанія, великія льсти и безчисленныя рати». Главной причиной всему этому былъ благодушный и довѣрчивый нравъ самого Мстислава.

Новгородцы, послѣ неожиданнаго отъѣзда Мстислава, вторично отправившагося искать Галичъ, приглашали къ себѣ на княженіе Святослава и Всеволода Мстиславовичей, сыновей Мстислава Романовича Кіевскаго. Время ихъ сидѣнія въ Новгородѣ ознаменовалось сильнѣйшей борьбой сторонъ, съ обычными кровавыми уличными побоищами, при чемъ борьба эта коснулась даже личности владыки. Кромѣ того, оба князя питали

особую вражду къ посаднику Твердиславу, которая еще болѣе обостряла городскіе раздоры. Дѣло кончилось тѣмъ, что Твердиславъ, будучи совершенно больнымъ и не желая, чтобы изъ-за него лилась кровь, тайно ушелъ въ монастырь и постригся, а князю Всеволоду былъ въ 1221 году указанъ путь, при чемъ вмѣсто него былъ принятъ другой Всеволодъ, сынъ великаго князя Юрія Владимірскаго. Но этому Всеволоду не понравилось сидѣть въ Новгородѣ, и онъ скоро тайно вышелъ изъ него.

Тогда Новгородцы пригласили къ себѣ вновь брата Юрія—Ярослава, того самого, изъ-за котораго они терпѣли такой страшный голодъ въ 1216 году, и котораго разбили потомъ на Липецкомъ полѣ. Но и Ярославъ тоже отъ нихъ скоро ушелъ, несмотря на просьбы Новгородцевъ, которые теперь желали, чтобы онъ у нихъ остался. Въ виду ухода Ярослава, они опять попросили къ себѣ Всеволода, сына Юрія, но онъ опять сидѣлъ у нихъ недолго и вновь тайно ушелъ, возмущенный нескончаемой крамолой и непрерывными кровопролитными схватками гражданъ. На этотъ разъ, Всеволодъ засѣлъ въ Торжкѣ и просилъ отца Юрія придти на помощь съ ратью, чтобы понудить Новгородцевъ силою прекратить усобицу, шедшую у нихъ. Это было въ 1224 году.

Конечно, при описанной выше безпрерывной смѣнѣ князей и при нескончаемой борьбѣ городскихъ сторонъ, Новгороду трудно было имѣть какой-либо успѣхъ противъ внѣшнихъ враговъ, а, между сѣмъ, кромѣ Чуди, нападенія Литвы на Земли Святой Софіи дѣлались все болѣе и болѣе дерзкими, а затѣмъ сильно давалъ себя чувствовалъ и новый врагъ, появившійся въ предѣлахъ Русской Земли.

Этотъ врагъ—были Нѣмцы.

Мы уже говорили въ первой части нашего труда, что Нѣмецкій Императоръ Карлъ Великій началъ еще въ восьмомъ вѣкѣ ожесточенную борьбу съ храбрыми Славянскими племенами, сидѣвшими въ Западной части Балтійскаго побережья. Съ тѣхъ поръ Нѣмцы были всегда безпощадными врагами Славянъ, при чемъ въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка одинъ изъ преемниковъ Карла Великаго—Германскій Императоръ Конрадъ Третій объявилъ крестовый походъ на западныхъ Славянъ—Бодричей, Любичей и Поморянъ, сражавшихся съ Нѣмцами съ величайшимъ мужествомъ, но, къ сожалѣнію въ концѣ концовъ побѣжденныхъ ими, вслѣдствіе своей разрозненности.

Затѣмъ Нѣмцы стали распространять свое вліяніе еще болѣе къ востоку.

Какъ мы знаемъ, древнія Русскія владѣнія по берегамъ Балтійскаго моря были заселены различными языческими племенами, частью Литовскими (Ливы, Куры, Летты, Земигола или Жмудь и другіе), частью Финскими (Чудь, Эсты, Водь и пр.); владѣнія эти дѣлились на двѣ половины: сѣверная зависѣла болѣе или менѣе отъ Новгорода, южная—отъ Полоцка.

Однажды бурей въ устья Западной Двины было занесено Нѣмецкое торговое судно. Это было въ 1158 году. Мѣстные обитатели--Ливы, встрѣтили

его крайне недружелюбно, но послѣ схватки съ Нѣмцами, при чемъ побѣда осталась за послѣдними, Ливы стали сговорчивѣе и стали обмѣнивать свои произведенія на ихъ товары; эта мѣна была произведена съ такой выгодой для Нѣмцевъ, купцовъ города Бремена, что они начали уже нарочито заходить въ устья Двины съ товарами и скоро образовали здѣсь два укрѣпленныхъ поселка—Укскуль и Даленъ.

Какъ извѣстно, Римскіе папы, ставъ свѣтскими государями, усердно разыскивали языческія страны, чтобы насаждать въ нихъ Латинство, и затѣмъ включать въ свои владѣнія. Такъ и папа Александръ Третій, узнавъ о существованіи язычниковъ Ливовъ, и объ основаніи Нѣмцами въ ихъ Землѣ двухъ поселковъ, послалъ сюда искуснаго проповѣдника, монаха Мейнгарда. Онъ отправился въ Полоцкъ къ мѣстному Русскому князю испросить позволеніе выстроить въ Укскулѣ Латинскую церковь и крестить въ свою вѣру язычниковъ—Ливовъ. Тотъ, очевидно не соображая, какія важныя послѣдствія можетъ повести это разрѣшеніе, согласился, и Мейнгардъ сталъ обращать Ливовъ въ Латинство.

167. „Того же лѣта придоша нѣмцы въ силѣ велицей изъ за моря въ Ригу".

Изъ Царственнаго лѣтописца.

При этомъ онъ сталъ учить ихъ строить крѣпкіе замки изъ камня по Нѣмецкому образцу, чтобы успѣшно защищаться въ нихъ отъ враговъ. Однако, пастве его плохо прививалось христіанство; скоро многіе язычники начали обнаруживать явно враждебныя дѣйствія противъ него, а уже крещеные стали погружаться въ Двину, чтобы смыть съ себя крещеніе и отослать въ Германію; товарища же Мейнгарда, монаха Ѳеодориха, однажды хотѣли принести въ жертву языческимъ богамъ, а другой разъ—убить за то, что случилось солнечное затменіе.

Видя плохой успѣхъ своей проповѣди, Мейнгардъ обратился къ папѣ, прося объявить крестовый походъ, для проповѣди Латинства Ливамъ, но не дождался прибытія крестоваго ополченія и умеръ въ 1193 году. Въ этомъ же году, Датскій король Канутъ Шестой присталъ къ Эстонскому берегу, утвердился здѣсь и сталъ силой распространять Латинство. Затѣмъ прибылъ новый епископъ, на мѣсто Мейнгарда, по имени Бартольдъ, но былъ такъ плохо встрѣченъ туземцами, что поспѣшилъ бѣжать и вновь обратился къ папѣ, прося скорѣй объявить крестовый походъ. Папа внялъ

его просьбѣ и объявилъ всѣмъ отпущеніе грѣховъ, кто отправится съ Бартольдомъ противъ Ливовъ. Скоро онъ прибылъ со значительнымъ отрядомъ и высадился въ устьяхъ Двины: туземцы обратились къ нему съ такимъ словомъ: «Отпусти войско домой и ступай съ миромъ на свое епископство; кто крестился, тѣхъ ты можешь принудить оставаться христіанами; другихъ убѣждай словами, а не палками». Но Бартольдъ не внялъ ихъ совѣту; онъ самолично принялъ участіе въ битвѣ, которая произошла вслѣдъ за тѣмъ, и былъ изрубленъ язычниками. Нѣмцы, однако, побѣдили; они страшно опустошили страну, силою крестили туземцевъ, опредѣлили въ ней священниковъ и затѣмъ удалились. Но какъ только они сѣли на корабли, туземцы тотчасъ же стали окунаться въ Двину, чтобы смыть съ себя крещеніе, и выгнали отъ себя священниковъ.

168. Печать епископа Альберта Буксгевдена.

Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ новый епископъ; онъ привезъ съ собой войско уже на 23 корабляхъ. Имя его было Альбертъ Бугсгевденъ. Это былъ человѣкъ исключительнаго ума и силы воли. Онъ сразу понялъ, что Нѣмцамъ надо твердо укрѣпиться въ странѣ Ливовъ, чтобы обратить ихъ въ христіанство и владѣть ими. И вотъ, въ 1200 году, онъ закладываетъ у устья Двины городъ Ригу и обноситъ его крѣпкою стѣною; затѣмъ онъ ѣдетъ въ Германію, дѣятельно набираетъ тамъ поселенцевъ для новаго города, и, наконецъ, испрашиваетъ разрѣшеніе у папы Иннокентія Третьяго — устроить, по образцу бывшихъ въ Палестинѣ, военное братство, или *Орденъ* воинствующихъ монаховъ-рыцарей. Папа вполнѣ одобрилъ мысль Альберта и въ 1202 году на нашемъ Балтійскомъ побережьѣ появились рыцари Ордена Меча; они носили бѣлый плащъ съ нашитымъ краснымъ мечомъ и крестомъ, вмѣсто котораго впослѣдствіи начали нашивать звѣзду.

169. Нѣмецкій рыцарь ордена Меченосцевъ.

Такъ стали твердою ногою Нѣмцы въ устьяхъ Западной Двины. Полоцкіе князья этому не препятствовали. Раздѣленные на множество мелкихъ княженій, они были постоянно заняты взаимными усобицами и, конечно, не отдавали себѣ яснаго отчета о всей важности утвержденія Нѣмцевъ въ нашихъ владѣніяхъ. Впрочемъ, они дѣлали попытки брать дань съ новыхъ пришельцевъ и взяли ее въ 1203 году съ жителей Укскуля.

Затѣмъ, было со стороны Полоцкаго князя двѣ попытки овладѣть, по просьбѣ Ливовъ, Ригою, но обѣ онѣ не удались; при послѣдней изъ нихъ, предпринятой во время отсутствія Альберта, который выѣхалъ въ Германію набирать войско, наши чуть было уже не ворвались въ Ригу, но въ это время, какъ разъ, на морѣ показались корабли съ войсками, которыя велъ возвращавшійся Альбертъ, и Полоцкій князь долженъ былъ уйти ни съ чѣмъ. Эта неудача Русскихъ нанесла страшный ударъ всему дѣлу туземцевъ; они убѣдились, что сила на сторонѣ Нѣмцевъ, и самые упорные изъ нихъ поспѣшили принять Латинство.

170. Развалины Кукейноса на Западной Двинѣ.

Конечно, одни Полоцкіе князья, разъединенные между собой и имѣя, кромѣ того, опаснаго врага въ Литовцахъ, не могли бороться со сплоченнымъ нашествіемъ Нѣмцевъ, которые съ обычной настойчивостью и холодной жестокостью продолжали распространять свои захваты. Скоро захватамъ этимъ подверглись и два Русскихъ удѣльныхъ владѣнія по Западной Двинѣ: Кукейносъ (нынѣшній Кокенхузенъ) и Герсикъ.

Въ Кукейносѣ сидѣлъ одинъ изъ Полоцкихъ князей—Вячеславъ. Будучи не въ силахъ бороться съ Литовцами, онъ имѣлъ неосторожность попросить въ 1207 году у Альберта помощи, въ случаѣ ихъ нападенія на Кукейносъ. Епископъ согласился. Вскорѣ послѣ этого, одинъ изъ рыцарей внезапно напалъ на Кукейносъ, захватилъ жителей, ихъ имѣніе, и заключилъ самого князя въ оковы. Альбертъ заступился за Вячеслава, но потребовалъ сдачи Нѣмцамъ половины крѣпости и ввелъ въ нее свои войска. Конечно, это скоро показалось нестерпимымъ Вячеславу, и онъ, разсчитывая, что епископъ долженъ отплыть въ Германію, сталъ избивать

Нѣмцевъ, хозяйничавшихъ въ Кукейносѣ, какъ дома. Однако, на его несчастье, противные вѣтры задержали отплытіе Альберта въ Германію; онъ быстро подошелъ къ Кукейносу съ войскомъ, и Вячеславъ долженъ былъ зажечь свое родовое гнѣздо, уйти изъ него со своими людьми и искать съ ними спасенія отъ безпощаднаго гнѣва Нѣмцевъ въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ.

Послѣ Кукейноса палъ въ 1209 году и Герсикъ, гдѣ сидѣлъ храбрый и мужественный князь Всеволодъ, женатый на дочери одного изъ Литовскихъ князей, которую нѣжно любилъ. Рѣшивъ завладѣть Герсикомъ, Альбертъ напалъ на него совершенно нечаянно; Всеволодъ успѣлъ спастись на лодкахъ черезъ Двину, но княгиня его попалась въ плѣнъ. Благородные Латинскіе иноки-рыцари вмѣстѣ со своимъ пастыремъ Альбертомъ пробыли въ городѣ цѣлый день и ограбили его дочиста; снесли изо всѣхъ угловъ города платье, серебро, изъ церквей колокола, иконы и всякія украшенія. Затѣмъ, уходя въ Ригу, они сожгли Герсикъ. Несчастный Всеволодъ, видя все это съ противоположнаго берега, жалостно стенялъ: «Герсикъ! любимый городъ, дорогая моя отчина! пришлось мнѣ увидѣть, бѣдному, сожженіе моего города и гибель моихъ людей!» Онъ отправился вслѣдъ за епископомъ въ Ригу, назвалъ его отцомъ, всѣхъ Латинянъ братьями, и просилъ только, чтобы ему отдали жену и всѣхъ Русскихъ. На это Альбертъ поставилъ условіе, чтобы онъ отдалъ свое княжество навѣки въ даръ Ордену и сидѣлъ бы въ немъ какъ подручникъ Нѣмцевъ. Всеволодъ вынужденъ былъ согласиться и далъ обѣщаніе открывать епископу всѣ замыслы Русскихъ и Литовцевъ. Но, вернувшись домой, онъ, само собой разумѣется, сталъ сноситься съ Литовцами и возбуждать ихъ противъ Нѣмцевъ. Тогда послѣдніе снова пошли на Герсикъ и овладѣли имъ окончательно, повидимому, въ 1215 году, при чемъ Всеволодъ былъ убитъ.

Особенное ожесточеніе возбудили противъ себя Нѣмцы во Псковѣ. Въ 1213 году Псковичи изгнали своего князя Владиміра, родного брата Мстислава Удалого, за то только, что онъ выдалъ свою дочь за брата епископа Альберта.

Послѣ этого Владиміръ отправился въ Ригу, служилъ нѣкоторое время Ордену, исполняя обязанности воеводы въ одномъ округѣ, но затѣмъ раскаялся и вернулся во Псковъ, гдѣ сталъ опять княжить. Въ 1216 году онъ участвовалъ въ Липецкой битвѣ, а въ 1217 году ему удалось отомстить своимъ прежнимъ друзьямъ. Онъ отправился съ Псковичами и Новгородцами на Чудь и подошелъ къ ихъ главному городу Медвѣжьей Головѣ или Оденпе. Чудь начала слать къ Русскимъ съ поклономъ, а въ это время навела Нѣмцевъ, которые совершенно неожиданно напали передъ разсвѣтомъ на станъ Новгородцевъ. Тѣ, однако, спохватились и выбили Нѣмцевъ, нанеся имъ большія потери, при чемъ въ руки Владиміра попалъ его зять, братъ Альберта, котораго онъ и отвелъ во Псковъ.

Но, разумѣется, это былъ только частный успѣхъ, который нисколько не могъ поправить Русское дѣло на Балтійскомъ побережьи; какъ мы ви-

дѣли, общей власти надъ Русской Землею не было вовсе, а ближайшіе сосѣди Нѣмцевъ—Полоцкіе князья и Господинъ Великій Новгородъ были ослаблены внутренними распрями. Поэтому только Нѣмцы и могли неуклонно подвигаться впередъ и прочно захватывать въ свои руки древнія Русскія владѣнія.

Наконецъ, въ 1224 году, передъ ними пало самое старое и самое крѣпкое Русское поселеніе въ Чудской Землѣ, городѣ Юрьевъ, основанный Ярославомъ Мудрымъ. Здѣсь сидѣлъ въ это время заклятый врагъ Нѣмцевъ—Вячеславъ или Вячко, который, какъ мы видѣли, вынужденъ былъ ими покинуть, нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, свою вотчину Кукейносъ. Конечно Вячко хорошо помнилъ свою обиду и не пропускалъ случая, чтобы нанести изъ своего Юрьева какъ можно болѣе зла ненавистнымъ Нѣмцамъ; къ нему же стекались всѣ туземцы, недовольные пришельцами. И вотъ, противъ Вячко собралась вся Нѣмецкая сила.

15 августа подошли къ Юрьеву и осадили его: всѣ рыцари Ордена, слуги Римской церкви, крестоносцы, купцы, граждане Рижскіе, крещеные Ливы и Летты. Нѣмцы приготовили множество осадныхъ орудій, выстроили изъ огромнѣйшихъ деревьевъ башню, въ уровень съ городскими стѣнами, и стали день и ночь вести подкопъ. Но Вячко тоже съ необыкновеннымъ искусствомъ и мужествомъ отражалъ всѣ ихъ попытки взять городъ и отказался вступить съ ними въ переговоры. Такъ продолжалось много дней. Наконецъ, Нѣмцы собрали военный совѣтъ, на которомъ рѣшили: взять Юрьевъ приступомъ и, въ примѣръ другимъ Русскимъ городамъ, всѣхъ жителей избить или полонить, при чемъ, кто первый взойдетъ на стѣну, тотъ получитъ, кромѣ множества добычи, и самаго знатнаго плѣнника, исключая князя Вячко, который будетъ повѣшенъ на самомъ высокомъ деревѣ.

На слѣдующій день послѣдовалъ приступъ. Но онъ былъ отбитъ. Осажденные сдѣлали въ стѣнѣ большое отверстіе и выкатили оттуда раскаленныя колеса, которыя зажгли башню, причинявшую имъ столько вреда. Однако, брату епископа со своими слугами удалось затѣмъ взобраться на стѣну; за ними полѣзли другіе, потомъ ворвались Ливы и Летты, и началась рѣзня. Русскіе мужественно сопротивлялись, но были, наконецъ, перебиты. Изъ всѣхъ мужчинъ Нѣмцы оставили только одного—слугу Суздальскаго князя; они дали ему лошадь и отправили въ Новгородъ, откуда Вячко ожидалъ помощи—съ извѣстіемъ о своей побѣдѣ.

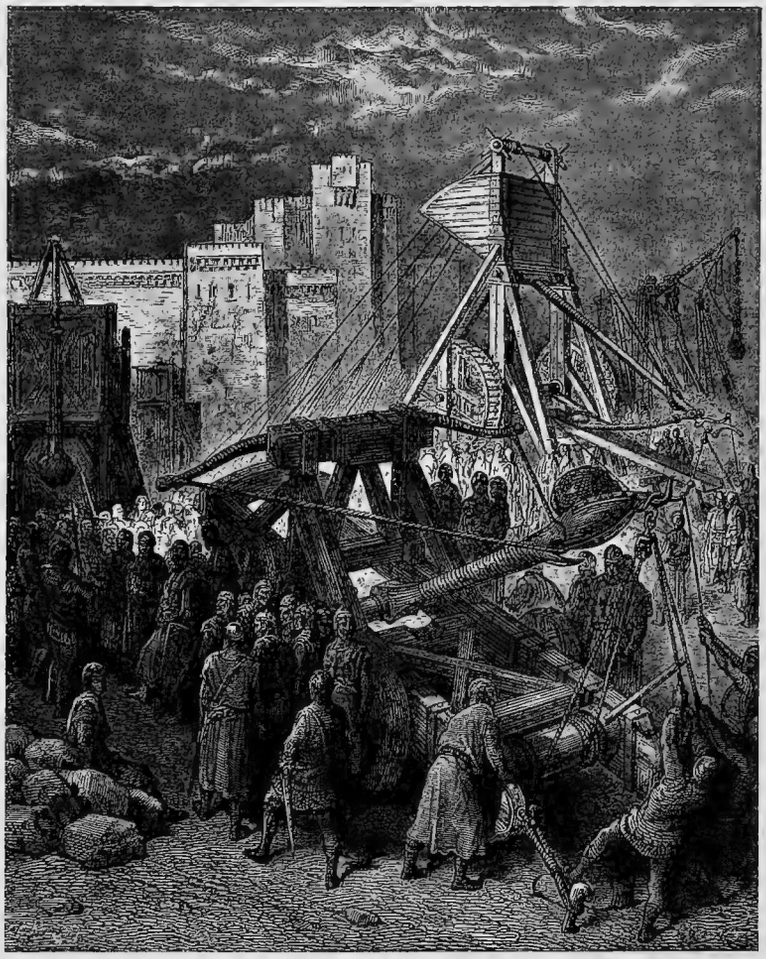
Это было въ 1224 году.

Въ этомъ же роковомъ году появился и другой страшный и невиданный врагъ. «Се лютая година наступила. Уже бяше Божьяго гнѣву не противитися: недоумѣніе бо и грозу, и страхъ и трепетъ наведе на ны за прегрѣшенія наша... Пріидоша языца незнаемая, безбожные Моавитяне, рекомые Татары»,—въ ужасѣ восклицаетъ лѣтописецъ.

Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ изложенію дальнѣйшихъ грозныхъ и неожиданныхъ событій, потрясшихъ до основанія жизнь Русской Земли,

взглянемъ, что происходило кругомъ нашей Родины, ко времени появленія Татаръ, и чѣмъ она являлась сама.

Мы видѣли, какъ Нѣмцы, пользуясь внутренними нестроеніями на Руси, прочно утверждались на нашихъ берегахъ Балтійскаго моря. Одно время опасными соперниками для нихъ могли быть Датчане; какъ мы уже



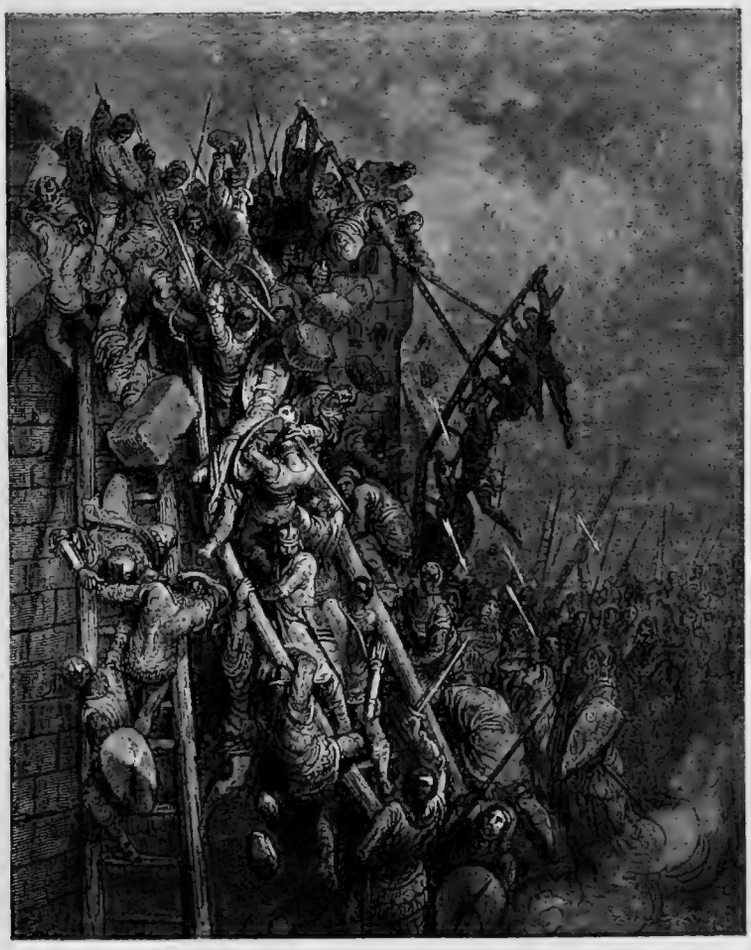
171. Рыцари подступаютъ къ городу со своими осадными орудіями.
Рисунокъ Густава Доре.

говорили, Канутъ Шестой Датскій въ 1196 году утвердился на Эстонскомъ побережьѣ; но Нѣмцамъ удалось скоро справиться съ этими соперниками; они обманомъ захватили на охотѣ преемника Канута—брата его Вольдемара Второго и нѣсколько лѣтъ продержали послѣдняго въ заточеніи, при чемъ за это время почти всѣ Датскія пріобрѣтенія на Балтійскомъ морѣ перешли въ руки Нѣмцевъ.

Что касается Шведовъ, то они, въ разсматриваемыя нами времена, не могли соперничась съ Нѣмцами, такъ какъ у нихъ непрерывно шла жестокая и кровопролитная усобица, закончившаяся только въ 1222 году—

избраніемъ короля Эриха Эрихсона; скоро этотъ слабый человѣкъ подпалъ подъ вліяніе могущественнаго вельможи—ярла *) Биргера, который сталъ приводить страну въ порядокъ и готовить престолъ собственной семьѣ.

Въ Польшѣ, со второй половины двѣнадцатаго вѣка, какъ мы указывали, шли также жестокія распри, и она была раздѣлена на четыре боль-



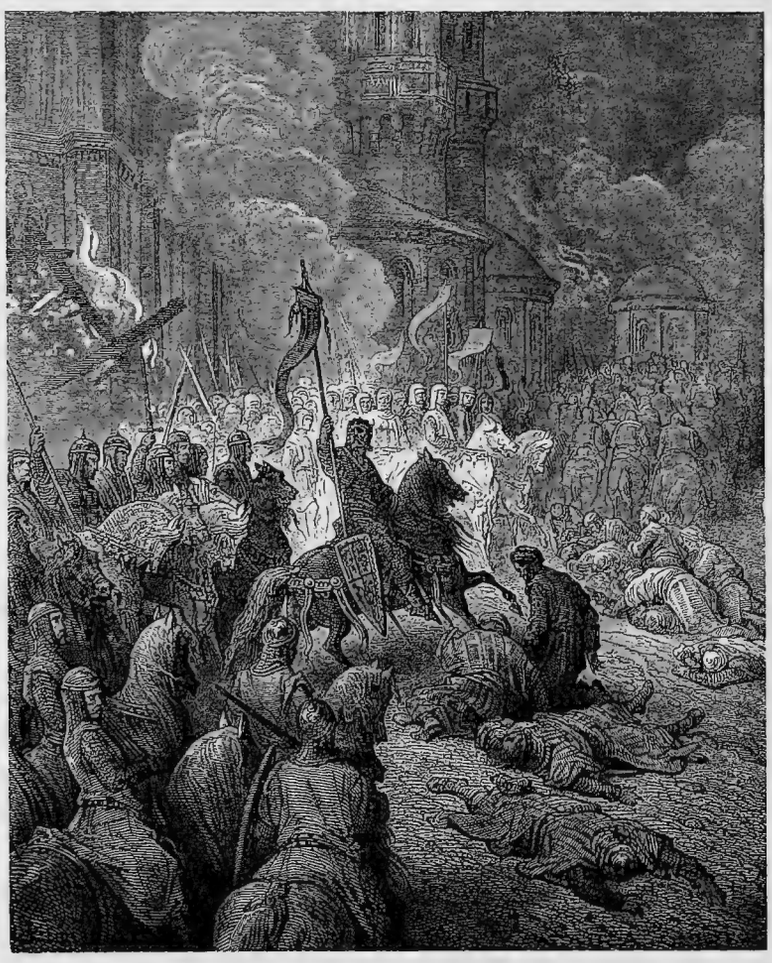
172. Рыцари идутъ на приступъ
Рисунокъ Густава Доре.

шихъ отдѣльныхъ княжества; во главѣ одного изъ нихъ, Мазовецкаго, и стоялъ Лешко Польскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Поляки были все время заняты и внѣшней борьбой съ опасными сосѣдями: Нѣмцами, Чехами и Литовскимъ племенемъ—Пруссами.

Со смутой и безправнымъ положеніемъ короля среди своихъ вельможъ въ Венгріи мы уже достаточно познакомились при описаніи событій въ Галицкой Землѣ.

*) Ярлъ—званіе, дававшееся высшимъ вельможамъ въ Швеціи.

Ужасающія усобицы и смѣны императоровъ происходили въ концѣ двѣнадцатаго и началѣ тринадцатаго вѣковъ и въ Греческой Землѣ, при чемъ въ 1204 году Царьградъ былъ неожиданно взятъ Латинскими рыцарями-крестоносцами, отправлявшимися въ новый крестовый походъ, для обратнаго добыванія Іерусалима, который былъ у нихъ отобранъ въ двѣнад-



173. Взятіе крестоносцами Константинополя.
Рисунокъ Густава Доре.

цатомъ вѣкѣ мусульманами, воспользовавшимися распрями, постоянно царившими среди крестоносцевъ въ Палестинѣ.

Захватъ Царьграда былъ дѣломъ рукъ правителя или дожа богатѣйшаго по своей морской торговлѣ города Венеціи—Генриха Дандоло. Онъ посовѣтовалъ крестоносцамъ, которые отправлялись въ Палестину черезъ Венецію, предварительно овладѣть Константинополемъ, при чемъ далъ имъ этотъ совѣтъ исключительно въ цѣляхъ собственной своей наживы. Этотъ Дандоло, увѣчный и почти слѣпой девяносто-трехъ лѣтній старикъ, самолично распоряжался какъ приступомъ, такъ и послѣдующимъ ужасающимъ разграбленіемъ города.

Рыцари, плавая въ крови мирныхъ обитателей Царьграда, позволяли себѣ неслыханныя жестокости и святотатства. Всѣ церкви были ими дочиста ограблены; въ числѣ похищенныхъ святынь были: Животворящій Крестъ и терновый Вѣнецъ Господень, риза Богородицы, глава Іоанна Крестителя, мощи Апостола Андрея Первозваннаго и великихъ святителей Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, равноапостольной царицы Елены и святого Іоанна Милостиваго. Во храмѣ Святой Софіи благородные рыцари собственноручно изрубили на части и раздѣлили между собой Святой Престолъ, слитый изъ золота съ драгоцѣнными каменьями, въ то время, какъ распутная женщина плясала на горнемъ мѣстѣ и пѣла непристойныя пѣсни. Когда Латиняне творили эти неслыханныя кощунства и святотатства,

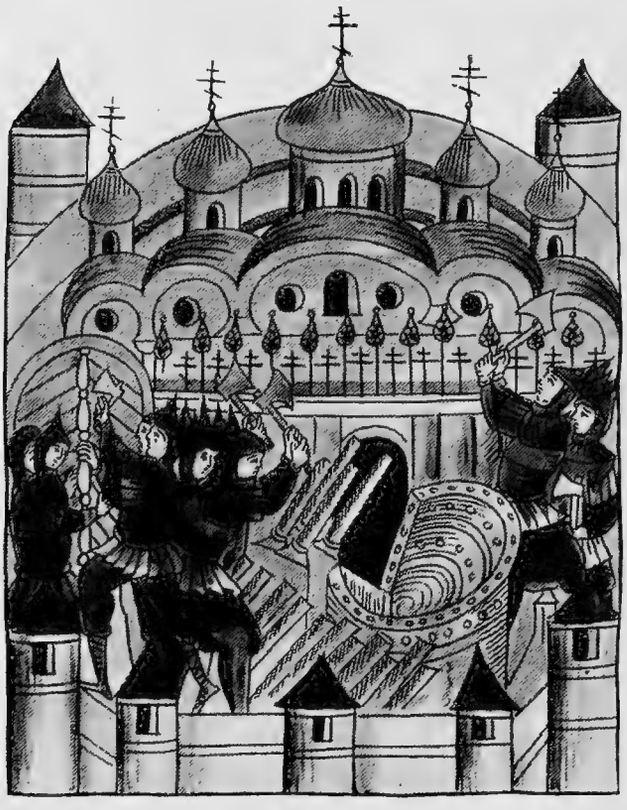
174. Изображеніе взятія Царьграда крестоносцами, написанное по приказанію Французскаго короля Людовика XI въ XV вѣкѣ.

патріархъ Іоаннъ, одѣтый въ рубище, верхомъ на ослѣ выѣхалъ изъ залитаго кровью несчастнаго города.

Властолюбивый папа Иннокентій Третій поспѣшилъ, разумѣется, воспользоваться разрушеніемъ Константинополя крестоносцами и удаленіемъ изъ него патріарха и пытался подчинить себѣ Русскую церковь но попытка его осталась безъ послѣдствій, при чемъ митрополиты наши ставились изъ Никеи, гдѣ проживали патріархи до изгнанія Латинянъ изъ Царьграда, что случилось, какъ мы увидимъ, въ 1261 году.

Во время описанныхъ нами событій на Западѣ, расположенная за Кавказскимъ хребтомъ единовѣрная намъ Грузія переживала свой золотой вѣкъ. Здѣсь, въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, воцарилась необыкновенная женщина—Великая Тамара, преданіями о славныхъ дѣлахъ которой живутъ Грузины и до настоящаго времени, приписывая ей всѣ выдающіяся дѣла въ ихъ Землѣ и построеніе почти всѣхъ крѣпостей и замковъ. Эта Тамара,

очаровательная своимъ обликомъ и соединявшая огромный государственный умъ съ рѣдкой душевной чистотой, была строгой ревнительницей Православія и вела рядъ удачныхъ войнъ съ грозными сосѣдями—мусульманскими государями, искусно воспользовавшись тѣмъ, что во время ея царствованія они должны были постоянно вести напряженную борьбу съ крестоносцами. Она всегда лично присутствовала въ сраженіяхъ, не вмѣшиваясь, однако, въ распоряженія военачальниковъ, но ободряя ихъ и солдатъ своимъ ласковымъ словомъ и нѣжной заботой. Конечно, ея воины, сражаясь на глазахъ боготворимой ими царицы, совершали чудеса храбрости. Тамара сочеталась бракомъ съ сыномъ Андрея Боголюбскаго—Юріемъ; но Юрій не оцѣнилъ достоинствъ своей супруги, хотѣлъ царствовать самъ надъ Грузинами, поднялся на нее войною и, проигравъ большое сраженіе, былъ съ честью отпущенъ ею.



175. Ограбленіе крестоносцами храма Святой Софіи въ Царьградѣ... „Внидоша въ Святую Софію и одраша двери и разъсѣкоша амвонъ".

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Что касается нашихъ сосѣдей—Половцевъ, то съ ними постоянно и безпрерывно шла тяжелая и утомительная борьба, достаточно нами уже очерченная. Лѣтопись насчитываетъ 37 значительныхъ Половецкихъ нашествій до появленія Татаръ; конечно, мелкихъ было гораздо больше.

Постоянно же шла у насъ борьба и съ пограничными Финскими племенами: ее вели какъ Новгородцы, такъ и Суздальскіе князья.

Новгородцы имѣли столкновенія: съ *Водью*, обитавшей въ нынѣшней Петербургской губерніи; *Чудью*—жившей западнѣе Води, вдоль побережья; *Ямью*—населявшей Финляндію, *Корелою*—расположенной вокругъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ, и съ Финнами, составлявшими населеніе крайнихъ сѣвера и востока Европы: *Заволжской Чудью, Печерой, Югрою и Пермью.*

Въ эти дальнія страны Новгородцы ходили за данью, при чемъ походы ихъ бывали порой и неудачными. Такъ, Новгородскіе данники потерпѣли

сильнѣйшее пораженіе въ 1193 году отъ Югры, жившей на Уралѣ, благодаря тому, что ихъ выдалъ непріятелю свой же измѣнникъ, какой-то злодѣй Савка.

Тутъ же на далекомъ сѣверо-востокѣ, въ послѣдней четверти двѣнадцатаго вѣка, была устроена Новгородскими выходцами независимая община Вятка, на подобіе Тмутаракани или Берлада.

Суздальскимъ князьямъ приходилось воевать съ Финнами, обитавшими на Волгѣ и ея притокахъ, главнымъ образомъ, съ Мордвой и Болгарами. Мы уже видѣли, что Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое Гнѣздо предпринимали противъ Болгаръ нѣсколько удачныхъ походовъ. Послѣ же

176. Древняя стѣнопись, изображающая царицу Тамару съ отцомъ и сыномъ, а по сторонамъ Св. Димитрія и Св. Георгія Побѣдоносца, въ Вифанійскомъ храмѣ близъ Тифлиса.

смерти Всеволода, во время усобицъ, возникшихъ среди его сыновей, Болгары предприняли сами наступательное движеніе и взяли у насъ въ 1217 году Устюгъ, при чемъ только въ 1220 году Юрій Всеволодовичъ Суздальскій собрался послать противъ нихъ сильную рать. Походъ этотъ былъ успѣшенъ и закончился взятіемъ Болгарскаго города Ошела и многихъ другихъ городовъ по рѣкѣ Камѣ. Обрадованный Юрій выѣхалъ самъ навстрѣчу своимъ войскамъ, щедро наградилъ ихъ, пировалъ три дня и заложилъ въ 1221 году для закрѣпленія своихъ завоеваній городъ Нижній-Новгородъ, у впаденія Оки въ Волгу. Онъ былъ основанъ на Землѣ Мордвы, съ которой поэтому тоже пришлось вступить въ упорную и кровавую борьбу.

Кромѣ борьбы съ Финскими племенами, въ первой четверти тринадцатаго вѣка у насъ значительно усилились столкновенія и съ многочисленными вонственными племенами Литовскими, которыя замѣтно стали проявлять большую дѣятельность.

Таково было ко времени появленія Татаръ положеніе дѣлъ въ пограничныхъ съ Русскою Землею странахъ и государствахъ.

Какъ мы видѣли, въ большинствѣ случаевъ въ нихъ шли неменьшія, чѣмъ у насъ, усобицы и нестроенія.

Переходя къ очерку внутренняго состоянія нашей Родины къ этому же времени, мы должны замѣтить, что въ предыдущемъ изложеніи уже достаточно очерчена главнѣйшая перемѣна, произошедшая на Руси послѣ кончины Ярослава Мудраго—раздѣленіе власти надъ Землею, и слѣдствія

177. Мордовское „Абрамово" городище, на Дятловыхъ горахъ, гдѣ теперь стоитъ Нижній Новгородъ.

Рис. Демьянова.

этого раздѣленія: умаленіе значенія княжескаго достоинства среди населенія, распаденіе Русской Земли на нѣсколько отдѣльныхъ Земель и полное паденіе Кіева.

По внѣшности же, Русская жизнь мало отличалась отъ той, которую мы видѣли въ концѣ княженія Ярослава Мудраго.

Князья попрежнему проводили все свое время съ дружиною, и безъ совѣта ея старшихъ мужей—«боярской думы»—не предпринимали ни одного важнаго дѣла. Люди дружины, такъ же какъ и прежде, могли свободно переходить отъ одного князя къ другому; но, конечно, при частыхъ смѣнахъ князьями столовъ, переходы эти должны были участиться, при чемъ, разумѣется, среди дружинниковъ должно было падать чувство преданности

къ своему князю, а развивалось исканіе личной выгоды. «Прошли тѣ времена»,—говоритъ лѣтописецъ—«когда бояринъ не твердилъ князю: «мнѣ мало двухсотъ гривенъ», а довольствовался жалованьемъ и говорилъ товарищамъ: «Станемъ за князя, станемъ за Русскую Землю»; тогда жены боярскія носили не золотыя, а просто серебрянныя кольца. Нынѣ другія времена!»

Доходы князя, какъ и прежде, составляли дани, получаемыя съ населенія, судебныя пени и торговыя пошлины; кромѣ того, князья обладали значительными помѣстьями.

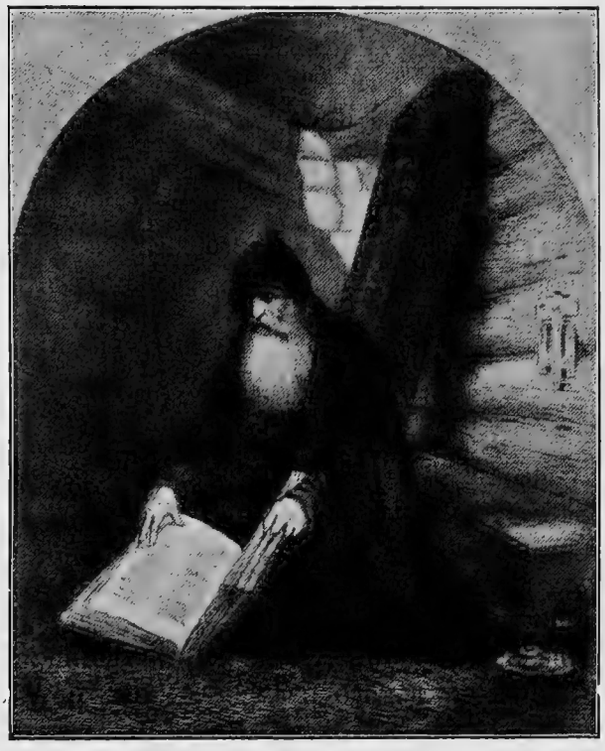
Что же касается бояръ, то они, главнымъ образомъ, кормились жалованьемъ отъ князя; земельныя же ихъ владѣнія не должны были быть значительными, въ виду частаго перехода дружинъ изъ одной волости въ другую. Исключеніе изъ этого составляли Новгородскіе и Галицкіе бояре, которые, не слѣдуя за князьями при перемѣнѣ ими столовъ, скоро сосредоточили въ своихъ рукахъ огромныя земельныя богатства и являлись силой, обыкновенно, весьма враждебной княжеской власти.

Все населеніе, кромѣ дружины и духовенства, носило общее названіе «люди»; крестьяне же, обыкновенно, прозывались «смердами»; къ смердамъ причисляли также мелкихъ купцовъ, промышленниковъ и ремесленниковъ. Главное занятіе крестьянъ было земледѣліе, скотоводство и бортничество, то-есть собираніе меда въ бортяхъ, или старыхъ дуплахъ деревьевъ. Крестьяне были людьми свободными. Такими же свободными людьми было и все посадское населеніе, особенно многочисленное въ городахъ Суздальской Земли. Кромѣ свободныхъ людей, были и полусвободные, такъ называемые «закупы», обязанные за долгъ отработать извѣстное число лѣтъ; наконецъ, были, какъ и во всѣхъ Европейскихъ государствахъ того времени, рабы или «холопы», находившіеся въ полной волѣ у своихъ господъ. Рабами дѣлались, главнымъ образомъ, неоплатные должники, а также и плѣнники, захватываемые въ многочисленныхъ походахъ того времени. У князей и бояръ рабы эти употреблялись для работы въ имѣніяхъ: они носили общее названіе «челяди», и многіе изъ нихъ отличались замѣчательной преданностью своихъ господамъ, что свидѣтельствуетъ, конечно, о добрыхъ, родственныхъ, отношеніяхъ господствовавшихъ между слугами и ихъ владѣльцами.

Что же касается Русскихъ князей, то мы видѣли, что большинство изъ нихъ, несмотря на постоянныя усобицы между собой, поражаютъ насъ своимъ благородствомъ, мужествомъ и сердечною добротою. Особенно отличались своими высокими душевными качествами потомки святого Мстислава Великаго, какъ бы передавая ихъ по наслѣдству отъ отца сыну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны отмѣтить также рядомъ съ распрями, имѣвшими мѣсто среди преемниковъ Ярослава Мудраго, и много образцовъ самой трогательной братской привязанности: такова была братская любовь Василька и Володаря, Святослава Ольговича и его несчастнаго брата Игоря, сыновей Святослава Ольговича—Игоря Сѣверскаго и буй-тура Всеволода и, наконецъ, юныхъ Даніила и Василька Романовичей.

Почти всѣ наши князья, можетъ быть, за исключеніемъ одного Владимірка Галицкаго, были людьми глубоковѣрующими и своимъ благочестіемъ служили добрымъ примѣромъ для подданныхъ. Нерѣдко передъ кончиной они принимали постриженіе и даже схиму.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, семейная жизнь нашихъ князей отличалась большой чистотой и привязанностью къ своимъ женамъ, въ полную противоположность тому, что дѣлалось въ это время на Западѣ.



178. Въ кельѣ схимника.
Изъ собранія Е. Г. Шварца.

Наконецъ, надо сказать, что князья наши, такъ же какъ и во времена Ярослава Мудраго, получали разностороннее образованіе, и нѣкоторые изъ нихъ были дѣйствительно высокообразованными людьми. Храбрый Михалко, братъ Всеволода Большое Гнѣздо, могъ такъ же свободно говорить по-Латыни и по-Гречески, какъ и по-Русски, и превосходно зналъ Священное Писаніе, но не любилъ спорить о вѣрѣ; замѣчательнымъ образованіемъ отличался и Ярославъ Осмомыслъ; сынъ Всеволода Суздальскаго—Константинъ тоже былъ необыкновенно начитанъ; однѣхъ Греческихъ книгъ у него было болѣе тысячи, а кроткій Романъ Ростиславовичъ Смоленскій былъ то дого преданъ наукѣ и такъ заботился о просвѣщеніи, устраивая множество училищъ, въ которыхъ были Греческіе и Латинскіе учителя, что истратилъ на это все свое немалое состояніе, почему послѣ смерти Смольняне должны были хоронить его на свой счетъ.

Любимымъ чтеніемъ на Русскомъ языкѣ, кромѣ Священнаго Писанія, были многочисленные переводы сказаній о прошломъ разныхъ странъ, преимущественно съ Греческаго языка; эти переводныя сказанія, писаніе которыхъ началось на Руси съ одиннадцатаго вѣка, вмѣстѣ съ различными поученіями соединялись въ «Изборники», носившіе названіе «Златоустовъ», «Златоструевъ», «Измарагдовъ» и «Палей»; были также и особые сборники «Пчелы», заключавшіе въ себѣ изреченія отцовъ церкви и древнихъ мудрецовъ.

Наконецъ, были произведенія и своихъ Русскихъ писателей. Во-первыхъ умножилось число лѣтописцевъ, и до насъ съ тѣхъ временъ дошли лѣтописи: Кіевская, Волынская, Новгородская и Суздальская; первыя двѣ отличаются живымъ изложеніемъ и образностью языка; Новгородскіе лѣтописцы выражаются весьма кратко и отрывисто, а Суздальскіе—страдаютъ дѣланнымъ, вычурнымъ языкомъ. Сохранились съ тѣхъ временъ и нѣсколько замѣчательныхъ Русскихъ «Поученій» и «Словъ». Кромѣ уже извѣстнаго намъ «Поученія» Владиміра Мономаха, дошло до насъ поученіе, написанное самому Владиміру митрополитомъ Никифоромъ, рисующее въ очень свѣтлыхъ краскахъ обликъ Мономаха; сохранились также пропо-

179. Прошлое Великаго Новгорода.

Картина А. М. Васнецова.

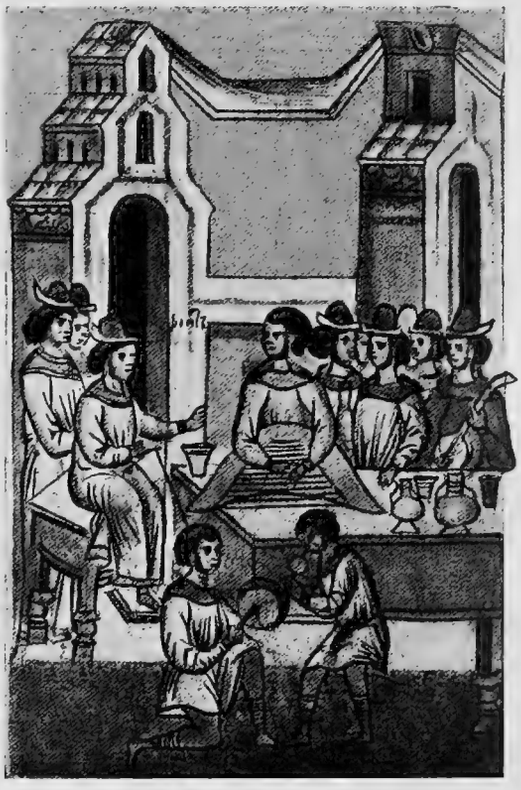
вѣди и молитвы святого Кирилла, епископа Туровскаго, глубоко проникнутыя истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ; затѣмъ широкимъ распространеніемъ пользовалось и жалобное «Слово» нѣкоего Даніила, заточеннаго Юріемъ Долгорукимъ на озерѣ Лачѣ, въ нынѣшней Олонецкой губерніи Наконецъ, несомнѣнно, имѣли весьма большую извѣстность такія произведенія, какъ «Слово о полку Игоревѣ» и пѣсни и былины про богатырей.

Богатырей, служившихъ всей душой защитѣ слабаго и сираго, и вообще всякому правому дѣлу, было не мало и въ разсмотрѣнныя нами времена непрестанныхъ усобицъ. Благодарное населеніе называло ихъ «Божьими людьми». О нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились сказанія и въ лѣтописяхъ. Такъ, въ лѣтописяхъ говорится: о Демьянѣ Куденевичѣ, жившемъ со своимъ вѣрнымъ слугою Тарасомъ въ Переяславлѣ Южномъ въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка; о Ростовскомъ богатырѣ Александрѣ Поповичѣ и его оруженосцѣ Торопѣ, которые вмѣстѣ съ Добрынею Рѣза-

ничемъ, по прозванію «Золотой поясъ», и другими Ростовскими богатырями, были въ славной Липецкой битвѣ.

Вскорѣ послѣ этой битвы, глубоко скорбя о княжескихъ усобицахъ, Александръ Поповичъ собралъ у себя всѣхъ остальныхъ Ростовскихъ богатырей, и они сотворили такой совѣтъ: «Если начнемъ служить князьямъ по разнымъ княженіямъ, то всѣ будемъ перебиты, потому что у князей на Руси великое нестроеніе и частыя междоусобныя битвы», и положили рядъ-

180. Изображеніе пиршества въ Новгородѣ, по житію Св. Нифонта, Новгородскаго письма XVI вѣка.



181. Изображеніе музыкантовъ во время пиршества въ Новгородѣ, по тому-же житію Св. Нифонта.

уговоръ—всѣмъ вмѣстѣ идти служить единому великому князю—къ матери всѣхъ Русскихъ городовъ—въ Кіевъ, гдѣ они и были приняты съ большею честью Мстиславомъ Романовичемъ Кіевскимъ.

Кромѣ извѣстій о богатыряхъ, сохранились былины и о герояхъ Господина Великаго Новгорода, какъ намъ это рисуютъ Новгородскія былины: о «Садкѣ богатомъ гостѣ» и о «Василіи Буслаевѣ, удаломъ купеческомъ сынѣ». Эти люди были нѣсколько иного склада, чѣмъ богатыри.

Въ былинѣ о «Садкѣ» разсказывается, какъ онъ, будучи бѣднымъ пѣвцомъ на гусляхъ, потѣшалъ своими пѣснями владѣтеля Поддоннаго царства, который въ награду за это далъ ему несмѣтныя богатства; тогда

Садко сдѣлался именитѣйшимъ купцомъ, при чемъ задалъ всѣмъ знатнымъ горожанамъ большой пиръ, на которомъ хвасталъ своимъ богатствомъ:

«Коли будетъ чѣмъ Садку похвастати,
Такъ безсчетной золотой казной.
Приносите мнѣ товары въ Ново-городъ
На три дня и въ три привода;

182. Изображеніе уличной расправы буйныхъ Новгородскихъ молодцовъ, по тому-же житію.

183. Изображеніе путешествія по морю Новгородскихъ озорниковъ, выкидывающихъ своего товарища въ море, по тому-же житію.

И худые то товары всѣ и добрые
Выкуплю въ три дня и въ три уповода,
Не оставлю вамъ товаровъ ни на денежку,
Ни на малую полушечку».

Послѣ чего дѣйствительно, не стѣсняясь цѣной, Садко скупилъ все, что только имѣлось въ городѣ, не оставивъ даже битыхъ горшковъ, а затѣмъ сталъ дѣлать щедрые вклады на построеніе церквей.

Эта былина, конечно, показываетъ, что главнымъ достоинствомъ человѣка Новгородцы въ тѣ времена почитали не воинскіе доблести и подвиги въ борьбѣ съ врагами на защиту Родины и вѣры, а богатство, пріо-

брѣтенное хотя бы и темными путями отъ царя Поддоннаго царства, при чемъ богачи отъ своего избытка жертвовали и на храмъ Божій.

Весьма замѣчательна и былина о «Василіи Буслаевѣ». Это былъ богатый купеческій сынъ, получившій прекрасное образованіе въ дѣтствѣ; но какъ только онъ подросъ, то:

Сталъ съ ребятами побалывать,
Шуточки нелегкія пошучивать.
За руку ли дернетъ—ручку выдернетъ,
За ногу ли хватитъ—ножку выломитъ,
Въ голову ударитъ—голова со плечъ.

Жители Новгорода были, конечно, имъ недовольны, и просили его мать, старую вдову Мамельфу Тимофѣевну, унять сына, грозя иначе, что

Будемъ унимать всѣмъ Новымъ городомъ,
Сгонимъ Ваську внизъ подъ Волхово,
Сбросимъ Ваську прямо въ Волхово.

Но Васька не унимался. Напротивъ, онъ сталъ скликать такихъ же озорниковъ какъ и самъ, и скоро собралъ дружину въ тридцать человѣкъ, предварительно испытывая каждаго, можетъ ли онъ однимъ духомъ выпить полтора ведра водки. Съ ними Васька выступилъ въ побоище противъ всего Новгорода, съ цѣлью показать свое удальство, при чемъ не только нещадно билъ всѣхъ попадавшихся подъ-руку, но не постѣснился хватить осиновымъ коломъ по головѣ и своего крестнаго отца, который вздумалъ его усовѣщивать, и только старая мать Васьки могла еле еле успокоить своего расходившагося сынка.

Затѣмъ Васька Буслаевъ рѣшилъ со своей дружиной отправиться на богомолье въ Іерусалимъ. Но, прибывъ въ Святую Землю, она продолжаетъ проявлять и тамъ свои буйныя наклонности; попавъ на гору Ѳаворъ и увидя тамъ человѣческій черепъ, Василій съ презрѣніемъ подкидываетъ его концомъ своей дубины въ поднебесье, за что и получаетъ упрекъ отъ этого черепа; затѣмъ онъ идетъ купаться на рѣку Іорданъ и не обращаетъ вниманія на то, что всѣ, чтя святость мѣста, ходятъ въ воду одѣтыми, а сейчасъ же раздѣвается до-нага; наконецъ, онъ подошелъ съ товарищами къ какому то большому камню, на которомъ была надпись, что его слѣдуетъ обходить, а отнюдь не перепрыгивать, такъ какъ это грозитъ лишеніемъ жизни. Но и эта надпись ничуть не остановила Василія; напротивъ, онъ сейчасъ же обратился къ своимъ ребятамъ со слѣдующимъ словомъ:

«Ужъ давайте-ка вы, братцы, тѣшиться,
Тѣшиться, да забавляться:
Вы скачите поперекъ камня,
Поперекъ камня, да напередъ лицомъ,
Самъ я вдоль скачу назадъ лицомъ.

Послѣ этого веселая дружина Буслаева стала тѣшиться надъ камнемъ, и Васька, наконецъ, допрыгался: во время одного скачка онъ неловко

зацѣпился ногой, ударился головой о землю и тутъ же умеръ. На этомъ и закончились его подвиги.

Былина о «Василіи Буслаевѣ» очень замѣчательна. Она показываетъ намъ, во что могло выродиться у Новгородскихъ богачей, подъ вліяніемъ распущенности, являвшейся слѣдствіемъ отсутствія твердой власти надъ ними,—былое благородство и величіе духа, издревле отличавшія гражданъ этого славнаго города. Показываетъ эта былина намъ также, какъ у пресыщенныхъ богатствомъ людей могли пропадать, подъ вліяніемъ озорства, религіозное чувство и уваженіе къ святынѣ.

Но, конечно, такіе безпутные Новгородскіе молодцы составляли исключеніе. Весь же народъ, какъ вообще на Руси, такъ и въ самомъ Новгородѣ, былъ въ тѣ времена—очень силенъ своей вѣрой, а паломничество въ Палестину, не смотря на всѣ опасности пути, приняло такіе размѣры, что духовенство наше даже высказывалось противъ него, конечно, потому, что многіе совершенно разоряли свои дома, лишь бы только имѣть возможность отправиться поклониться Святымъ мѣстамъ.

184. Богатый по Христовой Заповѣди снимаетъ съ себя свою верхнюю одежду и отдаетъ ее бѣдному.

Изъ Житія Святого Нифонта.

Вообще, ко времени появленія Татаръ, святая Православная вѣра наша, принесенная намъ Греками, вполнѣ уже стала чисто народной Русской вѣрой и воплотилась въ нашу кровь и плоть.

Значеніе церкви на Руси было очень велико.

Митрополитъ Кіевскій былъ одинъ на всю Русскую Землю, что служило, разумѣется, сильнымъ объединяющимъ звеномъ для различныхъ Земель. Къ тому же, духовенство наше отличалось и весьма большими достоинствами; хотя митрополиты, ставившіеся Царьградскими партріархами, и были обыкновенно Греками и иногда Болгарами (исключая двухъ Русскихъ: Иларіона, при Ярославѣ Мудромъ, и Клима Смолятича, при Изяславѣ Мстиславовичѣ), но они ставились всегда съ согласія Кіевскихъ князей, и многіе изъ нихъ были истинно праведными людьми.

Православная наша церковь, съ первыхъ же временъ своего возникновенія на Руси, дѣлала все отъ нея зависящее для умиротворенія ея сыновъ и собиранія ихъ воедино. Ея главной задачей всегда было *печалованіе* о розни

и отсутствіи единой братской любви, а также заступничество за всѣхъ, въ немъ нуждавшихся. Во время усобицъ митрополиты постоянно «ходили между князьями», стараясь умирить враждующихъ. Часто на лицъ духовнаго званія возлагались и обязанности пословъ между воюющими сторонами.

Любовь Русскихъ людей къ своей вѣрѣ выражалась въ тѣ времена, кромѣ оказанія истинно христіанской помощи всѣмъ нуждающимся и раздачи обильной милостыни нищимъ, также и сооруженіемъ многочисленныхъ храмовъ, красота постройки которыхъ и понынѣ возбуждаетъ всеобщее удивленіе. Расцвѣла въ это время и Русская церковная живопись. Послѣдователями перваго Русскаго иконописца, преподобнаго Алипія Печерскаго, явились, главнымъ образомъ, Новгородскіе и Псковскіе мастера, которые, къ сожалѣнію, не оставили, изъ скромности, своихъ именъ на написанныхъ ими иконахъ. Но многія изъ этихъ иконъ, къ великому для насъ счастью, сохранились до нашихъ дней, при чемъ всякій, кому доводилось видѣть ихъ, конечно, сохранилъ въ своей душѣ неизгладимое впечатлѣніе объ ихъ чарующей прелести. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что иконы нашихъ скромныхъ Новгородскихъ и Псковскихъ иконописцевъ могутъ быть поставлены на ряду съ иконами величайшихъ и знаменитѣйшихъ Италіанскихъ мастеровъ.

185. Соборъ въ Юрьевѣ Польскомъ XII вѣка.

Монастыри, въ описанное время, были уже во многихъ городахъ, но самымъ знаменитымъ, по подвигамъ своихъ иноковъ, продолжалъ считаться Кіево-Печерскій. «Всю славу и честь моей каѳедры вмѣнилъ бы я за ничто, чтобы хотя щепкой торчать за воротами или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ»,—писалъ Печерскому чернецу Суздальскій епископъ Симонъ, причтенный за свою праведную жизнь къ лику Святыхъ.

Затѣмъ, въ большой славѣ были монастыри: Хутынскій, близъ Новгорода, основанный добровольно удалившимся изъ міра и долго подвизавшимся въ одиночествѣ—Святымъ Варлаамомъ Прозорливымъ, и Туровскій,

въ которомъ проживалъ одно время Святой епископъ Кириллъ, про писанія котораго мы говорили; онъ прошелъ черезъ необыкновенно тяжкое подвижничество на столпѣ.

Подвизался также на столпѣ и преподобный Никита, уроженецъ Переяславля Залѣсскаго. Онъ былъ завѣдующимъ сборомъ податей и безпощадно взыскивалъ ихъ, притомъ не столько въ пользу своего князя Юрія Долгорукаго, сколько для собственной корысти. Проведя такъ много лѣтъ, Никита былъ однажды сильно потрясенъ словами пророка Исаіи, читанными въ церкви и страшнымъ видѣніемъ своей жены; онъ оставилъ міръ, прошелъ рядъ тяжкихъ подвиговъ и, наконецъ, затворился на столпѣ, надѣвъ каменную шапку и тяжелыя вериги. Здѣсь онъ получилъ благодатный даръ исцѣлять болѣзни и принялъ мученическую кончину отъ своихъ родственниковъ, которые убили его, думая, что его блестящія вериги сдѣланы изъ золота. Мощи праведника обрѣтены нетлѣнными и прославились множествомъ чудесъ. Они почиваютъ въ Никитскомъ монастырѣ, въ Переяславлѣ.

186. Часть стѣны собора въ Юрьевѣ Польскомъ съ лѣпными украшеніями.

Изъ Святыхъ, принадлежавшихъ къ членамъ нашего княжескаго дома, отличалась своей благочестивой жизнью Святая Ефросинія Полоцкая, въ мірѣ Предслава, жившая во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка. Она была правнучкой того Брячислава Полоцкаго, который ходилъ воевать Новгородъ, и котораго настигъ Ярославъ Мудрый,—сдѣлавъ изумительно быстрый переходъ въ 700 верстъ въ теченіе семи сутокъ *). Обладая замѣчательной красотой, Предслава съ ранняго отрочества стала привлекать къ себѣ многочисленныхъ женихов, но рѣшительно всѣмъ отказывала и, имѣя только двѣнадцать лѣтъ отъ роду, тайно удалилась въ женскій монастырь, гдѣ игуменьей была ея тетка; здѣсь, несмотря на слезы родителей, она постриглась и приняла имя Ефросиніи, а черезъ нѣсколько лѣтъ испросила разрѣшеніе епископа жить въ затворѣ. Находясь въ затворѣ, эта праведница, будучи высокообразованной дѣвушкой, усердно занималась послѣ молитвы списываніемъ священныхъ книгъ, которыя отдавала въ продажу, а деньги, вырученныя за нихъ, раздавала нищимъ. Пробывъ извѣстное

*) Объ этомъ говорится въ первой части «Сказаній».

число лѣтъ въ затворѣ, Ефросинія, по особому видѣнію, рѣшила основать близъ Полоцка свой монастырь во имя Святого Спаса, куда поступила какъ ея родная сестра Градислава, такъ и двоюродная—Звенислава. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, преподобная Евфросинія предприняла паломничество въ Святую Землю, гдѣ и почила. Ея нетлѣнныя мощи были перевезены въ Кіевъ и хранились въ Печерской лаврѣ до 1909 года, когда онѣ торжественно были перенесены на родину и положены, благоговѣйно привѣтствуемыя народомъ, въ ею же основанномъ Спасскомъ монастырѣ. До сихъ поръ сохранились: изготовленный праведной Ефросиніей драгоцѣнный Крестъ и выпрошенная ею у своего родственника, императора Мануила, одна изъ иконъ Божіей Матери, написанныхъ, по преданію, Евангелистомъ Лукою; она хранится нынѣ въ соборной церкви города Торопца.

187. Лѣпное изображеніе кентавра на соборѣ въ Юрьевѣ Польскомъ. Кентавръ представляетъ молодца до пояса, отъ котораго идетъ конское туловище. Онъ одѣтъ въ двубортный кафтанъ, на головѣ заломанная мягкая шапка, въ правой рукѣ держитъ топоринъ, а въ лѣвой—трубу, изображая собой охотника или доѣзжачаго въ княжеской свитѣ.

Нѣсколько позже Святой Ефросиніи, въ концѣ двѣнадцатаго и началѣ тринадцатаго вѣка, жили Муромскіе чудотворцы—Петръ и Февронія. Петръ, въ мірѣ Давидъ, принадлежалъ къ роду Муромскихъ князей, ходившихъ въ тѣ времена въ полной волѣ сильнаго Суздальскаго князя. По преданію, онъ страдалъ въ юности струпьями по всему тѣлу, отъ чего его вылѣчила простая крестьянская дѣвушка, дочь «древолазца» бортника—Ефросинія. Плѣнясь ея красотой, умомъ и добродѣтелью,—князь далъ слово на ней жениться, но потомъ нашелъ это для себя неприличнымъ. Когда же болѣзнь возобновилась, и Ефросинія опять вылѣчила его, то онъ выполнилъ свое обѣщаніе. Скоро Муромскіе бояре предложили ему, считая низкимъ происхожденіе Ефросиніи, или лишиться княжеской власти, или оставить жену. Онъ согласился на первое и терпѣлъ одно время большія лишенія; но затѣмъ его вновь призвали на княженіе. Здѣсь оба супруга прославили себя необыкновенно праведной и чистой жизнью, постоянно творя добро, а подъ старость оба приняли иночество (Ефросинія подъ именемъ Февроніи) и преставились на Пасхѣ въ одинъ день; они оба почиваютъ нынѣ въ Муромскомъ соборномъ храмѣ въ одной ракѣ.

Изъ только что сдѣланнаго краткаго очерка Русской жизни ко времени появленія Татаръ мы видимъ, что рядомъ съ крайне темными сторонами,

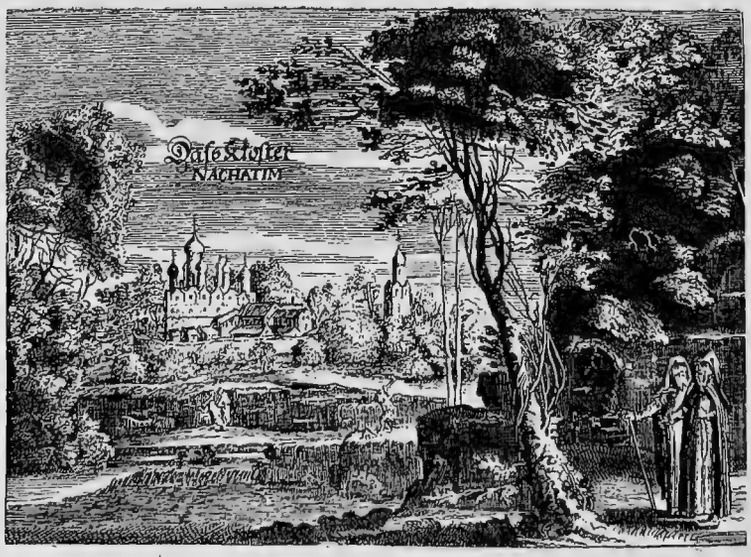
являвшимися вслѣдствіе раздѣленія власти надъ Землею, въ ней было и много хорошаго.

188. Стѣнопись XII вѣка церкви Спаса Нередицы въ Новгородѣ. Изображеніе архангела Уріила.

189. Стѣнопись церкви Спаса Нередицы. Часть изображенія Страшнаго Суда.

При этомъ надо сказать, что само раздѣленіе власти между многими князьями, будучи гибельнымъ для нашей Родины, такъ какъ совершенно

190. Древняя икона Святого Варлаамія Хутынскаго.
Изъ собранія Н. П. Лихачева.



191. Хутынскій монастырь.
Изъ Адама Олеарія.

ослабило ея мощь, принесло тѣмъ не менѣе и извѣстную долю пользы: каждый князь вносилъ въ свою волость — просвѣщеніе и искусство Кіевской Руси и быстро застраивалъ свой стольный городъ церквами и другими сооруженіями по образцу Кіевскихъ; при этомъ, частые переѣзды князей изъ одной Земли въ другую и постоянные походы того времени изъ одного края нашей Родины въ другой—заставляли и населеніе не замыкаться исключительно въ своихъ мѣстныхъ заботахъ, а слѣдить съ живѣйшимъ вниманіемъ и за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось въ разныхъ концахъ нашей Земли, и чувствовать свою принадлежность къ одной великой Родинѣ.

192. Желѣзныя вериги съ шапкой.

Изъ собранія Императорскаго Россійскаго Историческаго музея имени Императора Александра III въ Москвѣ.

Но, конечно, отсутствіе единой сильной власти надъ Землею, или взамѣнъ, ея—глубокаго братскаго единенія всѣхъ князей между собой, должно было привести къ неисчислимымъ бѣдствіямъ, при первомъ же столкновеніи съ сильнымъ врагомъ.

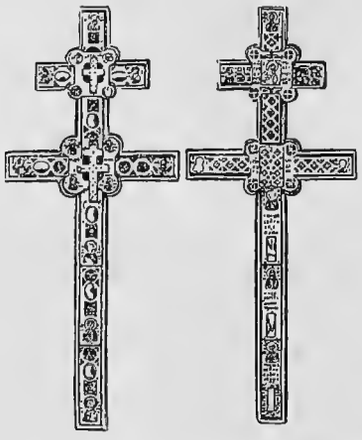
193. Икона Святой Ефросиніи Полоцкой.

Это вполнѣ сознавалось всѣми лучшими людьми того времени.

Мы видѣли, какъ объ этомъ мыслили богатыри, собранные Александромъ Поповичемъ на совѣтъ послѣ Липецкой битвы. Пѣвецъ же «Слова о полку Игоревѣ» высказываетъ по этому поводу слѣдующее:

«Отъ усобицъ княжьихъ—гибель Руси
На себя куютъ крамолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе»...
Не добыть вамъ славы дѣдовой...
О, стонать тебѣ, Святая Русь,
Время прежнее поминаючи,
Поминаючи удалыхъ князей».

Конечно, и въ средѣ простого народа было не мало людей, которые мыслили и чувствовали совершенно такъ же.



194. Крестъ Святой Ефросиніи Полоцкой.

Мы видѣли, какъ горячо было предано своимъ славнымъ князьямъ населеніе Суздальской Земли, за данные ему миръ и тишину, и хотя ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ Большое Гнѣздо не создали и не могли создать никакихъ новыхъ порядковъ въ дѣлѣ владѣнія и наслѣдованія Землею, но память о ихъ твердомъ, единовластномъ княженіи глубоко запала въ народное сердце и, какъ увидимъ, принесла впослѣдствіи свои плоды.

Это исканіе единой высшей власти и братской любви и согласія, бывшее желаніемъ большинства Русскихъ людей того времени, весьма ясно сказывается и въ построенныхъ ими храмахъ. Повсемѣстно сооружались церкви во имя Святыхъ Бориса и Глѣба, пострадавшихъ изъ-за отсутствія братской любви; строились храмы во имя Святой Софіи—Премудрости Господней, дивно все устрояющей, и, наконецъ, возводились церкви во имя Живоначальной Троицы, выражавшей собою высшее объединеніе всѣхъ силъ въ единодушіи, согласіи и любви.

Нѣтъ сомнѣнія, что, подъ вліяніемъ глубоко сидѣвшаго въ душахъ Русскихъ людей чувства необходимости на дѣлѣ осуществить высокій завѣтъ христіанскаго братолюбія, возникъ въ тѣ времена и глубоко-умилительный обычай, существовавшій только у насъ на Руси,—сооружать обыденные храмы.

Храмы эти строились всѣмъ міромъ, при чемъ князь, бояринъ и челядинъ принимали совершенно одинаковое участіе, и строились они въ одинъ день; обыкновенно, въ ночь съ пятницы на субботу, начиналась рубка лѣса

и свозка его на мѣсто, весь день въ субботу шла постройка, а утромъ въ воскресеніе, въ совершенно готовомъ храмѣ съ престоломъ и иконами—служилась уже ранняя обѣдня. Такіе храмы были, обыкновенно, обѣтными, и сооружались, по большей части, въ благодарность за избавленіе отъ какой-либо большой бѣды: мора, пожара или голода.

Также изумительно быстро, конечно, по обѣту и всѣмъ міромъ, сооружались и каменныя церкви; каменный храмъ Святыхъ Трехъ Отроковъ былъ начатъ и оконченъ въ 1219 году въ Новгородѣ въ четыре дня.

Вотъ при такихъ-то чувствахъ потребности братскаго единенія во имя общаго дѣла, уже запавшихъ въ душу многихъ Русскихъ людей, но при полномъ отсутствіи какъ единой власти надъ Землею, такъ и крѣпкаго согласія между князьями, сидѣвшими въ ея различныхъ частяхъ, передъ Родиной нашей внезапно предстало тягчайшее испытаніе. Неизвѣстно откуда явился злой врагъ—Татары.

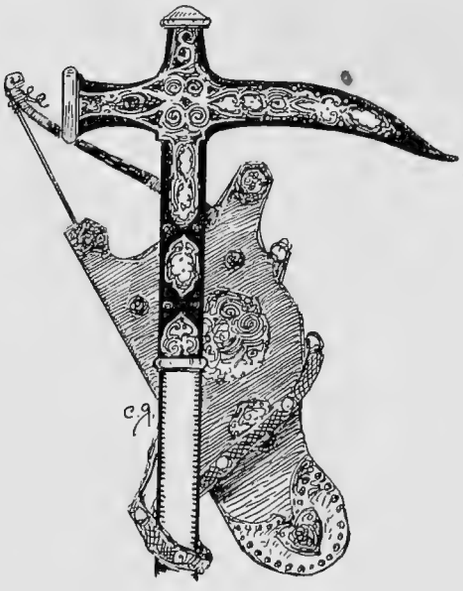
195. Петропавловская церковь въ с. Плесъ, Костромской губерніи.

196. Монголы въ бою.

Съ древняго Китайскаго изображенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Монголы. Чингизъ-ханъ. Битва на рѣкѣ Калкѣ. Жизнь въ Русской Землѣ послѣ Калкскаго побоища. Нашествіе Батыя. Александръ Невскій. Его славныя побѣды и великіе труды на пользу Родины. Мученическая кончина князя Михаила Черниговскаго. Даніилъ Романовичъ и Татары. Миндовгъ Литовскій.



ЛУБОКО въ Азіи, у подножья Алтайскаго и Хинганскаго хребтовъ, съ незапамятныхъ временъ жили многочисленныя орды кочевыхъ племенъ, извѣстныхъ подъ именемъ Монголъ или Татаръ. Уже за двадцать пять вѣковъ до Рождества Христова, орды эти пришли въ столкновеніе съ осѣдлымъ и миролюбивымъ населеніемъ Китая, и послѣ борьбы, продолжавшейся нѣсколько столѣтій, Китайцы оградили себя, наконецъ, отъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей сооруженіемъ извѣстной Великой стѣны, развалины которой сохранились и до настоящаго времени.

Послѣ этого Монгольскія племена объединились, за два вѣка до Рождества Христова, въ могущественное государство и распространили свои владѣнія до Каспійскаго моря, но затѣмъ государство ихъ распалось, и Монголы продолжали жить отдѣльными племенами, неоднократно, впрочемъ, образовывая, на непродолжительное время, сильныя владѣнія.

Въ 1155 году у князя одной изъ Монгольскихъ ордъ родился сынъ, котораго назвали Темучиномъ. Этотъ Темучинъ еще ребенкомъ лишился отца, наслѣдовалъ отъ него сорокъ тысячъ подвластныхъ семействъ, и рано испыталъ всѣ превратности судьбы. Безпрестанно угрожаемый сосѣдями, онъ возрасталъ среди постоянныхъ опасностей и собственнымъ опытомъ постигъ трудную науку жизни.

Скоро Темучинъ сталъ питать въ своей душѣ обширнѣйшіе замыслы. Несомнѣнно, порядки сосѣдняго Китая, страны высокопросвѣщенной и благоустроенной, были отлично ему извѣстны; въ нихъ онъ заимствовалъ все, что считалъ полезнымъ для своихъ цѣлей въ отношеніи государственнаго, гражданскаго и военнаго устройства.

197. Часть Великой Китайской стѣны.

Съ другой стороны, Монголія, страна частью степная, частью гористая и лѣсистая, предоставляла все для удовлетворенія страсти Темучина къ охотѣ, которую онъ считалъ лучшею школою войны.

Многочисленные табуны лошадей его народа дали Темучину возможность создать превосходную конницу въ 30.000 человѣкъ, при посредствѣ которой онъ сталъ подчинять себѣ сосѣднія племена. При этомъ онъ быстро обнаружилъ исключительныя дарованія какъ въ дѣлѣ устроенія внутренняго управленія, такъ и въ области обученія войскъ военному искусству.

Основными душевными чертами Темучина были: безграничная алчность, непреклонная воля и жестокость, ни съ чѣмъ несравнимая, но сочетавшаяся при этомъ съ яснымъ умомъ, большой образованностью и изумительнымъ знаніемъ людей. Исполинскаго роста, съ широкимъ лбомъ и длинной бородою, онъ рѣзко выдѣлялся среди своихъ подданныхъ.

Когда часть подвластныхъ ему князей задумала было начать противъ него смуту, то Темучинъ быстро покончилъ съ нею: онъ схватилъ всѣхъ непокорныхъ и сварилъ ихъ въ семидесяти котлахъ.

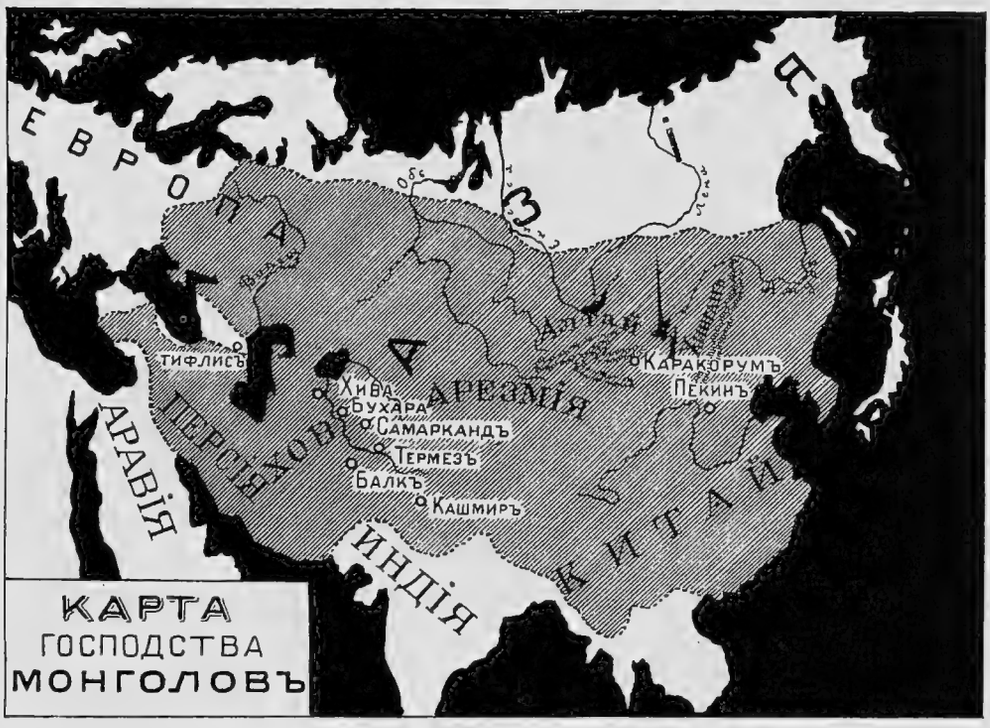
«Счастливѣе всѣхъ на землѣ тотъ», — любилъ онъ говорить, — «кто гонитъ разбитыхъ имъ непріятелей, грабитъ ихъ добро, любуется слезами людей имъ близкихъ и цѣлуетъ ихъ женъ и дочерей».

Обладая такими особо-исключительными свойствами, Темучинъ не замедлилъ стать повелителемъ надъ всѣми Монгольскими племенами. Но

честолюбіе его и алчность отнюдь этимъ не удовлетворились. Онъ рѣшилъ покорить себѣ весь міръ.

Въ 1206 году Темучинъ созвалъ, недалеко отъ истоковъ рѣкъ, образующихъ Амуръ, въ глубинѣ Монголіи, такъ называемый *курилтай*, или торжественное собраніе всѣхъ подвластныхъ ему князей и вождей, и приказалъ одному пророчествующему волхву объявить, что велѣніемъ неба ему предназначено быть великимъ ханомъ всѣхъ народовъ и принять поэтому новое имя—Чингизъ-хана.

Затѣмъ онъ сталъ приводить въ исполненіе свои замыслы. Его замѣчательныя постановленія по военному и гражданскому устройству Монго-



198.

ловъ были изданы въ особомъ сводѣ подъ названіемъ *Яса*. Этотъ сводъ такъ же свято чтился Татарами, какъ мусульманами составленный Магометомъ Коранъ.

Въ видахъ предупрежденія самовольства, раздоровъ, междуусобій и насилій и для утвержденія порядка и благоустройства, подвластныя Чингизъ-хану Монгольскія племена получили строго опредѣленныя каждому племени пространства земли для пастьбы стадъ и перекочевокъ. Въ каждомъ племени кибитки или семейства были раздѣлены на десятки, сотни и тысячи, имѣвшіе своихъ начальниковъ. Воинами считались всѣ способные носить оружіе, и поэтому каждый десятокъ, смотря по надобности, долженъ былъ выставлять по одному, двухъ и болѣе воиновъ, снабжая ихъ продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ для похода.

Въ войскахъ были такія же подраздѣленія: на десятки, сотни, тысячи и десятки тысячъ; послѣдними начальствовали темники, а подчиненный темнику отрядъ назывался тьмою; сторожевые же отряды назывались караулами.

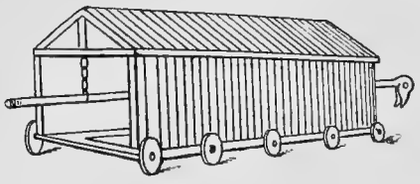
Для распредѣленія войскъ въ походѣ, указанія имъ пути слѣдованія и становищъ, какъ во время войны, такъ и на охотѣ, для которой собиралось огромное число войскъ, а также для расположенія лѣтнихъ и зимнихъ кочевокъ, и для сбора свѣдѣній о мѣстности, по которой предстояло двигаться, имѣлись особо назначенныя лица. Особыя же лица были для передвиженія запасовъ продовольствія, снятія становъ, храненія военной добычи и правильнаго раздѣла ея, для разбора ссоръ и споровъ между воинскими чинами и для многихъ другихъ надобностей.

199. Часовой Татарскаго караула.
Рис. Н. Каразина.

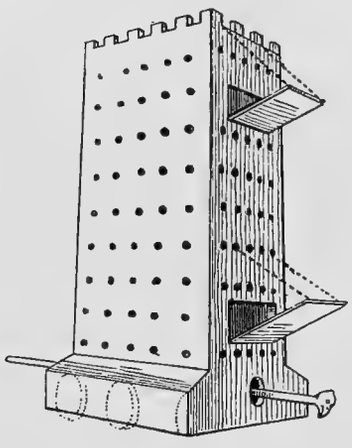
Повелѣнія хана передавались черезъ чиновъ, состоящихъ при немъ, сперва—десятитысячникамъ, а отъ нихъ уже тысячникамъ и такъ далѣе.

Всѣ чины войска, не исключая самыхъ высшихъ, подвергались за ослушаніе строжайшимъ наказаніямъ. Бѣглецы съ поля сраженія, если только бѣгство не было общимъ, немедленно же всѣ умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько человѣкъ попадались въ плѣнъ, а другіе ихъ не выручали, то послѣдніе умерщвлялись также. Смертная казнь полагалась и за грабежъ непріятеля, безъ разрѣшенія на это.

Военная добыча служила главнымъ средствомъ къ вознагражденію воиновъ и замѣняла жалованіе, котораго войска Чингизъ-хана вовсе не получали, при чемъ еще сами со своими семействами должны были платить подати лошадьми, скотомъ и войлоками. Продовольствовались войска во время похода всѣмъ забираемымъ у жителей, или стадами, которыя гнали за собой; въ случаѣ же недостатка припасовъ, питались кореньями и зернами, отыскиваемыми въ ямахъ, въ которыхъ они хранились; наконецъ, устраивались



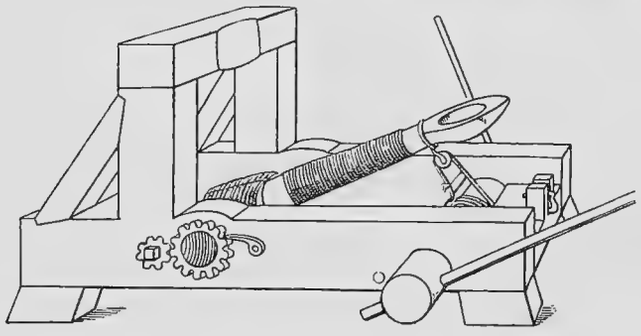
200. Таранъ.



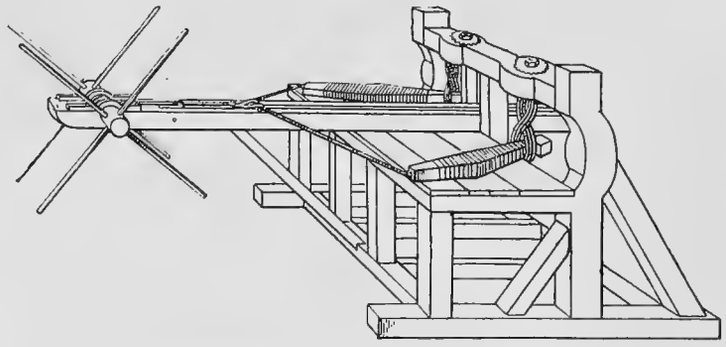
201. Подвижная башня или Гуляй—городъ.

въ большихъ размѣрахъ охоты, которыя служили и военнымъ упражненіемъ, потому что во время охотъ соблюдались всѣ военныя правила и предосторожности. Ѣли Татары рѣшительно все, такъ какъ Чингизъ-ханъ запретилъ считать что-либо нечистымъ, говоря, что въ природѣ все чисто. Покоренные ими народы сохранили преданіе, что при нуждѣ Монголы не гнушались и мясомъ своихъ плѣнныхъ, а будучи осажденными, ѣли, въ случаѣ крайности, и своихъ же Татаръ, по жребію.

Вооруженіе Монголъ состояло изъ луковъ и стрѣлъ, сѣкиръ, копій съ крючьями для стаскиванія непріятеля съ сѣделъ, кривыхъ сабель, кожаныхъ или желѣзныхъ шлемовъ, латъ и щитовъ. Каждый воинъ обязанъ былъ имѣть пилку для остренія стрѣлъ и копій, шило, иглы, нитки изъ жилъ животныхъ, кожаные мѣшки или турсуки для возки вещей и веревки для тасканія осадныхъ орудій.



202. Камнеметъ или баллиста.



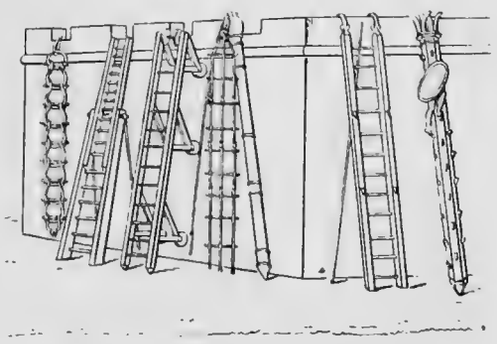
203. Лукъ самострѣлъ или катапульта.

Этими орудіями были: пороки или тараны для разбитія стѣнъ, подвижныя башни или гуляй-города, въ которыхъ находились воины, различныя метательныя орудія — камнеметы и громадные луки-самострѣлы, лѣстницы для взлѣзанія на стѣны и всевозможныя другія приспособленія, употреблявшіяся при взятіи городовъ, въ чемъ Татары были весьма искусны*). Принадоб-

*) Эти орудія и приспособленія были совершенно одинаковы съ употреблявшимися древними Греками и Римлянами, у которыхъ осадное искусство было доведено до высокой степени совершенства.

ности, они заготовляли по нѣсколько тысячъ такихъ приспособленій и орудій.

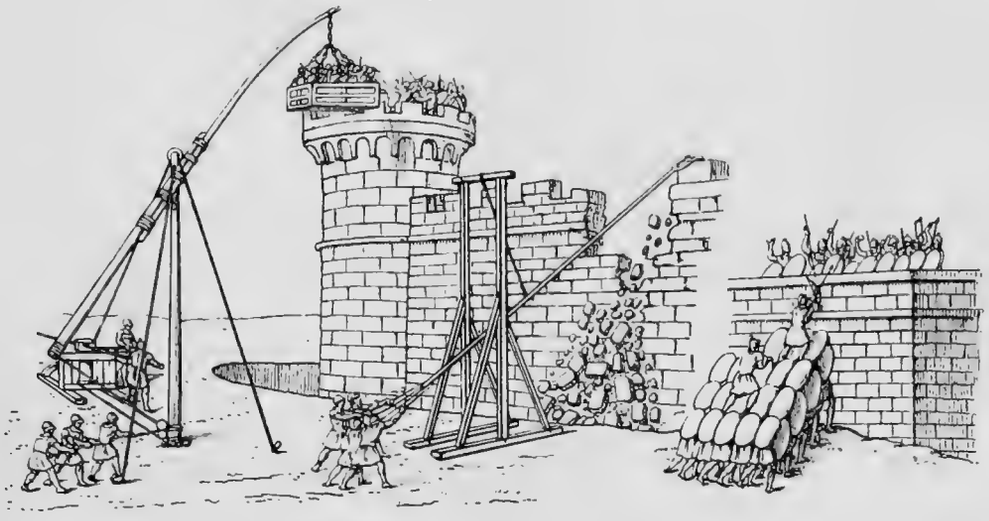
Умѣли Татары также производить наводненія, отводить воду и устраивать большіе подкопы подъ землею; знали они и употребленіе зажигательныхъ составовъ и особыхъ горшковъ съ нефтью—«греческаго огня», которымъ закидывались, съ цѣлью вызвать пожары, осажденные города; при этомъ имѣются свѣдѣнія, что для того, чтобы греческій огонь распространялъ свое дѣйствіе сильнѣе, Татары иногда предварительно метали въ огромномъ количествѣ жиръ съ убитыхъ враговъ, а затѣмъ на него уже горшки съ нефтью.



204. Осадныя лѣстницы.

Войско состояло изъ конницы—легкой и тяжелой.

Первая назначалась для охраны, развѣдыванія непріятеля и преслѣдованія, а вторая для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ. Каждый Татаринъ съ дѣтства пріучался ѣздить верхомъ и въ походѣ долженъ былъ имѣть по нѣсколько лошадей въ заводу.



205. Различныя приспособленія для взятія города.

Для боя Монголы строились въ нѣсколько линій, имѣя всегда позади особую часть, такъ называемый резервъ, для нанесенія окончательнаго удара. Въ переднихъ линіяхъ ставились войска союзниковъ или покоренныхъ народовъ, а въ послѣдующихъ—свои. Бой начинали издали—сильной и мѣткой стрѣльбой изъ луковъ, а сблизившись съ противникомъ, Татары стремительно кидались на него, стараясь охватить съ обоихъ крыльевъ, для чего растягивали свои линіи вправо и влѣво. Если Татары встрѣчали

сильный отпоръ, то притворно отступали, производя при этомъ сильную стрѣльбу, а коль скоро замѣчали, что привели непріятеля въ разстройство, то внезапно переходили въ наступленіе, старались его окружить со всѣхъ сторонъ, и сильнымъ и дружнымъ ударомъ наносили ему окончательное пораженіе. Вообще, они старались сначала обманывать противника разными хитростями, а потомъ уже одолѣвать силою оружія. Послѣ побѣды они немедленно пускались преслѣдовать разбитаго врага легкой конницей и избивали всѣхъ до единаго.

206. Татарскій шлемъ съ личиною.

Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

Въ бою войска управлялись при посредствѣ трубъ или разнаго рода флаговъ и производили боевыя движенія съ необыкновенною легкостью и быстротой. Начальники же войскъ слѣдили за ходомъ боя издали и управляли имъ, большею частью, при посредствѣ особыхъ посыльныхъ; при этомъ они слѣдили также, чтобы воины, отдѣльно бѣжавшіе съ поля сраженія, тутъ же предавались смерти.

Встрѣчая по пути сильно укрѣпленный городъ, Татары опустошали прежде всего его окрестности, чтобы лишить жителей продовольствія; затѣмъ старались выманить войско, въ немъ находившееся, въ чистое поле и разбить его тамъ. Если же этого не удавалось, то весь городъ окружался изгородями или даже валами со рвами, чтобы отрѣзать ему всякое сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Затѣмъ приступали къ осаднымъ работамъ, при чемъ ихъ производили окрестные жители или военноплѣнные. Этихъ же людей пускали въ первую голову и на приступъ; сами же Татары шли позади, какъ бы подталкивая ихъ, и безпощадно предавая смерти всѣхъ бѣгущихъ. Такимъ образомъ, они брали города, такъ сказать, покоренными ими народами; свои же войска они щадили.

При этомъ они прибѣгали ко всякаго рода военнымъ хитростямъ, обманамъ, угрозамъ и не скупились на щедрыя обѣщанія. Завладѣвъ же городомъ приступомъ, нечаяннымъ нападеніемъ, лестью или предательствомъ,—у Татаръ положено было непреложнымъ правиломъ: отобравъ себѣ нужное количество сильныхъ и здоровыхъ мужчинъ въ рабы, а также искусныхъ мастеровъ и ремесленниковъ, остальныхъ жителей, не разбирая ни пола, ни возраста, истреблять всѣхъ до единаго. Этимъ они достигали того, что въ своемъ тылу не имѣли городовъ съ недовольнымъ населеніемъ, для усмиренія котораго необходимо было бы оставлять свои войска.

Передъ началомъ войны Чингизъ-ханъ всегда обстоятельно узнавалъ о свойствахъ мѣстности, количествѣ жителей, составѣ войскъ, величинѣ имѣющихся продовольственныхъ припасовъ и о внутреннемъ состояніи тѣхъ странъ, на которыя собирался напасть; онъ заводилъ въ нихъ тайныя связи и склонялъ, путемъ подкупа, недовольныхъ вступать въ свою службу;

необходимыя же ему свѣдѣнія онъ собиралъ посредствомъ посольствъ, торговыхъ сношеній и лазутчиковъ.

Война рѣшалась на курилтаѣ, или торжественномъ собраніи всѣхъ важнѣйшихъ лицъ государства; здѣсь опредѣлялся какъ составъ войскъ, нужныхъ для похода, такъ и мѣста ихъ сбора, пути слѣдованія и прочее. Затѣмъ всѣ распоряженія быстро передавались по странѣ посредствомъ почты, устроенной Чингизъ-ханомъ во всѣхъ значительныхъ мѣстахъ своихъ владѣній.

Когда все было готово къ походу, то Чингизъ-ханъ предлагалъ государю непріятельской страны, коротко, но ясно и грозно, либо покориться ему безусловно, либо лишиться всего безъ исключенія. Въ первомъ случаѣ, покорившійся былъ обязанъ дать заложниковъ, допустить исчисленіе своего народа, принять Монгольскихъ правителей и давать десятую часть съ произведеній земли, десятую голову со скота каждаго наименованія и десятаго отрока и дѣвицу со своего населенія. Если же согласія на покореніе не изъявлялось, то Чингизъ-ханъ немедленно открывалъ войну—вторженіемъ въ непріятельскій край съ нѣсколькихъ сторонъ сразу, чѣмъ приводилъ противника въ недоумѣніе, гдѣ ему слѣдуетъ встрѣтиться съ главными силами Монголовъ, тѣмъ болѣе, что легкіе Татарскіе отряды шли далеко впереди своихъ главныхъ силъ и, широко расходясь по странѣ, составляли какъ бы завѣсу для своихъ войскъ, двигавшихся позади.

207. Вооруженіе Татарскаго воина.

Хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

Широкія рѣки нимало не останавливали Монголовъ; они переплывали ихъ вплавь, держась за хвосты лошадей и привязавъ себѣ вокругъ тѣла оружіе и турсуки.

Походъ свой начиналъ Чингизъ-ханъ обыкновенно осенью, когда лошади и верблюды его, послѣ лѣтней пастьбы, были въ хорошемъ тѣлѣ.

Опустошеніе непріятельской страны и истребленіе ея жителей, носившихъ оружіе, составляло одно изъ главныхъ военныхъ правилъ Чингизъ-

хана; въ захваченныхъ же городахъ, какъ мы уже говорили, умерщвлялись поголовно всѣ, кромѣ лицъ, необходимыхъ для службы самимъ же Татарамъ; кромѣ того, Чингизъ-ханъ щадилъ и духовенство, разсчитывая этимъ имѣть его на своей сторонѣ для вліянія на оставшееся въ живыхъ населеніе; всѣ же знатные плѣнники, такъ называемые лучшіе люди, избивались обыкновенно безъ малѣйшей пощады. Вообще, о пощадѣ Чингизъ-ханъ выражался, что она имѣетъ только одно неизмѣнное слѣдствіе: вызывать сожалѣніе о томъ, что была оказана.

Таково было военное устройство и военное дѣло у Монголовъ, обязанныхъ этимъ исключительно одному только человѣку—Чингизъ-хану.

Правда, сами Монголы какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали всѣмъ порядкамъ заведеннымъ у нихъ Чингизъ-ханомъ, и не было ни одного народа

208. Татары несутся на врага.
Рисунокъ К. Орловскаго. Изъ собранія Е. Г. Швартца.

въ мірѣ, который отличался бы такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ Татары,—говорили всѣ видѣвшіе ихъ современники. Воздержаніе и терпѣніе ихъ были чрезвычайны; случится день, два не поѣсть—ничего; поютъ и играютъ, какъ будто сытно пообѣдали; легко переносили они также холодъ и жаръ. Кромѣ того, будучи отъ природы крайне нечистоплотными, они легко же мирились и со всей обстановкой войны, порой весьма неприглядной. Татары были ласковы и привѣтливы другъ къ другу, но зато необычайно свирѣпы, гнѣвливы, лживы и коварны по отношенію къ другимъ; всѣ они были, конечно, врожденные убійцы. Татарскія женщины и дѣвушки пользовались уваженіемъ и вліяніемъ; на нихъ лежали всѣ хозяйственныя заботы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ онѣ отлично ѣздили верхомъ и носили лукъ и стрѣлы; при этомъ, многія изъ нихъ отличались большимъ сквернословіемъ. Женъ Татаринъ могъ имѣть столько, сколько

былъ въ состояніи прокормить, при чемъ женились, не разбирая родства, не беря за себя только собственную мать, дочь и сестру отъ родной матери. Жили Татары въ круглыхъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ хвороста и тонкихъ жердей и покрытыхъ войлокомъ; юрты эти обыкновенно легко разбирались для похода или же возились на телѣгахъ какъ есть. Юрты были всегда открыты и не запирались, такъ какъ между своими Татары не воровали.

Татары признавали существованіе единаго Бога, но ему не молились, а приносили жертвы идоламъ, помѣщаемымъ противъ входа въ юрту; обожали солнце, луну и звѣзды, вѣрили въ заклинанія и были, вообще, очень суевѣрны; но къ религіямъ покоренныхъ ими народовъ относились безразлично.

Таковы были подданные Чингизъ-хану Монголы. Они стали быстро доставлять ему рядъ блестящихъ побѣдъ; скоро онъ покорилъ Китай, взялъ и

209. Перевозка Татарскихъ юртъ.

Изъ книги Іоанна де Плано Карпини: „Исторія Монгаловъ".

разгромилъ столицу его Пекинъ и, заключивъ съ китайскимъ императоромъ миръ въ 1211 году, двинулся на западъ, противъ могущественной магометанской державы Ховарезмійской, объединявшей собой владѣнія Хивинскія, Бухарскія и большую часть Персидскихъ.

Здѣсь, въ густонаселенной и высокообразованной странѣ, покрытой обширнѣйшими цвѣтущими городами, произошелъ рядъ кровопролитныхъ сраженій, сопровождавшихся столь губительнымъ опустошеніемъ, что страна эта уже никогда впослѣдствіи не могла достигнуть своего былого цвѣтущаго состоянія.

Чингизъ-ханъ, по обыкновенію, двинулся на Ховарезмію съ огромными полчищами своихъ Татаръ. Когда онъ подошелъ къ городу Самарканду, въ которомъ находилось однихъ войскъ до 100 тысячъ человѣкъ, то жители хотѣли соорудить вокругъ него новые рвы; но ихъ повелитель, храбрый

султанъ Ховарезмійскій, послалъ имъ сказать, чтобы они избавили себя отъ напраснаго труда, такъ какъ Монголовъ столько, что они одними своими кнутами наполнятъ всѣ рвы. Скоро Самаркандъ, Хива, Термезъ, Балхъ— обратились въ груды труповъ и развалинъ, а города эти были по своимъ размѣрамъ таковы, что въ одномъ только Балхѣ было двѣсти бань для странниковъ и 1.200 мечетей.

210. Осада Самарканда Чингизъ-Ханомъ.

Изъ Джагатайской (Татарской) рукописи XVI вѣка, хранящейся въ Британскомъ музеѣ.

Черезъ три года Ховарезмія была окончательно покорена и опустошена отъ рѣки Инда до береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Все это было совершено полководцами Чингизъ-хана; самъ же онъ оставался большею частью въ Самаркандѣ и устраивалъ въ его окрестностяхъ замѣчательныя охоты. Цѣлые народы были собираемы для того, чтобы сгонять сотни тысячъ дикихъ звѣрей, которыхъ убивалъ и пожиралъ Чингизъ-ханъ со своими придворными. Рядомъ съ этимъ онъ усердно знакомился съ бытомъ поко-

ренныхъ имъ народовъ и часто бесѣдовалъ съ ихъ учеными и мудрецами.

Покоривъ Ховарезмію, Чингизъ-ханъ собралъ большой курилтай, на которомъ показался во всемъ блескѣ своей славы. Торжество происходило на громадной равнинѣ, и хотя мѣстность имѣла 49 верстъ въ окружности, но едва могла вмѣстить одни только шатры всѣхъ прибывшихъ князей.

Во время описанныхъ охотъ и торжествъ, Чингизъ-ханъ не переставалъ дѣятельно готовиться и къ дальнѣйшимъ своимъ походамъ.

Еще въ 1220 году, осаждая Самаркандъ, онъ послалъ своихъ полководцевъ Чжебе и Субутая съ тридцатью тысячами конницы захватить бѣжавшаго Ховарезмійскаго султана Магомета, который, послѣ многихъ бѣдствій и скитаній, укрылся на одномъ изъ острововъ Каспійскаго моря и умеръ въ такой крайности, что не во что было завернуть его тѣло; при этомъ, передъ самой смертью, онъ имѣлъ горе узнать, что семья его взята Татарами, всѣ сыновья убиты, а дочери отданы побѣдителямъ.

Преслѣдуя несчастнаго Магомета, Чжебе и Субутай, обогнувъ съ юга Каспійское море и не отыскавъ его, двинулись черезъ Персію въ Грузію, разоряя все по пути. Храбрые Грузины, слѣдуя завѣтамъ своей великой царицы Тамары, смѣло встрѣтили врага, но были наголову разбиты подъ Тифлисомъ; затѣмъ они вышли еще разъ противъ Татаръ и были еще разъ разбиты; послѣ этого Татары,взявъ Дербентъ, стали переходить черезъ Кавказскій хребетъ, для дальнѣйшаго своего движенія къ сѣверу. Это было въ 1223 году.

Здѣсь Татары были встрѣчены мѣстными Ясскими и другими воинственными горскими племенами, пригласившими себѣ въ союзники Половцевъ. Положеніе Татаръ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ въ неприступныхъ горахъ, стало отчаяннымъ. Но имъ пришла на выручку обычная безчестность Половцевъ. Они жадно склонились на дары, предложенныя имъ Татарами, и вѣроломно покинули своихъ союзниковъ, послѣ чего Татары разбили послѣднихъ, а затѣмъ двинулись и вслѣдъ за Половцами, расходившимися безъ всякихъ предосторожностей по своимъ кочевьямъ, и тоже наголову разгромили ихъ.

Тогда Половцы, въ ужасѣ уходя отъ шедшихъ за ними слѣдомъ Татаръ, кинулись за помощью къ Русскимъ.

И вотъ къ Мстиславу Удалому, сидѣвшему въ это время въ Галичѣ, гдѣ коварные бояре, его окружавшіе, сумѣли вызвать въ немъ охлажденіе къ Даніилу Романовичу и убѣдили обручить его самую младшую дочь съ малолѣтнимъ Венгерскимъ королевичемъ Андреемъ, братомъ Коломана,— неожиданно прибѣжалъ тесть, Половецкій ханъ Котянъ, и сталъ усиленно просить о помощи противъ Татаръ, о которыхъ никто ничего не зналъ на Руси.

Мстиславъ Удалой, конечно, согласился, и скоро по его приглашенію въ Кіевѣ состоялся большой княжескій съѣздъ для рѣшенія вопроса объ общемъ походѣ противъ новаго неслыханнаго врага. Половцы усиленно задаривали

князей конями, верблюдами, буйволами и невольницами; они говорили: «Если не поможете намъ, то сегодня мы будемъ изсѣчены, а завтра вы».

На съѣздъ собрались: трое старшихъ князей—Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, Мстиславъ Мстиславовичъ Галицкій, бывшій душой съѣзда, и Мстиславъ Святославовичъ Черниговскій, а также много младшихъ князей; въ числѣ послѣднихъ были: уже знакомый намъ Мстиславъ Ярославовичъ Пересопницкій, по прозванію Нѣмой, Всеволодъ Мстиславовичъ—сынъ Кіевскаго князя, Михаилъ—сынъ покойнаго князя Всеволода Чермнаго и Даніилъ Романовичъ Волынскій; брата же его Василька, за молодостью лѣтъ, не было. Не было также и великаго князя Юрія Всеволодовича Суздальскаго; но на рѣшеніе съѣзда онъ прислалъ свое согласіе.

Послѣ продолжительнаго обсужденія, съѣздъ постановилъ: «Лучше намъ принять Татаръ на чужой Землѣ, чѣмъ на своей». Затѣмъ всѣ стали дѣятельно готовиться къ большому общему походу. Войска собралось очень много. Выступили и всѣ Божьи люди—70 богатырей, приведенныхъ въ Кіевъ Александромъ Поповичемъ. Конница шла степью, а пѣхота спускалась по Днѣпру на ладьяхъ. Судовъ было столько, что по нимъ можно было пройти пѣшкомъ съ одного берега Днѣпра на другой. Галицкіе воины и часть Волынскихъ спустились по Днѣстру, переплыли Черное море и поднялись по Днѣпру до пороговъ, гдѣ ожидали соединенія съ остальными.

Шелъ отрядъ и отъ Юрія Суздальскаго. Его велъ нѣжно любимый имъ племянникъ, почти отрокъ, Василько, сынъ покойнаго старшаго брата Константина; но отрядъ этотъ нѣсколько опоздалъ въ своемъ движеніи и не успѣлъ соединиться съ остальными нашими силами.

Провѣдавъ про походъ Русскихъ, Татары прислали нашимъ князьямъ пословъ, которые держали такое слово: «Слышали мы, что вы пошли противъ насъ, послушавшись Половцевъ, а мы вашей Земли не занимали, ни городовъ вашихъ, ни селъ, на васъ не приходили; пришли мы попущеніемъ Божіимъ на холопей своихъ и конюховъ, на поганныхъ Половцевъ, а съ вами намъ нѣтъ войны; если Половцы бѣгутъ къ вамъ, то вы бейте ихъ оттуда и добро ихъ себѣ берите; слышали мы, что они и вамъ много зла дѣлаютъ, потому же и мы ихъ отсюда били». Русскіе этимъ словамъ вѣры не дали, а самихъ пословъ перебили. Когда войска наши стояли на Днѣпрѣ, не доходя Олешья, то Татары прислали новыхъ пословъ, которые объявили: «Если вы послушались Половцевъ, пословъ нашихъ перебили и все идете противъ насъ, то ступайте, пусть Богъ насъ разсудитъ, а мы васъ ничѣмъ не трогаемъ». На этотъ разъ послы были отпущены живыми.

Когда собрались всѣ полки Русскіе и Половецкіе, то Мстиславъ Удалой съ 1.000 человѣкъ перешелъ Днѣпръ и обратилъ въ бѣгство Татарскихъ сторожей, при чемъ было захвачено нѣсколько людей, выданныхъ Половцамъ на смерть.

Послѣ этого всѣ князья переправились черезъ Днѣпръ; скоро дали знать, что появились Татары осматривать наши ладьи. Даніилъ Романовичъ съ Половцами поскакалъ ихъ смотрѣть. Вернувшись въ станъ, всѣ стали

разсуждать о Татарахъ; большинство склонялось къ мнѣнію, что врагъ не страшенъ, даже хуже Половцевъ, но опытный Галицкій воевода, Юрій Домамеричъ, утверждалъ, что они добрые воины. А между тѣмъ, Татары все отходили назадъ; стрѣльцы наши встрѣтили ихъ тыловые отряды въ Половецкомъ полѣ, побѣдили ихъ и, захвативъ много скота, пригнали его къ своимъ полкамъ. Ободренные этимъ успѣхомъ Русскіе продвигались все дальше и дальше впередъ и, наконецъ, дошли до рѣки Калки, впадающей въ Азовское море. Здѣсь былъ встрѣченъ опять небольшой Татарскій отрядъ и былъ опять отогнанъ нами.

Тогда Мстиславъ Удалой, идя въ сторожахъ, приказалъ Даніилу Галицкому перейти рѣку, а вслѣдъ за нимъ перешелъ ее и самъ, пославъ впередъ Половцевъ, съ ихъ вождемъ Яруномъ; прочимъ же князьямъ объ этомъ движеніи не было дано знать, и они стали станомъ. Послѣднее было сдѣлано Мстиславомъ Удалымъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, чтобы одному одержать побѣду, такъ какъ у него была ссора съ Мстиславомъ Кіевскимъ; но возможно и другое объясненіе: идя далеко впереди въ сторожахъ, Мстиславъ, можетъ быть, и не могъ своевременно извѣстить Кіевскаго князя о появленіи противника, потому что не успѣлъ онъ съ Даніиломъ Романовичемъ перейти рѣку, какъ сейчасъ же появилось огромное количество Татаръ, готовыхъ къ бою. Это было 16 іюня 1224 года.

Завидя врага, двадцати-трехлѣтній Даніилъ Романовичъ, въ сердцѣ котораго съ дѣтства глубоко запали слова Писанія: «Медляй на брань страшливу душу иматъ», разгорячилъ своего коня, вынесся впередъ и первый врубился въ Татарскіе ряды: скоро онъ былъ раненъ въ грудь, но сильный своею молодостью и воодушевленный боемъ онъ не замѣтилъ раны и продолжалъ рубиться съ врагами, бѣшено на него насѣдавшими со всѣхъ сторонъ; «бѣ бо дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногъ его не бѣ на немъ порока»,— примѣчаетъ лѣтописецъ по этому поводу.

Видя опасность, въ которую попалъ Даніилъ, двоюродный дядя его, любившій доблестнаго племянника своего какъ родного сына, князь Мстиславъ Нѣмой кидается ему на выручку. Съ другой стороны, храбрѣйшій князь Олегъ Курскій наноситъ страшные удары Татарамъ. Конечно, и наши славные богатыри оказываютъ чудеса храбрости. Битва дѣлается все ожесточеннѣе и ожесточеннѣе. Уже побѣда, повидимому, могла склониться на нашу сторону. Но вдругъ побѣжали презрѣнные Половцы и стали топтать станы остальныхъ князей, которые не успѣли еще построить полки для боя. Это рѣшило дѣло въ пользу Татаръ. Скоро они нещадно начинаютъ избивать полки Мстислава Удалого и Даніила, конечно, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, послѣ бѣгства Половцевъ.

Пораженіе Русскихъ было такое, какого не бывало еще отъ начала Русской Земли. Мстиславъ Удалой, Даніилъ Романовичъ и немногіе изъ бывшихъ въ сѣчи успѣли бѣжать въ направленіи къ западу; при этомъ, только нагнувшись къ рѣчкѣ, чтобы напиться воды, Даніилъ замѣтилъ свою рану. Доблестные же наши богатыри всѣ до единаго сложили свои головы.

Видя бѣдственное положеніе части нашего войска, дравшагося подъ начальствомъ Удалого и Даніила, князь Мстиславъ Кіевскій, съ зятемъ своимъ Андреемъ и княземъ Александромъ Дубровицкимъ *), по неизвѣстнымъ причинамъ не двинулся съ мѣста; онъ стоялъ на горѣ надъ самой Калкой и оградился здѣсь со всѣхъ сторонъ кольями.

Татары, направивъ часть своихъ силъ для преслѣдованія бѣгущихъ, другою частью осадили Мстислава Кіевскаго, который успѣшно отбивался отъ нихъ три дня, пока дѣло не рѣшило предательство. Вмѣстѣ съ Татарами были и *Бродники*, Православные обитатели низовьевъ Дона, о которыхъ мы уже упоминали. Воевода этихъ Бродниковъ, Плоскиня, цѣловалъ

211. Князь Мстиславъ Кіевскій въ сраженіи подъ Калкой... „И учиниша городъ себѣ съ коліемъ и бишася съ него три дни“.

Изъ Царственнаго лѣтописца.

212. Предательство Плоскини. „И той окоянный цѣлова крестъ къ великому князю Мстиславу Романовичу Кіевскому и сущимъ съ нимъ“.

крестъ Мстиславу и другимъ князьямъ, что если они сдадутся, то Татары ихъ не убьютъ, а отпустятъ на выкупъ.

Князья повѣрили, сдались и были задавлены: Татары подложили ихъ подъ доски, на которыя сѣли обѣдать.

Шестеро другихъ князей погибло во время бѣгства къ Днѣпру и между ними князь Мстиславъ Черниговскій съ сыномъ. Мстиславу же Удалому съ Даніиломъ Романовичемъ удалось, съ большимъ трудомъ, уйти за Днѣпръ. Вообще, вернулось домой не болѣе одной десятой части ходившихъ на Калку.

---

*) Турово-Пинской волости.

Татары преслѣдовали до Новгорода Святополчскаго *), послѣ чего вернулись назадъ. Жители Русскихъ городовъ и селъ, лежавшихъ на ихъ пути, выходили имъ навстрѣчу, но всѣ были убиваемы. «Погибло безчисленное множество людей»,—говоритъ лѣтописецъ.

Юный же племянникъ Юрія Суздальскаго—Василько Константиновичъ Ростовскій, подойдя къ Чернигову и услыша о Калкскомъ побоищѣ, вернулся назадъ.

Такъ окончилась наша первая встрѣча съ Татарами. Въ битвѣ подъ Калкою сказались полностью всѣ порядки тогдашней Руси: много храбрѣй-

213. „А князей покладаша подъ доски. И сѣдоша верху ихъ обѣдати. И тако князи издохнушася".

214. „Татары же погнаша за христіаны до Новограда... христіане же не вѣдуще лсти Татарскія изыдоша противу ихъ со кресты они же злѣ изсѣкоша и домы ихъ пожгоша"...

шихъ героевъ и полное отсутствіе единства; не было ни общаго начальника надъ Русскими войсками, ни сознанія у вождей, что при встрѣчѣ съ врагомъ необходимо дѣйствовать сообща, а не врозь.

Скоро послѣ своей побѣды Татары исчезли, и о нихъ ничего не было болѣе слышно.

Въ Русской Землѣ продолжалась прежняя жизнь. Въ Кіевѣ, послѣ бѣдственной кончины Мстислава Романовича, сѣлъ его двоюродной братъ Владиміръ Рюриковичъ, и скоро въ Поднѣпровьѣ опять поднялась старая усобица между Мономаховичами и Ольговичами.

---

*) Въ Переяславской Землѣ.

Мстиславъ же Удалой, вернувшись въ Галичъ, попалъ опять въ среду своихъ крамольныхъ бояръ, которые стали вновь его возбуждать противъ зятя Даніила Романовича Волынскаго; въ этомъ же направленіи вліялъ на довѣрчиваго Мстислава и давнишній врагъ Даніила—князь Александръ Бельзскій. Они увѣряли Мстислава, что зять ищетъ подъ нимъ Галича и хочетъ его убить. Скоро началась герестная усобица между двумя самыми доблестными и знаменитыми князьями; Мстиславъ привелъ Половцевъ; Даніилъ—Поляковъ; впрочемъ, въ усобицѣ этой больше всего пострадала волость главнаго заводчика смуты—князя Александра Бельзскаго. Наконецъ, Мстиславу открыли глаза, что Даніила оклеветали передъ нимъ, и онъ примирился съ зятемъ. Но смута въ Галичѣ продолжалась, поддерживаемая безсовѣстными боярами, уже знакомыми намъ,—Судиславомъ и Глѣбомъ Зеремѣевичемъ. Наконецъ, они уговорили Мстислава ускорить бракъ его младшей дочери съ Венгерскимъ королевичемъ Андреемъ, который былъ еще мальчикомъ, и отдать имъ Галичъ, конечно, для того, чтобы за малолѣтствомъ королевича заправлять самимъ всѣми дѣлами.

«Князь»,—говорили коварные совѣтники,—«самъ ты не можешь держать Галича: бояре не хотятъ тебя. Если отдашь его королевичу, то возмешь его назадъ, когда захочешь; если же отдашь Даніилу, то уже никогда не будетъ больше твой Галичъ, потому что народъ крѣпко любитъ Даніила». И Мстиславъ послушалъ ихъ и отдалъ Галичъ малолѣтнему Андрею съ супругой, то-есть тѣмъ же крамольнымъ боярамъ, а самъ взялъ Понизье *) и удалился въ Торческъ.

Онъ скоро раскаялся въ своей недальновидности и послалъ сказать Даніилу: «Сынъ! Согрѣшилъ я, что не далъ тебѣ Галича, по совѣту льстеца Судислава; обольстилъ онъ меня. Но если Богу угодно, то дѣло еще можно поправить». Однако, уже до самой смерти, онъ поправить его не могъ, и умеръ, такъ и не успѣвъ повидаться съ Даніиломъ. Онъ скончался въ 1229 году, принявъ передъ смертью схиму.

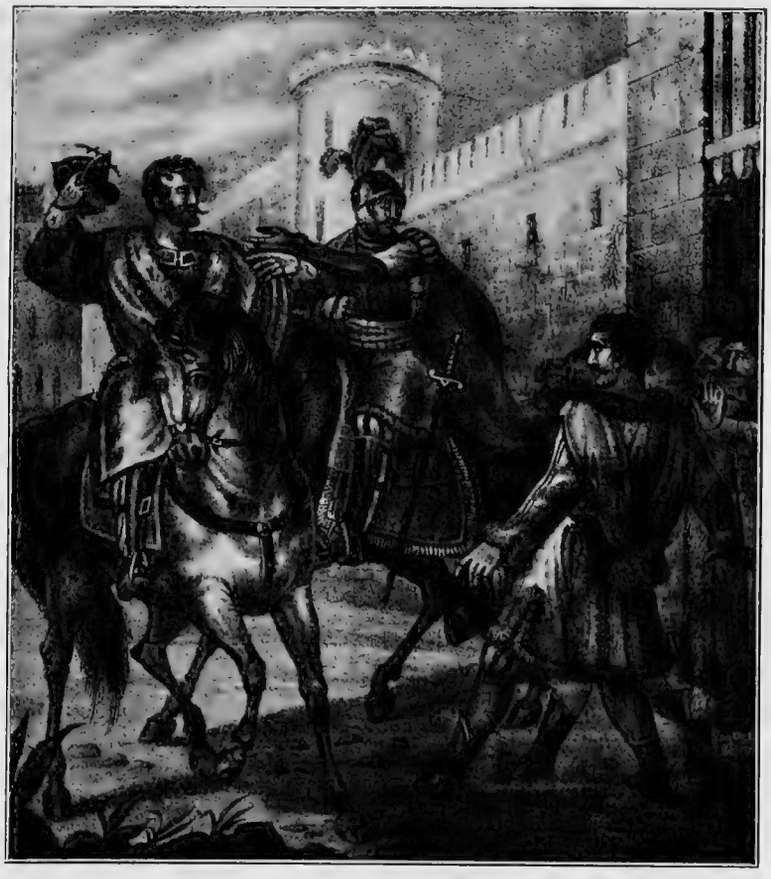
Послѣ смерти Удалого—главныя событія въ Галицкой Землѣ неразрывно связываются съ именемъ доблестнаго Даніила Романовича. Судьба продолжала окружать его со всѣхъ сторонъ врагами и всевозможными опасностями; но онъ мужественно шелъ имъ навстрѣчу, при чемъ во всѣхъ случаяхъ своей жизни руководствовался чувствами своей благородной души и, какъ мы увидимъ, не запятналъ себя ни однимъ низкимъ поступкомъ.

Вскорѣ послѣ сраженія подъ Калкой, Мстиславъ Нѣмой передалъ Даніилу свою Пересопницкую волость; изъ-за этого у него возникла вражда съ троюроднымъ братомъ своимъ—Ярославомъ Ингваревичемъ, отецъ котораго сидѣлъ когда-то въ этой волости; однажды Даніилъ, ѣдучи на богомолье, повстрѣчался съ этимъ Ярославомъ, и его бояре стали тотчасъ же совѣтовать захватить Ярослава, но онъ съ негодованіемъ отвергъ эту коварную мѣру.

---

*) Нынѣшняя Подольская губернія.

Затѣмъ, послѣ смерти Мстислава, Даніилъ овладѣлъ Понизьемъ; это подняло противъ него цѣлый союзъ Южно-Русскихъ князей, во главѣ съ Кіевскимъ княземъ Владиміромъ Рюриковичемъ, отецъ котораго былъ когда-то насильно постриженъ отцомъ Даніила—Великимъ Романомъ. Теперь Владиміръ Рюриковичъ хотѣлъ мстить за обиды отца и составилъ союзъ изъ многихъ князей, а также пригласилъ Половцевъ, и пошелъ на Даніила. Митрополитъ Кириллъ тщетно старался отвратить это между-



215. „Даніилъ громко разсмѣялся и открылъ свое лицо передъ изумленнымъ вѣчемъ".

Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

усобіе. Но Даніилъ,ославъ просить помощи у Поляковъ, быстро успѣлъ затѣмъ привлечь на свою сторону Половецкаго хана Котяна, послѣ чего Кіевскій князь долженъ былъ заключить съ нимъ миръ.

Въ слѣдующемъ 1229 году, умеръ Лешко Польскій, убитый своею же роднею, при чемъ подъ конецъ жизни онъ былъ вѣрнымъ союзникомъ молодымъ Романовичамъ. Помогая за это его брату Конраду въ возникшей въ Польшѣ усобицѣ, Даніилъ двинулся со своими войсками къ городу Калишу и принялъ участіе въ его осадѣ, при чемъ жители стали скоро просить о пощадѣ. Тогда, желая узнать настроеніе, царившее въ городѣ, Да-

ніилъ, закрывъ лицо забраломъ своего шлема, въѣхалъ въ Калишъ и, будучи принятъ за Поляка, въ сопровожденіи одного только Польскаго вельможи, смѣло отправился на вѣче; когда тамъ стали говорить, не подозрѣвая о его присутствіи, что только изъ-за него Калишане не получаютъ мира, при чемъ его тутъ же бранили, то Даніилъ громко разсмѣялся и открылъ свое лицо передъ изумленнымъ вѣчемъ, изъ среды котораго раздались затѣмъ голоса: «Смилуйся, помирись», послѣ чего Даніилъ далъ жителямъ Калиша не только миръ, но и заключилъ съ ними дружескій договоръ.

Въ томъ же 1229 году, Даніилу удалось изгнать изъ Галича королевича Андрея и сѣсть самому на столъ отца своего; но положеніе его въ городѣ было крайне непрочнымъ; измѣнникъ Судиславъ, про котораго мы уже неоднократно упоминали, отправился въ Венгрію и навелъ большое войско на Галичъ, предводительствуемое самимъ королемъ. На этотъ разъ Даніилу помогло само небо; начались страшные дожди, лошади тонули въ грязи, кожа у Венгровъ падала съ ногъ, какъ обувь, и они принуждены были повернуть назадъ. Сейчасъ же затѣмъ, однако, начались внутреннія смуты. «Скажемъ многій мятежъ, великія льсти, безчисленныя рати»,— опять говоритъ лѣтописецъ, начиная описывать это время жизни Даніила.

Дѣйствительно, положеніе его было очень труднымъ. Однажды, бояре рѣшили убить Даніила и собрались уже въ его теремѣ, чтобы сговориться какъ бы его поджечь, и только молодой Василько случайно спасъ брату жизнь; онъ вошелъ въ комнату съ обнаженнымъ мечомъ и въ шутку кинулся на боярскихъ слугъ; бояре же, видя это, подумали, что ихъ заговоръ открытъ, и въ ужасѣ бросились бѣжать. Вслѣдъ затѣмъ Даніилъ былъ приглашенъ къ одному изъ заговорщиковъ обѣдать и тоже, только случайно, узналъ, что его собираются тамъ убить. Открывъ боярскій заговоръ, Даніилъ великодушно простилъ виновныхъ; но это нисколько ихъ не образумило, а только усилило дерзость крамольныхъ вельможъ, при чемъ однажды за столомъ одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ даже плеснуть Даніилу виномъ въ лицо.

Наконецъ, у Даніила изъ всей дружины осталось вѣрными только 18 отроковъ. Съ ними онъ долженъ былъ выступить въ походъ противъ своего злѣйшаго врага—князя Александра Бельзскаго, спѣшившаго воспользоваться его труднымъ положеніемъ; по дорогѣ старый дядька-кормилецъ Даніиловъ—Мирославъ привелъ еще нѣсколько отроковъ, а затѣмъ къ нему примкнуло, для вида, и еще нѣсколько невѣрныхъ бояръ. Конечно, съ такимъ воинствомъ невозможно было успѣшно дѣйствовать и противъ одного Александра Бельзскаго, а между тѣмъ на Даніила снова поднялся и Венгерскій король, который затѣмъ быстро овладѣлъ не только Галичемъ съ подвластными ему городами, но и Владиміромъ Волынскимъ, исконнымъ владѣніемъ Романовичей.

Тѣмъ не менѣе, и въ этихъ исключительно трудныхъ обстоятельствахъ, Даніилъ не падалъ духомъ, а продолжалъ, поддерживаемый своимъ вѣрнымъ братомъ Василькомъ, мужественно бороться съ Венграми и сумѣлъ своею

настойчивостью вести эту борьбу такъ успѣшно, что даже его старый врагъ—Александръ Бельзскій нашелъ для себя выгоднымъ перейти на сторону Романовичей, впрочемъ, не надолго.

Только въ 1233 году, послѣ смерти Венгерскаго королевича Андрея, удалось Даніилу сѣсть въ Галичѣ.

Однако, и послѣ этого ему не стало спокойнѣе, такъ какъ онъ тотчасъ же принялъ участіе въ распрѣ, шедшей въ это время между Мономаховичами и Ольговичами, и ходилъ съ Владиміромъ Рюриковичемъ Кіевскимъ противъ сына Чермнаго—Михаила Всеволодовича Черниговскаго.

Возвращаясь назадъ изъ этого похода, Владиміръ Рюриковичъ сталъ усиленно просить Даніила идти помочь ему противъ Половцевъ; просьбу эту поддерживалъ также и Даніиловъ дядька-кормилецъ—Мірославъ. Даніилъ указывалъ на страшную усталость своихъ войскъ, но затѣмъ согласился. Когда же они встрѣтились съ Половцами у Звенигорода, то сами, Владиміръ Рюриковичъ и Мірославъ, стали его отговаривать отъ боя, говоря, что войска сильно утомлены.

На это Даніилъ отвѣчалъ имъ съ гордостью: «Воинъ, вышедшій разъ на брань, долженъ побѣдить или пасть; прежде я самъ отговаривалъ васъ идти въ походъ, а теперь вижу, что вы трусы; развѣ я вамъ не говорилъ, что не слѣдуетъ выходить усталымъ полкамъ противъ свѣжихъ? а теперь чего испугались? Ступайте!» Сѣча была злая, и Половцы побѣдили. Подъ Даніиломъ была убита лошадь, а Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій и Мірославъ попали въ плѣнъ.

Послѣ этого въ Галичѣ поднялась такая смута, что Даніилъ долженъ былъ удалиться къ своимъ бывшимъ врагамъ—Венграмъ, съ которыми примирился послѣ смерти королевича Андрея, а на Волыни оставилъ брата своего Василька.

Въ Галичѣ же сѣлъ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, а въ Кіевѣ племянникъ его Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоря Сѣверскаго, героя «Слова о полку».

Владиміру Рюриковичу удалось скоро ускользнуть изъ Половецкаго плѣна, но вернуть себѣ Кіевъ ему уже больше не пришлось. Изъ-за Галича же между Даніиломъ Романовичемъ и Михаиломъ Черниговскимъ поднялась ожесточенная борьба, безпрерывно шедшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при чемъ городъ неоднократно переходилъ изъ рукъ въ руки, пока въ распрю эту не вмѣшался братъ Юрія Суздальскаго, хорошо знакомый намъ пылкій и неукротимый Ярославъ Всеволодовичъ.

Ярославъ захватилъ Черниговскую волость и занялъ Кіевъ. Скоро, однако, онъ быстро его оставилъ. Страшныя вѣсти пришли о новомъ вторженіи Татаръ, на этотъ разъ съ сѣвера.

Михаилъ же Черниговскій, узнавъ о хозяйничаніи Ярослава въ своей отчинѣ и о занятіи имъ Кіева, а также и о поспѣшномъ его выѣздѣ оттуда, рѣшилъ самъ двинуться къ Кіеву, а въ Галичѣ оставилъ своего сына Ростислава. Но Ростиславу пришлось недолго посидѣть въ Галичѣ. Скоро по-

явился подъ городскими стѣнами Даніилъ и сталъ говорить жителямъ: «Люди городскіе, до которыхъ поръ хотите вы терпѣть державу иноплеменныхъ князей». Тѣ закричали въ отвѣтъ: «Вотъ нашъ держатель, Богомъ данный» и пустились къ Даніилу, «какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждующіе воды къ источнику». Крамольные же бояре должны были «съ осклабленнымъ лицомъ и облизывая губы» явиться къ Даніилу и поневолѣ сказать ему: «Приди князь Даніилъ, прими городъ».

Такъ опять сѣлъ въ Галичѣ мужественный Даніилъ въ страшный годъ вторичнаго появленія Татаръ въ Русской Землѣ. Это было въ 1238 году.

216. Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ.

По Титулярнику.

Во время только что описанной непрестанной борьбы въ Поднѣпровьѣ и въ Галичѣ, шедшей послѣ битвы подъ Калкою, на сѣверѣ Руси шла не менѣе безпокойная жизнь.

Мы прервали нашъ разсказъ о событіяхъ въ Новгородѣ на томъ, что въ 1224 году сынъ великаго князя Юрія Суздальскаго, Всеволодъ, не будучи въ состояніи переносить Новгородскіе порядки, вторично тайно оставилъ городъ и на этотъ разъ, по примѣру дяди Ярослава, засѣлъ въ Торжкѣ, куда пришелъ къ нему на помощь и отецъ со значительными силами.

Юрій потребовалъ отъ Новгородцевъ выдачи главныхъ зачинщиковъ крамолы противъ Суздальскихъ князей и грозилъ имъ въ случаѣ отказа: «Я поилъ коней своихъ Тверцой, напою и Волховымъ», но затѣмъ смягчился и далъ имъ въ князья своего шурина, уже извѣстнаго намъ, Михаила Черниговскаго, сына Чермнаго, который въ то время не могъ утвердиться въ Черниговѣ, враждуя съ дядей своимъ—Олегомъ Курскимъ, героемъ битвы на рѣкѣ Калкѣ.

Новгородцы жили хорошо съ Михаиломъ, но, пробывъ около года, онъ простился съ ними и отправился на югъ, чтобы сѣсть въ своей отчинѣ—Черниговѣ, помирившись при помощи Юрія Суздальскаго съ дядей—Олегомъ Курскимъ.

Тогда Новгородцы опять пригласили себѣ брата Юрія—Ярослава, который вскорѣ нанесъ сильнѣйшее пораженіе Литовцамъ и совершилъ

затѣмъ смѣлый походъ вглубь Финляндіи, послѣ чего мирно крестилъ язычниковъ Кореловъ въ Православную вѣру.

Затѣмъ дѣятельный Ярославъ отправился во Псковъ и повезъ туда много подарковъ; повидимому, онъ желалъ войти въ добрыя отношенія съ Псковичами, чтобы пойти съ ними противъ Нѣмцевъ. Псковичи, однако, не только не приняли Ярослава, чѣмъ онъ былъ крайне обиженъ, но даже, узнавъ, что онъ собирается идти на Нѣмцевъ въ Ригу и привелъ для этого свои Переяславскіе полки, сами поспѣшили заключить съ рыцарями Ордена миръ, съ тѣмъ, чтобы они помогли имъ въ случаѣ войны съ Новгородомъ *). Новгородцы же, узнавъ про это, сказали Ярославу: «Мы безъ своей братьи, безъ Псковичей, не пойдемъ на Ригу, а тебѣ, князь, кланяемся» и, несмотря на всѣ просьбы его, не согласились идти на Нѣмцевъ. Раздосадованный Ярославъ уѣхалъ къ себѣ въ Переяславль Залѣсскій, а въ Новгородѣ оставилъ двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ, Ѳеодора и Александра, съ дядькой-кормильцемъ Ѳеодоромъ Даниловичемъ.

Скоро въ Новгородѣ поднялись обычныя волненія и самоуправство; къ тому же, осенью 1228 года, полили сильные дожди, которые шли день и ночь, и съ Успенья до Николы не видно было солнца—ни сѣна нельзя было добыть, ни пашни пахать. Угнетенный этимъ ненастьемъ, народъ возсталъ противъ владыки Арсенія, упрекая его, что Богъ наказываетъ ихъ по его винѣ, такъ какъ будто онъ заставилъ своего предшественника Антонія удалиться въ Хутынскій монастырь, тогда какъ въ дѣйствительности Антоній ушелъ изъ владыкъ, будучи разбитъ всѣмъ тѣломъ отъ болѣзни и потерявъ при этомъ языкъ. Благочестивый и смиренный Арсеній денно и нощно молился о прекращеніи ненастья, но буйная толпа вытащила его изъ архіерейскаго дома, била, гнала и чуть не лишила жизни, затѣмъ извлекла изъ монастыря нѣмого и разбитаго Антонія и силой посадила его опять владыкой. Новгородцы не успокоились и на этомъ; они разграбили многіе дома, лишили сана тысяцкаго, избрали новаго и послали къ Ярославу требованіе, чтобы онъ скорѣй ѣхалъ. Но пока отъ него ожидали отвѣта, дядька молодыхъ князей, безъ сомнѣнія опасаясь за нихъ, въ виду описанныхъ безчинствъ, поспѣшилъ тайно покинуть съ ними городъ.

Тогда Новгородцы очень обидѣлись. «Что же это они побѣжали»,—говорили они,—«развѣ какое зло задумали на Святую Софью, а мы ихъ не гнали, только братью свою казнили, а князю никакого зла не сдѣлали».

Послѣ этого они послали за Михаиломъ въ Черниговъ. Онъ поспѣшилъ въ Торжокъ и прибылъ оттуда въ Новгородъ, гдѣ былъ восторженно принятъ, при чемъ цѣловалъ крестъ по всей Новгородской волѣ. Это было въ 1229 году.

Между тѣмъ, узнавъ о призваніи Михаила въ Новгородъ, обидѣлся и Ярославъ и, считая, что это дѣло рукъ шурина Михаила, своего родного

---

*) Надо думать, что Псковичи не приняли Ярослава, памятуя о его крутомъ обращеніи съ Новгородомъ, приведшемъ къ Липецкой битвѣ.

брата Юрія, перенесъ на него весь свой гнѣвъ, при чемъ умѣлъ возбудить противъ Юрія и племянниковъ—Константиновичей Ростовскихъ.

Но миролюбивый и благородный Юрій, чтобы выяснить дѣло, созвалъ всѣхъ своихъ братьевъ и племянниковъ на съѣздъ и привелъ ихъ въ такую любовь, что всякая вражда прекратилась тотчасъ же. Всѣ поклонились ему, цѣловали крестъ, что будутъ почитать какъ отца родного, затѣмъ весело отпраздновали Рождество Богородицы и, получивъ богатые подарки, разъѣхались по домамъ. Скоро былъ заключенъ миръ и между Ярославомъ и Михаиломъ Черниговскимъ, при чемъ для этого пріѣзжалъ во Владиміръ самъ митрополитъ Кириллъ.

Но Михаилъ недолго посидѣлъ въ Новгородѣ; оставя здѣсь своего малолѣтняго сына Ростислава, онъ опять отправился въ свою Черниговскую Землю.

Въ Новгородѣ же, послѣ его отъѣзда, вновь поднялись обычные крамолы, грабежи и убійства, особенно усилившіеся при наступленіи въ 1230 году жестокаго голода, при чемъ Новгородцы указали путь юному Ростиславу и опять пригласили къ себѣ Ярослава. Ярославъ согласился, но черезъ двѣ недѣли вновь уѣхалъ къ себѣ въ Переяславль, оставя здѣсь, какъ и прежде, малыхъ сыновей—Ѳеодора и Александра.

Въ Новгородѣ, между тѣмъ, голодъ усиливался и вызвалъ ужасающій моръ. Бѣдные ѣли мохъ, желуди, собакъ, кошекъ и человѣческіе трупы. Въ короткое время умерло 42.000 человѣкъ. Голодныя собаки терзали на улицахъ младенцевъ подлѣ умершихъ отъ истощенія родителей. Къ несчастью, неоткуда было привести и хлѣба, такъ какъ бѣдствіе было общее для всей Руси, кромѣ Кіева. Въ одномъ Смоленскѣ отъ голода умерло 30.000 человѣкъ.

Наконецъ, пришла помощь: Нѣмецкіе купцы изъ-за моря привезли хлѣбъ, который продавали по доступной цѣнѣ.

Между тѣмъ, Михаилъ Черниговскій, вернувшись въ свою волость, скоро завелъ усобицу съ Владиміромъ Рюриковичемъ Кіевскимъ, при чемъ, какъ мы видѣли, когда Владиміръ былъ разбитъ Половцами и попалъ къ нимъ въ плѣнъ, то Михаилъ не только посадилъ своего племянника Изяслава на Кіевскій столъ, но и самъ занялъ Галичъ и повелъ изъ-за него продолжительную борьбу съ Даніиломъ Романовичемъ.

Борьба эта поссорила Михаила Черниговскаго и съ Суздальскими князьями, такъ какъ дочь великаго князя Юрія успѣла выйти замужъ за Василька, брата Даніила, а сынъ Юрія, Всеволодъ, женился на дочери Владиміра Рюриковича. Кромѣ того, гнѣвался на Михаила и Ярославъ Всеволодовичъ за то, что онъ охотно давалъ у себя пріютъ всѣмъ врагамъ его, бѣжавшимъ изъ Новгорода.

Эти Новгородскіе изгнанники подняли противъ Ярослава родственника Михаила—Трубчевскаго князя Святослава, увѣривъ его, что онъ будетъ тотчасъ же принятъ Новгородцами, какъ только появится въ ихъ предѣлахъ. Однако, попытка ихъ окончилась полной неудачей, и они должны были

бѣжать во Псковъ, а когда Псковичи предложили имъ выйти изъ города, то эти изгнанные Новгородскіе мужи передались Нѣмцамъ въ Оденпе. Это было въ 1232 году. Ярославъ же продолжалъ княжить въ Новгородѣ, имѣя въ немъ сыновей, а самъ пребывалъ большею частью въ Переяславлѣ Залѣсскомъ.

Въ 1233 году Новгородцы готовились къ большому торжеству.

Юный Ѳеодоръ Ярославовичъ долженъ былъ вступить въ бракъ. Все было готово къ свадьбѣ и гости собрались на пиръ, какъ вдругъ женихъ, отрокъ рѣдкой душевной чистоты, внезапно скончался. Получивъ извѣстіе объ этой неожиданной кончинѣ сына, мать его, блаженная княгиня Ѳеодосія, обнаружила замѣчательную покорность волѣ Божіей; она тотчасъ же съ великимъ смиреніемъ промолвила: «Ты, Господи, далъ, Ты и взялъ; да будетъ благословенно имя Твое». Кажется, невѣста неожиданно скончавшагося князя приняла постриженіе и оставила по себѣ память подъ именемъ преподобной Харитины; тѣло же отрока было похоронено въ соборѣ Святой Софіи, при чемъ черезъ четыреста лѣтъ его мощи были обрѣтены нетлѣнными, прославились нѣкоторыми чудесами и нынѣ открыто почиваютъ тамъ же.

Похоронивъ внезапно умершаго сына, Ярославъ долженъ былъ обнажить свой мечъ на Нѣмцевъ, при чемъ онъ настолько удачно дѣйствовалъ противъ занятыхъ ими городовъ Юрьева и Оденпе, что они запросили у него мира и онъ заключилъ его «по всей своей правдѣ». Послѣ этого похода, Ярославъ нанесъ тяжелое пораженіе Литовцамъ, а затѣмъ отправился въ Поднѣпровье,—противъ Михаила, гдѣ, какъ мы видѣли, онъ скоро захватилъ Черниговскую область и Кіевъ, но откуда долженъ былъ спѣшно вернуться на сѣверъ, въ томъ же 1238 году, получивъ свѣдѣнія о новомъ нашествіи Татаръ. Кіевъ же, послѣ его отъѣзда, былъ занятъ Михаиломъ Черниговскимъ.

Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ подробному разсказу отъ этомъ новомъ нашествіи Татаръ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ положеніи, которое занимали въ это время другіе враги Русской Земли, сидѣвшіе на западѣ: Литовцы и Нѣмцы.

Многочисленныя Литовскія племена, все болѣе и болѣе приходившія въ столкновенія со своими сосѣдями, стали въ 1235 году объединяться вокругъ одного изъ своихъ умнѣйшихъ князей—Миндовга, и уже въ 1236 году успѣли наголову разбить Рижскихъ рыцарей, при чемъ самъ начальникъ, или великій магистръ, послѣднихъ—старецъ Вольквинъ, былъ убитъ вмѣстѣ со множествомъ другихъ рыцарей.

Эта побѣда Литовцевъ грозила уничтоженіемъ всему Нѣмецкому дѣлу на Балтійскомъ побережьѣ, примыкавшемъ къ Русскимъ владѣніямъ.

Къ несчастью, однако, другое могущественное Нѣмецкое рыцарское братство уже утвердило въ это время свое владычество нѣсколько западнѣе, въ странѣ, заселенной Литовскимъ племенемъ—Пруссами. Это былъ сильный орденъ *Нѣмецкихъ* или *Тевтонскихъ* рыцарей, которыхъ пригласилъ сюда изъ Святой Земли уже извѣстный намъ Конрадъ, князь Мазовецкій,

братъ и преемникъ Лешко, чтобы ослабить воинственныхъ Пруссовъ, постоянно на него нападавшихъ.

Уступка Конрадомъ Пруссіи и даже части своей Земли Нѣмцамъ— была большой и ничѣмъ непоправимой ошибкой противъ Славянскаго дѣла вообще. Доблестный Даніилъ Романовичъ тотчасъ же понялъ значеніе этой уступки и въ 1231 году предпринялъ походъ противъ новыхъ пришельцевъ, сказавъ: «Не годится держать нашу отчину крестовымъ рыцарямъ», при чемъ захватилъ у нихъ одинъ городъ, но, конечно, онъ одинъ ничего существеннаго противъ нихъ предпринять не могъ.

Ливонскіе рыцари Ордена Меча, терпя пораженія отъ Литовцевъ, стали скоро искать соединенія съ новоприбывшимъ Тевтонскимъ орденомъ; Тевтонцы вначалѣ отказывали имъ въ этомъ, въ виду плохой нравственности Меченосцевъ; однако, въ 1237 году, по благословенію папы, состоялось сліяніе обоихъ Орденовъ, послѣ чего дѣло Нѣмцевъ успѣшно пошло впередъ.

Во время описанныхъ событій на югѣ и западѣ, Юрій Всеволодовичъ, слѣдуя примѣру отца своего, ретиво занимался приведеніемъ въ благосостояніе своей Суздальской Земли и время отъ времени воевалъ съ Мордвой и Болгарами, при чемъ съ послѣдними онъ заключилъ прочный миръ.

Такъ шла жизнь въ Русской Землѣ, послѣ несчастной битвы на Калкѣ, о которой, кажется, скоро всѣ позабыли. Нѣтъ также никакихъ признаковъ того, чтобы кѣмъ-либо были приняты какія-нибудь мѣры на случай новаго появленія Татаръ.

А Татары, между тѣмъ, дѣятельно готовились къ новымъ завоеваніямъ.

Въ 1127 году умеръ страшный Чингисъ-ханъ: семидесяти-двухлѣтняго повелителя Азіи зарѣзала ночью молодая жена одного хана, которую онъ, повидимому, силою отнялъ у мужа, послѣ чего она, боясь казни, сама утопилась въ рѣкѣ.

Существуетъ преданіе, что незадолго до смерти, Чингизъ-ханъ собралъ своихъ сыновей и, раздавши каждому по стрѣлѣ, велѣлъ имъ ихъ разломать, что тѣ, конечно, легко сдѣлали; затѣмъ онъ предложилъ каждому разломать пучокъ изъ нѣсколькихъ стрѣлъ; но на это ни у кого изъ нихъ не хватило силы. Тогда онъ имъ сказалъ: «Вотъ видите, если Вы всѣ будете всегда дѣйствовать сообща, то никто Васъ не сломитъ, если-же разъединитесь, то Васъ, какъ эти стрѣлы, легко будетъ уничтожитъ врагамъ Вашимъ по одиночкѣ».

Завѣтъ этотъ, видимо, глубоко запалъ въ сердце наслѣдниковъ Чингизъ-хана, такъ какъ смерть его нисколько не остановила ихъ въ преслѣдованіи намѣченныхъ имъ великихъ предначертаній.

Послѣ похода Чжебе и Субутая, окончившагося въ 1224 году битвой на Калкѣ, Монголы посылали еще новыя войска въ 1229 году къ Волгѣ. Оба эти похода можно назвать предварительнымъ военнымъ обозрѣніемъ ими страны къ западу отъ Волги, для совершенія своего главнаго похода, предпринятаго зимой съ 1237 на 1238 годъ.

Сохранились извѣстія, что у нихъ были составлены соображенія—какъ овладѣть послѣ покоренія Русской Земли и всей остальной Европой. Такимъ образомъ, второе нашествіе Татаръ было дѣломъ давно и глубоко обдуманнымъ еще при жизни Чингизъ-хана. Послѣ смерти его, согласно оставленному завѣщанію, верховная власть надъ всѣми подвластными

217. Изображеніе Чингизъ-хана на Джагатайской (Татарской) рукописи XVI вѣка, хранящейся въ Британскомъ музеѣ. Вверху рисунка—Чингизъ-ханъ изображенъ отдыхающимъ. Внизу—онъ предлагаетъ своимъ сыновьямъ разломать стрѣлы.

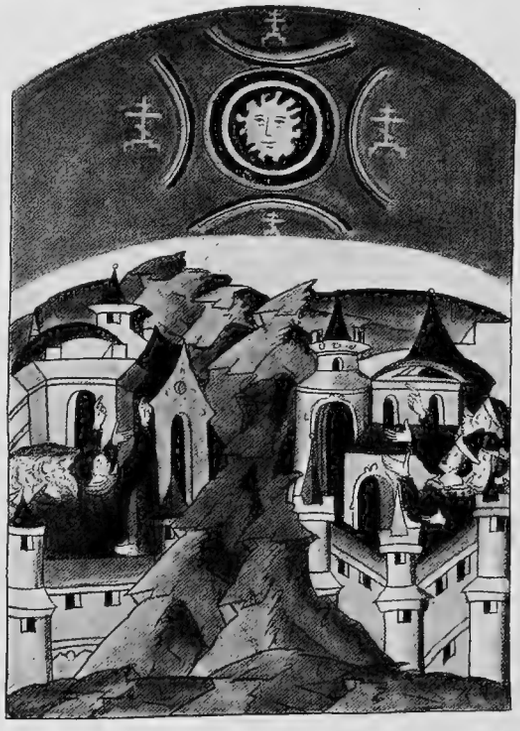
Монгольскими народами перешла къ третьему его сыну—Октаю или Угедею, получившему званіе великаго хана; внуку же Чингизъ-хана—Батыю, сыну старшаго сына Джучи, умершаго раньше отца, достались всѣ пріобрѣтенія въ Восточной Европѣ, сдѣланныя во время походовъ 1224 и 1229 годовъ.

Докончивъ покореніе Сѣвернаго Китая, Октай собралъ въ 1235 году курилтай, на которомъ рѣшены были одновременные походы въ Южный Китай, Корею, Кашимиръ, Индію и въ Европу.

Для послѣдней цѣли главнымъ предводителемъ былъ назначенъ Батый, а въ помощь ему опытный полководецъ Субутай, уже бывшій въ 1224 году въ Восточной Европѣ.

Мѣстомъ сбора всѣхъ войскъ, назначенныхъ въ этотъ походъ, въ количествѣ отъ 300 до 500 тысячъ человѣкъ, были опредѣлены верховья Иртыша и западный Алтай. Отсюда, въ февралѣ 1236 года, все воинство двинулось къ средней Волгѣ, куда и прибыло, вѣроятно, уже въ іюлѣ. Съ Волги Субутай двинулся съ частью силъ для довершенія покоренія

218. „Того же лѣта погорѣ Новгородъ великій и толико ярость огненная была яко и по водѣ огнь хожаше“...



219. „Того же лѣта бысть знаменіе въ солнце, огородися солнце, яко круги“...

Болгаръ, а Батый продолжалъ походъ на западъ, и въ 1237 году, завоевывая всѣ земли, по которымъ проходилъ, подошелъ къ предѣламъ Русской Земли—къ границамъ Рязанскаго княжества.

Къ этому времени, сама природа дала, повидимому, рядъ грозныхъ предзнаменованій о бѣдствіяхъ, которыя готовы были разразиться надъ нашей Родиной.

Еще въ самый годъ битвы подъ Калкой—все лѣто отличалось необычайной засухой и сильнымъ зноемъ: всюду были большіе лѣсные пожары, а осенью появилась огромная хвостатая звѣзда—комета. Въ послѣдующіе годы случались страшные пожары въ Новгородѣ и Владимірѣ и свирѣпствовалъ, описанный нами, голодный моръ, когда люди, по словамъ лѣтописца, «рѣзаху свою братью и поѣдаху». Затѣмъ повсемѣстно прошло силь-

ное землетрясеніе. Во Владимірѣ за обѣдней вдругъ задвигались паникадила собора и колебались иконы и свѣтильники. Тогда же въ Кіевѣ, 3 мая 1230 года, въ праздникъ Святого Ѳеодосія, присутствовавшіе при обѣднѣ князья, бояре и весь народъ почувствовали сильный подземный ударъ; трапеза, гдѣ стояли уже яства для гостей и монаховъ, распалась и кирпичи

220. „Рязанскій князь отвѣтилъ посламъ, какъ всегда и вездѣ отвѣчалъ Русскій князь: „Коли насъ не будетъ, то все ваше будетъ".

Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

падали на полъ, а въ Переяславлѣ на Альтѣ каменный храмъ разсѣлся въ двухъ углахъ и пала кровля, повредившая иконы. Черезъ 10 дней случилось солнечное затменіе, при чемъ необычайные столпы различныхъ цвѣтовъ ходили по небу. Особенно грозно было явленіе въ Кіевѣ: отъ этихъ столповъ отдѣлилось огненное облако и понеслось на самый городъ, но затѣмъ упало въ Днѣпръ; при этомъ многіе каялись въ грѣхахъ и прощались съ близкими, предполагая, что наступилъ конецъ свѣта. Затѣмъ,

въ августѣ 1237 года, было опять затменіе солнца, тоже, конечно, сильно повліявшее на народъ.

Подойдя къ границамъ Рязанской Земли, Татары остановились на одномъ изъ притоковъ рѣки Суры и отправили пословъ къ Рязанскому князю, какую-то жену чародѣйку и съ нею двухъ мужей, которые начали требовать десятины во всемъ: отъ князей, простыхъ людей и коней: бѣлыхъ, вороныхъ, рыжихъ, пѣгихъ.

221. Княгиня Евпраксія.
Съ картины, находящейся въ городской думѣ города Зарайска.

Рязанскій князь Юрій Игоревичъ, не подпуская Татаръ къ городамъ, отправился имъ навстрѣчу въ Воронежъ и отвѣтилъ посламъ, какъ всегда и вездѣ отвѣчалъ Русскій князь: «Коли насъ не будетъ, то все ваше будетъ». Тогда послы пошли къ великому князю Юрію во Владиміръ, вѣроятно, предлагая миръ на тѣхъ же условіяхъ. Юрій Всеволодовичъ тоже, конечно, не согласился и отпустилъ пословъ назадъ, въ ихъ станъ. Затѣмъ Рязанскій князь послалъ къ Юрію Владимірскому съ просьбой прислать помощь, или чтобы самъ Юрій выходилъ съ войскомъ.

«Но нельзя было противиться гнѣву Божію»,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—«навелъ Господь на всѣхъ недоумѣніе и грозу, и страхъ и трепетъ». Великій князь не послушался: ни помощи не прислалъ, ни самъ не пришелъ. Задумалъ ли онъ лично одинъ защищать свою Землю, или не успѣлъ собрать ратниковъ, осталось невыясненнымъ, хотя вѣрнѣе второе предположеніе, такъ какъ онъ, какъ увидимъ, не успѣлъ собрать своихъ войскъ даже для защиты Владиміра.

Получивъ отвѣтъ Рязанскаго князя, Татары двинулись на Русскую Землю. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Юрій Рязанскій, видя, что онъ не будетъ поддержанъ во время великимъ княземъ Владиміромъ, послалъ къ

Батыю для переговоровъ сына своего Ѳеодора, при чемъ Батый, узнавъ о красотѣ жены Ѳеодоровой—Евпраксіи, объявилъ ему, что желаетъ ее видѣть; но Ѳеодоръ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и былъ варварски убитъ. Обезпокоенная опасной поѣздкой мужа, молодая княгиня, съ грудным младенцемъ на рукахъ, ожидала его возвращенія, тревожно глядя въ поле съ высоты храма Святого Николы; когда же ей принесли сюда ужасную вѣсть, что «ради любви и красоты ея, князь убіенъ бысть», она не выдержала и «ринувшись изъ превысокаго храма» на землю,—«заразилась», то есть убилась до смерти; съ тѣхъ поръ храмъ этотъ именуется церковью Николы Заразскаго *).

По тѣмъ же извѣстіямъ, отецъ Ѳеодора,—Юрій, несмотря на малочисленность своего войска, отважился на бой съ Татарами въ открытомъ полѣ; въ бою этомъ, имъ проигранномъ, легли всѣ Рязанскіе витязи вмѣстѣ съ князьми Пронскими, Коломенскими и Муромскими. Только одного князя, Олега Ингоровича Краснаго, привели живымъ къ Батыю, который, будучи удивленъ его красотой, предлагалъ ему свою дружбу и вѣру; но Олегъ съ негодованіемъ отвергнулъ эти предложенія и умеръ, истекая кровью отъ полученныхъ ранъ.

222. Гонецъ у воротъ монастыря съ вѣстью о приближеніи Татаръ.

Рисунокъ В. Овсянникова.

Самъ Юрій Рязанскій затворился въ старой Рязани (нынѣ городъ Спасскъ). 16 декабря, Татары, разоривъ по пути до основанія города Пронскъ, Бѣлгородъ и Переяславецъ, и перебивъ безъ милосердія всѣхъ жителей, осадили Рязань, послѣ чего тотчасъ же стали обносить городъ тыномъ. «Кровь лилась пять дней; воины Батыевы перемѣнялись, а граждане, не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли стоять на стѣнахъ. Въ шестой день, 21 декабря, поутру, изготовивъ лѣстницы, Татары начали дѣйствовать стѣнобитными орудіями и зажгли крѣпость; сквозь дымъ и пламя вломились въ улицы, истребляя все огнемъ и мечемъ».

*) На берегу рѣки Осетра.

«Князь, супруга, мать его, бояре, народъ—были жертвой ихъ свирѣпости»... «Веселяся отчаяніемъ и муками людей, варвары Батыевы распинали плѣнниковъ, или связавъ имъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святыни храмовъ насиліемъ юныхъ монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли іереевъ, или кровью ихъ обагряли алтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепелъ... Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ, исчезъ вопль отчаянія: ибо уже некому было стонать и плакать... «И не было стонущаго, ни плачущагося... Но вси вкупѣ мертвы лежаше»... Этими словами лѣтописца знаменитый писатель Н. М. Карамзинъ оканчиваетъ свое описаніе гибели Рязани.

Опустошивши Рязанскую Землю, Татары двинулись къ Коломнѣ и

223. „А иныя емлюще вязаху и груди въ зрѣзываху и жолчь выимаху а сыныхъ кожи одираху, а инымъ иглы... за нохти бияху“...

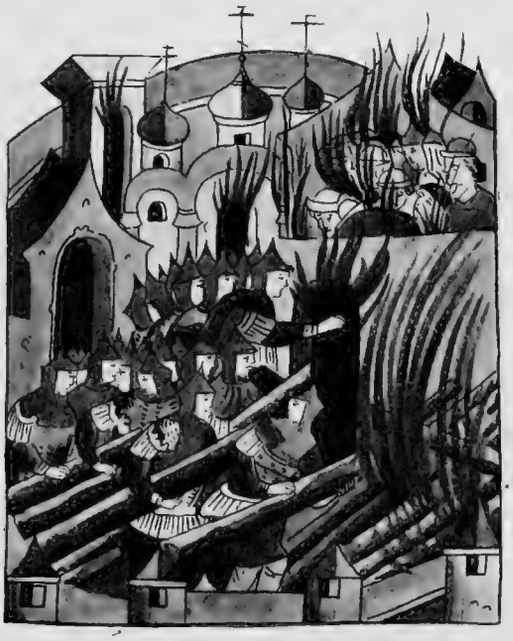
224. „И черньца же и черницы и ереа емше овыхъ разсѣкаху мечомъ, а другихъ стрѣлами сострѣляху и во огнь вметаху“.

Москвѣ. Нѣкоторые лѣтописцы разсказываютъ, что во время вторженія Татаръ въ Рязанскую область братъ Игоря Рязанскаго, князь Ингорь, находился по своимъ дѣламъ въ Черниговской Землѣ, при чемъ его бояринъ Евпатій Коловратъ, покинувшій Черниговъ нѣсколько раньше Ингоря, встрѣтился при своемъ возвращеніи въ Рязанскую волость съ отходящими, послѣ взятія Рязани, войсками Батыя. Пылая ревностью отмстить Татарамъ, Евпатій бросился имъ вслѣдъ со своими воинами, въ числѣ 1.700 человѣкъ, и быстрымъ ударомъ смялъ ихъ задніе полки. Пораженные Татары думали сперва, что это возстали Рязанскіе мертвецы; когда же пять захваченныхъ плѣнниковъ были приведены къ Батыю и онъ спросилъ ихъ, кто они такіе, то эти доблестные люди отвѣчали: «Слуги князя Рязанскаго, полка

Евпатіева; намъ велѣно съ честью проводить тебя, какъ знаменитаго государя, и какъ Русскіе, обыкновенно, провожаютъ отъ себя иноплеменниковъ: стрѣлами и копьями». Конечно, славный подвигъ Евпатія не могъ поправить наши дѣла. Когда, вслѣдъ за нимъ, вернулся изъ Чернигова князь Ингорь, то Рязанская область предстала его глазамъ въ видѣ необъятнаго кладбища; тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались только кучи пепла и трупы, терзаемые хищными звѣрями и птицами; онъ едва могъ найти тѣло князя Юрія, а надъ могилами Ѳеодора и Евпраксіи поставилъ каменные кресты.

У Коломны Татары встрѣтили незначительный отрядъ сына великаго князя Юрія—юнаго Всеволода, къ которому присоединился и небольшой

225. „И пріидоша къ Володимеру... и начаша лѣсы рядити... а на ночь огородша тыномъ около всего города".



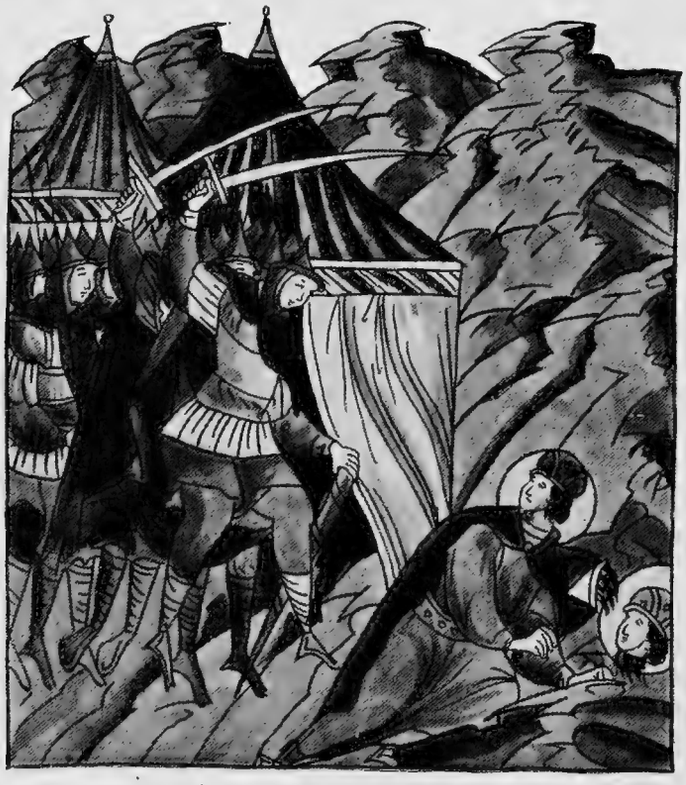
226. „Татаровъ же много древія наволочиша въ церковь и около церкви зажгоша... Они же съ молитвою и благодареніемъ души своя предаша Господеви... и мученическому лику причтошася".

отрядъ сына Ингоря Рязанскаго—Романа. Наши молодые князья неустрашимо вступили въ неравную борьбу, но послѣ жестокой сѣчи были, разумѣется, совершенно разбиты Татарами, обрушившимися на нихъ въ подавляющемъ количествѣ; при этомъ былъ убитъ Романъ Ингоровичъ и знаменитый воевода Еремѣй Глѣбовичъ. Всеволоду же удалось спастись во Владиміръ.

Отъ Коломны Татары пошли на Москву. Они сожгли и разграбили городъ, убили воеводу Филиппа Няньку и захватили другого сына великаго князя Юрія—Владиміра, еще мальчика. Отъ Москвы часть ихъ силъ пошла къ Торжку, а Батый съ остальными войсками направился на Владиміръ.

Занятіе Коломны, Москвы и Торжка показываетъ, конечно, что Татары желали отрѣзать великому князю Юрію всѣ пути какъ къ Новгороду, такъ и въ Южную Русь, откуда могли прійти подкрѣпленія.

Народъ, по пути слѣдованія Татаръ ко Владиміру, разбѣгался, разумѣется, во всѣ стороны и съ ужасомъ передавалъ другъ другу страшныя вѣсти, какъ о быстротѣ движенія несмѣтныхъ Татарскихъ полчищъ, такъ и о тѣхъ звѣрствахъ, которымъ они предавались: «груди возрѣзываху и желчь выимаху, а съ иныхъ кожи одираху, а инымъ иглы и щепы за ногти біяху»... говоритъ лѣтописецъ.



227. „Ту абіе немилостивно убіенъ бысть князь Василько Костянтиновичъ... и причтенъ бысть въ лицѣ мученикъ"...

Наконецъ, 3 февраля 1238 года, полчища Татарскія, безчисленныя какъ саранча, обступили со всѣхъ сторонъ Владиміръ.

Великаго князя Юрія не было въ городѣ. Онъ выѣхалъ на сѣверъ собирать войска съ тремя племянниками Константиновичами, и, расположившись съ малой дружиной на рѣкѣ Сити, съ нетерпѣніемъ ожидалъ сбора ратниковъ и прибытія брата своего—храбраго Ярослава, спѣшившаго къ нему, какъ мы видѣли, изъ Кіева. Защита же Владиміра была поручена Юріемъ двумъ его молодымъ сыновьямъ, уже знакомому намъ—Всеволоду и Мстиславу, съ воеводою Петромъ Ослядюковичемъ.

Когда Татары подъѣхали къ Золотымъ воротамъ, то они стали спрашивать: «Великій князь Юрій въ городѣ ли?» Владимірцы на это пустили въ нихъ градъ стрѣлъ. Отвѣтивъ имъ тѣмъ же, Татары закричали: «Не стрѣляйте!» и затѣмъ выведя впередъ захваченнаго въ Москвѣ отрока Владиміра, спросили: «Узнаете ли вашего княжича». Владиміръ, дѣйствительно, такъ похудѣлъ, что узнать его было трудно. При видѣ его—братья, бояре и весь народъ заплакали; тутъ же всѣ поголовно рѣшили: «лучше умремъ всѣ передъ Золотыми воротами за Святую Богородицу и за правую вѣру, чѣмъ быть въ ихъ волѣ». Однако, опытный воевода Ослядюковичъ отговорилъ

молодыхъ князей выходить за ворота, и они послѣдовали его совѣту обождать за стѣнами, пока не подойдетъ великій князь Юрій на выручку.

Между тѣмъ, Батый немедленно отрядилъ часть силъ для взятія Суздаля, гдѣ были сожжены церкви и избиты всѣ жители, кромѣ молодыхъ иноковъ, инокинь и церковниковъ, а самъ сталъ, не теряя времени, подготовлять все для успѣшной осады Владиміра.

6 февраля, городскіе жители съ изумленіемъ смотрѣли, какъ ставились незнакомыя имъ стѣнобитныя и метательныя орудія, готовились лѣстницы для приступа и городъ обносился тыномъ. Всѣ поняли, что имъ не устоять и рѣшили умереть, какъ подобаетъ героямъ и христіанамъ. «Открылось зрѣлище достопамятное и незабвенное»,—говоритъ Карамзинъ. Всеволодъ, юная супруга его, бояре и множество другихъ людей собрались въ славномъ храмѣ Владимірской Божіей Матери; здѣсь епископъ Митрофанъ совершилъ умилительный обрядъ постриженія ихъ въ схиму. Затѣмъ, всѣ способные носить оружіе отправились опять на защиту городскихъ стѣнъ.

На слѣдующій день, утромъ 7 февраля, Татары пошли на приступъ и до обѣда взяли Новый городъ и зажгли его; тогда Всеволодъ и Мстиславъ съ остальными жителями бросились въ Печерскій, или Старый городъ, чтобы защищаться здѣсь. Мать же князей, великая княгиня Агафья, ея дочь, снохи, внучата и множество знатныхъ людей, неспособныхъ къ бою, затворились въ соборной церкви.

Скоро Всеволодъ, видя, что гибель неминуема, рѣшилъ, въ отчаяніи, выйти съ малою дружиною и богатыми дарами навстрѣчу Батыю, думая, что, можетъ быть, это умилостивитъ его. Но Батый не тронулся молодостью и несчастіемъ Всеволода и приказалъ тутъ же, передъ своими глазами, зарѣзать его.

Татары подошли къ собору, обложили его дровами и подожгли, а затѣмъ отбили двери и стали грабить и убивать, никого не щадя, въ то время какъ съ амвона преосвященный Митрофанъ громогласно отпускалъ грѣхи умирающимъ, превозглашая сквозь слезы: «Господи! Простри невидимую руку свою и прими въ мирѣ души рабовъ твоихъ». Изъ бывшихъ въ храмѣ никто не спасся: одни задохлись отъ дыма или сгорѣли, другіе же были убиты.

Покончивъ съ Владиміромъ, Татары пошли дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ, и въ теченіе февраля взяли четырнадцать городовъ, въ томъ числѣ Ростовъ, Ярославль, Городецъ, Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ и Тверь, гдѣ убили одного изъ сыновей князя Ярослава Всеволодовича.

Великій князь Юрій стоялъ на рѣкѣ Сити, когда узналъ о сожженіи Владиміра и гибели семьи; «Такъ ли Господи угодно милосердію Твоему? Зачѣмъ я остался одинъ?»—отвѣчалъ онъ словами Іова, получивъ страшную вѣсть. Затѣмъ, тотчасъ же поборовъ свое великое горе, онъ послалъ воеводу Дорожа съ трехтысячнымъ отрядомъ произвести развѣдку противника. Дорожъ вернулся и объявилъ, что Татары уже обошли Русское войско съ

нашего праваго крыла. Тогда Юрій сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ и тремя племянниками безстрашно выступилъ противъ враговъ, 4 марта 1238 года.

Скоро произошла встрѣча съ Татарами. Русскіе бились мужественно и долго, но были совершенно разбиты окружившими ихъ огромными Татарскими полчищами. Убитыхъ было великое множество. Самому князю Юрію была отрублена голова.

Молодой племянникъ Юрія—Василько, который въ 1224 году не успѣлъ

228. Епископъ Кириллъ находитъ обезглавленное тѣло великаго князя Юрія на полѣ сраженія подъ рѣкою Сити.

Рисунокъ В. П. Верещагина.

подойти къ Калкскому побоищу, былъ взятъ въ плѣнъ; Татарамъ очень хотѣлось, чтобы онъ принялъ ихъ обычаи и воевалъ вмѣстѣ съ ними. Но благородный Василько отвергъ съ укоризнами предложеніе поганыхъ, и былъ ими убитъ въ Шернскомъ лѣсу. По сохранившимся извѣстіямъ, Василько былъ красивъ лицомъ, имѣлъ ясный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грозный взглядъ, былъ необычайно храбръ, отваженъ на охотѣ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ. Когда онъ умиралъ подъ ударами Татаръ, то молился вслухъ: «Господи, ты знаешь тайны сердца моего, знаешь всѣ нечистоты мои; очисти меня отъ грѣховъ моихъ», и затѣмъ, вознеся молитву за малолѣтнихъ сыновей своихъ, Бориса и Глѣба, и за всѣхъ братьевъ христіанъ, возблагодарилъ Господа за свою славную кончину и предалъ Ему духъ. Православная

церковь причла его къ лику святыхъ, такъ же, какъ и погибшаго на Сити великаго князя Юрія.

Его обезглавленное тѣло было найдено Ростовскимъ епископомъ Кирилломъ и вмѣстѣ съ тѣломъ Василька, брошеннымъ Татарами въ Шернскомъ лѣсу, погребено въ Ростовскомъ соборѣ. Голова же князя Юрія была найдена позднѣе и также положена въ гробъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Когда черезъ два года гробы были перевезены во Владимірскій соборъ, гдѣ мощи почиваютъ до настоящаго времени открыто, то произошло невиданное чудо:

229. Оборона Козельска. „Татаромъ же бьющимся у града преяти его хотящимъ и разбивше стѣны градскые и взыдоша на валъ“...

230. Оборона Козельска. „Козляне же ту ножи ръзахуся с ними и совѣтъ створивше изыдоша изъ града противу имъ, на полкы ихъ нападше... и убиша отъ Татаръ 4000, а сами избіени же быша“...

святая глава Юрія такъ прильнула къ своему тѣлу, что не осталось и слѣда ея отдѣленія.

Отъ Сити Татары двинулись на Торжокъ, еще ими не взятый, били его двѣ недѣли пороками, и наконецъ, овладѣли 23 марта, послѣ чего избили всѣхъ жителей.

Затѣмъ они направились по Селигерскому пути на Новгородъ, но, не доходя 100 верстъ, повернули назадъ. Очевидно, Батый, войдя въ страну рѣчную и болотистую, опасался потерять при оттепели, которая должна была скоро начаться, всѣхъ лошадей, а также боялся развитія болѣзней отъ непривычной для Монголовъ весенней влажности воздуха.

Повернувъ отъ Новгорода, Татары двинулись къ югу, направляясь въ степи, но были по пути надолго задержаны у незначительнаго города Козельска. Здѣсь сидѣлъ княземъ одинъ изъ Ольговичей—Василій, еще малый ребенокъ. Но жители Козельска рѣшили: «Хотя князь нашъ и молодъ, однако, положимъ животъ свой за него, и здѣсь славу и тамъ небесные вѣнцы отъ Христа Бога получимъ». Татары вынуждены были осаждать городъ въ теченіе семи недѣль, встрѣтивъ упорнѣйшее сопротивленіе; наконецъ, они разбили городскія стѣны и взошли на валъ, но горожане, однако, и тутъ защищались съ необыкновенной отвагой; одни рѣзались съ врагомъ ножами, другіе, выйдя изъ города, напали на Татарскіе полки и убили 4.000 непріятеля, при чемъ дрались до тѣхъ поръ, пока всѣ не были истреблены. Озлобленные Татары не оставили въ живыхъ ни одного человѣка; всѣ старики, женщины и младенцы были перебиты; юный же князь потонулъ, по преданію, въ крови. Татары прозвали Козельскъ—*злымъ* городомъ.

Послѣ взятія Козельска, вступивъ въ Половецкія степи, Батый разбилъ знаменитаго Котяна, тестя Мстислава Удалого; тогда Котянъ съ 40.000 своего народа удалился въ Венгрію, гдѣ имъ были отведены Земли.

Въ слѣдующемъ 1239 году Татары снова появились на сѣверо-востокѣ. Они взяли Земли Мордвы, и дойдя до рѣки Клязьмы, сожгли Гороховецъ. Вѣсть о ихъ новомъ нашествіи произвела необычайный ужасъ; жители городовъ и селъ бѣжали, сами не зная куда.

Впрочемъ, Татары дальше Клязьмы на этотъ разъ въ сѣверо-восточной Руси не ходили, но зато Батый со всѣми своими силами двинулся въ Поднѣпровье. Скоро были сожжены и разграблены Черниговъ и Переяславль Южный. Послѣ этого, двоюродный братъ Батыя, князь Менгу, двинулся для производства развѣдки къ самому Кіеву и отправилъ къ князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, сидѣвшему въ это время здѣсь, пословъ съ дарами, склоняя его и гражданъ къ сдачѣ; но пословъ не послушали и они были убиты; князь же Михаилъ оставилъ городъ и отправился искать себѣ убѣжища и помощи въ Венгріи.

Татары, однако, до зимы съ 1240 на 1241 годъ, Кіева не трогали, и въ немъ за это время успѣли перемѣниться два князя. Пользуясь выѣздомъ Михаила Черниговскаго, Кіевъ поспѣшилъ захватить внукъ Давида Ростиславовича Смоленскаго—Ростиславъ Мстиславовичъ; но его четвероюродный братъ—Даніилъ Романовичъ, уже утвердившійся въ это время въ Галичѣ, воспротивился этому захвату, какъ старшій въ племени Мстислава Великаго, и самъ взялъ себѣ Кіевъ. Однако, Даніилъ въ Кіевѣ не остался, а поручилъ его своему тысяцкому Димитрію.

Тѣмъ временемъ Михаилъ Черниговскій былъ крайне холодно принятъ Венграми и встрѣтилъ затѣмъ такой же пріемъ и у Поляковъ. Тогда онъ рѣшилъ искать примиренія съ Даніиломъ и Василькомъ, чистосердечно раскаявшись въ прежней враждѣ. Благородные сыновья Романа тотчасъ же искренно примирились съ Михаиломъ и обѣщали ему вернуть Кіевъ.

Но къ послѣднему подходили уже вновь Татары, и на этотъ разъ въ огромныхъ силахъ, подъ начальствомъ самого Батыя.

Отъ скрипа Татарскихъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія лошадей, Кіевляне не могли слышать другъ друга. Батый поставилъ пороки у Лядскихъ воротъ и безпрестанно билъ ими день и ночь, пока, наконецъ, городскія стѣны не были сломаны. Но Кіевляне оборонялись съ беззавѣтнымъ мужествомъ.

Граждане, руководимые тысяцкимъ Димитріемъ, человѣкомъ исключительной доблести и военныхъ дарованій, взошли на остатокъ укрѣпленій и

231. Князь Менгу производитъ развѣдку Кіева съ лѣваго берега Днѣпра.

Рисунокъ А. Земцова.

продолжали защищаться, какъ львы. Къ ночи Димитрій былъ раненъ, и Татары, овладѣвъ и послѣдними стѣнами, рѣшили остаться на нихъ до разсвѣта съ тѣмъ, чтобы на утро начать грабежъ города.

Кіевляне, однако, пользуясь ночнымъ покровомъ, спѣшили возвести новыя укрѣпленія вокругъ Десятинной церкви, и Татары съ наступленіемъ дня принялись вновь брать ихъ съ кровопролитнѣйшаго боя. Наконецъ, остатки защитниковъ заперлись въ самой церкви и продолжали свою безпримѣрную оборону. Бояринъ Димитрій, несмотря на рану, руководилъ боемъ попрежнему. Скоро, однако, церковныя стѣны не выдержали тяжести собравшагося народа, который, безъ сомнѣнія, былъ во множествѣ на кровлѣ и на полатяхъ, и рухнули. Тогда, устилая путь трупами, Татары предались нещадному избіенію послѣднихъ защитниковъ. Это было 6 декабря 1240 года.

Когда раненаго Димитрія привели къ Батыю, то этотъ безчеловѣчный варваръ, изумленный его необыкновеннымъ мужествомъ, даровалъ ему жизнь и оставилъ при себѣ.

Скоро Кіевъ превратился въ груду развалинъ. Десятинная церковь была разрушена до основанія. Та же участь постигла Печерскую лавру и другія сооруженія. Татары не оставили въ покоѣ и могилъ, и давили своими ногами черепа нашихъ древнихъ князей. Но гробница Ярослава Мудраго какимъ-то образомъ сохранилась. Сохранилось и нѣсколько келій Печерскихъ черноризцевъ и малый придѣлъ въ лаврѣ.

Такъ погибъ Кіевъ.

232. Оборона Кіевской Десятинной церкви отъ полчищъ Батыя.

Рисунокъ А. Земцова.

Узнавъ о его паденіи, Михаилъ Черниговскій выѣхалъ въ Польшу, а Даніилъ Романовичъ—въ Венгрію, чтобы привести оттуда войска на защиту своей Земли.

Въ свою очередь и Батый, получивъ извѣстія объ отъѣздѣ князей, спѣшилъ овладѣть Волынью и Галичемъ до прибытія къ нимъ подкрѣпленій съ запада. Подойдя къ городу Ладыжину на Волыни, Батый не могъ его взять приступомъ; тогда онъ сталъ уговаривать льстивыми обѣщаніями гражданъ къ сдачѣ; тѣ повѣрили и сдались, и были избиты всѣ до единаго. Скоро Владиміръ Волынскій, Каменецъ, Галичъ и много другихъ городовъ пали подъ ударами Татаръ; только одинъ Кременецъ, по причинѣ своей неприступности, былъ ими обойденъ.

Видя гибель Русской Земли, плѣнный бояринъ Димитрій, чтобы отвести отъ нея Татаръ, сталъ говорить Батыю: «Будетъ тебѣ здѣсь воевать,

время идти на Венгровъ; если же еще станешь ждать, то тамъ Земля сильная, соберутся и не пустятъ тебя въ нее». Батый послушался и повернулъ свои орды къ границамъ Венгріи.

Между тѣмъ, вся Западная Европа была въ необычайномъ страхѣ и трепетѣ, когда тамъ узнали про ужасы, сопровождавшіе нашествіе Монголовъ на Русскую Землю. Про Татаръ, такъ же какъ въ старое время про Гунновъ, стали распространять самыя нелѣпыя басни и увѣрять, что они происходятъ прямо отъ сатаны. Въ 1238 году Англичане не производили у своихъ

233. Татары бьютъ Нѣмцевъ подъ Лигницемъ.

Рисунокъ изъ рукописнаго житія, 1353 года, Святой Ядвиги Силезской, хранящагося въ г. Острово, въ Австріи.

береговъ ловли сельдей, изъ страха передъ Монголами, а во всѣхъ Латинскихъ церквахъ молились: «Господи, избави насъ отъ ярости Татаръ». Нѣмецкій императоръ Фридрихъ Второй разсылалъ даже воззванія къ вооруженію противъ враговъ всего христіанскаго міра; однако, эти великодушныя воззванія не достигли цѣли, такъ какъ у него самого шла въ это время борьба съ папой, а внутри имперіи царило большое разъединеніе.

Только одни Славянскія Государства должны были взять на себя борьбу съ Татарами.

Весною 1241 года Батый вторгнулся въ Венгрію и, разбивъ наголову ея короля, сталъ опустошать его владѣнія; другой же Татарскій отрядъ двинулся въ Польшу, также внося вездѣ ужасъ и разореніе. Затѣмъ, Татары двинулись дальше на западъ, разбили Нѣмцевъ въ большомъ сраженіи подъ

Лигницемъ, но были затѣмъ остановлены Чешскимъ королемъ Вячеславомъ, преградившимъ имъ путь своими многочисленными войсками.

Съ нимъ Татары не рѣшились вступить въ борьбу и повернули назадъ; затѣмъ они потерпѣли пораженіе подъ Оломуцемъ отъ храбраго Чешскаго воеводы Ярослава и поспѣшно вернулись въ Венгрію, чтобы идти оттуда въ Австрію; но на этомъ пути они опять были остановлены Чешскимъ королемъ Вячеславомъ и его храбрыми полками, послѣ чего Татары отхлынули къ востоку.

Такимъ образомъ, исключительно благодаря мужеству западныхъ

234. Чехи бьютъ Татаръ подъ Оломуцемъ.

Изъ Чешской хроники XVI вѣка, приписываемой Пухту. Хранится въ древле-печатныхъ палатахъ Московской Синодальной Типографіи.

Славянъ—Чеховъ, вся остальная Европа была спасена отъ ужасовъ Монгольскаго нашествія. Украина же Европы—Русская Земля, принявшая грудью своею смертоносный ударъ, надолго подпала подъ Татарское иго.

Выйдя изъ Венгріи, Татары, не привыкшіе жить въ лѣсистой мѣстности, покинули предѣлы Русской Земли и отошли къ Нижней Волгѣ и, въ разстилающихся здѣсь степяхъ привольно расположились со своими безчисленными стадами и табунами. Скоро въ 60 верстахъ отъ Астрахани, на притокѣ Волги—Ахтубѣ, въ мѣстѣ главнаго становища Монголовъ, возникъ городъ Сарай.

Конечно, о продолженіи борьбы съ Татарами Русской Землѣ нечего было и думать. Надо было покориться на полную волю побѣдителя.

Послѣ убіенія великаго князя Юрія на Сити, старшимъ остался братъ его Ярославъ. Онъ пріѣхалъ въ Суздальскій край господствовать надъ трупами и развалинами. Къ счастью, это былъ человѣкъ необычайно твердой воли и яснаго ума, который тотчасъ же всецѣло отдался великому служенію своей Родинѣ, постигнутой столь безпримѣрнымъ бѣдствіемъ. Ярославъ сталъ ревностно собирать оставшихся въ живыхъ жителей, которые разсѣялись по лѣсамъ, ободрялъ ихъ и заставлялъ всюду искать и хоронить покойниковъ, во избѣжаніе мора; возстановлялъ храмы, села; строго наказывалъ

235. Прибытіе великаго князя Ярослава въ Суздальскій край послѣ нашествія Батыя.
Изъ рукописи „Казанскій Лѣтописецъ", хранящейся въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ.

злодѣевъ, расплодившихся какъ всегда при народныхъ бѣдствіяхъ, и прославился своимъ правосудіемъ.

Одновременно съ этимъ, Ярославу пришлось обнажить свой мечъ и противъ Литовцевъ, которые, пользуясь бѣдствіемъ Руси, завладѣли большею частью Смоленской области. Онъ смѣло двинулся на нихъ, нанесъ сильное пораженіе и освободилъ Смоленскъ.

Когда орды Татаръ, послѣ похода въ Венгрію, отхлынули къ Волгѣ, Даніилъ Галицкій съ братомъ Василькомъ, а также и Михаилъ Черниговскій, возвратились въ Русскую Землю, не получивъ помощи ни отъ Венгровъ, ни отъ Поляковъ, которые, какъ мы видѣли, были порознь разбиты Татарами.

Отъ страшнаго смрада труповъ, Даніилъ не могъ въѣхать ни въ Брестъ, ни во Владиміръ Волынскій. Къ счастью, совершенно уцѣлѣлъ выстроенный имъ городъ Холмъ, красивое мѣстоположеніе котораго полюбилось ему какъ-то во время охоты, и Даніилъ рѣшилъ здѣсь утвердить свое мѣстопребываніе. Изъ Холма, вдали отъ боярскихъ крамолъ, свившихъ себѣ прочное гнѣздо въ Галичѣ, онъ, подобно Ярославу Суздальскому, сталъ дѣятельно приводить въ порядокъ свой еще недавно цвѣтущій край, такъ безжалостно опустошенный Татарами.

Михаилъ Черниговскій первоначально поселился на островѣ, лежащемъ противъ развалинъ Кіева, а затѣмъ перебрался въ Черниговъ.

Сынъ же Михаила—Ростиславъ, несмотря на искреннее примиреніе, послѣдовавшее между его отцомъ и Даніиломъ, хотѣлъ попытаться, пользуясь общимъ бѣдствіемъ, овладѣть Галичемъ и Перемышлемъ, но былъ скоро изгнанъ оттуда твердою рукою Даніила.

За три года, съ 1238 по 1241, весь обширнѣйшій Суздальскій край, а также все Поднѣпровье, Волынь и Галичъ—были подвергнуты ужасающему разрушенію, при чемъ, и послѣ отхода главныхъ силъ Батыя къ Волгѣ, отдѣльные Татарскіе отряды не переставали повсюду рыскать и производить свою кровавую расправу надъ беззащитнымъ населеніемъ.

Печальны были дѣла нашей несчастной Родины и на Западѣ. Полоцкая и Смоленская Земли, вслѣдствіе сильнаго размноженія ихъ княжескихъ семей, были разбиты на большое число отдѣльныхъ маленькихъ волостей, которыя не могли представить сколько-нибудь значительной силы сопротивленія внѣшнимъ врагамъ. У Господина же Великаго Новгорода господствовали прежніе буйные порядки.

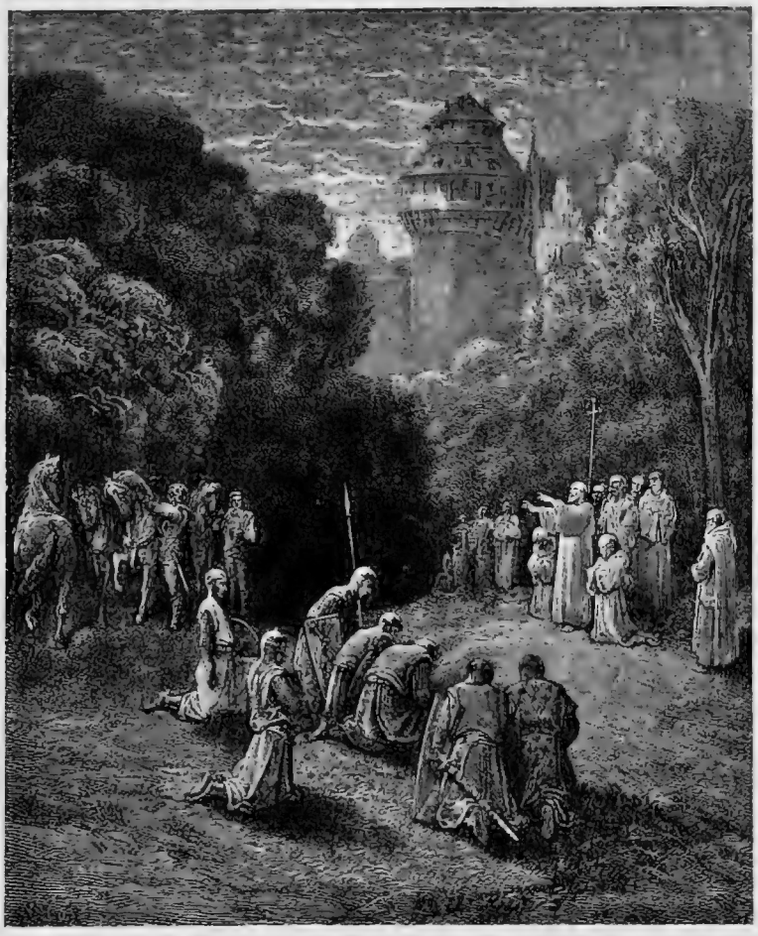
А между тѣмъ, враги Русской Земли быстро росли здѣсь. Нападенія Литвы дѣлались все болѣе и болѣе дерзкими; Ливонскіе рыцари, какъ мы видѣли, значительно усилились, благодаря соединенію своему съ Нѣмецкимъ орденомъ, а въ Швеціи—честолюбивый и властный Биргеръ успѣлъ, съ 1221 года, завести прочные порядки; онъ женился на сестрѣ короля, твердо взялъ власть въ свои руки и усиленно готовился къ овладѣнію всѣми Землями по Финскому побережью, которыя искони принадлежали Русскимъ, или были подъ ихъ вліяніемъ.

Наконецъ, Римскій папа, зорко слѣдя за ходомъ міровыхъ событій, правильно оцѣнилъ то тяжелое положеніе, въ которое попала Русь послѣ разгрома ея Татарами, и рѣшилъ что настало благопріятное время для нанесенія смертельнаго удара Православію. Онъ объявилъ крестовый походъ, какъ противъ язычниковъ, населявшихъ Финляндію, такъ и противъ Русскихъ, обѣщая прощеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ его и вѣчное блаженство павшимъ въ бою.

Огромное войско, собиравшееся въ Швеціи слишкомъ два года изъ знатныхъ рыцарей, воиновъ и многочисленныхъ искателей приключеній, было готово въ 1240 году для вторженія въ наши предѣлы. Его велъ самъ ярлъ Биргеръ, въ сопровожденіи «честныхъ епископовъ» и множества духовныхъ лицъ.

Но Господь явилъ въ это грозное время свое заступничество Русской Землѣ и Святой Православной вѣрѣ, въ лицѣ нашего князя Александра, сына Ярослава Всеволодовича Суздальскаго.

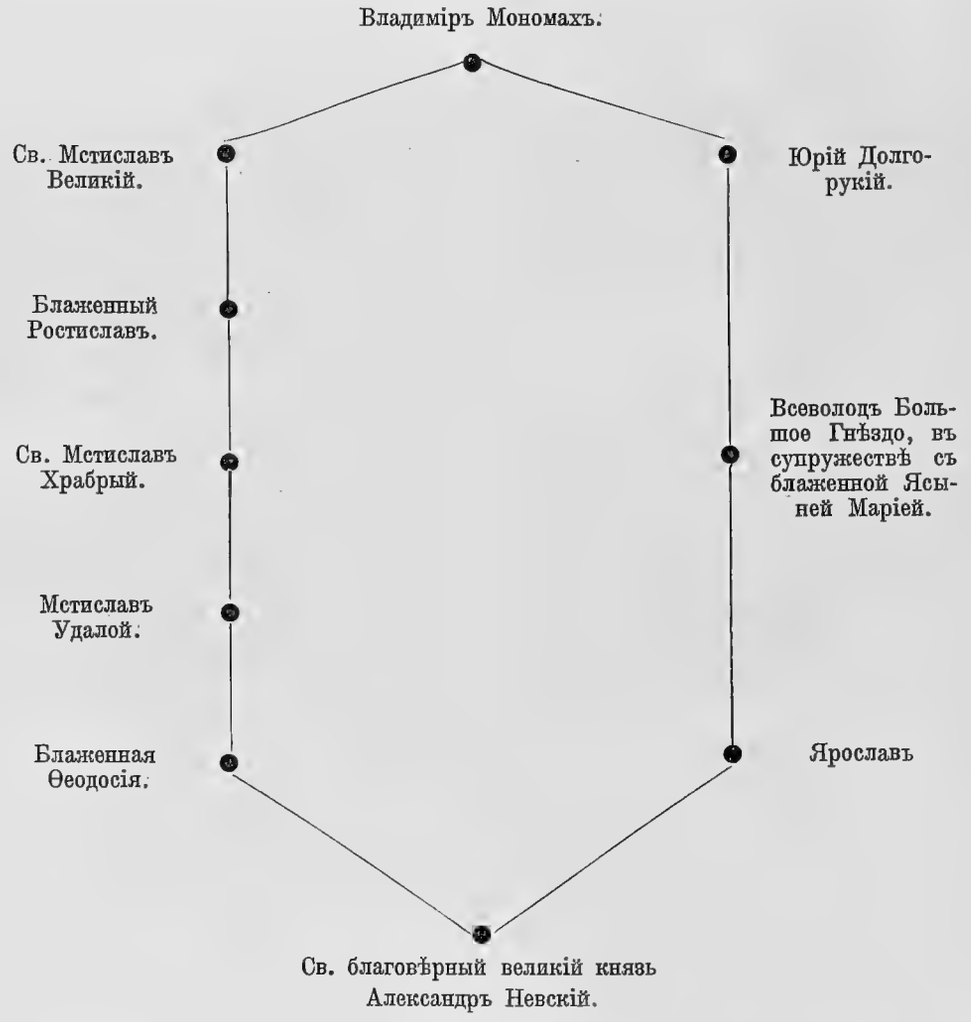
«О Господи, азъ худой и грѣшный и маломышленный покушаюся написати житіе Святого и великаго князя Александра Ярославовича»,— восклицаетъ современный ему лѣтописецъ, начиная свое сказаніе о его великихъ дѣлахъ на пользу Русской Землѣ.



236. Проповѣдь крестоваго похода.
Рисунокъ Густава Доре.

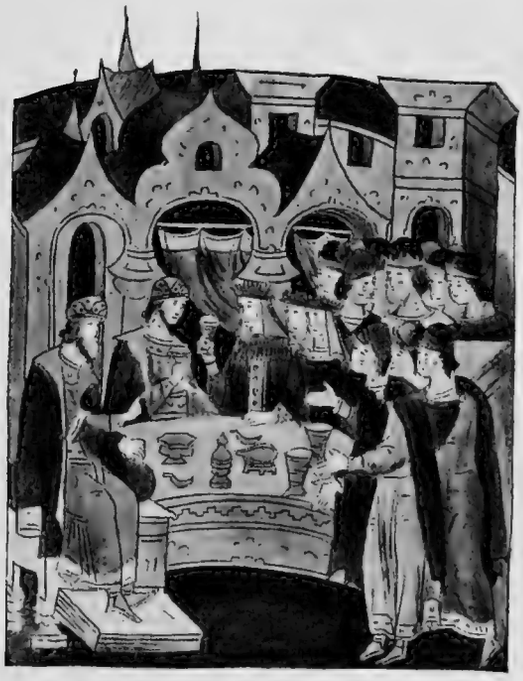
Александръ Ярославовичъ родился 30 мая 1219 года, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. По отцу и по матери онъ былъ прямымъ потомкомъ славнаго Мономаха, при чемъ въ племени отца своего онъ имѣлъ такихъ предковъ и родичей, какъ Всеволодъ Большое Гнѣздо и Андрей Боголюбскій, а со стороны матери—блаженной Ѳеодосіи, женщины необыкновенно святой жизни, въ немъ текла кровь Святого Мстислава Великаго, блаженнаго Ростислава Смоленскаго, Святого Мстислава Храбраго и Мстислава Удалого.

Такимъ образомъ, Александръ могъ унаслѣдовать отъ своихъ благородныхъ и доблестныхъ предковъ—необыкновенное благочестіе и горячую любовь къ Родинѣ, свойственныя имъ всѣмъ; сострадательное сердце, отвагу, пылкость и блестящія военныя способности отъ дѣдовъ и прадѣдовъ со стороны матери, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясный и проникновенный умъ и желѣзную твердость воли въ дѣлахъ государственныхъ, какъ отъ мудраго дѣда по отцу—Всеволода Большое Гнѣздо, такъ и отъ отца своего—Ярослава.



Конечно, Александръ съ дѣтства, по обычаю своего времени, сталъ получать обширное и разностороннее образованіе; «отъ юнаго возраста и отъ младыхъ ногтей всякому дѣлу благу наученъ бысть»,—говоритъ про него лѣтописецъ. При этомъ съ юнаго же дѣтства жизнь Александра стала протекать при необычайныхъ и крайне тяжелыхъ обстоятельствахъ. Едва войдя въ возрастъ пяти лѣтъ—онъ долженъ былъ уже слышать о страшномъ Калкскомъ побоищѣ, гдѣ чуть не погибъ его дѣдъ Мстиславъ Удалой. Затѣмъ мы видѣли, что отецъ Александра неоднократно оставлялъ

его, вмѣстѣ со старшимъ братомъ Ѳеодоромъ и дядькой-кормильцемъ Ѳеодоромъ Даниловичемъ, въ Новгородѣ, въ тѣ печальныя времена, когда борьба сторонъ, съ кровавыми распрями на улицахъ, шла въ немъ безпрерывно; въ Новгородѣ же пережилъ Александръ страшный голодъ и послѣдовавшій затѣмъ моръ; въ немъ слышалъ онъ постоянно о Шведахъ, о Литовскихъ набѣгахъ и о все возрастающей силѣ Нѣмцевъ; о взятіи послѣдними Кукейноса, Герсика и Юрьева, о проявленныхъ ими при этомъ коварствѣ, безпощадной жестокости и ненависти къ Православію и, наконецъ, объ ужасномъ



237. „Того же лѣта женися князь Александръ Ярославовичъ Новгородцкій, поя у Полотьскаго князя у Брячислава дщерь и вѣнчяся въ Торопчѣ"...

238. Крестовый походъ Шведовъ... „и собра люди многи, местери и бискупы своя и Свѣя и Мурмане и Сумь и Емь и наполни корабля многи полковъ своихъ и поиде в силѣ тяжцѣ".

Татарскомъ погромѣ, лишившемъ его лично дяди Юрія съ двоюродными братьями.

Эти необычайныя событія, пережитыя имъ въ дѣтствѣ, повліяли бы, конечно, въ высшей степени пагубно на человѣка слабаго, но по отношенію Александра—они способствовали лишь къ развитію и укрѣпленію всѣхъ его богатыхъ душевныхъ силъ: мужества, твердости, ясности взгляда на происходящія событія, горячей любви къ Родинѣ и непоколебимой вѣры въ Божественный Промыселъ.

Когда Александру исполнилось 17 лѣтъ, и отецъ его уѣхалъ, какъ мы видѣли, на югъ, то онъ былъ торжественно посаженъ въ Софійскомъ соборѣ на княжескомъ столѣ. Прекрасный по наружности, выше ростомъ всѣхъ остальныхъ людей, съ голосомъ, могучимъ какъ труба, Александръ

*

очаровывалъ всѣхъ своимъ царственнымъ видомъ, и тогда уже поражалъ окружающихъ зрѣлостью и мудростью ума.

Въ это время, какъ разъ, начальникъ Рижскихъ рыцарей—магистръ Андрей Вельвенъ, опытный и почтенный человѣкъ, имѣлъ свиданіе съ Александромъ, безъ сомнѣнія, по дѣламъ Ордена, съ которымъ, какъ мы видѣли, у насъ былъ заключенъ Ярославомъ выгодный миръ въ 1233 году. Этотъ Андрей Вельвенъ, вернувшись въ Ригу, съ изумленіемъ говорилъ: «Я прошелъ многія страны, знаю свѣтъ, людей и государей, но видѣлъ и слушалъ Александра Новгородскаго съ изумленіемъ».

Въ 1239 году, когда Александру исполнилось двадцать лѣтъ, онъ женился на дочери Полоцкаго князя Брячислава—княжнѣ Александрѣ.

239.

Невѣста принесла въ приданое ту знаменитую икону Божіей Матери, писанную, по преданію, Евангелистомъ Лукою, которая, какъ мы говорили, была получена ея родственницей, Святой Ефросиніей Полоцкой, отъ Греческаго императора. Свадьба была отпразднована въ Торопцѣ. Вернувшись съ молодой супругой домой—въ Новгородъ, Александръ устроилъ второе брачное пиршество, или «кашу», какъ тогда говорили, такъ какъ на свадебныхъ пирахъ того времени новобрачнымъ всегда подавалась каша, приготовляемая съ особыми обрядами. Это было за годъ до грознаго крестоваго похода Шведовъ на Русскихъ.

Точно на магометанъ во Святую Землю, съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, съ крестомъ впереди, вошли Шведскіе крестоносцы на свои корабли лѣтомъ 1240 года. Переѣздъ черезъ Балтійское море до Або и отъ Або къ устью Невы совершился вполнѣ благополучно. Пылая ратнымъ духомъ,

знаменитый ярлъ Биргеръ разсчитывалъ прежде всего напасть на Ладогу и, ставши здѣсь твердой ногой—обрушиться на Новгородъ. Остановившись при устьѣ рѣки Ижоры, Биргеръ, не сомнѣваясь въ своей побѣдѣ, «загордѣвся» и послалъ сказать Александру: «Выходи противъ меня, если можешь сопротивляться! Я уже здѣсь и плѣню твою Землю».

240. „Братъ Глѣбъ! вели грести, да поможемъ сроднику своему, великому князю Александру Ярославовичу...“

Стѣнопись художника Серебрякова въ Александро-Невской церкви Училищнаго Совѣта Святѣйшаго Правительствующаго Сунода въ Петербургѣ.

Получивъ этотъ надменный вызовъ и узнавъ объ огромномъ воинствѣ пришельцевъ, расположившихся на берегу Невы, Александръ «разгорѣлся сердцемъ», какъ говоритъ лѣтописецъ.

Немедленно приказавъ собраться своей малочисленной дружинѣ, онъ отправился въ соборъ Святой Софіи и, упавъ на колѣни передъ алтаремъ, сталъ, проливая горячія слезы, возносить Господу свою усердную молитву: «Боже хвальный, Боже праведный, Боже великій и крѣпкій, Боже пре-

вѣчный! сотворивый небо и землю и поставивый предѣлы языкамъ, и жити повелѣвый, не преступая въ чужія части... И нынѣ Владыко прещедрый!.. слыши словеса гордаго варвара сего, похваляющася разорити Святую Вѣру Православную и пролити хоща кровь христіанскую. Призри съ небесъ и виждь и посѣти насъ винограда своего и суди обидящихъ мя, и возбрани борющихся со мною, и пріими оружіе и щитъ и стани въ помощь мнѣ, да не рекутъ врази наши, гдѣ есть Богъ ихъ? Ты бо еси Богъ нашъ и на Тя уповаемъ».

Принеся эту молитву и получивъ благословеніе епископа Спиридона, Александръ, утирая слезы, струившіяся изъ его прекрасныхъ очей, вышелъ къ собравшейся дружинѣ и народу и объявилъ: «Братья! не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ! Вспомнимъ слова псалмопѣвца: «сіи во оружіи, и сіи на коняхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ... Не убоимся множества ратныя, яко съ нами Богъ». Слова эти, конечно, вызвали необычайное воодушевленіе.

Александръ рѣшилъ идти на врага немедленно, не ожидая ни сбора Новгородцевъ, ни подкрѣпленій отъ отца; онъ правильно опредѣлилъ своимъ проникновеннымъ военнымъ взглядомъ, что только молніеносной быстротой и полной внезапностью можно побѣдить огромное вражеское воинство.

«И пойде на нихъ во ярости мужества своего, въ малѣ вой своихъ, не дожда много вой своихъ съ великою силою, но уповая на Святую Троицу. Жалостно и слышати, яко отецъ его, честный князь Ярославъ Всеволодовичъ, не бѣ вѣдалъ таковаго встанія на сына своего милаго, на великаго князя Александра, ни оному бѣсть вѣсти, когда послати къ отцю; а затѣмъ же и мнози Новгородцы не совокупившеся, ускори понеже великій князь Александръ Ярославовичъ пойти противъ ратныхъ»,—говоритъ лѣтописецъ.

Но при необыкновенной стремительности своего движенія, Александръ шелъ со всѣми военными предосторожностями, и при этомъ отнюдь не съ завязанными глазами.

За Шведами зорко слѣдилъ нѣкій Пелгусій, которому была поручена морская стража Финскаго побережья. Пелгусій этотъ былъ старшиной Финскаго языческаго племени Ижоры, но самъ ревностно исповѣдывалъ Православіе.

Когда утромъ, 15 іюля 1240 года, Александръ подходилъ къ берегамъ Невы, то Пелгусій вышелъ ему навстрѣчу; онъ точно опредѣлилъ количество приплывшихъ крестоносцевъ, а также мѣста ихъ становъ и, конечно, указалъ тѣ пути, по которымъ къ нимъ можно было подойти совершенно скрытно.

При этомъ Пелгусій разсказалъ Александру о чудномъ и страшномъ видѣніи, которое онъ имѣлъ. «Всю ночь провелъ я безъ сна на берегу, наблюдая за врагами»,—передавалъ онъ Александру такъ, чтобы ихъ не слышали остальные.—«На восходѣ солнца я услышалъ на водѣ сильный шумъ и увидѣлъ одинъ насадъ (ладью) съ гребцами. Посреди насада стояли

въ алыхъ одеждахъ, положивши на рамена другъ друга руки, Святые мученики Борисъ и Глѣбъ, а гребцы, сидѣвшіе въ насадѣ, были «яко мглою одѣяны». И сказалъ Борисъ: «Братъ Глѣбъ! вели грести, да поможемъ сроднику своему, великому князю Александру Ярославовичу». Увидя дивное видѣніе и услыхавъ Святыхъ мучениковъ, я стоялъ въ трепетѣ и ужасѣ, пока видѣніе не исчезло изъ вида».

Конечно, сообщеніе Пелгусія было радостно встрѣчено Александромъ. Приказавъ ему никому не говорить о видѣнномъ, онъ перешелъ рѣку Ижору и совершенно скрытно подошелъ къ Шведскому стану.

241. „И концомъ копья своего нанесъ Биргеру тяжелый ударъ по лицу, „возложилъ печать на лицо его“...

Рисунокъ художника Кившенко.

Затѣмъ, выстроивъ свое немногочисленное воинство, къ которому присоединились въ пути и Ладожане, и призывая помощь Всевышняго, Александръ смѣло ударилъ на врага, несясь впереди всѣхъ на своемъ борзомъ скакунѣ, въ сіяющихъ доспѣхахъ, грозный и прекрасный, подобный архангелу Михаилу, архистратигу Небесныхъ силъ.

Шведы были расположены совершенно безпечно, такъ какъ не могли имѣть и мысли о возможности нападенія Русскихъ. Неожиданное появленіе нашихъ отважныхъ воиновъ, налетѣвшихъ на нихъ съ громкими криками, произвело въ Шведскомъ станѣ неописуемое смятеніе.

Скоро Александръ увидѣлъ своего надменнаго врага—ярла Биргера. Юный герой устремился на него и своимъ копьемъ нанесъ Биргеру тяжелый ударъ по лицу, «возложилъ печать на лицо его», по выраженію лѣтописца.

Часть крестоносцевъ въ ужасѣ бросилась къ своимъ судамъ, спасаясь отъ убійственныхъ ударовъ Русскихъ, прошедшихъ наскозь весь вражескій станъ; но другіе оправились отъ внезапнаго нападенія и стали оказывать упорнѣйшее сопротивленіе. Жестокій бой кипѣлъ до ночи. Наконецъ, Господь даровалъ намъ полную побѣду.

Малочисленные соратники Александра, руководимые своимъ безстрашнымъ вождемъ, оказали въ этотъ день чудеса храбрости.

242. Докладъ Пелгусія о видѣніи и о расположеніи Шведовъ... „И срѣте его князь великій Александръ Ярославовичъ... рече ему: „Сего же не повѣжь никому же, брате, дондеже Господь якоже хощетъ сотворитъ“...

243. Подвигъ Гавріила Олексича... „Сій бо наѣха на шнеку и видя королевича лежаща подъ руки, взѣяха за ними по дсцѣ до самаго корабля“.

Особенно отличились шесть человѣкъ, какъ объ этомъ разсказывалъ послѣ битвы самъ Александръ: доблестный витязь Гавріилъ Олексичъ прорубился до Шведскаго корабля; видя, что на корабль этотъ по доскѣ несутъ на рукахъ сына Биргера, Гавріилъ въѣхалъ на него верхомъ по той же доскѣ, а когда Шведы сбросили эту доску вмѣстѣ съ нимъ и конемъ въ воду, то онъ снова кинулся къ судну и такъ крѣпко бился, что убилъ находившагося на немъ воеводу и Латинскаго епископа. Второй—былъ Новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ: онъ много разъ въѣзжалъ въ самыя густыя полчища непріятеля съ однимъ только топоромъ и безстрашно разсѣкалъ густыя толпы противниковъ. Третій—Яковъ Полочанинъ, ловчій князя, одинъ ударилъ со своимъ мечемъ на цѣлый непріятельскій полкъ

и такъ мужественно и крѣпко поражалъ ихъ, что заслужилъ личную похвалу Александра. Четвертый—Новгородецъ, именемъ Миша, собравъ дружину соратниковъ, пѣшій бросился въ море и погубилъ три шведскихъ корабля. Пятый—отрокъ Александра, Савва, наѣхалъ на большой златоверхій шатеръ Биргера и, подсѣкши подъ нимъ столпъ, уронилъ его, чѣмъ возвѣстилъ Русскимъ побѣду. Наконецъ, шестой—былъ доблестный слуга Александра—Ратмиръ; онъ мужественно бился пѣшій и погибъ отъ ранъ, врубившись въ толпу Шведовъ.

244. „Останокъ же ихъ побѣже посрамлена, а трупіа же мертвыхъ своихъ наметаша 3 корабля великихъ выводъ и потопиша съ ними на мори"...

245. Того же лѣта размолвиша Новгородци съ Александромъ Ярославовичемъ и бысть крамола велія въ Новѣградѣ, и отъиде Александръ ко отцу своему съ матерью своею и со княгинею и со всѣмъ дворомъ своимъ"...

Потери наши были изумительно малы—всего съ Ладожанами двадцать человѣкъ! Этимъ ничтожнымъ потерямъ дивились даже и современники.

Темная ночь спасла остатки Шведовъ. Они не хотѣли ждать утра и поспѣшили уйти, нагрузивъ три корабля тѣлами однихъ только убитыхъ знатныхъ воиновъ, въ томъ числѣ и главнаго воеводы ихъ Спиридонія и епископа. Вѣроятно, потери Шведовъ были такъ велики потому, что они не успѣли надѣть свои доспѣхи, когда на нихъ внезапно напалъ Александръ. Такъ печально окончился грозный крестовый походъ, предпринятый папой противъ Православія и Руси, благодаря блистательной побѣдѣ Александра, одержанной на берегахъ Невы 15 іюля 1240 года, въ день Святого равноапостольнаго князя Владиміра и Святыхъ и праведныхъ Кирика и Улиты.

За эту побѣду благодарное потомство дало ему наименованіе Невскаго.

Но Новгородцы, несмотря и на этотъ замѣчательный подвигъ, совершенный ихъ княземъ во славу Святой Софіи, остались вѣрны самимъ себѣ: обычная крамола и борьба сторонъ продолжалась попрежнему, и въ томъ же 1240 году, Александръ, забравъ мать, жену и весь свой дворъ, долженъ былъ выѣхать отъ нихъ и поселиться въ отцовскомъ Переяславлѣ Залѣсскомъ. А враги Православія и Русской Земли между тѣмъ не дремали.

Мы уже упомянули, что въ 1232 году, во время сидѣнія въ Новгородѣ отца Александра—Ярослава, изгнанные имъ Новгородскіе мужи нашли себѣ пріютъ у Нѣмцевъ, въ городѣ Оденпѣ. Здѣсь же, въ Оденпѣ, находился и князь Ярославъ, сынъ брата Мстислава Удалого—Владиміра, того самого Владиміра, который, бывши княземъ во Псковѣ, принималъ участіе со своими Псковичами въ славной Липецкой битвѣ, а ранѣе этого былъ одно время на службѣ у Нѣмецкихъ рыцарей, такъ какъ выдалъ свою дочь за брата епископа Альберта. Сынъ этого Владиміра—Ярославъ, тоже передался на сторону Нѣмцевъ.

Когда въ Оденпъ, гдѣ онъ сидѣлъ, прибыли Новгородскіе изгнанники, то онъ попытался вмѣстѣ съ ними и при помощи рыцарей взять городъ Изборскъ, что имъ и удалось; но затѣмъ вскорѣ они были захвачены Псковичами и заточены въ 1233 году въ Переяславлѣ Залѣсскомъ.

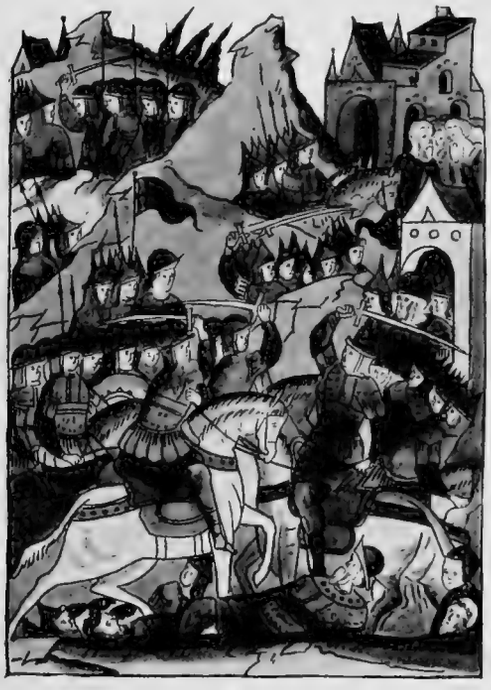
Однако, къ сожалѣнію, Ярославу удалось уйти изъ своего заточенія опять къ Нѣмцамъ. Конечно, этотъ князь-отступникъ сталъ злѣйшимъ врагомъ своей Родины и у него находили пріютъ всѣ Русскіе измѣнники. А между тѣмъ, въ это время завелись предатели и во Псковѣ, несомнѣнно подкупленные Нѣмцами, во главѣ съ какимъ-то Твердилою. И вотъ, Ярославъ Владиміровичъ вмѣстѣ съ Твердилою стали подучивать Нѣмцевъ пойти на Изборскъ, а потомъ и на Псковъ, обѣщая имъ вѣрный успѣхъ.

Обнадеженные ими рыцари начали собирать большія войска, такъ какъ папа, направившій грозную рать крестоносцевъ изъ Швеціи къ устьямъ Невы, неотложно требовалъ и отъ Ливонскихъ рыцарей распространенія ихъ власти надъ Русскими, уже разгромленными съ востока Татарами, и Дерптскій (Юрьевскій) епископъ Германъ сталъ первый созывать ополченіе. Затѣмъ собравшись, Нѣмцы безъ объявленія войны напали на Изборскъ и взяли его приступомъ. «Изъ Русскихъ никто не былъ оставленъ въ покоѣ. Убивали или забирали въ плѣнъ всѣхъ, кто только осмѣливался защищаться. Вопль и стоны раздавались по всей Землѣ», — говоритъ съ торжествомъ современный Нѣмецкій лѣтописецъ.

Псковичи, возмущенные предательскимъ нападеніемъ на Изборскъ, вышли рыцарямъ навстрѣчу въ томъ же 1240 году, когда Александръ одержалъ свою блистательную побѣду надъ Шведами, но, къ сожалѣнію, потерпѣли жестокое пораженіе и принуждены были заключить миръ на унизительныхъ для себя условіяхъ: они должны были дать въ заложники дѣтей знатнѣйшихъ гражданъ и пустить къ себѣ во Псковъ для управленія Нѣмцевъ во главѣ съ гнуснымъ Твердилою.

Конечно, это былъ громкій успѣхъ для рыцарей. Вѣсть о немъ разнеслась по всей Германіи, и толпы Нѣмецкихъ искателей приключеній стали прибывать одна за другой на усиленіе Ливонскихъ рыцарей.

Скоро Нѣмцы вошли и въ Земли Великаго Новгорода. Они обложили данью Вожанъ и построили крѣпость Копорье на берегу Финскаго залива, близъ нынѣшняго Петербурга. Затѣмъ они пошли еще дальше, нещадно разоряя населеніе, и появились уже въ тридцати верстахъ отъ города Новгорода, грабя Русскихъ купцовъ. При такихъ тяжкихъ обстоя-



246. „И пріиде вѣсть во Псковъ, яко взяша нѣмци Изборскъ и выйде противу ему весь градъ, и сотвориша брань съ ними крѣпко... и побиша Псковичь"...

247. Пріиде князь великій Александръ Ярославовичъ въ Новъгородъ... и бысть радость велія въ Новѣгородѣ... бѣ бо милостивъ паче мѣры, а Вожанъ и Чудь крамолниковъ перевѣша".

тельствахъ, Новгородцы стали просить у великаго князя Ярослава себѣ князя; Ярославъ согласился, но послалъ имъ не Александра, а слѣдующаго за нимъ сына—Андрея. Однако, Андрей не смогъ улучшить дѣла Новгородцевъ. Наоборотъ, къ захватамъ Нѣмцевъ присоединились также дерзкіе набѣги Литвы и Чуди; уводились люди, лошади, скотъ; крестьянамъ нечѣмъ было пахать.

Тогда, наконецъ, Новгородцы рѣшились обратиться къ Александру, занятому въ это время сооруженіемъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ монастыря во имя Святого мученика Александра Перскаго. Торжественное посольство, во главѣ съ Новгородскимъ владыкою, отправилось къ нему и стало умолять простить нанесенную обиду.

Александръ согласился и прибылъ къ Святой Софіи. Все мгновенно преобразилось. Немедленно собралось войско: Новгородцы, Ладожане, Корелы, Ижорцы весело шли подъ знаменами Невскаго героя, и скоро взяли Копорье, плѣнивъ многихъ Нѣмцевъ.

Александръ освободилъ большинство плѣнныхъ рыцарей и только нѣкоторыхъ привелъ съ собой въ Новгородъ; «милостивъ былъ паче мѣры»,— примѣчаетъ лѣтописецъ, но измѣнниковъ Вожанъ и Чудь перевѣшалъ.

Послѣ этого онъ отправился къ отцу, выпросилъ у него Суздальскіе полки и съ братомъ Андреемъ вернулся въ Новгородъ.

Усердно помолившись у Святой Софіи и испросивъ благословеніе Божіе на новый подвигъ, Александръ объявилъ походъ на Нѣмцевъ, похвалившихся «укорить Словеньскій языкъ»; затѣмъ, по обыкновенію, не теряя времени на ожиданіе пока соберется Новгородская рать, онъ поспѣшилъ занять всѣ дороги, ведущія къ Пскову, и быстро появился подъ его стѣнами, раньше чѣмъ ошеломленные Нѣмцы могли получить свѣдѣнія о его сборахъ.

248. Видъ города Пскова.

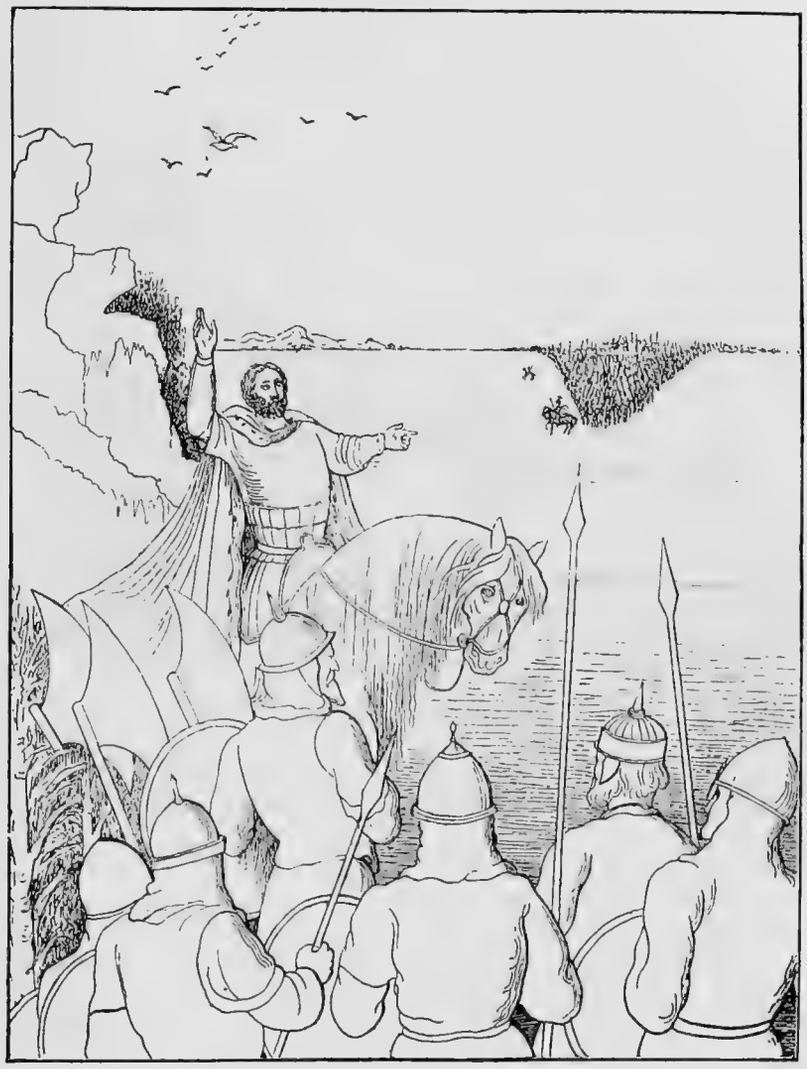
Городъ былъ освобожденъ безъ особаго труда, и Нѣмецкіе намѣстники отправлены закованными въ Новгородъ; шесть же главныхъ измѣнниковъ Псковичей были преданы казни. Вслѣдъ за этимъ Александръ вторгнулся во владѣнія Ливонскихъ рыцарей, примыкавшія къ самому Пскову, и много непріятеля погибло, не ожидавшаго такого быстраго нападенія.

Страшная вѣсть о потерѣ Пскова была для Нѣмцевъ подобна громовому удару. Скоро стало собираться огромное ополченіе. Рыцари рѣшили навсегда покончить съ Александромъ, какъ когда-то съ мужественнымъ, но несчастнымъ Вячко. Первый магистръ Ордена и епископъ были вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ. «Пойдемъ, погубимъ великаго князя Русскаго, возьмемъ Александра живымъ въ полонъ»,—говорили они.

Но Александръ былъ непоколебимъ въ своемъ упованіи на заступничество Божіе за Православную вѣру. Передъ выступленіемъ на врага, онъ со всѣми гражданами города усердно молился въ Псковскомъ дѣтинцѣ, въ славномъ храмѣ Святой Троицы, первоначальное построеніе котораго приписывается Равноапостольной княгинѣ Ольгѣ.

Затѣмъ войска выступили въ походъ. Наступила весна, но морозы еще держались и воды были скованы льдомъ. Скоро одинъ изъ нашихъ

передовыхъ отрядовъ наткнулся на превосходныя силы Нѣмцевъ и былъ ими разбитъ; другія наши части, посланныя на развѣдку, доносили, что противникъ движется съ огромными силами, ведя съ собой множество Чуди. Тогда Александръ разсчиталъ, что ему будетъ выгоднѣе нѣсколько отойти и ждать Нѣмцевъ на самомъ Чудскомъ озерѣ, ледъ на которомъ



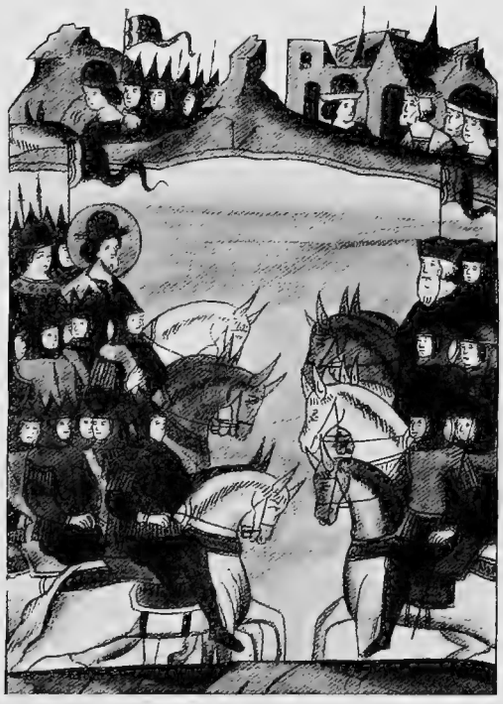
249. Александръ слѣдитъ за движеніемъ Нѣмецкой свиньи.

былъ еще крѣпокъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, и расположился близъ мѣстности, носившей названіе «Вороньи Камни».

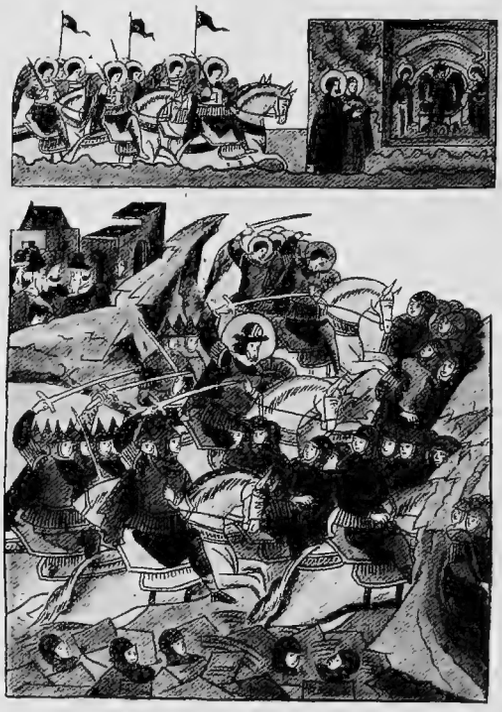
Въ субботу, 5-го апрѣля 1242 года, показались Нѣмцы. Съ высоты скалы на Узмени, при поворотѣ Чудскаго озера во Псковское, держа свою рать въ полной готовности, Александръ зорко слѣдилъ за движеніемъ непріятельскаго войска, сверкавшаго сталью своихъ копій, щитовъ и броней; оно стройно шло въ особомъ клинообразномъ боевомъ порядкѣ,

носившемъ названіе *свиньи*. Это была страшная свинья для всѣхъ слабыхъ духомъ войскъ; она врѣзывалась во вражескіе полки своимъ острымъ клиномъ, разстраивала ихъ ряды и затѣмъ начиналось жестокое избіеніе непріятеля.

Видя, что противникъ уже подходитъ, Александръ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, воздѣлъ руки къ небу и громко произнесъ: «Помоги мнѣ, Господи, какъ нѣкогда моему прадѣду Ярославу противъ Святополка Окаяннаго» *). «О дорогой и честный нашъ княже! Пришло время! Мы



250. Ледовое побоище. „....Князь же великій... укрѣпився силою крестною, ополчивси поиде на нихъ“...



251. ... „И бысть ту сѣча зла... и кровь аки вода ліашеся... слышахъ же и сіе отъ самовидца, яко видѣхъ полки Божіа на воздусѣ, пришедше на помощь Александру“...

всѣ положимъ за тебя свои головы!»—восторженно отвѣчали ему на это изъ рядовъ.

Скоро приблизились Нѣмцы. Грозная свинья врѣзалась въ наши войска и прошла ихъ насквозь, но рыцари съ ужасомъ убѣдились, что ряды Русскихъ и не думаютъ разстраиваться, а, наоборотъ, плотно и стройно смыкаются вокругъ нихъ, сжимая какъ клещами, и затѣмъ со всѣхъ сторонъ начинаютъ наносить ожесточенные удары. «Тогда бысть сѣча зла на Нѣмци и на Чюдь, трусъ (сотрясеніе, шумъ) великъ отъ копейнаго коленія и звукъ

*) Святополкъ Окаянный былъ также разбитъ на льду Ярославомъ Мудрымъ, какъ объ этомъ говорится въ первой части настоящаго труда.

отъ мечеваго сѣченія, яко и озеро помрьзе двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покрыто бо бяще кровью»,—разсказываетъ лѣтописецъ.

Нѣмцы дрогнули. Замѣтя это, Александръ быстро совершилъ съ отборнымъ полкомъ обходное движеніе и ударилъ въ самое чувствительное мѣсто непріятельскаго расположенія. Скоро началось ужаснѣйшее избіеніе рыцарей и Чуди. Ледъ озера, красный отъ крови на протяженіи семи верстъ, покрылся трупами. Потери нашихъ враговъ были громадны.

Послѣ этого безпримѣрнаго побоища, получившаго прозваніе Ледового, Александръ съ великой славой въѣхалъ во Псковъ. Близъ его коня шли 50 знатнѣйшихъ рыцарей, а позади множество простыхъ плѣнныхъ. Онъ первымъ дѣломъ направился къ храму Святой Троицы, и здѣсь вознесъ горячую молитву за дарованную побѣду, при чемъ жители города обѣщали вѣчную признательность ему и его потомству.

252. Возвращеніе Александра Невскаго послѣ Ледоваго побоища... „и срѣте его чинъ священническій со кресты и весь народъ града того, воздающе хвалу Господеви"...

«О Псковичи»,—восклицаетъ по этому поводу умиленный лѣтописецъ,—«если вы забудете великаго князя Александра, или отступите отъ него, или дѣтей его, то уподобитесь Жидамъ; если вы не почтите и отдаленнѣйшихъ потомковъ его, когда они придутъ къ вамъ въ нуждѣ, то тоже наречетесь вторыми Жидами».

Такъ печально окончилось предпріятіе Ордена противъ Русскихъ. «Храбрый Александръ принудилъ рыцарей къ миру»,—съ грустью примѣчаетъ Нѣмецкій лѣтописецъ.

Ледовое побоище, вмѣстѣ съ Невской побѣдой, дало полное торжество Православію надъ ковами противъ него со стороны папы и надолго остановило наступательныя движенія противъ насъ Шведовъ и Нѣмцевъ, въ самые горестные и трудные годы Русской жизни.

Но въ эти злыя времена на нашемъ сѣверо-западѣ поднялся и третій свирѣпый врагъ—Литва. «Въ то время умножишася языка Литовскаго

и начаша паккостити въ области великаго князя Александра» говоритъ лѣтописецъ; но Александръ не замедлилъ нанести и Литвѣ нѣсколько жесточайшихъ пораженій.

«Радуйся, буйства неустроенныя въ тыя дни Литвы укротителю!
Радуйся, своея Земли мужественный Защитителю!»

поется ему въ акаѳистѣ.

Лѣтомъ 1242 года, по полученіи первыхъ извѣстій о набѣгахъ Литовцевъ,Александръ съ немногочисленнымъ войскомъ выступилъ имъ навстрѣчу; какъ обычно, недостатокъ своихъ силъ онъ восполнялъ необыкновенной быстротой передвиженій и искуснымъ веденіемъ боя. За одинъ походъ ему удалось разсѣять до семи непріятельскихъ отрядовъ и избить множе-

253. Ханскій шатеръ въ Татаріи.
Изъ книги Іоанна де Плано-Карпини „Исторія Монгаловъ".

ство ихъ князей, при чемъ онъ и самъ не разъ подвергался величайшей опасности.

Ударъ, нанесенный имъ, былъ такъ силенъ, что Литовцы не безпокоили Александра больше двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ прожилъ сравнительно спокойно въ Новгородѣ, понеся, впрочемъ, въ 1244 году, незамѣнимую утрату: скончалась, жившая съ нимъ, мать его—«блаженная и чюдная» княгиня Ѳеодосія, принявшая передъ кончиною схиму съ именемъ Ефросиніи.

Въ 1245 году, Литовцы оправились и опять стали совершать рядъ набѣговъ на Русскую Землю; они сожгли окрестности Торжка и Бѣжецка и завладѣли было Торопцомъ, въ которомъ заперлись. Но сюда, на утро, уже прискакалъ грозный Александръ и взялъ обратно городъ, при чемъ множество Литовцевъ было изсѣчено и въ томъ числѣ восемь князей. Довольные побѣдой, Новгородцы не хотѣли продолжать похода, но дальновидный

Александръ судилъ иначе; съ одной своей дружиной, «со своимъ дворомъ», онъ погнался преслѣдовать Литовцевъ, настигъ ихъ у озера Жизца и изрубилъ всѣхъ до единаго человѣка. Затѣмъ, послѣ краткаго отдыха у тестя Бречислава въ Витебскѣ, Александръ взялъ съ собой своего маленькаго сына, гостившаго у дѣда, и выступилъ въ новый походъ противъ Литовцевъ; онъ встрѣтился съ ними близъ Усвята и опять нанесъ жесточайшее пораженіе. Этими рѣшительными и безпощадными дѣйствіями Александръ навелъ на Литовцевъ полный ужасъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они не осмѣливались появляться въ его владѣніяхъ.

254. Кончина великаго князя Ярослава Всеволодовича.
Рис. В. П. Верещагина.

Но всѣ блистательныя побѣды Александра не могли, разумѣется, имѣть какого-либо значенія по отношенію Татаръ.

Въ 1243 году, великій князь Ярославъ, дѣятельно занятый приведеніемъ въ порядокъ своей Земли, послѣ испытаннаго страшнаго погрома, и постоянно тратя огромныя деньги изъ личныхъ своихъ средствъ на выкупъ и облегченіе участи несчастныхъ, попавшихъ въ неволю къ Татарамъ, получилъ грозное приглашеніе Батыя явиться къ нему. Надо было, разумѣется, безпрекословно повиноваться; у самаго Батыя на Волгѣ имѣлось всегда подъ рукою шестисотъ-тысячное войско, а въ степяхъ Поднѣпровья было расположено 60.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Татарскаго воеводы Куремсы. Вслѣдъ за Ярославомъ отправились къ Батыю на поклонъ и всѣ его родичи, а сынъ Ярослава—Константинъ, поѣхалъ въ Татарію, за Байкальское озеро, гдѣ близъ Каракорума была расположена ставка

великаго хана. Батый принялъ Ярослава довольно милостиво и отпустивъ сказалъ: «Будь ты старшій между всѣми князьями въ Русскомъ народѣ».

Въ 1245 году, молодой князь Константинъ вернулся изъ Татаріи, и отецъ его Ярославъ долженъ былъ самъ отправиться туда. Онъ присутствовалъ тамъ при воцареніи, въ 1246 году, новаго хана Гаюка; черезъ нѣкоторое время, мать этого Гаюка пригласила къ себѣ Ярослава, и въ знакъ великой чести дала ему ѣсть и пить изъ своихъ рукъ, отчего, однако, онъ заболѣлъ и черезъ семь дней умеръ; полагали, что онъ былъ отравленъ ханшей, такъ какъ тѣло его посинѣло удивительнымъ образомъ, и что это было сдѣлано по навѣтамъ какого-то Русскаго предателя, Ѳеодора Яруновича. Такъ кончилъ свой земной путь мужественный Ярославъ, много потрудившись на пользу Русской Земли, въ наступившіе ужасные для нея годы.

255. Святой Михаилъ Черниговскій.

Съ древней иконы тонкаго Новгородскаго письма. Изъ собранія Н. П. Лихачева.

Почти въ то же время, какъ погибъ Ярославъ, и Михаилъ Черниговскій былъ вызванъ къ Батыю. Онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе Татарскихъ должностныхъ лицъ, производившихъ въ Черниговѣ поголовную перепись оставшихся въ живыхъ жителей, и наложившихъ на всѣхъ тяжелую дань.

Передъ отправленіемъ въ Орду, Михаила напутствовалъ епископъ и далъ ему запасные дары; его сопровождали малолѣтній внукъ Борисъ, сынъ убитаго Татарами въ Шернскомъ лѣсу Василька Константиновича, и вѣрный бояринъ Ѳеодоръ.

Прибывъ въ Сарай, Михаилъ хотѣлъ войти въ ханскій шатеръ, но отъ него потребовали, чтобы онъ раньше прошелъ черезъ разложенный передъ ставкою огонь и поклонился Татарскимъ идоламъ. Михаилъ отка-

зался отъ этого наотрѣзъ. «Я могу поклониться царю вашему, ибо Богу угодно было поставить его надо мною, но христіанинъ не служитъ ни огню, ни идоламъ». Разгнѣванный Батый послалъ тогда къ нему своего вельможу Эльдегу съ приказаніемъ или повиноваться, или принять смерть. Михаилъ согласился на послѣднее и, причастившись вмѣстѣ съ бояриномъ Ѳеодоромъ Святыхъ Таинъ, сталъ въ ожиданіи смерти громогласно пѣть псалмы царя Давида. Юный Борисъ и остальные Русскіе вельможи со слезами на глазахъ умоляли Михаила согласиться исполнить требуемое, но онъ былъ непоко-

256. Святой Михаилъ Черниговскій передъ казнью.

Картина художника Лосева въ Императорской Академіи Художествъ, въ Петербургѣ.

лебимъ. Скоро на Михаила набросились озвѣрѣлые Татары и начали топтать ногами и бить въ сердце; всѣ Русскіе безмолствовали, пораженные ужасомъ; одинъ только бояринъ Ѳеодоръ съ просвѣтленнымъ лицомъ продолжалъ пѣть псалмы. Наконецъ, нѣкій Русскій вѣроотступникъ, Доманъ изъ Путивля, отсѣкъ Михаилу голову и слышалъ послѣднія слова князя, произнесенныя тихимъ голосомъ: «Христіанинъ есмь». Вскорѣ за нимъ былъ умерщвленъ и бояринъ Ѳеодоръ, послѣ чего тѣла двухъ страдальцевъ были брошены на съѣденіе псамъ; однако, они были сохранены усердіемъ пріѣхавшихъ съ ними Русскихъ, а наша церковь причла обоихъ мучениковъ къ лику Святыхъ.

Послѣ варварскаго убійства Михаила, внукъ его Борисъ Васильковичъ получилъ позволеніе вернуться домой. Старшая дочь Михаила—

*

Ѳеодулія отличалась большимъ благочестіемъ. Она была невѣстой одного изъ потомковъ славнаго Варяга Шимона—князя Мины Суздальскаго; когда

257. „Великому князю Михаилу присла писаніе и дары князь Мина Суждальскій прося у него блаженныя Ѳеодуліи въ жену себѣ. Онъ же обѣщася ему дати ю".

Изъ Житія Святой Ефросиніи Суздальской, писаннаго между XV и XVII вѣками.

же женихъ ея скончался, то она постриглась въ Суздалѣ съ именемъ Ефросиніи, провела жизнь въ строгомъ подвижничествѣ и послѣ смерти удостоилась нетлѣнія мощей *).

*) Потомки Михаила Черниговскаго весьма многочисленны: князья Новосильскіе, Бѣлевскіе, Воротынскіе, Одоевскіе, Мезецкіе, Барятинскіе, Оболенскіе, Долгорукіе, Щербатовы, Мосальскіе, Елецкіе, Звенигородскіе и Козельскіе.

Въ то время, какъ Михаилъ Черниговскій погибалъ мученической смертью въ Ордѣ, сынъ его Ростиславъ, успѣвшій жениться на дочери Венгерскаго короля Белы Четвертаго, не прекращалъ своихъ происковъ овладѣть Галичемъ, пользуясь помощью Венгровъ и крамольныхъ Галицкихъ бояръ. Наконецъ, Даніилъ разбилъ его на рѣкѣ Санѣ, при чемъ былъ убитъ и извѣстный намъ Филя Прегордый. Послѣ этого, Даніилъ сталъ скоро однимъ изъ сильнѣйшихъ Славянскихъ князей, и въ немъ начали заискивать всѣ его сосѣди.

По отношенію Татаръ дѣла Даніила шли менѣе блестяще.

Онъ получилъ грозный приказъ Батыя—«Дай Галичъ». Тогда Даніилъ рѣшилъ самъ отправиться въ Орду. По пути, онъ встрѣтилъ Татаръ за Переяславлемъ, гостилъ у ихъ начальника Куремсы и, наконецъ, прибылъ къ Батыю. Батый встрѣтилъ его милостиво, не заставилъ исполнять Монгольскихъ обрядовъ и привѣтствовалъ словами: «Ты долго не хотѣлъ меня видѣть, но теперь загладилъ свою вину. Пьешь ли ты наше молоко, кобылій кумысъ?»—До сихъ поръ не пилъ, а прикажешь буду»,—смиренно отвѣчалъ Даніилъ, стоя на колѣняхъ.

Послѣ этого, Батый, въ знакъ особаго благоволенія, прислалъ ему вина. Проживъ 25 дней у Татаръ, Даніилъ выѣхалъ домой съ большой честью—съ именемъ слуги и данника ханскаго. «О, злѣе зла честь Татарская!»—горестно восклицаетъ лѣтописецъ, разсказывая про это.

Кромѣ Русскихъ князей, къ великому хану въ Татарію ѣздило на поклонъ огромное количество всевозможныхъ лицъ изъ Азіи и Европы. Безпокойство въ послѣдней, въ ожиданіи Татаръ, было общее: народъ постился, а духовенство день и ночь молилось въ церквахъ. Только одинъ Святой Людовикъ, храбрый Французскій король, не терялъ бодрости и говорилъ своей матери, что онъ, въ надеждѣ на Бога и на свой мечъ, смѣло встрѣтитъ Монголовъ. Папа Иннокентій Четвертый, желая миромъ удалить грозу нашествія, отправилъ къ великому хану пословъ съ дружелюбными письмами. Одинъ изъ нихъ, монахъ Плано-Карпини, проѣзжалъ черезъ Русскую Землю въ Татарію въ 1246 году и оставилъ любопытныя записки о своемъ путешествіи.

Василько, братъ Даніила Романовича, принималъ Карпини во Владимірѣ Волынскомъ; Карпини убѣждалъ его, отъ имени папы, перейти въ Латинство, но Василько съ епископами отвѣчали, что они безъ Даніила, бывшаго въ это время въ Ордѣ, ничего сдѣлать не могутъ. Проѣзжая дальше по Россіи, Карпини нашелъ вездѣ очень мало жителей, такъ какъ большинство были убиты; Кіевъ же представлялъ собою небольшой городокъ, въ которомъ было двѣсти дворовъ.

Проведя нѣсколько времени на Волгѣ у Батыя, который принялъ гостей въ палаткѣ, отобранной у Венгерскаго короля, они отправились дальше въ Татарію, куда длинный путь былъ необыкновенно тяжелъ; въ Киргизской степи Карпини видѣлъ кости бояръ Ярослава, умершихъ здѣсь отъ жажды. Наконецъ, они прибыли въ Большую Орду, которая

называлась также Золотой, такъ какъ великій ханъ помѣщался въ шатрѣ, поддерживаемомъ столбами, окованными золотомъ. Посольство застало въ Ордѣ до четырехъ тысячъ знатныхъ людей изъ разныхъ странъ. Всѣ они дожидались торжественнаго утвержденія на курилтаѣ великимъ ханомъ преемника Угедея—Гаюка. Первое мѣсто среди иностранцевъ занималъ великій князь Ярославъ Всеволодовичъ; однако, честь, оказываемая ему, была не особенно велика: за обѣдомъ онъ садился ниже приставленнаго къ нему пристава. Гаюкъ не хотѣлъ принимать посольства отъ папы, такъ какъ онъ дѣятельно готовился къ походу для завоеванія Европы, но затѣмъ, все-таки, Карпини удалось быть принятымъ имъ, вручить письмо папы и получить на него отвѣтное, въ которомъ Гаюкъ, между прочимъ, писалъ: «Богъ на небесахъ, а я на землѣ». Послѣ этого, папскихъ пословъ скоро отправили въ обратный путь, и передъ своимъ отъѣздомъ они были свидѣтелями отравленія Ярослава Всеволодовича.

Карпини привезъ въ Европу страшную вѣсть о готовящемся новомъ нашествіи Монголовъ для ея покоренія въ теченіе 18 лѣтъ, но, къ счастью, Гаюкъ жилъ недолго и скоро погибъ отъ яда, а его преемникъ—Менгу, былъ отвлеченъ внутренними волненіями, начавшимися въ Азіи, почему походъ на Европу и былъ отложенъ.

Послѣ кончины Ярослава, великое княженіе Владимірское перешло къ брату его Святославу, который утвердилъ сыновей Ярослава на удѣлахъ, данныхъ имъ отцомъ.

Съ этого времени начинается новая пора въ жизни Александра и великаго его служенія Родинѣ. Онъ понялъ своимъ глубокимъ умомъ полную невозможность борьбы съ Татарами до наступленія лучшихъ временъ, и понялъ также, что только безусловнымъ повиновеніемъ нашимъ новымъ властителямъ и безпрекословнымъ исполненіемъ всѣхъ ихъ требованій по части уплаты дани—возможно спасти Родину отъ всѣхъ ужасовъ второго Татарскаго нашествія.

Поэтому, вся жизнь Александра, послѣ кончины отца, и была направлена къ тому, чтобы пріобрѣсти полное довѣріе къ себѣ со стороны Татаръ, конечно, для того, чтобы они, по возможности, менѣе вмѣшиваясь въ наши внутреннія дѣла, позволили бы отдохнуть и собраться съ свѣжими силами полураздавленной Русской народности.

Для достиженія этой великой и святой цѣли Александръ не щадилъ себя; онъ шелъ на всякія опасности и труды, и испилъ до дна горькую чашу униженій отъ Татаръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ прошелъ также черезъ рядъ самыхъ глубокихъ душевныхъ страданій, такъ какъ зачастую не былъ понятъ даже своими близкими и родными.

Оплакавъ насильственную смерть отца, Александръ получилъ грозное приглашеніе Батыя явиться къ нему. Онъ отправился вслѣдъ за своимъ братомъ Андреемъ, выѣхавшимъ ранѣе его.

Когда Александръ прибылъ въ ханскую ставку, то, какъ объ этомъ говорится въ его Житіи, Татарскіе волхвы, передъ тѣмъ, чтобы допустить

его къ Батыю, потребовали отъ него также, какъ и отъ Михаила Черниговскаго, чтобы онъ прошелъ «сквозь огонь и поклонился кусту и огневи и идоламъ». Готовый претерпѣть для блага и спасенія своей Родины всевозможныя униженія, Александръ не счелъ, однако, возможнымъ совершить

258. Александръ въ Ордѣ. „...Я—христіанинъ и мнѣ не подобаетъ кланяться твари. Я покланяюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу единому, въ Троицѣ славимому...“

Стѣнопись художника Серебрякова въ Александро-Невской церкви Училищнаго Совѣта Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ С.-Петербургѣ.

что-либо противное христіанской совѣсти. Поэтому, на гнусное предложеніе волхвовъ, онъ, не страшась своимъ отказомъ навлечь на себя мученическую смерть, безтрепетно отвѣчалъ: «Я—христіанинъ и мнѣ не подобаетъ кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу единому, въ Троицѣ славимому, создавшему небо и землю и вся, иже въ нихъ суть». Спокойное мужество Александра поразило придворныхъ хана

которые тотчасъ же отправились доложить объ его отвѣтѣ Батыю. Всѣ были увѣрены, что онъ, такъ же какъ Михаилу Черниговскому, велитъ объявить ему свое повелѣніе: или поклониться огню, кусту и идоламъ, или умереть.

Однако, къ общему удивленію, Батый прислалъ сказать, что онъ разрѣшаетъ Александру предстать передъ его очи, безъ исполненія обрядовъ, требуемыхъ волхвами.

И вотъ, Русскій князь Александръ, знаменитый побѣдитель Шведовъ, Нѣмцевъ и Литовцевъ, прекрасный и свѣтлый какъ ангелъ, вошелъ въ шатеръ грязнаго Татарина, поработителя его Земли и убійцы многихъ близкихъ

259. „...И вотъ Русскій князь Александръ, знаменитый побѣдитель Шведовъ, Нѣмцевъ и Литовцевъ, прекрасный и свѣтлый какъ ангелъ, вошелъ въ шатеръ грязнаго Татарина, ...палъ передъ нимъ на колѣни и смиренно склонилъ голову".

Рис. В. П. Верещагина.

родственниковъ, разложилъ принесенные дары, палъ передъ нимъ на колѣни и смиренно склонилъ голову.

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, но и теперь сердце каждаго Русскаго человѣка должно болѣзненно сжиматься, вспоминая это безконечно тяжкое униженіе лучшаго изъ Русскихъ князей, который искупалъ имъ не свой, а чужой грѣхъ,—отсутствіе братолюбія и единства, погубившее нашу Родину. Батый нѣсколько времени любовался преклоненнымъ передъ нимъ героемъ; наконецъ, обращаясь къ окружающимъ, онъ произнесъ: «Правду говорили мнѣ: нѣтъ князя, равнаго этому».

Отъ Батыя Александру съ братомъ Андреемъ пришлось совершить длинный и трудный путь въ далекую Татарію, для представленія великому хану, и, конечно, пройти и тамъ черезъ рядъ горькихъ униженій.

Во время этой поѣздки, ихъ младшій братъ, Михаилъ Хоробритъ, или Храбрый, получившій въ удѣлъ Москву, рѣшилъ, не имѣя никакихъ правъ, изгнать дядю Святослава изъ Владиміра и самому сѣсть на великое княженіе. Михаилъ, впрочемъ, скоро погибъ въ борьбѣ съ Литвою, а на слѣдующій годъ вернулись Александръ и Андрей съ честью и пожалованіемъ отъ хана Менгу.

Андрею было дано великое княженіе Владимірское (дядя Святославъ жилъ недолго и скоро умеръ); Александръ же, хотя и старше Андрея, получилъ Новгородъ и Кіевъ.

Что заставило хана обойти Александра—неизвѣстно. Можетъ быть, это соотвѣтствовало и желанію покойнаго Ярослава, который считалъ Александра, какъ самаго способнаго изъ своихъ сыновей, наиболѣе пригоднымъ для занятія столь трудныхъ въ то время столовъ, какъ Новгородскій и особенно Кіевскій, гдѣ все необходимо было возстанавливать вновь изъ развалинъ.

Во всякомъ случаѣ, вернувшись къ началу 1250 года въ Русскую Землю, Александръ отправился въ Новгородъ, гдѣ былъ встрѣченъ жителями съ большой радостью и сталъ усердно заниматься дѣлами Святой Софіи.

Скоро въ Новгородъ къ нему прибыло чрезвычайное посольство отъ папы Иннокентія Четвертаго.

Папа прислалъ къ нему двухъ своихъ знатнѣйшихъ вельможъ—кардиналовъ Гольда и Гемента, съ письмомъ, въ которомъ требовалъ перехода Александра вмѣстѣ со всѣмъ Русскимъ народомъ въ Латинство, утверждая, что покойный отецъ его Ярославъ обѣщалъ это передъ смертью въ Татаріи его послу—Плано-Карпини, чего въ дѣйствительности не было, такъ какъ въ своихъ запискахъ, дошедшихъ до насъ, Плано-Карпини, описывая смерть Ярослава, не говоритъ объ этомъ ни одного слова.

Хитрые кардиналы, вручивъ Александру папское посланіе, помѣченное 8 февраля 1248 года, стали, разумѣется, всячески его уговаривать перейти въ Латинство, увѣряя, что, только отрекшись отъ Православія, онъ найдетъ помощь у Западныхъ государей и тѣмъ спасетъ какъ себя, такъ и свой народъ, отъ Татаръ.

На это Александръ, до глубины души возмущенный какъ самимъ предложеніемъ, такъ и клеветой на покойнаго отца, грозно отвѣчалъ имъ:

«Слышите, посланцы папежстіи и прелестницы преокаянныя. Отъ Адама и до потопа, и отъ потопа до раздѣленія языкъ и отъ раздѣленія языкъ и до начала Авраамля, и отъ Авраамля до пріитія Израилева сквозѣ Чермное море, а отъ начала царства Соломона до Августа царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресенія Его, а отъ воскресенія Его и на небеса вшествія, и до царствія Великаго Константина, и до перваго собора и до седьмого собора: сія вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не принимаемъ».

Сообщивъ этотъ же отвѣтъ папѣ въ письмѣ, Александръ отправилъ кардиналовъ домой и продолжалъ ревностно заниматься Новгородскими дѣлами съ тѣмъ, разумѣется, чтобы привести ихъ въ порядокъ и имѣть возможность отправиться для многотрудной дѣятельности въ Кіевъ, откуда

260. Папскіе послы, кардиналы Гольдъ и Гементъ, передъ Александромъ Невскимъ.

Стѣнопись храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Писана Г. Семирадскимъ.

пріѣхалъ его навѣстить митрополитъ Кириллъ, вмѣстѣ съ Ростовскимъ епископомъ Кирилломъ же, большимъ почитателемъ Александра.

Однако, вскорѣ послѣ отъѣзда митрополита, Александръ заболѣлъ какою-то опасной болѣзнью; «бысть болѣзнь его тяжка зѣло», что вызвало сильнѣйшее безпокойство во всемъ Новгородѣ и задержало выѣздъ въ Кіевъ.

Затѣмъ, едва оправившись отъ болѣзни, Александръ долженъ былъ приложить всѣ свои заботы на предупрежденіе голода, грозившаго Новгороду въ 1252 году, вслѣдствіе дурной весны, а также и на снаряженіе посольства къ Норвежскому королю Гакону, съ цѣлью сватовства дочери его Христины за сына своего Василія.

Но занятія всѣми этими дѣлами были неожиданно прерваны. Вмѣсто Батыя, за его старостью, въ Сараевской Ордѣ сталъ править сынъ его—Сартакъ, къ которому надлежало спѣшить ѣхать на поклонъ, такъ какъ во Владимірѣ въ это время произошли страшные безпорядки, вызвавшіе второе нашествіе Татаръ.

Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, Андрей Ярославовичъ былъ человѣкомъ благороднымъ, но не столь мудрымъ, какъ братъ Александръ, «поспѣшнымъ», по опредѣленію отца своего Ярослава, и, сѣвши на великое княженіе во Владимірѣ, онъ не могъ сносить терпѣливо унизительной для себя зависимости отъ Татаръ; это вызвало съ ихъ стороны величайшее раздраженіе и посылку большаго карательнаго отряда, подъ начальствомъ Неврюя, то-есть вызвало именно то, отъ чего такъ самоотверженно старался защитить Русскую Землю Александръ.

Въ виду этихъ грозныхъ обстоятельствъ, Андрей вынужденъ былъ тайно выйти изъ Владиміра, а Александръ поспѣшилъ въ Орду, чтобы представиться Сартаку и умилостивить его гнѣвъ. При этомъ, на своемъ пути онъ долженъ былъ имѣть большую горечь встрѣтить войска Неврюя, шедшія опустошать Суздальскій край.

Татары настигли Андрея у Переяславля, разбили его дружину и едва не захватили его самого; затѣмъ, они разошлись по всѣмъ Владимірскимъ областямъ, жгли, насильничали и убивали; захватили Переяславль, составлявшій удѣлъ Александра, убили въ немъ воеводу, жену юнаго брата Александра—Ярослава, и плѣнили ея дѣтей.

Александръ въ это время сумѣлъ умилостивить въ Ордѣ Сартака, и возвращался съ пожалованіемъ на великое княженіе, но поздно: Татары уже уходили съ торжествомъ, разоривъ и ограбивъ все, что было въ ихъ силахъ.

Сердечно встрѣченный Владимірцами, Александръ долженъ былъ, подобно покойному отцу, хоронить трупы, возстанавливать храмы и жилища, и призывать жителей, разбѣжавшихся по лѣсамъ, вернуться въ свои владѣнія.

Неблагоразумный же Андрей бѣжалъ въ Швецію, и только черезъ нѣсколько лѣтъ вернулся на Родину, гдѣ съ любовью былъ принятъ старшимъ братомъ, который далъ ему Суздаль.

Между тѣмъ, послѣ суроваго отвѣта, даннаго Александромъ посламъ папы, въ Римѣ рѣшили опять открыть враждебныя дѣйствія противъ Русской Земли, натравливая на нее для этого нашихъ сосѣдей. Въ 1253 году, Иннокентій Четвертый, писавшій Александру, послалъ приказаніе епископамъ и духовенству Ливоніи—проповѣдывать новый крестовый походъ, при

чемъ презрительно смѣшивалъ въ своемъ посланіи Русскихъ съ Татарами.

Въ томъ же 1253 году, рыцари внезапно подступили къ Пскову, въ надеждѣ его легко захватить, но были мужественно отбиты жителями города, и затѣмъ стали поспѣшно отступать, узнавъ что на выручку Псковичей идутъ Новгородцы съ сыномъ Александра Невскаго—юнымъ Василіемъ; такъ, послѣ Невской побѣды и Ледоваго побоища, сталъ наводить на Нѣмцевъ страхъ одинъ только слухъ о движеніи Новгородцевъ.

Тогда, не теряя времени на преслѣдованіе, Новгородцы направились къ устью рѣки Наровы, въ расположенныя здѣсь Нѣмецкія владѣнія, и «створиша волость ихъ пусту». Псковичи же, видя поспѣшное отступленіе Нѣмцевъ, погнались за ними, принудили къ бою и «побѣдиша я». При такихъ обстоятельствахъ, рыцари вынуждены были просить мира, который и былъ заключенъ «на всей волѣ Новгородской и Псковской».

261. Князь Миндовгъ Литовскій.

Изъ Латинской книги Александра Гваньини, изд. 1581 года: „Описаніе Европейской Сарматіи".

Кромѣ Нѣмцевъ, Латиняне возбуждали противъ насъ жестокаго и коварнаго Миндовга, объединителя Литовскихъ племенъ.

Онъ овладѣлъ еще въ 1235 году Русскимъ городомъ Новогрудкомъ, затѣмъ сталъ быстро усиливаться, и найдя выгоднымъ имѣть поддержку папы *), принялъ католичество, въ награду за что получилъ изъ Рима королевскій вѣнецъ. Скоро онъ отрекся отъ христіанства, но сила его возрастала все болѣе и болѣе; Миндовгъ овладѣлъ раздробленными удѣлами Полоцкихъ князей, и послѣ Бречислава, тестя Александра Невскаго, посадилъ въ древнемъ гнѣздѣ Рогнѣды своего племянника Тевтивила.

Въ 1252 году, во время поѣздки Александра въ Орду для представленія Сартаку, Миндовгъ пошелъ воевать Смоленскую Землю, при чемъ отряды его стали опустошать и Новгородскія владѣнія. Тогда, сидѣвшій въ это время въ Новгородѣ, сынъ Александра—Василій, несмотря на крайнюю свою юность (11—12 лѣтъ), храбро выступилъ противъ Литовцевъ, конечно, руководимый опытными боярами, геройски сразился съ ними и разбилъ наголову. Такимъ образомъ, на время были усмирены и Литовцы.

Но Новгородцы не могли ужиться долго и съ юнымъ сыномъ Александра Невскаго, и въ 1255 году онъ долженъ былъ выѣхать отъ нихъ въ Торжокъ.

*) Поддержка папы была ему нужна въ это время, такъ какъ его сильно тѣснили рыцари.

Узнавъ про это, Александръ отправилъ свои войска къ Новгороду, съ цѣлью смирить его, при чемъ рѣшилъ сдѣлать это безъ кровопролитія; подойдя къ городу, онъ потребовалъ выдачи посадника Ананіи, котораго считалъ главнымъ заводчикомъ происшедшаго недоразумѣнія съ сыномъ. Однако, у Ананіи была сильная партія, не желавшая его выдавать; поэтому возникли оживленные переговоры, и, наконецъ, снисходя на усиленныя просьбы жителей, Александръ удовольствовался только смѣщеніемъ Ананіи съ должности посадника и вернулся домой.

Скоро, однако, ему вновь довелось ѣхать въ Новгородъ. Въ слѣдующемъ же 1256 году Шведы, въ союзѣ съ Датчанами, собрали большія силы,

262. Развалины замка въ Новогрудкѣ.

конечно, не безъ вліянія папы, и стали строить крѣпость недалеко отъ устья Наровы. Это всполошило Новгородцевъ. Они стали собирать свои войска и просили Александра придти имъ на помощь. Узнавъ про это, Шведы поспѣшили уйти и оставили свою крѣпость недостроенной. Но Александръ рѣшилъ ихъ сильно наказать за дерзкую попытку. Онъ прибылъ со всѣми своими полками въ Новгородъ и, несмотря на суровую зиму, приказалъ тотчасъ же выступить въ дальнѣйшій походъ. Всѣ повиновались, но никто не зналъ, куда они идутъ, хотя съ войсками шелъ и митрополитъ Кириллъ, что показывало, конечно, на чрезвычайное значеніе предстоящихъ военныхъ дѣйствій.

Когда рать достигла Копорья и остановилась здѣсь для отдыха, то Александръ поздравилъ своихъ воиновъ съ походомъ въ Финляндію, гдѣ

съ 1242 года стали утверждаться Шведы, построивъ укрѣпленный замокъ Тавастгусъ. Вотъ здѣсь, въ Финляндіи, Александръ и рѣшилъ нанести Шведамъ рядъ тяжелыхъ ударовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показать и Финляндцамъ мощь Русскихъ.

Митрополитъ Кириллъ благословилъ Александра и его ратниковъ на продолжительные тяжелые подвиги и вернулся въ Русскую Землю; войска же наши, съ доблестнымъ своимъ княземъ, начали безпримѣрный по трудности походъ. «Бысть золъ путь»,—говоритъ лѣтописецъ,—«аки же не видали ни дня, ни ночи». Но могучая воля Александра и самоотверженность его сподвижниковъ преодолѣвали всѣ трудности. Двигаясь постоянно въ сумеркахъ зимняго дня, почти ощупью, терпя недостатокъ

263. Развалины древней Крѣпости въ Копорьѣ.

Картина художника Кондратенко.

во всемъ, войско наше шло безостановочно впередъ, и Александръ прошелъ по Финляндіи—«какъ Божія гроза изъ края въ край».

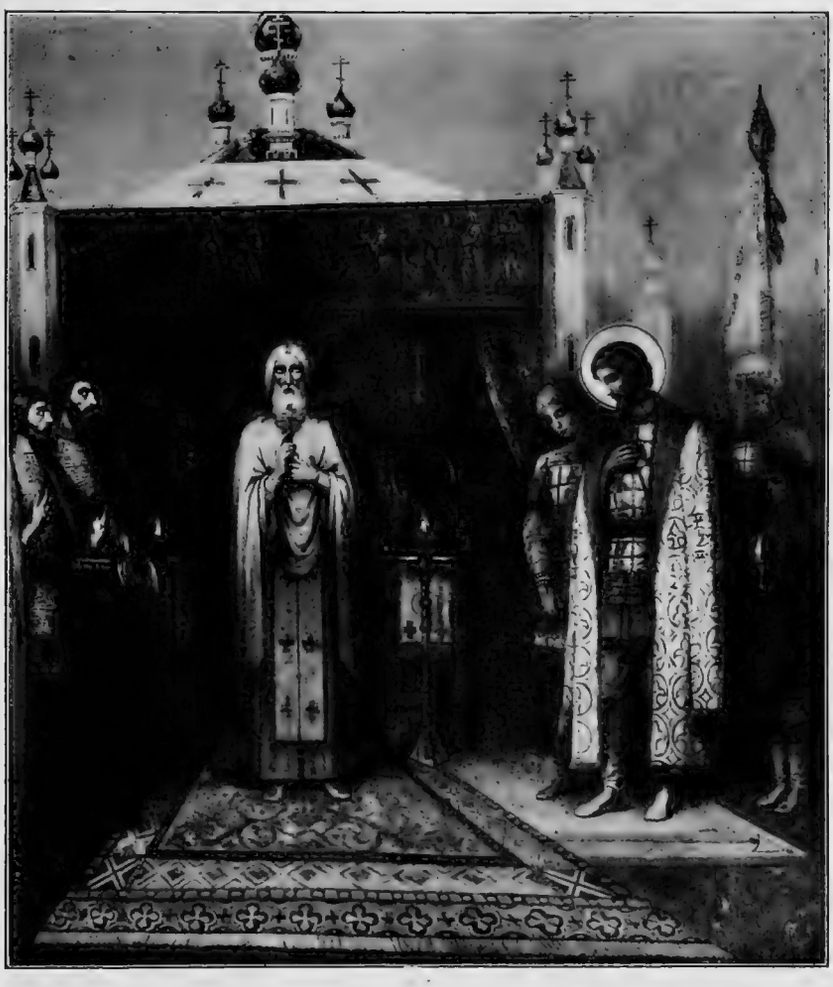
Этотъ походъ навелъ такой страхъ на Шведовъ, что только тридцать семь лѣтъ спустя они осмѣлились вновь начать враждебныя дѣйствія противъ Русскихъ.

По возвращеніи изъ тяжелаго Финляндскаго похода, Александру пришлось снова отправиться въ Волжскую Орду, гдѣ опять произошли большія перемѣны: Сартакъ былъ убитъ дядей своимъ Берки, который, согласно воли великаго хана, объявилъ себя преемникомъ умершаго Батыя и поручилъ вѣдать Русскою Землею своему вельможѣ Улавчію.

Повидимому, Александръ провѣдалъ, что Улавчій собирается послать въ наши предѣлы отрядъ Татаръ для составленія переписи и сбора дани; въ виду этого онъ и поспѣшилъ въ Орду, неся богатые дары для отвра-

щенія посылки Татарскаго отряда, такъ какъ хорошо зналъ, по уже бывшимъ при Батыѣ примѣрамъ, какъ производятъ такіе отряды переписи.

«Батый»,—разсказываетъ Плано-Карпини,—«прислалъ на Русь *) для сбора дани своего довѣреннаго вельможу—баскака, который у каждаго отца семейства, имѣвшаго трехъ сыновей, бралъ одного, захватывалъ всѣхъ



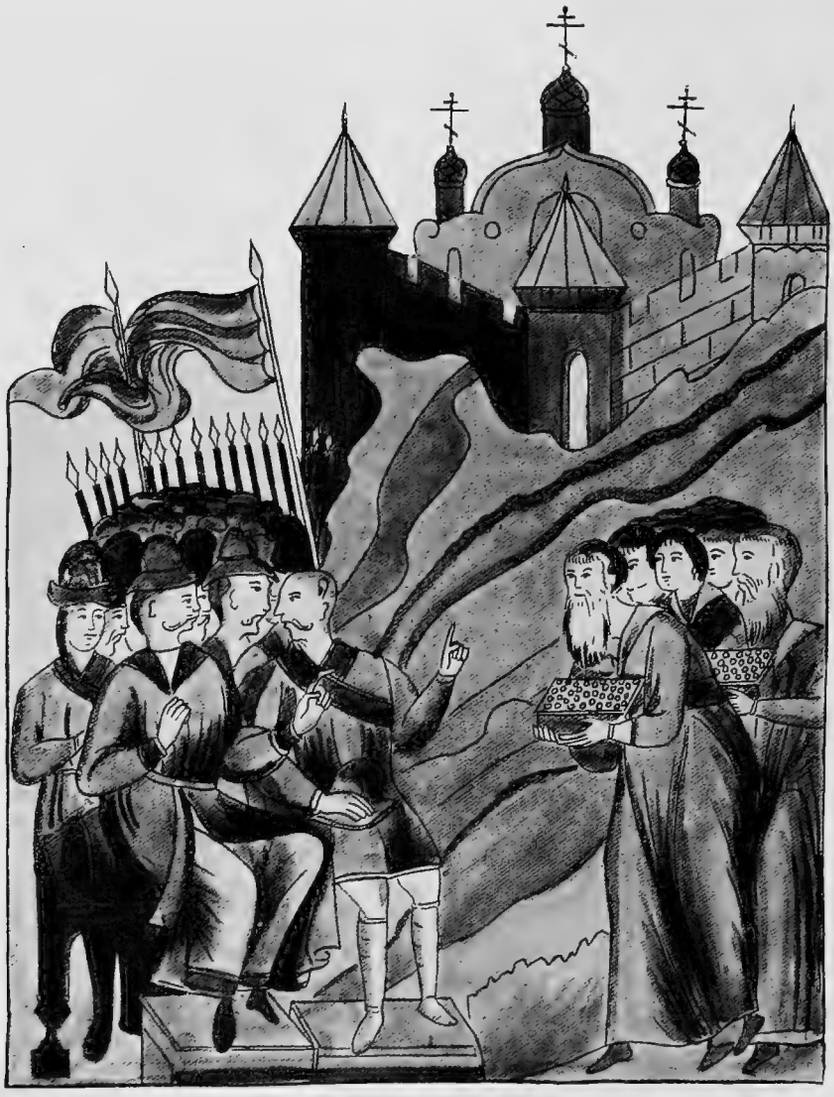
264. Митрополитъ Кириллъ благословляетъ у походной церкви-шатра въ Копорьѣ Александра Невскаго и его славную рать на тяжелый походъ въ Финляндію.

Стѣнопись художника Серебрякова въ Александро-Невской церкви Училищнаго Совѣта Святѣйшаго Правительствующаго Сунода въ С.-Петербургѣ.

неженатыхъ мужчинъ и женщинъ, не имѣвшихъ мужей, также всѣхъ нищихъ; остальныхъ же перечислилъ, по Татарскому обычаю, и обложилъ данью; каждый мужчина, какого бы онъ ни былъ состоянія, обязанъ былъ платить по мѣху—медвѣжьему, бобровому, соболиному, хорьковому и лисьему; кто не могъ заплатить, того отдавали въ рабство».

*) Очевидно, Карпини говоритъ про Кіевскую и Черниговскую Земли.

Въ Ордѣ Александръ достигъ весьма многаго, а именно: внутреннее управленіе дѣлами въ Русской Землѣ и право вести съ кѣмъ угодно войну и заключать миръ было оставлено за князьями. Конечно, это имѣло громаднѣйшее значеніе на всѣ судьбы нашей Родины и дало возможность Рус-



265. „Великому же граду Владимеру уже взяту бывшу, в нем же все Православное Христіанство избіени быша и по различнымъ странамъ и землямъ расточени быша... начаша дань дяти, елико хотятъ поганіи".

Изъ Житія Святой Ефросиніи Суздальской.

скимъ людямъ собраться съ силами, чтобы освободиться отъ позорнаго Татарскаго ига.

Но отклонить пріѣздъ Татарскихъ чиновниковъ, для производства поголовной переписи, Александру не удалось, и по его возвращеніи домой—пріѣхали и Татары въ Суздальскую, Рязанскую и Муромскую Земли, сосчитали всѣхъ жителей и поставили надъ ними для сбора дани—десятни-

ковъ, сотниковъ и тысячниковъ; только лица духовнаго званія были освобождены отъ ея уплаты.

Скоро Александру пришлось опять отправиться къ Улавчію, чтобы отвратить новую бѣду, которая грозила Русской Землѣ, такъ какъ послѣдній настоятельно требовалъ, чтобы и Новгородцы также платили поголовную дань, а Александръ зналъ, что они отъ этого откажутся.

Однако, Александру не удалось отговорить Улавчія не брать дани съ Новгородцевъ; тогда, страшась, что буйные Новгородцы могутъ раздражить Татарскихъ сборщиковъ и тѣмъ, конечно, вызвать новое нашествіе варваровъ, которые опустошатъ все великое княжество Владимірское, прежде чѣмъ доберутся до Новгородцевъ, онъ самъ отправился съ ханскими сборщиками въ Новгородъ, разсчитывая при этомъ, что, находясь на мѣстѣ, онъ будетъ въ состояніи своимъ личнымъ вліяніемъ сейчасъ же улаживать всѣ могущія возникнуть недоразумѣнія съ Татарами. Это было въ 1257 году.

266. „А татарове начаша просити дани, и не яшася по то Новгородцы;.. а Михалка посадника убиша, также и другого посадника Михалка убиша, а Онанія посадникъ преставися"

Изъ Царственнаго Лѣтописца.

Однако, и извѣстіе, что Александръ лично ѣдетъ со сборщиками дани, не подѣйствовало на Новгородцевъ. Ихъ лучшіе люди поняли, что надо безпрекословно покориться Татарамъ, но не такъ думала толпа и тѣ люди, которые подучали ее; скоро въ городѣ вспыхнулъ мятежъ, и убили двухъ посадниковъ; сынъ же Александра, пылкій и юный Василій, продолжавшій сидѣть здѣсь на княженіи, объявилъ, подстрекаемый крамольными совѣтниками, что не хочетъ повиноваться отцу, который ведетъ съ собой оковы и стыдъ для вольныхъ людей, и выѣхалъ изъ Новгорода.

Въ это время, какъ разъ, пріѣхалъ Александръ съ Татарскими послами. Новгородцы объявили имъ, что не хотятъ повиноваться хану и, наотрѣзъ отказавшись платить дань, отправили ихъ обратно въ Орду, сдѣлавъ, впрочемъ, этимъ посламъ подарки.

Предвидя страшную месть со стороны Татаръ, грозившую прежде всего обрушиться не на Новгородъ, а на ни въ чемъ неповинный Суздальскій край, по которому они пройдутъ, Александръ поспѣшилъ самъ сурово наказать заводчиковъ мятежа и главныхъ изъ нихъ казнилъ отсѣченіемъ руки, или лишеніемъ глазъ и другихъ членовъ. Разумѣется, онъ прибѣгнулъ къ этимъ, необычнымъ въ Русской Землѣ, казнямъ только для того, чтобы, въ случаѣ надобности, показать казненныхъ Татарамъ и убѣдить послѣднихъ, что виновные были тотчасъ же наказаны; если же бы онъ казнилъ ихъ лишеніемъ жизни, то, не зная никого въ Новгородѣ, Татары, по пріѣздѣ туда, могли этому и не повѣрить.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта пора въ жизни Александра была для него самая безотрадная; даже родной сынъ не понялъ его и возсталъ противъ отца; конечно, ему было крайне тяжело прибѣгать и къ указаннымъ жестокимъ казнямъ, и только въ сознаніи ихъ полной необходимости для блага всей Русской Земли—могъ онъ находить себѣ нравственную поддержку.

Дѣйствительно, благодаря принятымъ Александромъ рѣшительнымъ мѣрамъ, ханъ удовольствовался его объясненіями и увѣдомленіемъ, что Новгородцы рѣшили покориться новымъ владыкамъ Русской Земли, и хотя затѣмъ прошелъ слухъ, приведшій всѣхъ въ ужасъ, что на Новгородъ идутъ грозныя полчища Татаръ, сюда, на самомъ дѣлѣ, прибыло въ 1259 году только два Татарскихъ чиновника со своими семьями и съ подручными людьми для переписи и сбора дани.

Скоро, однако, Новгородцы, непривыкшіе къ наглости Татаръ, возмутились опять, и перепуганные ханскіе посланные стали просить у Александра охраны. Онъ немедленно приставилъ къ нимъ сына посадника и боярскихъ дѣтей, которые стерегли ихъ день и ночь, но мятежъ все-таки не утихалъ. Тогда Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Татарскими сборщиками изъ города и объявилъ, что предаетъ его гнѣву хана, а самъ навсегда ѣдетъ во Владиміръ. Это, наконецъ, подѣйствовало и народъ согласился принять переписчиковъ. Татары ѣздили изъ улицы въ улицу и всѣхъ переписывали. И безмолвіе и скорбь царили въ гордомъ городѣ.

Послѣ благополучнаго отъѣзда изъ Новгорода нагруженныхъ данью Татаръ, отбылъ изъ него и Александръ, оставивъ здѣсь своего сына Димитрія. Онъ отправился прежде всего въ Ростовъ—отдохнуть отъ своихъ тяжкихъ трудовъ; здѣсь, въ Ростовѣ, проживала всѣми глубокочтимая княгиня Марія Михайловна, дочь замученнаго въ Ордѣ Михаила Черниговскаго и вдова замученнаго же въ Шернскомъ лѣсу Василька Константиновича. Ея сыновья—Борисъ и Глѣбъ, были очень преданы Александру и болѣе другихъ понимали его. Въ Ростовѣ же онъ долженъ былъ встрѣтиться

съ епископомъ Кирилломъ. Изъ Ростова Александръ отбылъ къ себѣ во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ онъ продолжалъ усердно заниматься дѣлами своего великаго княжества и укрѣпленіемъ дружескихъ отношеній съ Ордою. Онъ постоянно отправлялъ туда огромныя деньги для выкупа плѣнныхъ и на подарки ханскимъ чиновникамъ.

Въ 1261 году ему удалось устроить въ Ордѣ большое дѣло: ему разрѣшили учредить Православную епархію въ самой ханской столицѣ—Сараѣ, что, конечно, было великимъ утѣшеніемъ для многочисленныхъ Русскихъ плѣнниковъ.

267. „Того же лѣта преосвященный Кирилъ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, постави въ Сарай Митрофана епископомъ".

268. „Тогда же убиша въ Ярославлѣ и Изосиму отступника, иже отвергшеся христіанскія вѣры и иночества".

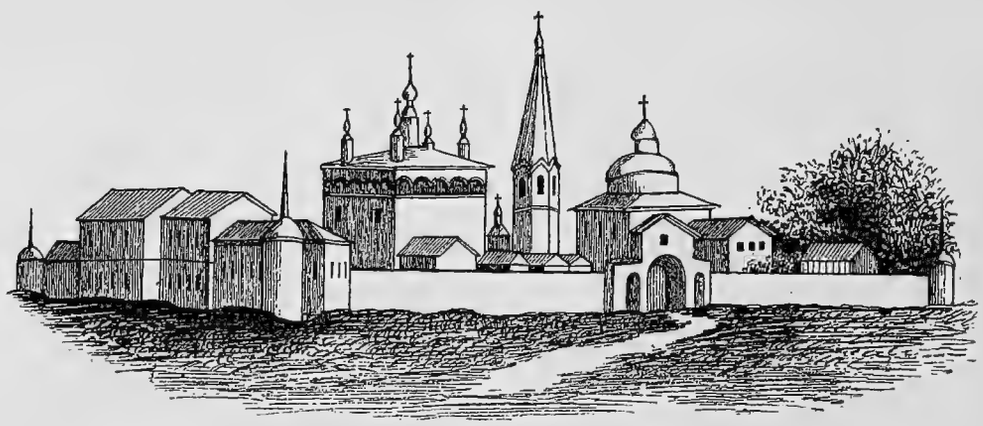
Первымъ Сарайскимъ епископомъ былъ преосвященный Митрофанъ; и, несомнѣнно, какъ ему, такъ и митрополиту Кириллу, самотверженно лично ѣздившему въ Орду, Русскіе люди были обязаны тѣмъ, что Святая наша вѣра начала скоро пользоваться величайшимъ уваженіемъ среди Татаръ; нѣкоторыя ханши стали исповѣдывать христіанство, а племянникъ хана Берке даже тайно бѣжалъ въ Ростовъ, крестился здѣсь, при чемъ былъ нареченъ Петромъ, и впослѣдствіи за свою праведную жизнь былъ причтенъ къ лику Святыхъ.

Сравнительно спокойная жизнь Александра во Владимірѣ продолжалась недолго. Въ 1262 году, въ нашихъ предѣлахъ появились новые пришельцы. То были «бессермены»—мусульманскіе и жидовскіе купцы изъ

средней Азіи, которые откупили у Татаръ право собирать дань съ Русской Земли, и стали собирать ее такъ, что и до сихъ поръ слово «басурманъ» считается браннымъ. Эти проклятые «бессермены» особенно хитро опутывали неопытныхъ людей громадными ростами или процентами за невнесенную во время дань и затѣмъ въ большомъ количествѣ продавали своихъ должниковъ. Наконецъ, Русскіе люди не выдержали и во многихъ городахъ стали, при звукахъ вѣчевыхъ колоколовъ, изгонять бессерменъ, при чемъ нѣкоторыхъ и убивали; убитъ былъ тогда также и отступникъ монахъ Зосима, перешедшій въ магометанство и утѣснявшій Православный народъ; тѣло его было брошено на съѣденіе псамъ.

Конечно, эта расправа съ бессерменами должна была вызвать сильнѣйшее негодованіе въ Ордѣ.

Александръ въ это время готовился выступить противъ Ливонскихъ рыцарей, но, узнавъ объ избіеніи бессерменъ, поручилъ вести войска про-



269. Ѳеодоровскій монастырь въ Волжскомъ Городцѣ.

тивъ Нѣмцевъ сыну своему Димитрію, который скоро взялъ приступомъ Юрьевъ и заключилъ съ Нѣмцами выгодный миръ; самъ же онъ рѣшилъ ѣхать въ Орду, отклонить отъ Русской Земли новое вражеское нашествіе за изгнаніе бессерменъ.

Несомнѣнно, онъ ѣхалъ туда почти на вѣрную смерть, такъ какъ ханъ Берке, получивъ извѣстіе объ избіеніи бессерменъ, пришелъ въ ярость и рѣшилъ двинуть въ наши предѣлы 300.000 своихъ войскъ, собранныхъ для похода въ Персію.

Однако, милосердный Господь помогъ Александру и на этотъ разъ спасти свою Родину отъ гибели. Въ Волжской или Кипчакской Ордѣ происходили въ это время великія несогласія. Одинъ изъ главныхъ Татарскихъ воеводъ—Ногай—отложился отъ хана и образовалъ независимую Орду на берегахъ Чернаго моря, послѣ чего вступилъ въ союзъ съ Греческимъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ, который въ 1261 году изгналъ Латинянъ изъ Царьграда и возстановилъ Византійскую имперію; этотъ

Палеологъ, вступивъ въ союзъ съ Ногаемъ, не устыдился выдать за него свою дочь.

Что же касается хана Берке, то онъ внезапно умеръ, и Александръ, проживъ около года въ Ордѣ, повелъ дѣло съ новымъ ханомъ Менгу-Тимуромъ такъ искусно, что послѣдній не только простилъ мятежъ противъ бессерменъ, но и освободилъ Русскихъ отъ обязанности давать свои войска для участія въ походахъ Татаръ, чего настоятельно требовалъ ханъ Берке.

Эта четвертая поѣздка въ Орду была послѣднимъ земнымъ подвигомъ Александра.

270. Кончина Александра Невскаго. „Смиренный схимникъ Алексій открылъ глаза и кротко произнесъ: Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью".

Стѣнопись М. В. Нестерова въ Александро-Невской церкви въ Аббасъ-Туманѣ.

Возвращаясь домой, онъ заболѣлъ въ пути и пріѣхалъ въ Нижній, уже изнемогая отъ слабости; оправившись немного, онъ продолжалъ путешествіе, но въ Волжскомъ Городцѣ слегъ окончательно въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ.

Чувствуя приближеніе конца своей многотрудной жизни, Александръ сталъ просить о постриженіи его въ иночество, съ именемъ Алексія.

«Горе тебѣ, бѣдный человѣче, како можеши написати кончину господина своего, великаго князя Александра Ярославовича»?—восклицаетъ лѣтописецъ. «Какъ не испадета зѣници твои вкупѣ со слезами? Како ли не разсѣдеся сердце твое отъ многыя тугы? Отца бо человѣкъ можетъ забыти, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ». Въ келіи, гдѣ лежалъ

умирающій, собрались братія и всѣ близкіе ему люди. Слыша громкія рыданія вѣрныхъ слугъ вокругъ своего смертнаго одра, смиренный схимникъ Алексій открылъ глаза и кротко произнесъ: «Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью», затѣмъ онъ еще разъ открылъ свои очи, орошенные слезами, и сподобился причаститься Святыхъ Таинъ, послѣ чего сейчасъ же отдалъ Господу свою свѣтлую душу, на сорокъ пятомъ году земной жизни. Это было 14 ноября 1263 года, въ день памяти Святого апостола Филиппа. Вотъ какъ описываетъ блаженную кончину Александра извѣстный Русскій писатель Аполлонъ Николаевичъ Майковъ:

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсячъ—два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вкругъ него,
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ-жъ игуменской зрѣлище скорби и слезъ.

* * *

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ,
Тихъ и недвиженъ лежитъ головой къ образамъ
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды, ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.

* * *

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ просіялъ надъ его головой—
Чудной лицо озарилось красой,
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело—
И, зарыдавъ, возгласилъ: «Наше солнце зашло!»

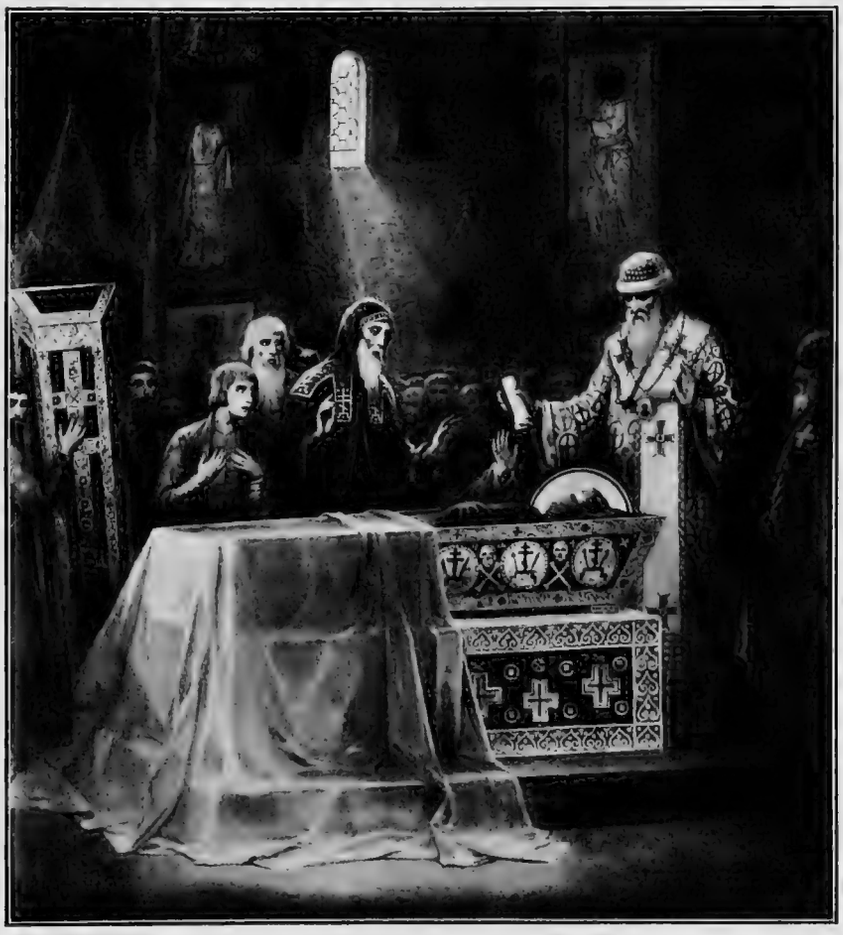
Въ то время, когда Александръ оканчивалъ свою жизнь въ Волжскомъ Городцѣ, его вѣрный другъ и сподвижникъ, митрополитъ Кириллъ, гостилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Служа въ соборномъ храмѣ обѣдню и, безъ сомнѣнія, горячо молясь о благополучномъ возвращеніи великаго князя изъ Орды, святитель внезапно поднялъ свой взоръ вверхъ и увидѣлъ, что передъ нимъ, какъ живой, стоитъ Александръ, но озаренный неземнымъ сіяніемъ, а затѣмъ тихо, какъ бы вознесясь на крыльяхъ, скрылось изъ глазъ Кирилла «подобіе образа блаженнаго великаго князя Александра». Митрополитъ понялъ, что не стало великаго защитника и печальника за Родину.

«Зашло солнце Земли Русской»,—проговорилъ онъ сквозь слезы съ амвона. Но никто не могъ понять значенія этихъ словъ.

Тогда Кириллъ, прерывая слова рыданіями, громко произнесъ: «Чада моя милая, знайте, что нынѣ благовѣрный князь великій Александръ

преставился»... Ужасъ охватилъ всѣхъ при этихъ словахъ. Раздались вопли скорби и отчаянія. «Погибаемъ!»—воскликнули всѣ единодушно.

Скоро опустѣлъ весь стольный городъ Владиміръ; духовенство, бояре и народъ, несмотря на жестокій морозъ, вышли къ Боголюбову встрѣтить драгоцѣнный прахъ своего великаго князя, а 23 ноября состоялось торжественное отпѣваніе въ соборномъ храмѣ.



271. „... блаженный князь, „яко живъ", самъ простеръ руку, чтобы принять „свитокъ грѣховъ прощенія"...

Стѣнопись художника Серебрякова въ Александро-Невской церкви Уч. Сов. Св. Прав. Сунода въ С.-Петербургѣ.

Когда инокъ Севастьянъ, приблизившись къ гробу, хотѣлъ было разогнуть руку усопшаго, чтобы митрополитъ могъ вложить въ нее грамоту душевную, то блаженный князь, «яко живъ», самъ простеръ руку, чтобы принять «свитокъ грѣховъ прощенія», и затѣмъ снова сложилъ крестообразно руки на груди. Это чудо глубоко поразило всѣхъ присутствующихъ.

Затѣмъ тѣло было положено въ соборной церкви иноческой обители Рождества Богородицы.

Говорить о земныхъ заслугахъ Александра передъ Родиной излишне. Онѣ навѣки запечатлѣны въ сердцахъ всѣхъ истинно Русскихъ людей и преемственно передаются отцами своимъ дѣтямъ въ то время, когда они начинаютъ учить ихъ молиться Богу и любить своего Государя и Родину.

О многочисленныхъ же чудесахъ при мощахъ Святого Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго и о ихъ перенесеніи Петромъ Великимъ въ Петербургъ будетъ говориться въ послѣдующихъ «Сказаніяхъ о Русской Землѣ».

Скоро послѣ Александра Невскаго сошелъ въ могилу и Даніилъ Романовичъ Галицкій. Когда онъ вернулся домой отъ Батыя съ ханскимъ пожалованіемъ, то король Венгерскій и Поляки стали наперерывъ искать его дружбы, такъ какъ Даніилъ, конечно, сталъ имъ страшенъ пріобрѣтенными связями съ Татарами. Но самъ Даніилъ не могъ забыть «злой чести Татарской» и всѣхъ униженій, вытерпѣнныхъ имъ въ Ордѣ, и рѣшилъ искать сближенія съ Западомъ, чтобы имѣть себѣ союзниковъ для борьбы съ Монголами.

272. Святой великій князь Александръ Ярославовичъ Невскій.

По Титулярнику.

Онъ вошелъ въ сношенія съ папой, при чемъ былъ поднятъ вопросъ о переходѣ его и всего Галицкаго народа подъ власть послѣдняго, если папа соберетъ достаточно большое количество войскъ противъ Татаръ; при этомъ Даніилъ настаивалъ, чтобы былъ собранъ Вселенскій соборъ для обсужденія вопроса о примиреніи Православной и Латинской вѣры, а папа, соглашаясь на это, проклялъ въ своемъ посланіи всѣхъ католиковъ, которые будутъ хулить Православіе до созыва собора. Но какъ со стороны Даніила не было искренняго желанія признать папу главой церкви, такъ и со стороны папы обѣщанія собрать войска и созвать Соборъ были тоже только искусной уловкой, или, какъ говорятъ, *политикой*, съ цѣлью переманить въ Латинство Даніила со всѣми его подданными. Къ тому же, увлеченіе на Западѣ крестовыми походами прошло, и на призывъ папы никто и не думалъ собираться идти противъ Татаръ.

Тогда хитрый Иннокентій Четвертый вздумалъ прельстить Даніила присылкой королевскаго вѣнца; но тотъ разумно отвѣчалъ на это: «Требую войска, а не вѣнца, украшенія суетнаго, пока варвары господствуютъ надъ нами». Однако, уступая настояніямъ матери и вельможъ, Даніилъ принялъ вѣнецъ, но скоро прекратилъ сношенія съ папой, убѣдившись, что помощи отъ него не будетъ, и сталъ самъ готовиться къ борьбѣ съ Татарами, дѣятельно укрѣпляя свои города. Затѣмъ онъ напалъ на ханскаго темника Куремсу, отличавшагося отсутствіемъ способностей, и нѣсколько разъ билъ Татарскіе отряды, чѣмъ стяжалъ себѣ громкую славу у сосѣдей и распространилъ свое вліяніе какъ въ Польшѣ и Венгріи, такъ и въ Литвѣ.

Но эти успѣхи надъ Татарами были непрочны: въ 1261 году на смѣну бездарнаго Куремсы явился умный и дѣятельный Бурундай, и все быстро перемѣнилось. Бурундай потребовалъ, чтобы были срыты всѣ крѣпости, и Даніилъ, убѣдившись, что сопротивленіе невозможно, долженъ былъ этому подчиниться; только одинъ Холмъ былъ спасенъ благодаря хитрости брата Даніила—Василька. Уничтоживъ крѣпости, Татары рѣшили разсорить Даніила и съ его союзниками. «Ты нашъ другъ», объявили они ему,—«пойдемъ съ твоими войсками наказывать нашего врага, Венгерскаго короля». Даніилъ долженъ былъ послать свои войска воевать противъ союзныхъ Венгровъ. Затѣмъ Татары ему сказали: «Ты нашъ другъ, пойдемъ воевать нашего врага, Литовскаго князя», также союзника Даніила. И вотъ Даніилъ долженъ идти и на этого союзника. То же дѣлалось и по отношенію къ Польшѣ. Конечно, Даніилъ не могъ долго переносить такихъ страданій и умеръ въ 1264 году.

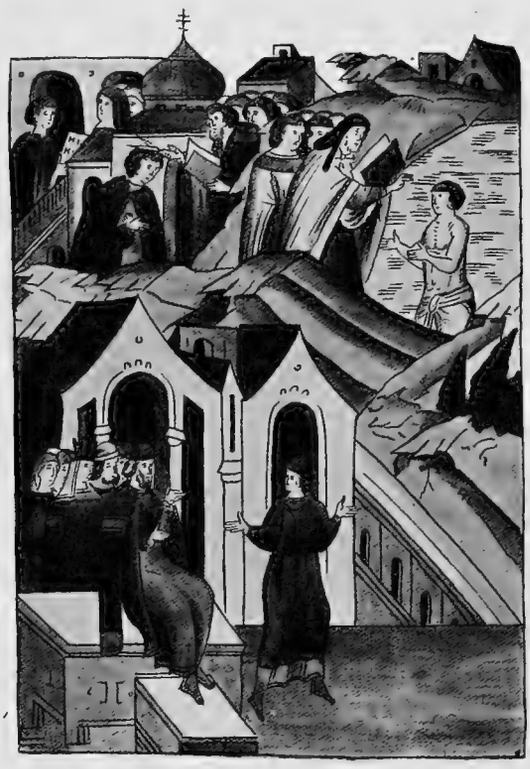
273. Папа Иннокентій Четвертый.

Изъ Латинской книги XVIII вѣка „Изображенія Святѣйшихъ Папъ".

Неудача, постигнувшая доблестнаго Даніила по отношенію Татаръ, ясно показываетъ, насколько проницательно и мудро относительно нихъ было поведеніе Александра Невскаго, сразу понявшаго, что спасти свою Родину можно было въ его время только безусловнымъ подчиненіемъ нашимъ новымъ владыкамъ.

Кромѣ этой единственной ошибки по отношенію Татаръ, вся остальная дѣятельность Даніила была необыкновенно цѣлесообразна и плодотворна для своей Земли. Онъ до смерти сохранилъ юношескую отвагу и въ своихъ безчисленныхъ походахъ всегда ходилъ во главѣ войска. Послѣ

Монгольскаго нашествія онъ быстро вновь привелъ своими неустанными заботами Галицкую и Волынскую Земли въ цвѣтущее состояніе, усилилъ торговлю и промышленность и обстроилъ много городовъ; при этомъ, однако, за недостаткомъ Русскихъ, онъ населялъ свои города Нѣмцами, Армянами, Поляками и Жидами, что впослѣдствіи сильно отразилось на судьбахъ края, который, какъ мы увидимъ, менѣе чѣмъ черезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ его кончины, былъ раздѣленъ между Венграми, Поляками и Литовцами.



274. „У того же великаго князя Миндовга бѣ сынъ именемъ Вошлегъ, иже преже вся оставивъ: и отца, и матерь, и княженіе, и вся сущая, и иде въ Синайскую гору, и крестися и научися грамотѣ... и пребысть тамъ десять лѣтъ"...

Одновременно съ Даніиломъ Романовичемъ окончилъ свой земной путь и Миндовгъ, первый собиратель Литвы. Образованіе двухъ сильныхъ Нѣмецкихъ орденовъ съ одной стороны, а съ другой—бѣдственное для Руси нашествіе Татаръ, должны были привести къ тому, что Литовцы, отступая передъ болѣе сильнымъ врагомъ, Нѣмцами, направляли свои силы на покореніе Русскихъ пограничныхъ владѣній, обезсиленныхъ Татарами и внутренними усобицами.

Плано-Карпини, въ своемъ разсказѣ о поѣздкѣ въ 1246 году въ Орду, говоритъ, что Литовцы послѣ нашествія Батыя безнаказанно опустошали Русскія области.

Какъ нельзя болѣе подходилъ по своему душевному складу, для направленія дѣятельности всѣхъ Литовскихъ племенъ, Миндовгъ, ихъ первый собиратель: хитрый, жестокій и умный варваръ; онъ всегда вѣрно оцѣнивалъ положеніе дѣлъ, не разбиралъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей и не останавливался ни передъ какимъ злодѣйствомъ. Мы видѣли, что когда ему пришлось круто со стороны рыцарей, онъ прибѣгнулъ къ покровительству папы, принялъ Латинство и получилъ королевскій вѣнецъ; когда же надобность въ папѣ прошла, то онъ опять сталъ язычникомъ, а затѣмъ, разбивъ Нѣмцевъ, торжественно принесъ въ жертву своимъ богамъ рыцаря, сжегши его на кострѣ вмѣстѣ съ конемъ. Наконецъ, видя возрастающую силу Даніила Романовича, Миндовгъ, чтобы пріобрѣсти его дружбу, уступилъ ему часть захваченныхъ Русскихъ Земель и выдалъ свою дочь за сына Даніилова—Шварна; при этомъ, собственный его сынъ Воишелгъ, возбуждавшій у современниковъ

ужасъ своею свирѣпой жестокостью, крестился и даже постригся потомъ въ монахи.

Ведя дѣла съ чрезвычайнымъ искусствомъ, Миндовгъ постепенно распространилъ свою власть на сѣверо-востокъ по Двинѣ—въ предѣлахъ Полоцкаго княжества, захвативъ и часть Смоленскаго, а на юго-западъ—на страну рѣки Припети—Пинскъ и Туровъ.

Дальнѣйшее собираніе имъ Русскихъ и Литовскихъ Земель было остановлено внезапной смертью. Овдовѣвъ, Миндовгъ вызвалъ къ себѣ сестру своей покойной жены, бывшую замужемъ за однимъ изъ Литовскихъ князей—Довмонтомъ, и насильно оставилъ ее у себя.

Тогда Довмонтъ, мстя по языческому обычаю за свою обиду, убилъ Миндовга вмѣстѣ съ двумя его сыновьями. Это было въ 1263 году.

275. Шлемъ Святого Александра Невскаго.

Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

276. Пелена, шитая вдовою великаго князя Симеона Гордаго въ 1389 году.

Хранится въ музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Русская Земля при братьяхъ и сыновьяхъ Александра Невскаго. Удѣльный порядокъ. Святой Довмонтъ-Тимоѳей. Раковорская битва. Церковный соборъ 1274 года. Первые Московскіе князья. Борьба Москвы съ Тверью. Святой Петръ. Іоаннъ Калита. Гедиминъ. Симеонъ Гордый. Подвиги Сергія Радонежскаго. Іоаннъ Добрый. Начало княженія Димитрія Іоанновича. Ольгердъ и Кейстутъ. Поѣздка Димитрія въ Орду. Олегъ Рязанскій. Мамай. Общій походъ противъ Татаръ. Куликовская битва. Нашествіе Тохтамыша. Ушкуйники. Завѣщаніе Димитрія Донского и его кончина. Ягайло и Ядвига. Чудесное посѣщеніе Божіей Матерью Святого Сергія Радонежскаго. Его ученики. Состояніе Русской Земли ко времени кончины Димитрія Донского.

МИТРОПОЛИТЪ Кириллъ, провозглашая съ амвона о кончинѣ Александра Невскаго словами: «закатилось солнце Земли Русской», какъ нельзя болѣе вѣрно опредѣлилъ положеніе дѣлъ въ Русской Землѣ, наступившее послѣ смерти ея великаго защитника и печальника.

Его преемники на великомъ княженіи Владимірскомъ были обыкновенными грѣшными людьми, обуреваемыми страстями; они, конечно, не могли нести самоотверженный подвигъ служенія Родинѣ такъ, какъ его несъ Александръ; наоборотъ, взаимные счеты и соперничество съ братіей имѣли среди нихъ первенствующее значеніе. Такъ было при братьяхъ Нев-

скаго—Ярославѣ Тверскомъ, наслѣдовавшемъ послѣ него великое княженіе и умершемъ въ 1272 году, и при Василіи Костромскомъ, занимавшемъ великокняжескій столъ съ 1272 года по 1276 годъ.

Еще хуже пошли дѣла при преемникахъ Василія—старшихъ сыновьяхъ Александра Невскаго, при Димитріи Переяславскомъ и при Андреѣ Городецкомъ, выступившихъ соискателями на великое княженіе послѣ смерти дяди Василія. Между ними не замедлила возникнуть продолжительная и кровавая борьба, въ которой нѣсколько разъ принимали участіе и Татары; они приходили поддерживать Андрея и при этомъ сильно опустошали всю Землю.

Вообще, время великаго княженія Андрея, продолжавшееся до 1304 года, было одно изъ самыхъ безотрадныхъ въ жизни Русской Земли.

Послѣ покоренія нашей Родины Татарами, наибольшее значеніе и самостоятельность сохранила за собой Сѣверо-Восточная Русь, конечно, благодаря великимъ трудамъ Александра Невскаго. Но, тѣмъ не менѣе, полученіе великокняжескаго Владимірскаго стола зависѣло уже исключительно отъ нашихъ новыхъ владыкъ; кто изъ князей былъ въ состояніи истратить въ Ордѣ больше денегъ на подкупъ ханскихъ вельможъ, тотъ и могъ разсчитывать получить ярлыкъ на великое княженіе.

Разумѣется, это повело къ сильному ослабленію родового единства между князьями. Ослабленію этому очень способствовало и то обстоятельство, что очередной порядокъ владѣнія Землей, съ послѣдовательной перемѣной столовъ, уже окончательно замѣнился въ Сѣверо-Восточной Руси вотчиннымъ или удѣльнымъ порядкомъ; удѣлы уже составляли полную собственность извѣстной княжеской семьи; по смерти отца, владѣнія его переходили не къ брату, а къ дѣтямъ, и дѣлились между ними; это, разумѣется, должно было вызвать сильное мельчаніе удѣловъ, при чемъ князья, въ нихъ сидѣвшіе, дѣлались все болѣе и болѣе чуждыми другъ другу, Вмѣстѣ съ тѣмъ, даже добившись великокняжескаго стола, князья уже не идутъ, послѣ Александра Невскаго, во Владиміръ, а присоединяютъ его къ своему княжеству и управляютъ имъ изъ своего удѣла; свои же отношенія къ другимъ князьямъ они опредѣляли каждый разъ особыми договорами, въ которыхъ подробно объяснялась степень зависимости одного князя отъ другого; часто, для заключенія этихъ договоровъ князья собирались на княжескіе съѣзды.

При этомъ, каждый князь, получивъ ярлыкъ на великое княженіе, добивался поставить отъ себя въ зависимость и Господина Великаго Новгорода, который, будучи расположенъ далѣе другихъ Земель отъ Татаръ и въ мѣстности трудно для нихъ доступной, крайне неохотно шелъ на то, чтобы участвовать со всѣми Русскими людьми въ несеніи тяжелаго Татарскаго ига; великіе же князья, принужденные платить огромную дань въ Орду, постоянно нуждались въ деньгахъ и, конечно, считали справедливымъ требовать, чтобы и богатый Новгородъ участвовалъ въ этихъ расходахъ.

Уже преемникъ Александра Невскаго, братъ его Ярославъ, велъ настолько ожесточенную борьбу съ Новгородомъ, что хотѣлъ даже призвать себѣ на помощь Татаръ, и только другой братъ его, Василій, успѣлъ откло-

277. „Того-же лѣта (1270) оклевѣтанъ бысть во ордѣ князь великій Рязанскій Романъ Олговичъ... Они же начаша нудити его къ вѣрѣ ихъ... Онъ же глаголоша: „христіанинъ есмь“... Они же отрѣзаша языкъ и заткоша уста его убрусомъ и начаша рѣзати его по суставомъ и метати раздно, персты всѣ обрѣзаша и у ногъ и у рукъ, и устнѣ и уши и прочая суставы разрѣзаша, и яко осташа трупъ единъ, они же одраща кожу отъ главы его и на копіе взоткнуша“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

нить эту бѣду отъ Новгорода. Та же борьба съ Новгородцами шла постоянно и у прочихъ великихъ князей.

Отношенія Татаръ къ Русской Землѣ по смерти Александра Невскаго продолжали быть крайне тяжелыми. Въ 1266 году умеръ ханъ Берке и «была

ослаба Руси отъ насилія Татарскаго»,—говоритъ лѣтописецъ; но въ 1275 году послѣдовала новая перепись населенія, конечно, съ величайшими насиліями, и насилія эти проявлялись Татарами при каждомъ удобномъ случаѣ, при чемъ они не стѣснялись производить ихъ и надъ нашими князьями.

Такъ, въ 1270 году, погибъ мученической смертью Рязанскій князь Романъ Ольговичъ, внучатый племянникъ Юрія Игоревича Рязанскаго, убитаго войсками Батыя, во время взятія ими Рязани, за вѣрность христіанской вѣрѣ. Этотъ Романъ Ольговичъ удерживалъ отъ насилій одного Татарскаго баскака при сборѣ дани, а тотъ пожаловался въ Орду, донося, что Романъ поноситъ Татаръ и ихъ вѣру. Тогда Романа вызвали въ Орду и тамъ предложили ему на выборъ: или отступиться отъ христіанства, или быть убитымъ. Романъ выбралъ послѣднее, и ханъ Менгу-Темиръ произнесъ надъ нимъ приговоръ: «Пусть умретъ мучительной смертью». Когда Романа привели на мѣсто казни, то ему прежде всего отрѣзали языкъ, такъ какъ онъ не переставалъ громко говорить о святости Христовой вѣры. Затѣмъ ему выкололи глаза, обрубили пальцы рукъ и ногъ, обрѣзали уши и губы, потомъ отсѣкли руки и ноги; когда же осталось одно туловище, но еще съ искрами жизни, то мучители содрали съ головы кожу, затѣмъ отрубили голову и воткнули ее на копье. Память Святого мученика Романа чтится нашей церковью 19 іюня.

278. „Левъ, князь наслѣдственный Южной Россіи, созидатель Львигорода 1270 г.“.

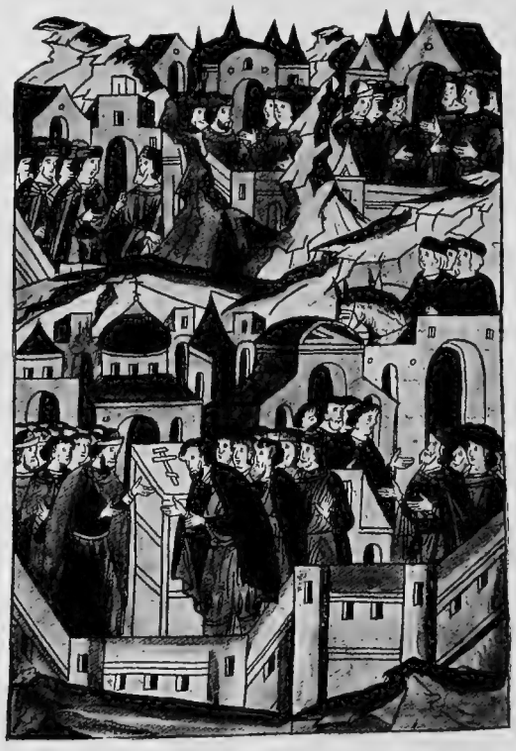
Надпись подъ стариннымъ изображеніемъ Льва Даніиловича, въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ.

Кромѣ частыхъ насилій со стороны Татаръ и постоянныхъ крупныхъ расходовъ по уплатѣ имъ дани, Русскіе люди, по смерти Александра Невскаго, должны были нести и другую тяжелую повинность, которую Александръ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ Ордѣ, сумѣлъ отклонить при своей жизни; Татары стали требовать отъ Русскихъ вспомогательныхъ отрядовъ для своихъ походовъ, и вотъ Русскія ополченія нашихъ Сѣверо-Восточныхъ Земель, подъ начальствомъ своихъ князей, покоряютъ Татарамъ Кавказскихъ Ясовъ и берутъ въ Южномъ Дагестанѣ городъ Дедяковъ, а затѣмъ помогаютъ имъ въ борьбѣ и съ Дунайскими Болгарами. Галицкіе же полки должны были, какъ мы видѣли, еще при Даніилѣ ходить на Венгровъ, Литву и Поляковъ.

Послѣ смерти Даніила Романовича, Галицкая Земля раздѣлилась между тремя его сыновьями—Львомъ, Мстиславомъ и Шварномъ, а Волынь осталась попрежнему за дядей ихъ—Василькомъ Романовичемъ.

Въ Литвѣ, послѣ убіенія Миндовга, сынъ его Воишелгъ вышелъ изъ монастыря и, объявивъ, что онъ на три года снимаетъ рясу, чтобы отомстить за отца, сталъ предаваться ужаснымъ жестокостямъ; однако, Домвонту, убившему Миндовга, удалось бѣжать съ дружиной во Псковъ. Удовлетворивъ, насколько было возможно, свое чувство мести, Воишелгъ удалился опять въ монастырь замаливать грѣхи, а всѣ свои владѣнія въ Литвѣ отдалъ Шварну Даніиловичу, женатому на его сестрѣ.

279. „Того же лѣта (1266) князь Литовскій Домантъ пріиде во Псковъ со всѣмъ родомъ своимъ и крестися и наречено бысть имя его Тимофей и посадиша его Псковичи у себя на княженіи"...



280. „И прислаша Нѣмцы послы своя... лестію глаголюще: „почто убо хощете всуе кровь проліати, намъ убо съ вами миръ и любовь... и аще хощете брань сътворяти, се суть Колыванцы и Раковорцы... и тако бискупи ихъ и Божіи дворяне целоваше къ нимъ (Новгородцамъ) крестъ и умиришася"...

Это возбудило неудовольствіе старшаго брата Шварна—Льва; онъ вызвалъ Воишелга изъ монастыря на свиданіе, а затѣмъ въ ссорѣ убилъ его. Вскорѣ послѣ этого умеръ бездѣтный Шварнъ, и Левъ хотѣлъ завладѣть послѣ него Литвою. Однако, это ему не удалось, такъ какъ Литовцы выбрали себѣ князя изъ своей среды—нѣкоего Тройдена, грубаго и свирѣпаго язычника. Послѣ Тройдена въ Литвѣ начались на нѣкоторое время большія смуты и усобицы.

Доблестный Василько Волынскій пережилъ своего горячо любимаго брата на двѣнадцать лѣтъ и умеръ въ 1276 году смиреннымъ монахомъ, близъ Львова (нынѣ Лембергъ), гдѣ онъ подвизался въ пещерѣ въ суровыхъ

подвигахъ. Ему наслѣдовалъ единственный сынъ его—Владиміръ-Іоаннъ; это былъ тоже замѣчательный князь. Отличаясь большой храбростью и страстью къ охотѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень набожнымъ и высокообразованнымъ человѣкомъ, за что и получилъ прозваніе Философа; много потрудившись на пользу своей Земли, послѣдніе годы своей жизни Владиміръ былъ тяжко боленъ гніеніемъ нижней челюсти и переносилъ свои страданія съ великимъ смиреніемъ; будучи бездѣтнымъ, онъ завѣщалъ свой столъ двою-

281. „И поидоша къ Роковору... и ту срѣтиша ихъ полки Нѣмецкіа во множествѣ силъ, яко песокъ: вся бо земля нѣмецкаа събралася".

282. Роковорская битва. „И бысть сѣча зла и кровь ліашеся аки вода и не могоша кони скакати, всюду бо бѣша мертвіи аки копны сворочяны лежаху. Мнози убо Новогородцы отъ желѣзныя свиньи избіени быша... И се внезаапу Господь Богъ и пречистаа Его Мати даде помощь Русскимъ княземъ"...

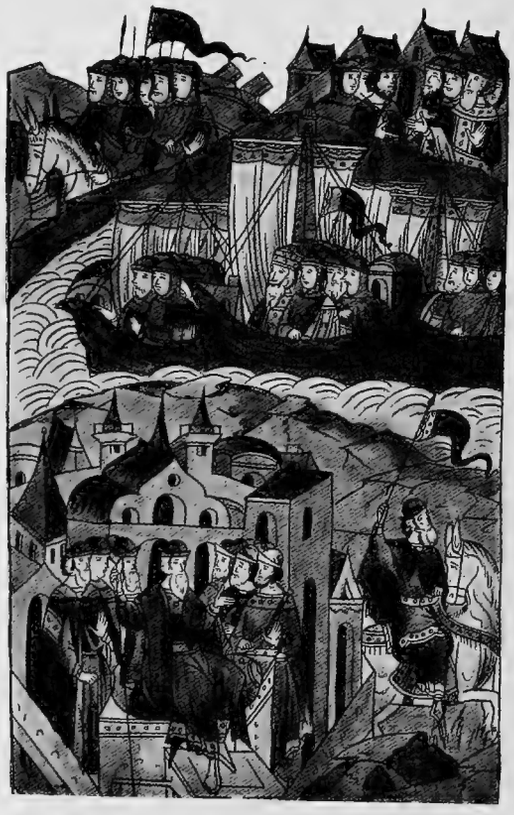
родному брату—Мстиславу Даніиловичу, а всѣ свои сосуды и вещи изъ золота и серебра перелилъ въ гривны и роздалъ бѣднымъ. Когда въ 1288 году, онъ умеръ во Владимірѣ Волынскомъ, то всѣ граждане, отъ мала до велика, провожали его въ могилу. Жиды и тѣ плакали. На похоронахъ вдова-княгиня причитала сквозь слезы: «Царь мой кроткій, смиренный, правдивый! въ правду назвали тебя въ крещеніи Іоанномъ, всякими добродѣтелями похожъ ты былъ на него: много досады принялъ ты отъ сродниковъ своихъ, но не видѣла я, чтобы ты отомстилъ имъ зломъ за зло».

Другимъ замѣчательнымъ княземъ на Руси въ это время былъ, укрывшійся во Псковѣ отъ мщенія Воишелга, Довмонтъ. Воспринявъ здѣсь кре-

щеніе съ именемъ Тимоѳея, онъ сталъ отличаться необыкновенной праведностью и ревностью къ Христовой вѣрѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прославилъ себя рядомъ блистательныхъ воинскихъ подвиговъ на защиту родины Святой Ольги противъ ея грозныхъ враговъ—Литовцевъ и Нѣмцевъ. Конечно, Псковичи души не чаяли въ своемъ храбромъ князѣ.

Одержавъ въ 1266 году славную побѣду надъ Литовцами на берегахъ

283. „Того же лѣта князь Псковской Довмонтъ иде ратью непроходимыми пути... и до моря, и поморіе повоева, и возвратися со многимъ полономъ во Псковъ".



284. „Местеръ же Рижскій удивися о мужествѣ и о храбрости князя Домонта Псковскаго и поиде ко Пскову ратью во многъ силѣ, въ кораблѣхъ, и въ лодіахъ, и на конехъ, и съ пороки"..

Западной Двины, Довмонтъ принялъ въ 1268 году участіе въ большомъ походѣ противъ Раковора или Везенберга, занятаго Датчанами. Походъ этотъ былъ предпринятъ по почину Новгорода и въ немъ, кромѣ Новгородцевъ и Псковичей съ Довмонтомъ, участвовали также и полки великаго князя Ярослава Ярославовича, пославшаго ихъ съ двумя своими сыновьями Передъ походомъ Новгородцы сыскали мастеровъ, умѣющихъ дѣлать стѣнобитныя орудія, и стали готовить пороки. Ливонскіе Нѣмцы, услышавъ объ этихъ приготовленіяхъ, отправили въ Новгородъ пословъ съ изъявленіемъ дружбы: «Намъ съ вами миръ»,—говорили послы,—«перевѣдывайтесь съ Датчанами-Колыванцами (Ревельцами)и Раковорцами (Везенбергцами), а мы къ нимъ не пристаемъ, на чемъ и крестъ цѣлуемъ» и, дѣйствительно,

цѣловали крестъ. Новгородцы, однако, этимъ не удовольствовались и послали въ Ливонію—привести къ кресту всѣхъ «бискуповъ и Божьихъ дворянъ (рыцарей)» и тѣ всѣ присягнули, что не будутъ помогать Датчанамъ

Но, несмотря на это крестное цѣлованіе, знаменитые и гордые своимъ благородствомъ Нѣмецкіе епископы и рыцари поступили съ нами самымъ безчестнымъ образомъ. Когда, 18 февраля 1268 года, Русскіе подходили къ Раковору, то вдругъ увидѣли Нѣмецкіе полки, которые стояли какъ лѣсъ дремучій, потому что собралась вся Земля Нѣмецкая, обманувши

285. „Слышавъ же то князь Домантъ Псковскій вниде въ церковь Святыя Троицы, и снемъ съ себя мечъ, и положи предъ святымъ алтаремъ, и падъ и начя молитися со слезами:... и игуменъ Сидоръ... вземъ мечъ и препоасаша его и благословивше отпустиша его".

286. „Того же лѣта (1299) пріидоша Нѣмцы ко Пскову изгономъ... и выиде на нихъ Домантъ князь Псковьскій... и избиша нѣмцевъ, а иніи изтопиша"...

Новгородцевъ ложной клятвой. Русскіе, однако, не испугались и, смѣло перейдя рѣку, отдѣлявшую ихъ отъ врага, построили свои полки для боя. Въ свою очередь и Нѣмцы выстроили «великую свинью», и скоро началась битва. «Было побоище страшное»,—говоритъ лѣтописецъ,—«какого не видѣли ни отцы, ни дѣды». Наконецъ, Русскіе сломили Нѣмцевъ и гнали ихъ семь верстъ до Раковора; но побѣда эта стоила намъ очень дорого: кромѣ множества убитыхъ, Новгородцы потеряли посадника и тысяцкаго. Непріятелей же пало столько, что мы не могли пробраться по ихъ тѣламъ.

Послѣ побѣды, простоявъ три дня на костяхъ, Новгородцы отправились домой, увозя своихъ убитыхъ, а Довмонтъ со Псковичами опу-

*

стошилъ Ливонію до моря и вернулся съ большимъ полономъ во Псковъ.

Въ слѣдующемъ 1269 году, 18.000 Нѣмцевъ, подъ начальствомъ магистра Ордена, сожгли Изборскъ и подошли ко Пскову со множествомъ стѣнобитныхъ орудій, съ тѣмъ, чтобы сравнять его съ землею. Увидя грознаго врага подъ стѣнами города, храбрый Довмонтъ не смутился; онъ привелъ свою малую дружину въ соборъ Святой Троицы, горячо помолился у мощей славнаго защитника Пскова Святого Всеволода-Гавріила, а затѣмъ положилъ свой мечъ передъ алтаремъ; игуменъ Исидоръ торжественно благословилъ этотъ мечъ и собственноручно препоясалъ имъ Довмонта.

Укрѣпленный горячей молитвой и непоколебимой вѣрой въ заступничество Божіе, Довмонтъ не замедлилъ совершить рядъ блистательныхъ подвиговъ; онъ десять дней безъ устали бился съ Нѣмцами и ранилъ самого магистра; тѣмъ временемъ подоспѣли подкрѣпленія изъ Новгорода, и Ливонцы, не надѣясь на успѣхъ, поспѣшили заключить съ нами миръ.

Храбрый Довмонтъ княжилъ во Псковѣ до глубокой старости и успѣлъ подъ конецъ своей жизни, въ 1299 году, оказать своей второй Родинѣ еще одну важную услугу. Ливонскіе рыцари въ 1299 году неожиданно осадили Псковъ и, разграбивъ монастыри въ предмѣстьѣ, убивали безоружныхъ монаховъ, женщинъ и младенцевъ. Тогда Довмонтъ, уже маститый старецъ, немедленно вывелъ свою малочисленную дружину изъ города, напалъ на рыцарей, смялъ ихъ въ рѣку Великую, при чемъ былъ раненъ командоръ Ордена, и забралъ затѣмъ множество плѣнныхъ и оружія.

Вскорѣ послѣ этого Довмонтъ умеръ, оплакиваемый рѣшительно всѣми.

Въ часы опасности и кровопролитія онъ обыкновенно говорилъ: «Добрые мужи Псковичи! Кто изъ васъ старъ, тотъ мнѣ отецъ, кто молодъ, тотъ братъ. Помните Отечество и церковь Божію». За свою высокоправедную жизнь Довмонтъ-Тимоѳей причтенъ церковью къ лику Святыхъ. Мощи его покоятся въ Троицкомъ соборѣ, въ придѣлѣ Святого Всеволода-Гавріила.

Послѣ славнаго похода Александра Невскаго въ 1256 году въ Финляндію, Шведы ограничивались лишь незначительными попытками противъ насъ до 1293 года; въ 1293 же году они построили крѣпость Выборгъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ—въ Корельской Землѣ, а въ 1300 году вошли въ Неву съ большой силой, привели мастеровъ изъ своей Земли и изъ Италіи и поставили городъ при устьѣ рѣки Охты; «они утвердили его твердостью несказанной»,—говоритъ лѣтописецъ, и назвали «Вѣнцомъ Земли» (Ландскроною); затѣмъ, оставивъ въ немъ сильный отрядъ войска (гарнизонъ), ушли домой. Но, несмотря на это, Вѣнецъ Земли былъ взятъ въ слѣдующемъ же 1301 году Русскими, подъ предводительствомъ великаго князя Андрея, и срытъ до основанія.

Этимъ походомъ Андрей нѣсколько снялъ со своей памяти огромную вину, лежавшую на немъ за то, что, враждуя съ братомъ Димитріемъ изъ-за великаго княженія, онъ, какъ мы говорили, нѣсколько разъ призывалъ себѣ на помощь Татаръ, опустошавшихъ Русскую Землю.

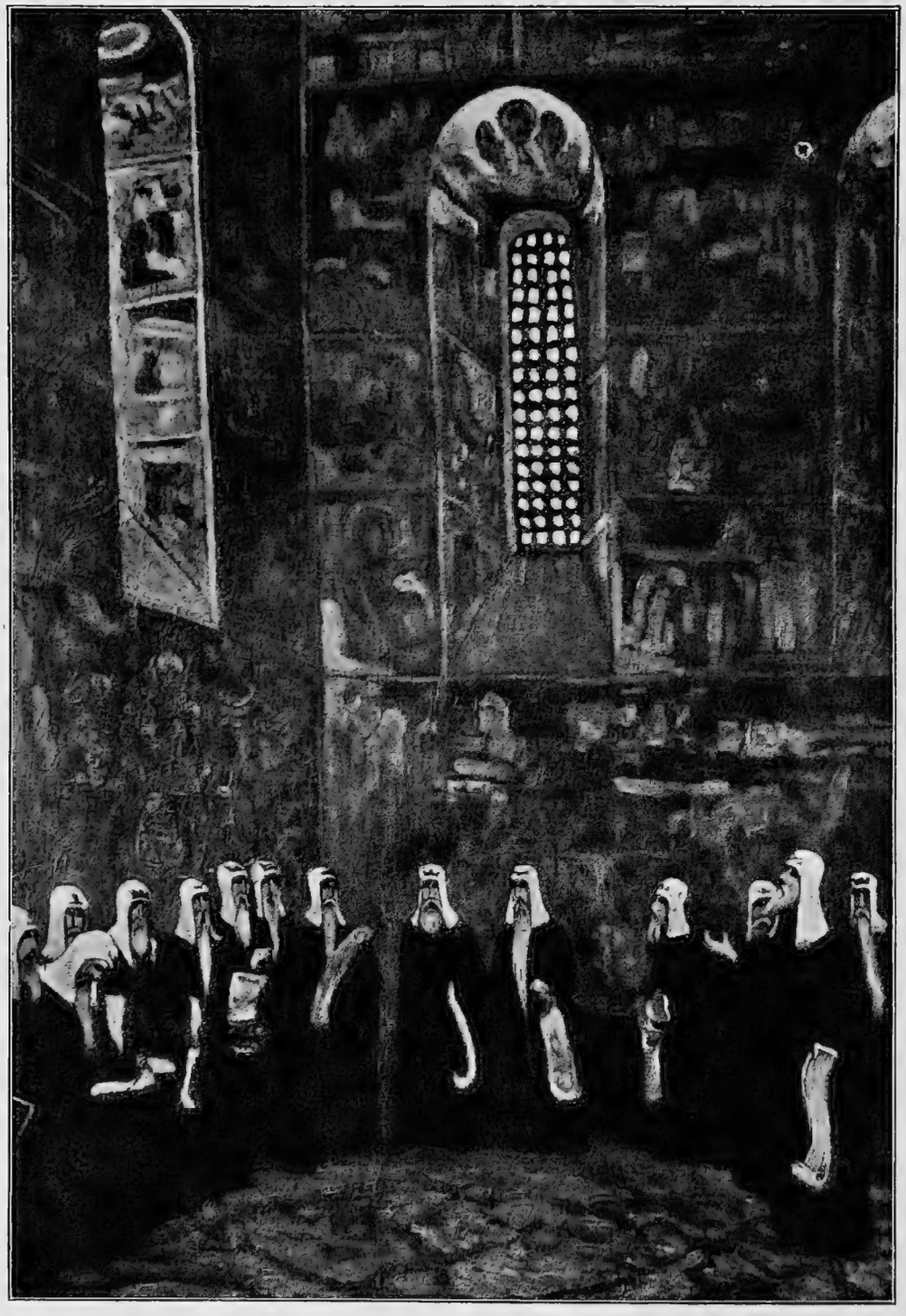
Подъ вліяніемъ Татарскаго ига стало замѣтно усиливаться общее огрубѣніе нравовъ; образованность падала, а развивались пьянство и любовь къ грубымъ зрѣлищамъ, между прочимъ, къ кровавымъ кулачнымъ боямъ, съ

287. „Того же лѣта преосвященный Кирилъ Митрополитъ Кіевскій и всеа Руси, изыде изъ Кіева по обычаю своему и прехожаше грады всеа Руси учяше, наказуаше, исправляше"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

многочисленными убитыми; женщинъ, во избѣжаніе оскорбленій, приходилось уже тщательно оберегать и держать больше дома

Но, отмѣчая эти печальныя стороны, появившіяся въ Русской жизни, необходимо сказать, что на ряду съ этимъ не переводились и отдѣльныя



288. Церковный Соборъ.
Картина Н. К. Рериха.

свѣтлыя личности, при чемъ, къ большому счастью, своими высокими душевными качествами особенно отличался въ темныя времена Татарщины

цѣлый рядъ представителей Русскаго духовенства; это были не только праведные служители Церкви, но и люди, горячо любившіе Русскую Землю, ея истинные защитники и печальники, нисколько не заботившіеся о собственномъ возвеличеніи и обогащеніи, а только объ единеніи всѣхъ во имя любви къ Родинѣ. Таковыми были: уже знакомый намъ вѣрный сподвижникъ Александра Невскаго—митрополитъ Кириллъ и заступившій послѣ него блаженный Максимъ, родомъ Грекъ, а также епископы: Святой Симеонъ Тверской, блаженный Серапіонъ Владимірскій и Святой Игнатій Ростовскій.

Видя сильное паденіе нравовъ, какъ среди населенія, такъ и среди низшаго духовенства, послѣ нашествія Татаръ, митрополитъ Кириллъ рѣшилъ съ этимъ бороться и созвалъ въ 1274 году соборъ, на которомъ были созданы строгія правила для устраненія всѣхъ безпорядковъ въ церковной жизни и искорененія злоупотребленій, при чемъ всѣхъ не соотвѣтственныхъ сану священниковъ рѣшено было удалить. «Пусть лучше будетъ одинъ достойный служитель церкви,—постановили отцы собора,—нежели тысяча беззаконныхъ», и это мудрое постановленіе было затѣмъ строго проведено въ жизнь.

Конечно, такое ревностное отношеніе къ званію служителя церкви и собственная высоко праведная жизнь нашихъ святителей имѣли сильное вліяніе на всю паству. Предаваясь братоубійственной розни, пьянству, любостяжанію и прочимъ порокамъ, каждый самый закоренѣлый грѣшникъ того времени всегда имѣлъ передъ глазами высокіе примѣры праведной жизни и всегда носилъ въ своемъ сердцѣ сознаніе, глубоко заложенное ему Православною церковью, что наша земная жизнь не самостоятельное благо, и нѣтъ въ ней самодовлѣющей цѣнности, а она должна быть всецѣло подвигомъ смиренія, кротости, воздержанія и дѣятельной любви къ ближнему ради небеснаго, при чемъ церковь учила, что и сама молитва должна быть «не вся за ся, но (лишь) третья часть за ся, остальное (ино) все за (всѣ) крестьянъ и за князя», какъ и Христосъ училъ въ молитвѣ Господней молиться за всѣхъ людей, а отнюдь не лично за себя: «Хлѣбъ *нашъ* насущный даждь *намъ* днесь и остави *намъ* долги *наша*, якоже и *мы* оставляемъ должникамъ *нашимъ*, и не введи *насъ* во искушеніе, но избави *насъ* отъ лукаваго».

Въ виду такого глубокаго вліянія церкви, и въ частной жизни было у всѣхъ стремленіе приблизить домашнюю обстановку къ подобію храма, а бытъ мірянъ—къ правиламъ иноческимъ, со строгимъ ограниченіемъ въ удобствахъ обстановки, съ осужденіемъ веселья, съ похвалой слезъ, безмолвія, со строгимъ соблюденіемъ поста, ежедневнымъ посѣщеніемъ церковныхъ службъ и ночною молитвою, особенно настойчиво предписывавшейся съ древнѣйшихъ временъ, и, наконецъ, съ непрестаннымъ памятованіемъ о смерти и о страшномъ Судѣ Божіемъ.

Поэтому, когда настала погибель, когда послѣ нашествія поганыхъ, по словамъ Серапіона Владимірскаго, «величествіе наше смирилось, красота наша погибла и въ поношеніе и въ постыдъ стала свѣтло свѣтлая и украсно украшенная Земля Русская», то хотя и пріостановился ростъ просвѣщенія

книжнаго, но не вымерло просвѣщеніе церковнымъ и святоотеческимъ поученіемъ, благодаря сосредоточенію его въ лицѣ Святыхъ подвижниковъ, которые почти всѣ прошли черезъ трудный путь иночества; святая жизнь этихъ подвижниковъ благотворно вліяла не только на Русскихъ, но поражала даже и Татаръ, почему въ Ордѣ и были случаи крещенія отдѣльныхъ лицъ.

289. Святой Прокопій Устюжскій, ради Христа юродивый.
Рис. В. Васнецова.

Изъ Русскихъ же людей, стяжавшихъ себѣ въ тѣ времена святость своей праведной жизнью въ міру, слѣдуетъ помянуть, кромѣ уже ранѣе указанныхъ, слѣдующихъ: князя Романа Угличскаго, жившаго до 1285 года и бывшаго истиннымъ отцомъ и благодѣтелемъ своихъ подданныхъ; князя Ѳеодора Смоленскаго и Ярославскаго (умеръ въ 1296 году), ходившаго по приказанію Татаръ воевать Кавказскихъ Ясовъ и настолько поразившаго своимъ мужествомъ хана Менгу-Темира, что тотъ отдалъ за Ѳеодора свою дочь и позволилъ ей креститься, и Святого Прокопія Устюжскаго—перваго Русскаго юродиваго. Святой Прокопій былъ богатымъ иностраннымъ купцомъ, торговавшимъ въ Новгородѣ; плѣнившись чистымъ ученіемъ Православной церкви, онъ отрекся отъ Латинства, роздалъ все состояніе бѣднымъ и, пробывъ нѣкоторое время въ Хутынскомъ монастырѣ, отправился въ Великій Устюгъ, гдѣ вступилъ на тяжкій путь юродства, терпѣливо снося всевозможныя лишенія и униженія. Святой Прокопій обладалъ даромъ прозорливости и умеръ въ 1285 году, пріобрѣтя, подъ конецъ жизни, величайшее уваженіе Устюжанъ какъ своею праведностью, такъ и чудеснымъ избавленіемъ города отъ избіенія гражданъ каменнымъ дождемъ; этотъ дождь падающихъ небесныхъ камней разразился не надъ Устюгомъ, а въ 20-ти верстахъ отъ него, по усердной молитвѣ Прокопія передъ чудесной иконой Благовѣщенія Божіей Матери, хранящейся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Во время жизни Святого Прокопія имѣло мѣсто и чудесное явленіе въ Костромѣ чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой Ѳеодоровской, которой впослѣдствіи былъ благословленъ на царство первый изъ Царей нынѣ царствующаго Дома Романовыхъ—Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Православная церковь причла также къ лику Святыхъ и жившаго въ тѣ времена младшаго сына Александра Невскаго—Даніила, родившагося за два года до преставленія своего блаженнаго родителя. Судьба Даніила весьма замѣчательна. Какъ младшій сынъ, онъ получилъ самый незначительный удѣлъ—*Москву*, имя которой, какъ мы помнимъ, впервые упоминается въ 1147 году, по случаю свиданія въ ней Юрія Долгорукаго со Святославомъ Ольговичемъ; тогда это не былъ даже городъ, а только усадьба

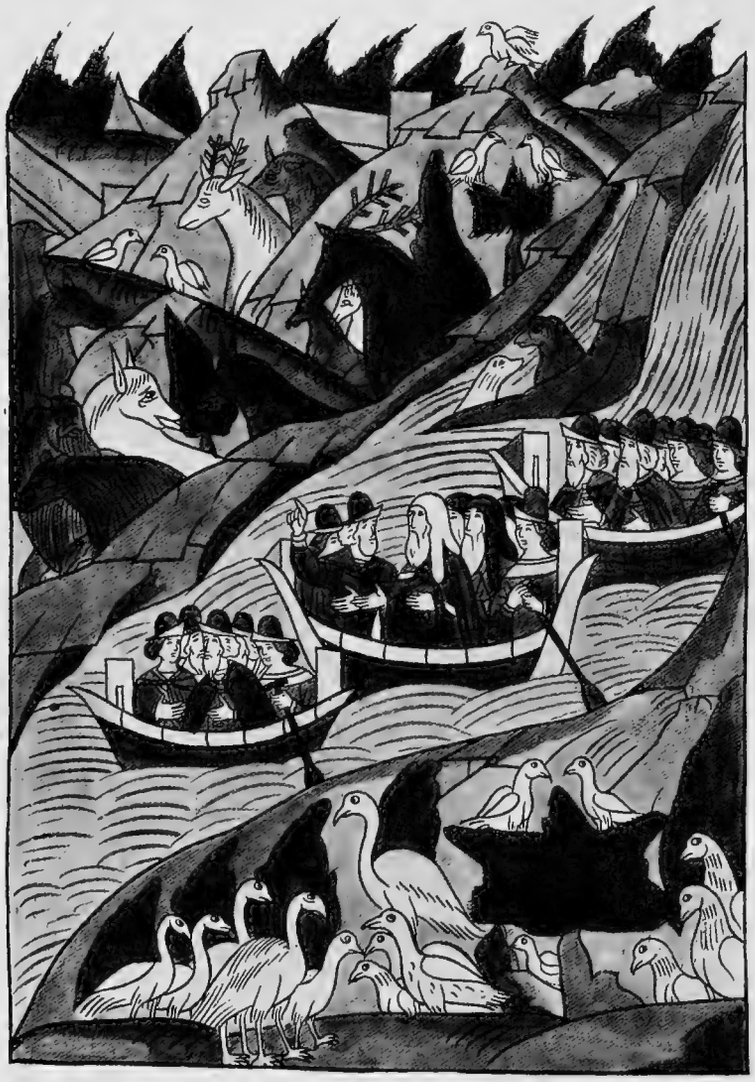
опальнаго боярина Кучки, такъ какъ собственно городъ былъ заложенъ въ 1156 году. Мы уже видѣли, что Москва была пограничнымъ городкомъ Суздальской Земли, черезъ который шла дорога изъ Южной Руси на сѣверовостокъ; другая дорога шла черезъ Москву же отъ Новгорода и Волокаламска по Москвѣ рѣкѣ и Окѣ—на среднюю и нижнюю Волгу, или же по Дону—къ Азовскому и Черному морямъ. Значеніе этого послѣдняго пути становится весьма замѣтнымъ послѣ нашествія Татаръ, когда заглохъ старый Великій путь изъ Варягъ въ Греки, шедшій черезъ Кіевъ по Днѣпру, и когда Черноморскій торгъ принялъ иное направленіе. Торгъ этотъ сосредоточился на новомъ мѣстѣ, покровительствуемомъ Татарами, быстро оцѣнившими выгоды торговли, а именно у устьевъ Дона на Сурожскомъ (Азовскомъ) морѣ и близъ древняго Киммерійскаго Воспора, гдѣ предпріимчивые купцы Италіанскаго города Генуи создали большой торговый городъ Кафу (Ѳеодосію), хотя самый путь къ устьямъ Дона и въ Кафу, вслѣдствіе хозяйничанья Татаръ въ Русской Землѣ, и проходилъ на значительной части своего протяженія по совершенно безплоднымъ мѣстамъ.

290. Святой великій князь Даніилъ Александровичъ.
По Титулярнику.

Вотъ какъ описываетъ свое путешествіе по Дону архимандритъ Пименъ, ѣздившій во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія изъ Москвы въ Царьградъ черезъ Кафу: «Путешествіе сіе было печально и уныло; повсюду совершенная пустыня; не видно ни городовъ, ни селъ; тамъ, гдѣ прежде были красивые и цвѣтущіе города, теперь только пустыя и безплодныя мѣста. Нигдѣ не видно человѣка; только дикія животныя: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медвѣди, бобры и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и другія, во множествѣ встрѣчаются въ этой пустынѣ».

При измѣненіи направленія торговаго пути отъ Балтійскаго моря къ Сурожскому и стало быстро возрастать значеніе Москвы, гдѣ выгодно было останавливаться торговымъ людямъ и куда съ разныхъ сторонъ стекались товары. Все это началось во время княженія Даніила Александровича, при чемъ замѣчательно, что онъ сѣлъ въ Москвѣ почти грудным ребенкомъ, и никто, несмотря на усобицы, поднявшіяся послѣ смерти Александра Невскаго, не нападалъ на младенца-князя и не покушался овладѣть его удѣ-

ломъ. Придя въ возрастъ, Даніилъ сталъ во многомъ походить на своего знаменитаго предка—Всеволода Большое Гнѣздо; будучи весьма набожнымъ и смиреннымъ человѣкомъ, онъ такъ же, какъ и Всеволодъ, былъ горячо преданъ дѣлу устроенія своей Земли; при этомъ, неизбѣжно вовле-



291. Изъ хожденія Пимена въ Царьградъ. „И поплыхомъ рѣкою Дономъ на низъ. Бысть же сіе путное шествіе печално и уныло... нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыни веліа, и звѣрей множество: кози, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, жарови и прочая"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

каемый въ усобицы князей, возникшія въ виду вражды старшихъ своихъ братьевъ—Димитрія и Андрея, онъ держалъ себя умѣренно и осторожно и искренно старался гасить возникавшія ссоры, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличался и большой храбростью; такъ, однажды, участвуя въ одной усобицѣ, онъ побилъ множество Татаръ, приведенныхъ его противникомъ—Рязанскимъ

княземъ Константиномъ, котораго взялъ въ плѣнъ и привелъ въ Москву, при чемъ замѣчательно, что это прошло безнаказаннымъ со стороны Татаръ.

Въ 1302 году Даніилъ получилъ сильное приращеніе къ своему удѣлу; родной его племянникъ, князь Иванъ Димитріевичъ Переяславскій, умеръ бездѣтнымъ и, любя дядю Даніила больше другихъ, конечно, за его добрый нравъ, оставилъ ему свое богатое и сильное Переяславское княжество; это очень усилило Московскаго князя, но, разумѣется, должно было возбудить зависть и неудовольствіе у сосѣдей. Скоро послѣ этого Даніилъ умеръ, принявъ передъ смертію схиму въ построенномъ имъ на берегу Москвы-рѣки монастырѣ въ честь Даніила Столпника, при чемъ, по глубокому смиренію, онъ назначилъ себѣ могилу не въ храмѣ, а на общемъ братскомъ кладбищѣ, гдѣ впослѣдствіи мощи его были обрѣтены нетлѣнными. Даніилъ скончался въ 1303 году, а въ слѣдующемъ 1304 году умеръ и его братъ, великій князь Андрей Александровичъ. Его бояре, имѣвшіе при немъ большое значеніе, самовластные, алчные и искусные въ крамолѣ, переѣхали послѣ его смерти къ Тверскому князю. Это, конечно, было недоброе наслѣдство.

И дѣйствительно, смерть Андрея послужила началомъ долголѣтней и кровавой борьбы между Тверью и Москвою.

Тверь, выдѣлившаяся въ особый удѣлъ при Ярославѣ, братѣ Александра Невскаго, ставшаго послѣ него великимъ княземъ Владимірскимъ, быстро сдѣлалась однимъ изъ сильнѣйшихъ княжествъ въ Сѣверо-Восточной Руси, которое стало тоже прозываться Великимъ.

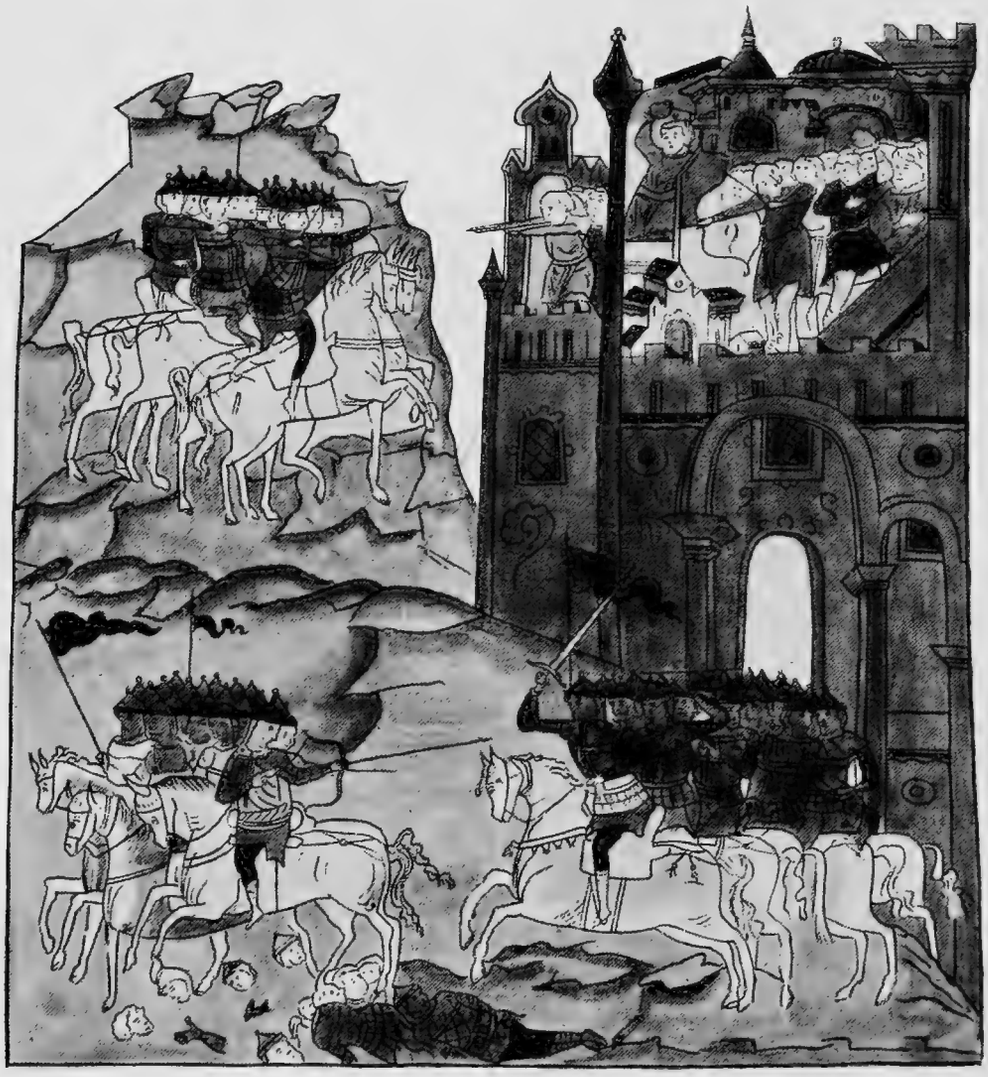
Ко времени кончины Даніила и Андрея Александровичей, въ Твери сидѣлъ ихъ двоюродный братъ—Михаилъ Ярославовичъ; онъ былъ очень недоволенъ завѣщаніемъ Переяславской Земли Иваномъ Димитріевичемъ въ пользу Московскаго князя, такъ какъ самъ имѣлъ на нее виды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ старшій въ родѣ Всеволода Большое Гнѣздо, за смертью Андрея и Даніила, Михаилъ считалъ, что великое княженіе Владимірское должно принадлежать ему.

Но Даніилъ Александровичъ оставилъ нѣсколько сыновей, изъ которыхъ старшій—рѣшительный и крутой Юрій, считалъ себя, какъ внукъ Александра Невскаго, тоже имѣющимъ право на занятіе старшаго Владимірскаго стола.

Эти обстоятельства и привели Москву и Тверь къ борьбѣ между собой.

Когда Михаилъ поѣхалъ въ Орду за ярлыкомъ на великое княженіе, то туда же отправился и Юрій. Митрополитъ Максимъ, переѣхавшій въ 1299 году изъ совершенно разореннаго Кіева на жительство во Владиміръ («не терпя насилья Татарскаго»), уговаривалъ Юрія не ходить въ Орду и не спорить съ Михаиломъ, ручаясь, что онъ дастъ Юрію какія тотъ пожелаетъ волости, но Юрій не послушалъ. «Я иду въ Орду такъ, по своимъ дѣламъ, а вовсе не искать великаго княженія»,—отвѣчалъ онъ Максиму, и этому можно вѣрить, такъ какъ Переяславская Земля, основа силы Московскаго княжества, оставалась въ спорѣ съ Михаиломъ и по волѣ хана могла перейти въ другія руки.

По дорогѣ въ Орду, Тверскіе бояре хотѣли перехватить Юрія; послѣ этого они неожиданно напали въ Костромѣ на брата его—Бориса, и захватили его въ плѣнъ, а затѣмъ подошли къ Переяславлю, для обороны котораго успѣлъ прибыть изъ Москвы другой братъ Юрія—Іоаннъ Даніиловичъ. При



292. Князь Іоаннъ Даніиловичъ Калита обороняетъ городъ Переяславль противъ Тверскихъ полковъ, бывшихъ подъ начальствомъ боярина Акинфа.

Изъ рукописнаго лицевого Житія Св. Алексія Митрополита Московскаго, написаннаго Пахоміемъ Логофетомъ въ XVI вѣкѣ.

этомъ, Тверскими полками руководилъ нѣкій бояринъ Акинфъ; бояринъ этотъ былъ одно время на службѣ у Московскаго князя Даніила, но когда къ Даніилу прибылъ изъ Кіева знаменитый бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ сыномъ и привелъ собственный дворъ въ 1.700 человѣкъ, то Акинфъ, злобясь на Московскаго князя, что онъ далъ Родіону первое мѣсто, перешелъ на службу къ Твери. Теперь Акинфъ осадилъ Іоаннъ въ Переяславлѣ и расчи-

тывалъ его захватить. Но на выручку своего князя спѣшилъ изъ Москвы упомянутый бояринъ Родіонъ; онъ зашелъ Тверичамъ въ тылъ, а Іоаннъ въ то же время сдѣлалъ вылазку изъ города, и послѣ злой сѣчи—непріятель потерпѣлъ полное пораженіе; при этомъ Родіонъ собственноручно убилъ Акинфа, воткнулъ его голову на копье и поднесъ ее князю Іоанну со словами: «Вотъ, господинъ, твоего измѣнника, а моего мѣстника, голова».

Между тѣмъ, въ Ордѣ происходилъ торгъ изъ-за ярлыка на великое княженіе; Татары откровенно заявляли, что они дадутъ его тому, кто больше заплатитъ, и Михаилъ наддалъ такую цѣну, что Юрій долженъ былъ отка-

293 Плѣненіе княземъ Михаиломъ Тверскимъ княгини Кончаки и князя Бориса Даніиловича.
Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

заться. «Отецъ и братъ»,—сказалъ онъ Михаилу,—«ты даешь больше: я уступаю, ибо не хочу грабить Русскую Землю».

По возвращеніи изъ Орды, Михаилъ пошелъ на Юрія къ Москвѣ, но дѣло до битвы не дошло и походъ окончился миромъ. Затѣмъ Михаилъ послалъ въ Новгородъ, своихъ намѣстниковъ, такъ какъ Новгородцы, по полученіи имъ ярлыка, признали его и своимъ княземъ *).

*) Вообще въ это время въ Новгородѣ уже часто сидятъ намѣстники великаго князя, а не особые князья

Спустя три года, Михаилъ другой разъ ходилъ къ Москвѣ со всей силой, Былъ бой, много зла сотворилось, но городъ не былъ взятъ, и Михаилъ возвратился ни съ чѣмъ.

Въ 1313 году, въ Ордѣ воцарился новый ханъ Узбекъ, и Михаилъ поспѣшилъ въ Орду, такъ какъ отъ новаго хана надлежало брать и новый ярлыкъ на великое княженіе. Этимъ воспользовались Новгородцы, которымъ давно были не по сердцу Тверскіе намѣстники; они изгнали ихъ и послали сказать Юрію, что зовутъ его къ себѣ. Юрій согласился, но вскорѣ отъ Узбека пришло требованіе, чтобы онъ немедленно прибылъ въ Орду. Оставивъ въ Новгородѣ брата Афанасія, Юрій поспѣшилъ въ Орду, а тѣмъ временемъ изъ Орды прибылъ Михаилъ съ Татарской ратью, чтобы наказать Новгородцевъ за измѣну. Новгородцы вышли къ Торжку, но потерпѣли страшнѣйшее пораженіе и получили миръ, давши за себя выкупъ въ 50.000 гривенъ серебра, при чемъ кремль въ Торжкѣ былъ срытъ до основанія. Несмотря, однако, на этотъ миръ и страшнѣйшее пораженіе, въ слѣдующемъ же 1316 году, Новгородцы опять изгнали намѣстниковъ Михаила, и онъ снова пошелъ на нихъ походомъ; однако, близко подойдя къ самому городу, онъ не имѣлъ успѣха, такъ какъ войска его, заблудившись по лѣсамъ и болотамъ, стали погибать отъ голоду и едва вернулись домой.

Тѣмъ временемъ Юрій жилъ въ Ордѣ, и, конечно, не даромъ. Онъ тамъ женился на любимой сестрѣ Узбека—Кончакѣ, названной въ крещеніи Агафьей, и успѣлъ себѣ выправить ярлыкъ на великое княженіе, послѣ чего съ молодой женою и Татарскою ратью, подъ предводительствомъ нѣкоего Ковгадыя, пришелъ къ Твери. За 40 верстъ отъ города, при селѣ Бортеневѣ, произошло побоище, въ которомъ Юрій былъ наголову разбитъ, при чемъ Тверичи захватили въ плѣнъ княгиню Кончаку, брата Юрія—Бориса, и множество знатныхъ плѣнныхъ; Юрій же съ малой дружиной бѣжалъ въ Новгородъ.

Послѣ этого, Михаилъ заключилъ миръ съ Ковгадыемъ, принялъ его съ большимъ почетомъ и думалъ, что привлекъ его на свою сторону, какъ въ этомъ увѣрилъ его вѣроломный Татаринъ, отправляясь назадъ въ Орду съ богатѣйшими дарами.

Вскорѣ затѣмъ былъ заключенъ миръ и между Михаиломъ и Юріемъ, при чемъ оба согласились идти опять въ Орду и тамъ порѣшить всѣ свои споры. Но въ это время какъ разъ, на несчастье Михаила, скоропостижно умерла, бывшая у него въ плѣну, жена Юрія—Агафья-Кончака. Тотчасъ же былъ пущенъ слухъ о ея отравѣ, слухъ выгодный, конечно, для Юрія, но гибельный для Михаила.

Уже по дорогѣ въ Орду, Михаилъ убѣдился, что Ковгадый обнесъ его передъ ханомъ и ему трудно будетъ сдобровать. Его сыновья, Димитрій и Александръ, говорили ему, чтобы онъ обождалъ съ поѣздкой, пока не пройдетъ ханскій гнѣвъ, а послалъ кого-либо изъ сыновей, но онъ рѣшилъ ѣхать самъ. «Ханъ зоветъ не васъ и никого другого, и моей головы хочетъ;

не поѣду, такъ вотчина моя вся будетъ опустошена и множество христіанъ избито; послѣ когда-нибудь надо же умирать, такъ лучше теперь положу душу мою за многія души». Михаилъ нашелъ Узбека при устьѣ Дона. Здѣсь онъ полтора мѣсяца, по обычаю и въ виду суда, разносилъ подарки Татарскимъ князьямъ, ханшамъ и, наконецъ, самому Узбеку, который повелѣлъ: «сотворите судъ князю Михаилу съ княземъ Юріемъ Московскимъ. Котораго будетъ правда, того хочу жаловать, а виноватаго повелю казнить». Обвинителемъ и судьей былъ назначенъ Ковгадый.

294. Князь Михаилъ Тверской въ Ордѣ.

Рисунокъ В. П. Верещагина.

На судѣ Михаилу предъявили слѣдующія обвиненія: «Ты былъ гордъ и непокоренъ хану, ты позорилъ его посла Ковгадыя, бился съ нимъ и Татаръ его побилъ, дани ханскія бралъ себѣ, хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ съ казною, и казну въ Римъ къ папѣ отпустилъ, княгиню Юрьеву отравилъ». Михаилъ защищался, но тщетно; у него скоро отобрали платье, отняли слугъ, духовника, наложили на шею тяжелую колоду и погнали за Узбекомъ на охоту, на которую, по примѣру Чингизъ-хана, было собрано нѣсколько сотъ тысячъ народу, чтобы сгонять звѣрей съ Кавказскихъ горъ. Во время пути, по ночамъ, руки Михаила забивали въ колодки, и такъ какъ онъ постоянно читалъ Псалтирь, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листы. Орда остановилась подъ городомъ Дедяковымъ. По дорогѣ отрокъ говорилъ

Михаилу: «Князь! проводники и лошади готовы; бѣги въ горы, спаси жизнь свою». Михаилъ отказался. «Если я одинъ спасусь,—говорилъ онъ,—а людей своихъ оставлю въ бѣдѣ, то какая мнѣ будетъ слава?»

Послѣ двадцати-четырехъ дней томленія, Ковгадый приказалъ привести Михаила на торгъ, поставилъ его передъ собой на колѣни, всячески глумился и, наконецъ, объявилъ, что завтра или послѣ завтра его простятъ и онъ будетъ опять въ большой чести у хана.

Надругавшись надъ несчастнымъ, Ковгадый велѣлъ отвести его прочь; съ тѣхъ поръ на глазахъ Михаила всегда были слезы, потому что онъ предугадывалъ свою участь. Прошелъ еще день, и Михаилъ велѣлъ отпѣть заутреню, часы, прочелъ со слезами правило къ причащенію, исповѣды-

295. Князь Михаилъ Тверской въ Ордѣ въ ожиданіи казни.

Съ рисунка Зайденберга.

вался, призвалъ сына своего Константина, бывшаго тоже въ Ордѣ, чтобы объявить ему послѣднюю свою волю, и потомъ сказалъ: «Дайте мнѣ Псатирь, очень тяжело у меня на душѣ». Открылся псаломъ: «Сердце мое смутися во мнѣ, и страхъ смертный пріиде на мя».—«Что значитъ этотъ псаломъ?—спросилъ князь у священниковъ; тѣ, чтобы не смутить его еще больше, указали на другой псаломъ: «Возверзи на Господа печаль свою, и той ти пропитаетъ и не дастъ во вѣки смятенія праведному». Когда Михаиль пересталъ читать, вдругъ вскочилъ въ вежу отрокъ, блѣдный весь, и едва могъ выговорить: «Господинъ князь, идутъ отъ хана Ковгадый и князь Юрій Даніиловичъ со множествомъ народа, прямо къ твоей вежѣ». Михаилъ тотчасъ всталъ и со вздохомъ сказалъ: «Знаю, зачѣмъ идутъ, убить меня» и послалъ Константина къ ханшѣ. Между тѣмъ, палачи вошли въ вежу, схватили Михаила за колоду и ударили его объ стѣну такъ,

что вежа проломилась; когда же Михаилъ вскочилъ на ноги, то на него бросилось множество убійцъ, повалили на землю и били пятами нещадно; наконецъ, одинъ изъ нихъ, по имени Романецъ, вѣроятно Русскій, выхватилъ большой ножъ, ударилъ имъ Михаила въ ребра и вырѣзалъ сердце.

296. Перевезеніе Тѣла Св. Михаила Тверского. „И якоже быша близь града, и мнози изъ града видѣша около саней множество народа со свѣщами, а иныхъ на конехъ съ ванари по воздуху ѣздящихъ"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

За свою мученическую кончину князь Михаилъ Ярославовичъ Тверской причтенъ нашей церковью къ лику Святыхъ. Тѣло его было доставлено въ Русскую Землю и похоронено въ 1319 году въ Москвѣ, въ Спасскомъ монастырѣ.

Въ 1320 году, Юрій вернулся въ Москву съ ярлыкомъ на великое княженіе и привезъ съ собой молодого Константина Михайловича и бояръ

его, въ качествѣ плѣнниковъ; только заключивъ миръ съ его братьями—Димитріемъ, Александромъ и Василіемъ—на выгодныхъ условіяхъ, Юрій согласился отпустить Константина, а также отдать тѣло убитаго князя Михаила его скорбной вдовѣ—княгинѣ Аннѣ.

Эта княгиня Анна, по наименованію Кашинская, такъ какъ принесла за собой въ приданое городъ Кашинъ, была замѣчательной женщиной, какъ своею высокоправедной жизнью, такъ и великими несчастіями, ея постигшими, при чемъ убіеніе мужа въ Ордѣ, было только ихъ началомъ *).

297. Икона Святыхъ благовѣрныхъ князя Михаила Тверского и княгини Анны Кашинской.

Несмотря на заключенный миръ, вражда сыновей Михаила Тверскаго съ Юріемъ Московскимъ, разумѣется, не прекратилась.

Скоро Юрія успѣли оклеветать въ Ордѣ, что онъ утаиваетъ «выходное» серебро, то-есть собираемое для уплаты дани Татарамъ. Обвиненіе это было очень важнымъ, такъ какъ, послѣ переписи 1275 года, ханы стали поручать собирать дань самимъ князьямъ.

*) Торжественное прославленіе ея святыхъ мощей послѣдовало въ 1909 году.

Димитрій Михайловичъ Тверской отправился въ Орду и получилъ тамъ ярлыкъ на великое княженіе, а къ Юрію оттуда прибылъ грозный посолъ Ахмылъ, звать его къ отвѣту. Когда же Юрій отправился въ путь, то Михайловичи стерегли его на всѣхъ путяхъ, желая схватить и своими руками доставить въ Орду, при чемъ онъ едва спасся близъ Ярославля отъ захвата Александромъ Михайловичемъ и, кружнымъ путемъ черезъ Пермь, достигъ, наконецъ, Сарая.

Здѣсь онъ встрѣтился со старшимъ Михайловичемъ — Димитріемъ, по прозванію Грозныя Очи. Этотъ Димитрій Михайловичъ убилъ Юрія своими руками 21 ноября 1324 года, кажется, на глазахъ хана, — въ канунъ дня казни своего отца; онъ убилъ его безъ ханскаго слова, надѣясь на милость Узбека, которой очень чтилъ Димитрія. Ханъ, однако, подвергнулъ его опалѣ за самоуправство и велѣлъ тоже убить, а ярлыкъ на великое княженіе отдалъ брату его—Александру Михайловичу Тверскому.

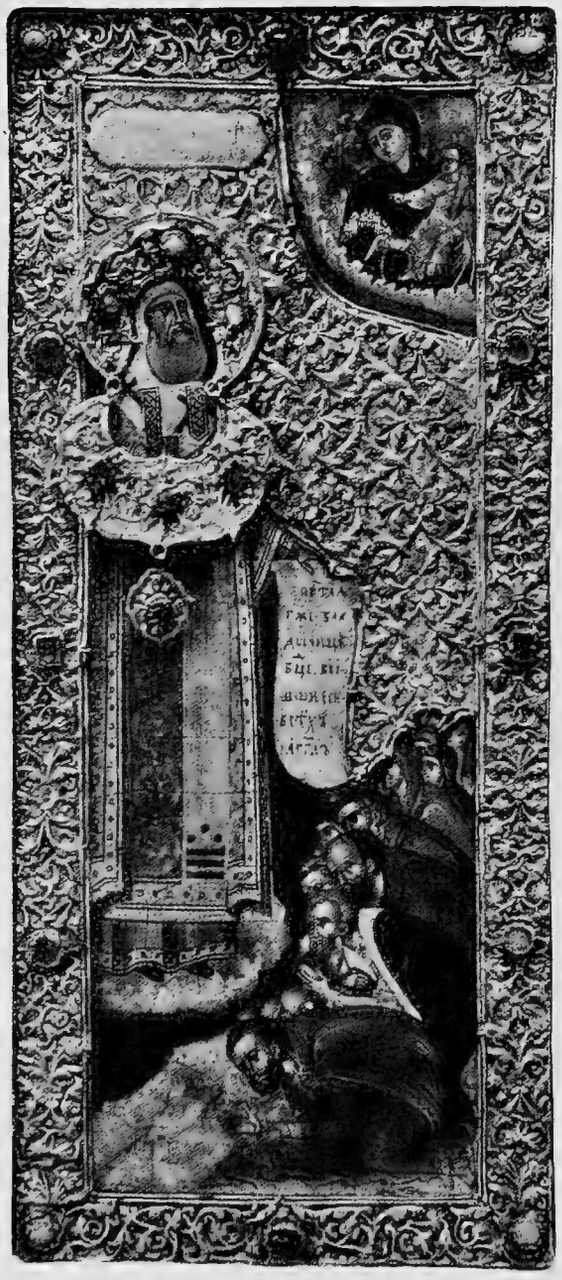
298. „Того же лѣта князь Дмитрей Михайловичъ Тверской, внукъ Ярославль, уби во Ордѣ князя Юрьа Даниловичя Московьскаго".

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Что же касается до княжества Московскаго, то здѣсь послѣ Юрія, успѣвшаго, несмотря на крайне безпокойную жизнь, увеличить его Землями по всему теченію Москвы-рѣки, сѣлъ его братъ—Іоаннъ Даніиловичъ. При этомъ, такъ какъ остальные братья его умерли еще при жизни Юрія, онъ сталъ одинъ княжить во всей Московской волости.

Князь Іоаннъ Даніиловичъ вполнѣ походилъ своимъ нравомъ какъ на отца, такъ и на прапрадѣда—Всеволода Большое Гнѣздо; всѣмъ своимъ образомъ мыслей и всѣми дѣйствіями—онъ совершенно отвѣчалъ духу и желаніямъ земскихъ людей и, какъ мы увидимъ, былъ однимъ изъ великихъ Государей Русской Земли. За свою необыкновенную доброту и вниманіе къ

нищимъ и сирымъ, при чемъ онъ всегда —ходилъ съ огромнымъ кошелемъ *калитою*, для раздачи милостыни, благодарный народъ прозвалъ его Калитою.



299. Икона Святого Петра митрополита—на цкпъ (доскѣ) гроба Св. Петра.

Максима Яковлева Строганова письмо Истомы Савина Хранится въ усыпальницѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича въ Московскомъ Кремлѣ.

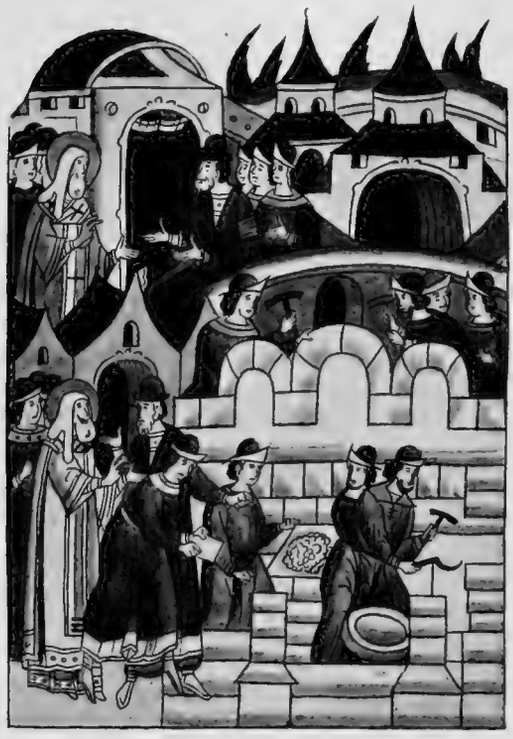
Одновременно съ занятіемъ Іоанномъ Даніиловичемъ Московскаго стола, произошло и другое событіе, въ высшей степени важное и благодѣтельное для Москвы, и имѣвшее, кромѣ того, огромнѣйшее значеніе и на всю дальнѣйшую жизнь нашей Родины.

Мы уже говорили, что митрополитъ Максимъ окончательно переѣхалъ на жительство въ 1299 году изъ совершенно разореннаго Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ, бывшій стольнымъ городомъ старшаго великаго княжества Владимірскаго, хотя въ это время князья, получивъ ярлыкъ на великое княженіе, уже не переѣзжали въ него, а продолжали жить въ своихъ удѣлахъ.

Преемникъ Максима—митрополитъ Петръ, былъ замѣчательный человѣкъ. Это былъ старецъ святой жизни, незлобливый и безпредѣльно преданный своей Родинѣ. Вотъ этой-то безпредѣльной любовью къ Русской Землѣ, подверженной при его жизни тяжелому и позорному Татарскому игу, и замѣчателенъ митрополитъ Петръ. Всѣ помыслы его были всецѣло поглощены заботами о своей паствѣ и думами о томъ, какъ поднять нашу Родину изъ той пучины бѣдствій и униженій, въ которую ее ввергнуло Татарское иго. При этомъ Святой Петръ, какъ служитель Церкви, яснѣе другихъ людей понималъ, разумѣется, что основная причина нашихъ бѣдствій заключалась въ отсутствіи братолюбія и раздѣленія

нашей Державы на рядъ отдѣльныхъ владѣній. Безъ сомнѣнія, митрополитъ Петръ питалъ въ своемъ сердцѣ горячее желаніе видѣть вновь Русскую Землю подъ властью единаго сильнаго Государя, и разъѣзжая постоянно по дѣламъ паствы изъ одного конца Руси въ другой, онъ горячо полюбилъ набожнаго Іоанна Даніиловича, князя мудраго и заботливаго о своихъ подданныхъ.

Полюбилась митрополиту Петру и Москва, чудесно расположенная въ прекрасной мѣстности, въ узлѣ дорогъ, идущихъ съ разныхъ концовъ Русской Земли. Въ ней онъ часто останавливался для отдыха во время



300. Св. Петръ митрополитъ „совѣщаваетъ же совѣтъ благъ князю... яко да сотворитъ церковь каменіемъ составленну во имя Пречистыа Владычица наша Богородица и присно дѣвица Маріа".

301. „Того же лѣта (1328) священа бысть соборная церковь Успеніе Пречистыя Богородицы на Москвѣ, мѣсяца августа въ 4 день,... юже заложи и начя здати преосвященный и блаженный Петръ".

своихъ путешествій, а когда Іоаннъ Даніиловичъ послѣ брата Юрія, въ 1325 году, сѣлъ въ Москвѣ на княженіе, то митрополитъ Петръ самъ переѣхалъ сюда же на жительство и умеръ здѣсь въ слѣдующемъ 1326 году, при чемъ передъ смертью призвалъ къ себѣ Калиту, завѣщалъ похоронить себя въ Москвѣ и построить каменный храмъ во имя Успенія Святой Богородицы, а затѣмъ произнесъ слѣдующее пророческое слово: «Если меня, сынъ, послушаешься, храмъ Пречистой Богородицѣ построишь,и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья, и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители станутъ въ немъ жить, и подчинитъ онъ себѣ всѣ остальные города». Послѣ этого Петръ

вскорѣ умеръ и, согласно завѣщанію, былъ похороненъ Калитой, въ заложенномъ имъ Успенскомъ соборѣ, запрестольный образъ для котораго былъ написанъ самимъ Святителемъ *).

Конечно, гробъ Святого Петра былъ такъ же драгоцѣненъ для Москвы, какъ и пребываніе живого святителя. Выборъ Петра казался внушеніемъ Божіимъ, и новый митрополитъ Ѳеогностъ, тоже человѣкъ исключительной святости, уже не хотѣлъ оставить гроба и дома чудотворца и поселился въ немъ.

Это перенесеніе мѣстожительства митрополита въ Москву имѣло огромное значеніе. Митрополитъ былъ одинъ на всю Русь, а потому, пребывая въ Москвѣ, онъ давалъ и ей видъ столицы всея Руси; при этомъ, конечно, дѣйствія князей, здѣсь сидѣвшихъ, должны были всегда направляться совѣтами и руководствомъ митрополитовъ, а совѣты эти могли быть только направлены ко благу всей Земли, почему вся Земля и должна была скоро пріучиться уважать и цѣнить все то, что исходило изъ Москвы, отъ митрополита и ея князя. Другіе князья хорошо понимали, что значилъ переходъ митрополита на жительство въ Москву и, конечно, очень на это досадовали, но дѣлать было нечего.

Тѣмъ временемъ въ Тверь возвратился изъ Орды Александръ Михайловичъ и съ нимъ Татары, его *должники*, собирать долги, вѣроятно, за полученный ярлыкъ на великое княженіе, и было много тяготы отъ нихъ Тверской Землѣ. Изъ Москвы же необходимо долженъ былъ идти въ Орду, и пошелъ туда, братъ убитаго князя—Іоаннъ Калита. Скоро своимъ мудрымъ поведеніемъ, слѣдуя примѣру великаго дѣда Александра Невскаго, онъ сумѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе Татаръ, что, конечно, послужило на благо его подданныхъ.

Въ 1327 году, въ Тверь пріѣхалъ свирѣпый ханскій посолъ Шевкалъ, или Щелканъ Дуденевичъ, двоюродный братъ Узбека. До сихъ поръ Татарское владычество надъ Русью происходило издалека. Теперь, повидимому, Татары задумали иное. Царевичи и князья стали будто бы говорить хану, что для полнаго завоеванія Русской Земли необходимо совсѣмъ истребить и Тверского и всѣхъ Русскихъ князей, при чемъ будто бы именно Щелканъ и вызвался на это дѣло. «Если повелишь мнѣ»,—говорилъ онъ хану,— «я пойду на Русь, и разорю христіанство, князей ихъ изобью, а княжьихъ дѣтей къ тебѣ приведу». И повелѣлъ ему ханъ такъ исполнить.

Пріѣхавъ въ Тверь, Щелканъ, дѣйствительно, изгналъ великаго князя Александра съ отцовскаго двора и поселился въ немъ самъ.

Скоро начались обиды, грабежи, поруганія, насилія; жители возмущались и стали жаловаться князю; но Александръ не могъ помочь и велѣлъ терпѣть. Однако, Тверичи искали только удобнаго случая, чтобы броситься

*) Образъ этотъ сохранился и до настоящаго времени, но къ сожалѣнію до того потускнѣлъ, что не было никакой возможности получить сколько нибудь отчетливое его воспроизведеніе для помѣщенія въ настоящую книгу.

избивать Татаръ. Говорятъ, что и Щелканъ тоже ожидалъ только всенароднаго скопленія, чтобы разомъ истребить Православное христіанство. И вотъ, въ день Успенія Богородицы, дьяконъ Дюдько повелъ утромъ молодую и здоровую кобылу на водопой; увидя хорошую лошадь, Татары кинулись ее отнимать. Это и послужило знакомъ къ кровопролитному побоищу съ обѣихъ сторонъ. Говорили, что самъ Александръ, узнавъ о замыслѣ Щелкана, предупредилъ его и началъ битву.

Бились весь день; къ вечеру Александръ одолѣлъ, при чемъ Щелканъ сгорѣлъ въ княжескомъ дворцѣ со всѣми своими Татарами. Гостей—купцовъ Ордынскихъ, которые вовсе не участвовали въ битвѣ, всѣхъ побили, посѣкли, иныхъ пожгли на кострахъ, иныхъ потопили. Это была бѣда напрасная и неразумная. Тверичи доканали всѣхъ Татаръ, не оставивъ даже и вѣстника, чтобы разсказать въ Ордѣ о случившемся.

302. „И бишася весь день и едва къ вечеру одолѣ Александръ, и побѣжа Щелканъ“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Услышавъ объ этомъ погромѣ, Узбекъ разсвирѣпѣлъ на Тверскихъ князей и, рѣшивъ ихъ всѣхъ истребить, въ гнѣвѣ потребовалъ въ Орду Іоанна Калиту, ибо только Московскій князь остался теперь виднымъ лицомъ и старшимъ во всемъ княжескомъ родѣ Суздальской Земли.

Если бы и не желалъ идти въ Орду князь Іоаннъ Даніиловичъ, боясь ханскаго гнѣва, онъ неминуемо долженъ былъ идти для спасенія отъ Татарской грозы собственныхъ Московскихъ волостей; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ былъ заступиться и за всю Землю, направивъ грозу по возможности исключительно на виноватаго, на Тверскую область. При этомъ, конечно, несчастье Твери было выгодно для Москвы, такъ какъ открывало ей про-

сторную дорогу къ первенству; требовалось только умѣнье стать между Ордою и Русской Землею въ такія отношенія, чтобы надолго успокоить обѣ стороны.

Наказать Тверского князя, за неимовѣрное самоволіе надъ Татарами, пришла особая большая рать, пять темниковъ великихъ съ 50.000 войска и множествомъ Ордынскихъ князей. Съ ними же шелъ Іоаннъ Калита и, кромѣ него, Суздальскіе князья.

«Кто берегъ свою отчину, да и всю Русскую Землю, тотъ долженъ былъ идти теперь съ Татарами, хотя бы противъ родного отца,»—говоритъ по этому поводу знаменитый изслѣдователь Русской жизни—И. Е. Забѣлинъ. Татары пошли прямо къ Твери, опустошили всѣ Тверскіе города и хотѣли было идти къ Новгороду, но онъ откупился 2.000 рублями и множествомъ даровъ *). Было разореніе и полоненіе и кровопролитіе великое, просто сказать, Татары, какъ говоритъ лѣтописецъ, «положили пусту всю Русскую землю». Сохранилъ Богъ только Новгородъ, да Москву и всю отчину Іоанна Даніиловича. Тверской же Александръ съ семьей убѣжалъ было въ Новгородъ, но не былъ тамъ принятъ и потому ушелъ во Псковъ, гдѣ Псковичи, хорошо помятуя завѣщаніе Александра Невскаго и свою присягу ему—принимать съ честью и беречь всѣхъ князей изгнанниковъ, приходящихъ въ печали, — ласково встрѣтили Александра.

303. Рубль Псковскій.

Рубль Новоторжскій.

Когда Татары возвратились въ Орду, слѣдомъ за ними пошли и Русскіе князья утверждать себя на княженія, въ виду сложившихся новыхъ отношеній послѣ погрома Твери. Ханъ Узбекъ отдалъ великое княженіе Іоанну Московскому и «иныя княженія даде ему къ Москвѣ», а Константину Михайловичу—Тверское княженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ всѣмъ за одно искать брата его Александра.

Исполняя ханское повелѣніе, всѣ князья отправили пословъ къ Александру во Псковъ и наказали идти въ Орду. Но Александръ отказался идти. Тогда Узбекъ, въ 1329 году, прислалъ новый приказъ, чтобы всѣ князья непремѣнно бы отыскали и привели въ Орду Александра. Дѣло становилось опаснымъ и общимъ. За него должна была отвѣчать вся Земля. Такъ сами Татары способствовали пробужденію въ народѣ общихъ цѣлей.

Всѣ князья, и во главѣ ихъ митрополитъ Ѳеогностъ, послали сказать Александру: «Иди въ Орду, не погуби христіанъ отъ поганыхъ. Лучше тебѣ одному за всѣхъ пострадать и тѣмъ сохранить Землю отъ бѣды». Александръ хотѣлъ идти, но Псковичи не пустили его, говоря: «Не ѣзди, господинъ, въ Орду; что бы съ тобой ни случилось, умремъ, господинъ, съ тобою на одномъ мѣстѣ». Это было весьма благородно со стороны Псковичей, но могло имѣть весьма пагубныя послѣдствія для всей Земли, особенно имѣя

*) Древнѣйшіе рубли были простыми отрубками серебра, вѣсомъ около 22 золотниковъ.

въ виду, что Татарамъ пришлось бы пройти черезъ всю Русскую Землю, прежде чѣмъ добраться до Пскова. Въ виду этого, Іоаннъ Даніиловичъ, старѣйшій вождь всего ополченія, двинулъ войска изъ Новгорода на Псковъ, но они шли такъ медленно, что въ три недѣли сдѣлали 110 верстъ. Ясно было, что войны не предполагалось; для того же, чтобы смирить Псковичей безъ кровопролитія, митрополитъ Ѳеогностъ объявилъ, что если они не отпустятъ Александра, то онъ отлучитъ ихъ отъ церкви и запретъ всѣ храмы; — это подѣйствовало; Александръ, не желая подвергать такой казни Псковъ,

304. Псковичи, памятуя свою присягу Александру Невскому, не пускаютъ въ Орду князя Александра Михайловича Тверского.

Изъ книги „Живописный Карамзинъ".

побѣжалъ къ Нѣмцамъ, а потомъ въ Литву, а хану, донесли, что онъ ушелъ къ Нѣмцамъ, и Узбекъ этимъ удовольствовался. Черезъ полтора года, когда гроза утихла, Александръ вернулся во Псковъ, гдѣ все время оставалась его семья, и сталъ снова въ немъ княжить. Но, сидя спокойно во Псковѣ, Александръ все-таки хорошо понималъ, что, убѣжавъ изъ своей отчины Твери, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ и своихъ дѣтей правъ на владѣніе отцовскимъ наслѣдствомъ, и рѣшилъ поэтому попытаться искать примиренія съ ханомъ, для чего послалъ въ Орду своего старшаго сына, конечно, не съ пустыми руками.

Ханъ потребовалъ его самого. И вотъ, въ 1337 году, прокняживъ 10 лѣтъ во Псковѣ на свободѣ, князь Александръ, простившись съ семьей и боярами и напутствуемый духовенствомъ, пошелъ въ Татарскую неволю. «Господинъ царь вольный!»—сказалъ онъ Узбеку,—«много я виновенъ передъ тобою, но пришелъ къ тебѣ; ищу твоей милости... Смерть или жизнь

305. „И тако начаша увѣщевати и мълвити преосвященнаго митрополита Феогноста, дабы отлученіемъ и запрещеніемъ связалъ его, и послалъ во Орду ко царю Азбяку... И тако посла Θеогностъ митрополитъ отлученіе... Тогда князь Александръ Михайловичъ Тверской рече Псковичамъ сице: „братіа и други вѣрніи, и любовьніи храбріи Псковичи! Не буду на васъ отлученіа и проклятіа святительскаго мене ради худаго и грѣшнаго".

Изъ Царственнаго лѣтописца.

приму отъ тебя, какъ тебѣ Богъ извѣститъ, я на все готовъ. Вотъ голова моя передъ тобою!» Смиренная мудрость князя побѣдила ханскій гнѣвъ. «Избавился отъ смерти князь Александръ»,—молвилъ Узбекъ и пожаловалъ его Тверскимъ княженіемъ.

Но послѣ 10 лѣтъ, въ самой Твери произошла уже перемѣна къ бывшему князю; какъ только туда пріѣхалъ Александръ и перевезъ изъ Пскова

свою княгиню и дѣтей, многіе бояре, пользуясь своимъ правомъ свободнаго отъѣзда, поспѣшили уѣхать отъ него въ Москву.

Затѣмъ лѣтописецъ говоритъ, что Александръ не утвердилъ договора съ Московскимъ великимъ княземъ и, не взявъ съ нимъ мира, послалъ зачѣмъ-то въ Орду своего старшаго сына Ѳеодора.

Предупреждая опасность, Іоаннъ Калита тоже пошелъ въ Орду съ двумя сыновьями—Симеономъ и Іоанномъ. Онъ возвратился съ великимъ пожалованіемъ, но по его думѣ ханъ потребовалъ къ себѣ въ Орду налицо всѣхъ Русскихъ князей. Іоаннъ Даніиловичъ, впрочемъ, самъ не поѣхалъ,

306. Князь Александръ Михайловичъ Тверской передъ казнію. „Онъ же объемъ сына своего, и бояръ своихъ цѣловаше ...и отъ сына своего, и отъ бояръ своихъ и отъ всѣхъ слугъ своихъ, паче же отъ отца своего духовнаго прощеніе вземъ“...

307. Татары разнимаютъ по суставамъ князя Александра Михайловича съ сыномъ Ѳеодоромъ... „И се пріидоша посланницы отъ царя къ стану его. Онъ же выиди противу ихъ со смиреніемъ, и тако ту убіенъ бысть и съ сыномъ своимъ Феодоромъ и отсѣкоша главы ихъ“...

но послалъ туда всѣхъ трехъ своихъ сыновей—Симеона, Іоанна и Андрея.

Весь соборъ Русскихъ князей долженъ былъ рѣшить въ Ордѣ, кто заводчикъ новой крамолы, и кто желаетъ добра Русской Землѣ. Десять лѣтъ, въ теченіе отсутствія Александра, Тверское княжество пребывало въ тишинѣ и всѣ въ немъ были довольны своей участью, подчиняясь Московскому великому князю только въ общеземскомъ отношеніи. Ясное дѣло, что Александръ шелъ дальше и, получивъ въ послѣдній свой пріѣздъ въ Орду точку опоры у жены Узбека, искалъ владычества надъ Москвой и всей Землею, что вызвало общее возбужденіе, для окончанія котораго ханъ и созвалъ въ Ордѣ соборъ всѣхъ князей.

Конечно, по этому поводу на княжскомъ соборѣ было высказано противъ Александра много неудовольствій; и вотъ, разгнѣванный этими сужденіями, Узбекъ повелѣлъ коварно вызвать его, тихо, кротко, съ обѣщаніемъ, что зоветъ къ великому «жалованію». Александръ колебался, но рѣшился идти. «Если пойду, приму смерть»,—разсуждалъ онъ,—«если же не пойду, то придетъ рать и много христіанъ будетъ плѣнено и убито, и всему тому буду я виноватъ. Лучше одному за всѣхъ погибнуть».

Когда, послѣ печальныхъ проводовъ изъ Твери, онъ прибылъ въ Орду, то сынъ его Ѳеодоръ объявилъ, что дѣла его идутъ плохо. Скоро Узбекъ рѣшилъ его участь, опредѣлилъ смерть и назначилъ день казни, на 29 октября 1339 года. Въ этотъ день Александръ всталъ рано, помолился и, видя, что время проходитъ, послалъ къ ханшѣ за вѣстями, а самъ сѣлъ на коня и поѣхалъ къ знакомымъ, разузнавать о своей участи. Но отовсюду былъ одинъ отвѣтъ, что казнь назначена на сегодня. Тогда Александръ, вернувшись къ себѣ, сталъ прощаться съ сыномъ и боярами, сдѣлалъ распоряженіе на счетъ княжества своего, исповѣдался и причастился; то же сдѣлали Ѳеодоръ и бояре. Ждали послѣ этого недолго: вошли отроки съ плачемъ и объявили о приближеніи убійцъ. Мужественный Александръ самъ вышелъ имъ навстрѣчу и былъ рознятъ по суставамъ, вмѣстѣ съ сыномъ Ѳеодоромъ.

Такъ потеряла Святая страдалица великая княгиня Анна Кашинская и своего второго сына, вмѣстѣ съ внукомъ Ѳеодоромъ. Русская Земля встрѣтила останки новыхъ мучениковъ съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ общаго къ нимъ почтенія; они были преданы землѣ въ Тверской соборной церкви, подлѣ гробницъ Святого Михаила и Димитрія Грозныя Очи.

Такъ закончилась борьба Москвы съ Тверью. Послѣ нея, ни Тверскіе князья, ни Рязанскіе, также бывшіе въ это время довольно сильными, не могли уже тяґаться съ Москвою. Внѣшнимъ же выраженіемъ побѣды Москвы было перенесеніе въ нее изъ Твери большого колокола изъ церкви Святаго Спаса.

«Довольно кратко обозначенныя въ лѣтописяхъ обстоятельства описанныхъ Тверскихъ и Московскихъ отношеній даютъ полную возможность обвинять Московскаго Іоанна Даніиловича въ хитрой, ловкой, то-есть коварной, плутовской политикѣ, погубившей князя Александра»,—говоритъ И. Е. Забѣлинъ. «Однако»,—продолжаетъ онъ,—«разсмотрѣвши эти обстоятельства съ должнымъ вниманіемъ, мы увидимъ, что Александръ погибъ вовсе не отъ хитрости враговъ, но отъ собственной самоувѣренности и самонадѣянности въ томъ, что онъ легко ихъ осилитъ. Повидимому, онъ намѣревался перенять у Москвы и самое великое княженіе».

Конечно, этого Москва не могла уступить, особенно послѣ установившейся земской тишины, которую народъ прямо приписывалъ тому обстоятельству, что на великомъ княженіи утвердился Московскій князь. Даже Тверской лѣтописецъ и тотъ такъ говоритъ про княженіе Іоанна Калиты: «Того же лѣта сяде Іоаннъ Даниловичъ на великомъ княженіи всея Руси, и была тишина великая на 40 лѣтъ и престаша поганыя воевать Русскую

Землю и закалати христіанъ: и отдохнуша и опочинуша христіане отъ великія истомы и многія тягости, и отъ насилія Татарскаго; и бысть оттолѣ тишина велика по всей Землѣ». Ловкимъ же хитрецомъ Московскій князь выставляется нѣкоторыми потому, что онъ, всегда памятуя прежде всего о народномъ благѣ, держалъ себя осторожно и вовсе не отличался той безразсудной самоувѣренностью и самонадѣянностью, которой особенно славились Тверскіе князья, поддерживаемые въ этомъ своими искусными въ крамолѣ боярами.

Москва же, какъ мы видѣли, въ началѣ даже и не боролась, а только защищалась отъ Твери, стараясь сохранить за собой Переяславское княжество. При этомъ надо не забывать, что хожденіе въ Орду было всегда опаснымъ дѣломъ и для такихъ ханскихъ любимцевъ, какими сдѣлались вскорѣ Московскіе князья; даже Іоаннъ Калита, собираясь въ Орду, писалъ духовное завѣщаніе.

308. Великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита.
По Титулярнику.

Осторожное и разумное поведеніе Москвы по отношенію Татаръ, не замедлило принести обильные плоды. Татары, усыпленные «смиренной мудростью» Калиты, всячески ему покровительствовали и усиленно способствовали этимъ созданію въ будущемъ изъ Московскаго княжества могучей силы противъ себя же. Мы уже видѣли, что выгодное положеніе города Москвы, въ узлѣ главнѣйшихъ путей того времени, привлекало къ нему торговыхъ людей; сюда же шли на житье и многочисленные поселенцы, привлекаемые какъ возможностью заработка, такъ и тишиной и спокойствіемъ, которыя водворилъ Калита въ своей Землѣ; онъ «исправи Землю Русскую отъ татей», говоритъ лѣтописецъ, и водворилъ «тишину велію и правый судъ». Кромѣ того, Калита ввелъ въ дѣйствіе и важный земледѣльческій законъ, по образцу Византійскаго земско-полицейскаго и уголовнаго устава.

Такая постоянная забота о благѣ своихъ подданныхъ привлекла во владѣнія Іоанна Даніиловича, помимо множества поселянъ-земледѣль-

цевъ, ремесленниковъ и купцовъ, также и бояръ изъ другихъ княжествъ и притомъ такихъ бояръ, которые были врагами крамолы и насилій, а искали князя твердаго и справедливаго, ограждавшаго права своихъ подданныхъ строгимъ поддержаніемъ порядка и законовъ. Такимъ путемъ въ Москвѣ собралась большая боярская сила, при чемъ большинство изъ нихъ были настоящими боярами—въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, то-есть преданными слугами и мудрыми совѣтниками своему князю, руководившимися во всѣхъ своихъ поступкахъ исключительно благомъ Земли.

Мы уже говорили о крайне важномъ значеніи, которое пріобрѣла Москва перенесеніемъ въ нее митрополитами своего стола. Это значеніе еще очень усилилось тѣмъ обстоятельствомъ, что, по особому благословенію

309. Старая Москва. Возведеніе дубовыхъ стѣнъ въ 1339 году при Іоаннѣ Калитѣ.
Картина А. Васнецова.

Божіему, первые Московскіе митрополиты были всѣ людьми, горячо преданными Русской Землѣ. Святой Ѳеогностъ былъ достойнымъ преемникомъ Святого Петра и горячимъ сподвижникомъ Калиты во всѣхъ его дѣлахъ по устройству Земли.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во время княженія Калиты, при непосредственномъ участіи митрополита, высшаго духовенства, Московскихъ бояръ и, вѣроятно, ближайшихъ къ Москвѣ удѣльныхъ князей, неоднократно обсуждались всѣ вопросы, относившіеся къ положенію дѣлъ въ Русской Землѣ; вспоминалось ея славное прошлое, оплакивалось ея печальное настоящее, разбирались причины, приведшія къ Татарскому игу, намѣчались возможныя судьбы будущаго и, наконецъ, вырабатывались строго продуманныя основанія для возрожденія нашей Родины.

Конечно, всѣми единогласно признавалось, что гибель Земли произошла изъ-за отсутствія братолюбія, завѣщаннаго Ярославомъ Мудрымъ, но, несомнѣнно, вмѣстѣ съ тѣмъ было признано также, что разсчитывать на прочное единеніе всѣхъ по доброй волѣ, на основаніи глубокаго христіанскаго чувства и горячей любви къ Родинѣ, было, къ сожалѣнію, невозможно, а потому всѣ и постановили: начать постепенно собирать вновь Русскую Землю съ благословенія церкви и во исполненіе завѣщанія Святого Петра, но собирать при этомъ уже съ *подчиненіемъ* Московскому князю — какъ всѣхъ остальныхъ князей, такъ и Господина Великаго Новгорода, пользуясь для этого всѣми удобными обстоятельствами; по отношенію же Татаръ—продолжать «мудрое смиреніе», завѣщанное Александромъ Невскимъ, до тѣхъ поръ, пока Русь не соберется и не окрѣпнетъ настолько, чтобы свергнуть съ себя позорное и ненавистное иго.

Конечно, Іоаннъ Калита, по своему душевному складу, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ для выполненія этихъ мудрыхъ предначертаній. Будучи глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, онъ, разумѣется, неоднократно горячо молился у мощей Святого Петра, въ заложенномъ имъ храмѣ Успенія Святой Богородицы, прося благословенія и силъ на это великое служеніе для блага Родины. Нѣтъ сомнѣнія также, что, только послѣ принятія на себя выполненія этой многотрудной задачи, Іоаннъ Калита сталъ прибавлять къ своему наименованію великаго князя слова «всея Руси», имѣвшія для всѣхъ любившихъ Русскую Землю, глубокій и знаменательный смыслъ.

310. Печать великаго князя Іоанна Даніиловича всея Руси.

Ходя всегда съ открытымъ кошелемъ, изъ котораго онъ неустанно черпалъ для раздачи бѣдному люду на пропитаніе, Іоаннъ Даніиловичъ вмѣстѣ съ тѣмъ усердно копилъ деньги, чтобы покупать на нихъ, во исполненіе завѣтной цѣли собиранія Руси, какъ можно болѣе земли у частныхъ лицъ, церквей, монастырей и другихъ удѣльныхъ князей, вынужденныхъ продавать свое достояніе, въ виду тяжкихъ условій землевладѣнія, созданныхъ Татарскимъ разореніемъ.

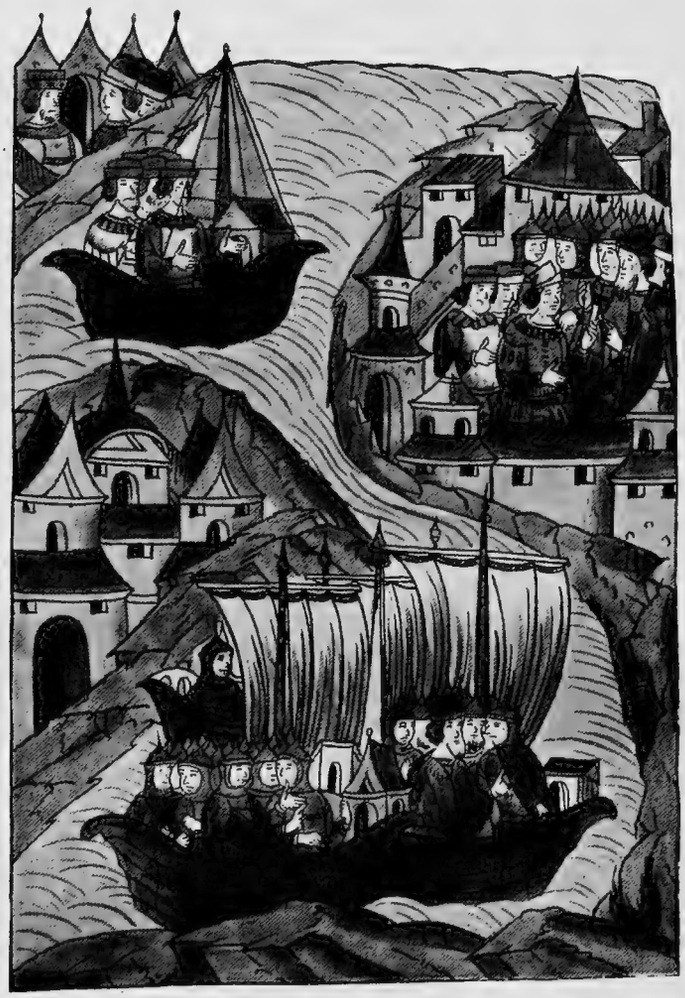
Такимъ путемъ, скупая цѣлые города у бѣдныхъ сѣверо-восточныхъ князей, онъ пріобрѣлъ Бѣлоозерскъ, Кострому, Галичъ, Перемышль и Угличъ.

Трудясь надъ собираніемъ Земли, Калита не менѣе усердно заботился и о застроеніи и украшеніи Москвы. Онъ обнесъ ее дубовыми стѣнами въ 1339 году и кромѣ храма Успенія Богородицы воздвигъ еще три церкви: Спаса на Бору, Михаила Архангела и Ивана Лѣствичника подъ колокола (впослѣдствіи Иванъ Великій).

Сооруженіе Успенскаго собора производилось на деньги Святого митрополита Петра, который завѣщалъ для этого все свое состояніе. Всей

постройкой Успенскаго храма завѣдывалъ тысяцкій Протасій, потомокъ знаменитаго Шимона Варяга.

Калита умеръ 31 марта 1341 года, принявъ передъ кончиной схиму и крѣпко наказавъ тремъ своимъ сыновьямъ жить всѣмъ вмѣстѣ, какъ одинъ человѣкъ. Онъ завѣщалъ всѣмъ города и волости, но старшему Симеону далъ больше, чѣмъ другимъ. Городъ же Москва былъ имъ отданъ въ общее пользованіе всѣмъ тремъ; это распоряженіе, котораго придерживалось и послѣдующіе великіе князья Московскіе, было крайне мудро, такъ какъ, владѣя сообща Москвой, братья поневолѣ постоянно видѣлись, имѣли общія заботы, были близки другъ другу и сообща же, при благословеніи митрополита, рѣшали всѣ возникавшіе вопросы о Русской Землѣ.



311. „Того же лѣта ходиша Новгородцы съ великимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ въ Неву и поставиша градъ на усть Невы на Орѣховомъ островѣ.

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Изъ движимости Калита оставилъ послѣ себя: двѣнадцать цѣпей золотыхъ, девять цѣнныхъ поясовъ, шесть золотыхъ чашъ, двѣ золотыя чары, одно золотое блюдцо съ жемчугомъ и камнями, десять блюдъ серебряныхъ, два золотыхъ сосуда большихъ, два поменьше и коробочку золотую. Такъ невелико было достояніе въ драгоцѣнныхъ вещахъ богатаго князя «всея Руси» во время Татарскаго ига.

Народъ, чутко цѣнившій Іоанна Даніиловича и великое дѣло, которому онъ себя посвятилъ, а также и его великую сердечную доброту, не только далъ ему почетное наименованіе Собирателя Русской Земли, но и былъ убѣжденъ, что церковь причтетъ его къ лику Святыхъ; въ теченіе весьма долгаго времени память его чтилась мѣстно, и онъ даже именовался Святымъ въ рукописныхъ святцахъ.

Во время Калиты какихъ-либо важныхъ дѣйствій со стороны Шведовъ и Нѣмцевъ противъ Русской Земли не было. Еще въ 1322 году, Новгородцы ходили съ Юріемъ Даніиловичемъ къ Выборгу, били его шестью пороками, но взять не могли, перебили только много Шведовъ; затѣмъ, чтобы остановить ихъ дальнѣйшія наступательныя движенія, Новгородцы заложили у истока Невы изъ Ладожскаго озера крѣпость Орѣшекъ, извѣстную впослѣдствіи подъ именемъ Шлиссельбурга.

Шведы предприняли было противъ Новгорода походъ въ 1337 и 1338 годахъ, но должны были заключить миръ по старымъ грамотамъ.

У Ливонскихъ Нѣмцевъ съ конца тринадцатаго вѣка шла ужасная междоусобица. Орденскіе рыцари воевали съ епископами Рижскими, при чемъ епископы не затруднялись призывать язычниковъ Литовцевъ противъ Латинянъ—рыцарей. Послѣ этого, дѣло было перенесено на папскій судъ, на которомъ епископы обвиняли Орденъ въ разныхъ злодѣйствахъ. Затѣмъ они призвали опять Литовцевъ къ себѣ на помощь, но, въ концѣ концовъ, рыцари, держа въ теченіе года въ осадѣ городъ Ригу, довели ея жителей до полнаго истощенія отъ голода и дали миръ на тяжелыхъ условіяхъ.

312. Владиславъ Локетекъ (съ локотокъ).
Изъ книги А. Гваньини: „Описаніе Европейской Сарматіи", изданія 1581 года

Въ Западной же Руси, а также въ Польшѣ и на Литвѣ, произошли, тѣмъ временемъ, важныя перемѣны.

Въ противоположность сильному размноженію потомковъ Всеволода Большое Гнѣздо въ Сѣверо-Восточной Руси, княжескій родъ въ Юго-Западной Руси вымиралъ крайне быстро.

Уже въ началѣ четырнадцатаго вѣка, внукъ Даніила Романовича, Юрій Львовичъ, является единственнымъ и послѣднимъ чисто-Русскимъ и Православнымъ княземъ, соединявшимъ въ своихъ рукахъ Галичъ и Волынь. Его два сына, Андрей и Левъ, рано умерли бездѣтными, и послѣ нихъ Галицко-Волынскій столъ получилъ сынъ ихъ сестры, бывшей замужемъ за Польскимъ княземъ, Юрій-Болеславъ. Этотъ Болеславъ, всецѣло приверженный Латинству, окружилъ себя Нѣмцами, Поляками и Чехами, глубоко презиралъ все Русское и скоро возбудилъ къ себѣ общую ненависть; наконецъ, въ 1340 году, его отравили бояре, при чемъ будто бы ядъ былъ такъ силенъ, что тѣло его разнесло на куски.

По смерти Юрія Болеслава обширныя его владѣнія, послѣ долголѣтней борьбы, были раздѣлены между двумя сосѣдями: Галицкая Земля съ городомъ Холмомъ досталась Польшѣ, а Волынь—Литвѣ.

Какъ Польша, такъ и Литва успѣли, съ начала четырнадцаго вѣка, значительно усилиться.

Польша, раздѣленная весьма долгое время, такъ же какъ и Русская Земля, на отдѣльныя княжества, стала, въ началѣ четырнадцаго вѣка, собираться Владиславомъ Четвертымъ Локеткемъ, который подчинилъ себѣ большую часть удѣльныхъ князей. Дѣло Локетка усердно продолжалъ сынъ его Казиміръ, прозванный Великимъ; онъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Галичину и Холмъ.

313. Казимиръ Великій.
Изображеніе на печати Казиміра, хранящейся въ Краковѣ.

Въ Литвѣ, послѣ Тройдена, смѣнилось нѣсколько языческихъ князей, пока въ 1316 году не вокняжился Гедиминъ. Этотъ замѣчательный по своему необыкновенно ясному уму, настойчивости, хитрости и дальновидности князь былъ истиннымъ основателемъ могущества своего государтва.

Оказывая явное покровительство и предпочтеніе всему Русскому, онъ искусно объединилъ подъ своею властью многія южныя и западныя Русскія Земли, разоренныя и ослабленныя Татарами; Волынь и Кіевская область, а также владѣнія Минскія, Туровскія и Пинскія—принадлежали уже Гедимину, къ концу его жизни; поэтому, будучи великимъ княземъ Литовскимъ, онъ сталъ носить въ то же время и наименованіе великаго князя Русскаго, такъ какъ Русскія области по своей величинѣ, по крайней мѣрѣ, вдвое превосходили его Литовскія владѣнія.

Занятый собираніемъ Русскихъ Земель, Гедиминъ вмѣстѣ съ тѣмъ велъ безпощадную войну съ Нѣмцами, удачно пользуясь раздорами, происходившими между Ливонскими рыцарями и Рижскими епископами, при чемъ однажды, чтобы принудить рыцарей къ миру, онъ отправилъ къ папѣ посольство, прося помощи и обѣщая почитать его, какъ отца.

Обрадованный папа, думая, что Гедиминъ желаетъ принять христіанство, приказалъ рыцарямъ немедленно прекратить военныя дѣйствія противъ него, и отправилъ своихъ пословъ крестить Гедимина. Но тутъ ихъ ожидало разочарованіе. «Я дѣйствительно говорилъ»,—объявилъ Гедиминъ,—«что

буду почитать папу, какъ отца, но я сказалъ это потому, что онъ старше меня; всѣхъ стариковъ я почитаю какъ отцовъ; сверстниковъ моихъ люблю, какъ братьевъ; тѣхъ же, кто моложе меня, я готовъ любить, какъ сыновей. Креститься же я не намѣренъ».

Нѣтъ, сомнѣнія, что принятію христіанства Гедимину препятствовала сильная приверженность Литовцевъ къ язычеству и чрезвычайное значеніе, которое имѣли на народъ жрецы. Боги Литовцевъ были схожи съ древне-Русскими и, вообще, съ Арійскими, при чемъ главнымъ почитался «Перкунасъ», то-есть Перунъ—богъ молніи. Все же жреческое сословіе было тѣсно между собой связано, причемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Литвѣ были особыя священныя рощи «Ромове», гдѣ передъ идоломъ Перкуна горѣлъ неугасаемый огонь «Зничъ».

314. Изображеніе Гедемина.
Изъ книги „Описаніе Европейской Сарматіи"—1581 года.

Охотясь однажды по Виліи и убивъ близъ такого «Ромове» огромнаго тура, Гедининъ по указанію верховнаго жреца установилъ здѣсь свою столицу — *Вильно*, при чемъ свой замокъ, развалины коего сохранились и понынѣ, построилъ на высокой горѣ, гдѣ палъ убитый имъ туръ. Конечно, соединеніе мѣстопребыванія великаго князя съ мѣстомъ расположенія «Ромове» сильно способствовало объединенію подъ рукой Гедимина всѣхъ Литовскихъ племенъ, такъ какъ Литовцы были необыкновенно горячо привержены къ своей вѣрѣ, обычаямъ и вообще къ своей старинѣ, что между прочимъ, ясно показываетъ слѣдующее событіе:

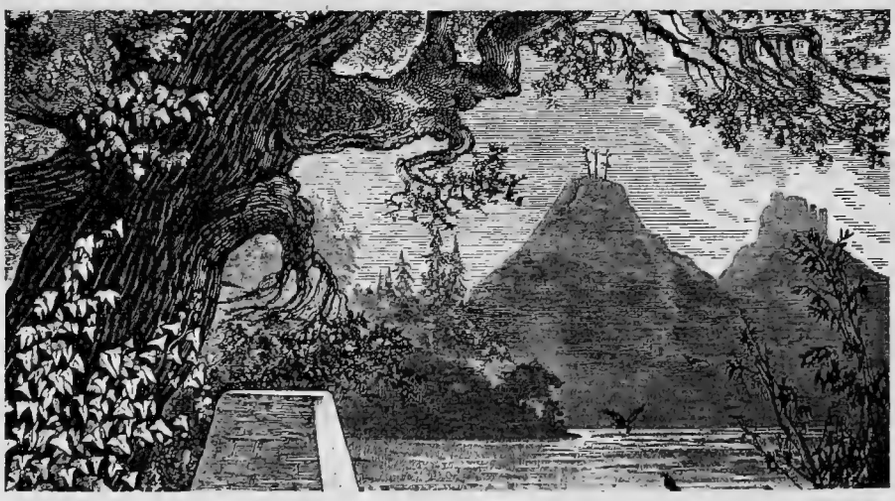
Въ 1336 году, прибыло изъ Германіи до двухсотъ князей, графовъ и простыхъ рыцарей въ Тевтонскій орденъ съ благочестивой цѣлью—мечемъ крестить Литовцевъ въ Латинство. И вотъ, магистръ Ордена устроилъ для дорогихъ гостей родъ большой охоты на язычниковъ, и съ сильнымъ отрядомъ осадилъ замокъ Пиллене, въ которомъ заперлось до 4.000 Литовцевъ съ женами и дѣтьми, подъ начальствомъ мѣстнаго князька Маргера.

Литовцы защищались отчаянно, и Нѣмцы никакъ не могли взять замокъ, пока одному рыцарю не пришла мысль зажечь его деревянныя стѣны, посредствомъ стрѣлъ, обмокнутыхъ въ горючій составъ. Это удалось,

и замокъ запылалъво многихъ мѣстахъ. Тогда осажденные, видя, что спасенія нѣтъ, рѣшили умереть всѣ до единаго. Они сложили огромный костеръ и сожгли на немъ все свое имущество; потомъ начали избивать отцы своихъ дѣтей, мужья своихъ женъ, и бросать ихъ въ тотъ же костеръ. Затѣмъ Литовскіе мужи раздѣлились по двое и одинъ другому вонзали мечи прямо въ грудь. Оставшіеся еще въ живыхъ протягивали свои шеи подъ топоръ одной старой жрицы; наконецъ, исполнивъ свое дѣло, и она бросилась въ пламя; все это совершалось подъ наблюденіемъ Маргера; когда же избіеніе окончилось, онъ закололъ собственную жену, скрытую имъ въ подземельѣ замка, а потомъ покончилъ и съ собою.

315. Предполагаемый видъ Ромове.

Конечно, при такой необыкновенной ревности къ язычеству со стороны своего народа, Гедемину было затруднительно самому креститься, но лично онъ имѣлъ двухъ Русскихъ Православныхъ женъ (Ольгу и Еву) и

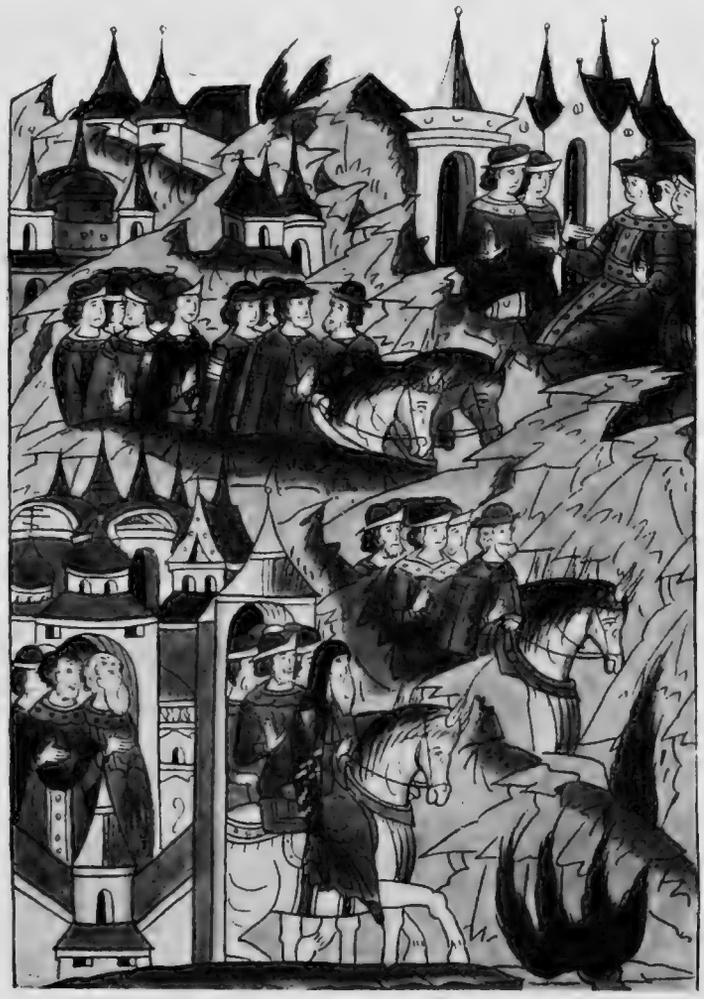


316. Видъ съ рѣки Вилiи на Крестовую гору и развалины замка Гедемина у Вильны.

не препятствовалъ дѣтямъ не только устраивать христіанскіе браки, но и креститься.

При этомъ, въ дѣлѣ устройства браковъ своихъ дѣтей, Гединиъ проявилъ необыкновенное искусство, пріобрѣтя рядъ родственныхъ связей,

посредствомъ которыхъ онъ, или подготовлялъ присоединеніе къ Литвѣ новыхъ Русскихъ областей, или получалъ важныхъ союзниковъ. Своего сына Ольгерда онъ женилъ на Маріи Ярославнѣ, дочери Витебскаго князя, не имѣвшаго сыновей, почему Ольгердъ и получилъ впослѣдствіи Витебскъ; другого сына Любарта онъ женилъ на внучкѣ Юрія Львовича, князя Галицко-Волынскаго, одну свою дочь Айгусту онъ выдалъ за старшаго сына Іоанна Калиты—Симеона, другую—за Димитрія Михайловича Грозныя Очи, убитаго въ Ордѣ, третью — за Казиміра Великаго, короля Польскаго, а четвертую — за того Болеслава - Юрія, который былъ послѣднимъ княземъ Галицко-Волынскимъ и отравленъ въ 1340 году.



317. „Того же лѣта князь велики Семенъ Ивановичъ, внукъ Даниловъ, поиде въ Орду къ новому царю Чянебгьку, Азбякову сыну... того же лѣта и Θеогностъ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, поиде во Орду... къ новому царю Чянебгьку"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

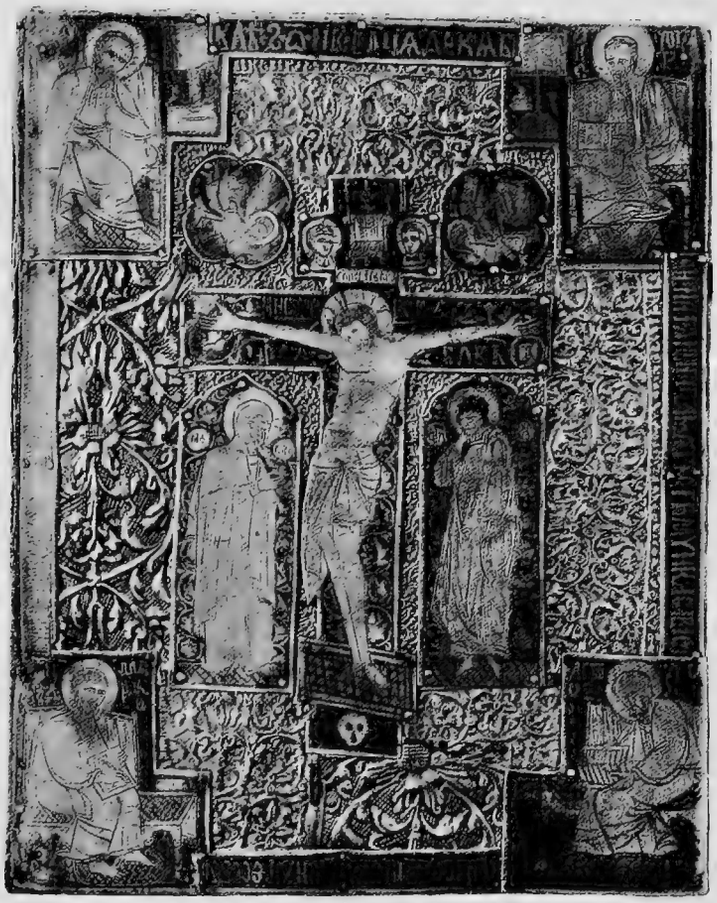
Самъ Гединиъ умеръ въ 1341 году, также какъ и Іоаннъ Калита. Онъ былъ убитъ при осадѣ одного Нѣмецкаго замка. Сыновья свезли его тѣло въ Вильно, и оно было торжественно сожжено вмѣстѣ съ конемъ, любимымъ слугою и тремя плѣнными Нѣмцами, по Литовскому обычаю, схожему съ древне-Русскими и Скиѳскими.

Такимъ образомъ, одновременно съ собираніемъ Руси, начавшимся на Сѣверо-Востокѣ—подъ рукой Москвы, шло уже сильное собираніе Западной и Южной Руси—Литвой. Конечно, эти двѣ силы должны были весьма скоро столкнуться между собою изъ-за пограничныхъ другъ къ другу областей.

По смерти Калиты, его дѣти—Симеонъ, Іоаннъ и Андрей, а съ ними и всѣ Русскіе князья, по обычному порядку, отправились въ Орду утверждать за собой свои отчины, при чемъ князья—Ярославскій, Тверской и Суздаль-

скій,—прямо пошли искать великаго княженія. Однако, ханъ, памятуя хорошее поведеніе покойнаго Калиты, не только отдалъ великое княженіе Симеону, но далъ въ своемъ ярлыкѣ клятву за себя и дѣтей своихъ—укрѣпить великое княженіе за потомками Калиты; мало того, «всѣ князья Русскіе были отданы *подъ руки* Симеона».

Такимъ образомъ, благодаря «мудрому смиренію» Московскихъ князей, сами Татары давали имъ власть надъ остальной ихъ братіей, и исполни-



318. Окладъ Евангелія Симеона Гордаго.
Хранится въ ризницѣ Троицко-Сергіевой Лавры.

лось то, противъ чего такъ возставалъ Мстиславъ Храбрый, обривая голову и бороду послу Андрея Боголюбскаго и наказывая передать Андрею, что князья ему не подручники.

Лѣтописецъ разсказываетъ, что двадцати-трехлѣтній Симеонъ, которому всѣ остальные князья не замедлили дать прозваніе Гордаго, созвалъ ихъ и напомнилъ имъ, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья безпрекословно повиновались старшему и что теперь только такимъ же безпрекословнымъ повиновеніемъ ему, Симеону они могутъ освободиться отъ Татарскаго ига.

И князья, можетъ быть, скрѣпя сердце, повиновались ему; Тверь не думала больше о борьбѣ, при чемъ князь ея, Всеволодъ Александровичъ, отдалъ сестру свою Марію за Симеона, когда онъ вздумалъ вступить въ третій бракъ, потерявъ первую жену Айгусту Гедиминовну и разведясь со второй—Евпраксіей Ѳеодоровной Смоленской *); другой же Тверской князь женился впослѣдствіи на дочери Симеоновой. За невѣстой Симеона, княгиней Маріей Александровной, ѣздилъ въ Тверь бояринъ Андрей Кобыла, родоначальникъ нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ.

Возвратившись изъ Орды, Симеонъ долженъ былъ привести подъ свою волю Господина Великій Новгородъ. Новгородцы, еще при жизни Калиты, не желали признавать надъ собою главенства Москвы и призывали къ себѣ даже сына Гедиминова—Нориманта, весьма, впрочемъ, недолго у нихъ сидѣвшаго. Теперь Симеонъ, конечно, истощивъ свою казну въ Ордѣ, справедливо желалъ, чтобы и Новгородцы участвовали въ этихъ расходахъ, и послалъ въ богатый Торжокъ за сборомъ дани.

Это вызвало неудовольствіе, особенно среди Новоторжскихъ бояръ; по ихъ наущенію, послы Симеоновы были закованы и посажены въ тюрьму, а въ Новгородъ послали за ратной помощью, зная, что великій князь не оставитъ этого самоуправства безъ наказанія.

319. Печать великаго князя Симеона Гордаго.

Однако, въ Новгородѣ противъ посланной рати возстала чернь и не позволила начинать войну. Вслѣдъ за тѣмъ и въ Торжкѣ чернь поднялась на бояръ съ крикомъ: «Зачѣмъ призвали Новгородцевъ? Зачѣмъ Московскихъ бояръ поковали и посажали въ тюрьмы? Вѣдь не вамъ, а намъ за это погибать!». Послѣ чего чернь надѣла брони, вооружилась, освободила заключенныхъ, съ честью выпроводивъ ихъ изъ города, и съ особымъ ожесточеніемъ напала на дома своихъ бояръ.

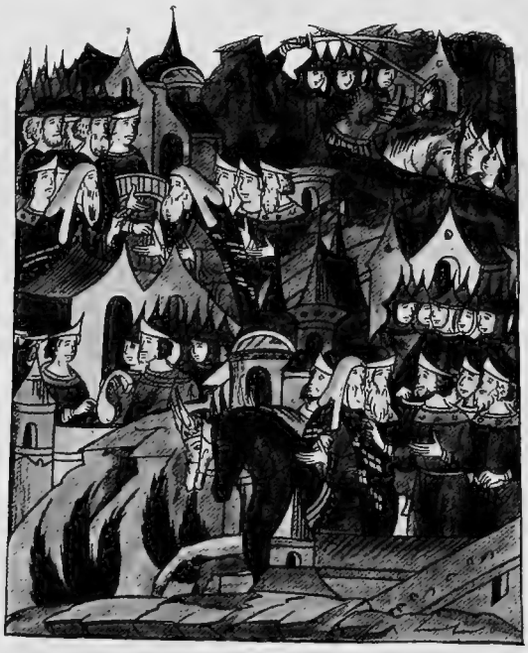
Такимъ образомъ, самъ народъ былъ крѣпкимъ союзникомъ Москвы за увеличеніе ея власти въ спорахъ и ссорѣ съ Новгородомъ и со всѣми другими княжествами, такъ какъ народъ уже достаточно понималъ, чѣмъ кончаются всѣ междоусобія, и потому теперь уже сталъ всячески стараться прекратить ихъ въ самомъ началѣ и поддерживать того князя, который своею крѣпкою рукой можетъ сберечь Землю отъ кровопролитія и разоренія.

Поступокъ Новоторжскихъ бояръ былъ дѣломъ очень важнымъ для всей остальной Руси—это было самоуправство; дань собиралась, главнымъ образомъ, для Татаръ, и ея недоборъ всегда грозилъ новымъ Татарскимъ нашествіемъ, отъ котораго должны были пострадать не одни виновные, но и вся Земля. Когда въ Москвѣ узнали о сопротивленіи Новоторжцевъ, то Симеонъ собралъ къ себѣ въ Москву помыслить объ общемъ дѣлѣ всѣхъ

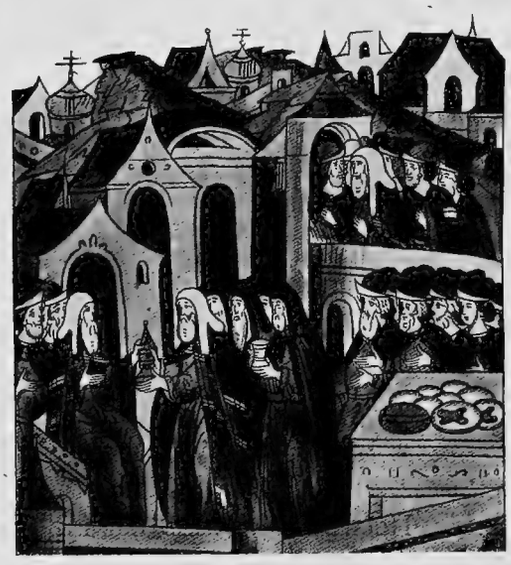
*) Причиной развода была, какъ говоритъ лѣтописецъ, порча Евпраксіи Ѳеодоровны на свадьбѣ, почему каждую ночь она казалась супругу мертвецомъ.

князей и тутъ же утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ «быть всѣмъ за едино: прежде всего смирить и покорить Новгородцевъ, а затѣмъ и между собой жить въ совѣтѣ и единствѣ. Кому между князей будетъ обида въ отчинѣ или въ иномъ чемъ, то войны не начинать, но судиться передъ великимъ княземъ, а кто начнетъ войну и позоветъ Татаръ или у Татаръ суда поищетъ, на того всѣмъ князьямъ идти за едино».

Послѣ этого была собрана рать, и всѣ князья, во главѣ съ митрополитомъ, пошли къ Торжку. Конечно, присутствіе митрополита, какъ и въ походѣ Калиты противъ Псковичей, показывало, что собственно войны не полагается, а что это походъ судей противъ виноватаго. Новгородцы тоже



320. „А Новгородцы со всею землею собрашася... и послаша владыку Василіа Новогордкаго къ Феогнасту митрополиту біюще челомъ... и тако докончаша миръ по старымъ грамотамъ извѣчнымъ“...



321. „Преосвященный Θеогнастъ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, иде въ Новгородъ Великій со множествомъ церковнаго своего причта и со многими своими слугами“...

поднялись, но послали своего владыку Василія съ челобитьемъ. Дѣло окончилось миромъ, при чемъ Новгородцы отдали Симеону на два года «черный боръ» (сборъ особой дани съ чернаго люда), да и съ Торжка было взято 1.000 рублей, въ видѣ пени. Митрополитъ же Θеогностъ лично посѣтилъ Новгородъ и былъ богато одаренъ.

Такимъ образомъ, Симеонъ удачно продолжалъ слѣдовать по начертанному пути собиранія Руси подъ властью Москвы. Ему же пришлось давать отпоръ и объединительнымъ стремленіямъ Литвы по отношенію Русскихъ пограничныхъ Земель.

Застигнутый неожиданной смертью, Гедиминъ, повидимому, не успѣлъ распорядиться относительно того, кому изъ сыновей его быть великимъ кня-

земъ Литовскимъ и Русскимъ. Всѣхъ же ихъ у него было семь, изъ конхъ особенно замѣчательны были—Ольгердъ и Кейстутъ, рожденные отъ одной матери и связанные между собой самой прочной братской любовью; Ольгердъ не замедлилъ скоро стать великимъ княземъ Литовскимъ и взялъ себѣ въ управленіе области, примыкавшія къ Руси, тогда какъ Кейстутъ взялъ тѣ, которыя были обращены къ сторонѣ владѣній Нѣмцевъ.

Оба брата какъ бы дополняли другъ друга: Кейстутъ былъ настоящимъ язычникомъ-Литовцемъ—храбрый, добродушный, хотя и не безъ нѣкотораго коварства; Ольгердъ же отличался глубокими государственными даро-

322. Ольгердъ.

Изъ книги Александра Гваньини: „Описаніе Европейской Сарматіи“ 1581 года.

323. Изображеніе Кейстута на печати, приложенной къ грамотѣ 1379 года.

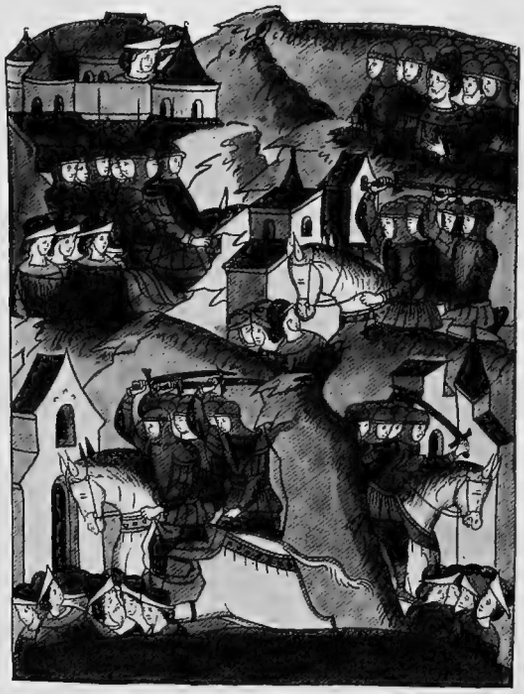
Изъ книги Т. Корзона: „Войны и военное устройство Польши“.

ваніями; онъ умѣлъ правильно пользоваться обстоятельствами, вѣрно намѣчалъ цѣли своихъ стремленій, выгодно заключалъ союзы и удачно выбиралъ время для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ. При этомъ, онъ былъ крайне сдержанъ, осмотрителенъ и сохранялъ свои намѣренія въ непроницаемой тайнѣ. Такъ же скрытно и внезапно любилъ онъ совершать и свои военные походы. Ольгердъ былъ человѣкомъ безусловно трезвымъ, что было рѣдко въ его время, и былъ очень склоненъ какъ къ Русскимъ обычаямъ, такъ и вообще ко всему Русскому, сознавая, конечно, насколько Русскій бытъ стоялъ неизмѣримо выше варварскаго Литовскаго; при этомъ, онъ самъ исповѣдывалъ Православіе, однако тайно, зная ненависть къ нему со стороны Литовцевъ, и когда трое его молодыхъ приближенныхъ—Кумецъ,

Нежило и Круглецъ—приняли Православіе съ именами Іоанна, Антонія и Евстафія и стали открыто его исповѣдывать, то Ольгердъ, уступая требованію жрецовъ, не постыдился ввергнуть ихъ въ темницу, а потомъ и предать мучительной казни. Нетлѣнныя мощи этихъ Святыхъ мучениковъ почиваютъ въ настоящее время открыто въ Виленскомъ Святодуховомъ монастырѣ.

Въ годъ возвращенія Симеона изъ Орды, Ольгердъ внезапно подошелъ къ Можайску, входившему во владѣнія Москвы, но города взять не успѣлъ

324. „Того же лѣта князь великій Ольгердъ Гедиминовичъ съ братомъ своимъ Кейстутіемъ... идоша къ Новгороду ратью... а къ Новгородцамъ посла глаголя сице: хочу съ Вами видѣтися, да аще ми Богъ поможетъ хочу и боронитися; лаялъ ми посадникъ Вашъ Остафей Дворянинецъ, и толико мя укоризнами омывалъ, яко и псомъ назвалъ мя"...



325. „И мало постоявъ нача (Ольгердъ) воевати, и вьзя Шелону... и Лугу... и много влостей и селъ и мѣстъ воеваше и плѣняше, и съ Порхова взя окупа триста рублевъ и шестдесятъ Новгородскихъ"...

и ушелъ назадъ. Спустя восемь лѣтъ, Ольгердъ придумалъ новое средство осилить Московскаго князя. Онъ послалъ своего брата въ Орду, гдѣ въ это время, послѣ смерти Узбека, шли большія усобицы и ханы быстро смѣнялись, просить помощи противъ Москвы. Тогда Симеонъ, узнавъ объ этомъ, тоже отправилъ въ Орду своихъ пословъ, которые держали хану Чанибеку такое слово: «Князь Литовскій Ольгердъ твои улусы (Русскую Землю) всѣ высѣкъ и въ полонъ вывелъ, а теперь и насъ, твоихъ данниковъ, хочетъ полонить и твой улусъ, Русскую Землю, хочетъ до конца опустошить, и все съ той мыслью, чтобы, разбогатѣвъ, подняться и на тебя».

Чанибекъ понялъ справедливость словъ своего вѣрнаго данника Московскаго князя и выдалъ ему головой брата Ольгердова съ дружиной, которые и были доставлены въ Москву.

Литовскій князь присмирѣлъ и на другой годъ прислалъ въ Москву пословъ съ челобитьемъ и многими дарами, прося мира и помилованія его брату. Симеонъ великодушно отпустилъ плѣнниковъ, послѣ чего между нимъ и Ольгердомъ завязалась любовь и дружба, при чемъ Ольгердъ, потерявъ свою первую жену—Марію Ярославну Витебскую, женился на свояченицѣ Симеона — Ульянѣ Александровнѣ Тверской, а братъ его Любартъ, тоже вдовецъ—на Ростовской княжнѣ.

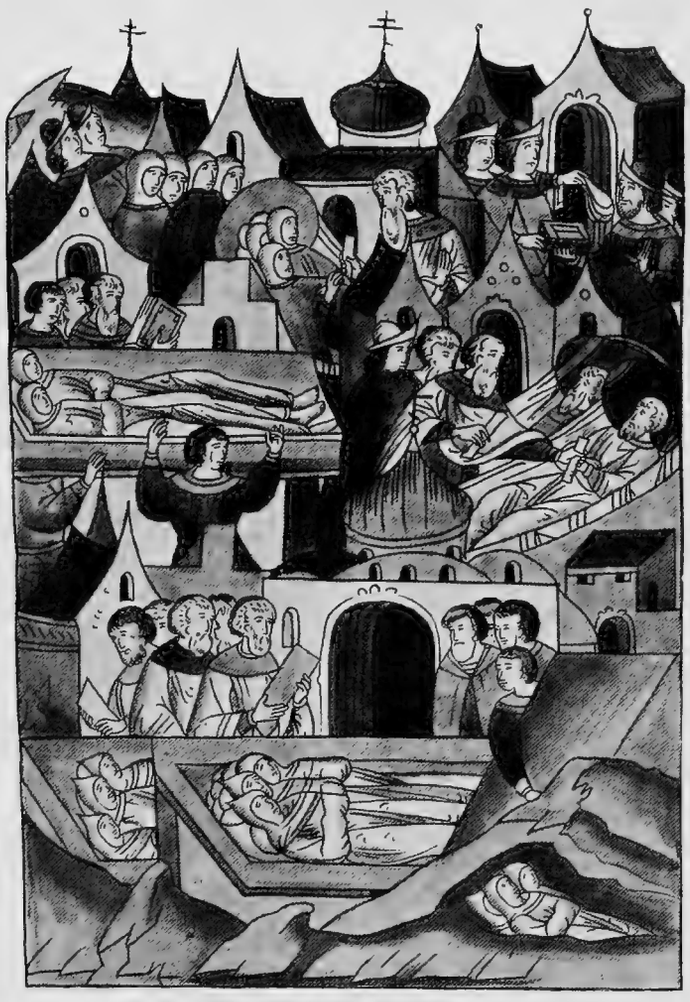
326. „Магнушъ, король Свейскій, посла пословъ своихъ и презвитеровъ къ Новугороду Великому"... Вверху рисунка Шведы нападаютъ на безоружныхъ Русскихъ, ниже—Шведы силою крестятъ Русскихъ и бреютъ имъ бороды, а еще ниже, осаждаютъ Орѣшекъ.

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Во времена Симеона, у Нѣмцевъ окончилась усобица Ливонскихъ рыцарей съ Рижскими епископами; поэтому они возобновили свои наступательныя дѣйствія и нѣсколько разъ ходили воевать со Псковомъ, но храбрые Псковичи, усердно призывая на помощь Святыхъ Всеволода и Довмонта, каждый разъ успѣшно били Нѣмцевъ; однажды имъ на помощь приходилъ и Ольгердъ, который, впрочемъ, ходилъ также и на Новгородцевъ, обидѣвшись на ихъ посадника, пренебрежительно отзывавшагося о немъ.

У Новгорода тоже возобновилась борьба со Шведами. Шведскій король Магнусъ возымѣлъ странную мысль—идти крестовымъ походомъ на Новгородъ, для обращенія въ Латинство Русскихъ *язычниковъ*, для чего, собравъ въ налогъ десятую часть дохода всѣхъ жителей, выступилъ въ 1341 году въ походъ; онъ вошелъ въ Неву и отправилъ пословъ въ Нов-

городъ, которые объявили на вѣчѣ отъ его имени: «Пришлите на съѣздъ своихъ философовъ, а я пришлю своихъ, пусть они поговорятъ о вѣрѣ; хочу узнать, какая вѣра будетъ лучше: если ваша будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру, если же наша лучше, то ступайте въ нашу вѣру и будемъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ; если же не хотите соединиться съ нами, то иду на васъ со всей моею силою».



327. Черная смерть. „...Понеже убо и священницы не успѣваху тогда мертвыхъ погребати, но во едину ночь до заутріа сношаху къ церквѣ мрѣтвыхъ до двадесяти и до тридцати, и всѣмъ тѣмъ единое надгробное пѣніе отпѣваху"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

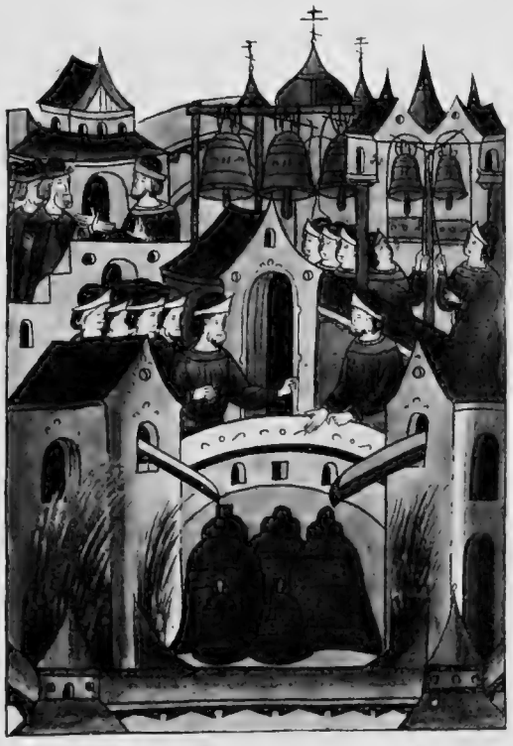
Новгородцы, во главѣ съ владыкой Василіемъ, отвѣчали: «Если хочешь узнать, какая вѣра лучше, то пошли въ Царьградъ къ патріарху, потому что мы отъ Грековъ приняли Православную вѣру, а съ тобой намъ нечего спорить о вѣрѣ; если же тебѣ есть какая-нибудь отъ насъ обида, то шлемъ къ тебѣ на съѣздъ,» и послали тысяцкаго съ боярами. Но Магнусъ отвѣтилъ имъ: «Обиды мнѣ отъ васъ нѣтъ никакой; ступайте въ мою вѣру, а не пойдете, то я иду на васъ со всей моей силою», и, отпустивши пословъ, осадилъ Орѣшекъ, при чемъ всѣмъ, попадавшимъ въ руки, Русскимъ велѣлъ брить бороды, а потомъ перекрещивалъ ихъ въ Латинство.

«Но Русскіе скоро показали, что у нихъ бороды опять выросли»,— уныло говоритъ Шведскій лѣтописецъ. Хотя Магнусу и удалось овладѣть Орѣшкомъ, но Новгородцы на слѣдующій годъ взяли его обратно, затѣмъ подошли къ Выборгу, разбили вышедшихъ имъ навстрѣчу Шведовъ и заключили выгодный миръ. Во время этого похода Псковъ, за содѣйствіе Новгороду, былъ пожалованъ младшимъ братомъ Новгороду, при чемъ было опредѣлено: посаднику Новгородскому во Псковѣ не сидѣть, отъ владыки

судить во Псковѣ Псковичу и Псковитянъ на судъ въ Новгородъ не вызывать.

Въ 1352 году, Русскую Землю посѣтило страшное бѣдствіе—моръ, подъ названіемъ «*черной смерти*», которая была, вѣроятно, легочной чумою. Первоначально она появилась въ Китаѣ, гдѣ отъ нея умерло тринадцать милліоновъ людей; затѣмъ она была занесена на корабляхъ въ Европу, обошла Францію, Англію, Германію, Швецію, откуда проникла, черезъ

328. Русскіе иконописцы при Симеонѣ Гордомъ... „ Того же лѣта писаше въ монастырь и церковь Святаго Спаса велѣніемъ и казною великой княгини... Анастасіи Семеновны, а матеры, старѣйшины и начальники быша Рустіи родомъ, а гречести ученицы: Гоитанъ, Семенъ, Иванъ и прочіе"...



329. „Того же лѣта на Москвѣ князь великій Семенъ Ивановичъ и съ братіей своею сліяша три колоколы большихъ и два меньшихъ, и лилъ ихъ мастеръ Борисъ Римлянинъ"...

Новгородъ и Псковъ, въ Русскую Землю. Священники не успѣвали отпѣвать покойниковъ—такъ велика была смертность; въ городахъ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни единаго человѣка; всѣ перемерли.

Населеніе было, конечно, въ ужасѣ, и много зла творилось въ это время преступными людьми; но вмѣстѣ съ тѣмъ, многими Русскими людьми было проявлено и замѣчательное мужество и самоотверженность въ служеніи больнымъ. Особенно прославился своимъ безстрашіемъ и истинно христіанской любовью къ несчастнымъ зачумленнымъ Новгородскій владыка Василій, который, къ сожалѣнію, и самъ скончался отъ мора.

Въ 1353 году, черная смерть постигла и Москву, и отъ нея умерли: митрополитъ Ѳеогностъ, самъ великій князь Симеонъ, едва достигшій 36-ти лѣт-

няго возраста, всѣ его дѣти, молодой братъ Андрей и множество народа. Передъ кончиной Ѳеогностъ много претерпѣлъ за Русскую Землю. Поѣхавъ въ Орду на поклонъ новому хану Джанибеку, онъ былъ задержанъ Татарами, которые предавали его разнымъ истязаніямъ съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ правъ Русской церкви, данныхъ прежними ханами; но святитель твердо перенесъ свои страданія и, роздавъ богатые дары, сумѣлъ отстоять права нашей церкви. Онъ былъ причтенъ къ лику Святыхъ и погребенъ рядомъ со Святымъ Петромъ въ Успенскомъ соборѣ.

Симеонъ въ своей духовной грамотѣ завѣщалъ слѣдующее: «А по бла-

330. Крещеніе младенца Елевферія, будущаго Св. Алексія, митрополита всея Руси. У купели отронъ воспріемникъ—князь Іоаннъ Даніиловичъ, будущій Калита.

Изъ лицевого рукописнаго Житія Св. Алексія, написаннаго въ XVI вѣкѣ Пахоміемъ Логофетомъ.

гословенію нашего отца, что намъ приказалъ жити за одинъ, такъ и я вамъ приказываю, своей братіи—жити за одинъ. А лихихъ бы людей вы не слушали, кто станетъ васъ сваживать; слушали бы вы отца нашего, владыку Алексія (преемника митрополита Ѳеогноста), также и старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ. А пишу вамъ это слово для того, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и *свѣча бы не угасла*». Такъ умеръ мудрый и твердый духомъ Симеонъ. Кромѣ непрестанныхъ занятій по дѣламъ своей Земли, онъ усердно занимался украшеніемъ Москвы. При немъ были чудесно расписаны, Греческими и Русскими мастерами, храмы, сооруженные его отцомъ. Во времена Симеона же возникло въ Москвѣ, подъ

руководствомъ славнаго мастера Бориса, родомъ Римлянина, и необходимое для Руси искусство—колокольное литье.

Смерть Симеона хотя и подняла новыя крамолы, но не произвела никакого особаго замѣшательства; такъ уже крѣпко была устроена Москвой связь земскихъ и княжескихъ отношеній, при чемъ въ заботахъ объ этой связи, Москва не упустила важнѣйшаго дѣла и вполнѣ обезпечила себя относительно избранія митрополита. Еще при жизни Святого Ѳеогноста, имъ же былъ избранъ намѣстникомъ митрополичьяго стола Русскій человѣкъ, старецъ Алексій, изъ Черниговскихъ бояръ; его отецъ Ѳеодоръ Бяконтъ, перебрался на службу къ князю Даніилу Александровичу, и Іоаннъ Калита, будучи еще отрокомъ, крестилъ старшаго сына Ѳедора—Елевѳерія.

331. „...И простре сѣть на уловленіе птицамъ, и стрежаше опасно сіа, и воздремався, успе; и бысть ему гласъ глаголя: „Алексѣе! что всуе трудишися? Се отселѣ будеши человѣкъ ловя"...

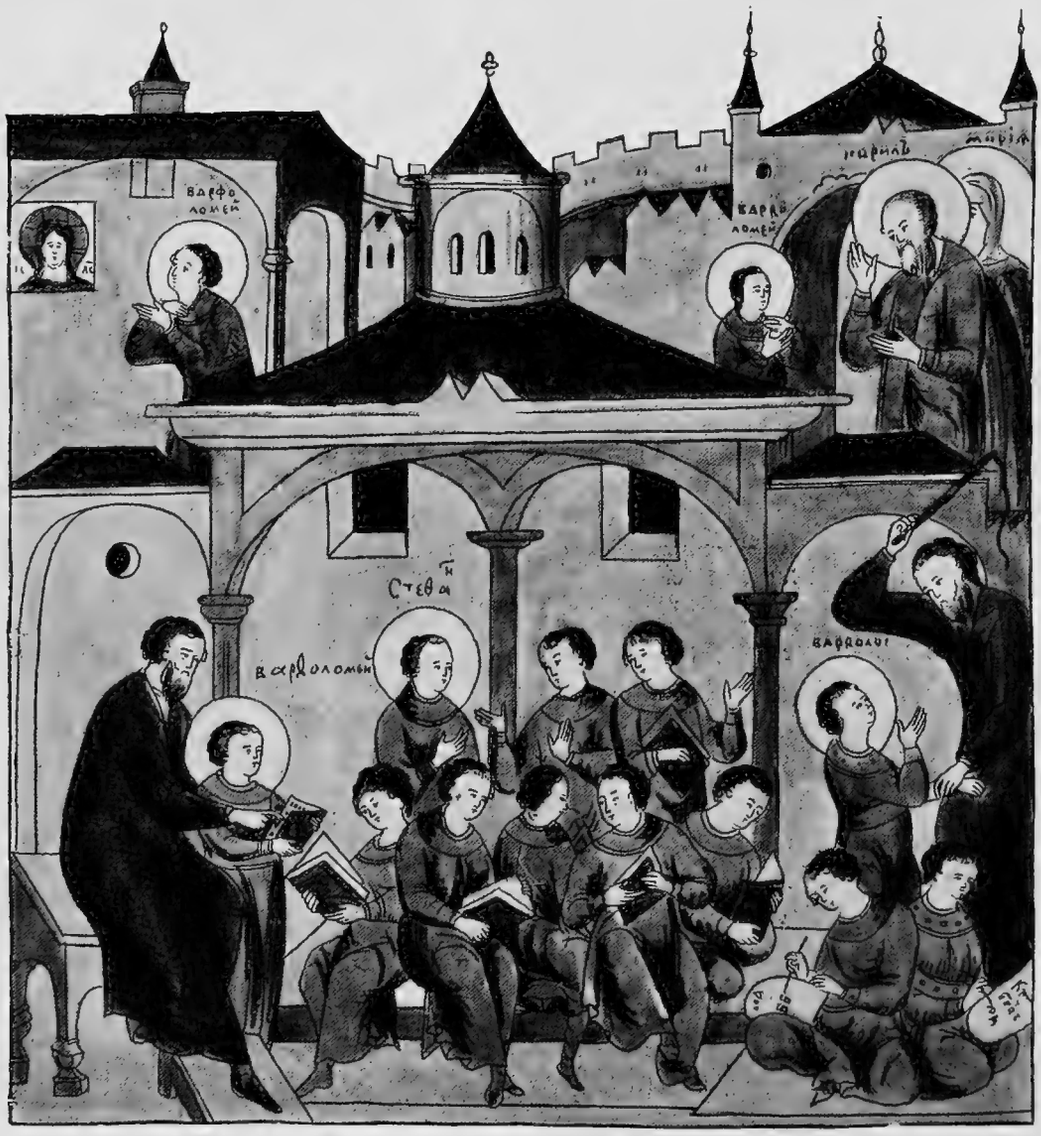
Изъ Царственнаго лѣтописца.

Достигнувъ тринадцати лѣтъ, Елевѳерій услышалъ однажды, занимаясь ловлей птичекъ, голосъ, указавшій ему путь къ иночеству; поэтому, уже на пятнадцатомъ году жизни, онъ принялъ постриженіе съ именемъ Алексія и послѣ 20 лѣтъ строгихъ подвиговъ обратилъ на себя вниманіе Ѳеогноста, который назначилъ его своимъ преемникомъ и, безъ сомнѣнія, посвятилъ во всѣ задачи объ освобожденіи Руси отъ Татаръ и собиранія ея подъ властью Москвы, завѣщанныя еще Святымъ Петромъ. Вотъ, слушать этого Алексія и наказалъ своимъ братьямъ умирающій Симеонъ.

Кромѣ Алексія, въ то же время, былъ уже славенъ своими подвигами и другой великій Русскій подвижникъ.

Въ 1314 году, у благочестиваго Ростовскаго боярина Кирилла и жены его Маріи родился сынъ Варѳоломей. Это былъ замѣчательный ребенокъ, и боярыня Марія еще до рожденія Варѳоломея почувствовала, что жизнь его будетъ необыкновенной по своей святости. Мальчикъ росъ тихимъ и набожнымъ; на седьмомъ году его отдали учиться грамотѣ, вмѣстѣ съ бра-

тьями—Стефаномъ и Петромъ, но она, къ глубокому огорченію, ему не давалась, и онъ часто со слезами молился Богу, чтобы Онъ подалъ ему разумѣніе грамоты.



332. Отрокъ Варѳоломей въ школѣ. „Учитель же его со многимъ прилежаніемъ учаше его, но отрокъ не точенъ былъ... Много бранимъ бываше отъ родителю своею, болѣ же отъ учителя томимъ... Отрокъ же въ тайнѣ часто со слезами моляшеся Богу“...

Изъ рукописнаго Житія Святого Сергія (вѣроятно XVI вѣка), составленнаго первоначально ученикомъ его Епифаніемъ и дополненнаго Пахоміемъ Сербомъ. Считается особенно цѣннымъ по множеству рисунковъ, относящихся къ быту XVI вѣка, а также, несомнѣнно, и къ болѣе раннему времени. Хранится въ Троицко Сергіевской Лаврѣ.

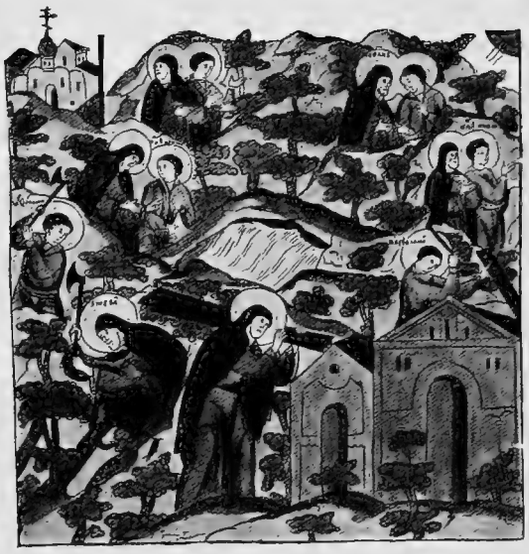
Наконецъ, горячая молитва его была услышана; однажды, онъ былъ посланъ отцомъ въ поле искать лошадей и увидѣлъ незнакомаго старца, который стоялъ подъ дубомъ и усердно молился. Варѳоломей выждалъ

окончанія его молитвы, а затѣмъ подошелъ къ благословенію; когда же старецъ спросилъ его, что онъ желаетъ, то мальчикъ разсказалъ ему о своихъ неуспѣхахъ въ грамотѣ и просилъ его помолиться за него. Старецъ помолился и далъ часть просфоры, сказавъ при этомъ, что отнынѣ ему дается отъ Бога разумъ къ ученію. И дѣйствительно, въ тотъ же день Варѳоломей, въ присутствіи старца, приглашеннаго мальчикомъ въ домъ своихъ родителей, сталъ за часами уже стройно читать Псалтирь; послѣ этого, благословивъ еще разъ Варѳоломея и предсказавъ ему за добродѣтельное житье великую будущность, старецъ сталъ внезапно невидимымъ, изъ чего присутствующіе и познали, что ихъ чудесно посѣтилъ ангелъ Божій.

333. Чудесное явленіе старца отроку Варѳоломею.
Съ картины М. Нестерова.

Когда Варѳоломею минуло 15 лѣтъ, отецъ его совершенно разорился; онъ принужденъ былъ покинуть Ростовъ и переселиться съ семьей въ городокъ Радонежъ, въ 54 верстахъ отъ Москвы; здѣсь, достигнувъ 20-ти лѣтняго возраста, Варѳоломей пожелалъ постричься, такъ какъ по жизни своей былъ уже съ дѣтства строжайшимъ инокомъ. Родители его ничего не имѣли противъ этого, но такъ какъ старшіе сыновья уже женились и имѣли на попеченіи собственныя семьи, то старики просили Варѳоломея оставить свое намѣреніе до ихъ смерти, съ тѣмъ, чтобы онъ поддерживалъ ихъ старость своимъ трудомъ.

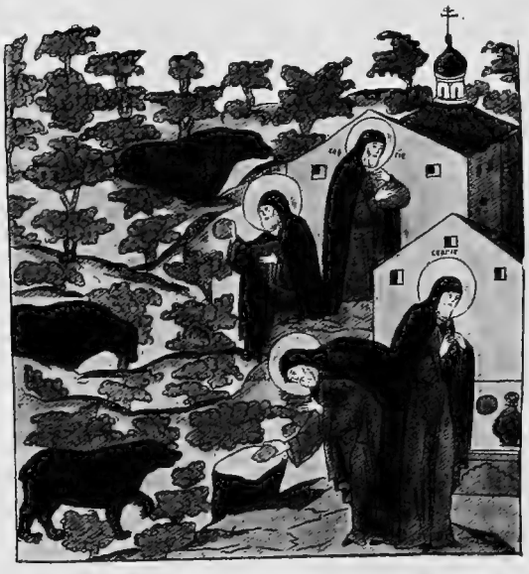
Варѳоломей исполнилъ это желаніе, и только дождавшись кончины родителей, имѣя 23 года отъ роду, покончилъ съ мірскою жизнью. Однако, онъ не пошелъ ни въ одинъ изъ существовавшихъ монастырей, а, слѣдуя



334. „И придоста на едино мѣсто въ чащахъ лѣса... возлюбоста è... и сотвориша молитву начаста своима рукама лѣсъ сѣщи ...прежде же сотвористa одрину и хизину и покрыста ю".

Изъ Житія Преподобнаго Сергія, хранящагося въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ.

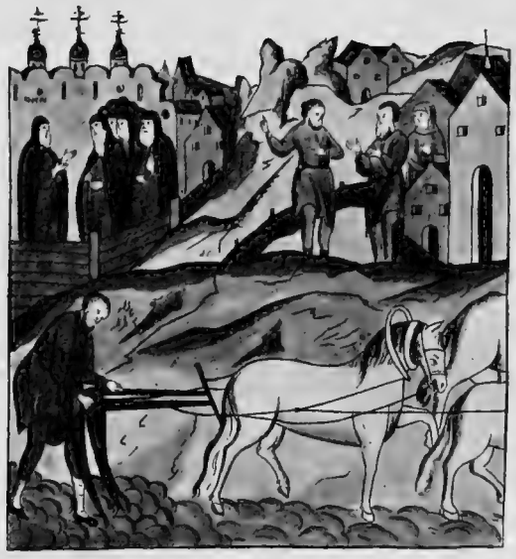
335. „По врѣменехъ же доволныхъ діаволъ... всуе тружався с бесы своими, аще и многія различныя мечтанія наведе... Преподобный Сергій... на бесы дерзая... уповая на Божію помощь".



336. „Отъ нихъ же единъ, звѣрь... еже сказается медвѣдь иже навсегда обыче приходити къ преподобному. Се же видѣ преподобный... и изношаше ему... малу краюху хлѣба и полагаше ему или на пень или колоду".

337. „...Нѣкоторыи же отъ мнихъ поропта единъ кратъ ...на Сергія не ядоша бо и по два дни... Видя бо малодушіе ихъ... Преподобный Сергій учаше я въскую прискорбны есте братіе ...уповайте на Бога ...И се неціи внезапу потолкаша во врата и видѣ яко принесено множество брашенъ потребныхъ"...

примѣрамъ великихъ основателей монашества, пустынниковъ Египта— Антонія, Пахомія и Макарія, рѣшилъ уединиться въ лѣсу и пригласилъ себѣ



338. Слава о подвигахъ Сергія привлекаетъ къ нему многихъ посѣтителей. „...Тогда много человѣкъ... посѣщающе его. Единъ отъ нихъ нѣкто ...поселянинъ чиномъ орачъ земледѣлецъ восхотѣ видити его“...

339. „...Тогда начаша приходити христіане... и начаша сѣщи лѣсы оны... и сотвориша себѣ различныя починцы... и составиша села и дворы многи“...

340. „Обувь же и порты краяше и шіяше и отъ источника сущаго ту воду... почерпая на своемъ еси рамена гору возношаше и комуждо къ келіи поставляше“...

341. „...Преподобный же отецъ нашъ Сергій... просфоры же самъ печаше, прежде бо пшеницу толчаше и меляше и муку сѣяше и тѣсто мѣсяше и квасяше“.

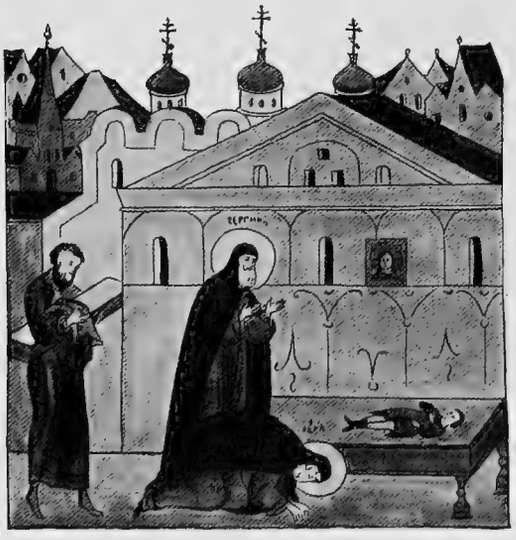
въ товарищи родного своего брата Стефана, успѣвшаго овдовѣть къ этому времени и постричься въ монастырѣ.

*

Въ громадномъ лѣсу, расположенномъ близъ Радонежа, они выбрали себѣ мѣсто, гдѣ рѣшили поставить церквицу и шалашъ. Это было въ томъ

342. „Бѣ же нѣкій христолюбецъ, живый во предѣлѣхъ монастыря онаго ...сынъ же человѣка онаго мало суще отроче, едино чадо ему, болѣзнію одержимо“...

343. „Отецъ отрока несе ѝ в манастырь ко святому, глаголаше бо аще токмо жива принесу къ человѣку Божію всяко исцѣлѣетъ“.



344. „...Святый же умилися о человѣцы ономъ преклоньша колѣни начатъ молитися о умершемъ, и внезапу отроча оживе и душа его возвратитися ѝ“...

345. ...И пріемъ отроча здраво отиде в домъ свой, молчати убо не можаше, повѣдати же не смѣяше, но тако бѣ в себѣ дивяся, хвалу воздая Богу творящему дивная и преславная“...

самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ величественная Троице-Сергіевская лавра, знакомая каждому Русскому человѣку.

Деревянная церквица была выстроена и освящена по благословенію митрополита Θеогноста во имя Святой Троицы; но скоро Стефанъ не выдержалъ суровой жизни и ушелъ въ Москву, въ Богоявленскій монастырь. Варѳоломей же остался совершенно одинъ въ дремучемъ лѣсу, гдѣ можно было только видѣть и слышать звѣрей и птицъ; впрочемъ, къ нему пришелъ

346. Иноки Радонежскаго монастыря идутъ въ Москву просить митрополита Алексія—приказать Сергію вернуться къ нимъ изъ монастыря на Киржачъ. „Братіа стужившиси и идоша въ градъ Москву и молиша со слезами Святаго Алексѣя митрополита, дабы возвратилъ имъ отъ Кержача въ Радонежь преподобнаго игумена Сергія"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

не надолго одинъ игуменъ-старецъ, по имени Митрофанъ, и постригъ его въ иноки съ именемъ Сергія; послѣ ухода Митрофана, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставался совершенно одинокимъ въ лѣсу, пребывая постоянно въ молитвѣ, исключая времени, необходимаго для работы въ своемъ небольшомъ огородѣ.

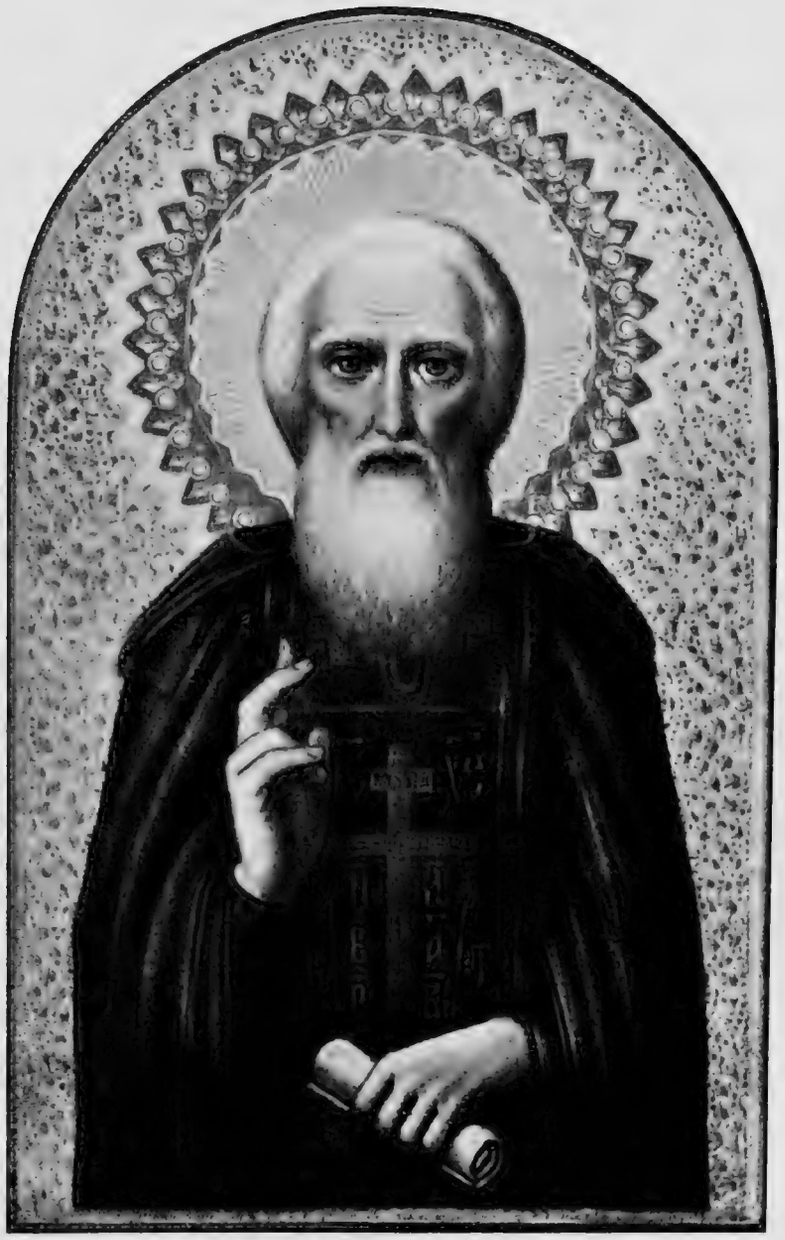
Во время этого суроваго одиночества страшныя видѣнія постоянно осаждали по ночамъ молодого подвижника и вмѣстѣ съ воемъ и ревомъ хищныхъ звѣрей, бродившихъ вокругъ кельи, должны были дѣлать его жизнь особенно безотрадной; но инокъ Сергій, горячо призывая помощь Божію, бодро выносилъ эти испытанія и пріобрѣлъ даже расположеніе среди звѣрей; стада волковъ бѣгали мимо него, не причиняя вреда, а одинъ медвѣдь сталъ часто посѣщать преподобнаго, который дѣлился съ нимъ своимъ хлѣбомъ,

347. Общежитіе въ Сергіевой обители. „Исшеде изъ церкви сіде съ братіями на трапезѣ"...
Изъ Житія Преподобнаго Сергія, хранящагося въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ.

несмотря на то, что его едва хватало самому на пропитаніе. Когда же случалось, что хлѣба совсѣмъ не было, и медвѣдь не находилъ своей краюхи на урочномъ мѣстѣ, то онъ долго не отходилъ отъ кельи, упорно ожидая подачки, какъ будто злой заимодавецъ, настоятельно желающій получить свой долгъ; эти ежедневныя посѣщенія медвѣдя продолжались болѣе года.

Несмотря на полное уединеніе, слава о подвигахъ смиреннаго отшельника постепенно распространялась, и къ нему стали обращаться съ настой-

чивыми просьбами—позволить подвизаться вмѣстѣ съ нимъ. Конечно, Сергій не отказывалъ желающимъ, указывая имъ только на трудность предстоящей жизни, и такимъ путемъ было положено начало его монастырю,



348. Образъ Преподобнаго Сергія Радонежскаго.
Работы иконописной мастерской Троицко-Сергіевской Лавры.

нынѣшней знаменитой Троице-Сергіевской лаврѣ.

Скоро собралось 12 человѣкъ монаховъ, и они просили Сергія быть ихъ игуменомъ; однако онъ рѣшительно отказался, и первымъ игуменомъ былъ приглашенный братіею старецъ Митрофанъ, постригшій Сергія.

Когда же онъ скончался, то, по усердной просьбѣ и требованію всѣхъ иноковъ, Сергій принялъ, наконецъ, игуменство и сталъ во всемъ слѣдовать примѣру Ѳеодосія Печерскаго, который тоже былъ избранъ игуменомъ въ молодые годы. Въ первое время существованія монастыря, бѣдность была страшная, и братіи по нѣсколько дней приходилось голодать; однажды, чтобы получить рѣшето гнилаго хлѣба для обители, Сергій смиренно исполнилъ большую плотничью работу. Но когда слава объ обители стала все болѣе и болѣе возрастать, то къ ней стали стекаться и пожертвованія, что дало возможность Сергію творить самую широкую милостыню.

Число пустынниковъ долго ограничивалось двѣнадцатью; первый, поступившій сверхъ этого числа, былъ Смоленскій архимандритъ Симонъ, промѣнявшій власть на званіе послушника Сергія и вручившій ему все свое большое богатство, которое пошло на построеніе новой церкви и монастыря.

Спустя десять лѣтъ послѣ основанія обители, вокругъ нея стали въ большомъ количествѣ селиться крестьяне и скоро окружили монастырь кольцомъ своихъ поселковъ.

Преподобный Сергій ввелъ въ своей обители строгій общежительный уставъ, по примѣру древнихъ апостольскихъ общинъ, когда у всѣхъ собравшихся вѣрующихъ «было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее» (Дѣян. IV, 32); приэтомъ, онъ самъ не только работалъ наравнѣ со всѣми, но, по крайней мѣрѣ, за двоихъ, такъ какъ былъ отъ природы очень сильнымъ человѣкомъ и не стыдился никакой работы—ни поварства, ни плотничества, ни кроенія и шитья одежды и обуви на братію; нарочитой же его работой было—печеніе просфоръ, при чемъ онъ самъ изготовлялъ муку для нихъ (толокъ зерно и мололъ его ручной мельницей), катаніе свѣчей и вареніе кутьи. Одежда преподобнаго Сергія была не только одинакова со всей братіей, но хуже всѣхъ, и носилъ онъ ее до тѣхъ поръ, пока она не сваливалась съ плечъ. Братъ Сергія—Стефанъ, когда монастырь расширился, вернулся въ него и выразилъ однажды неудовольствіе, что игуменомъ не онъ; тогда смиренный Сергій тайно ушелъ изъ обители и основалъ другую въ 50-ти верстахъ отъ своей—на берегу рѣки Киржачи, и только по приказанію митрополита Алексія, котораго объ этомъ просила братія, онъ вернулся обратно въ свой Троицкій монастырь.

Святой Сергій обладалъ въ большой степени даромъ прозорливости и чудотворенія, при чемъ изъ чудесъ, имѣвшихъ мѣсто при жизни его, особенно замѣчательно слѣдующее. У одного благочестиваго человѣка, жившаго близъ монастыря, тяжко заболѣлъ единственный сынъ, еще малютка. Онъ поспѣшилъ принести его къ Сергію, надѣясь на молитвы Святого, но едва только онъ переступилъ порогъ кельи, какъ малютка умеръ. Убитый горемъ отецъ оставилъ сына въ кельѣ и пошелъ за гробомъ; но пока онъ ходилъ, Сергій помолился, и дитя ожило; затѣмъ, когда отецъ вернулся, то Сергій по своему смиренію объявилъ ему, что ребенокъ не умиралъ, а просто отъ сильнаго холода закоченѣлъ (дѣло было зимой), а теперь въ кельѣ—отошелъ.

Но отецъ, хорошо видѣвшій, что ребенокъ былъ мертвъ, настаивалъ, что онъ воскресилъ его сына. Тогда Сергій запретилъ ему разглашать о чудѣ, подъ опасеніемъ лишиться мальчика.

Таковъ былъ Святой Сергій, стяжавшій себѣ громкую славу уже ко времени кончины великаго князя Симеона Гордаго.

Симеону наслѣдовалъ братъ его—Іоаннъ Красный, прозванный такъ за великую свою красоту. Его называли также Добрымъ, такъ какъ это былъ князь «кроткій, тихій и милостивый». Но что служитъ лучшимъ украшеніемъ иноковъ, не всегда соотвѣтствуетъ правителямъ. «Время Государей тихихъ», — говоритъ Карамзинъ про княженіе Іоанна Краснаго,— «рѣдко бываетъ спокойно, и мягкосердечіе ихъ имѣетъ видъ слабости, благопріятной для внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ».

349. Великій князь Іоаннъ Іоанновичъ.

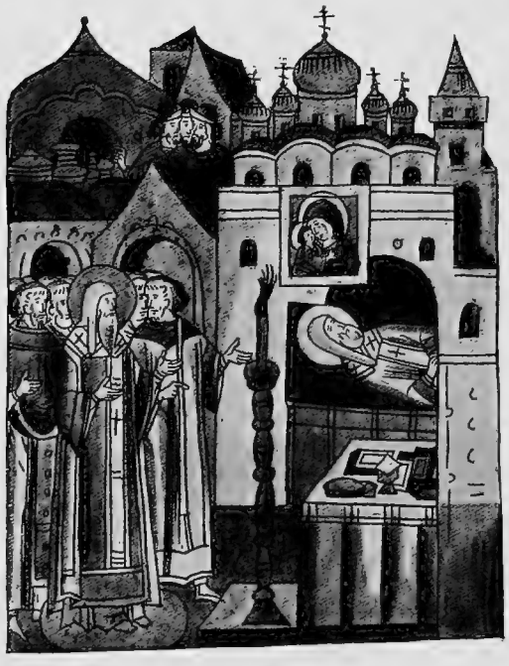
По Титулярнику.

Всѣ князья поѣхали въ Орду узнать, кто будетъ ихъ главой; при этомъ, Новгородцы отправили особаго посла съ большими деньгами на подкупъ, чтобы устроить великое княженіе не Москвѣ, а Суздальскому князю Константину *). Однако, Чанибекъ рѣшилъ дѣло въ пользу Іоанна, который не преслѣдовалъ своихъ соперниковъ и не мстилъ имъ, несмотря на то, что Новгородцы нѣкоторое время продолжали его не признавать и послѣ полученія имъ отъ хана ярлыка на великое княженіе.

Въ то же время и Рязанскій князь Олегъ, дерзкій, жестокій и коварный, дерзнулъ подняться на Іоанна, желая быть совсѣмъ независимымъ; онъ взялъ принадлежавшій Москвѣ городъ Лопасню и увелъ его намѣстника въ плѣнъ; Іоаннъ также не пошелъ на него войной, а удовольствовался освобожденіемъ упомянутаго намѣстника изъ неволи. Въ свою очередь и Ольгердъ Литовскій тоже не замедлилъ воспользоваться слабостью Іоанна; онъ присоединилъ къ себѣ Брянскъ и занялъ было своимъ войскомъ Ржевъ, чѣмъ открылъ себѣ путь къ Москвѣ и Твери, но встревоженные Тверитяне и жители Можайска поспѣшили вооружиться и сами выгнали изъ Ржева Литовцевъ.

*) Правнуку сына Александра Невскаго—Андрея.

Отсутствіе твердой великокняжеской руки давало себя, разумѣется, знать и въ самой Руси: въ Твери, Муромѣ и Новгородѣ, во время Іоанна Добраго, шли жестокія усобицы, особенно же въ Новгородѣ. Наконецъ, даже въ самой Москвѣ не было спокойно. Здѣсь, еще во время Симеона Гордаго, важную должность тысяцкаго занималъ нѣкій бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ, человѣкъ, повидимому, тщеславный, жадный до власти и коварный. Онъ затѣялъ крамолу противъ великаго князя, но рѣшительный Симеонъ быстро ее прекратилъ, изгнавъ Алексѣя Петровича изъ своихъ



350. „Онъ же уготова потребное къ путному шествію и нача пѣти молебенъ въ церкви Пречистыа Богородицы соборнѣй, и се о себѣ сама загорѣся свѣчя у гроба святаго Петра Чюдотворца"...

351. „Онъ же пѣвъ молебенъ.... и свѣщу ту раздробивъ, и раздаде народу на благословеніе, и того воску свѣщи съ собой взятъ, и воду осятивъ, поиде во орду ко царицѣ Тайдалѣ"...

владѣній и лишивъ его всѣхъ волостей. При этомъ, дальновидный Симеонъ потребовалъ, чтобы братья Іоаннъ и Андрей принесли клятву не принимать къ себѣ на службу мятежнаго боярина, ни дѣтей его; кромѣ того, зная слабоволіе Іоанна, Симеонъ взялъ съ него еще особую клятву—ни подъ какимъ видомъ не отдавать Алексѣю Петровичу той части его имѣнія, которую онъ, Іоаннъ, получилъ отъ Симеона.

Однако, несмотря на все, Алексѣй Петровичъ Хвостъ сталъ вновь тысяцкимъ послѣ смерти Симеона. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство остальныхъ Московскихъ бояръ, зная хорошо дѣла Алексѣя Петровича, были крайне недовольны его возвышеніемъ и неоднократно высказывали это

великому князю; но слабовольный Іоаннъ, конечно находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ властнаго Хвоста, не обращалъ на это вниманія. И вотъ, 3 февраля 1357 года, ночью, тѣло Алексѣя Петровича было найдено на площади, при чемъ нельзя было выяснить, кто его убилъ, но, повидимому, это послѣдовало по тайному заговору бояръ. Послѣ этого убійства въ городѣ сталъ сильный мятежъ, при чемъ многіе бояре даже временно выѣхали изъ Москвы въ Рязань.

Среди этихъ досадныхъ нестроеній, вызванныхъ исключительно сла-

352. Святой Алексій исцѣляетъ царицу Тайдулу.

Изъ лицевого Житія Св. Алексія, написаннаго Пахоміемъ Логофетомъ въ XVI вѣкѣ.

бостью Іоанна, все болѣе и болѣе возрастало значеніе и обаяніе митрополита Алексія, отличавшагося, помимо святости жизни и чрезвычайной любви къ Родинѣ, также и обширнѣйшей образованностью; онъ самъ переводилъ съ древнихъ подлинниковъ Священное Писаніе на Славянскій языкъ. Скоро ему представился случай оказать важную услугу Родинѣ.

Въ 1357 году, ханъ Чанибекъ потребовалъ его къ себѣ для исцѣленія своей любимой жены Тайдулы, тяжко больной и ослѣпшей уже три года назадъ. «Мы слышали»,—писалъ ханъ Іоанну,—«что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго попа вашего; да испроситъ же онъ здравіе моей

супругѣ». Передъ отправленіемъ въ Орду, святитель отслужилъ молебенъ у мощей митрополита Петра; вдругъ на глазахъ у всѣхъ сама собой зажглась свѣча при гробѣ чудотворца. Съ остаткомъ этой свѣчи и освященной водой Алексій отправился въ Орду, усердно помолился надъ Тайдулой, окропилъ ее святой водой, и она чудесно прозрѣла; послѣ этого, онъ съ великой честью вернулся въ Москву и заложилъ здѣсь, въ память чудеснаго исцѣленія Тай-

353. Закладка Чудова монастыря послѣ исцѣленія царицы Тайдулы.

Изъ того-же Житія Св. Алексія, написаннаго Пахоміемъ Логофетомъ въ XVI вѣкѣ.

дулы, Чудовъ монастырь; кромѣ того, въ честь царицы Тайдулы же былъ основанъ и городъ Тула.

Вскорѣ, въ томъ же 1357 году, ханъ Чанибекъ былъ убитъ сыномъ своимъ Бердибекомъ, который, за одно съ отцомъ, убилъ и двѣнадцать своихъ братьевъ.

Тревожное время настало тогда и для Русской Земли. Явился грозный посолъ отъ новаго хана съ требованіемъ «*царева запроса*», чрезвычайнаго сбора дани, не въ очередь и не по наряду, а что послу заблагоразсудится

назначить и была «великая истома Русскимъ князьямъ»,—говоритъ лѣтописецъ.

При этомъ, повидимому, свирѣпый Бердибекъ остался недоволенъ собранной данью, такъ какъ собирался идти воевать Русскую Землю. И вотъ, чтобы отвратить гнѣвъ новаго хана, митрополитъ Алексій вторично отправился въ Орду изъ Москвы молить его за Русь; онъ потерпѣлъ тамъ большую тѣсноту, но все-таки успѣлъ, при содѣйствіи благодарной ему матери Бердибека—Тайдулы, отклонить грозившую бѣду и былъ отпущенъ съ честью и миромъ для всей Русской Земли.

354. Перстень царицы Тайдулы.

При возвращеніи въ Москву, Алексію была устроена торжественная встрѣча: великій князь, бояре и народъ встрѣтили его какъ утѣшителя небеснаго; особенно же трогательно было видѣть, какъ восьмилѣтній старшій сынъ Іоанна—Димитрій, одушевленный знаками всеобщей любви къ Алексію, говорилъ ему, проливая отъ волненія слезы: «О, Владыко! Ты даровалъ намъ житіе мирное; чѣмъ можемъ мы изъявить тебѣ нашу благодарность?»

355. „И тако царевичъ Бердибѣкъ окаянный съ лестію пріиде къ отцу своему... и удави отца своего Чянибѣка... Сынъ-же его Бердибѣкъ по немъ сяде на царствѣ и уби братовъ своихъ 12“...

Вскорѣ послѣ этого, въ 1359 году, умеръ Іоаннъ Добрый, имѣя всего 33 года отъ роду. Послѣ него остались малолѣтніе сыновья—Димитрій и Іоаннъ и малолѣтній же племянникъ—Владиміръ Андреевичъ.

Почти одновременно съ кончиною Іоанна, былъ убитъ и ханъ Бердибекъ сыномъ своимъ—Кульпою. Это было началомъ «великой замятни», по словамъ лѣтописца, то-есть ряда кровавыхъ переворотовъ въ Ордѣ, при чемъ ханы одинъ за другимъ вступали на престолъ черезъ трупы своихъ предшественниковъ, что, конечно, сильно пошатнуло могущество Татаръ. Ханъ Кульпа, сѣвшій послѣ Бердибека, былъ въ свою очередь убитъ черезъ пять-шесть мѣсяцевъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями, исповѣдывавшими христіанство, однимъ изъ потомковъ Чингизъ-хана—Наврусомъ, который послѣ этого воцарился въ Сарайской Ордѣ, уже называвшейся въ то время также и Золотой.

Во время этихъ кровавыхъ переворотовъ у Татаръ, Русскіе князья, послѣ кончины Іоанна Добраго, отправились по обычаю въ Орду, чтобы ханъ

раздѣлилъ имъ ихъ владѣнія; при этомъ Наврусъ отдалъ ярлыкъ на великое княженіе Димитрію Константиновичу Суздальскому *), не по отчинѣ и не по дѣдинѣ, но, вѣроятно, при посредствѣ серебра Новгородцевъ, которымъ выгодно было имѣть великаго князя не столь могущественнаго, какъ Московскій князь, и сидящаго подальше отъ ихъ Земель. Однако, торжество Димитрія Суздальскаго было непродолжительнымъ. Наврусъ былъ вскорѣ убитъ Хидыремъ, который, ставъ ханомъ, лишилъ жизни и престарѣлую Тайдулу. Русскіе князья опять отправились чествовать новаго хана, но затѣмъ едва спаслись бѣгствомъ отъ наставшаго междоусобія въ Ордѣ, такъ

356. Встрѣча митрополита Св. Алексія по возвращеніи его изъ Орды.
Рис. В. П. Верещагина.

какъ Хидыря убилъ его сынъ Темихоржа, который въ свою очередь царствовалъ только шесть дней; Ордынскій вельможа, темникъ Мамай, сильный и властный, возмутилъ всю Орду, убилъ Темихоржу, перешелъ съ луговой стороны Волги на нагорную и выставилъ ханомъ Абдула; но у Абдула явилось нѣсколько соперниковъ, изъ которыхъ главнымъ былъ Амуратъ, братъ убитаго Хидыря; его признала Орда, оставшаяся въ Сараѣ. Такимъ образомъ явились двѣ большихъ Орды—Волжская и Сарайская, съ двумя независимыми и враждебными другъ другу ханами.

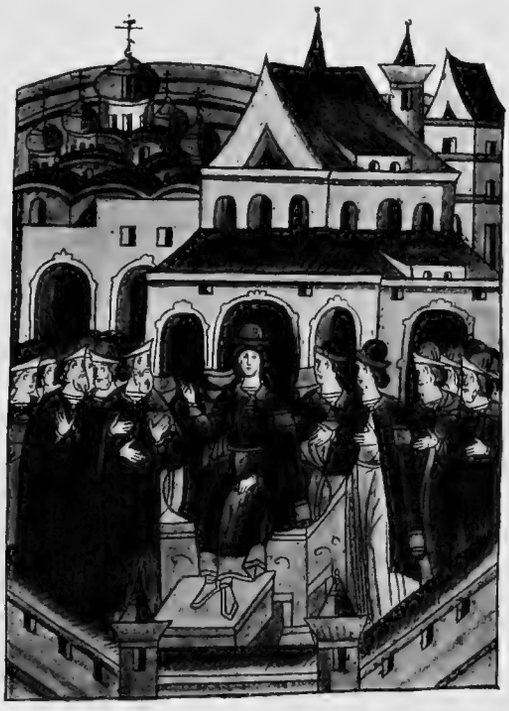
Старшій сынъ покойнаго Іоанна Московскаго—Димитрій, едва достигшій десятилѣтняго возраста, тоже отправился въ Орду въ это кровавое

*) Послѣ смерти Константина Суздальскаго, соперника Симеона Гордаго на великое княженіе, княжество его раздѣлилось между тремя сыновьями: старшій Андрей взялъ Нижній Новгородъ, Димитрій Суздаль, а младшій Борисъ—Городецъ на Волгѣ.

время, но былъ благополучно вывезенъ изъ нея своими боярами, еще до смерти Хидыря. Скоро бояре эти успѣли выпросить у Сарайскаго хана Амурата ярлыкъ для Димитрія на великое княженіе.

Затѣмъ, такъ какъ Димитрій Суздальскій не думалъ подчиниться этому рѣшенію, тѣ же Московскіе бояре посадили на коней своихъ отроковъ князей—Димитрія, Іоанна и Владиміра Андреевича, и выступили подъ ихъ начальствомъ къ Владиміру на Клязьмѣ. Димитрій Константиновичъ, пораженный этой рѣшимостью Москвы, не сопротивлялся и бѣжалъ въ Суздаль, послѣ чего юный Димитрій Іоанновичъ Московскій, торжественно сѣвъ на

357. „А князь великій Дмитрей Ивановичъ, вземъ волю свою надъ нимъ (Димитріемъ Суздальскимъ) възвратися въ Володимерь"...



358. „И сяде на великомъ княженіи въ Володимери, князь великій Дмитрей Ивановичъ на столѣ отца своего и дѣда своего"...

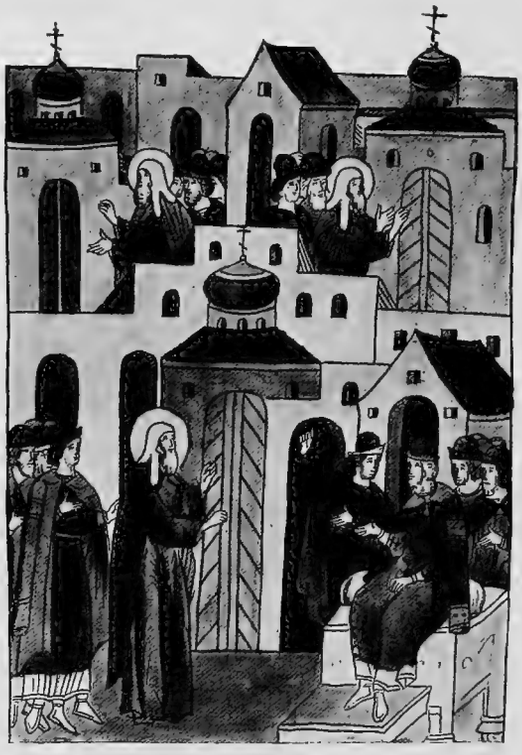
столѣ Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ, вернулся къ себѣ въ Москву.

Вскорѣ сюда къ нему прибылъ посолъ и отъ хана Абдула, тоже съ ярлыкомъ на великое княженіе. Конечно, его пришлось принять съ благодарностью и отпустить посла съ дарами. Но когда объ этомъ узналъ Амуратъ, то онъ сильно разгнѣвался и послалъ ярлыкъ на великое княженіе Димитрію Константиновичу, который поспѣшилъ сѣсть снова на Владимірскій столъ. Но Димитрій Іоанновичъ смѣло выступилъ противъ него, изгналъ изъ Владиміра, осадилъ Суздаль, гдѣ онъ затворился, и, наконецъ, принудилъ его заключить съ нимъ вѣчный миръ, по которому Димитрій Константиновичъ навсегда отказался искать великаго княженія и призналъ старшимъ надъ собой Московскаго князя. Это было въ 1363 году.

Послѣ Димитрія Константиновича и другіе князья Суздальской Руси признали главенство Москвы, а двухъ мелкихъ удѣльныхъ князей—Димитрія Галицкаго и Ивана Стародубскаго, Димитрій Московскій, очевидно, за непослушаніе, вовсе лишилъ ихъ удѣловъ.

Такъ твердо и смѣло началъ свое правленіе тринадцатилѣтній внукъ Іоанна Калиты; конечно, несмотря на юные годы, онъ былъ уже вполнѣ проникнутъ высокимъ завѣтомъ Святого Петра—собирать подъ властью Москвы Русскую Землю, чтобы свергнуть затѣмъ Татарское иго; при этомъ,

359. „Въ то же время отъ великаго князя Дмитреа Ивановича пріиде съ Москвы посолъ преподобный Сергій игуменъ Радонежскій въ Новгородъ"...



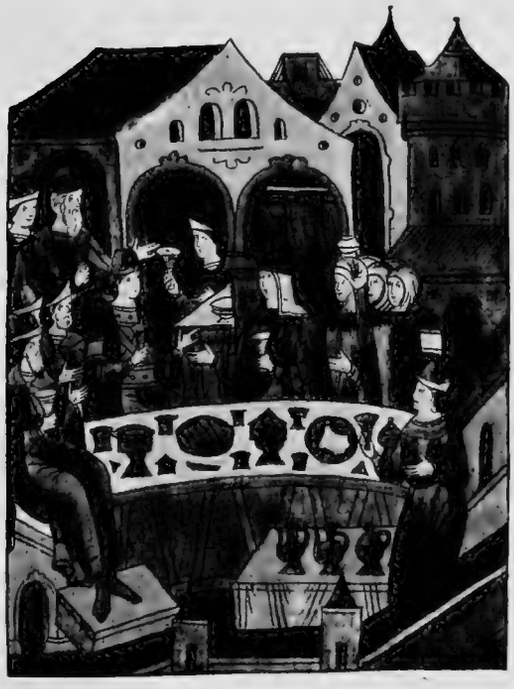
360. „Преподобный же Сергій игуменъ по митрополичю слову Алексѣеву и великаго князя Дмитреа Ивановича церкви вся затвори"...

онъ былъ искусно руководимъ и поддерживаемъ въ своихъ поступкахъ, какъ митрополитомъ Алексіемъ, такъ также умомъ и единодушіемъ своихъ бояръ.

Въ слѣдующемъ 1364 году, была занесена въ наши предѣлы, на этотъ разъ съ нижней Волги, моровая язва, вѣроятно, бубонная чума. Погибло, какъ и при Симеонѣ Гордомъ, множество людей и въ числѣ ихъ мать великаго князя Димитрія, братъ его Іоаннъ, а также Нижегородскій князь Андрей.

Удѣлъ Іоанна достался Димитрію, Нижній же Новгородъ сталъ предметомъ распри между Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ и младшимъ братомъ его Борисомъ, женатымъ на дочери Ольгерда Литовскаго. Этотъ Борисъ успѣлъ получить ярлыкъ на Нижній отъ хана и не хотѣлъ

его отдавать старшему брату. Тогда послѣдній обратился къ великому князю съ просьбой разсудить его съ младшимъ братомъ, и Димитрій Іоанновичъ послалъ Борису приказаніе отдать Нижній Димитрію Константиновичу. Но Борисъ упорствовалъ. Чтобы сломить его упорство, митрополитъ Алексій вызвалъ преподобнаго Сергія изъ его уединенной обители и послалъ къ Борису съ предложеніемъ пріѣхать въ Москву; если же онъ ослушается, то приказалъ закрыть всѣ церкви въ Нижнемъ и прекратить Богослуженія. Борисъ не внялъ увѣщаніямъ Сергія и въ Москву ѣхать отказался.



361. „Тогъ же зимы, мѣсяца Генваря въ 18 день женился князь велики Дмитрей Ивановичъ у великаго князя у Дмитреа Констяньтиновича у Суздальскаго и у Новгорода Нижняго, поя дщерь его Евдокѣю, а свадба бысть на Коломнѣ"..

362. „Того же лѣта князь велики Дмитрей Ивановичъ заложи градъ Москву каменъ"...

Тогда Сергій закрылъ всѣ церкви въ Нижнемъ, а великій князь Димитрій Іоанновичъ двинулъ сильную рать изъ Москвы. Это, наконецъ, подѣйствовало. Борисъ смирился и уступилъ Нижній Новгородъ старшему брату.

Справедливо разсудивъ такимъ образомъ своего бывшаго врага съ его младшимъ братомъ, пятнадцатилѣтній Московскій князь женился вслѣдъ затѣмъ на дочери Димитрія Константиновича—Евдокіи.

Мы много видѣли въ древней Руси добродѣтельныхъ княгинь и счастливыхъ браковъ, но бракъ Димитрія Іоанновича Московскаго отличался особымъ благословеніемъ Божіимъ; юная княгиня Евдокія была совершенно исключительной женщиной по своей необыкновенной набожности, кротости и глубокой привязанности къ мужу. Что же касается Димитрія, то

онъ, поражая всѣхъ съ юныхъ лѣтъ своею твердостью воли и большимъ государственнымъ умомъ, несмотря на то, что, выросши въ столь тревожное время «аще и книгамъ неученъ бѣаше добре»,—сохранилъ при этомъ до конца своихъ дней необыкновенное цѣломудріе и чисто дѣвическую стыдливость; будучи чрезвычайно набожнымъ, онъ всегда носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ, ежедневно бывалъ у обѣдни, а въ посту каждую недѣлю пріобщался Святыхъ Таинъ.

Конечно, брачный союзъ такихъ двухъ людей, скрѣпленный глубокой любовью, долженъ былъ быть весьма счастливъ, и, разумѣется, въ этомъ семейномъ счастьѣ и черпалъ Димитрій свои необыкновенныя силы для борьбы съ тѣми неожиданными, сложными и чрезвычайно грозными обстоятельствами, которыя сопровождали все его великое княженіе. Послѣ свадьбы, весьма пышно отпразднованной въ Коломнѣ, Димитрій вернулся въ Москву и тотчасъ же приступилъ къ ея возобновленію, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ случился страшный пожаръ, совершенно ее опустошившій. Во время этого пожара, названнаго «Всесвятскимъ», потому что онъ начался съ церкви Всѣхъ Святыхъ, въ теченіе двухъ часовъ выгорѣлъ весь городъ. Возобновляя Москву, Димитрій рѣшилъ, вмѣсто прежнихъ дубовыхъ стѣнъ кремля, выстроить каменныя, которыя и были готовы въ 1367 году. Скоро мы увидимъ, насколько это рѣшеніе было дальновидно и мудро.

Крайняя мягкость правленія Іоанна Краснаго имѣла слѣдствіемъ паденіе порядка въ разныхъ концахъ Сѣверо-Восточной Руси. Ослабленіе же могущества Татаръ, вслѣдствіе постоянной смѣны хановъ, повлекло за собой то, что князья наши стали одерживать верхъ надъ Татарскими вельможами, отдѣлявшимися отъ Золотой Орды и основывавшими самостоятельныя владѣнія; такъ, Олегъ Рязанскій разбилъ мурзу Тагая, начавшаго властвовать въ Мордовской Землѣ и сжегшаго Рязань, а Димитрій Нижегородскій съ братомъ Борисомъ наказали мурзу Булатъ-Темира, грабившаго ихъ владѣнія.

Но эти мелкіе успѣхи надъ отдѣльными Татарскими мурзами не привлекали Димитрія Московскаго. Проникнутый сознаніемъ трудности и важности лежащей передъ нимъ задачи—совершенно сломить могущество Орды, онъ желалъ прежде всего установить твердый порядокъ во всѣхъ частяхъ великаго княжества; поэтому, какъ отмѣчаетъ лѣтописецъ, шестнадцатилѣтній Московскій князь сталъ всѣхъ Русскихъ князей приводить подъ свою волю, а которые не повиновались, то на тѣхъ онъ сталъ «посягать».

Въ Новгородѣ къ этому времени установилось, что его безпокойная молодежь собиралась въ ватаги, садилась на большія лодки—«ушкуи» и отправлялась на добычу, то-есть, говоря по просту, на разбой, въ разныя отдаленныя мѣста, грабя безъ зазрѣнія совѣсти всѣхъ, кто попадется подъ руку, какъ Русскихъ, такъ и инородцевъ. Одинъ изъ предводителей этихъ ушкуйниковъ, Александръ Абакумовичъ, ходилъ по рѣкѣ Оби до самаго моря, а затѣмъ по Волгѣ и Камѣ, гдѣ не стѣсняясь грабилъ и убивалъ, какъ въ Нижнемъ Новгородѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Возмущенный этими

разбоями, Димитрій послалъ грозное слово въ Новгородъ и Новгородцы поспѣшили умилостивить великаго князя, увѣряя, что ушкуйники ходятъ безъ ихъ вѣдома.

Въ это же время въ Тверскомъ княжествѣ шла вражда между Михаиломъ, сыномъ убитаго въ Ордѣ князя Александра Михайловича, и дядей его Василіемъ Михайловичемъ Кашинскимъ изъ-за вопроса, кому изъ нихъ быть старшимъ въ своемъ княжествѣ. Тѣснимый племянникомъ, Василій Михайловичъ обратился за заступничествомъ къ юному великому князю Димитрію, что повело къ новой ожесточенной борьбѣ между Москвой и Тверью, утихнувшей со временъ Іоанна Калиты. Димитрій и митрополитъ Алексій приняли сторону Василія Кашинскаго какъ старшаго; тогда, Михаилъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ сестра его Ульяна была замужемъ за Ольгердомъ *). Пользуясь его отсутствіемъ, Василій занялъ область Михаила, надѣясь, что онъ не вернется; но Михаилъ вернулся и велъ съ собой Литовскую рать; онъ взялъ Тверь, плѣнилъ свою тетку и хотѣлъ осадить Кашинъ, гдѣ заперся Василій; только благодаря стараніямъ Тверского епископа, Михаилъ помирился съ дядей на условіи, что тотъ уступитъ старшинство племяннику.

Но затѣмъ къ великому князю стали вновь поступать жалобы на Михаила; тогда онъ его вызвалъ въ Москву для переговоровъ, и тамъ, когда Михаилъ не согласился идти на уступки, его заключили подъ стражу; онъ скоро былъ выпущенъ на свободу, вѣроятно, подъ вліяніемъ митрополита Алексія, который обѣщалъ ему безопасность при проѣздѣ въ Москву; но, конечно, совершенное надъ нимъ насиліе вызвало въ его сердцѣ сильнѣйшую вражду къ Димитрію и, какъ только въ 1368 году умеръ его дядя Василій, онъ тотчасъ же началъ мстить Москвѣ.

Для этого Михаилъ обратился къ Ольгерду, который, дѣятельно собирая Западную Русь, сталъ уже чувствовать силу Москвы съ вокняженіемъ въ ней Димитрія Іоанновича, юный двоюродный братъ котораго, храбрый и способный въ ратномъ дѣлѣ Владиміръ Андреевичъ, успѣлъ, незадолго передъ этимъ, изгнать Литовцевъ изъ Ржева.

И вотъ, по обыкновенію сохраняя въ строжайшей тайнѣ свои предпріятія, Ольгердъ, поздно осенью 1368 года, внезапно появился у границы Московскаго княжества съ братомъ своимъ Кейстутомъ и его сыномъ Витовтомъ; затѣмъ, онъ разбилъ высланныхъ наспѣхъ противъ него воеводъ Димитрія и, варварски предавая все на пути огню и мечу, быстро подошелъ къ Москвѣ, гдѣ, не успѣвъ собрать войска, заперся Димитрій съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, митрополитомъ и другими знатнѣйшими лицами.

Каменныя стѣны кремля, выстроенныя всего годъ тому назадъ, сослужили теперь свою службу. Ольгердъ простоялъ подъ ними три дня, ничего не могъ сдѣлать, кромѣ ограбленія окрестныхъ монастырей, и 14 ноября

*) Она была второй женой Ольгерда, а первой—княжна Марія Ярославовна Витебская.

двинулся назадъ, боясь жестокихъ морозовъ, при чемъ произвелъ страшныя опустошенія на обратномъ пути.

Димитрій же, освободившись отъ нашествія Литвы, долженъ былъ тотчасъ отправить своего брата и вѣрнаго друга Владиміра Андреевича противъ Нѣмцевъ, нападавшихъ на Псковъ и занявшихъ Изборскъ. Доблестному Владиміру Андреевичу удалось вернуть Изборскъ обратно, а затѣмъ заключить съ Нѣмцами и почетный для насъ миръ въ 1371 году.

Послѣ того, какъ потрясеніе, произведенное Литовскимъ нашествіемъ, прошло, борьба Москвы съ Тверью возобновилась, и Димитрій, занявъ Зубцовъ и Микулинъ, принудилъ Михаила вторично бѣжать въ Литву; изъ Литвы же Михаилъ пробрался къ Татарамъ, гдѣ Мамай успѣлъ соединить Сарайскую или Золотую и Волжскую Орды вмѣстѣ. Мамай объявилъ ханомъ Маманта-Салтана, но въ дѣйствительности самъ господствовалъ его именемъ. Онъ принялъ Михаила благосклонно и далъ ему ярлыкъ на великое княженіе.

363. „Та же Олгердъ поиде отъ Волока, воюя и плѣня и пріиде къ Москвѣ мѣсяца Декабря въ 6 день, на самъ Николинъ день"...

Но ханскіе ярлыки уже потеряли свою силу. Московскіе отряды всюду сторожили Михаила, чтобы захватить его при возвращеніи изъ Орды, и онъ долженъ былъ вновь отправиться въ Литву и уговаривать Ольгерда идти опять на Москву.

Ольгердъ согласился и, какъ стала зима, подошелъ, въ исходѣ ноября 1370 года, къ Волоку Ламскому, гдѣ начальствовалъ храбрый воевода Димитрія — князь Василій Ивановичъ Березуйскій.

Послѣ трехдневной осады деревянной крѣпости, Ольгердъ долженъ былъ, къ своей досадѣ, отойти отъ Волока, не взявши его, несмотря на то, что доблестный Березуйскій былъ въ послѣдній день убитъ; 6 декабря, Ольгердъ расположился станомъ близъ Москвы вмѣстѣ съ Кейстутомъ и подручникомъ своимъ—княземъ Смоленскимъ.

Димитрій опять заперся въ кремлѣ, спокойно ожидая развитія событій, а Владиміръ Андреевичъ стоялъ въ Перемышлѣ, куда собирались сильные полки, чтобы ударить на Литовцевъ съ тыла; князь же Пронскій, Владиміръ Димитріевичъ, велъ войска свои отъ Рязани.

При этихъ обстоятельствахъ, осторожный Ольгердъ устрашился быть разбитымъ и запросилъ вѣчнаго мира, при чемъ предлагалъ для его скрѣпленія—выдать дочь свою Елену за Владиміра Андреевича. Димитрій пошелъ навстрѣчу предложенію Ольгерда и заключилъ съ нимъ перемиріе до іюля 1371 года, послѣ чего Литовцы поспѣшно удалились, не грабя на сей разъ никого на обратномъ пути и стараясь благополучно уйти отъ наступившей повсемѣстно оттепели.

При заключеніи перемирія съ Москвой, Ольгердъ забылъ включить въ договоръ Михаила Тверского. Тогда послѣдній опять обратился къ Мамаю и вновь выѣхалъ изъ Орды съ ярлыкомъ на великое княженіе, при чемъ ханъ предлагалъ ему даже войско для помощи. Михаилъ отъ Татарскаго войска отказался, но взялъ съ собой ханскаго посла Сараходжу, чтобы онъ торжественно посадилъ его во Владимірѣ на великокняжескій столъ и привелъ всѣхъ князей къ крестному цѣлованію. Однако, Димитрій Іоанновичъ, узнавъ объ этомъ, самъ поспѣшилъ во всѣхъ частяхъ великаго княжества привести къ крестному цѣлованію на вѣрность себѣ всѣхъ бояръ и черныхъ людей.

Когда Михаилъ и Сароходжа пришли во Владиміръ, то граждане единодушно отвѣчали: «У насъ есть уже законный Государь, а другого не знаемъ!» Тщетно звалъ Сароходжа и самого Димитрія къ княжескому ярлыку. Тотъ отвѣчалъ ему: «Къ ярлыку не ѣду, Михаила въ столицу не пускаю, а тебѣ послу даю путь свободный». При этомъ Москва приглашала посла къ себѣ въ гости съ великою любовью; Татаринъ сначала не хотѣлъ было идти, но, любя честь и дары, направился все же въ Москву, гдѣ былъ, конечно, принятъ на славу. Онъ остался своимъ пріемомъ такъ доволенъ, что, возвращаясь въ Орду, всю дорогу хвалилъ и возносилъ добрые нравы и смиреніе Московскаго князя.

Но, тѣмъ не менѣе, Димитрій не исполнилъ приказанія хана. Сильный Мамай, конечно, не могъ простить ему двукратнаго ослушанія, особенно имѣя подъ рукою большое войско, готовое для вторженія въ Русскую Землю. Поэтому, вслѣдъ за отъѣздомъ Сароходжи, Димитрій сталъ совѣтоваться съ митрополитомъ и боярами: немедленно ли возстать на Татаръ или пока еще выждать, а прибѣгнуть въ настоящее время къ старинному «мудрому смиренію» и богатымъ дарамъ. На совѣтѣ перевѣсъ взяло второе рѣшеніе, такъ какъ Москва была еще не готова къ открытію борьбы. И вотъ, Димитрій долженъ былъ самъ ѣхать въ Орду вымаливать себѣ прощеніе. Безъ сомнѣнія, онъ расчитывалъ нѣсколько на помощь Сараходжи, но весь народъ пришелъ въ ужасъ, узнавъ, что его надежда—юный и мужественный Московскій князь, которому едва исполнилось 20 лѣтъ, можетъ подвергнуться участи Михаила Ярославовича Тверского и многихъ другихъ князей, замученныхъ въ Ордѣ.

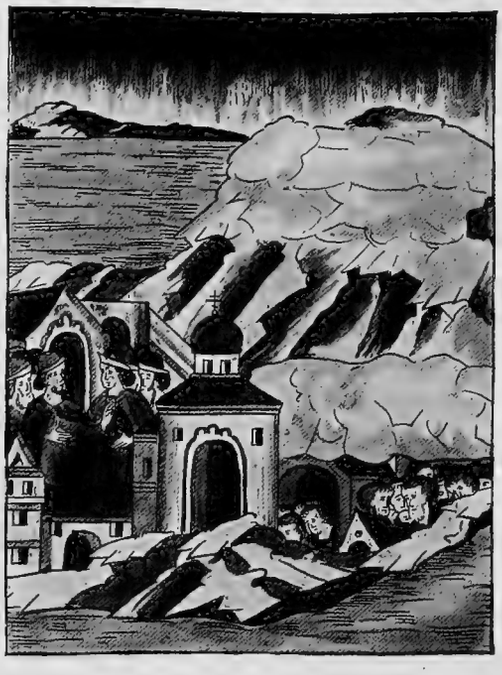
Никто не могъ видѣть безъ сердечнаго умиленія, какъ для блага своей Родины Димитрій, слѣдуя примѣру великаго своего предка Александра Невскаго, рѣшилъ смѣло подвергнуть опас-

ности свою голову. Конечно, народная любовь къ нему возрасла еще болѣе.

Митрополитъ Алексій провожалъ Димитрія до береговъ Оки, гдѣ благословилъ его на дальній и опасный путь, и 15 іюня 1371 года разстался съ нимъ, несмотря на все свое желаніе ѣхать въ Орду вмѣстѣ, такъ какъ долженъ былъ вернуться въ Москву—заключать торжественный миръ съ послами Ольгерда по случаю предстоящей свадьбы Елены Ольгердовны съ Владиміромъ Андреевичемъ.

Во все время отсутствія Димитрія, Русскіе люди сильно безпокоились

364. „....Самъ князь велики Дмитрей Ивановичъ поиде во Орду... а преосвященный Алексѣй митрополитъ проводи его до Оки, и молитву сътворивъ о немь, и благословивъ, отпусти его съ миромъ"...



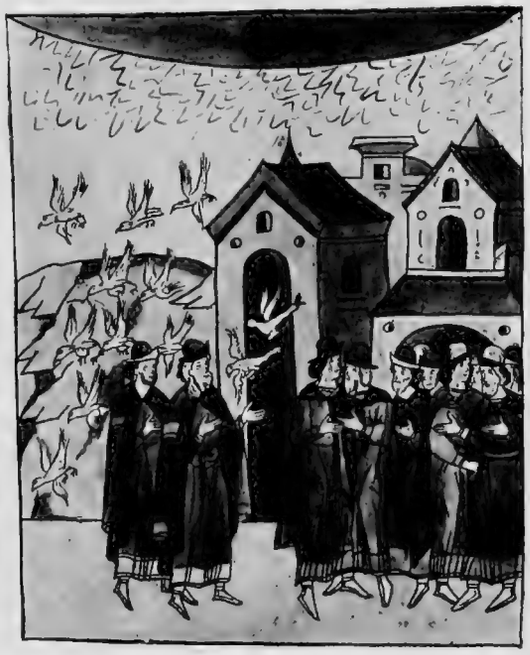
365. „Тое же зимы(1370) въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ упользе многъ снѣгъ и упаде з горы высокіа и великіа, еже надъ Волгою, и засыпа и покры дворы и съ людми"...

о немъ и съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей изъ Орды; особенно тревожили всѣхъ необычайныя явленія природы; они и ранѣе происходили во время великаго княженія Димитрія Іоанновича и тщательно отмѣчались лѣтописцами; но теперь всѣхъ поражали черные пятна, подобныя гвоздямъ, появившіяся на солнцѣ; затѣмъ, все лѣто были сильнѣйшая засуха и столь густые туманы, что въ двухъ саженяхъ нельзя было разглядѣть человѣка, а птицы, не смѣя летать, стаями ходили по землѣ; вездѣ былъ страшный неурожай и падежъ скота; при этомъ, пользуясь отсутствіемъ Димитрія, Михаилъ Тверской пытался завоевать Кострому, взялъ Мологу и сжегъ Угличъ и Бѣжецкъ.

Однако, осенью жители Москвы были несказанно обрадованы благополучнымъ возвращеніемъ своего великаго князя. Онъ вывезъ изъ Орды не только ярлыкъ на великое княженіе и разрѣшеніе платить дань, значительно меньше прежней, но, кромѣ того, и сына Михаила Тверскаго—Ивана, который былъ оставленъ тамъ въ видѣ залога, за долгъ отца въ 10 тысячъ рублей. Иванъ былъ выкупленъ Димитріемъ и доставленъ въ Москву, гдѣ жилъ въ домѣ митрополита до тѣхъ поръ, пока отецъ его не уплатилъ слѣдуемыя деньги. Однако, борьба Москвы съ Тверью не закончилась и на этомъ.

Между тѣмъ, Димитрію пришлось бороться и съ другимъ врагомъ;

366. „Того же лѣта(1368) на Городцѣ въ монастырѣ Святаго Лазаря громъ побилъ черньцы и черницы, такого же и по заселомъ многыхъ людей изби“...



367. „Того же лѣта бысть знаменіе въ солнцѣ, мѣста чрѣны по солнцу аки гвозди и мгла велика была... а птицы по воздуху не видяху летати, но падаху съ воздуха на землю, овіи о главы человѣкомъ ударяхуся“...

это былъ князь Рязанскій Олегъ, который еще при Іоаннѣ Добромъ показалъ себя недругомъ Москвы. Вернувшись изъ Орды, Димитрій вынужденъ былъ послать войско, подъ начальствомъ искуснаго воеводы своего Димитрія Михаиловича Волынскаго-Боброка противъ Олега Рязанскаго, чтобы защитить союзника Димитрія—князя Пронскаго.

Когда Московскіе полки встрѣтились съ Рязанскими, то передъ битвой самонадѣянные Рязанцы говорили между собой: «Друзья! намъ нужны не щиты и не копья, а только однѣ веревки, чтобы вязать плѣнниковъ, слабыхъ, боязливыхъ Москвитянъ». Но «слабые» Москвитяне наголову разбили Рязанцевъ, при чемъ князь ихъ Олегъ едва успѣлъ уйти. Димитрій,

однако, скоро съ нимъ примирился, въ виду новыхъ осложненій со стороны Твери.

Несмотря на выгодный миръ съ Москвой и на бракъ дочери съ Владиміромъ Андреевичемъ, Ольгердъ согласился и въ третій разъ на просьбу Михаила Тверскаго — идти воевать Москву, и только, соблюдая приличіе, пошелъ не самъ, а послалъ Кейстута съ сыномъ Витовтомъ и своего собственнаго сына—Андрея. Дѣйствуя такъ же скрытно и внезапно, какъ братъ, Кейстутъ весною 1372 года, неожиданно осадилъ Переяславль, а затѣмъ, соединившись съ Михаиломъ Тверскимъ, пошелъ къ Дмитрову и Кашину, гдѣ сидѣлъ князь Михаилъ Васильевичъ, преданный, какъ и покойный его отецъ, Димитрію Іоанновичу.

368. Наперстный крестъ Св. Алексія, митрополита всея Руси.

Хранится въ ризницѣ Троицко-Сергіевской Лавры надѣтымъ на икону Преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Отсюда Кейстутъ повернулъ назадъ, не подходя къ Москвѣ; при этомъ, съ городовъ Литовцы брали выкупы, а посады, селы и волости пожгли и пополонили; они злодѣйствовали даже во владѣніяхъ Михаила Тверского, который въ это время захватилъ Торжокъ и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ.

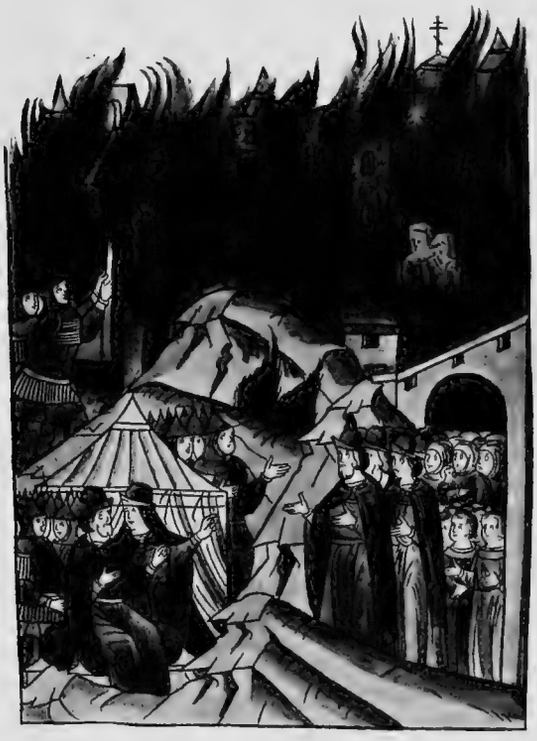
Новгородцы, возмущенные этимъ захватомъ, прислали къ Торжку свою рать, изгнали всѣхъ намѣстниковъ Михаила и ограбили Тверскихъ купцовъ. Скоро послѣ этого къ Торжку подошелъ самъ Михаилъ и потребовалъ, чтобы его намѣстники были бы вновь приняты, а люди, виновные въ грабежѣ купцовъ,—выданы ему головой. Но гордые Новгородцы, во главѣ съ Александромъ Абакумовичемъ, знаменитымъ предводителемъ ушкуйниковъ, отвѣчали отказомъ; затѣмъ, они вышли изъ города, сразились съ Михаиломъ Тверскимъ и были наголову разбиты, при чемъ сложилъ свою буйную голову и самъ Александръ Абакумовичъ.

369. Печать Св. Алексія митрополита всея Руси.

Бѣдный же Торжокъ, въ которомъ заперлась часть Новгородцевъ, былъ выжженъ до тла, благодаря поднявшемуся сильному вѣтру, и преданъ жестокому грабежу. Во время пожара, несчастные Новгородцы бросались прямо въ руки своихъ враговъ; иные сгорѣли, другіе задохнулись въ церкви Святого Спаса или перетонули въ рѣкѣ; добрыя женщины и дѣвицы, видя себя раздѣтыми до нага, отъ стыда сами бросались въ рѣку.

Истребивши Торжокъ, Михаилъ отправился на соединеніе съ Ольгердомъ, который, вслѣдъ за набѣгомъ Кейстута, шелъ самъ на Москву и входилъ уже въ Русскіе предѣлы.

На этотъ разъ имъ не удалось застать Димитрія врасплохъ; онъ вышелъ своимъ врагамъ навстрѣчу и разбилъ сторожевой Литовскій полкъ. Этой одной неудачи было достаточно для осторожнаго Ольгерда. Онъ поспѣшно отступилъ и остановился за крутымъ оврагомъ, а черезъ нѣсколько дней заключилъ съ Димитріемъ перемиріе, съ 1 августа до 26 октября 1372 года. Такимъ образомъ, благодаря твердости Димитрія, было опять остановлено новое нашествіе Литвы, при чемъ въ теченіе ближайшихъ послѣдующихъ годовъ они больше не повторялись.



370. Пожаръ Торжка. „...И зажгоша посадъ съ поля, и потянулъ вѣтръ силенъ на градъ, и поиде огнь по всему граду, и бѣжаша Новоторжцы изъ града з женами и з дѣтми въ руки Тверичемъ, а иніи изгорѣша, а иніи въ церкви Святаго Спаса издохнушася"...

371. Древнее одѣяніе дѣвицъ города Торжка.
Изъ „Древностей Россійскаго Государства". Ѳ. Г. Солнцева.

Но заключеннымъ перемиріемъ съ Ольгердомъ борьба Москвы съ Тверью все же не оканчивалась, а между тѣмъ вскорѣ появились и другія опасности. Въ 1374 году, ханскіе послы, прибывъ въ Нижній, стали нагло оскорблять князя Димитрія Константиновича и гражданъ и довели ихъ до того, что разсвирѣпѣвшій народъ умертвилъ всѣхъ Татаръ. На это, разумѣется, страшно разгнѣвался Мамай, подозрѣвавшій, что описанное убійство его пословъ было совершено съ согласія великаго князя; онъ послалъ войско опустошить границы Нижегородской Земли и клялся погубить Димитрія.

Конечно, это было на руку Тверскому князю, а также и Московскимъ измѣнникамъ, которые завелись въ Москвѣ въ его время. Мы видѣли, какое важное значеніе имѣла должность тысяцкаго, начальника и предводителя на войнѣ всѣхъ черныхъ людей. Очевидно, считая эту должность вредною, какъ возбуждающую зависть среди остальныхъ бояръ, а также и какъ умаляющую власть самаго князя, Димитрій послѣ смерти послѣдняго тысяцкаго, знатнаго боярина Василія Вельяминова, рѣшилъ, конечно съ общаго совѣта боярской думы и по благословенію митрополита—вовсе упразднить ее. Но этимъ былъ сильно оскорбленъ сынъ Василія Вельяминова—Иванъ, который послѣ смерти отца самъ разсчитывалъ быть тысяцкимъ. И вотъ, вмѣстѣ съ богатымъ Сурожаниномъ—купцомъ Некоматомъ, тоже чѣмъ-то недовольнымъ Димитріемъ, они отправились сперва въ Тверь къ Михаилу, а потомъ и въ Орду къ Мамаю, хлопотать для Михаила ярлыкъ на великое княженіе и возбуждать хана, и безъ того разгнѣваннаго за избіеніе пословъ въ Нижнемъ Новгородѣ, противъ Димитрія.

Хлопоты ихъ были успѣшны, и лѣтомъ 1375 года Некоматъ привезъ Михаилу ярлыкъ, съ обѣщаніемъ, что ему на подмогу придетъ Татарская рать. Обрадованный Михаилъ тотчасъ послалъ звать себѣ на помощь и Ольгерда съ Литвою и, получивъ его согласіе, выступилъ въ походъ противъ Димитрія.

Застигнутый этими обстоятельствами, Димитрій, однако, не потерялся. Въ предвидѣніи грозной возможности имѣть одновременно дѣло съ тремя врагами,—Тверью, Мамаемъ и Литвой, онъ проявилъ необыкновенную дѣятельность; гонцы его скакали изъ области въ область, ратники спѣшно выступали изъ различныхъ городовъ, и скоро подъ Волокомъ Ламскимъ собралось многочисленное воинство изъ полковъ самой Москвы и девятнадцати мелкихъ князей, ей подвластныхъ.

Съ этими войсками Димитрій немедленно перешелъ въ рѣшительное наступленіе противъ Михаила и 5 августа осадилъ Тверь. Осада продолжалась три недѣли, и Тверитяне мужественно умирали на своихъ стѣнахъ. Но Михаилъ тщетно ожидалъ помощи; о Мамаѣ не было слышно, а Литва, хотя и пришла, но, увидя, что дѣло неподходящее, быстро повернула назадъ; а между тѣмъ къ Димитрію подоспѣли Новгородцы, пылая мщеніемъ за разореніе Торжка. Скоро Михаилу пришлось выбирать между двумя рѣшеніями: умереть или смириться. Онъ выбралъ послѣднее и послалъ для переговоровъ къ великому князю владыку Евфимія.

Мудрый Димитрій, скромный въ своемъ успѣхѣ, и памятуя о славной задачѣ, лежавшей на немъ, какъ на великомъ князѣ, собирателѣ всея Руси, предъявилъ весьма умѣренныя требованія къ Михаилу; требованія эти имѣли единственную цѣль—пріобрѣсти въ немъ союзника. Вотъ главныя условія заключеннаго между ними договора:

«По благословенію отца нашего Алексія, митрополита всея Руси, ты, князь Тверской, дай клятву за себя и за наслѣдниковъ своихъ—признавать меня *старшимъ* братомъ, никогда не искать великаго княженія Вла-

димірскаго, нашей отчины, и не принимать онаго отъ хановъ, также и Новагорода Великаго; а мы обѣщаемъ не отнимать у тебя наслѣдственной Тверской области... Князья Ростовскіе и Ярославскіе *со мной одинъ человѣкъ;* не обижай ихъ, или мы за нихъ вступимся. Откажись отъ союза съ Ольгердомъ; когда Литва объявитъ войну Смоленскому (уже въ это время порвавшему съ Литвой и ставшему союзникомъ Димитрія), или другимъ князьямъ, нашимъ братьямъ, мы обязаны защищать ихъ, равно какъ и тебя. Въ разсужденіи Татаръ поступай согласно съ нами: рѣшимся ли воевать, и ты врагъ ихъ; рѣшимъ ли платить имъ дань, и ты плати оную. Когда я и братъ мой, князь Владиміръ Андреевичъ, сядемъ на коней, будь намъ товарищъ въ полѣ. Когда пошлемъ воеводъ, да соединятся съ ними и твои». Такъ

372. Развалины замка въ Трокахъ.

окончилась борьба Москвы съ Тверью, веденная первой исключительно во имя единства Русской Земли.

Черезъ два года послѣ этого, въ 1377 году, сошелъ въ могилу Ольгердъ Литовскій. Какъ мы видѣли, благодаря необыкновеннымъ способностямъ Димитрія, всѣ стремленія Ольгерда подчинить себѣ Земли, пограничныя съ Москвой, не окончились въ его пользу; но за-то, онъ успѣлъ захватить Сѣверскую Русь—Новгородъ Сѣверскій, Брянскъ и другіе города.

Смерть Ольгерда повлекла за собой важныя перемѣны и событія. Великимъ княжествомъ Литовскимъ завладѣлъ, помимо дяди Кейстута и старшихъ братьевъ, сынъ Ольгерда—Ягайло, отъ второго брака его съ Ульяной Тверской.

Этотъ Ягайло былъ человѣкомъ достаточно дальновиднымъ и при этомъ коварнымъ, а когда ему было выгодно, то и до крайности жестокимъ. Дядя Кейстутъ, столько поработавшій для Литвы, особенно въ борьбѣ съ Нѣмцами,

великодушно уступилъ ему старшій столъ и довольствовался удѣльнымъ княжествомъ Трокскимъ.

Однако, несмотря на великодушную уступчивость Кейстута, скоро между нимъ и подозрительнымъ племянникомъ возникли нелады; затѣмъ, Кейстутъ былъ самымъ предательскимъ образомъ заманенъ въ ловушку, заточенъ въ подземельѣ уединеннаго замка и, наконецъ, удушенъ золотымъ шнуркомъ собственнаго кафтана, по приказанію Ягайлы, который устроилъ послѣ этого гнуснаго убійства пышныя похороны дядѣ, объявивъ народу, что онъ умеръ естественной смертью. Сынъ Кейстута—Витовтъ, который былъ очень друженъ съ двоюроднымъ братомъ—Ягайлой, былъ

373. „Тогда Псковичи много молиша великаго князя Олгерда Гедимановича крестити его хотяще... Онъ же глагола имъ: „уже крещенъ есмь“... Псковичи же крестиша сына его Андрѣя въ соборной церкви“...

374. „...И поидоша за рѣку Піану въ воинствѣ многѣ... и начаша ходити и ѣздити во охабняхъ и въ сарафанехъ, а доспѣхи свои на телѣги и въ сумы скуташа... а князь ихъ, и бояре, и вельможы и воеводы веселящеся,... піюще и ловы дѣюще, мнящеся дома суще“...

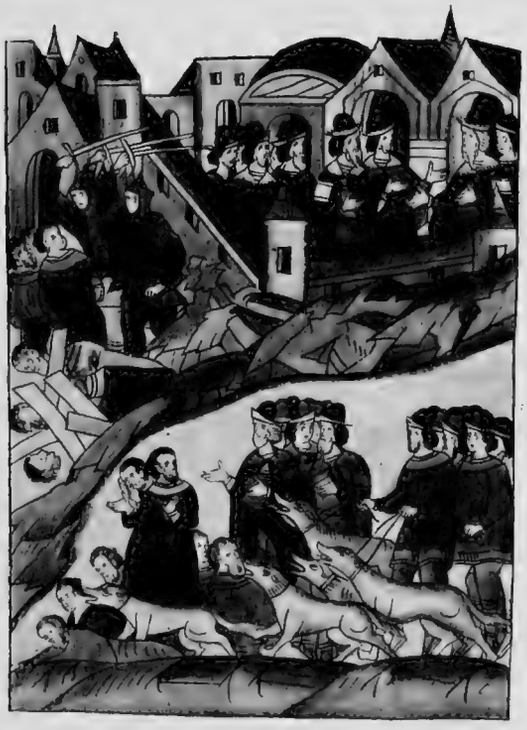
тоже схваченъ и заточенъ, при чемъ, повидимому, ему грозила такая же участь, какъ и отцу.

Что же касается до братьевъ Ягайлы, то самый старшій—Андрей, княжившій въ Полоцкѣ, тотчасъ же, какъ умеръ отецъ, разсорился съ нимъ и сѣлъ въ Новгородѣ, съ позволенія Димитрія Московскаго; вслѣдъ за тѣмъ и другіе два брата Ягайлы, Димитрій Корибутъ Брянскій и Димитрій Трубчевскій, не замедлили передаться Москвѣ послѣ того, какъ великій князь Димитрій Донской выслалъ въ Сѣверскую Землю свои полки, подъ

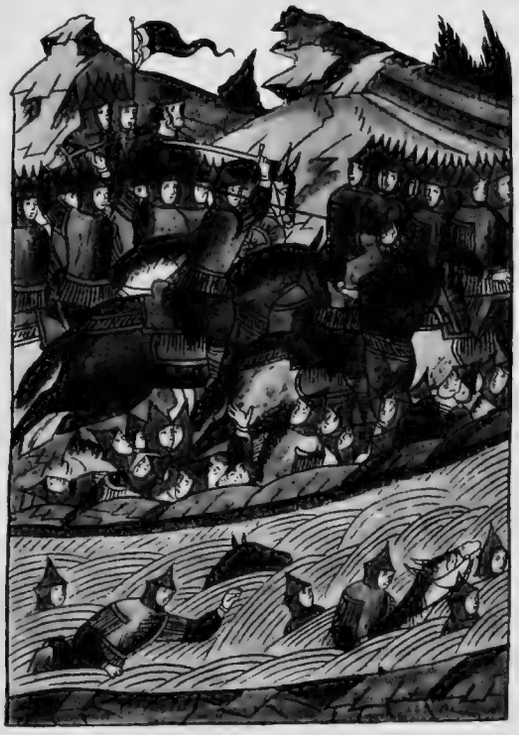
начальствомъ князя Димитрія Михайловича Волынскаго-Боброка, женатаго на его сестрѣ Аннѣ.

Этотъ же искусный полководецъ удачно ходилъ, по приказанію великаго князя, послѣ заключенія мира съ Тверью, на Камскихъ Болгаръ, разбилъ ихъ подъ Казанью, покорилъ двухъ хановъ Москвѣ и взялъ большую дань.

Конечно, значительное усиленіе Московскаго княжества, созданное твердой и искусной рукой Димитрія Іоанновича, не могло ускользнуть отъ бдительности Татаръ.



375. „И пришедше воеваша землю Мордовьскую... а самѣхъ избиша,... а коихъ живыхъ приведоша въ Новѣгородъ, тѣхъ казниша смертною казнію и травиша ихъ псы на леду на Волзѣ"...



376. „А князь велики Дмитрей Ивановичъ удари въ лице; и въ той часъ Татарове побѣжаша за рѣку за Вожу, повѣрше копья своя, а наши вслѣдъ ихъ гоняюще, біюще, сѣкуще, колюще и на полы разсѣкающе"...

Мамай готовился обрушиться всѣми силами на Русскую Землю, чтобы повторить времена Батыя, и ждалъ только благопріятнаго для этого времени, до наступленія же его—онъ не упускалъ случая вредить намъ, гдѣ можно.

Въ 1377 году, Мордва провела Татарскаго царевича Арапшу съ войскомъ въ Нижегородскія владѣнія; узнавъ объ этомъ, Димитрій немедленно отправилъ на поддержку тестя свои войска, которыя собрались съ Нижегородской ратью за рѣкой Пьяной. Къ несчастью, воеводы наши проявили излишнюю самонадѣянность по отношенію Татаръ; повѣривъ ложно пущен-

ному слуху, что Арапша далеко, они не приняли никакихъ мѣръ къ охраненію стана, а безпечно предавались охотѣ и пиршествамъ, при чемъ были внезапно застигнуты врасплохъ Арапшей; Татары перебили великое множество воиновъ и бояръ, а также двухъ князей. Послѣ этого, они подошли на третій день къ Нижнему Новгороду, гдѣ царили ужасъ и смятеніе, сожгли его и разграбили. Въ то же время другой Татарскій отрядъ напалъ на Рязань, и князь Олегъ, весь израненный и покрытый кровью, едва могъ вырваться изъ рукъ непріятеля.

Скоро обѣ области, Нижегородская и Рязанская, были превращены въ пепелъ и развалины удаляющимися Татарами; а вслѣдъ за ними подняла голову и Мордва, и начала неистово злодѣйствовать вокругъ Нижняго. Но противъ Мордвы удачно дѣйствовалъ князь Борисъ Городецкій; въ слѣдующемъ 1378 году, онъ совершилъ походъ въ ихъ Землю, истребляя жилища и жителей; плѣнниковъ же, приведенныхъ имъ въ Нижній Новгородъ, разсвирѣпѣвшій народъ затравилъ псами на льду рѣки Волги.

Эти жестокости противъ Мордвы, подвластной Ордѣ, вновь возбудили гнѣвъ Мамая; въ томъ же 1378 году, Нижній Новгородъ былъ вторично сожженъ Татарами, которые вслѣдъ затѣмъ соединились съ сильнымъ отрядомъ мурзы Бегича, посланнаго противъ Московскаго князя. Димитрій Іоанновичъ встрѣтилъ ихъ на берегахъ рѣки Вожи въ Рязанскихъ предѣлахъ; выстроивъ свои войска, онъ поручилъ начальствованіе надъ однимъ крыломъ своему ближнему боярину или окольничему Тимофею, надъ другимъ—князю Даніилу Пронскому, а самъ, ставъ противъ середины, быстро двинулся на Татаръ и стремительнымъ натискомъ рѣшилъ дѣло; Татары были наголову разбиты и въ ужасѣ бѣжали съ необычайной быстротой.

Услыхавъ объ этомъ пораженіи, Мамай затрепеталъ отъ гнѣва и немедленно послалъ новый отрядъ, который овладѣлъ Рязанью и сжегъ ее; князь Олегъ опять едва спасся. Удовлетворивъ свое чувство мести, Мамай сталъ дѣятельно готовиться для нанесенія Димитрію рѣшительнаго удара, уже всѣми силами.

Съ своей стороны и Димитрій также съ полнымъ напряженіемъ готовился къ предстоящей страшной борьбѣ, неустанно занимаясь государственными дѣлами и проявляя всюду свою обычную твердость и рѣшимость.

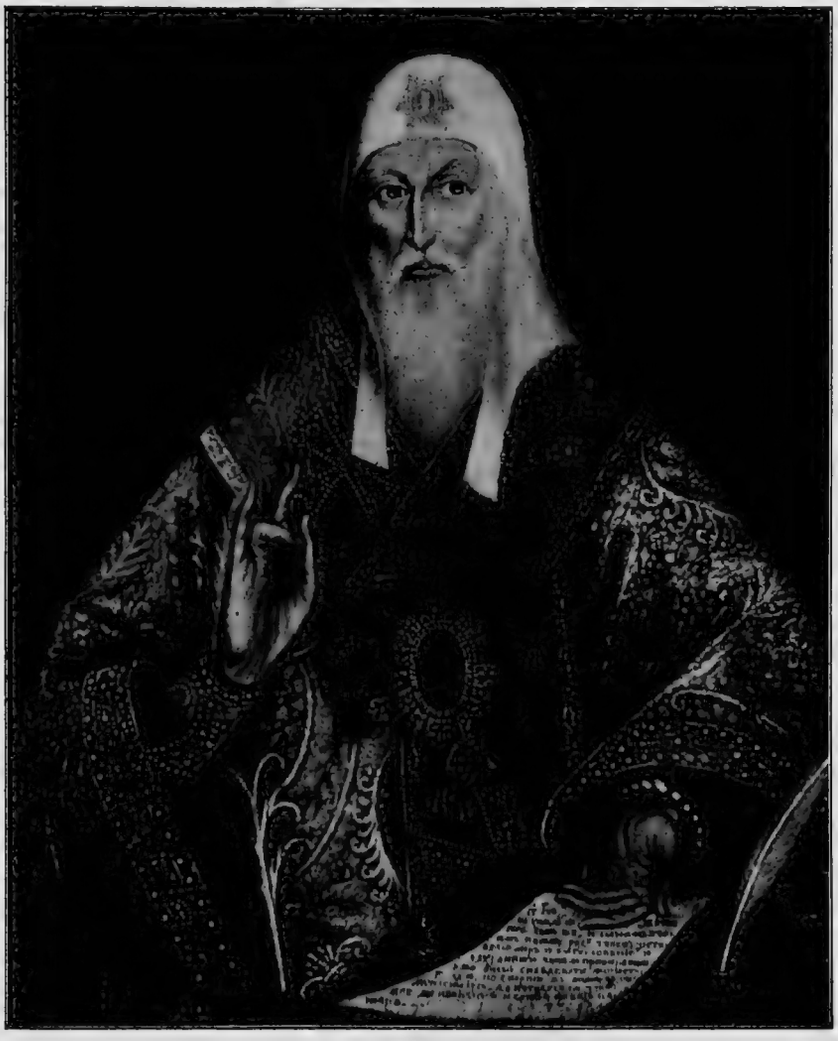
Въ бою подъ Вожей попалъ въ плѣнъ посланный изъ Орды, отъ бѣжавшаго въ нее измѣнника Ивана Вельяминова, съ мѣшкомъ лютыхъ зелій, предназначенныхъ, конечно, не для добраго дѣла; а спустя годъ былъ пойманъ и самъ Иванъ Вельяминовъ, явившійся въ Русскую Землю, очевидно, для своихъ ковъ. Несмотря на то, что братъ его Николай былъ женатъ на родной сестрѣ великой княгини Евдокіи, Димитрій, послѣ суда надъ преступникомъ, всенародно казнилъ его на Кучковомъ полѣ, къ большому ужасу народа; вслѣдъ затѣмъ, вскорѣ былъ пойманъ и другой преступникъ, купецъ Некоматъ, и также казненъ всенародно.

Въ числѣ важнѣйшихъ вопросовъ, занимавшихъ Димитрія Іоанновича, былъ вопросъ о нахожденіи достойнаго преемника митрополиту

Алексію, который скончался въ 1378 году и былъ похороненъ въ основанномъ имъ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ мощи его скоро прославились многочисленными чудесами.

Послѣдніе годы святого старца были омрачены печалью.

Его горячая любовь къ Русской Землѣ и къ ея собирательницѣ—

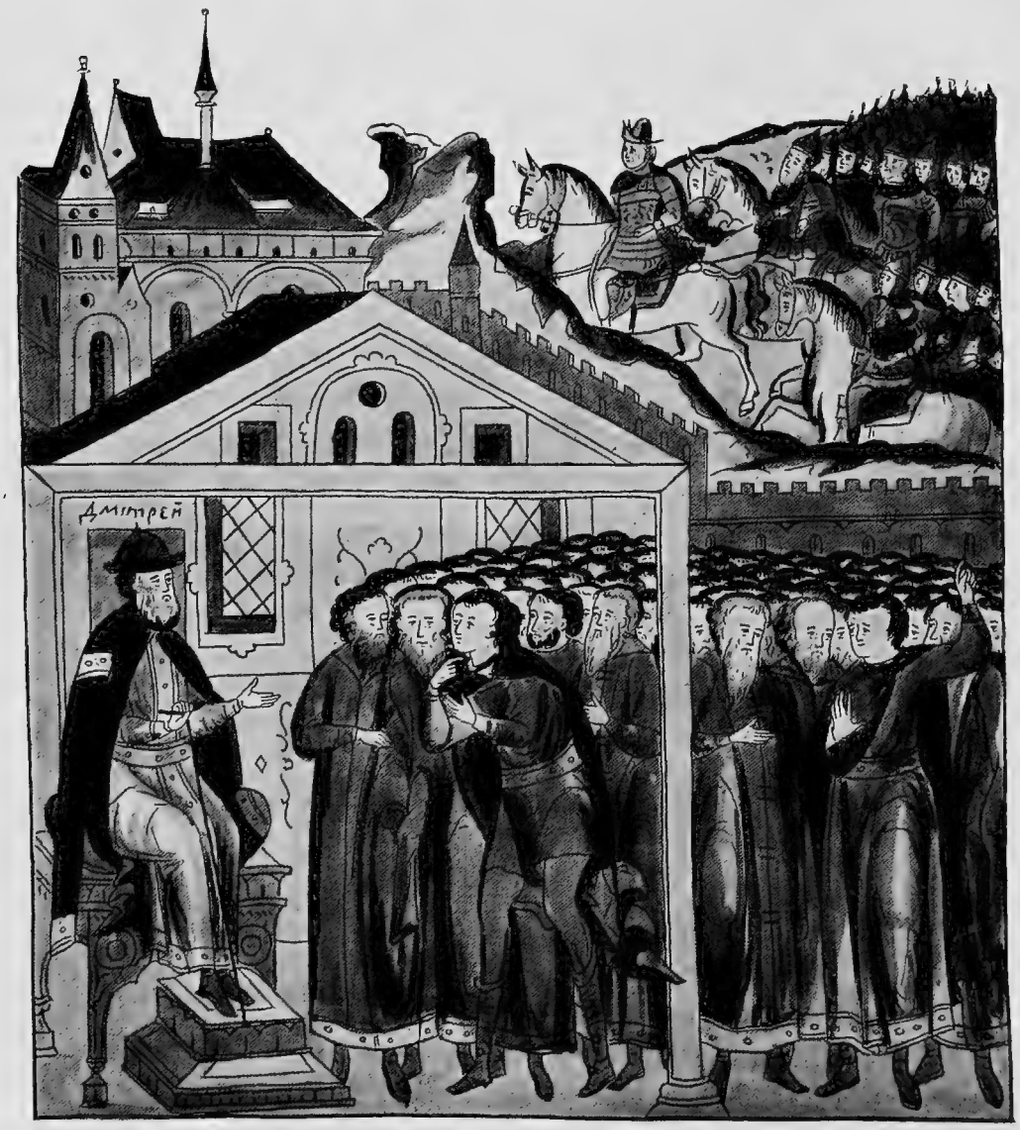


377. Образъ Святого Алексія митрополита всея Руси.
Хранится въ музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ.

Москвѣ—создала ему сильныхъ враговъ. Ольгердъ и Михаилъ Тверской жаловались на него неоднократно Царьградскому патріарху; при этомъ, Ольгердъ хлопоталъ о назначеніи отдѣльнаго митрополита въ Кіевъ, для подвластныхъ Литвѣ Русскихъ Земель; къ этому присоединился и Польскій король Казиміръ, требуя митрополита для *Малой Россіи* и грозя, въ противномъ случаѣ, обратить своихъ Галичанъ въ Латинство. При этихъ обстоятельствахъ, патріархъ назначилъ серба Кипріана митрополитомъ Кіевскимъ

и Литовскимъ, съ правомъ, по смерти Алексія, распространить свою власть и на Восточную Россію.

Но Алексій и Димитрій Іоанновичъ хотѣли своего Русскаго митрополита. Алексій намѣтилъ себѣ въ преемники Святого Сергія Радонежскаго



378. Димитрій Іоанновичъ призываетъ князей на борьбу съ Татарами. „...Слышано бысть яко Ординскій князь Мамай воздвиже силу великую... идетъ на Русскую Землю".

Изъ Житія Преподобнаго Сергія Троицко-Сергіевской Лавры.

и, призвавъ его, объявилъ объ этомъ; однако, смиренный старецъ наотрѣзъ отказался отъ столь высокаго званія; Димитрій же Іоанновичъ готовилъ въ преемники Алексію своего любимца Михаила (Митяя), очень умнаго и свѣдущаго священника; онъ постригся въ монахи и, быстро возвысившись

до званія архимандрита, отправился послѣ смерти Святого Алексія въ Царьградъ за посвященіемъ, но умеръ въ пути; въ Царьградѣ же вмѣсто него былъ поставленъ митрополитомъ, бывшій съ Митяемъ въ путешествіи, другой архимандритъ—Пименъ. Однако, Димитрій Іоанновичъ не согласился на это, и, въ концѣ концовъ, въ Москву на митрополичій столъ прибылъ изъ Кіева Кипріанъ.

Прибытіе его въ Москву совпало съ началомъ рѣшительныхъ дѣйствій Димитрія и Татаръ другъ противъ друга.

Въ это время, какъ разъ, Мамай, устранивъ хана Магомета, именемъ котораго онъ правилъ, самъ провозгласилъ себя ханомъ и приступилъ къ исполненію своего давнишняго намѣренія—повторить Батыево нашествіе на Русскую Землю.

Лѣтомъ 1380 года, онъ собралъ огромнѣйшее войско и, перейдя Волгу, сталъ кочевать при устьѣ рѣки Воронежа. Тутъ были Татары, Половцы, Черкесы, Бессермены, Ясы, Кавказскіе Жиды, Армяне, Крымскіе Генуэзцы и представители многихъ другихъ народовъ.

Олегъ Рязанскій не надѣялся на свою силу и, сохраняя себя, долженъ былъ, конечно, или искать благоволенія Мамая, или же стать за одно съ великимъ княземъ Московскимъ; онъ избралъ первое, и, очевидно, потому, что Мамай стоялъ уже на его границахъ, а Олегъ еще недавно дважды испыталъ, что значитъ нашествіе даже незначительныхъ Татарскихъ отрядовъ.

Давъ знать Димитрію о приготовленіяхъ Мамая, Олегъ вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ въ тайные переговоры съ Татарами, а также и съ Ягайлой Литовскимъ.

Олегъ съ Ягайлой, повидимому, были вполнѣ увѣрены, что Димитрій не отважится вступить въ бой, а убѣжитъ на сѣверъ—въ Новгородъ или на Двину; они же, ублаготворивъ Мамая богатыми дарами, раздѣлятъ всю Сѣверо-Восточную Русь на двое: одна сторона отойдетъ къ Литвѣ, а другая—къ Рязани.

Для Москвы такой союзъ былъ въ дѣйствительности грозенъ; съ такой тройной силою ей еще не приходилось бороться.

Но Димитрій и не думалъ никуда бѣжать. Онъ давно уже самъ готовился къ страшной, но славной борьбѣ со всей Татарской силой; разсылая повсюду гонцовъ, онъ съ великой любовью и со многимъ смиреніемъ сталъ призывать Русскихъ князей на общее и святое дѣло, приказавъ въ то же время укрѣплять пограничные города—Коломну, Тулу и другіе; самъ же, готовясь на подвигъ, по обычаю благочестивыхъ своихъ предковъ, прибѣгъ къ молитвѣ и покаянію.

Между тѣмъ въ Москву пріѣхали послы отъ Мамая и потребовали такого же выхода (дани), который Русь платила при Узбекѣ. На собранной великимъ княземъ боярской думѣ, гдѣ присутствовало и духовенство, рѣшено было послать ту дань, которая была установлена при послѣдней поѣздкѣ Димитрія въ Орду; вмѣстѣ съ тѣмъ, по совѣту митрополита Кипріана

былъ посланъ къ Мамаю Захаръ Тютчевъ съ особыми богатыми дарами, чтобы поближе развѣдать о его намѣреніяхъ.

Скоро Тютчевъ донесъ, что къ Татарамъ примкнули Олегъ Рязанскій и Ягайло. Донесеніе это было получено Димитріемъ на пиру у боярина Николая Васильевича Вельяминова, брата казненнаго Ивана. Конечно, оно ничуть не поколебало бодрости Димитрія, который, несомнѣнно, заранѣе предвидѣлъ возможность такого союза Литвы и Рязани съ Татарами. Онъ только ускорилъ сборы войска и рѣшилъ, какъ и всегда рѣшали его славные предки, самому выйти навстрѣчу Мамаю въ степи, съ тѣмъ, чтобы быстротой дѣйствій предупредить своихъ противниковъ и не дать имъ возможности соединиться.

379. Русскій воинъ XIV вѣка на развѣдкѣ.
Рисунокъ Н. Каразина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Димитрій выслалъ впередъ «крѣпкую сторожу»— сильный конный развѣдочный отрядъ, подъ начальствомъ Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго и Василія Тупика; имъ приказано было подойти подъ самую Орду, чтобы «добыть языка», то-есть захватить плѣнныхъ. Вслѣдъ за первой, была отправлена и вторая сторожа, подъ начальствомъ Климента Поленина, Ивана Свяслова и Григорія Судока. Скоро Димитрій получилъ отъ своихъ развѣдчиковъ извѣстіе, что Мамай, несомнѣнно, идетъ на Москву со всею Ордою, но что не спѣшитъ, ожидая съ одной стороны уборки хлѣбовъ, чтобы ими воспользоваться для прокормленія своихъ войскъ, а съ другой стороны и подхода Ягайло.

Конечно, это извѣстіе только заставило Димитрія еще болѣе ускорить свои сборы. Тѣмъ войскамъ, которыя не успѣли прійти въ Москву, велѣно было слѣдовать прямо въ Коломну, гдѣ сборъ областнымъ полкамъ былъ назначенъ на 15-е августа, къ Успеньеву дню.

Самъ же Димитрій, вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ и боярами, отправился помолиться Живоначальной Троицѣ, въ храмъ Святого Сергія, и принять его благословеніе. Святой Сергій не только благословилъ его на предстоящій великій подвигъ, но и предсказалъ за трапезой конечное запустѣніе и погубленіе Мамаю, а Димитрію помощь небесныхъ силъ и милость и славу. Кромѣ того, Святой Сергій отпустилъ

съ нимъ двухъ иноковъ-богатырей — Александра Пересвѣта, бывшаго въ міру Брянскимъ бояриномъ, и Ослябю, и далъ каждому изъ нихъ схиму съ нашитымъ крестомъ, чтобы возлагать ее поверхъ шлема.

Отпуская Димитрія, Сергій вновь сказалъ ему: «Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и защитникъ; Онъ побѣдитъ и низложитъ твоихъ супостатовъ и прославитъ тебя». Вѣщія слова преподобнаго наполнили радостью и надеждою сердце великаго князя.

Между тѣмъ Русское воинство стекалось со всѣхъ сторонъ.

380. „И окропи священною водою великаго князя и рече ему: ...„аще убо такъ есть, то убо ждетъ его (Мамая) конечное погубленіе и запустѣніе, тебѣ же отъ Господа Бога и Пречистыя Богородица и святыхъ Его помощь и милость и слава“...

381. „Онъ же (Св. Сергій) даде имъ (Пересвѣту и Ослябѣ) оружіе въ тлѣнныхъ мѣсто нетлѣнное, крестъ Христовъ нашитъ на схимахъ“...

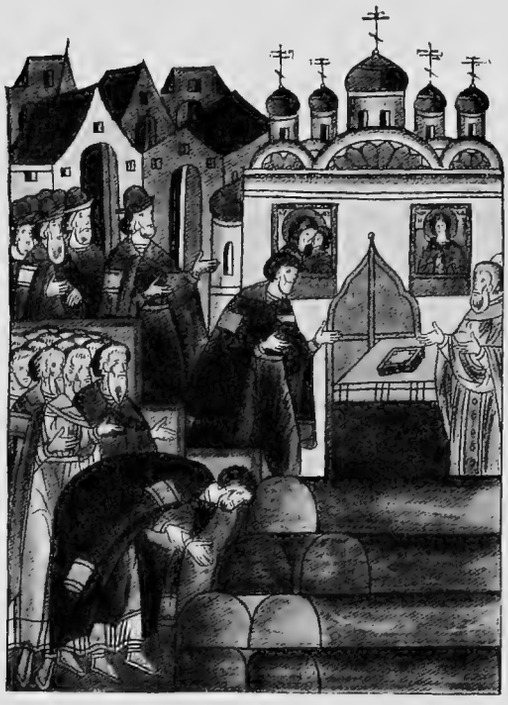
Явились полки и дружины—Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Ярославскіе, Владимірскіе, Суздальскіе, Переяславскіе, Костромскіе, Муромскіе, Димитровскіе, Можайскіе, Звенигородскіе, Серпуховскіе; пришла рать и отъ Тверского князя съ племянникомъ его Иваномъ Холмскимъ; наконецъ, должны были подойти полки Нижегородскіе, а также вѣрные союзники Московскаго князя, сыновья Ольгерда и братья Ягайлы—Андрей Полоцкій, сидѣвшій тогда во Псковѣ, и Димитрій Корибутъ Брянскій; ожидались и нѣкоторые другіе отряды.

Почти все войско было конное, что, конечно, давало возможность Димитрію развить большую быстроту движеній. Бряцаніе оружія и трубные звуки не умолкали въ Москвѣ. Среди ратниковъ царило величайшее вооду-

шевленіе; каждый былъ счастливъ сознаніемъ величія предстоящей борьбы, а въ храмахъ священники и колѣнопреклоненный народъ умиленно возносили свои горячія молитвы о ниспосланіи побѣды.

20 августа, въ прекрасное ясное утро, Московская рать выступила въ походъ. Димитрій сначала горячо молился въ соборномъ Успенскомъ храмѣ, со слезами припадая къ ракѣ Святого Петра и усердно прося его помощи, а потомъ перешелъ въ Архангельскій соборъ, гдѣ поклонился гробамъ родителя и дѣда.

Затѣмъ онъ простился съ нѣжно любимой супругой своей и дѣтьми. Удерживая слезы, онъ поцѣловалъ княгиню Евдокію Димитріевну,



382. „Князь великій же поиде во Святую церковь Святаго архистратига Михаила... у гробовъ родителей своихъ простися и благословися“...

383. „И взя себѣ князь великій въ полкъ Бѣлоозерьскіа князи съ воинствы ихъ: бѣ бо удалы зѣло и мужествени“...

сказалъ ей на прощанье: «Богъ намъ заступникъ» и, сѣвъ на коня, выѣхалъ къ выступавшему войску, которое благословляло и кропило святой водой духовенство, вышедшее его проводить изъ кремлевскихъ соборовъ. Евдокія же Димитріевна, вмѣстѣ со своими боярынями, смотрѣла съ верха великокняжескаго терема во слѣдъ удалявшемуся воинству.

Полки представляли величественное зрѣлище. Ихъ доспѣхи и оружіе ярко блистали на утреннемъ солнцѣ. Кольчатыя желѣзныя брони или стальные панцыри изъ бляхъ, шлемы съ остроконечными верхушками, продолговатые щиты, окрашенные въ красный цвѣтъ, тугіе луки и колчаны со стрѣлами, острыя копья, частью кривыя булатныя сабли, частью прямыя,

составляли вооруженіе и снаряженіе Русскихъ воиновъ. Надъ ихъ рядами во множествѣ развѣвались знамена или стяги на высокихъ древкахъ, а поднятыя вверхъ копья имѣли подобіе цѣлаго лѣса. Князья и воеводы отличались наиболѣе нарядными, большею частью позлащенными, доспѣхами, а также яркими, наброшенными поверхъ нихъ, плащами.

Изъ ихъ среды особенно выдѣлялся самъ Димитрій Іоанновичъ. Это

384. Димитрій Іоанновичъ Донской передъ Куликовской битвой—по описанію лѣтописца.

былъ высокій, плотный человѣкъ, съ темной окладистой бородой и большими умными глазами, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ: ему было едва тридцать лѣтъ отъ роду. Далеко былъ виденъ и его огромный алаго цвѣта великокняжескій стягъ съ ликомъ Нерукотворнаго Спаса.

Разставшись съ нѣжной супругой, Димитрій подъѣхалъ къ войскамъ и громко сказалъ: «Братія моя милая, не пощадимъ живота своего за вѣру христіанскую, за святыя церкви и за Землю Русскую!»

«Готовы сложить свои головы за вѣру Христову и за тебя, Государь, великій князь!»—восторженно отвѣчали ему изъ рядовъ.

Во избѣжаніе тѣсноты и для достиженія наибольшей быстроты, рать двинулась къ Коломнѣ по тремъ дорогамъ. Съ войсками шло десять Сурожанъ—Русскихъ купцовъ, хорошо знавшихъ южные пути по степи, почему они и могли быть надежными проводниками, а также отыскивать и закупать по дорогѣ продовольствіе.

24 августа великій князь достигъ Коломны; на другой день, на Дѣвичьемъ полѣ былъ произведенъ смотръ войскамъ, которыя, конечно, представились въ самомъ блестящемъ видѣ. Ихъ было свыше ста пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Надо думать, что здѣсь Димитрій окончательно убѣдился въ измѣнѣ Олега Рязанскаго.

385.

Изъ Коломны рать наша, сопровождаемая благословеніемъ духовенства, двинулась дальше. Въ виду измѣны Олега Рязанскаго, она была весьма искусно направлена по лѣвому берегу Оки къ устью рѣки Лопасни—у «четырехъ церквей» или «Сенькиной переправы». Направляясь сюда, Димитрій не только скрывалъ свое движеніе отъ Олега, прикрываясь Окой, но становился между нимъ, Ягайлой, подходившимъ къ Одоеву, и Мамаемъ, бывшимъ на пути къ устью рѣки Непрядвы. Такимъ образомъ, онъ могъ разсчитывать, быстро двинувшись отсюда на Татаръ, предупредить ихъ соединеніе съ другими двумя союзниками.

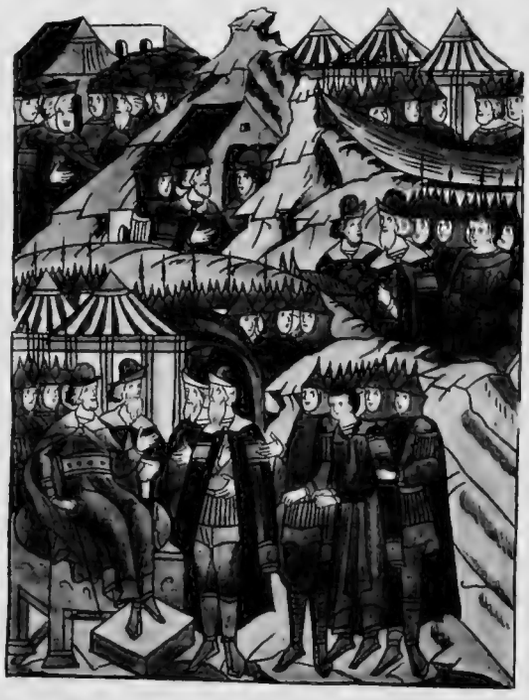
У устья Лопасни къ рати Димитрія присоединились: братъ его, князь Владиміръ Андреевичъ со своими войсками, собиравшимися въ Серпуховѣ, а также и большой воевода Московскій, или окольничій Тимофей Вельяминовъ, съ остальными Московскими полками. Собралась несмѣтная рать, можетъ быть, тысячъ болѣе двухсотъ.

Отъ устья Лопасни, переправшись черезъ Оку, рать эта направилась прямо къ верхнему Дону, при чемъ, проходя по Рязанской Землѣ, настрого было приказано не обижать жителей,—«ни одинъ волосъ не тронуть». Очевидно, умный Димитрій отнюдь не желалъ разорять и раздра-

жать населеніе Рязанской Земли, неповинное въ измѣнѣ своего князя.

Войска наши двигались, раздѣленные по обычаю на четыре полка. Главный, или великій полкъ, Димитрій оставилъ подъ личнымъ своимъ начальствомъ; въ свой же полкъ онъ помѣстилъ и удалыхъ князей Бѣлозерскихъ. Кромѣ собственной Московской дружины, въ этомъ главномъ полку находились мѣстные воеводы, начальствовавшіе слѣдующими дружинами: Коломенской—тысяцкій Николай Васильевичъ Вельяминовъ, Владимірской—князь Романъ Прозоровскій, Юрьевской—бояринъ Тимофей Валуе-

386. „И повелѣ имъ рѣку Оку возитися и заповѣда коемуждо полку, глаголя сице: „аще кто идетъ по Рязанской землѣ да никто же ничему же коснется"...



387. „И се внезапу пріидоша къ нему два отъ стражей его, Петръ Горскій и Карпъ Александровичь и приведоша языкъ нарочитъ отъ двора царева"...

вичъ, Костромской—Иванъ Родіоновичъ Квашня и Переяславской—Андрей Серкизовичъ.

Полкъ правой руки, шедшій по дорогамъ правѣе пути слѣдованія великаго полка, велъ братъ Димитрія—князь Владиміръ Андреевичъ, которому были приданы и князья Ярославскіе; подъ Владиміромъ Андреевичемъ воеводами были: бояре Данило Бѣлоусъ и Константинъ Кононовичъ, князья Ѳеодоръ Елецкій, Юрій Мещерскій и Андрей Муромскій.

Полкъ лѣвой руки, шедшій лѣвѣе великаго полка, велъ князь Глѣбъ Брянскій.

Передовой же полкъ, шедшій во главѣ рати, вели князья Димитрій и Владиміръ Всеволодовичи (повидимому, Друцкіе).

По пути отъ устья Лопасни присоединились и оба Ольгердовича—Андрей и Димитрій Корибутъ.

Для сбора свѣдѣній о положеніи, силахъ и намѣреніяхъ непріятеля на поддержку своей «крѣпкой сторожи» была выслана впередъ отборная конница смѣлаго и искуснаго боярина Семена Мелика; съ нимъ находились и славные своимъ удальствомъ Московскіе дворяне—развѣдчики: Кренинъ, Тынинъ, Горскій, Чириковъ, Карпъ Александровичъ и другіе.

Подойдя къ Дону, Димитрій Іоанновичъ остановился въ мѣстности, называемой Березой, поджидая подхода нашей рати; сюда къ нему явились съ развѣдки Петръ Горскій и Карпъ Александровичъ съ приведеннымъ языкомъ, Татариномъ изъ двора самого Мамая, который, подъ угрозой жестокой пытки, показалъ, что Мамай подвигается впередъ, но медленно, вѣроятно, ожидая прибытія Ягайлы Литовскаго и Олега Рязанскаго, при чемъ онъ не знаетъ, что Димитрій подошелъ уже такъ близко, полагая, что тотъ не отважится выступить ему навстрѣчу; однако, надо думать, что Мамай все же дня черезъ три уже перейдетъ Донъ.

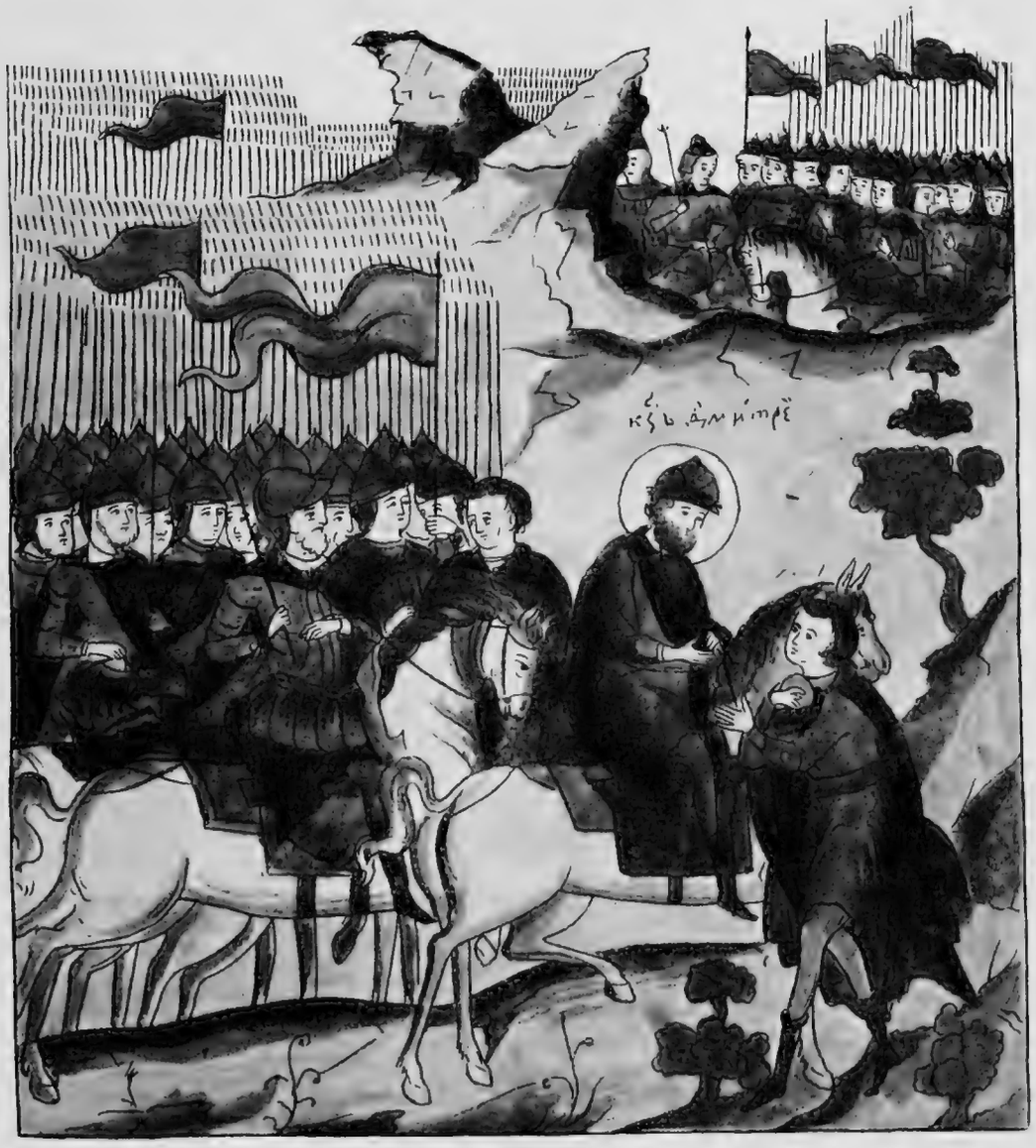
Въ то же время пришла вѣсть и съ другой стороны: Ягайло выступилъ на соединеніе съ Мамаемъ и сталъ уже у Одоева.

При этихъ обстоятельствахъ медлить въ принятіи рѣшенія было отнюдь нельзя, и Димитрій тотчасъ же собралъ военный совѣтъ изъ князей и бояръ. На совѣтѣ этомъ, какъ обыкновенно на всѣхъ совѣтахъ, мнѣнія раздѣлились. Болѣе осторожные совѣтовали не переходить Дона, а принять на немъ оборонительный бой, при чемъ, въ случаѣ неудачи, легче будетъ отступать, но другіе, въ томъ числѣ и Ольгердовичи Литовскіе, говорили иначе: «Если останемся здѣсь, то дадимъ мѣсто малодушію. А если переведемся на ту сторону Дона, то крѣпкій духъ будетъ въ воинствѣ твоемъ. Зная, что отступать и бѣжать некуда, что остается только побѣдить или лечь костьми, воины будутъ сражаться мужественно. А что языки (вѣсти) страшатъ насъ несмѣтною Татарскою силою, то не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ». Приводили при этомъ и примѣры славныхъ предковъ Димитрія: Ярослава, побѣдившаго Святополка Окаяннаго, переправившись черезъ Днѣпръ, и Александра Невскаго, поразившаго Шведовъ по переходѣ черезъ рѣку Ижору. Наконецъ, указывали и на важную необходимость движенія впередъ, съ цѣлью помѣшать соединенію Ягайлы съ Мамаемъ.

Димитрій Іоанновичъ былъ, разумѣется, всецѣло за движеніе впередъ. И вотъ, для поощренія болѣе осторожныхъ воеводъ, онъ сталъ держать такое слово: «Любезные друзья и братья! Вѣдайте, что я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы на Олега смотрѣть, или рѣку Донъ стеречь, но дабы Русскую Землю отъ плѣненія и разоренія избавить, или голову свою за всѣхъ положить; честная смерть лучше плохого живота. Лучше было бы мнѣ не идти противъ безбожныхъ Татаръ, нежели, пришедъ и ничтоже сотворивъ, воротиться вспять. Нынѣ же пойдемъ за Донъ и тамъ или побѣдимъ и все

отъ гибели сохранимъ, или сложемъ свои головы за святыя церкви, за Православную вѣру и за братьевъ нашихъ христіанъ».

Мужественное и мудрое рѣшеніе Димитрія сильно поддерживала и



388. „И се внезапу въ той часъ приспѣ борзоходецъ съ посланіемъ отъ Святого глаголюще: „Безъ всякаго сомнѣнія Господине со дерзновеніемъ поиди противу свирѣпьства ихъ"...

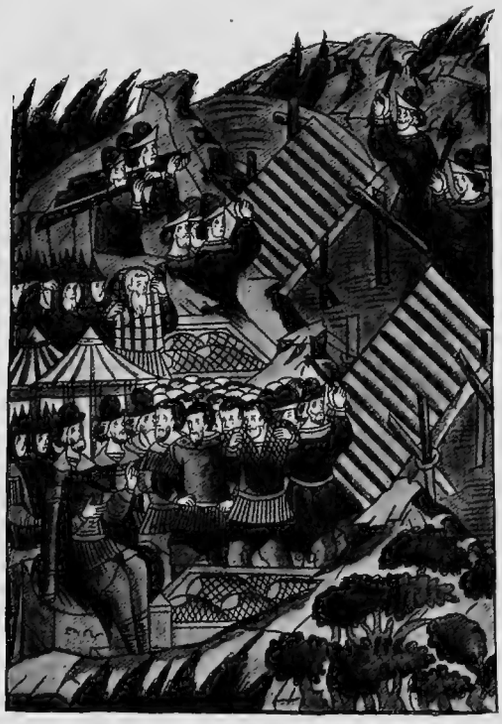
Изъ Житія Преподобнаго Сергія Троицко-Сергіевской Лавры.

полученная имъ грамота отъ Святого Сергія, которую послѣдній прислалъ вмѣстѣ съ освященной просфорой.

Этотъ пламенный печальникъ и молитвенникъ о Землѣ Русской слѣдилъ съ живѣйшимъ участіемъ за всѣми движеніями нашей рати и получалъ объ этомъ свѣдѣнія черезъ гонцовъ, постоянно посылаемыхъ Дими-

тріемъ въ Москву къ боярамъ и духовенству, а также и къ своей супругѣ, княгинѣ Евдокіи Димитріевнѣ, которая была оставлена тамъ съ дѣтьми на попеченіе воеводы Ѳеодора Андреевича Кобылина, сына помянутаго нами боярина Андрея Кобылы, родоначальника нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ.

Святой Сергій въ своей грамотѣ, вмѣстѣ съ пастырскимъ благословеніемъ, наказывалъ Димитрію: «Безъ всякаго сомнѣнія, Государь, иди противъ нихъ и, не предаваясь страху, твердо надѣйся, что поможетъ



389. Переправа черезъ Донъ. ....„И тако повелѣ коемуждо полку чрезъ Донъ мосты устроити“...

390. „И егда заря угасе, и глубоцѣ нощи сущи, и Дмитрей Бобровковъ Волынецъ всѣдъ на конь и поимъ съ собою великаго князя, и выѣхаша на поле Куликово, и сташа среди обоихъ полковъ“...

тебѣ Господь и Пресвятая Богородица».

7 сентября войско наше придвинулось къ Дону, и пѣхота переправилась черезъ наведенные мосты изъ деревьевъ и хворосту, нарубленныхъ въ сосѣднихъ дубравахъ, а конницѣ приказано было искать бродовъ.

Къ ночи вся Русская рать успѣла перейти рѣку и стала на ночлегъ на лѣсистыхъ холмахъ, расположенныхъ у впаденія въ Донъ рѣчки Непрядвы.

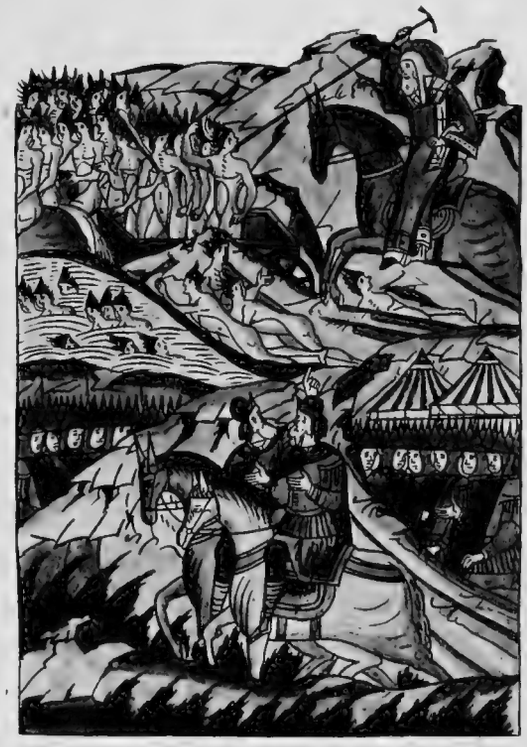
Въ это время, бывшій впереди съ развѣдчиками, бояринъ Семенъ Меликъ лично прискакалъ къ Димитрію съ важнымъ донесеніемъ, что Мамай со всѣми силами уже подходитъ, и что передовыя Русскія части уже бились съ Татарами.

Такимъ образомъ, завтра, 8 сентября, въ день Рождества Богородицы, между обоими воинствами должно было начаться страшное побоище на мѣстности, носящей названіе Куликова поля; поле это покрыто небольшими возвышенностями и оврагами; кое-гдѣ на немъ росъ и лѣсъ. Рѣчка Смолка раздѣляла оба стана.

Ночь была тихая и теплая.

Великій князь съ воеводой Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ Боброкомъ сѣли на коней, выѣхали на Куликово поле, стали между обѣихъ ратей и начали прислушиваться.

391. „И еще убо ми есть примѣта инаа... И сниде съ коня и паде на десное ухо, приниче къ земли и лежаше на долгъ часъ, и вста и абіе пониче“...



392. „Въ той же нощи... видѣша Василей Капица да Семенъ Антоновъ:.. отъ поля грядуща множество Ефіопъ... ови на колесницахъ, ови на конехъ,... и абіе внезапу явися святый Петръ, имѣя въ рущѣ жезлъ златъ“...

Димитрій Михайловичъ Волынскій Боброкъ, поступившій изъ безудѣльныхъ Волынскихъ князей на службу къ Московскому князю и женившійся, какъ мы говорили, на его сестрѣ Аннѣ, кромѣ того, что былъ человѣкомъ очень искуснымъ въ ратномъ дѣлѣ, слылъ также за знатока различныхъ примѣтъ и умѣлъ гадать по разнымъ знаменіямъ. Вотъ для этого то Димитрій и выѣхалъ съ нимъ въ поле, чтобы по звукамъ, раздававшимся въ ночной тиши, предугадать судьбы завтрашняго дня.

Со стороны Татарскаго стана доносился великій кличъ и стукъ, а позади его слышалось завываніе волковъ; на лѣвой сторонѣ, носясь въ воздухѣ, клектали орлы и граяли вороны; а на правой—вились стаи гусей,

лебедей и утокъ, и трепетно плескали крыльями, какъ бы передъ страшной бурей.

Съ Русской же стороны ничего не было слышно; видно было только зарево, какъ бы отъ множества огней.

«Господине княже, благодари Бога, Пречистую Богородицу, великаго Чудотворца Петра и всѣхъ Святыхъ»,—промолвилъ Боброкъ.—«Огни суть доброе знаменіе. Призывай Господа Бога на помощь и не оскудѣвай вѣрою».

«Есть у меня еще примѣта»,—сказалъ онъ затѣмъ и, сойдя съ коня, припалъ къ землѣ правымъ ухомъ. Долго прислушивался, потомъ всталъ и понурилъ голову.

«Что же, братъ, повѣдай, какова примѣта»,—спросилъ Димитрій.

Воевода, однако, не отвѣчалъ; былъ печаленъ и даже заплакалъ, но потомъ, на усиленныя просьбы Димитрія, сообщилъ ему, что слышалъ какъ бы горькій плачъ—съ одной стороны Татарской женщины, а съ другой—Русской дѣвицы, и что, по его мнѣнію, это значитъ, что Русскіе одолѣютъ Татаръ, но при этомъ падетъ и много нашихъ. Димитрій, въ свою очередь, прослезился тоже, и сказавъ: «Да будетъ воля Господня», обѣщалъ никому объ этомъ не говорить, чтобы не смущать сердца воиновъ.

«И тогда-же въ той нощи», говоритъ лѣтописецъ, «видѣніе видѣша Василій Капица да Семенъ Антоновъ: видѣша отъ поля грядуща множество Ефіопъ въ велицей силѣ, овіи на колесницахъ, овіи на конѣхъ и бѣ страшно видѣти ихъ и абіе внезапу явися Святый Петръ митрополитъ всея Руси и, имѣя въ рущѣ жезлъ златъ и приде на нихъ съ яростью веліею, глаголя—почто пріидосте погубляти мое стадо, его же ми дарова Богъ соблюдати и нача жезломъ своимъ ихъ прокалати, они же на бѣгъ устремишася».

Въ ту же ночь, въ соборномъ храмѣ Богородицы, въ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ, было также чудесное явленіе. Оставленные на ночь въ церкви пономари увидѣли, какъ у гробницы Святого Александра Невскаго вдругъ сама собой зажглась свѣча, а изъ алтаря вышли два старца (можетъ быть Святые митрополиты Петръ и Алексій) и, подойдя къ ракѣ, сказали: «Возстани Александре, ускори на помочь правнуку своему, великому князю Димитрію, одолѣваему сущу отъ иноплеменниковъ».

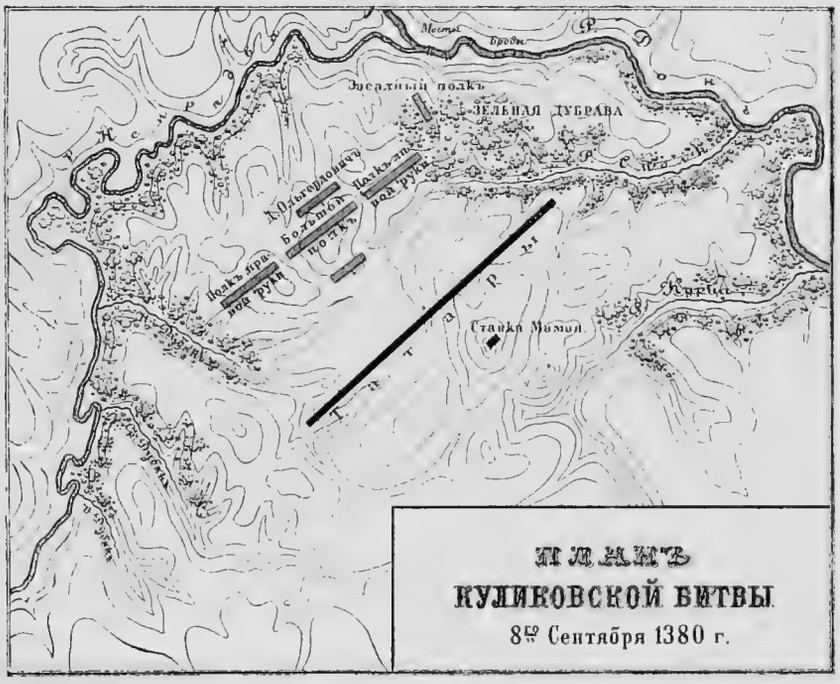
И тотчасъ же, какъ живой, возсталъ изъ гроба преславный князь Александръ, послѣ чего всѣ трое стали невидимы. Это чудесное явленіе послужило къ открытію и прославленію мощей Святого Александра Невскаго, найденныхъ нетлѣнными.

Утро 8 сентября было очень туманное; мгла мѣшала видѣть движеніе полковъ, и съ обѣихъ сторонъ слышны были только трубные звуки, но въ девятомъ часу появилось солнце.

Русскіе полки, занимая линію въ 10 верстъ, выстроились такъ, что оконечностями своихъ крыльевъ они упирались въ трудно доступныя мѣста—овраги и дебри протекающихъ на Куликовомъ полѣ рѣчекъ. Полкъ

правой руки, подъ начальствомъ Андрея Ольгердовича, примкнулъ къ оврагу Нижняго Дубика. Полкъ лѣвой руки князей Бѣлозерскихъ прикрывался рѣчкой Смолкою. Въ серединѣ—расположился большой полкъ, которымъ подъ великимъ княземъ начальствовали: князь Глѣбъ Брянскій и окольничій Тимофей Вельяминовъ. Впереди былъ поставленъ передовой полкъ, къ которому отошли и развѣдчики Семена Мелика; имъ начальствовали братья Всеволодовичи (вѣроятно, князья Друцкіе). Кромѣ того, за лѣвымъ крыломъ большого полка, въ видѣ поддержки ему, былъ поставленъ особый отрядъ Димитрія Ольгердовича.

Наконецъ, засадный полкъ или, какъ теперь говорятъ, общій резервъ для нанесенія рѣшительнаго удара, изъ отборной конницы, подъ началь-



393.

ствомъ князя Владиміра Андреевича и славнаго воеводы Димитрія Михайловича Волынскаго Боброка, расположился за лѣвымъ крыломъ всего боевого порядка, укрываясь густой зеленою дубравою. Выборъ этого мѣста обнаруживалъ весьма проницательный военный глазомѣръ Димитрія: засадный полкъ былъ помѣщенъ совершенно укрыто и при томъ такимъ образомъ, что могъ легко подкрѣпить сражающихся и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывалъ обозы и сообщеніе съ мостами, наведенными на Дону, то-есть единственный путь отступленія на случай неудачи.

Чрезвычайно удачно были назначены Димитріемъ и начальники надъ засаднымъ полкомъ: опытный воевода Димитрій Михаиловичъ Волынскій Боброкъ могъ лучше всякаго другого опредѣлить—когда именно надлежало начать дѣйствовать этому полку и сдерживать до времени молодого и горя-

чаго Владиміра Андреевича; пылкій же князь Владиміръ Андреевичъ, любимецъ войскъ, былъ какъ нельзя болѣе пригоденъ для воодушевленія своихъ воиновъ и веденія самаго рѣшительнаго боя, послѣ того какъ засадный полкъ вступитъ въ дѣло.

Устроивъ полки, Димитрій объѣхалъ ихъ, говоря: «Возлюбленные отцы и братья, Господа ради и Пречистыя Богородицы и своего ради спасенія подвизайтеся за Православную вѣру и за братію нашу». Ему отвѣчали изъ рядовъ восторженными кликами.

Затѣмъ онъ подъѣхалъ къ своей дружинѣ, стоявшей въ челѣ главнаго полка, гдѣ развивался его собственный большой алый стягъ съ ликомъ Нерукотвореннаго Спаса. Димитрій сошелъ съ своего

394. Великій князь Димитрій Іоанновичъ молится о ниспосланіи побѣды передъ началомъ Куликовской битвы.

Рисунокъ В. П. Верещагина.

богатоубраннаго коня, усердно помолился Богу, снялъ съ себя золототканный плащъ и возложилъ его на своего любимца, боярина Михаила Андреевича Бренка; самъ же покрылся сверхъ своей позлащенной брони простымъ плащемъ и пересѣлъ на другую лошадь. Затѣмъ, онъ вынулъ изъ за пазухи крестъ съ частицею Животворящаго древа, вкусилъ просфору, присланную Святымъ Сергіемъ и, творя въ сердечномъ умиленіи молитву, поѣхалъ въ сторожевой полкъ, чтобы впереди его, по примѣру великихъ своихъ предковъ, собственноручно ударить на враговъ.

Очевидно, Димитрій надѣлъ свой златотканный плащъ на боярина Бренко для того, чтобы не сразу броситься въ глаза Татарамъ, а также и для того, чтобы простые воины, взглядывая во время сѣчи на большой полкъ и видя подъ алымъ стягомъ всадника въ златотканномъ плащѣ, имѣли бы увѣренность, что ихъ славный вождь живъ.

Князья и воеводы удерживали Димитрія отъ желанія драться впереди какъ простой воинъ, и указывали, что ему надлежитъ стоять въ сторонѣ отъ битвы, наблюдая за ея ходомъ.

«Тебѣ подобаетъ стоять особо отъ битвы»,—говорили они,—«и смотрѣть на сражающихся, а потомъ честить и жаловать оставшихся въ живыхъ и творить память по убіеннымъ. Если же тебя, Государь, лишимся, то уподобимся стаду овецъ безъ пастыря; придутъ волки и распугаютъ насъ». Но уговоры ихъ были напрасны. «Братія моя милая»,—отвѣчалъ Димитрій,—«добрыя ваши рѣчи и похвалы достойныя. Но если я вамъ глава, то впереди васъ хочу и битву начать. Умру или живъ буду — вмѣстѣ съ вами».

395. „И тако инокъ Пересвѣтъ,...: поиде противъ Татарьскаго богатыря Темиръ-Мурзы, и ударишася крѣпко, толико громко и силно, яко землѣ потряститися, и спадоша оба на землю мертви"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Часовъ въ одиннадцать утра показалась Татарская рать; своими сѣрыми кафтанами и темными щитами она походила на черную тучу. Навстрѣчу Татарамъ немедленно двинулись Русскіе, сіяя своими свѣтлыми доспѣхами и червленными щитами. Передовой Татарскій полкъ въ средней своей части состоялъ изъ пѣхоты (вѣроятно, наемные Итальянцы — Крымскіе Генуэзцы). Эти пѣхотинцы шли густымъ строемъ, при чемъ задніе ряды клали свои копья на плечи переднихъ; у послѣднихъ они были короче, а у заднихъ длиннѣе. Въ Русскомъ передовомъ полку тоже имѣлась пѣхота.

Въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга обѣ рати вдругъ остановились. Тутъ съ Татарской стороны выѣхалъ огромный воинъ, подобный древнему Голіафу, чтобы начать битву единоборствомъ. Звали Татарскаго великана Чели-бей, а по другимъ свѣдѣніямъ—Темиръ-Мурза.

Завидя его, инокъ Пересвѣтъ, шедшій съ Ослябей въ передовомъ полку, сказалъ воеводамъ, что хочетъ биться съ Татариномъ, и воскликнулъ: «Отцы и братья, простите меня грѣшнаго; брате Ослябе, моли за меня

Бога. Преподобный отецъ игуменъ Сергій помоги мнѣ молитвою твоею!» Затѣмъ съ копьемъ въ рукѣ и со схимою и крестомъ на головѣ, Пересвѣтъ выскакалъ изъ рядовъ и понесся на Татарскаго Голіафа. Тотъ тоже кинулся ему навстрѣчу, и оба ударились другъ о друга съ такой силою, что кони ихъ пали на колѣни, а сами богатыри мертвыми ринулись на землю.

Вслѣдъ затѣмъ наступилъ чередъ и Димитрія Іоанновича. Онъ бросился во главѣ передового полка на Татаръ и, громогласно читая псаломъ: «Богъ намъ прибѣжище и сила», врубился въ ихъ ряды.

Вскорѣ обѣ рати смѣшались, и началась жесточайшая сѣча. Димитрій продолжалъ сражаться какъ простой ратникъ, показывая примѣръ мужества и отваги, и перемѣнилъ нѣсколько коней, убитыхъ подъ нимъ. Мамай

396. Куликовская битва.

Рисунокъ М. В. Васнецова.

же, по Татарскому обычаю, наблюдалъ за сраженіемъ съ вершины Краснаго холма. Ратники задыхались въ густой свалкѣ, а разступиться въ сторону мѣшали свойства мѣстности, изрѣзанной оврагами. Въ тѣснотѣ воины схватывали противника лѣвой рукой, а правой рубили или кололи. Многіе умирали подъ конскими копытами. По выраженію лѣтописца,—«копья ломались какъ солома, стрѣлы падали дождемъ, пыль закрывала солнечные лучи, мечи сверкали молніями, а люди падали, какъ трава подъ косою, кровь же лилась какъ вода и текла ручьями». Кони едва могли двигаться отъ множества труповъ, которыми въ самое короткое время покрылось все поле битвы.

Скоро пѣшая Русская рать, бывшая въ передовомъ полку, вся полегла костьми. Татары, коихъ было свыше трехсотъ тысячъ, пользуясь своимъ

превосходствомъ въ числѣ, стали теперь напирать на главную рать. Продвигаясь впередъ въ жаркой сѣчи, они досѣклись до великокняжескаго стяга и успѣли, несмотря на отчаянное сопротивленіе, подрубить его древко, при чемъ былъ убитъ славный бояринъ Бренкъ. Насталъ страшный часъ. Но Глѣбъ Брянскій и окольничій Тимоѳей Вельяминовъ съ своими полками смогли, наконецъ, остановить дальнѣйшее движеніе враговъ въ этомъ мѣстѣ. На нашей же правой рукѣ, храбрый Андрей Ольгердовичъ не только выдержалъ напоръ сильнаго Татарскаго полчища, навалившагося на него, но сталъ даже его одолѣвать.

Тогда Татары, видя, что нельзя обойти Русскихъ съ крыльевъ, благодаря искусному расположенію нашей рати великимъ княземъ, рѣшили прорвать гдѣ-либо нашъ строй и ударили съ огромными силами на наше лѣвое крыло, съ цѣлью уничтожить его совершенно. Страшный бой закипѣлъ здѣсь: свѣжія полчища Татаръ устремлялись сюда одно за другимъ; наконецъ, всѣ храбрые Бѣлозерскіе князья, дравшіеся героями, пали, и нашъ полкъ лѣвой руки, тая все болѣе и болѣе, сталъ подаваться назадъ подъ напоромъ враговъ. Вслѣдствіе этого, большому полку угрожала теперь опасность быть обойденнымъ съ боку и съ тыла, при чемъ войско наше припиралось къ рѣкѣ Непрядвѣ и отрѣзывалось отъ Дона и мостовъ. Конечно, Татарскіе воеводы хорошо соображали это, а потому и направили всѣ свои силы въ самое чувствительное мѣсто Русскаго войска. Уже раздавалось неистовое гиканье и побѣдные клики Татаръ. Но тутъ-то и сказалась замѣчательная предусмотрительность великаго князя въ расположеніи нашего засаднаго полка.

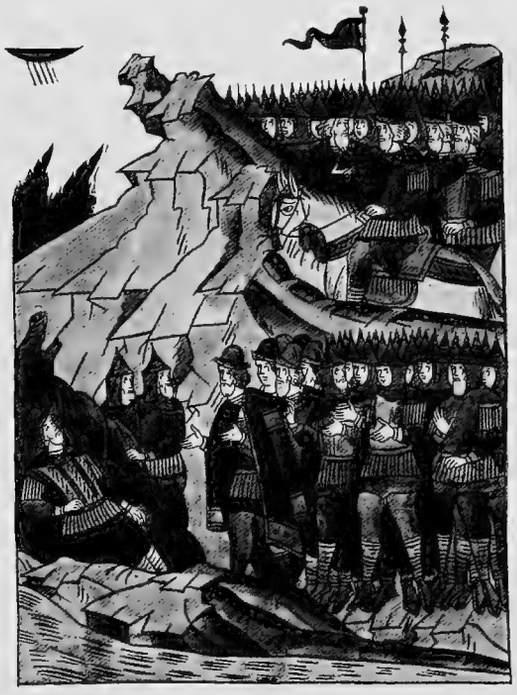
Храбрый Владиміръ Андреевичъ уже давно порывался вступить съ этимъ полкомъ въ бой, слѣдя (при помощи нѣсколькихъ воиновъ, взобравшихся на деревья) за его ходомъ. Но опытный Димитрій Михайловичъ Волынскій Боброкъ его сдерживалъ, и только когда наступавшая въ пылу боя на наше ослабленное лѣвое крыло Татарская рать поравнялась съ дубравой, гдѣ стоялъ засадный полкъ, тогда Волынскій Боброкъ рѣшилъ двинуться. Онъ громко воскликнулъ: «Теперь и нашъ часъ приспѣлъ. Дерзайте братія и други. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», и, «какъ соколы на журавлиное стадо», устремились герои засаднаго полка на совершенно не чаявшихъ ихъ Татаръ. Конечно, это ошеломило ихъ до чрезвычайности. А между тѣмъ, и Димитрій Ольгердовичъ, предусмотрительно поставленный позади большого полка, въ видѣ его поддержки, закрылъ съ своей стороны его открывшійся бокъ, и Татарская рать попала здѣсь какъ бы между двухъ стѣнъ.

Къ концу дня Русское мужество и стойкость взяли, наконецъ, верхъ Татары дрогнули и стали повсемѣстно отходить назадъ. Около своихъ таборовъ они пріостановились и вновь вступили въ бой, но не надолго. Русскіе неудержимо пошли впередъ и охватывали враговъ со всѣхъ сторонъ. Скоро все Татарское полчище обратилось въ дикое бѣгство. Самъ Мамай, охваченный ужасомъ, воскликнулъ съ тоской: «Великъ Богъ христіанскій»!

и бѣжалъ безъ оглядки. Наши конные отряды преслѣдовали враговъ до рѣки Мечи, то-есть на разстояніи сорока верстъ.

Побѣда была самая полная. Ягайло, стоявшій отъ поля битвы въ разстояніи дневного перехода, поспѣшно отступилъ въ свои предѣлы, какъ только узналъ о ея печальномъ исходѣ для Мамая.

Храбрый Владиміръ Андреевичъ сталъ на костяхъ подъ алымъ великокняжескимъ знаменемъ и велѣлъ трубить сборъ. Скоро со всѣхъ сторонъ начали съѣзжаться князья и воеводы, но Димитрія не было. «Гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей слава?» — съ безпокойствомъ спрашивалъ Владиміръ Андреевичъ, но никто не могъ дать на это отвѣта, хотя многіе и видѣли отдѣльные подвиги Димитрія въ теченіе дня.



397. „... Онъ же (Владиміръ Андреевичъ), въ той часъ на конь взыде и поиде со скоростью съ сущима его воиньствы и пришедъ надъ него, рече ему: „о брате мой милый, великій княже Дмитріе Ивановичъ.. но преже всѣхъ слава Господу нашему Іисусу Христу... князь же великій Дмитрей Ивановичъ едва рече: „кто глаголетъ сіа“.

398. Погребеніе убитыхъ въ братскихъ могилахъ. „И повелѣ князь великій священникомъ пѣти надгробныя пѣсни надъ избіенными, и погребоша ихъ, елико возмогоша и успѣша“...

Тогда были посланы во всѣ стороны люди его дружины. Они разсыпались по Куликову полю и начали прилежно осматривать лежавшія повсюду кучи труповъ. Нѣкоторые увидѣли на одномъ убитомъ великокняжескій плащъ и думали, что нашли Димитрія; но это оказался бояринъ Бренкъ; другіе приняли было за великаго князя Ѳеодора Семеновича Бѣлозерскаго, который былъ похожъ на него; третьи нашли павшаго коня и нѣсколько убитыхъ слугъ Димитрія; но самого его не было видно. Наконецъ,

два Костромича, Ѳеодоръ Сабуръ и Григорій Хлопищевъ, усмотрѣли въ какой-то дубравѣ великаго князя, лежащаго недвижимо подъ вѣтвями вновь срубленнаго дерева, но съ признаками жизни. Скоро сюда прискакали всѣ князья и бояре и, слѣзши съ коней, поклонились до земли лежащему Димитрію.

«Братъ мой милый, великій княже Димитрій Іоановичъ! Слава Господу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери! Молитвами и помощью угодниковъ Божіихъ мы побѣдили своихъ супостатовъ»,—раздался надъ нимъ взволнованный голосъ.

«Кто глаголетъ сіе»?—проговорилъ Димитрій, открывая глаза.

«Это я, братъ твой Владиміръ; возвѣщаю тебѣ, что Богъ явилъ тебѣ милость, даровавъ побѣду надъ врагами».

Обрадованнаго Димитрія подняли на ноги. Шлемъ его и латы были изсѣчены; все тѣло покрыто язвами и ушибами, но смертельныхъ ранъ не было. Его повезли въ великокняжескій шатеръ и веселыми трубными звуками извѣстили воинство, что его державный вождь милостію Божіею живъ.

Слѣдующій день былъ воскресный. Вознеся усердныя молитвы Всевышнему, Димитрій, несмотря на страшное утомленіе и слабость, сталъ объѣзжать войска и горячо благодарить ихъ за славную побѣду. Потомъ онъ отправился осматривать поле битвы. Зрѣлище было потрясающее. При видѣ множества убитыхъ славныхъ защитниковъ Родины, великій князь залился слезами. Однихъ князей было убито пятнадцать человѣкъ. Кромѣ Пересвѣта, погибъ и славный инокъ Ослябя, а также лихой развѣдчикъ Семенъ Меликъ и много другихъ бояръ.

Восемь дней оставались Русскіе близъ мѣста ужаснаго побоища, предавая погребенію своихъ братій. Когда сосчитали оставшихся въ живыхъ, то ихъ было только сорокъ тысячъ человѣкъ. Такой дорогой цѣной была куплена Куликовская побѣда!

Значеніе ея, конечно, было громадно во всѣхъ отношеніяхъ. Это было несомнѣнное торжество Руси надъ всей Татарской ордой; мало того, это было вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество Европы надъ Азіей. Русскій народъ, волею Всевышняго поставленный въ сторожахъ всѣхъ Европейскихъ народовъ для защиты ихъ отъ вторженія Азіатскихъ полчищъ, блистательно выполнилъ на Куликовомъ полѣ свое великое назначеніе. Если же мы припомнимъ, что съ одной стороны участвовали всѣ несмѣтныя силы Мамая, а съ другой—населеніе только трехъ или четырехъ губерній нынѣшней Европейской Россіи, то мы должны еще болѣе проникнуться благоговѣйнымъ уваженіемъ передъ великимъ подвигомъ доблестныхъ нашихъ предковъ и предъ изумительными дарованіями Димитрія Іоанновича, получившаго отъ благодарнаго Русскаго народа за Куликовскую побѣду — наименованіе Донского.

Въ свою очередь и онъ увѣковѣчилъ память убіенныхъ на Куликовомъ полѣ героевъ установленіемъ ихъ поминовенія на всѣ времена, пока будетъ жить Русская Земля—въ Димитріевскую субботу.

Димитрій Іоанновичъ Донской показалъ себя не только мудрымъ и великимъ правителемъ въ дѣлѣ собиранія и подготовки силъ для предстоявшей ему борьбы, но и однимъ изъ величайшихъ полководцевъ—по тому необыкновенному искусству, съ которымъ велись военныя дѣйствія противъ Мамая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ всецѣло оставался вѣрнымъ и завѣтамъ своихъ великихъ предковъ: дѣйствовать противъ врага смѣлымъ и стремительнымъ наступленіемъ, съ полнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ, а въ рѣшительный день, отдавъ всѣ распоряженія для боя, во главѣ своего войска первымъ кидаться въ сѣчу.

Вмѣстѣ съ Татарами, побѣдой на Куликовомъ полѣ Москва, въ лицѣ своего великаго князя, побѣдила старое княжеское разногласіе и вражду изъ-за частныхъ волостныхъ выгодъ, при забвеніи надобностей, общихъ для всей Родины. На Куликовомъ полѣ народъ узналъ, что Москва есть истинное средоточіе и сердце Русской Земли, истинный защитникъ, оберегатель и устроитель земской тишины и независимости отъ сосѣднихъ державъ. Въ этомъ поведеніи Москвы и скрывалась истинная причина ея возвышенія надъ всѣми остальными княжествами, изъ которыхъ сильнѣйшія, Тверь и Рязань, въ глазахъ народа выступили: одно—мятежникомъ противъ общей тишины, а другое—измѣнникомъ Русскому дѣлу. На Мамаевомъ побоищѣ явились героями не сильные, высокомѣрные и честолюбивые князья, а слабые владѣтели мелкихъ отчинъ, не искавшіе себѣ владычества надъ Землею, но помышлявшіе только о службѣ Отечеству.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Куликовская битва, будучи величайшимъ Русскимъ торжествомъ, являлась съ другой стороны и событіемъ плачевнымъ, великою жалостью. «Была на Руси радость великая»,—говоритъ лѣтописецъ,—«но была и печаль большая по убитымъ отъ Мамая на Дону; оскудѣла совершенно вся Земля Русская воеводами, и слугами, и всякимъ воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей Землѣ Русской».

Это оскудѣніе дало Татарамъ еще кратковременное торжество надъ своими побѣдителями. Мамай, возвратившись въ Орду, собралъ опять большое войско, съ тѣмъ, чтобы идти на Московскаго князя, но былъ остановленъ другимъ врагомъ: на него напалъ ханъ Заяицкій Тохтамышъ, потомокъ Чингизъ-хана, и разбилъ его на берегахъ Калки, послѣ чего Мамай бѣжалъ въ Крымъ—въ Кафу, гдѣ его убили Генуезцы.

Тохтамышъ же завладѣлъ Золотой Ордой и послалъ извѣстить объ этомъ Димитрія Іоанновича и другихъ Русскихъ князей. Послы новаго хана были приняты съ честью и отпущены съ дарами; но дары—не дань, и эту разницу въ отношеніяхъ, конечно, сразу понялъ Тохтамышъ. Въ слѣдующемъ 1381 году, онъ послалъ въ Русскую Землю новаго своего посла Ахкозю съ 700 Татарами; но тотъ доѣхалъ только до Нижняго и затѣмъ не осмѣлился ѣхать въ Москву, а побѣжалъ назадъ въ Орду.

Тогда Тохтамышъ рѣшилъ разсѣять страхъ, напавшій на Татаръ послѣ Куликовской битвы. Онъ неожиданно велѣлъ пограбить Русскихъ гостей въ Болгарахъ (Казани) и перехватить ихъ суда, а самъ пошелъ къ

Москвѣ, соблюдая большую осторожность, чтобы напасть на нее внезапно. Эта скрытность и поспѣшность Тохтамыша лучше всего показываетъ перемѣну, произошедшую въ Татарахъ послѣ Куликовской битвы; ханъ надѣялся имѣть успѣхъ, только напавши врасплохъ на Русскихъ.

Навстрѣчу Тохтамышу Нижегородскій князь выслалъ своихъ двоихъ сыновей, чтобы умилостивить его дарами. Встрѣтилъ его на своихъ границахъ и Олегъ Рязанскій, прося не воевать его область, и указалъ бродъ на Окѣ, на пути къ Москвѣ.

Наконецъ, узналъ и великій князь о новой грозѣ; онъ получилъ объ этомъ вѣсти отъ своихъ доброхотовъ, то-есть тайныхъ его слугъ среди Татаръ, жившихъ въ Ордѣ и посылавшихъ, конечно, за большія деньги, свои донесенія о всемъ происходившемъ тамъ.

Димитрій Іоанновичъ хотѣлъ было выйти навстрѣчу Тохтамышу, но долженъ былъ убѣдиться, что, вслѣдствіе страшнаго оскудѣнія, съ Земли нельзя скоро собрать новой рати; поэтому, онъ отправился въ Переяславль, а потомъ въ Кострому—собирать полки, а защищать Москву, въ которой послѣ его отъѣзда поднялся было мятежъ, онъ послалъ молодого Литовскаго князя Остея, внука Ольгерда.

Мужественный Остей скоро успокоилъ народное волненіе, укрѣпилъ кремль и сталъ въ немъ ожидать Тохтамыша, передовые отряды котораго подошли къ Москвѣ 23 августа 1382 года.

Обскакавъ кремль, Татары увидѣли, что все вокругъ него было чисто, такъ какъ сами граждане пожгли всѣ посады, не оставя ни одного тына или дерева, опасаясь устройства примета къ стѣнамъ.

На слѣдующій день прибылъ самъ Тохтамышъ съ войсками и немедленно началъ осаду, при чемъ Татарскія стрѣлы падали въ городъ какъ дождь, и убивали въ немъ множество народа.

Внутри кремля Остей усердно трудился надъ укрѣпленіемъ стѣнъ, но не сумѣлъ устранить одного обстоятельства. Привлеченная имъ для устройства и защиты оборонительныхъ сооруженій, городская чернь—работала отважно и усердно, но въ то время, какъ добрые люди молились Богу день и ночь, часть толпы разбила княжескіе и боярскіе погреба и упилась господскими медами до пьяна.

Пьянымъ было море по колѣно, а потому, когда подъ городомъ появились Татары, всѣ встрѣтили ихъ не только храбро, но и съ пьянымъ высокомѣріемъ стали браниться и, понося Татарскую силу, кричали: «Не устрашимся поганыхъ Татаръ, городъ крѣпокъ, стѣны каменныя, ворота желѣзныя». Однако, и въ пьяномъ видѣ народъ исполнялъ свое дѣло въ надлежащемъ порядкѣ, обливая взбиравшихся по приставнымъ лѣстницамъ Татаръ кипяткомъ, побивая ихъ каменьями и стрѣляя въ нихъ изъ самострѣловъ и изъ пушекъ, впервые появившихся у нашихъ предковъ въ это время. Одинъ суконникъ, именемъ Адамъ со Спасскихъ воротъ, убилъ изъ самострѣла даже Ордынскаго славнаго князя, любимца Тохтамыша, что привело послѣдняго въ великую печаль.

Три дня стояли Татары подъ городомъ и не могли его взять. Тогда Тохтамышъ рѣшилъ прибѣгнуть къ лести: онъ завелъ переговоры, говоря, что пришелъ воевать не съ горожанами, а только наказать великаго князя, и что если они сдадутся, то всѣмъ будетъ и миръ и любовь. Въ этомъ увѣряли Москвичей, конечно, обманутые Тохтамышемъ, и шурины Димитрія Іоанновича, сыновья Нижегородскаго князя, утверждая, что ханъ только хочетъ осмотрѣть городъ и удовольствуется небольшими дарами.

399. „И изношаху ис погребовъ меды господскіа и упиваxуся до піана, и шетающеся глаголюще: „не устрашимся нахожденіа Татарьскаго, имѣемъ бо градъ камень твердъ и врата желѣзна".

400. „А другіи отъ нихъ (татаръ) сотворивше лѣствици и приставляюще, лѣзаху на стѣну; граждане-же, воду въ котлѣхъ варяще ліяху на нихъ варъ"...

Наконецъ, горожане повѣрили, отворили ворота и лучшіе люди съ княземъ Остеемъ вышли съ крестами и дарами. Но Татары немедленно убили Остея; затѣмъ они подошли къ воротамъ и начали безжалостно рубить духовенство; потомъ ворвались въ кремль, побили или полонили всѣхъ жителей, разграбили церкви, взяли княжескую казну и имущество частныхъ людей и пожгли великое множество книгъ, свезенныхъ со всѣхъ сторонъ въ кремль и сложенныхъ до самыхъ сводовъ въ храмахъ.

Всѣхъ потерь нельзя было и счесть; мало сказать «тысячу тысячъ»,— замѣчаетъ лѣтописецъ. Но, конечно, самая невознаградимая изъ этихъ потерь—было сожженіе книгъ въ церквахъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними

исчезли, несомнѣнно, многія драгоцѣнныя свѣдѣнія о нашей древней жизни.

Разоривши Москву, Тохтамышъ распустилъ рать по всей Московской области для грабежа, но затѣмъ, свѣдавъ, что Владиміръ Андреевичъ Храбрый, получившій это прозвище за Куликовскую битву, стоялъ у Волока Ламскаго, а Димитрій Іоанновичъ скопляетъ полки у Костромы, поспѣшилъ уйти домой, обремененный награбленнымъ богатствомъ и безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ.

Вслѣдъ за этимъ, Димитрій

401. „Татарове же преже убиша князя Остья тайно, вземше его въ полкъ свой, и потомъ пріидоша ко вратамъ града и начяша вся безъ милости сѣщи, священническій и иноческій чинъ"...

402. „И во градъ внидоша, и овѣхъ изсѣкоша, а другихъ плѣниша, и книгъ множество отвсюду снесено въ осаду пожгоша"...

Донской пріѣхалъ въ свою опустошенную столицу и сталъ приводить ее въ порядокъ, послѣ хозяйничанья Татаръ; однихъ убитыхъ было похоронено двадцать четыре тысячи человѣкъ.

Но Москвичи скоро опомнились. Татары предательски взяли Москву 26 августа, а уже въ сентябрѣ великій князь пошелъ на Олега Рязанскаго, наказывать его за пособничество Татарамъ; Олегъ бѣжалъ было въ Литву, но затѣмъ Димитрій помирился съ нимъ, при чемъ по договору великій князь получилъ всѣ мѣста, взятыя у Татаръ, и въ томъ числѣ городъ Тулу, Мордовскую область и Мещеру.

Тѣмъ не менѣе, послѣ Тохтамышева нашествія, Московскому князю пришлось снова признать себя данникомъ Золотой Орды, и при этомъ проти-

водѣйствовать въ ней домогательствамъ прежнихъ своихъ враговъ, поднявшихъ голову послѣ сожженія Москвы; ими были: князь Михаилъ Тверской, князь Борисъ Городецкій и даже братъ его, тесть великаго князя, князь Димитрій Нижегородскій, который тоже сталъ искать милости Тохтамыша.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, Димитрій Іоанновичъ вынужденъ былъ отправиться въ 1383 году въ Орду со своимъ старшимъ сыномъ, одиннадцатилѣтнимъ Василіемъ, для противодѣйствія вражескимъ происканъ.

Тохтамышъ былъ крайне польщенъ покорностью Московскаго князя и оставилъ за нимъ великокняжескій ярлыкъ, несмотря на всѣ старанія Михаила Тверскаго, но удержалъ при себѣ юнаго Василія Димитріевича, требуя за него окупа въ 8.000 рублей, что тогда было не по силамъ Москвѣ;

403. Верхняя часть жалованной грамоты Олега Рязанскаго Ольгову монастырю на владѣніе селомъ.
Хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

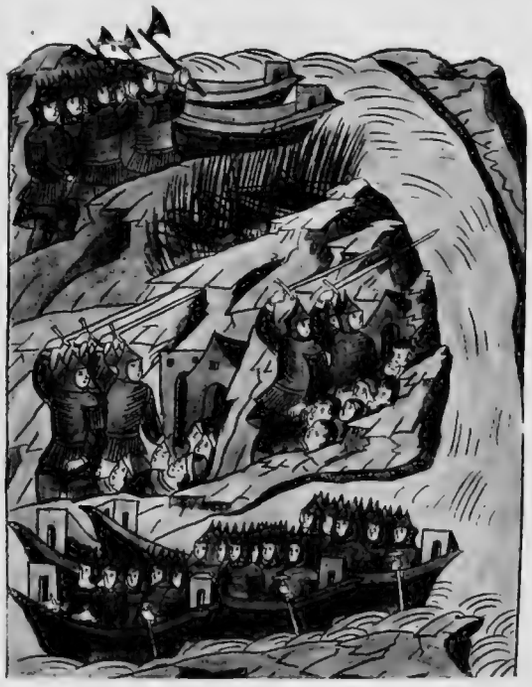
только пробывъ два года въ Ордѣ, Василію удалось въ 1385 году спастись изъ нея бѣгствомъ.

Вообще, первое время, Москвѣ приходилось очень трудно отъ непосильныхъ поборовъ Тохтамыша. Скоро во Владиміръ пришелъ лютой посолъ, именемъ Адашъ, за сборомъ дани, или царева запроса. «Тяжкая и великая дань была по всему княжеству Московскому: собирали съ деревни, съ двухъ-трехъ дворовъ по полтинѣ; тогда же и золотомъ давали въ Орду»...—говоритъ лѣтописецъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Олегъ Рязанскій, пользуясь затруднительными обстотельствами Москвы, внезапно напалъ въ 1385 году на Коломну и захватилъ ее; противъ него была направлена рать, подъ начальствомъ Владиміра Андреевича Храбраго, но безуспѣшно, при чемъ было потеряно съ Московской стороны много воеводъ и бояръ. Димитрій желалъ мира, но Олегъ на

него не шелъ; наконецъ, по просьбѣ великаго князя, къ Олегу отправился Святой Сергій.

Этотъ чудный старецъ много бесѣдовалъ съ Олегомъ о душевной пользѣ, о мирѣ и любви и, конечно, о великой задачѣ всѣхъ Русскихъ людей и князей—собраться воедино подъ знаменемъ Москвы; онъ успѣлъ своими тихими и кроткими рѣчами произвести на него необыкновенное впечатлѣніе: Олегъ перемѣнилъ свою свирѣпость на кротость, утихъ, умилился душой и заключилъ вѣчный миръ съ Москвой, который, дѣйствительно оказался вѣчнымъ, при чемъ онъ былъ скрѣпленъ и бракомъ сына Олега на дочери Димитрія. Наконецъ, Рязанскій князь призналъ себя также и младшимъ братомъ князя Московскаго.



404. „Того же лѣта пріидоша изъ Новогорода Великаго Новогородци разбойницы, и бысть ихъ двѣсте ушкуевъ и поидоша внизъ Волгою рѣкою и избиша... множество гостей и женъ и дѣти ихъ избиша"...

Покончивъ миролюбиво съ Рязанью, великій князь нашелъ нужнымъ привести въ порядокъ и Господина Великій Новгородъ; мы уже видѣли, какъ дерзки были разбои Новгородскихъ ушкуйниковъ, противъ которыхъ Москва посылала свое грозное слово еще въ первые годы княженія Димитрія Іоанновича. Несмотря на это, разбои Новгородской вольницы продолжались при всякомъ удобномъ случаѣ. Во время трудной борьбы Москвы съ Тверью, ушкуйники взяли въ 1371 году Кострому и Ярославль; въ 1374 году они пограбили на 90 суднахъ Вятку, ходили по Камѣ и Ветлугѣ и всюду производили великое опустошеніе. Въ 1375 году, во время похода на Тверь, Новгородскіе разбойники, силою въ 2.000 человѣкъ на 70 ушкуяхъ, спустились рѣкою Костромою въ Волгу и послѣ жестокой битвы опять взяли Кострому, разграбили ее дочиста и много людей увели въ плѣнъ. Отсюда они спустились къ Нижнему, взяли городъ и сожгли; потомъ повернули въ Каму для грабежа, воротились въ Казань, продали басурманамъ женъ и дѣвицъ, полоненныхъ въ Костромѣ и Нижнемъ, и пошли по Волгѣ къ Сараю, разбивая и грабя гостей-купцовъ, своихъ же христіанъ. Ушкуйники спустились въ самую Астрахань и отлично поторговали плѣнными. Астраханскій князь принялъ ихъ очень дружелюбно и, обольстивъ своимъ расположеніемъ, напоилъ пьяными, а затѣмъ избилъ всѣхъ до единаго, при чемъ изъ ихъ череповъ въ Астрахани была сооружена цѣлая мечеть.

Будучи занятъ важными дѣлами, Димитрій отложилъ свою расправу съ Новгородомъ, за непрестанные разбои, до благопріятнаго времени. Теперь, покойный со стороны Рязани и Тохтамыша, онъ собралъ весною 1386 года рать отъ 29 городовъ и двинулся къ Новгороду; услышавъ объ этомъ, Новгородцы запросили мира. Но великій князь не слушалъ и подвигался дальше. Тогда Новгородцы стали готовиться сѣсть въ крѣпкую осаду и безжалостно пожгли свои предмѣстья, при чемъ сгорѣло 24 монастыря. Однако, великій князь не хотѣлъ большого кровопролитія, а потому, не дойдя 30 верстъ до города, позволилъ себя склонить на миръ, съ выдачей ему 8.000 рублей и чернаго бора. Такъ обуздывала Москва земское своеволіе.

405. „Того же лѣта Новгородцы ввергоша в воду в Волховъ, стригольниковъ еретиковъ, глаголюще, писано есть въ Евангеліи: аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, лучши есть ему, да обвѣсится камень жерновый на выи его и потопленъ будетъ въ мори"...

Изъ Царственнаго Лѣтописца.

Въ это же время, той же Москвѣ, въ лицѣ сидѣвшаго въ ней митрополита, пришлось обуздывать твердой рукой и своеволіе, возникшее въ церковной области.

Во Псковѣ, недовольномъ тѣмъ, что въ церковномъ отношеніи онъ зависѣлъ отъ Новгородскаго владыки, явилась ересь *стригольниковъ*, названная такъ отъ имени Карпа Стригольника, одного изъ ея основателей, которая учила, что не должно принимать отъ духовныхъ таинствъ и что міряне могутъ учить народъ вѣрѣ; что не слѣдуетъ ни отпѣвать умершихъ, ни служить заупокойныхъ обѣденъ. Эта ересь изъ Пскова перешла даже въ Новгородъ, гдѣ главные ея основатели были сброшены съ моста въ Волховъ народомъ, озлобленнымъ ихъ дерзкими рѣчами по отношенію къ церкви. Митрополитъ запретилъ имѣть со стригольниками какое-либо сношеніе и разрѣшилъ наказывать ихъ, но только не смертью, послѣ чего ересь мало-по-малу исчезла.

Поглощенный заботами о водвореніи прочнаго порядка во всѣхъ частяхъ своего великаго княжества, Димитрій Іоанновичъ счелъ себя вынужденнымъ проявить свою власть и надъ боярами своего брата и друга—Владиміра Андреевича Храбраго. Въ 1389 году, за какую-то вину, Димитрій приказалъ захватить старшихъ изъ этихъ бояръ и заточить по разнымъ городамъ. Вслѣдствіе этого между братьями и вѣрными друзьями возникла было ссора, но она скоро окончилась искреннимъ примиреніемъ, такъ какъ на основаніи договоровъ, заключенныхъ Димитріемъ съ братомъ, первый имѣлъ полное право наказывать бояръ второго, въ случаѣ ихъ вины.

Вотъ наиболѣе замѣчательныя мѣста этихъ договоровъ: «Тебѣ брату моему младшему, князю Владиміру, держать подъ мною княженіе мое великое честно и грозно; тебѣ, брату моему младшему, служить мнѣ безъ ослушанія, по уговору, какъ будетъ мнѣ надобно и тебѣ; а мнѣ тебя кормить по твоей службѣ. Если случится мнѣ отпустить своихъ воеводъ изъ великаго княженія, то ты долженъ послать своихъ воеводъ съ моими вмѣстѣ безъ ослушанія; а кто ослушается, того я буду казнить, а ты вмѣстѣ со мною». Кромѣ того, Владиміръ обѣщалъ, въ случаѣ смерти Димитрія, считать старшаго сына его, а своего племянника, старшимъ братомъ себѣ и служить ему.

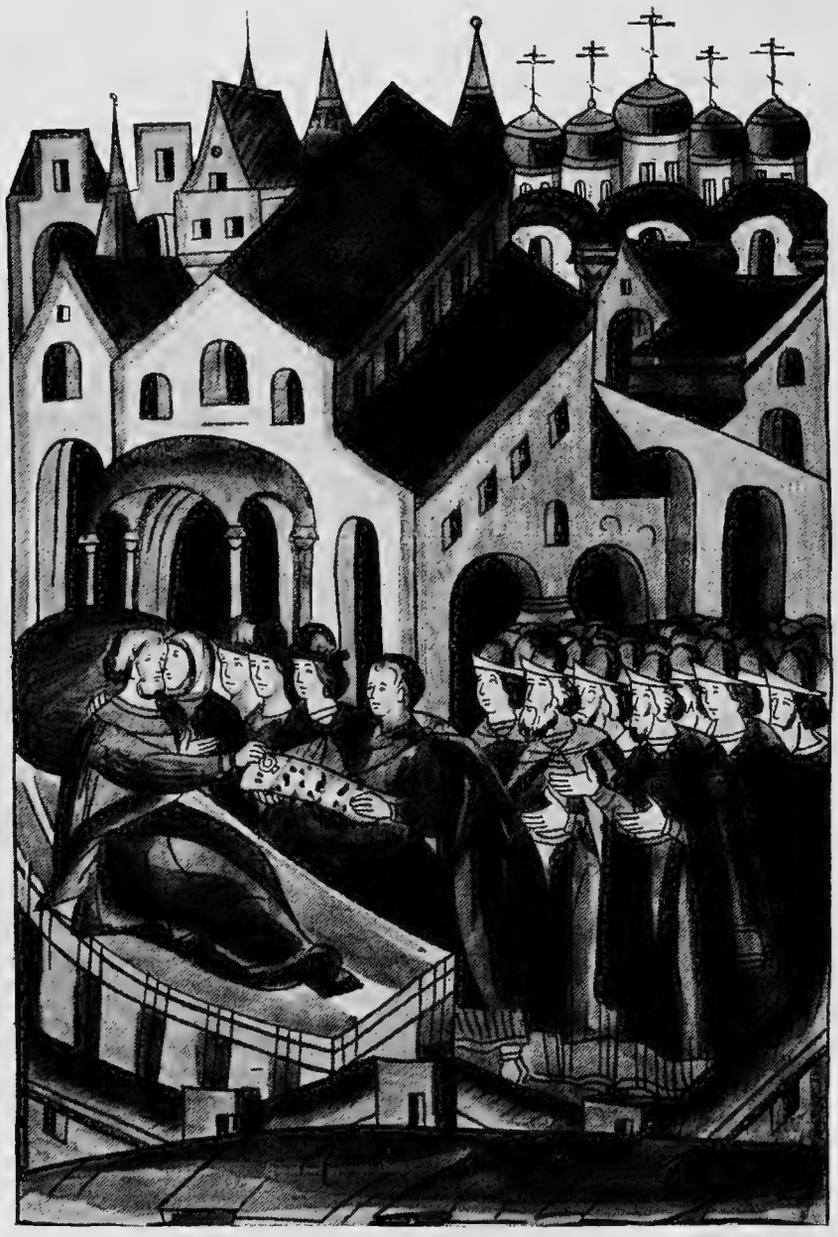
Вскорѣ послѣ своей кратковременной размолвки и примиренія съ Владиміромъ Андреевичемъ, въ томъ же 1389 году, Димитрій «разболѣлся и прискорбенъ бысть вельми, потомъ же легчае бысть ему; и паке впаде въ большую болѣзнь и стенаніе пріиде къ сердцю его, яко торгати внутреньмъ его, и уже приближися къ смерти душа»,—говорилъ лѣтописецъ.

Чрезвычайное напряженіе въ теченіе всей жизни и сильные ушибы, полученные во время Куликовской битвы, надломили желѣзное здоровье Димитрія Іоанновича и вызвали смертельную болѣзнь, вѣроятно грудную жабу.

19 мая, чувствуя приближеніе конца, Димитрій пожелалъ видѣть свою княгиню, ожидавшую шестого сына, и своихъ славныхъ сотрудниковъ—Московскихъ бояръ. Сохраняя удивительную твердость духа, онъ долго говорилъ съ женой и дѣтьми; приказывалъ имъ быть во всемъ послушнымъ матери и дѣйствовать единодушно, любить отечество и его вѣрныхъ слугъ.

Затѣмъ онъ велѣлъ приблизиться боярамъ и сказалъ имъ: «Вамъ, свидѣтелямъ моего рожденія и младенчества, извѣстно внутреннее состояніе души моей; съ вами веселился я въ благоденствіи и скорбѣлъ въ злополучіяхъ; я любилъ васъ искренно и награждалъ по достоинствамъ; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вамъ единымъ грубымъ словомъ; вы были не боярами, но князьями Земли Русской; теперь вспомните, что мнѣ всегда говорили: «умремъ за тебя и дѣтей твоихъ». Служите вѣрно моей княгинѣ и юнымъ сыновьямъ; дѣлите съ ними радость и бѣдствія». Послѣ этого, онъ представилъ имъ семнадцатилѣтняго Василія

Димитріевича, какъ будущаго великаго князя, и, благословивъ его, выбралъ ему изъ среды бояръ девять опытныхъ совѣтниковъ.



406. Кончина Димитрія Донского: „И-тако утверди (завѣщаніе) златопечатною грамотой. И цѣлова княгиню свою, и дѣти своя, и бояре своя, конечное цѣлованіе давъ имъ и благослови ихъ, и пригну руцѣ свои къ персемъ и тако предасть святую душу свою"...

Изъ Царственнаго Лѣтописца.

Затѣмъ началось умилительное прощаніе со всѣми; къ умирающему по очереди подходили: княгиня Евдокія, сыновья и бояре; онъ обнималъ каждаго подходящаго, послѣ чего, проговоривъ: «Богъ мира да будетъ

съ вами», сложилъ руки на груди и преставился, имѣя всего 39 лѣтъ отъ роду.

Димитрія похоронили, по обычаю того времени, на другой день, въ церкви архангела Михаила. На погребеніи присутствовалъ и Святой Сергій. Его вызвали за нѣсколько дней до кончины великаго князя, и онъ былъ одинъ изъ скрѣпившихъ своею подписью его духовное завѣщаніе.

Въ этомъ духовномъ завѣщаніи мы встрѣчаемъ, неслыханное прежде, распоряженіе: Московскій князь благословляетъ старшаго своего сына Василія великимъ княженіемъ Владимірскимъ, которое зоветъ своею «отчиной». Донской уже не боится соперниковъ для своего сына, ни изъ Твери, ни изъ Суздаля. Да и Татары перестали быть грозными къ концу его жизни, когда Русская Земля нѣсколько оправилась отъ потерь Куликовскаго боя и внезапнаго набѣга Тохтамыша.

407. Великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской.
По Титулярнику.

Въ своемъ завѣщаніи Димитрій выражаетъ надежду, что отъ уплаты дани Ордѣ уже освободятся его сыновья: «А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода». Назначая Василія великимъ княземъ, Димитрій далъ каждому изъ сыновей удѣлы, а княгинѣ Евдокіи завѣщалъ нѣсколько помѣстій и значительную часть Московскихъ доходовъ.

Изъ драгоцѣнныхъ же вещей, Димитрій оставилъ послѣ себя: одну икону, одну цѣпь, восемь поясовъ, бармы, шапку золотую, наплечники, два ковша золотыхъ и еще три цѣнныхъ предмета. Такъ страшно обѣднѣлъ, даже въ сравненіи съ дѣдомъ своимъ Іоанномъ Калитой, одинъ изъ величайшихъ Русскихъ Государей и Европейскихъ полководцевъ, славный какъ своей всемірной по значенію побѣдой надъ Татарами, такъ и утвержденіемъ новаго порядка наслѣдованія престола и владѣнія Русской Землей, съ цѣлью ея собиранія подъ единою сильною властью Московскаго князя, по завѣту своихъ мудрыхъ предковъ и первыхъ святителей Москвы, ея блаженныхъ митрополитовъ.

Эта умилительная бѣдность домашней обстановки, въ которой умеръ Димитрій, ясно показываетъ намъ также, насколько онъ былъ далекъ отъ личнаго обогащенія, посягая на другихъ князей и приводя ихъ подъ руку Москвы, во имя собиранія во-едино своей Родины.

Во время великаго княженія Димитрія Іоанновича не имѣли мѣсто какія-либо значительныя дѣйствія со стороны Шведовъ и Нѣмцевъ, но зато, въ послѣдніе годы его жизни, въ Польшѣ и на Литвѣ произошли событія чрезвычайной важности по своимъ послѣдствіямъ, которыя и въ настоящее время сильно сказываются на жизни Русскаго народа.

Опоздавъ на одинъ день къ Куликовской битвѣ, Ягайло поспѣшно вернулся назадъ и послѣ нея не могъ уже продолжать борьбы противъ Димитрія.

408. Витовтъ.
Изъ книги „Описаніе Европейской Сарматіи" А. Гваньини, 1581 года.

Мы уже говорили, что онъ самымъ измѣннническимъ образомъ убилъ своего престарѣлаго дядю Кейстута; при этомъ онъ взялъ также въ плѣнъ и сына Кейстута—Витовта, бывшаго до сихъ поръ самымъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ своему коварному двоюродному брату. Ягайло заключилъ Витовта въ тотъ же замокъ, въ которомъ былъ задушенъ Кейстутъ, и, повидимому, сыну готовилась одинаковая участь съ отцомъ. Но Витовта спасла находчивость его супруги Анны, княжны Смоленской, и преданность ея служанки Елены. Анна выпросила позволеніе вмѣстѣ съ двумя служанками посѣщать мужа и во время одного изъ своихъ посѣщеній она переодѣла Витовта въ платье Елены, которая заняла его мѣсто. Невысокій ростъ и женоподобное лицо молодого Витовта помогли обмануть стражу, и онъ благополучно спасся вмѣстѣ съ женой и другой служанкой. Елена же, не вставая съ постели, такъ хорошо представляла князя (будто бы заболѣвшаго), что была узнана только на третій день, послѣ чего эта благородная дѣвушка поплатилась жизнью за самоотверженную преданность своему князю.

Конечно, спасшись изъ плѣна, Витовтъ сталъ опаснымъ врагомъ Ягайлы.

При этомъ, не будучи въ состояніи своими силами бороться съ двоюроднымъ братомъ, онъ объявилъ Нѣмецкому ордену, что признаетъ себя его подручникомъ и приметъ Латинство, если Орденъ вернетъ ему его владѣнія.

Слѣдствіемъ этого былъ переходъ Витовта изъ Православія въ католичество и война его, въ союзѣ съ Нѣмцами, противъ Ягайлы. Скоро по-

слѣдній началъ терпѣть рядъ неудачъ. Наконецъ, когда рыцари стали сильно укрѣплять Ковно, чтобы отсюда можно было заняться прочнымъ покореніемъ Литвы, Ягайло предложилъ Витовту забыть прежнюю вражду и заключить миръ и союзъ для дѣйствій противъ исконнаго врага Литвы—Нѣмцевъ, при чемъ обѣщалъ ему значительныя волости. Витовтъ согласился, перешелъ обратно въ Православіе и соединилъ свои силы съ Ягайловыми; послѣ трехнедѣльныхъ страшныхъ усилій они овладѣли Ковной, нанеся своимъ соединеніемъ огромныя потери Ордену.

Затѣмъ Витовтъ получилъ Русскія владѣнія своего отца—Брестъ, Дрогичинъ, Гродно и другія; однако, удѣлъ Кейстута—Троки, несмотря на данное обѣщаніе, Ягайло удержалъ за собой; конечно, это вызвало неудовольствіе Витовта, но онъ скрылъ его до болѣе благопріятнаго времени, а пока сталъ усердно помогать Ягайлѣ, какъ въ его войнѣ съ Нѣмцами, такъ и въ видахъ послѣдняго на Польскую корону.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Въ 1370 году умеръ Польскій король Казиміръ Великій, не оставивъ мужского поколѣнія; онъ утвердилъ еще при жизни свое наслѣдство за племянникомъ—Венгерскимъ королемъ Людовикомъ, а когда этотъ послѣдній умеръ, то Польской королевой въ 1383 году была признана его четырнадцатилѣтняя дочь Ядвига. Конечно, всѣми дѣлами въ Польшѣ правило сильное Латинское духовенство и Польскіе вельможи. Ядвига еще съ дѣтства была невѣстою своего ровесника, Австрійскаго принца Вильгельма, и семи лѣтъ отъ роду вѣнчалась съ нимъ въ церкви, послѣ чего ихъ разъединили до тѣхъ поръ, пока они не подростутъ до двѣнадцати лѣтъ. Между тѣмъ, къ этому времени умеръ отецъ Ядвиги, и она, послѣ полуторагодовыхъ усобицъ и переговоровъ, была выбрана королевой Польши.

Польскіе государственные люди были сильно озабочены, съ одной стороны, возрастающимъ могуществомъ Литвы, часто нападавшей на Польскія владѣнія, а съ другой—ростомъ могущества Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи. И вотъ, они рѣшили соединить Литву съ Польшей посредствомъ брака Ядвиги съ Ягайломъ, которому въ это время было около 40 лѣтъ. Это, конечно, было крайне выгодно Польшѣ, такъ какъ Литва соединялась съ ней въ одно государство; было выгодно и заманчиво и для Ягайлы, который не только согласился перейти изъ Православія въ Латинство, но согласился крестить въ католическую вѣру и своихъ Литовцевъ.

Однако, сильное препятствіе было за Ядвигой. Латинскіе епископы и Польскіе вельможи настаивали, чтобы она расторгнула свой бракъ съ принцемъ Вильгельмомъ для пользы государства, но Ядвига, весьма благочестивая дѣвица, оставалась вѣрна своему мужу, котораго послѣдній разъ видѣла, будучи семи лѣтъ отъ роду; обладая очень большимъ воображеніемъ, она постоянно о немъ мечтала и наотрѣзъ отказалась расторгнуть съ нимъ бракъ.

При этихъ обстоятельствахъ, въ Краковъ, гдѣ пребывала Ядвига, неожиданно самолично прибылъ ея юный мужъ, красивый и статный. Поль-

скіе вельможи, конечно, приняли всѣ мѣры, чтобы не допустить его до Ядвиги. Но Ядвига нашла способъ устраивать съ нимъ свиданія въ одномъ старомъ монастырѣ, и между молодыми супругами вспыхнула самая страстная любовь, при чемъ Вильгельмъ даже нѣкоторое время скрывался въ покояхъ своей красавицы жены. Вскорѣ, однако, объ этомъ узнали, и молодой принцъ былъ съ позоромъ изгнанъ изъ королевскаго замка, а стражѣ былъ отданъ приказъ не выпускать королеву за его ворота.

Влюбленная Ядвига хотѣла во чтобы то ни стало слѣдовать за мужемъ; когда она увидѣла запертыми передъ собою ворота и убѣдилась, что ихъ ей не открыть, то схватила топоръ и принялась сбивать тяжелые замки. Но, конечно, руки ея были для этого слишкомъ слабы, и она поневолѣ должна была покориться своей участи. Скоро Ядвига имѣла случай убѣдиться, что ея юный мужъ проявилъ менѣе доблести къ защитѣ своихъ супружескихъ правъ, чѣмъ она отъ него ожидала. Это, конечно, страшно подѣйствовало на нее.

409. Ягайло.

Со стариннаго изображенія, находящагося въ Несвижскомъ замкѣ.

Окруженная суровыми панами и хитрыми Польскими епископами, покинутая собственною матерью, Ядвига долго продолжала отказываться отъ брака съ Литовскимъ княземъ; она не могла забыть Вильгельма и смущалась мыслью о расторженіи брака, только что ставшаго дѣйствительнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ее пугали и слухи о Ягайло, убившемъ недавно собственнаго дядю и покрытомъ, по разсказамъ, съ ногъ до головы волосами, какъ звѣрь.

Но Латинское духовенство и паны постарались разсѣять всѣ ея сомнѣнія.

Дѣйствуя на благочестіе своей молодой королевы, они настойчиво указывали ей на великую услугу обратить въ христіанство цѣлый народъ, и, наконецъ, утомленная борьбой, Ядвига уступила; однако, желая имѣть точныя свѣдѣнія о наружности своего будущаго мужа, она послала къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ—Завишу Олесницкаго, который, вер-

нувшись, поспѣшилъ ее успокоить и описалъ жениха въ привлекательномъ свѣтѣ, хотя въ дѣйствительности Ягайло былъ очень неказистъ: онъ былъ средняго роста, худощавъ, имѣлъ небольшую голову клиномъ, покрытую рѣдкими волосами, продолговатое лицо съ узкимъ подбородкомъ и маленькіе черные глаза, съ бѣгающимъ, безпокойнымъ взглядомъ; брилъ бороду и носилъ длинные, тонкіе усы. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, но, кромѣ Литовскаго языка, зналъ и Русскій.

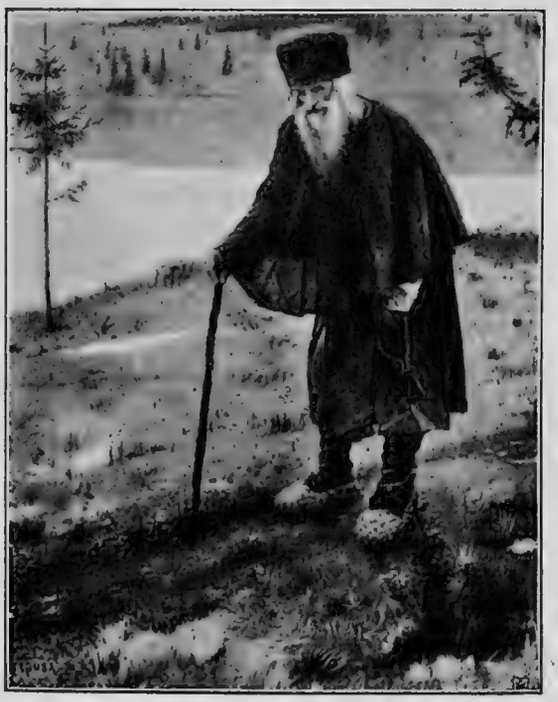
410. Крещеніе Литвы.

Изъ Латинской книги: „Космографія Себастіана Мюнстера". Изд. 1572 года.

Успокоенная Завишей на счетъ внѣшности Ягайлы, Ядвига дала, наконецъ, свое согласіе. Ихъ бракъ состоялся въ 1386 году, при чемъ какъ самъ Ягайло, такъ и многіе его бояре, перешли изъ Православія въ католичество.

Вскорѣ послѣ этого послѣдовало и крещеніе Литвы.

Въ Вильну было созвано множество язычниковъ; чтобы сократить обрядъ, Литовцевъ ставили въ ряды цѣлыми полками; священники кропили ихъ святой водой и давали христіанскія имена: въ одномъ полку называли всѣхъ Петрами, въ другомъ—Павлами, и такъ далѣе. Ягайло ѣздилъ между полками, объяснялъ на Литовскомъ языкѣ Символъ вѣры и дарилъ всѣмъ бѣлые суконные кафтаны, чѣмъ Литовцы были очень довольны, такъ какъ до тѣхъ поръ они одѣвались только въ шкуры и полотно.



411. Инокъ пустынникъ.

Съ картины М. Нестерова, въ музеѣ Императора Александра III въ С.-Петербургѣ.

Конечно, этотъ бракъ Ядвиги съ Ягайлой былъ въ высшей степени неблагопріятнымъ для будущности всѣхъ Западныхъ Русскихъ областей. До него Литва была вполнѣ Русскимъ государствомъ, съ полнымъ господствомъ всѣхъ Русскихъ надъ язычниками Литовцами. Теперь же, съ переходомъ Ягайлы въ католичество и соединеніемъ Литвы съ Польшей, все

должно было сильно измѣниться. Тотчасъ же послѣ свадьбы, Ягайло велѣлъ казнить двухъ своихъ приближенныхъ, имена которыхъ, къ величайшему сожалѣнію, не сохранились, за отказъ перейти изъ Православія въ католичество. Какъ мы увидимъ въ нашихъ послѣдующихъ «Сказаніяхъ о Русской Землѣ», бѣдствія, обрушившіяся на Православіе въ Западной Руси вслѣдствіе этого брака, продолжались многія столѣтія и не окончились и въ настоящее время.

Что же касается укрѣпленія Святой нашей вѣры въ Сѣверо-Восточной Руси, то во времена Димитрія Іоанновича Донского дѣлу этому служили многочисленные подвижники, во главѣ съ Сергіемъ Радонежскимъ. Святой старецъ пережилъ великаго князя на три года. Вліяніе его на всю Русскую Землю было огромно. Неустанно подвизаясь въ молитвѣ и постѣ и въ заботахъ о своей обители, онъ въ то же время являлся истиннымъ духовнымъ отцомъ всѣхъ Русскихъ людей, а лавра его—преемницей Кіево-Печерскаго монастыря, какъ въ дѣлѣ укрѣпленія Православія среди народа, такъ и насажденія его между язычниками.

Изъ Троице-Сергіевской лавры вышелъ рядъ учениковъ преподобнаго Сергія, разошедшихся до самыхъ далекихъ окраинъ нашего сѣверо-востока; здѣсь они устраивали въ пустынныхъ мѣстностяхъ свои келіи, затѣмъ привлекали строгимъ подвижничествомъ учениковъ, образуя, по примѣру обители Святого Сергія, общежительные монастыри; вокругъ нихъ селились крестьяне, расчищались лѣса, и такимъ путемъ возникали новыя поселенія Русскихъ людей, имѣвшихъ въ своихъ сосѣдяхъ-монахахъ—усердныхъ молитвенниковъ и наставниковъ въ жизни духовной.

Самъ преподобный Сергій, кромѣ своей первоначальной обители и Киржачской, основалъ верстахъ въ тридцати отъ лавры два Дубенскихъ монастыря, по порученію великаго князя Димитрія Іоанновича, одинъ до Куликовской битвы, а другой—послѣ нея, а также Московскій Симоновъ и Коломенскій Голутвинъ монастыри; затѣмъ, имъ же былъ устроенъ, по порученію Владиміра Андреевича Храбраго, Высоцкій монастырь въ Серпуховѣ. Наконецъ, Святой Сергій помогъ блаженному митрополиту Алексію устроить Московскій Андроніковъ монастырь. Всѣ мѣста для этихъ обителей преподобный Сергій выбралъ лично самъ, совершая свои передвиженія исключительно пѣшкомъ.

Во время этихъ путешествій, онъ посѣщалъ, конечно, неоднократно, какъ великаго князя и святителя Алексія, такъ и своихъ учениковъ и друзей; съ нѣкоторыми изъ нихъ былъ въ постоянномъ общеніи и Димитрій Іоанновичъ. Изъ многочисленныхъ учениковъ преподобнаго Сергія слѣдующіе, еще при жизни его, были основателями новыхъ монастырей или игуменами въ уже устроенныхъ Святымъ Сергіемъ обителяхъ:

Преподобный *Никонъ* Радонежскій былъ достойнымъ преемникомъ Сергія по управленію лаврой; его поставилъ въ ней игуменомъ самъ Сергій за полгода до своей праведной кончины.

Блаженный *Романъ* былъ первымъ игуменомъ Киржачской обители.

Преподобный *Антонинъ* былъ настоятелемъ Спасскаго монастыря—на рѣкѣ Яузѣ, изъ котораго вышли знаменитые иконописцы того времени, праведные старцы *Даніилъ Черный* и *Андрей Рублевъ;* дивные образа послѣдняго и въ настоящее время возбуждаютъ глубокое восхищеніе у всѣхъ видѣвшихъ ихъ.

412. Служебникъ Святого Сергія, писанный въ 1381 году на пергаментѣ ученикомъ его преподобнымъ Никономъ.

Хранится въ ризницѣ Троицко-Сергіевской лавры.

Блаженные *Θеодоръ* и *Павелъ Борисоглѣбскіе* были основателями монастыря того же имени.

Преподобный *Θеодоръ*, родной племянникъ Святого Сергія, былъ приведенъ своимъ отцомъ на 13 году жизни въ пустынь Сергія; впослѣдствіи, онъ сталъ знаменитымъ, по своей чистой жизни и по обширному уму, епископомъ Ростовскимъ и былъ духовникомъ Димитрія Іоанновича Донского.

Преподобный *Меводій Яхромскій* былъ основателемъ Свято-Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря близъ города Дмитрова, названнаго послѣднимъ именемъ потому, что святитель, строя монастырь, самъ носилъ «пѣшъ» — деревья для его стѣнъ черезъ рѣчку. Монастырь этотъ и до настоящаго времени отличается особо продолжительными богослуженіями и особымъ же «столповымъ пѣніемъ».

413. Одинъ изъ ангеловъ образа Живоначальной Троицы въ соборномъ храмѣ Троицко-Сергіевой Лавры.

Письмо Андрея Рублева.

Преподобный *Афанасій*, другъ блаженнаго митрополита Кипріана, былъ первымъ игуменомъ Серпуховскаго Высоцкаго монастыря.

Преподобный *Савва Сторожевскій*, игуменъ и основатель Дубенскаго и Сторожевскаго монастырей, изъ которыхъ послѣдній посѣщается и до настоящаго времени многочисленными богомольцами, прославился большой святостью своей жизни.

Преподобный *Авраамій* съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя Господу; онъ устроилъ обитель на Галицкомъ озерѣ, послѣ чудеснаго видѣнія иконы Божіей Матери, а затѣмъ построилъ еще три монастыря среди обитавшей здѣсь Чуди.

Духовными совѣтами Святого Сергія пользовались и жившіе въ его время великіе подвижники *Кириллъ* и *Θерапонтъ*, основатели знаменитой Кирилло-Бѣлозерской обители на Бѣломъ озерѣ, съ чрезвычайно строгими правилами общежитія.

Кромѣ многочисленныхъ учениковъ, Святой Сергій имѣлъ и нѣсколькихъ друзей, отличавшихся святостью своей жизни; самымъ близкимъ изъ нихъ былъ Святой *Стефанъ Махрищскій* —

ближайшій его сосѣдъ (35 верстъ отъ лавры), съ которымъ онъ часто видѣлся.

Стефанъ былъ первоначально инокомъ Кіево-Печерской лавры, откуда онъ ушелъ изъ-за притѣсненій католиками. Онъ основалъ уединенную обитель на берегу рѣки Махрищи и много лѣтъ трудился въ ней, храня безмолвіе. Кромѣ дружбы со Святымъ Сергіемъ, онъ пользовался и любовью Димитрія Іоанновича Донского.

Также большой любовью Донского пользовался и другой другъ преподобнаго Сергія—Святой *Димитрій Прилукскій*. Святой Димитрій былъ въ міру сыномъ богатаго купца, но рано удалился въ монастырь и черезъ нѣсколько лѣтъ основалъ свою Николаевскую обитель на берегу Переяславскаго озера, съ весьма строгими правилами общежитія. Обладая очень красивой наружностью, при чемъ красота его еще болѣе расцвѣла отъ поста, онъ закрывалъ лицо свое куколемъ и бѣгалъ отъ женщинъ, чтобы ихъ не смущать; но одна знатная боярыня непремѣнно

414. Святой Савва Сторожевскій и его монастырь.
Снимокъ со стариннаго рисунка, хранящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ Императора Александра III.

415. Святой Кириллъ Бѣлоозерскій.
Съ древней иконы изъ собранія Н. П. Лихачева

хотѣла его видѣть, что ей, несмотря на нежеланіе Димитрія, удалось, когда преподобный готовился къ священнослуженію; однако, она сейчасъ же была поражена разслабленіемъ. Видя ея жалкое положеніе и слезы раскаянія, Димитрій простилъ ее; онъ сказалъ: «Зачѣмъ ты хотѣла видѣть грѣшника, уже умершаго для міра», и крестнымъ знаменіемъ возвратилъ ей здравіе.

Впослѣдствіи, смиренный Димитрій основалъ Прилукскій монастырь на рѣкѣ Вологдѣ, при чемъ съ большимъ разборомъ принималъ подаяніе

для братіи. Одному жертвователю, человѣку скупому и немилостивому, онъ сказалъ: «Отнеси назадъ, что принесъ намъ, и накорми слугъ и сиротъ крестьянъ, живущихъ у тебя, чтобы они не страдали отъ голода; когда же останется отъ того что-нибудь, принеси и нашей нищетѣ».

19 мая 1389 года, въ день и часъ кончины Димитрія Донского, занимаясь работой съ братіей, Святой Димитрій Прилукскій вдругъ вздохнулъ и сказалъ: «Мы, братія, строимъ земныя, тлѣнныя дѣла, а благовѣрный великій князь Димитрій уже не печется о суетной жизни».

Большой дружбой Святого Сергія пользовался и святитель *Діонисій*, подвизавшійся смолоду на берегу Волги, въ 3-хъ верстахъ отъ Нижняго Новгорода, и основавшій тамъ Вознесенскій монастырь. Будучи назначенъ епископомъ Суздальскимъ, Діонисій отличался особой смѣлостью, съ которой онъ выражалъ свои мысли князьямъ, когда находилъ, что они заблуждаются.

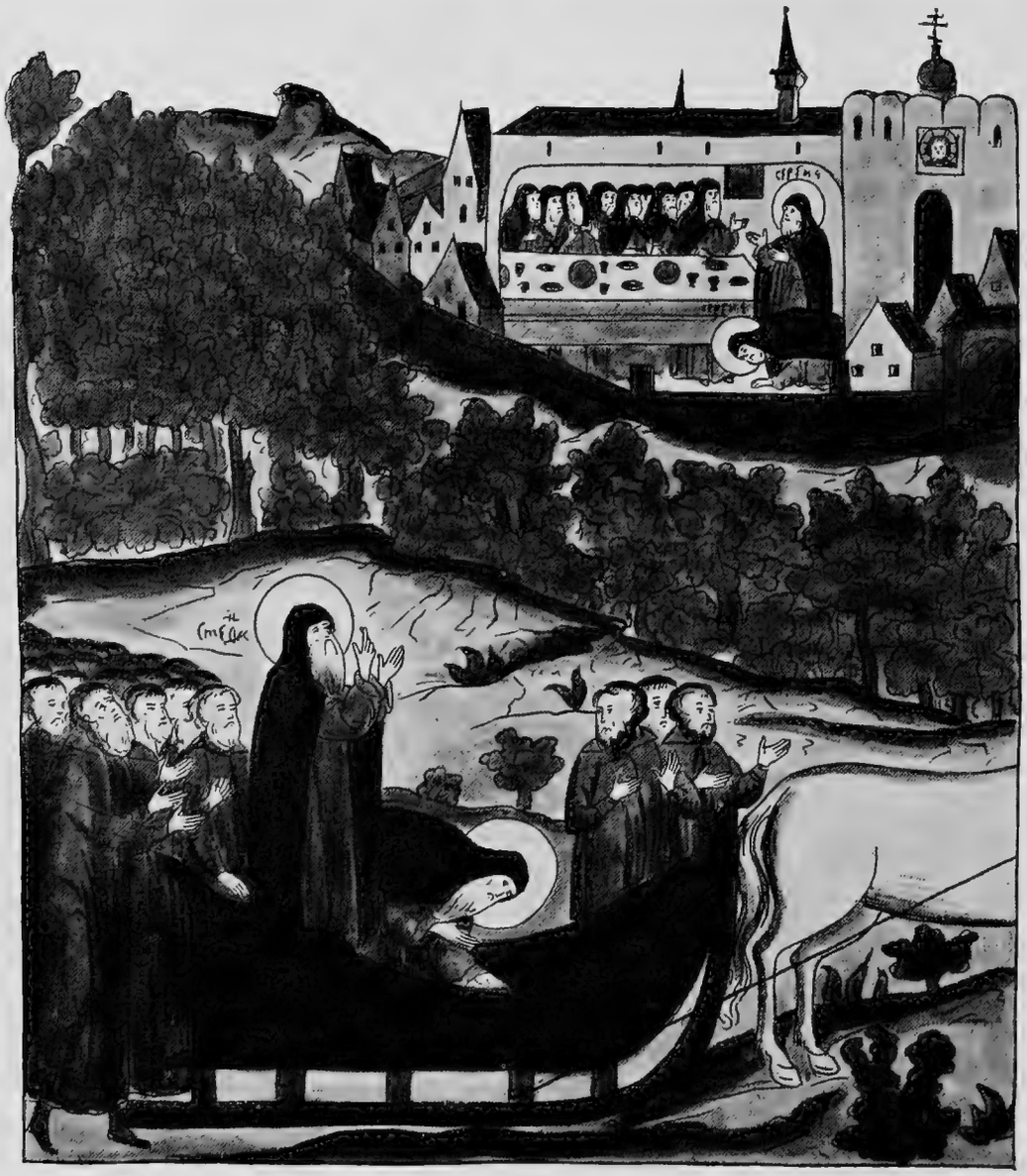
416. Древняя икона Святого Стефана Пермскаго.

Наконецъ, къ числу друзей Святого Сергія принадлежалъ также и Святой *Стефанъ*, знаменитый апостолъ земли Пермской. Онъ родился въ Великомъ Устюгѣ и съ юности рѣшилъ посвятить себя просвѣщенію дикихъ обитателей сѣвера — Зырянъ, которыхъ встрѣчалъ на торгу въ своемъ городѣ. Принявъ постриженіе, Стефанъ сталъ усердно заниматься Греческимъ языкомъ; затѣмъ, онъ составилъ азбуку для Зырянъ, перевелъ на ихъ языкъ, который зналъ съ дѣтства, нѣсколько церковныхъ книгъ и отправился на свой трудный подвигъ.

Онъ скоро снискалъ себѣ любовь и всеобщее уваженіе дикарей, а затѣмъ сталъ ихъ крестить, всюду проповѣдуя слово Божіе, и выстроилъ церковь Благовѣщенія на рѣкѣ Вычегдѣ. Конечно, проповѣдь Стефана возбудила противъ него мѣстныхъ жрецовъ, которые покушались его убить, но онъ смѣло выступилъ противъ нихъ съ обличеніями и срубилъ громадную «прокудливую» березу, бывшую предметомъ обожанія язычниковъ; Стефанъ сжегъ ее и своею проникновенной проповѣдью привелъ многихъ къ крещенію. На мѣстѣ же сожженной «прокудливой» березы онъ поставилъ храмъ въ честь Архангела Михаила—побѣдителя духовъ тьмы.

Рубя и сожигая всюду идоловъ и воздвигая церкви, а также неустанно заботясь о нуждахъ своей паствы, Стефанъ скоро сталъ истиннымъ отцомъ Зырянъ; онъ ходилъ съ ними въ полномъ облаченіи противъ враговъ ихъ—

Вогулянъ *), ходатайствовалъ о присылкѣ хлѣба въ неурожайные годы, а когда въ предѣлахъ его паствы появились Новгородскіе ушкуйники,



417. „Бывшу же чюдному епископу Стефану противу обители Святаго и ставъ сотвори... обычную молитву и поклонися Святому Сергію на ону страну идеже житіе имѣяше, рекъ сице: миръ тебѣ духовный братъ. Случижеся тогда блаженному на трапезѣ съ братіями ясти... и тако на трапезѣ Святый возставъ... и молитву сотвори... рекъ: „Радуйся и ты пастуше Христова стада и миръ Божій да пребываетъ съ тобою“

Изъ Житія Святого Сергія Троицко-Сергіевской Лавры.

то Стефанъ отправился въ Новгородъ съ убѣжденіями, чтобы была обуздана наглость его вольницы.

*) Финское племя, родственное Зырянамъ.

Въ 1390 году, Святой Стефанъ ходилъ въ Москву для нуждъ своей паствы. Не успѣвъ зайти въ Троицкую обитель, чтобы повидать Святого Сергія такъ какъ онъ сильно торопился домой, Стефанъ, проходя мимо нея въ разстояніи девяти верстъ, остановился на дорогѣ, сотворилъ усердную молитву и, обращаясь духовно къ Святому Сергію, сказалъ: «Миръ тебѣ, духовный братъ». Святой Сергій сидѣлъ въ это время съ братіей за трапезой; онъ тотчасъ же всталъ, поклонился въ направленіи къ Стефану и сказалъ: «Радуйся и ты, Христовъ Пастырь; миръ Божій да пребываетъ съ тобою».

Память объ этомъ чудесномъ сообщеніи другъ съ другомъ святыхъ мужей увѣковѣчена сооруженіемъ колодца на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился Стефанъ, и сохранившимся въ Троице-Сергіевской лаврѣ до настоящаго времени трогательнымъ обычаемъ: во время трапезы, по данному колоколомъ знаку, вся братія встаетъ, и произносится краткая молитва.

Таковы были иноки, которые жили одновременно со Святымъ Сергіемъ и были его преданными друзьями .

Праведный старецъ сподобился при своей жизни быть очевидцемъ нѣсколькихъ чудесныхъ явленій.

418. Видѣніе преподобному Сергію птицъ.

Изъ рукописнаго Житія Святого, хранящагося въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ.

Однажды, во время глубокой молитвы, онъ увидѣлъ множество прекрасныхъ птицъ и услышалъ голосъ: «Сергій, Господь внялъ молитвѣ твоей о чадахъ твоихъ. Какъ видишь этихъ птицъ, такъ умножится число учениковъ твоихъ, и послѣ тебя не оскудѣютъ послѣдующіе стопамъ твоимъ». Сергій въ радости позвалъ ученика своего Симона, и тотъ еще могъ видѣть конецъ явленія.

419. Явленіе Божіей Матери преподобному Сергію.

Древняя икона, вырѣзанная на деревѣ. Хранится въ усыпальницѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича въ Московскомъ кремлѣ.

Еще гораздо болѣе знаменательно было другое явленіе. Оно имѣло мѣсто въ посту Рождества Христова, въ пятницу, вѣроятно, въ 1388 году.

Стоя, по обычаю своему, передъ иконой Божіей Матери, Сергій горячо молился ей; затѣмъ, прочтя канонъ Пречистой и совершивъ правило, онъ сѣлъ, чтобы немного отдохнуть. Тутъ же находился и его келейникъ Михей.

Вдругъ преподобный обратился къ нему со словами: «Чадо, трезвися и бодрствуй, потому что сейчасъ имѣетъ намъ быть чудное и ужасное посѣщеніе». И когда онъ еще говорилъ это, услышанъ былъ голосъ: «Пречистая идетъ». Тогда Сергій поспѣшно вышелъ въ сѣни келіи. Его вдругъ озарилъ большой свѣтъ, ярче солнечнаго, и онъ увидѣлъ Царицу Небесную съ апостолами Петромъ и Іоанномъ, блистающихъ въ несказанной свѣтлости. Не будучи въ состояніи переносить нестерпимый свѣтъ, Сергій палъ ницъ. Пречистая прикоснулась къ нему руками Своими и сказала: «Не ужасайся, избранникъ Мой. Я пришла посѣтить тебя. Услышана молитва твоя объ ученикахъ твоихъ, о которыхъ ты молился, и объ обители твоей; не скорби болѣе, ибо отнынѣ она всѣмъ будетъ изобиловать, и не только до тѣхъ поръ, пока ты живъ, но и по твоемъ ко Господу отшествіи, неотступна буду отъ твоея обители, подавая неоскудно потребное и снабжая ее и покрывая». Сказавъ это, Царица Небесная стала невидима, а Святой пребывалъ какъ бы въ изступленіи ума, будучи одержимъ страхомъ и трепетомъ.

420. Схима Святого Сергія Радонежскаго.

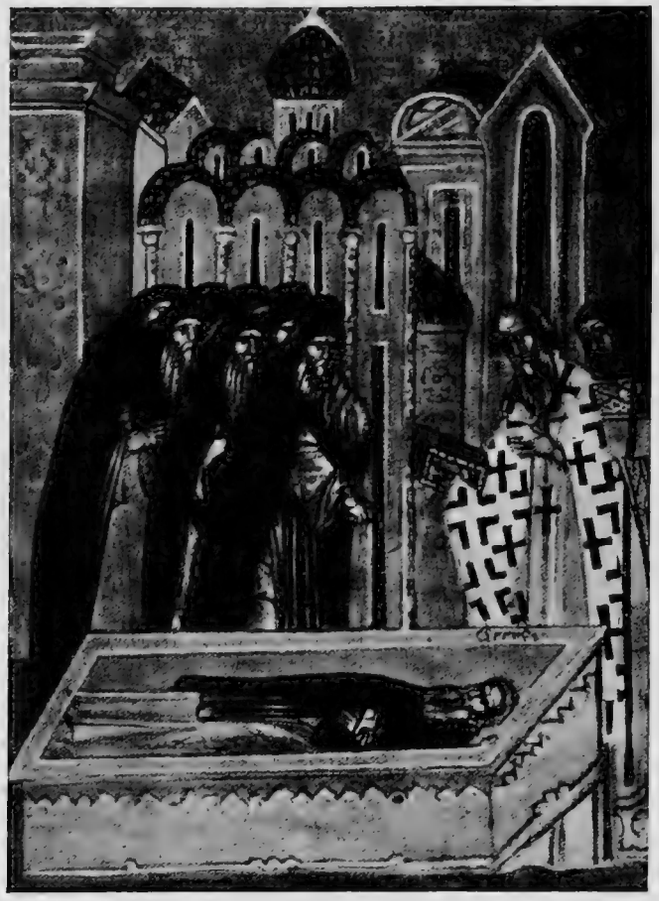
Хранится въ ризницѣ Троицко-Сергіевской Лавры.

Придя въ себя, онъ нашелъ Михея, лежащимъ отъ страха, какъ мертваго; когда послѣдній очнулся, то онъ сталъ спрашивать Святого Сергія: «Скажи мнѣ, отче, Господа ради, что значило это чудное явленіе, такъ какъ духъ мой едва не вышелъ изъ моего тѣла отъ блистающаго видѣнія». Но Святой, глубоко взволнованный самъ, могъ только отвѣтить: «Потерпи, чадо, потому что и во мнѣ трепещетъ духъ мой отъ чуднаго видѣнія». И такъ они стояли въ безмолвномъ удивленіи другъ противъ друга. Потомъ Сергій приказалъ призвать братьевъ Исаака и Симона и разсказалъ по порядку, какъ происходило чудесное посѣщеніе его Богоматерью. Отстоявъ молебенъ Пречистой, всѣ разошлись, но Сергій всю ночь пробылъ безъ сна, размышляя о неизрѣченномъ видѣніи.

Посѣщеніе Царицы Небесной было необыкновенной милостью къ преподобному Сергію, такъ какъ изъ Житій Святыхъ мы знаемъ, что таковыхъ посѣщеній удостаивались весьма немногіе угодники, и даже среди всѣхъ величайшихъ подвижниковъ Аѳонской горы былъ только одинъ Святой Петръ, который сподобился видѣть въ тонкомъ снѣ Пречистую Дѣву.

Позволительно думать, что Святой Сергій удостоился этого величайшаго счастья за свою безпредѣльную любовь къ Русской Землѣ.

Въ 1392 году, достигнувъ маститой старости, Святой Сергій получилъ откровеніе за шесть мѣсяцевъ о своемъ преставленіи. Призвавъ братію, онъ вручилъ игуменство ученику своему Никону, а самъ подвергся совершенному безмолвію. Въ началѣ сентября, святой старецъ впалъ въ предсмертную болѣзнь, а 25 числа, преподавъ братіи конечное поученіе объ иноческомъ доброжитіи, онъ предалъ духъ свой Богу, послѣ 78 лѣтъ жизни и 55 лѣтъ иночества. По своему смиренію, Святой Сергій приказалъ положить свое тѣло на общемъ кладбищѣ, но митрополитъ, по просьбѣ братіи, отдалъ повелѣніе похоронить его въ церкви, на правой сторонѣ отъ алтаря, при чемъ на отпѣваніе его собралось множество народа.



421. Погребеніе Святого Сергія Радонежскаго.

Изъ собранія иконъ Н. П. Лихачева.

Мощи Святого Сергія были открыты черезъ 30 лѣтъ по особому откровенію и найдены нетлѣнными, несмотря на то, что были окружены водой; не измѣнились и его ризы. Съ тѣхъ поръ, онѣ были прославлены множествомъ чудесъ и великими дѣлами, совершенными у нихъ Русскими людьми, какъ мы увидимъ въ послѣдующихъ нашихъ «Сказаніяхъ о Русской Землѣ».

Говорить о заслугахъ Святого Сергія передъ Родиной не приходится, такъ какъ на всемъ обширномъ пространствѣ нашего Отечества, конечно нѣтъ простого человѣка, который не зналъ бы о Сергіи Радонежскомъ, и не найдется ни одной простой женщины, которая не учила бы своихъ дѣтей еще въ колыбели ему молиться.

Православная церковь причла къ лику Святыхъ и блаженную великую княгиню Евдокію Димитріевну, которая пережила своего славнаго супруга на восемнадцать лѣтъ. Мы знаемъ, какой преданной и нѣжной подругой она была Димитрію Іоанновичу въ его многотрудной жизни. Принимая близко къ сердцу всѣ великія, но грозныя событія, безпре-

рывно смѣнявшіяся вокругъ нея, она находила всегда утѣшеніе въ смиренной и глубокой молитвѣ, и еще при жизни мужа, когда былъ задержанъ старшій сынъ ея Василій въ Ордѣ, что совпало съ кончиной ея отца, благочестивая княгиня основала Вознесенскую женскую обитель.

Послѣ смерти Димитрія Донского, она не поступила, по примѣру многихъ другихъ княгинь, въ монастырь, хотя и стремилась къ этому, но осталась въ міру, чтобы дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, достойное ихъ великаго отца; при этомъ, однако, она тратила всѣ свои средства на нищихъ и на украшеніе и возстановленіе разрушенныхъ Татарами храмовъ; съ особенной же любовью была ею сооружена церковь

422. Женскія вериги.
Хранятся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.

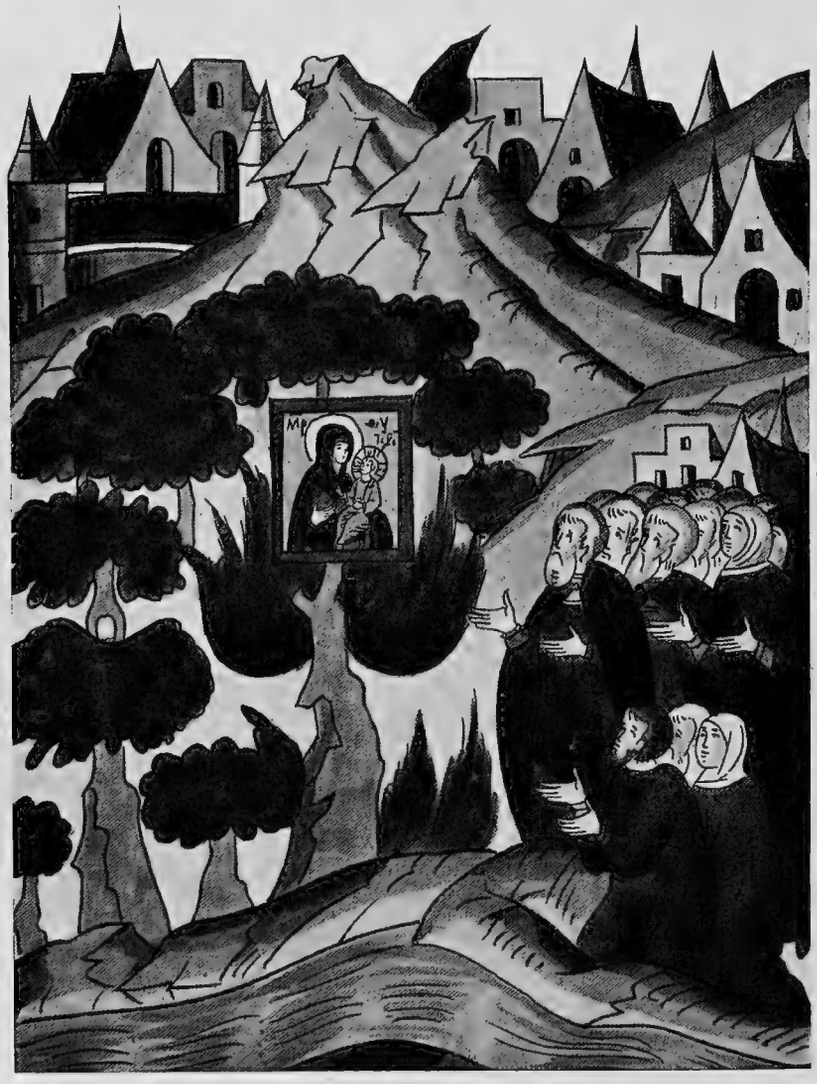
423. „Егда-же написанъ бысть.... образъ Святаго Божія архистратига Михаила, о великое чюдо, тонмо святаго образа того видѣвши блаженная и абіе разрѣшися юза языка ея и начати глаголати"...
Изъ Царственнаго лѣтописца.

Рождества Богородицы, въ память славной побѣды на Куликовомъ полѣ.

Ведя строго подвижническую жизнь, Евдокія Дмитріевна, слѣдуя примѣру своего мужа, держала это втайнѣ, а на людяхъ показывалась всегда съ веселымъ лицомъ, нося богатыя одежды, украшенныя жемчугомъ; конечно, она дѣлала это, чтобы являться въ глазахъ толпы съ видомъ, подобающемъ высокому званію великой княгини.

Однако, нѣкоторые злонамѣренные люди стали распространять о ней дурные слухи, которые дошли и до одного изъ ея сыновей—Юрія;

Юрій въ безпокойствѣ сообщилъ о нихъ матери. Тогда Евдокія Димитріевна созвала дѣтей въ молельню и сняла часть своихъ одеждъ. Увидя худобу ея тѣла, изнуреннаго постомъ и измученнаго веригами, они ужаснулись; но Евдокія Димитріевна просила ихъ не говорить объ этомъ никому, а на людскіе толки о ней совѣтовала не обращать вниманія.



424. Явленіе Тихвинской Божіей Матери. „...Того же (1383) лѣта явилася икона образъ Пречистыя Богородица Одигитріа въ области Великаго Новагорода „...и оттолѣ явилася на Тихвинѣ надъ рѣкой, на горѣ"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

О свой кончинѣ блаженная княгиня была предувѣдомлена появленіемъ ангела, послѣ чего она тотчасъ же онѣмѣла; затѣмъ, она знаками стала просить живописца написать ей ангела, и когда онъ написалъ Архангела Михаила, то Евдокія Димитріевна обрадовалась, и къ ней вновь вернулась способность говорить. Передъ самой кончиной она чудесно исцѣлила

одного слѣпца и, принявъ иночество, съ именемъ Ефросиніи, мирно преставилась 7 іюня 1407 года, послѣ чего была погребена въ основанномъ ею Вознесенскомъ монастырѣ.

Таковы были дѣла праведниковъ, живших во время Димитрія Донскаго. При немъ-же было и чудесное явленіе иконы Тихвинской Божіей

425. Великіе печальники Земли Русской: Владиміръ Мономахъ, Святой Александръ Невскій и Димитрій Донской.

Рисунокъ художника С. И. Ягужинскаго.

Матери въ области Великаго Новгорода, которая не замедлила стать одной изъ величайшихъ нашихъ святынь, вслѣдствіе неоднократно проявленной отъ нея благодати Царицей Небесной.

Сдѣланный нами обзоръ жизни Русской Земли, со времени раздѣленія власти надъ ней при преемникахъ Ярослава Мудраго до конца великаго княженія Димитрія Іоанновича Донского, обнимаетъ собой рядъ событій чрезвычайной важности въ судьбахъ нашей Родины, при чемъ изученіе ихъ необыкновенно поучительно и для настоящаго времени.

Знакомство со всѣми сложными явленіями, наступившими послѣ кончины Ярослава Мудраго, и со множествомъ разнообразнѣйшихъ лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, выдвигаетъ передъ нами на первое мѣсто то огромнѣйшее значеніе, которое имѣла верховная власть во всѣхъ обстоятельствахъ жизни нашей Земли.

При этомъ мы ясно видѣли, что, вслѣдъ за раздѣленіемъ власти надъ ней, тотчасъ же неудержимо стало падать могущество нашей Родины, вовсе уничтоженное Татарскимъ нашествіемъ.

Причиной этого печальнаго явленія былъ, конечно, самый порядокъ владѣнія Землею, основанный на началахъ родового быта и возможный только при полномъ братолюбіи всѣхъ родичей между собой, что и завѣщалъ своимъ потомкамъ Ярославъ Мудрый, пророчески предсказывая, въ случаѣ нарушенія этого братолюбія, полную гибель имъ и Родной Землѣ.

Однако, несмотря на цѣлый рядъ выдающихся князей съ самыми высокими душевными качествами, братолюбіе и жизнь, посвященная служенію общему дѣлу, оказались подъ силу далеко не всѣмъ, почему предсказаніе Ярослава, къ несчастью для нашей Родины, и сбылось.

Можетъ быть, только благодаря мудрой и самоотверженной дѣятельности Александра Невскаго, Татары не уничтожили въ корнѣ существованія Руси и вовсе не залили кровью тотъ небольшой очагъ нашей жизни, который теплился въ Залѣсской Землѣ. Здѣсь, мудрые потомки Александра Невскаго, Московскіе князья, глубоко проникнулись сознаніемъ, поддерживаемымъ въ нихъ и нашими Святыми митрополитами, что для спасенія и возрожденія Родины имъ предстоитъ великая задача—собираніе Русской Земли подъ своей рукою.

При этомъ, убѣдившись въ невозможности осуществленія общаго братолюбія, во имя жизни со всѣми и для всѣхъ, завѣщаннаго Ярославомъ, что было бы, конечно, наилучшимъ основаніемъ для государственнаго устройства, если бы только люди были достаточно проникнуты Христовыми заповѣдями, первые Московскіе князья, по благословленію великаго святителя митрополита Петра и его достойныхъ преемниковъ, замѣнили это основаніе, въ силу необходимости, другимъ, а именно: что всѣ безъ исключенія Русскіе люди (князья, бояре и простой народъ) должны быть слугами единаго Государя, а Государь, въ свою очередь, есть первый слуга своего Отечества.

Вмѣстѣ съ этимъ новымъ руководящимъ основаніемъ для своей дѣятельности, всѣ лучшіе Московскіе князья, истинные собиратели нашей Земли, конечно, во всемъ старались слѣдовать примѣру своихъ великихъ предковъ Владиміра Мономаха и Александра Невскаго, то-есть быть ми-

лостивыми, кроткими, нищелюбивыми и праведными въ частной жизни, и проявлять при этомъ твердость алмаза во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ.

Достойно самаго большого вниманія то обстоятельство, что въ своей дѣятельности по собиранію Земли, Московскіе князья встрѣтили самое полное сочувствіе среди всѣхъ земскихъ людей, жаждавшихъ единой сильной Родины, обезпечивающей имъ внутренній миръ и защиту отъ внѣшнихъ враговъ подъ высокой рукою единаго Государя, всѣмъ своимъ подданнымъ въ отцовъ и праотца мѣсто поставленнаго.

Къ этимъ стремленіямъ Русскаго народа примкнула и лучшая часть боярства, которая стала собираться въ Москвѣ.

И вотъ, идя рука объ руку съ желаніемъ всѣхъ Русскихъ людей, горячо любящихъ свою Родину, внукъ Іоанна Калиты, перваго собирателя Москвы, Димитрій Іоанновичъ Донской, одерживаетъ уже блистательную побѣду надъ Татарами, устанавливаетъ новый порядокъ престолонаслѣдія, завѣщая великое княженіе прямо старшему сыну, а отъ остальныхъ князей беретъ клятвенное обязательство служить своему преемнику «честно и грозно».

Знакомство съ событіями Русской жизни послѣ Ярослава Мудраго достаточно освѣщаетъ намъ великое значеніе перемѣны въ престолонаслѣдіи и въ отношеніяхъ младшихъ князей къ великому князю, произведенныхъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ.

Вспомнимъ только, какой цѣной были пріобрѣтены эти перемѣны. Для этого потребовался безконечный рядъ усобицъ, шедшихъ на протяженіи слишкомъ трехсотъ лѣтъ, Татарское иго, потеря обоихъ морей—Балтійскаго и Чернаго, крушеніе Кіевской Руси, подпаденіе Западной подъ власть Литвы и Польши и, наконецъ, страшное напряженіе силъ, надолго истощившее Землю, чтобы одержать побѣду на Куликовомъ полѣ.

Все великое княженіе Димитрія Іоанновича было безпрерывной борьбой съ врагами, со всѣхъ сторонъ препятствовавшими Москвѣ образовать ядро будущаго величія Русской Земли.

Но, преждевременно сойдя въ могилу отъ непомѣрнаго напряженія своихъ силъ, Димитрій Іоанновичъ успѣлъ, однако, заложить прочныя основанія новаго порядка вещей для возстановленія былого величія нашей Родины.

Пусть Татары еще нѣкоторое время будутъ брать дань съ Русской Земли, пусть Шведы, Нѣмцы, Польша и Литва продолжаютъ свои усилія, чтобы отхватить возможно больше исконныхъ нашихъ владѣній, пусть поднимется даже на время и усобица между князьями,—сердца Русскихъ людей, послѣ славнаго великаго княженія Димитрія Іоанновича Донского, озарились уже твердой надеждой на возрожденіе нашей могучей Родины подъ сильной рукою Москвы, самое имя которой становится съ тѣхъ поръ роднымъ и близкимъ каждому Русскому человѣку.

Признавая выдающееся значеніе Москвы, ея мудрыхъ князей и блаженныхъ святителей въ дѣлѣ собиранія нашего Отечества подъ единой сильной властью, необходимо, конечно, помнить, что все это могло быть осуществлено только благодаря высокимъ душевнымъ качествамъ нашего

великаго народа. Застигнутый врасплохъ, среди общей розни и недоумѣнія, грознымъ Татарскимъ нашествіемъ, Русскій народъ, несмотря на весь ужасъ этого нашествія, съ честью выдержалъ страшное испытаніе и показалъ себя достойнымъ быть великимъ и свободнымъ.

Завѣтъ великаго Святослава глубоко запалъ въ сердца Русскихъ людей: они всегда крѣпко стояли противъ врага и предпочитали славную смерть позорному бѣгству.

Крѣпко держались Русскіе люди и завѣтовъ преподобнаго Ѳеодосія

426. Старая Москва.

Съ картины А. Васнецова, въ музеѣ Императора Александра III въ Петербургѣ.

Печерскаго и съ дерзновеніемъ шли на смерть за Святую Православную нашу вѣру.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видимъ, и въ своей частной, семейной жизни, каждый Русскій человѣкъ стремился, по мѣрѣ силъ, вести ее по завѣтамъ Отцовъ церкви, при чемъ изумительная стойкость и мужество нашихъ предковъ въ трудныя времена Татарщины находили, обыкновенно, большую поддержку въ преданности и любви ихъ домовитыхъ и глубоко благочестивыхъ женъ.

Эта крѣпкая вѣра въ Бога, одинаковая у всѣхъ Русскихъ людей, начиная отъ князя и кончая крестьяниномъ, конечно, сильно сближала всѣхъ между собой и сглаживала различія, происходившія отъ разности положенія и состоянія; вмѣстѣ съ тѣмъ она, въ связи съ бѣдствіями Оте-

чества, развила и присущее Русскому человѣку стремленіе къ подвигу. Пострадать за Вѣру Православную, за Государя и за Землю Русскую— слова, которыя и въ настоящее время находятъ откликъ въ сердцѣ каждаго изъ насъ.

Конечно, безотрадное состояніе, наступившее на Руси во время Татарскаго ига, еще болѣе усилило у всѣхъ сознаніе необходимости братской любви между собой во имя общаго дѣла.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Святой Сергій, именно подъ вліяніемъ этого чувства, основывая свою обитель, заложилъ въ ней храмъ во имя Живоначальной Троицы, олицетворяющей собой высшее единеніе во взаимной любви.

По той же причинѣ не прекращалось во время Татарскаго ига и сооруженіе обыденныхъ церквей трудами князей и поселянъ, богатыхъ и бѣдныхъ, здоровыхъ и калѣкъ, словомъ, всего Православнаго міра. Созданіе этихъ памятниковъ единодушія, возникавшихъ, какъ мы видѣли, въ теченіе одного дня, всегда сопровождалось необыкновеннымъ подъемомъ душевнаго настроенія. Даже въ Новгородѣ, на бурномъ вѣчѣ тотчасъ же водворялась величайшая тишина, когда дѣло касалось построенія обыденнаго храма, и вопросъ рѣшался безъ преній—единогласно и мгновенно. При этомъ, всѣ тотчасъ же предавались дружной, изумительно-усердной и быстрой работѣ, вызывавшей восторгъ и слезы умиленія у всѣхъ ея участниковъ.

Такимъ образомъ, самымъ могучимъ звеномъ, соединявшимъ Русскій народъ во единое цѣлое и не давшимъ ему погибнуть въ годины тягчайшихъ испытаній, была его глубокая вѣра въ Бога, а Православный нашъ храмъ, какъ бы малъ и бѣденъ онъ ни былъ, являлся тѣмъ крѣпкимъ оплотомъ, въ которомъ въ тяжелые дни скорби и отчаянія каждый Русскій человѣкъ получалъ сердечное утѣшеніе и черпалъ новыя силы для подвиговъ во имя любви къ Родинѣ.

427. Деревянные дискосъ и чаша Святого Сергія, на которыхъ совершалъ Таинства преподобный въ своемъ храмѣ во имя Живоначальной Троицы.

Хранятся въ ризницѣ Троицко-Сергіевской Лавры.

ИСТОЧНИКИ.

На Русскомъ языкѣ:

«Полное собраніе Русскихъ лѣтописей».

«Указатель къ первымъ восьми томамъ полнаго собранія Русскихъ лѣтописей». Отдѣлы I и II-й.

«Степенная книга Царскаго Родословія»—митрополита Макарія, изданная Герардомъ Миллеромъ въ 1775 году.

«Исторія Государства Россійскаго»—Н. М. Карамзина.

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ»—С. Соловьева.

«Исторія Россійская съ самыхъ древнихъ временъ»—В. Татищева. Изд. 1774 г.

«Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ»—князя М. Щербатова. Изд. 1794 г.

«Исторія Россіи»—Д. Иловайскаго.

«Первобытные обитатели Московской Промышленной области»—И. Е. Забѣлина.

«Первоначальная исторія Московской Промышленной Области»—Его-же.

«Суздальская Русь въ Татарской неволѣ»—Его-же.

«Первенство Москвы»—Его-же.

«Философія общаго дѣла»—Н. Ѳ. Ѳедорова.

«Курсъ Русской Исторіи»—В. Ключевскаго.

«Лекціи по Русской Исторіи»—С. Платонова.

«Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей»—Н. Костомарова.

«Сѣверно-Русскія народоправства»—Его-же.

«Русская Исторія съ древнѣйшихъ временъ»—Н. Павлова.

«Чтенія по исторіи Западной Россіи»—М. О. Кояловича.

«Русская Исторія»—К. Бестужева-Рюмина.

«Родная старина»—Сиповскаго.

Сборникъ—«Москва въ ея прошломъ и настоящемъ».

«Русская военная исторія»—князя Н. Голицына.

«Русская военная сила»—изд. В. Пирогова.

«Очеркъ военнаго искусства до Петра Великаго»—А. Г. Елчанинова.

«Памятники Московскихъ древностей, собранные И. Снегиревымъ»—Изданіе 1842—1845 года.

«Царственный лѣтописецъ»—рукопись.

«Большая Государственная книга 1672 года, или Корень Россійскихъ Государей, также Царскій Титулярникъ».

«Лебедевская рукопись»,—принадлежащая С.-Петербургской Публичной библіотекѣ.

«Радзивилловская лѣтопись», рукопись XV вѣка, принадлежащая Императорской Академіи Наукъ.

«Радзивилловская лѣтопись»,—изданная Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Русской письменности, со статьями академиковъ Н. П. Кондакова и А. А. Шахматова.

«Казанскій лѣтописецъ»—рукопись Императорской Академіи Наукъ.

«Сильвестровскій сборникъ»—рукопись XIV вѣка, заключающая въ себѣ лицевое Житіе Святыхъ Бориса и Глѣба.

«Лицевое рукописное Житіе Святого Алексія, написанное въ XVI вѣкѣ Пахоміемъ Логоѳетомъ».

«Житіе Святого Сергія Радонежскаго»—рукопись, принадлежащая Троицко-Сергіевской Лаврѣ.

«Житіе Святого Сергія Радонежскаго»—рукопись, принадлежащая Императорской Академіи Наукъ.

«Лицевое Житіе Святого Нифонта»—XVI вѣка, принадлежащее Императорскому Историческому Музею въ Москвѣ.

«Житіе благовѣрныя великія княгини Ефросиніи Суздальскія—списано инокомъ Григоріемъ». Изданіе Импер. Общ. Любит. Древн. Русской Письменности.

«Лицевое житіе Николая Чудотворца»—рукопись XVI вѣка, принадлежащая Румянцевскому музею въ Москвѣ.

«Житіе Святого Всеволода-Гавріила»—рукопись XVI вѣка, принадлежащая С.-Петербургской Духовной Академіи.

«Четьи-Минеи»—Святого Димитрія Ростовскаго.

«Житія Святыхъ, чтимыхъ Православной Церковью»—преосвященнаго Филарета.

«Исторія Русской Церкви»—Г. Голубинскаго.

«Исторія канонизаціи Святыхъ Русской Церкви»—Его-же.

«Преподобный Сергій, основатель Троицко-Сергіевской лавры»—Его-же.

«Древне-Русскія житія Святыхъ, какъ историческій памятникъ»—В. Ключевскаго.

«Святой благовѣрный великій князь Александръ Ярославовичъ Невскій»—М. Хитрово.

«Разсказы изъ исторіи Русской Церкви»—графа М. Толстого.

«Святой благовѣрный великій князь Андрей Боголюбскій»—В. Георгіевскаго.

«Археологическое описаніе церковныхъ древностей Новгорода и его окрестностей»—архіепископа Макарія.

«Храмъ-усыпальница Великаго Князя Сергія Александровича во имя Преподобнаго Сергія въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ»—М. П. Степанова.

«О научныхъ задачахъ исторіи древне-Русскаго искусства»—Н. П. Кондакова.

«Изображеніе Русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI вѣка»—Его-же.

«Русскія древности въ памятникахъ искусства»—И. Толстого и Н. Кондакова.

«Лицевой списокъ хожденія Даніила Паломника», —статья Веневитинова; изданіе Императ. Общ. Люб. Др. Русской Письменности.

«Древности Россійскаго Государства»—акад. Ѳ. Г. Солнцева.

«Ромове»—археологическое изслѣдованіе А. Ѳ. Мѣржинскаго.

«О значеніи христіанскаго подвижничества въ прошломъ и настоящемъ»—В. А. Кожевникова.

«Сѣверо-Русскія думы и впечатлѣнія»—Его-же.

«Матеріалы для исторіи Русскаго иконописанія»—Н. П. Лихачева.

«Древности Русскаго права»—В. Сергѣевича.

«Боярская дума древней Руси»—В. Ключевскаго.

«Княжое право въ древней Руси»—А. Прѣснякова.

«Феодализмъ въ древней Руси»—Н. Сильванскаго.

«Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи»—П. Семенова.

«Словарь географическій Россійскаго государства», собранный Аѳанасіемъ Щекатовымъ.

«Учебный атласъ Русской исторіи»—М. Замысловскаго.

«Учебный атласъ Русской Исторіи»—барона Торнау.

«Исторія Государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей»—В. П. Верещагина.

«Россія и ея моря»—А. Риттиха и А. Бубнова.

«Русскій богатырскій эпосъ»—Ѳ. Буслаева.

«Книга былинъ»—В. П. Авенаріуса.

«Исторія Русской словесности»—П. Полевого.

«Слово о полку Игоревѣ»—въ переложеніи Русскихъ поэтовъ Мея, Майкова, Гербеля и Козлова.

«Альбомъ въ память 300 лѣтія Нижегородскаго ополченія»—Изд. В. И. Брѣева.

«Тронъ или Царское мѣсто Грознаго въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ»—проф. Щепкина.

«Великокняжеская и Царская охота на Руси»—Н. Кутепова.

«Политика, какъ наука»—А. Стронина.

«Національнзмъ и національное воспитаніе»—П. И. Ковалевскаго.

«Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи включительно»—проф. М. К. Любавскаго.

«Описаніе путешествія въ Московію»—Адама Олеарія.

«Исторія Монгаловъ»—Іоанна де Плано Карпини.

«Исторія человѣчества»—Гельмольта.

«Исторія Византіи»—Г. Ф. Герцберга.

«Польско-Литовскія древности»—Гольдштейна.

«Георгіевскій соборъ въ Юрьевѣ Польскомъ»—К. К. Романова.

«Городъ Владиміръ на Клязьмѣ и его достопримѣчательности»—В. Т. Георгіевскаго.

«Памятники древне-Русскаго искусства»—Изданіе Императорской Академіи Художествъ.

«Святыни и древности Пскова и Новгорода»—М. Толстого.

«Древне-Русскіе кресты»—Шляпкина.

«Всемірная исторія»—Шлоссера.

«Всеобщая исторія»—А. Іегера.

«Русская исторія въ картинахъ или Живописный Карамзинъ»—изданіе А. Прево.

«Исторія Русскаго искусства»—Игоря Грабаря.

На Польскомъ языкѣ:

«Польскій гербовникъ или Гнѣздо Добродѣтелей»—Папроцкаго, изд. 1550 г.

«Войны и военное устройство Польши»—Т. Корзона.

«Атласъ рисунковъ Западной Руси и Галиціи»—Наполеона Орды.

На Чешскомъ языкѣ:

«Чешская хроника XVI вѣка, приписываемая Пухту».

На Латинскомъ языкѣ:

«Изображенія святѣйшихъ папъ»—изданіе XVIII вѣка.

«Описаніе Европейской Сарматіи»—А. Гваньини, изд. 1581 г.

«Космографія Себастіана Мюнстера»—изд. 1550 года.

«Житіе Святой Ядвиги Силезской»—рукопись XIV вѣка, хранящаяся въ г. Острово въ Австріи.

На Французскомъ языкѣ:

«Исторія крестовыхъ походовъ»—Мишо.
«Живописный Кавказъ»—князя Гагарина.
«Исторія Польши»—Іоахима Лелевеля.

На Нѣмецкомъ языкѣ:

«Космографія Себастіана Мюнстера»—изд. 1550 и 1572 г.г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ 1

Раздѣленіе власти на Руси при сыновьяхъ Ярослава Мудраго. Причина этого раздѣленія. Княженіе въ Кіевѣ Изяслава. Начало усобицъ. Половцы. Первое изгнаніе Изяслава изъ Кіева. Побѣда Святослава надъ Половцами при р. Сновѣ. Первое возвращеніе Изяслава. Его вторичное изгнаніе. Святославъ. Вторичное возвращеніе Изяслава. Битва на Нѣжатиной нивѣ. Княженіе въ Кіевѣ Всеволода и его кончина. Святые Іоаннъ, Исаія и Авраамій.

ГЛАВА ВТОРАЯ. 30

Владиміръ Мономахъ. Его «Поученіе». Великій князь Святополкъ Изяславовичъ. Сраженіе у Треполя. Олегъ Святославовичъ и Половцы. Мстиславъ Владиміровичъ и его великодушный походъ противъ крестнаго отца. Любечскій съѣздъ. Ослѣпленіе Василька. Витичевскій съѣздъ. Начало своеволія Новгородцевъ. Долобскій съѣздъ и походы противъ Половцевъ. Мономахъ на Кіевскомъ столѣ. Святой Антоній Римлянинъ. Послѣдніе годы Мономаха.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 80

Ближайшіе преемники Владиміра Мономаха. Раздоры среди Мономаховичей. Борьба съ ними Ольговичей. Новгородъ; порядки, установившіеся въ немъ подъ вліяніемъ княжескихъ усобицъ. Всеволодъ Ольговичъ въ Кіевѣ. Игорь Ольговичъ и Изяславъ Мстиславовичъ. Юрій Долгорукій и Суздальскій край. Сраженіе на рѣкѣ Рутѣ. Клятвопреступленіе Владимірка. Вячеславъ въ Кіевѣ. Смерть Юрія Долгорукого.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 136

Положеніе дѣлъ въ Русской Землѣ послѣ смерти Юрія Долгорукого. Андрей Юрьевичъ и икона Владимірской Божіей Матери. Борьба Изяслава Давидовича съ Мстиславомъ Изяславовичемъ. Ростиславъ Мстиславовичъ на старшемъ столѣ. Войска Андрея Боголюбскаго берутъ Кіевъ. Славное чудо Знаменія Божіей Матери въ Новгородѣ. Геройская защита Вышгорода Мстиславомъ Храбрымъ. Мученическая кончина Андрея Боголюбскаго. Смута въ Суздальской Землѣ. Всеволодъ Юрьевичъ. «Слово о полку Игоревѣ». Галицкія дѣла. Свадьба маленькой Вер-

хуславы. Кончина «сестричича». Романъ и Рюрикъ. Событія въ Галичѣ послѣ смерти Романа. Мстиславъ Удалой и его неожиданная помощь Новгороду. Первый Земскій Соборъ 1211 года. Кончина Всеволода Большое Гнѣздо.

ГЛАВА ПЯТАЯ 222

Усобица въ Суздальской Землѣ. Мстиславъ Удалой въ Новгородѣ. Даніилъ Романовичъ совершаетъ безпримѣрный по трудности походъ. Ярославъ и Новгородцы. Липецкая битва. Плѣненіе Коломана и Филиппрегордаго. Захватъ Нѣмцами Балтійскаго побережья. Положеніе дѣлъ въ Русской Землѣ передъ нашествіемъ Татаръ. Состояніе сосѣднихъ государствъ. Внутренняя жизнь. Богатыри. Новгородскія былины. Церковь. Подвижники. Обыденные храмы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ 262

Монголы. Чингизъ-Ханъ. Битва на рѣкѣ Калкѣ. Жизнь въ Русской Землѣ послѣ Калкскаго побоища. Нашествіе Батыя. Александръ Невскій. Его славныя побѣды и великіе труды на пользу Родины. Мученическая кончина князя Михаила Черниговскаго. Даніилъ Романовичъ и Татары. Миндовгъ Литовскій.

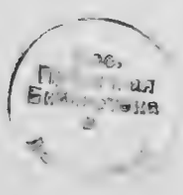
ГЛАВА СЕДЬМАЯ 348

Русская Земля при братьяхъ и сыновьяхъ Александра Невскаго. Удѣльный порядокъ. Святой Довмонтъ-Тимоѳей. Раковорская битва. Церковный соборъ 1274 года. Первые Московскіе князья. Борьба Москвы съ Тверью. Святой Петръ. Іоаннъ Калита. Гедиминъ. Симеонъ Гордый. Подвиги Сергія Радонежскаго. Іоаннъ Добрый. Начало княженія Димитрія Іоанновича. Ольгердъ и Кейстутъ. Поѣздка Димитрія въ Орду. Олегъ Рязанскій. Мамай. Общій походъ противъ Татаръ. Куликовская битва. Нашествіе Тохтамыша. Ушкуйники. Завѣщаніе Димитрія Донского и его кончина. Ягайло и Ядвига. Чудесное посѣщеніе Божіей Матерью Святого Сергія Радонежскаго. Его ученики. Состояніе Русской Земли ко времени кончины Димитрія Донского.

Источники.

Родословная таблица.

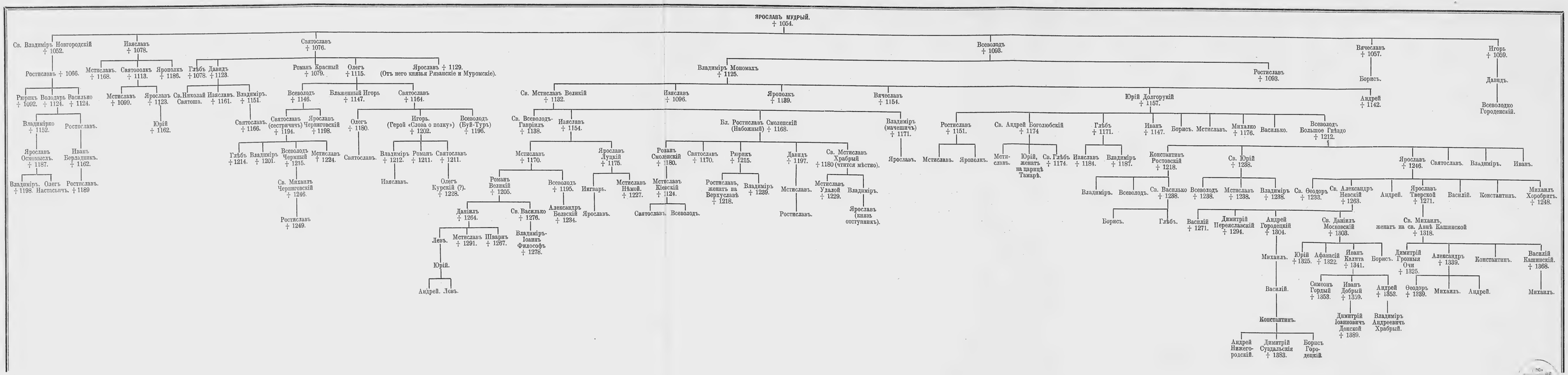
Карта Земли Русской въ XI—XIV вѣкѣ.



Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ быть.*
48	8	сталъ	столъ
53	42	выпустить	выпустилъ
168	8	свой	своей
234	23	чувствовалъ	чувствовать
265	3	тьмою.	тьмою;
366	1	силой,	силой.
368	15	Пса-	Псал-
378	6	*Феогноста*	*Феогнаста*
»	8	*Феогностъ*	*Феогнастъ*
387	30	*Гедемина.*	*Гедимина.*
388	22	Гедемину	Гедимину

Родословная потомковъ Ярослава Мудраго.



КАРТА
ЗЕМЛИ РУССКОЙ
съ половины XI до конца XIV вѣка.
Масштабъ
0 25 50 75 100 200 верстъ
Примѣчаніе. Карта составлена согласно Географическаго указателя къ первымъ восьми томамъ Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей.
Знакъ вопроса (?) поставленъ у всѣхъ надписей тѣхъ мѣстныхъ предметовъ, которые нанесены приблизительно.
Море Варяжское или Балтійское
Финскій заливъ
О. Готландъ
Або
Тавастгусъ
Ямь
Корела
Финляндія
Выборгъ
Оз. Ладожское
Оз. Онежское
Великій Устюгъ
Ладога
Орѣшекъ
Копорье
Ижора
Водь
Колывань (Ревель)
Раковоръ (Везенбергъ)
Чудь
Эсты
Оз. Чудское
Новгородъ
Хутынскій мон.
Бронницы
Оз. Ильмень
Юрьевъ (Дерптъ)
Медвѣжья голова (Оденпе)
Оз. Псковское
Псковъ
Изборскъ
Ливы
Куры
Рига
Гольмъ
Укскуль
Даленъ (?)
Кукейносъ
Герсикъ
Летты
Земигола или Жмудь
Вл. Ливонскаго Ордена
Новгородская
Старая Руса
Ржева
Оз. Селигеръ
Торопецъ
Великіе Луки
Бѣлоозеро
Оз. Кубенское
Вологда
Весь
Меря
Галичъ
Кострома
Ярославль
Углечъ
Бѣжецкъ
Кашинъ
Торжокъ
Тверь
Ростовъ
Жданова
Переяславль Залѣсскій
Липица
Суздаль
Боголюбово
Дмитровъ
Ржевка
Микулинъ
Зубцовъ
Волокъ Ламскій
Владиміръ
Судогда
Москва
Владиміро-Суздальская или Ростовская
Городецъ (Радиловъ)
Нижній Новгородъ
Гороховецъ
Вятская Земля
Хлыновъ (Вятка)
Бряхимовъ (?)
Болгары Волжскіе и Камскіе
Ошелъ (Казань)
Болгаръ (Великій городъ)
Мордва
Муромъ
Мурома
Мещера
Ижеславецъ
Рязань
Пронскъ
Муромо-Рязанская
Зарайскъ
Коломна
Лопасня
Серпуховъ
Можайскъ
Вязьма
Смоленская
Смоленскъ
Полоцкъ
Полоцкая
Витебскъ
Друцкъ
Заруба (?)
Минскъ
Мстиславль
Голяды
Перемышль
Тула
Козельскъ
Одоевъ
Брынскіе лѣса или страна Вятичей
Мценскъ
Брянскъ
Карачевъ
Кромы
Елецъ
Воронежъ
Вилькомиръ
Ковно
Вильна
Троки
Литва
Городно
Новгородокъ
Ятвяги
Вл. Тевтонскаго Ордена
Пруссы
Польша
Калишъ
Краковъ
Венгрія
Карпатскія горы
Бугская Украйна
Волынь
Брестъ
Дрогичинъ
Пинскъ
Туровъ
Слуцкъ
Туровская
Чарторыйскъ
Овручъ
Люблинъ
Холмъ
Всеволожъ
Завихостъ
Сандоміръ
Владиміръ Волынскій
Шеполь
Червенъ
Луцкъ
Червенскіе города
Бельзъ
Пересопница
Дубенъ
Дорогобужъ
Острогъ
Шумскъ
Изяславль
Бужскъ
Ярославль
Перемышль
Львовъ
Звенигородъ
Кременецъ
Санокъ
Теребовль
Галичъ
Галицкая
Коломыя
Каменецъ
Ушица
Кіевская
Вздвиженскъ
Вышгородъ
Бѣлгородъ
Кіевъ
Василевъ
Треполь
Витичевъ
Зарубъ
Каневъ
Корсунь
Торческъ
Ладыжинъ
Торки и Берендѣи
(Черные Клобуки)
Черный лѣсъ
Брагинъ
Любечъ
Черниговъ
Черниговская
Моравійскъ
Стародубъ
Трубчевскъ
Новгородъ-Сѣверская
Новгородъ Сѣверскій
Посемье
Глуховъ
Рыльскъ
Курскъ
Путивль
Всеволожъ
Городецъ Остерскій
Долобскъ
Роменъ (Римъ)
Новгородъ Святополчскій
Пирятинъ
Лубно
Переяславль
Переяславская
Желны
Половцы
Понизье
Берладъ
Болгары Дунайскіе
Олешье
Море Сурожское или Азовское
Корчевъ
Тмутаракань
Кафа
Бродники
Сугровъ (?)
Золотая Орда
Сарай
Астрахань
Черт. Никитинъ.

Гос.
Публичная
Библиотека

Русский фонд
136
455-2